
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Э. М. Загорульский

АРХЕОЛОГИЯ

Рекомендовано

*Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию в качестве пособия
для студентов учреждений высшего образования,
обучающихся по специальностям 1-21 03 01 «История
(по направлениям)», 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана
историко-культурного наследия (по направлениям)»,
1-23 01 13 «Историко-архивоведение»*

МИНСК
БГУ
2020

УДК 903/904(075.8)
ББК 63.44я73-1
3-14

Рецензенты:
кандидат исторических наук, доцент *А. В. Любый*;
доктор исторических наук, профессор *О. Н. Левко*

3-14   **Загорульский, Э. М.**
Археология : пособие / Э. М. Загорульский. — Минск : БГУ, 2020. — 343 с. : ил.
ISBN 978-985-566-823-8.

Дается реконструкция исторического прошлого от появления человека до Средневековья, прослеживается становление и развитие хозяйства от первобытного собирательства до утверждения производящих форм, характеризуются многочисленные археологические культуры и их носители.

Подробно проанализировано социальное развитие от первичных племен до средневековых народностей, приведена этническая характеристика носителей основных археологических культур Европы. Особое внимание уделено истории славян, их происхождению, расселению и возникновению у них государственности.

УДК 903/904(075.8)
ББК 63.44я73-1

ISBN 978-985-566-823-8

© Загорульский Э. М., 2020
© БГУ, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пособие включает материал по авторскому курсу «Археология», который преподавался на историческом факультете Белорусского государственного университета на протяжении 50 лет. Он совершенствовался, дополнялся сведениями, основанными на новых археологических открытиях, а также современными историческими концепциями. Автор использовал результаты собственных полевых исследований, а также личные разработки и наблюдения по ряду археологических проблем.

Первая часть издания посвящена основам археологии («Общая археология») (в отличие от первой части советских учебников дополнена европейским материалом, с которым в большей степени связана археология Беларуси); вторая часть — «Археология Беларуси» — отражает современный уровень исследования археологических памятников, культур и эпох.

Изучение предмета как обязательной дисциплины для студентов исторических факультетов страны может осуществляться двумя путями: в одном семестре (обычно в первом) преподается общая археология, во втором — археология Беларуси. (Можно, однако, не делить предмет на две части, а темы по археологии Беларуси включить в общий курс и рассматривать в его соответствующих разделах.) В таком случае в первом семестре будет изучаться начальная часть курса (в конце проводится зачет), во втором — следующая часть (сдается экзамен). Выбор остается за преподавателем и кафедрой учебного учреждения.

Археология — сложный предмет: быстро растет объем артефактов, постоянно предлагаются новые исторические концепции, что затрудняет проведение селекции материала. Автору неизбежно приходилось ограничиваться при отборе фактов, особенно в области мировой археологической науки для раздела «Общая археология», потому он посчитал возможным на данном этапе отдать предпочтение регионам, что территориально и по историческим судьбам стоят ближе к нашей стране.

Действующие сегодня учебники по археологии были написаны на основе археологических материалов, добытых на территории СССР. Только на их основе считалось возможным разработать полный курс археологии со всеми ее эпохами. Однако без внимания остались памятники зарубежной археологии, на базе которых создавалась сама наука археология, ее терминологический аппарат, названия многих археологических эпох и культур. Авторы учебников стремились охватить все регионы обширной страны. При таком подходе некоторые области не получили должного освещения. Это касается и территории Беларуси. В учебной литературе археология Беларуси была представлена крайне слабо, отсутствие в них материалов по зарубежной археологии затрудняло понимание многих проблем, непосредственно связанных с древней историей Беларуси. Чтобы компенсировать этот недостаток, в учебный план исторических факультетов республики был введен особый курс — «Археология Беларуси». Изданное автором в 1965 г. учебное пособие «Археология Белоруссии» нуждается в дополнении новыми материалами и уточнении некоторых положений.

Возникновение независимой Беларуси настоятельно требует разработки новой учебной литературы, где были бы учтены и использованы археологические памятники не только СССР, но и Европы, поскольку, как свидетельствуют эти памятники, исторические судьбы населения Беларуси были связаны и с данным регионом. Это касается, в частности, истории славянского населения Беларуси.

В предлагаемом пособии значительное внимание уделяется вопросам этнической истории, для чего привлекаются и данные других наук. В издании показана роль миграций и этнокультурных контактов в этногенезе различных народов, отмечены наиболее известные культуры и памятники, оказавшие заметное влияние на древнюю культуру Беларуси, определено место археологии Беларуси в общем культурном развитии Европы.

Книга включает список рекомендованной литературы, который поможет студенту более углубленно изучить археологию, найти ответы на возникшие вопросы.

Знакомство с научной и популярной литературой по археологии, а также возможности интернета позволят обучающимся значительно расширить базу источников и помогут овладеть основами этой новой для студента науки.

Автор желает успеха в изучении одной из интереснейших исторических дисциплин.

Часть 1

ОБЩАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Раздел I

ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ

1. Предмет археологии.

Виды археологических памятников

Утром 24 августа 79 г. н. э. в районе Везувия светило яркое солнце, ничто не предвещало беды. Однако ближе к полудню раздался оглушительный грохот, задрожала земля. В небо над горой поднялся огромный черный столб пепла, принявший форму кедрового дерева. По склону горы начала спускаться, уничтожая все на своем пути, раскаленная лава. Вулканическая пыль заслонила солнце. С неба посыпались камни, шлаки, многокилограммовые куски пемзы. Неизвестно откуда потекла вода: то ли с неба, то ли из-под земли. Птицы падали замертво, животные забились в норы. В ожидании конца извержения вулкана люди попрятались в домах, но ситуация ухудшалась с каждой минутой. Лава достигла небольшого римского города, расположенного у подножия Везувия, растеклась по его улицам, проникла и заполнила дома. В течение дня город вместе с его жителями оказался погребенным под лавой, превратившейся в каменный покров толщиной 20 м. Город Геркуланум – город Геракла, заживо погребенный в каменном саркофаге, перестал существовать.

Иначе сложилась судьба г. Помпеи, расположенного недалеко от Геркуланума. Туда не дотекла лава, но на него обрушилась лавина камней и перемешанного с водой вулканического пепла, образовавших плотную массу. Она, подобно лаве, стала заполнять город с его строениями, проникая в них через двери и окна. Никто не ожидал такой катастрофы, так как изначально появился только вулканический пепел, который можно было стряхнуть, и люди надеялись переждать извержение в помещениях, но вскоре в дома стал проникать ядовитый серный газ, от которого не могла защитить ткань, приложенная ко рту. Чтобы глотнуть свежего воздуха, люди выбегали во двор, но уже было поздно: камни и вулканическая пыль падали на землю непрерывно. Рассказывая о катастрофе, римские источники отмечали, что камни и пепел долетали до Сирии и Северной Африки. Люди были обречены на мучительную смерть. Через 24 часа вулкан успокоился, выглянуло солнце, но ни людей, ни г. Помпеи, засыпанного вулканическими выбросами, уже не было.

Прошло 17 столетий. В 1738 г. дочь саксонского курфюрста Мария Амалия Христина была отдана в жены королю обеих Сицилий Карлу V и переехала в столицу государства – Неаполь. Как отмечают источники, юная королева была хорошо образована, увлекалась искусством и, судя по всему, обладала живым умом и любознательностью, хотя тогда ей

было 14 лет. Осматривая королевские дворцы и парки, она была поражена красотой скульптур, а узнав, что они недавно найдены у Везувия, когда после небольшого извержения от него отвалилась часть склона, попросила супруга попытаться найти еще.

Король поручил начальнику технических отрядов выполнить просьбу жены. Тот предоставил людей, инструмент и порох для подрыва скалы, прикрывавшей место, где ранее были найдены скульптуры. Рабочие прорыли глубокий колодец и, используя взрывчатку, увеличили площадь поисков. Наконец кирка ударилась о металл. Извлекли три крупных фрагмента бронзового коня. Наибольшей удачей была находка плиты с надписью, что некий Форос на собственные средства построил для жителей Геркуланума театр. На его сцене и обнаружили скульптуры, выставленные во дворце короля. Когда-то мраморные римляне в тогах украшали наружную стену театра, что была повалена лавой, а скульптуры, как немые актеры, заняли место на сцене. Надпись на плите указывала, что именно здесь находился Геркуланум. Затем последовали и другие великолепные находки. Вести раскопки под каменной толщей застывшей лавы было технически крайне сложно.

Новую страницу в изучении древнеримской истории открыли Помпеи. После обнаружения их местонахождения выяснилось, что город был погребен под плотно слежавшимся вулканическим пеплом, который легко поддавался раскопкам. Именно раскопки Помпеев сыграли важнейшую роль в становлении археологической науки. Они позволили в деталях восстановить трагическую картину тех событий и предоставили невиданный ранее материал. Об открытиях в Помпеях и Геркулануме стало известно во всем мире, что вызвало колоссальный интерес к археологическим древностям.

Раскопки Помпеев подтвердили сообщения римских авторов о трагедии 79 г. и позволили увидеть и ощутить ее. По мере того как улицы и дома очищали от вулканического пепла, шаг за шагом открывалась история гибели двух римских городов.

Узкие улицы выкладывались камнем, имели возвышающиеся над мостовой тротуары и уличные переходы, на которых были уложены плоские камни, также приподнятые, чтобы переходить грязные мостовые и не запачкать обувь. Нередко по ним потоком текла мусорная жижа.

Стало возможным зайти в расчищенные каменные жилища. Стены некоторых богатых построек украшали великолепные цветные фрески. Вызывают восхищение портреты древних римлян. В Геркулануме превосходно сохранился настенный портрет красивой женщины с необыкновенно выразительными глазами.

Везде обнаруживались трупы. Вскоре после начала раскопок на улице был открыт скелет мужчины, из кулака которого выкатилось несколько золотых и серебряных монет.

Позже выявили останки еще трех человек: мужчины, женщины и их 14-летней дочери, которых смерть также настигла на улице. Мужчина лежал на спине. Отложившийся на нем вулканический пепел создал своего рода литейную форму. Когда образовавшаяся от истлевшего тела пустота была заполнена гипсом, получилась жуткая скульптура-слепок погибшего римлянина.

Приобретая опыт раскопок и совершенствуя методику, ученые не раз обнаруживали пустоты в вулканической массе от истлевших тел. Сделав отливку в одной из таких «форм», они получили гипсовую группу в натуральную величину: мать, прикрывающую своим телом двух малолетних детей.

В одном доме отмечались поминки. Собралось около двадцати человек. Все они погибли.

В комнате другого дома нашли два скелета. Один принадлежал женщине, другой — собаке. Собачий скелет сохранился в анатомическом порядке, а женские кости были разбросаны по комнате. Возможно, взбесившаяся от ужаса и голода собака растерзала свою хозяйку и какое-то время питалась ее телом.

В печи еще одного дома запекались два поросенка, в печи другого — хлеб. Они так и остались не съеденными.

Трагический парадокс: погибшие при чрезвычайных обстоятельствах древние города или отдельные постройки доставляют радость археологам, рассматривающим подобные находки как несказанную удачу. Именно после таких драматических событий остается особенно много предметов для исследователей. Да и обычные люди с большим интересом воспринимают информацию об открытиях подобного рода. Великий немецкий поэт Гёте записал в своем дневнике, что не может припомнить ничего более интересного из того, с чем бы ему приходилось сталкиваться.

Сообщения о находках в Помпеях действительно будоражили мысли. При дворце короля в Неаполе появился уникальный музей предметов, найденных при раскопках Геркуланума и Помпеев. Малообразованный король понимал, однако, ценность предметов, обладателем которых он стал. Ни один властитель не располагал такой коллекцией сокровищ. Посетителям было запрещено делать зарисовки и копии, но подделки древних предметов все же стали появляться на рынке. Вельможи и меценаты также смогли осознать ценность и привлекательность подобных вещей. Некоторые создавали собственные музеи. Античными вещами стали торговать.

Однако как определить их истинную историческую, научную ценность? С точки зрения науки археологические вещи бесценны, но на практике все продается и покупается. Конечно, сами раскопки часто оказываются весьма дорогостоящими, иногда многолетними: привлекаются ученые, художники, фотографы, землекопы, используются различные механизмы. Затраты можно вложить в цену находок. Торговля древними вещами стала выгодным бизнесом. Появились потребители и торговцы (антиквары), которые начали собирать, оценивать и перепродавать подобные предметы. Соответственно, необходимо было научиться определять уникальность и ценность изделий не только коммерческую, но и историческую. Вместе с коллекционерами и антикварами появляются специалисты, ученые, искусствоведы, для которых открылся новый мир науки, возможность несопоставимо расширить горизонт истории, познать то, что ранее казалось невозможным из-за ограниченности имеющихся источников. Люди осознали, что вещи способны многое рассказать о тех, кто их создавал, ими пользовался, об эпохе. Из начального коллекционирования и собирательства постепенно формировалась новая историческая наука — археология, предметом и целями которой стали добывание посредством специальных раскопок предметов материальной деятельности людей, изучение добытых артефактов и реконструкция на их основе исторического прошлого. Последнее особенно важно, так как именно это позволило выделить археологию в самостоятельную историческую дисциплину. Можно сказать, что археология представляет одну из самых молодых гуманитарных наук, поскольку потребовался довольно продолжительный период предварительного накопления достаточного количества археологических находок. Именно достаточность и репрезентативность фактов делают возможным предлагать научно обоснованные исторические выводы. К рубежу XIX—XX вв. археология, как никакая другая гуманитарная дисциплина, стала быстро увеличивать базу источников. Подсчитано, что количество археологических артефактов удваивается каждые 20 лет, т. е. их число растет в геометрической прогрессии.

Для археологии стали доступны все периоды человеческой истории, поскольку каждый из них оставил предметы деятельности людей. Подобно тому, как изобретение телескопа позволило человеку заглянуть в далекий мир звезд, так и археология, по выражению британско-австралийского археолога Г. Чайлда, существенно раздвинула пространственный горизонт истории. Еще два столетия назад историки отсчитывали историю человечества от вычисленной теологами даты сотворения мира — 5508 г. до н. э. Сейчас благодаря археологическим открытиям, мы знаем, что наша история исчисляется миллионами лет.

Долгое время многие народы назывались неисторическими, потому что не имели письменности и не могли оставить рукописных свидетельств о своем существовании. Археология же сделала все народы мира историческими. Их история может изучаться по вещественным источникам, предметам материальной культуры, которые не имеют ни территориальных, ни хронологических, ни этнических ограничений. В этом заключается особая научная и нравственная ценность археологии.

Не только раскопкам Помпеев археология обязана своим возникновением. Древние предметы находили везде, где когда-либо жили и творили люди. Возможности находок в изучении исторического прошлого стали особенно очевидны к рубежу XIX–XX вв., когда уже накопился внушительный объем вещевого материала, а также открыто множество древних поселений и погребений. Археология как наука состоялась.

Археология смогла заглянуть в корень истории человечества. Находки первых древнейших орудий позволили установить начало рождения человечества. Умение изготавливать орудия труда, сознательно изменять естественную форму материала — критерии, что отличают человека от его обезьяноподобных предшественников, поскольку еще ни одна обезьянья лапа не создала даже самого примитивного инструмента.

То, чем занимается археология, принято называть археологическими памятниками, вещественными историческими источниками, артефактами.

Археологических памятников много, и они чрезвычайно разнообразны. Все они результат человеческой деятельности, их многообразие объясняется разнородностью людской деятельности, их активностью. Другими словами, все, что когда-либо было сделано человеком, составляет археологический памятник.

Огромное количество памятников нуждается в систематизации, упорядочении, разделении по видам, типам и пр. Без этого не может быть науки. Попытаемся выделить наиболее крупные группы археологических памятников.

Один из важнейших археологических памятников — остатки древних поселений, где люди проводили большую часть жизни: трудились, возводили жилища и хозяйственные сооружения, проводили досуг, реализовывали свои интересы и увлечения. Потому изучение поселений, их раскопки, дают наибольшее количество находок и максимально полно раскрывают быт проживавших на них людей.

Поселения принято делить на две обширные группы: укрепленные и неукрепленные. Самые древние из них не имели искусственных укреплений. Их еще называют открытыми поселениями. К ним, например, относятся стоянки первобытных людей. Они различались между собой по эпохам, размерам, характеру застройки, числу проживавших.

Кроме стоянок, к неукрепленным поселениям также принадлежат селища. В отличие от стоянок они более молодые и сосуществуют с появившимися укрепленными поселениями. С этого времени открытые или неукрепленные поселения уже не называются стоянками. Типичными селищами являются, например, остатки древнерусских деревень.

Вторую группу составляют укрепленные поселения — городища. Чаще всего этим термином обозначают укрепленные поселения первобытно-общинной эпохи. Городища

появляются на определенной ступени развития первобытного общества: когда стало возможным накапливать какие-либо результаты трудовой деятельности (продукты земледелия, скот). Давно известно, что самый легкий способ обогащения — грабежи. Чтобы защитить имущество от непрошенных гостей, люди стали укреплять поселения. Они окружали их земляными валами и рвами. Для городищ обычно выбирались места, естественно укрепленные обрывом или оврагами, часто при впадении одной реки в другую. Образованный при этом мыс дополнительно укрепляли с открытой стороны. Такие городища называются мысовыми и являются наиболее распространенным типом укрепленных поселений в древности. Однако со временем такая система укреплений стала недостаточной, и люди дополнительно окружали поселок валом и рвом по всему периметру площадки городища или даже несколькими кольцами валов и рвов (рис. 1.1).

Вал насыпали иногда даже на крутом склоне горы, где располагалось поселение.

Задача археолога при проведении исследования поселения состоит не только в том, чтобы раскопать его, но и реконструировать его первоначальный вид.

Кроме городищ, к укрепленным поселениям относятся и более сложные памятники: города, военные крепости, владельческие замки.

На рис. 1.2 показана сфотографированная с самолета раскопанная часть Помпеев. Это все, что осталось от города после извержения вулкана в 79 г. Перед нами будто бы современный город с улицами и кварталами, а ведь ему без малого две тысячи лет.

Естественно, поселения застраивались жилыми и хозяйственными постройками, которые сами по себе рассматриваются как особый тип археологических памятников. В чем их научный, археологический и исторический интерес?

Отметим, что археолога интересует все: назначение постройки, ее план, размеры, конструкция, строительный материал, техника. Особый исторический интерес к этому типу памятника состоит в том, что по постройке можно определить, кем был ее владелец, чем он занимался, какое занимал место в обществе. Одно дело, когда перед нами шалаш или простое деревенское жилище из единственного помещения, и другое — когда это замок или дворец. Информация такого рода чрезвычайно важна, так как дает исследователям возможность определить структуру общества, уровень его развития, а также уловить момент начала его социального расслоения.

Даже в одной достаточно древней археологической эпохе постройки отличались большим разнообразием. Многие зависели от окружающей среды и строительного материала. Трудно поверить, но на рис. 1.3 — остатки неолитической постройки, открытой на Оркнейских островах (Шотландия).

Рис. 1.1. Мэйдэн-Касл — городище железного века (Англия)

Рис. 1.2. Развалины Помпеев

На заднем плане изображения видно нечто напоминающее каменный стол или комод. Слева от него – отгороженное каменными плитами место для сна. В жилище и непосредственно в самом «ложе» была обнаружена масса костей животных.

Обычно археологи имеют дело только с сохранившимися в земле остатками нижних частей построек, нередко там оказавшихся еще во времена их функционирования в результате нарастания культурного слоя.

Например, существуют остатки жилищ, выявленных при раскопках одного очень интересного городища в д. Малышки, что недалеко от Минска. Хорошо сохранились остатки прямоугольных домов. Когда-то они возводились из бревен, а щели между бревнами замазывались глиной. Все постройки уничтожил пожар. Дерево сторело, а глиняная обмазка, прожженная огнем, рухнула вместе со стенами, точно очертив контуры строений. Благодаря этому легко выявляется план застройки городища. Сделанный по планам макет его части экспонируется в Национальном историческом музее Республики Беларусь в Минске.

Рис. 1.3. Остатки неолитического жилища в Скара-Брей (Оркнейские острова)

Легко обнаруживаются остатки жилищ в некоторых городах Древней Руси, где культурный слой хорошо сохраняет дерево.

Потрясающее впечатление оставляет интерьер одного из домов Помпеев. В нем хорошо сохранилась богатая мраморная мебель, на стенах — надписи, некоторые морального содержания. Одна, например, гласит: «Если ты не можешь удержаться от споров, то лучше не приходи».

На другой читаем: «Не смотри страстными глазами на чужую жену». Археологи назвали его — «Дом моралиста» (рис. 1.4).

Следующую группу важнейших археологических памятников составляют остатки древних погребений. Их раскопки очень интересны и обычно не столь дорого обходятся, почему археологи охотно ими занимаются. Некоторые называют археологов «гробокопатели».

Но дело не в одном лишь интересе. При изучении погребений археологи получают не только великолепный вещевой материал, но и материал, позволяющий решать сложные исторические задачи.

С давних пор люди считали, что жизнь человека не прекращается с его физической смертью, а продолжается в ином мире. Потому вместе с умершим в могилу часто помещали предметы, которые, как представлялось, могли понадобиться усопшему. Иногда таких предметов было очень много. И если при раскопках поселений археолог в основном находит поломанные, пришедшие в негодность предметы, то погребения нередко дают совершенно неповрежденные, а иногда и специально изготовленные для покойника вещи, которые, естественно, легче изучать и экспонировать в музеях.

Разнообразны и погребальные сооружения: от простых ямок до грандиозных пирамид фараонов.

Известно, что разные народы не только исповедуют разную веру, но и используют разные погребальные обряды. Такое многообразие особенно характерно для отдаленных исторических времен, до появления современных мировых религий.

Рис. 1.4. «Дом моралиста» (Помпеи)

Рис. 1.5. Курган

По устройству могил принято выделять погребальные объекты с внешними наземными признаками и грунтовые, не имеющие наземных сооружений. К первой, наиболее многочисленной и достаточно разнообразной группе относятся курганы (рис. 1.5). Одни из них едва возвышаются над землей, другие могли достигать в высоту 20 м и более, а в окружности – до 150 м. По форме курганы могут быть круглыми (сферическими), овальными, четырехугольными, длинными.

В бронзовом веке в Европе, на Кавказе и в других местах были распространены дольмены – погребальные сооружения из крупных, иногда многотонных, каменных плит (рис. 1.6).

Рис. 1.6. Дольмен

Погребальные памятники без наземных признаков (бескурганные) также различаются по ряду показателей (форма, глубина ямы и др.).

Второй отличительной чертой большинства погребений является ритуальный обряд захоронения. Наибольшее распространение получили трупоположение (ингумация), когда хоронили труп, и трупосожжение (кремация), когда погребали прах сожженного. Оба обряда присутствуют в памятниках и с внешними признаками, и без них.

Известны и другие вариации в обрядах и погребальных сооружениях. С телом или прахом поступали по-разному: могли поместить непосредственно на земле (например, под курганной насыпью), могли зарыть.

Трупоположения различались по ориентации покойника: в одних случаях клали головой на запад, в других — на восток, в третьих — на север или на юг. Некоторые хоронили усопшего на боку в скорченном положении с подогнутыми ногами, другие — в сидячей позе или даже вертикально. А у отдельных народов умершего бросали на съедение хищникам или птицам. Существуют также кладбища, где похоронены только человеческие головы. Наконец, есть археологические культуры, которые вообще не оставили следов погребений, что они делали с умершими — неизвестно.

Все это открывает большие возможности для изучения этнической истории. Народы, не сохранившие свои имена, нередко называют по особенностям их погребальных памятников (например, племена культуры длинных курганов). По погребениям легко определить территорию расселения того или иного народа, проследить миграции, взаимодействия с другими этносами. Наконец, погребения как никакой другой источник отражают социальную историю, появление и развитие общественного неравенства, степень социального размежевания.

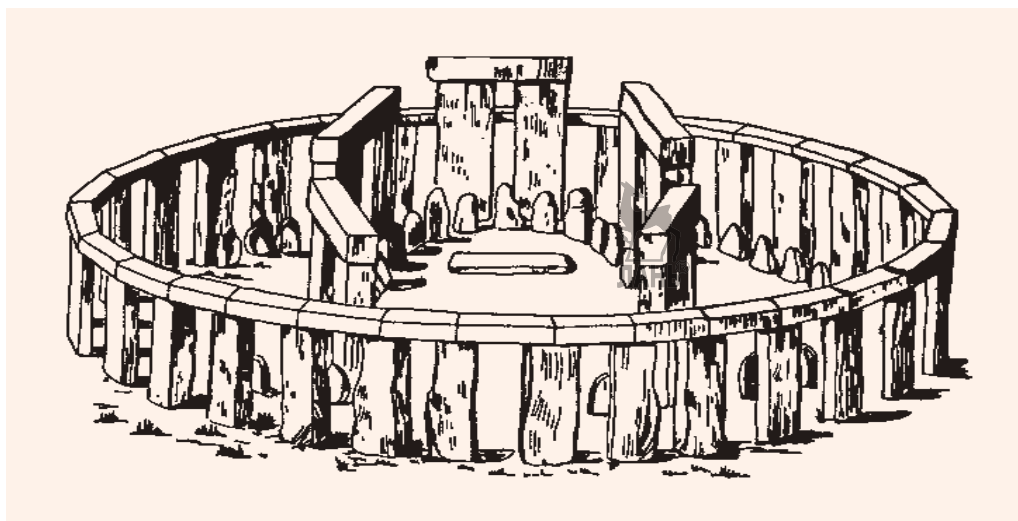
Крайне ценную группу памятников представляют объекты, связанные с производственной деятельностью людей, поскольку производство является одним из важнейших факторов исторического развития. По технике производства, по успехам в технологии можно судить о том, на какой стадии социального развития находилось то или иное общество, тот или иной регион. К археологическим памятникам такого рода относятся древние шахты, мастерские, рудные разработки, сооружения, где получали металл, и т. д.

В археологических материалах широко представлена и духовная жизнь: письменность, живопись, скульптура, музыка, игры, религия и пр.

Потребность выражать себя в искусстве была присуща человеку с момента появления человека разумного (*Homo sapiens*). От самых ранних эпох каменного века до нас дошли скульптуры, рисунки на предметах, наскальная живопись. На одной из стоянок древнего каменного века на территории Украины были обнаружены ударные музыкальные инструменты из костей мамонта. Нередко находят различные духовые и струнные музыкальные инструменты, предметы, связанные с различными играми.

Жизнь человека тесно переплеталась с религией и культами, поэтому имеется большая группа археологических памятников, связанных с верой, магией, различными религиями. К ним относятся остатки языческих святилищ и христианских храмов, разнообразные предметы религиозных культов. В Англии сохранились остатки необыкновенно сложного святилища бронзового века — Стоунхендж. Оно представляет собой 30 каменных столбов высотой 4,1 м, образующих круг диаметром 33 м. Каждый столб весит около 25 т. Сверху на столбы поставлены каменные перемычки длиной 3,2 м, шириной 1 м и толщиной 0,8 м. Сооружение датируют 2440–2100 гг. до н. э. Предполагается, что оно одновременно являлось и древней обсерваторией (рис. 1.7).

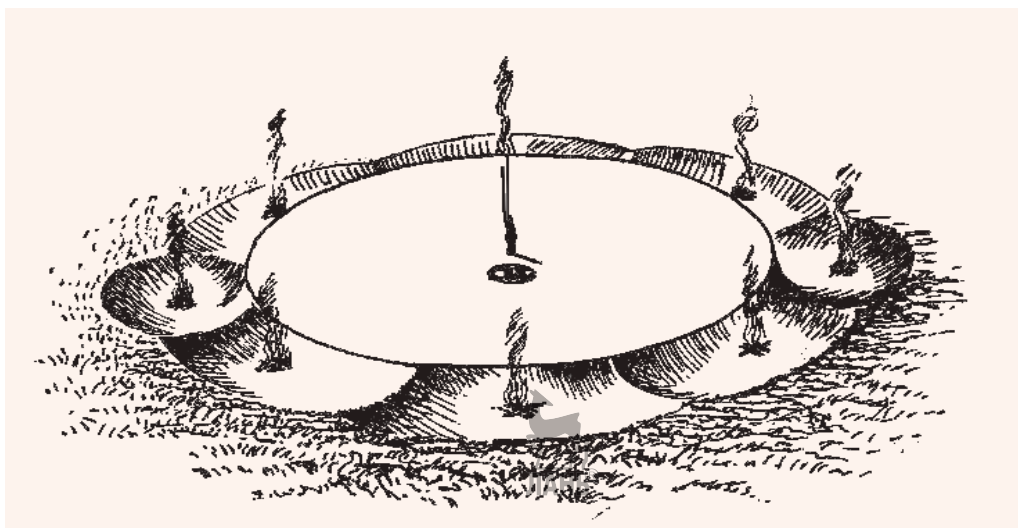
Оригинальны языческие святилища древних славян. На рис. 1.8 показана реконструкция святилища языческого бога Перуна под Новгородом.

Рис. 1.7. Стоунхендж. Реконструкция

Впечатляют монументальные архитектурные памятники Древней Руси. Большая часть их остатков обнаружена и изучается археологами.

В Беларуси от эпохи Древней Руси сохранились только три храма. Благодаря археологическим изысканиям сейчас известно уже более 20 памятников монументального зодчества той поры. По фундаментам и некоторым оставшимся фрагментам специалисты научились воссоздавать первоначальный вид исчезнувшего сооружения. Изучение древней архитектуры требует специальной подготовки, знания истории архитектуры и строительной техники. Архитектурная археология смогла не только открыть неизвестные ранее великолепные памятники зодчества, воссоздать их первоначальный облик, но также выделить и описать древние архитектурные школы.

Рис. 1.8. Святилище Перуна под Новгородом. Реконструкция

Благодаря археологическим раскопкам выявляются новые письменные источники. Известно, что вавилонский царь Набонид, живший в VI в. до н. э., увлекался коллекционированием глиняных табличек с клинописью и, чтобы увеличить коллекцию, проводил раскопки. Конечно, он не был археологом.

Производя раскопки, можно сделать поразительные открытия, найти неизвестные ранее предметы не только с отдельными надписями, что тоже представляет большую научную ценность, но и с целыми текстами. Выдающимся открытием подобного рода стали письма на березовой коре – берестяные грамоты, впервые обнаруженные в Новгороде в 1951 г. (рис. 1.9), сейчас их известно уже около тысячи. Найдены они и в некоторых других городах бывшей Руси. Практически впервые и в большом масштабе ученые получили представление о живом древнерусском языке и смогли проследить изменения в его языковом строе. Грамоты были написаны людьми разного возраста и пола, занятий и социального положения. Научное значение таких материалов невозможно переоценить. Возникла особая наука – берестология.

Найдена серия грамматических упражнений новгородского мальчика, из которых мы узнали о применявшейся методике обучения письму и чтению.

Предметом изучения являются и отдельные вещевые находки. Сейчас уже накоплен колоссальный вещевой материал, выделены категории и типы различных предметов. Одни могут быть связаны с производством, другие – с бытовыми нуждами, третьи – с военным делом, четвертые – с искусством, пятые – с интересным времяпровождением и т. д. Археологи по всему миру уделяют много внимания классификации находок, установлению их хронологии, места производства (составляют типологические и хронологические таблицы вещей и др.). Написано громадное количество научных трудов по археологии или на основе археологических источников. В бронзовом веке получили распространение боевые топоры, в том числе каменные с просверленным отверстием для рукоятки. Сейчас установлено, что они широко использовались древними индоевропейскими племенами, которые в начале бронзового века вышли за пределы своей прародины на юге и начали расселяться на обширных пространствах Европы и Азии. Их миграцию легко проследить по распространению превосходных по форме и технике исполнения боевых топоров. В науку было введено понятие «культура боевых топоров».

Как ни странно, большой интерес в археологии представляет керамика – самый распространенный и массовый предмет. Из-за внимания ученых к этой категории некоторые называют археологию наукой о битых горшках.

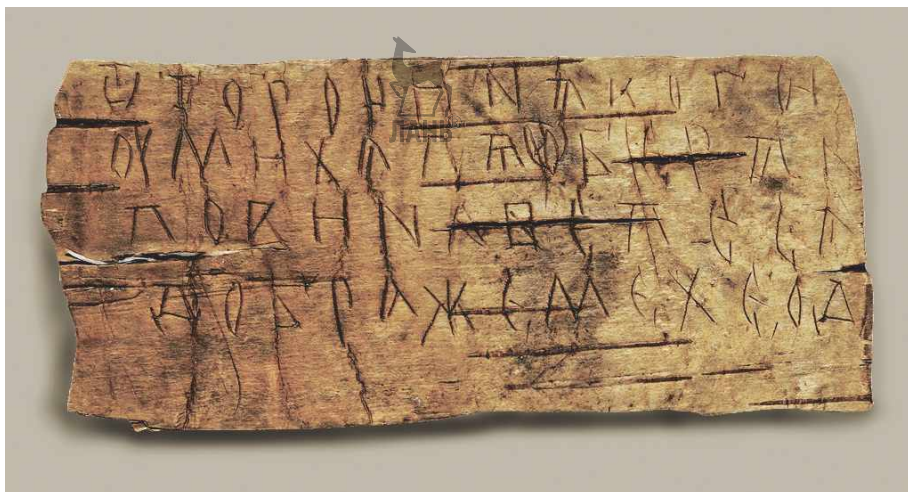

Рис. 1.9. Берестяная грамота из Новгорода

Несмотря на это, керамика, пусть и разбитая, дает ценнейший материал для исторических заключений и многочисленных гипотез, связанных с этногенезом, происхождением и расселением различных племен и народов. Разные народы обладали своеобразной керамикой, отличающейся не только по форме глиняных сосудов, но и по их украшению, орнаментации. Теперь уже доказано, что керамика – надежный критерий для установления этнических общностей (рис. 1.10).

Рис. 1.10. Сосуд каменного века

Например, в неолитическую эпоху, когда впервые появляется и широко распространяется глиняная посуда, можно выделить несколько областей, отличающихся разной орнаментацией сосудов. На территории Восточной Европы выделяют область, где господствовала керамика с ямочными вдавлениями почти по всему горшку. Есть места, где сосуды украшены отпечатками штампа, напоминающего гребень. Такой орнамент называют гребенчатым, а область ее распространения – областью с гребенчатой керамикой. Керамика может дать название и археологической культуре: культура гребенчатой керамики, культура штрихованной керамики, культура шаровидных амфоров и др.

По керамике можно установить характер взаимоотношений между соседствующими племенами, проследить перемещения народов, т. е. все то, что делает историю живой и конкретной.

2. Археологические разведки

Работа археологов не ограничивается письменным столом, авторучкой и компьютером. Вещественные источники, изучаемые ими, в основном находятся в земле, а чтобы их добыть, необходимо провести раскопки. Таким образом, работа археолога состоит из двух этапов: работа в поле и работа в кабинете. Работу в поле называют полевой археологией. Она включает разведки и раскопки, почему археологию образно называют «история с лопатой».

Прежде чем начать раскопки, археолог должен найти памятник на поверхности или в земле. Ввиду этого раскопкам предшествует археологический поиск, или археологические разведки. Их основная цель – выявление, учет и первичное изучение археологических памятников.

Известный русский археолог А. Спицин сказал: «Археологических памятников нет только там, где их не ищут». Часто мы ходим по ним, попирая ногами, не зная, что под нами археологический памятник.

Профессионально археологическими исследованиями занимаются специальные научно-исследовательские учреждения, где работают специалисты-археологи. Такие учреждения имеются практически во всех странах. В Беларуси это Институт истории Национальной академии наук, а также университеты, прежде всего те, в которых имеются археологические кафедры, крупные музеи. Поскольку раскопки часто сопровождаются частичным или полным разрушением памятника, проводить их могут только специалисты – археологи по особому разрешению, так называемому открытому листу.

Полевые археологические работы проводятся не спонтанно, а согласно планам научных исследований, разработанным и утвержденным в соответствующих учреждениях. Археологические разведки также планируются. Как правило, их проводят с целью выбора объекта будущих раскопок по заданной научной проблеме. Иногда разведки проводят для выявления всех памятников, чтобы взять их на учет и государственную охрану, а также памятников, относящихся к изучаемой археологической эпохе или локальной культуре. В 70-х гг. XX в. двумя академическими институтами – Институтом истории НАН и Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы – была проведена большая работа такого рода, и по результатам опубликован семитомный труд «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» (1984–1988). Каждый том посвящен памятникам одной из шести областей Беларуси и один – отдельно Минску. В книгах описано свыше 2 тыс. археологических памятников, что распределены не только по областям, но и по административным районам. Решением правительства все они взяты под государственную охрану. Хронологический диапазон памятников значительно расширен и сейчас включает даже исторические места XVIII в. В целом же количество известных на территории Беларуси археологических объектов составляет около 5 тыс.

Однако это не означает, что необходимость дальнейших разведочных работ отпала. Сведения о большинстве памятников еще недостаточны, не все они и выявлены. Разведочные работы нужны и для выбора места последующих стационарных раскопок. Археолог должен считать своим профессиональным долгом посвятить часть времени археологическим разведкам.

Еще до выезда на разведку необходимо обстоятельно изучить всю доступную археологическую и краеведческую литературу. Предварительное знакомство с крупномасштабными картами и планами местности также принесет большую пользу, поскольку они содержат значительное количество названий, в той или иной степени указывающих на наличие археологических объектов в выбранном районе. К примеру, на территории Беларуси 27 поселений носят название «городище», в основе не менее 95 топонимов лежит слово «город». Большинство из них указывают на существование в данном месте древних поселений. Такие топонимы, как Курган, Курганы, Могильно, Могиляны, могут быть связаны с погребальными памятниками.

Археолог, который проводит разведку, должен знать отличительные признаки памятников соответствующего региона, учитывать их. Разведки могут проводиться не только в открытом поле, но и в пределах городской застройки. Нужно понимать, почему древние поселения оказались в земле, как можно обнаружить их следы, что такое культурный слой.

Люди, несведущие в археологии, часто задают вопрос: «Почему древние поселения оказались в земле и почему их нужно раскапывать?» Расхожее представление – провалились. На самом деле это связано с накоплением в них культурного слоя, что вызвано деятельностью человека. Люди всегда вели активный образ жизни: строили, разрушали, перестраивали обветшавшие постройки. От этих действий на поверхности оставался слой мусора. Люди выметали наружу сор из изб, выбрасывали производственные или бытовые отходы. Древние города отличались плотной застройкой с очень узкими улицами и скученностью населения. В городских дворах было много домашних животных и птицы. Ни мусор, ни навоз за пределы города не вывозились. Все это смешивалось с землей, нанесенной ветрами и водами, образуя то, что мы называем культурным слоем. Культурным потому, что его образование связано с культурной деятельностью людей.

Культурный слой накапливается с разной скоростью, зависящей от многих причин. Иногда в силу повышенной влажности, при которой разложение органических остатков проходит медленно, хорошо сохраняются нижние венцы деревянных постро-

---

ек и покрытые деревом мостовые. Например, в некоторых древнерусских городах за год вырастал 1 см культурного слоя, т. е. за 10 лет — 10, а за 20 лет — 20 см. Если деревянная постройка простоит 60 лет, то за это время культурный слой, соответственно, вырастет на 60 см. А это означает, что три нижних венца постройки окажутся присыпанными культурным слоем, и на столько же поднимется поверхность земли. Когда решат возвести новую постройку, разберут только части над поверхностью, а три полусгнивших нижних венца останутся в земле. Поверхность разравнивают и на остатках прежней постройки возведут новую. За 500 лет существования города вырастет примерно пятиметровый культурный слой. Последний, насыщенный органикой и утерянными или выброшенными вещами, сильно отличается цветом и содержанием от естественного грунта. Его и, следовательно, остатки поселений легко обнаружить. На некоторых поселениях культурный слой достигает в толщину нескольких десятков метров. Известны поселения с 35-метровым культурным слоем.

Археологические разведки желательно проводить небольшой группой в три — пять человек, лучше всего пешком. Не лишним будет иметь лодку для транспортировки снаряжения: палатки, одежды, продуктов питания, оборудования и пр.

Однако немало и тех, кто предпочитает разведки в одиночку. Определив район поиска и прибыв на место, руководитель группы или археолог, осуществляющий разведку в одиночку, обязан доложить о целях работ местным органам власти и зарегистрировать свой открытый лист. Важно, что в открытом листе содержится обращение к органам власти, организациям и учреждениям в интересах науки оказывать обладателю документа всяческую помощь. В сельском совете, отделе культуры райисполкома можно получить ценную информацию об имеющихся на данной территории памятниках или интересных находках.

Сведения об археологических памятниках также имеются в краеведческих и школьных музеях. Почти в любой местности есть любители-краеведы, свои местные историки. В поисковой работе необходимо использовать все возможности.

Существует множество способов обнаружения и первичного изучения археологических памятников. Наиболее распространены визуальный и метод опроса местных жителей, которые, впрочем, неотделимы друг от друга.

Наиболее перспективный метод выявления археологических объектов — личный осмотр местности, т. е. ее сплошное и детальное обследование.

Однако если рядом с местом разведок имеется населенный пункт, то начинают с опроса местных жителей: археологические памятники представляются людям необычными объектами и порождают множество толкований и легенд. Наблюдательный человек не пройдет мимо кургана или городища, окруженного валом и рвом. При земляных работах, распашке в них могли случайно находить предметы материальной культуры или человеческие костяки. Такие находки вызвали всеобщий интерес, рассказы о них передавались от поколения к поколению, превращаясь в легенды.

Открытие самых древних стоянок в Беларуси были сделаны по рассказам о находках крупных костей, как потом оказалось, — мамонта.

Хотя в современном языке имеется слово «городище», остатки древнего укрепленного поселения могут быть известны и под другими именами: городок, замок, замечак, замчище, замковая гора, попова гора, лысая гора, вал и др. С городищем связывают легенды о провалившемся городе или церкви, о зарытой колеснице или бочке с золотом. О городище в д. Малышки (Вилейский район), где проводились многолетние раскопки, рассказывали такую историю: ночью по его валу ходит женщина в белом одеянии со свечей в руках.

С городищем Вишин (Рогачевский район) связано поверье, что это место обладает удивительной способностью излечивать от недугов. Если, говорят, положить больного

ребенка около вала и оставить его там на ночь, то к утру он будет здоров. Лекарем называют хозяйку городища.

Нередко археологические памятники в народном сознании значительно «омоложены». Например, древнерусские курганы X–XII вв. в Беларуси называют шведскими или французскими могилками.

Чтобы получить необходимые сведения об археологических памятниках, нужно знать, под какими именами они известны у местных жителей, и не стесняться обращаться к легендам.

Автор данной книги во время разведок на лодке по Западной Двине рано утром недалеко от Полоцка увидел сидящего на высоком берегу пастуха. Поднявшись к нему, спросил, не знает ли он о каком-нибудь городище, но ни о городищах, ни о валах тот ничего не слышал. Тем не менее, когда был задан вопрос, не слышал ли он о каком-нибудь месте, где, как говорят старики, когда-то провалился город, человек оживился. На другой стороне реки, по его словам, приблизительно в 5 км есть место, где действительно когда-то стоял город, но однажды женщина шла в церковь и споткнулась о крыльцо, и город вместе с церковью провалился. Если рано утром приложить к земле ухо, то можно услышать пение петухов и даже церковную службу. Позже на археологической карте автор нашел там городище, вероятно, о нем говорил пастух.

Из опроса местных жителей можно узнать и о памятниках, которые не имеют заметных признаков на поверхности. Например, когда-то случалось при земляных работах откопать глиняный горшок с костями, об этом будут долго помнить и даже смогут показать точное место находки. Так можно узнать о месте существования бескурганного могильника.

Местных жителей привлекает не только необычный вид археологических объектов, но и наличие на некоторых из них культурного слоя — чернозема, как его называют. Насыщенный строительными и органическими остатками, культурный слой отличается повышенным плодородием, и население, занимающееся земледелием, не оставляет этот факт незамеченным. У людей существуют и свои объяснения. Обычно местные жители, со ссылками на стариков, рассказывают, что в древние времена люди сносили черную землю с полей шапками. Интересно, что подобные истолкования бытуют и далеко за пределами Беларуси.

Ведущий опрос местных жителей должен хорошо знать, под какими названиями археологические объекты известны у них. Грамотно составленный опрос может дать чрезвычайно много в поиске археологических памятников, и им никогда не следует пренебрегать. Конечно, метод опроса не может заменить личного осмотра и изучения памятника на месте, но он облегчает и ускоряет поиск, освобождает от лишних хождений, дает четкий ориентир на памятник. При беседах с населением той или иной местности целесообразно придерживаться следующей методики: представиться, рассказать о целях экспедиции, популярно объяснить значение археологических памятников и необходимости бережного отношения к ним как к бесценному источнику знаний об истории страны, недопустимость их разрушения, самовольных раскопок и застройки. В беседах следует соблюдать максимальную тактичность. Нелишне познакомиться с местными краеведами, школьными историками.

Сохранившиеся у людей представления о памятниках, легенды и их своеобразная трактовка, сами по себе представляют литературный и этнографический интерес, народное осмысление своей истории, и должны быть сохранены, аккуратно записаны в процессе полевых разведочных работ. Они достойны специального исследования.

Желательно лично посетить все места, о которых довелось услышать, потому что только личное обследование позволит правильно определить характер объекта и составить необходимую научную документацию о нем.

Археологические памятники, имеющие внешние признаки (городища, курганы, каменные сооружения и пр.), можно легко обнаружить визуально. А с помощью бинокля — и на расстоянии в несколько километров.

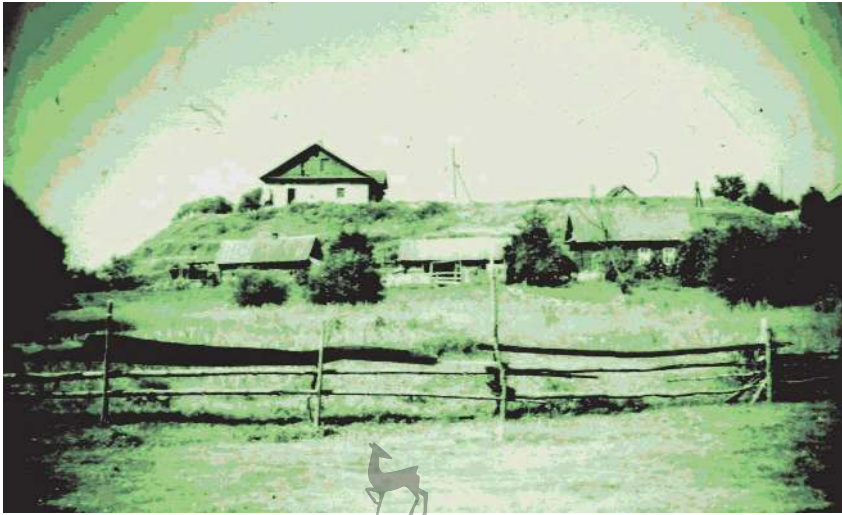

Рис. 1.11. Городище Свислочь (Беларусь)

Проводя визуальный поиск, следует помнить, что во все времена люди для поселений выбирали наиболее удобные для жизни и хозяйственных занятий места: около воды, безопасные и благоприятные для охоты, рыбной ловли, земледелия, скотоводства. Поскольку все поселения располагались возле водоемов, то, имея лодку, можно найти их остатки по прослойке культурного слоя в береговых обнажениях.

Памятники той или иной эпохи в большинстве случаев находятся в сходных топографических местах. Исходя из этого, их можно искать по аналогии (рис. 1.11).

В истории археологической науки известен случай, когда археологи, изучив крупномасштабную карту, отмечали на ней ряд мест, удобных для основания древних городищ (при впадении одной реки в другую), затем отправлялись туда и действительно обнаруживали городища (рис. 1.12).

Рис. 1.12. Курганный могильник

Необходимо, однако, учитывать, что за сотни и тысячи лет, отделяющие большинство памятников от наших дней, рельеф местности мог сильно измениться. По этой причине многие археологические объекты могут находиться на значительном расстоянии от современной реки или озера, могут быть перекрыты толщей торфа или оказаться под водой.

В древнем каменном веке, например, некоторые реки имели ширину в несколько десятков километров. В результате таяния ледника вода прокладывала себе новые русла. Ширина рек уменьшалась, формировались речные террасы. Поэтому стоянки древнего каменного века следует искать не на современных берегах, которых тогда не было, а на древних надпойменных террасах (рис. 1.13). Проводя целенаправленные поиски подобных стоянок, археолог должен знать об этом.

Обнаружив остатки древнего поселения, необходимо установить его время и культурную принадлежность. Для специалиста это не составляет большого труда. Если имеется культурный слой, то в нем будут и вещи. Их можно найти и на поверхности, и в обнажениях (ямах, береговых склонах), и в специально разработанных небольших шурфах. Шурфы позволяют установить толщину культурного слоя и степень его насыщенности находками. Возможно также выявить следы пожарищ.

Найдя памятник, желательно снять план объекта. Для этого существуют очень простые и надежные способы с помощью компаса (лучше буссоли), рулетки и уровня. Довоенные белорусские археологи, к примеру, снимали планы с помощью компаса, отмеряя расстояния шагами. Полученные планы публиковали в научных сборниках и отчетах, и, как оказалось, они были достаточно точны.

Сейчас доступны легкие оптические топографические приборы, которые позволяют это делать на профессиональном уровне.

При обнаружении курганного могильника нужно не только обстоятельно описать его, подсчитать количество курганов, но и снять план, измерить курганные насыпи. Если позволяет время — составить профили всех курганов. Необходимо установить обряд захоронений: трупоположение или кремация. Для этого можно провести раскопки кургана, если нет других возможностей.

Важным и объективным документом являются фотографии. Чем их больше, тем лучше. Современная цифровая аппаратура позволяет это сделать. Обязательно нужно составить опись фотоснимков (для этого лучше вести специальный журнал): сюжет, время съемки, ориентация и пр. Можно осуществлять и видеосъемку.

В процессе изучения памятника необходимо собрать и упаковать вещевой материал, для чего с собой следует иметь упаковочный материал. Пакет должен содержать этикетку с названием памятника и датой. Желательно составить опись находок и зашифровать их.

Довоенные белорусские археологи, проводя разведки, собрали обширную коллекцию вещевого материала, что очень помогло в последующих полевых исследованиях, развернувшихся на территории республики после войны.

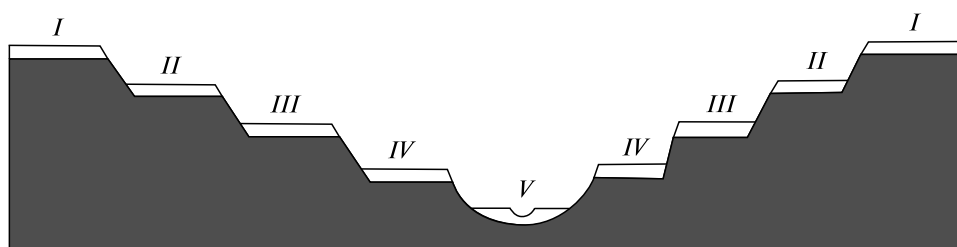

Рис. 1.13. Схематический разрез речной долины

Проведение археологических разведок требует определенной подготовки и специального снаряжения. Следует иметь топографическую карту или план местности, компас, планшет для чертежных работ, фото- и видеоаппаратуру, письменные принадлежности, миллиметровую бумагу, рулетку, уровень, рейку, шнур, бумагу для упаковки подъемного материала и др.

В случае обнаружения нового археологического объекта следует его тщательно осмотреть и собрать подъемный материал, т. е. лежащие на поверхности древние предметы. Это проводится в определенном порядке: обследуемая площадь делится на квадраты (обычно 2×2 м), которые наносятся на план и получают цифровые или буквенные обозначения. Найденные предметы помогут предварительно определить характер археологического памятника, его датировку.

Вновь открытый археологический памятник необходимо детально описать: название, местное название, если имеется (в том случае, если объект не имеет названия, то его лучше обозначить по ближайшей реке или населенному пункту), географическое положение (район, сельский совет и т. д.), а также топографическое расположение (какой берег реки или озера и т. д.). Памятник надлежит нанести на карту или план местности. Для этого в археологии существуют специальные условные обозначения для различных категорий памятников. На карте также прокладывается маршрут разведки.

Во время разведки следует как можно больше использовать видео- и фотоаппаратуру. Фотоснимки и видеокадры — наиболее точные и объективные документы.

По возвращении из экспедиции о вновь обнаруженных памятниках следует сообщить в государственные органы охраны памятников истории и культуры и в Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры. Желательно также проинформировать ближайший краеведческий музей.

На вновь открытый памятник оформляются специальные паспорт и учетная карточка, которые составляются в нескольких экземплярах: один хранится в Министерстве культуры, другой — в местных органах охраны памятников. Составление паспортов и учетных карточек осуществляется соответствующими специалистами.

По завершении разведки археолог обязан составить научный отчет о проделанной работе и предоставить его в организацию, выдавшую открытый лист.

Имеется способ обнаружения археологических памятников с использованием самолета или даже космических аппаратов. Его называют аэроразведкой. Она позволяет быстро и на большой площади обследовать местность. Сверху археологические объекты порой видны лучше, чем с земли. Можно даже увидеть следы исчезнувших памятников.

Очень эффективна аэроразведка в труднодоступных местах, например в пустынях. Когда-то некоторые из них имели растительность и были благоприятны для жизни, были заселены и застроены. Однако наступавшая пустыня заставила людей оставить эти места. Зброшенные поселения занесло песком, и они превратились в археологические памятники (рис. 1.14).

Вся наша планета многократно сфотографирована космическими спутниками, и многие археологические памятники хорошо видны на их снимках. Все это создает

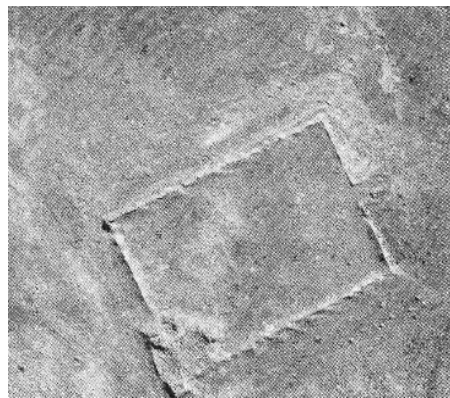

Рис. 1.14. Остатки древней крепости в пустыне Каракумы (аэрофотосъемка)

исключительные потенциальные возможности для обнаружения и регистрации археологических объектов в любом регионе земли.

Одна из примечательных особенностей археологии — охотно использовать всевозможные открытия и достижения, сделанные в других науках. Например, в геологии для обнаружения полезных ископаемых давно применяется так называемый метод электропоиска. Земные породы при пропускании через них электрического тока обладают различным удельным сопротивлением. С помощью чувствительных потенциометров можно выявить места залегания различных пород. Археологические объекты различаются по материалу, из которого они созданы: камень, кирпич, необожженная глина, дерево и др. Сам культурный слой по электропроводимости может отличаться от естественного грунта. И все эти аномалии, как выяснилось, можно выявить с помощью тока.

В 40-х гг. XX в. итальянские археологи использовали метод электропоиска в исследовании этрусских захоронений на севере Италии. Некогда существовавший там могильник был погребен под толщей отложений, и никаких его признаков на поверхности уже не было. Когда же через землю был пропущен ток, то в различных местах прибор обнаружил значительные отклонения от средних показателей. В одном таком месте был установлен бур. При бурении на глубине приблизительно 3 м была выявлена пустота. Через трубу бура туда опустили фотоаппарат с осветителем и сделали снимок. На фотографии оказалась этрусская погребальная камера со всевозможными вещами, положенными погребенному. Так, без раскопок, было не только установлено точное место захоронения, но и получено представление о вещевом содержании могилы.

Метод электропоиска был применен автором в 1963 г. в целях проверки его возможностей выявления каких-либо объектов, содержащихся в культурном слое поселения. На городище в Держинске был заложен раскоп площадью 100 м². После снятия верхнего пласта были сделаны замеры проводимости тока на всей площади раскопа. Выявились несколько отклонений от средних показателей.

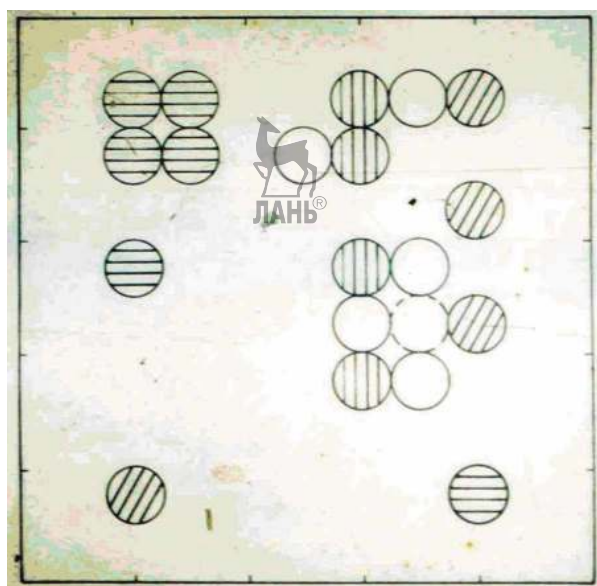
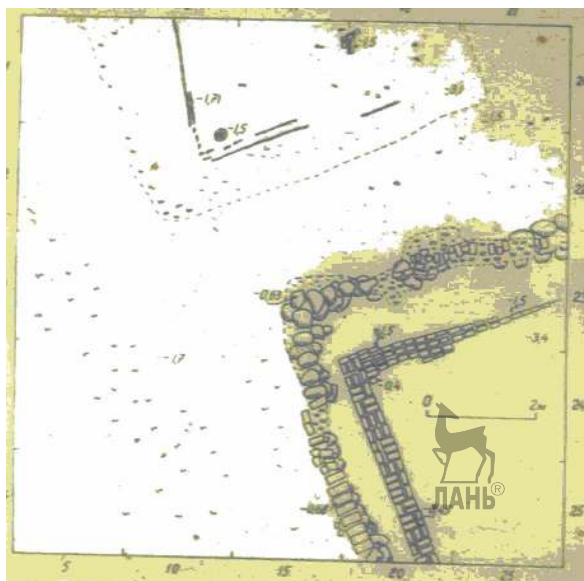

Рис. 1.15. Места аномальных показаний потенциометра в раскопе

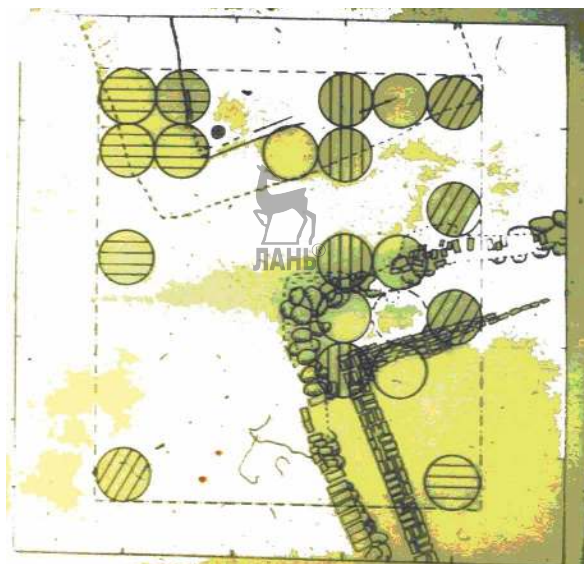

*Рис. 1.16. Следы котлована (вверху)
и остатки монастырской стены (внизу)*

На рис. 1.15 кружками показаны места с такими аномальными отклонениями. В результате последующих раскопок были обнаружены два объекта: в северной части раскопа в материке — хорошо выраженные следы котлована (подвального помещения), в южной — каменная стена, скорее всего, известного монастыря, построенного в Средневековье на территории древнего городища (рис. 1.16).

На рис. 1.17 видно полное совпадение аномальных мест и выявленных раскопками объектов.

*Рис. 1.17. Совмещение плана аномальных показаний
с планом обнаруженных в раскопках объектов*

	городище
	селище
	курган
	грунтовое погребение

Рис. 1.18. Условные знаки некоторых археологических памятников

Интересные экспериментальные работы были сделаны по использованию магнитометров для обнаружения в земле древних сооружений по остаточной намагниченности, которой обладают некоторые объекты.

В Англии подобным методом — археомагнитной разведкой (поиском) — была обследована местность, на которой очень чувствительный магнитометр зафиксировал несколько аномальных участков. Когда же были проведены пробные раскопки, то в одном месте обнаружили постройку, в другом — ров, в третьем — замощенную дорогу римского времени (первые века нашей эры).

Археомагнитный поиск хорошо выявляет в земле остатки античных каменных сооружений.

Несмотря на привлекательность данных методов, они пока еще не получили широкого применения в практике археологических экспедиций.

Материалы археологических разведок составляют основу археологических карт. Для разных категорий археологических памятников существует система условных знаков, что наносится на карту (рис. 1.18).

Однако видов памятников настолько много, и поскольку в одном географическом пункте часто бывает несколько разнохарактерных памятников, то удобнее обозначать под порядковым номером сам географический пункт. В примечании к карте дается расшифровка номеров с указанием на вид (виды) археологического памятника, их количества и пр. Своду памятников посвящены целые книги. В них могут быть рассмотрены все археологические памятники какого-то региона или отдельных стран.

Например, по археологическим памятникам Беларуси издано несколько книг отдельно по эпохам: каменному и бронзовому векам, железному веку и Средневековью (автор Г. В. Штыхов). В них дается не только перечень памятников, но и краткая информация об истории их изучения, степени изученности и библиография.

Наиболее полный перечень археологических памятников дается в исследованиях, посвященных изучению какой-либо археологической культуры. Ареалы памятников археологических культур не совпадают ни с современными административными, ни с государственными границами.

3. Археологические раскопки

Основной метод изучения археологических памятников — раскопки. Однако даже соблюдая все инструкции, они неизбежно сопровождаются разрушением или всего памятника, или той его части, которая раскапывается. Вторично провести раскопки на том же месте невозможно. Поэтому археологические раскопки нужно проводить так, чтобы ничто не пропало для науки. Они должны быть научными и осуществляться специалистами — археологами, прошедшими практику полевых исследований под руководством опытных археологов. Всякие самостоятельные археологические исследования запрещены и караются законом — это оговорено законодательством во всех странах. К сожалению, далеко не все знают об этом, и порой, ради удовлетворения собственного любопытства, пытаются проводить раскопки. Еще хуже, когда на месте археологических памятников проводятся несанкционированные земляные работы, приводящие к их разрушению.

В соответствии с законодательством памятники археологии приравниваются к памятникам культуры и находятся на государственном учете и под охраной. Археологические раскопки даже специалистам позволяется проводить только по особому разрешению (открытый лист). В нашей стране его выдает Национальная академия наук Беларуси. Имеется четыре вида (формы) такого документа. Открытый лист по форме № 1 разрешает раскопки археологического памятника в тех масштабах, какие сочтет нужным провести археолог. Открытый лист по форме № 2 ограничивает в той или иной мере масштабы раскопок, размеры земляных работ. Открытый лист по форме № 3 разрешает только широкое обследование (описание, обмеры, снятие планов, фотографирование, сбор подъемного материала) без проведения раскопок. Открытый лист по форме № 4 дает право на проведение ускоренных исследований на месте, где по особому разрешению правительства планируется сооружение важных государственных объектов или где в процессе строительных работ обнаруживается неизвестный археологический памятник, но отменить строительство не представляется возможным. На территории Республики Беларусь раскопки осуществляются экспедициями Института истории НАН Беларуси, различных государственных университетов, крупных музеев, располагающих специалистами-археологами.

Археологические раскопки – творческий процесс. Как разнообразны археологические памятники, так разнообразна и методика их раскопок. Исследователь выбирает ту, которая в наибольшей степени обеспечит научный успех в работе. Тем не менее имеются и общие требования, которые должны быть соблюдены в процессе.

Прежде всего археолог должен осознавать высокую ответственность перед наукой. Результаты его деятельности будут известны широкому кругу специалистов, ими будут пользоваться и историки, и археологи. Следовательно, в научном отношении представленный им материал должен быть доброкачественным, максимально документированным и доступным для работы с ним другими исследователями.

До выезда в поле археолог обязан предварительно изучить все письменные источники, относящиеся к изучаемому памятнику, т. е. хорошо представлять проблему в целом. Необходимо ознакомиться с проделанной работой других исследователей на этом или аналогичном объекте, изучить научные отчеты и публикации о раскопках предшественников, если таковые имеются.

Для проведения раскопок создаются научные экспедиции, включающие руководителя (начальник экспедиции), научных сотрудников, научно-вспомогательный персонал (лаборанты, чертежники, фотограф). Вся ответственность возлагается на руководителя, поэтому он должен иметь опыт полевых исследований, быть в состоянии на высоком профессиональном уровне выполнять любого рода работу, требующуюся в процессе изучения памятника.

Научные работники обязаны наблюдать за работами и руководить ими на определенном участке раскопа. Они следят за стратиграфическими особенностями памятника: прослойки, перекопы, остатки сооружений. Нередко им приходится вооружаться лопатой, ножом и кисточкой. Научные работники также ведут дневник, в котором подробно излагается ход раскопок, описываются обнаруженные объекты, вещи, стратиграфические наблюдения и т. д. Лаборанты работают с вещами: составление паспортов, ведение коллекционной описи, очистка и консервация предметов. Они также проводят всевозможные измерительные работы. Чертежи и фотосъемка выполняются соответствующими специалистами. Археолог же, на каком бы участке он ни работал, должен быть знаком с техникой всех работ, ведущихся в раскопе. Девиз археолога: наблюдательность, наблюдательность и еще раз наблюдательность! Этим заняты все: от руководителя до землекопа.

Рис. 1.19. Раскопки Новгорода с использованием скипов для отброса просмотренной земли

Археологические раскопки ведутся вручную, так как ни один механизм не способен заменить сознательного, целенаправленного труда человека. Основное орудие — лопата — не всегда пригодна в раскопках поселений каменного века, культурный слой которых содержит мелкие изделия из кремня или отходы их производства. В таком случае раскопки ведутся ножами и скребками. При расчистке некоторых памятников, например погребений, приходится работать кисточками. Важно не разрушить хрупкий объект, обнажить его для подробного описания, зарисовки, фотосъемки, возможной консервации. Культурный слой тщательно просматривается и перебирается руками (рис. 1.19), поэтому археологические раскопки трудоемки и дорогостоящи. Механизация может быть применена лишь для транспортировки земли.

Поселения вскрывают большими площадями, поскольку только таким образом можно получить правильное представление об особенностях памятника и изучить планировку и застройку. Шурфы и траншеи, которые широко использовались в прошлом, применяются лишь в разведочных целях.

Вскрываемая площадь называется раскопом. От того, насколько удачно выбрано место раскопа, во многом зависит успех экспедиции. Наиболее интересны участки с жилыми и хозяйственными постройками.

Опытный археолог знаком с особенностями планировки древних поселений и прежде чем заложить раскоп, хорошо продумает и рассчитает его место.

Раскопов может быть несколько. Их размер и общий объем исследований определяются экономическими возможностями экспедиции, характером памятника, мощностью культурного слоя и др.

Площадь раскопа не должна быть меньше 100 м². Обычно ему придают правильную геометрическую форму квадрата или прямоугольника, что облегчает изучение и фиксацию памятника. К тому же на некоторых объектах раскопки ведутся несколько лет, и новые раскопы легче соединить с предыдущими, если они имеют форму квадрата или прямоугольника. Существуют памятники, на которых раскопаны площади в тысячи и десятки тысяч квадратных метров. Именно на таких объектах, как правило, работают довольно продолжительное время, и раскопы последовательно прирезаются один к другому (рис. 1.20).

Рис. 1.20. Раскопки в Новгороде на месте уже несуществующих древних улиц Великой и Холопьей

В процессе археологических раскопок памятник вскрывается обратно тому, как он формировался. Поэтому раскопки нужно вести последовательно, горизонтальными пластами обычно по 15–25 см толщиной. Каждый пласт тщательно исследуется: зарисовываются остатки сооружений, фиксируются различия в грунте в разных местах раскопа, выявляются перекопы, замеряются начальная и конечная глубина пласта, производится фотосъемка. Раскопки можно вести не только горизонтальными пластами, но и, где это возможно, пластами, следующими за древним рельефом, который необходимо предварительно выявить. Такая методика, применимая, например, на поселениях с хорошей сохранностью деревянных сооружений, построек и мостовых, в большей степени учитывает стратиграфические особенности памятников, но сложнее и требует больше опыта.

В процессе раскопок поселений постоянно контролируется толщина вскрываемого пласта, глубина обнаруживаемых сооружений и отдельных находок. Для измерения глубин используются оптические приборы: нивелиры, мэнзулы, кипрэгели.

Крайне важно максимально точно определить и зарегистрировать места отдельных находок в культурном слое как в горизонтальном, так и в вертикальном измерениях. Изучение степени концентрации находок и их состава поможет расшифровать значение различных объектов. Фиксация глубины залегания находки необходима не только для соотнесения ее с определенными объектами, но и для решения хронологических вопросов. Естественно, чем находка располагалась глубже, тем она древнее.

Чтобы правильно связать все находки между собой и со всеми встреченными в процессе раскопок сооружениями, ведется наблюдение над характером напластований (стратиграфией). Это сложная и очень ответственная часть исследований. Для стратиграфических наблюдений важно выделить и точно зафиксировать различные прослойки, особенно угля и золы, образовавшиеся после каких-нибудь пожаров. Иногда их удается связать с летописными сообщениями о пожаре или разрушении поселения, и тогда становится известна точная дата соответствующего горизонта, т. е. хронологический рубеж в истории памятника. Стратиграфические наблюдения позволяют выявить древний микрорельеф и на основании этого точно распределить находки по времени их попадания в культурный слой, так как нахождение их на одной глубине еще не гарантирует их одинаковый возраст. В раскопках часто встречаются перекопы, что необходимо выявить, так как найденные в них вещи могут относиться к разному времени.

Для изучения стратиграфии в процессе раскопок оставляются специальные перемычки — неразработанные участки (рис. 1.21). Для этой же цели тщательно зачищаются, зарисовываются и фотографируются все стенки раскопа и перемычек.

Рис. 1.21. Перемычки в раскопе на городище Свислочь (Беларусь)

В раскопках поселений большое значение имеет момент выхода на материк (естественный грунт под культурным слоем) и его тщательное изучение. Особенно это касается памятников, культурный слой которых не сохраняет видимых остатков сооружений. После зачистки материка в нем легко обнаруживаются следы затронувших его построек. Так, некоторые сооружения специально углублялись в материковом грунте: землянки и полуземлянки. Их остатки заполнены культурным слоем и хорошо видны на зачищенном материке. Весьма заметны в виде темных пятен места, где были вкопаны или вбиты столбы от различных построек, например от построек со столбовой конструкцией стен. Можно проследить канавки, места изгородей или необычные объекты, например зарытые клады. При раскопках небольшого древнерусского городка Изяславль на Волыни, разрушенного монголами в 1242 г., в материке было найдено множество небольших ямок, в которых жители осажденного городка прятали свои нехитрые украшения, надеясь забрать их позже. Однако все они погибли, а их маленькие клады дождалась археологов. Зачищенный материк со следами вторжения зарисовывается и фотографируется. После этого все темные места аккуратно выбираются, ямки опять же зарисовываются, замеряются глубины и составляются их профили. По ним, например, видно, как стояли столбы: вертикально или наклонно. Так, при изучении одной неолитической постройки в Беларуси было установлено, что окружавшие ее столбы были наклонены к ее центру. Это означало, что постройка имела шалашевидную форму.

Иногда при зачистке материка и изучения материковых ям обнаруживаются погребения. Хорошо известны случаи захоронений на территории поселка. Однако поселку мог предшествовать более древний могильник.

Точность и абсолютная объективность в составлении научной документации раскопок – обязательное условие археологического исследования. От того, как составлен документ, зависит научность добытых материалов. Одним из основных документов является полевой дневник, который фиксирует ход и результаты раскопочных работ. Следует постоянно помнить, что дневник пишется не для себя, а для других исследователей. Он должен быть научным и грамотным, так как любой человек, позже к нему обратившийся, должен получить исчерпывающее представление о раскопках. Тем не менее далеко не всегда исследователю бывает все ясно в процессе работ, поэтому ошибочные предварительные выводы могут попасть в дневник. Очень важно, чтобы субъективное восприятие памятника не выдавалось за истину в конечной инстанции. Собственные догадки и мнения должны быть оговорены, чтобы читатель был в состоянии отделить объективные факты от субъективных оценок их автора. В процессе раскопок у автора полевого дневника может измениться мнение относительно характера описанного ранее объекта. Это также необходимо отразить в дневнике, сделав соответствующую запись о допущенной ошибке.

Весьма полезны при последующей работе с материалами раскопок рабочие зарисовки в дневнике (схемы и др.). Кроме того, нужно учитывать возможность утраты какого-либо документа по раскопкам, и дневник в таком случае может стать единственным в своем роде источником. Вообще, дублирование археологической полевой документации желательно.

Однако ни один дневник не может дать исчерпывающего представления о раскопках археологического объекта и обнаруженных материалах. Поэтому составляется и другая документация. Прежде всего необходимо сделать как можно больше фотоснимков, фиксирующих не только и не столько сами раскопки, сколько то, что обнаруживается в их процессе: строительные остатки, сооружения и их развалы, скопления вещей и даже отдельные предметы.

Фотодокумент – один из главных археологических источников. Фотосъемку желательно вести крупноформатными аппаратами, позволяющими получать снимки высокого качества, что необходимо для публикации. В настоящее время особенно большие возможности в изучении памятника дает цифровая аппаратура и видеосъемка.

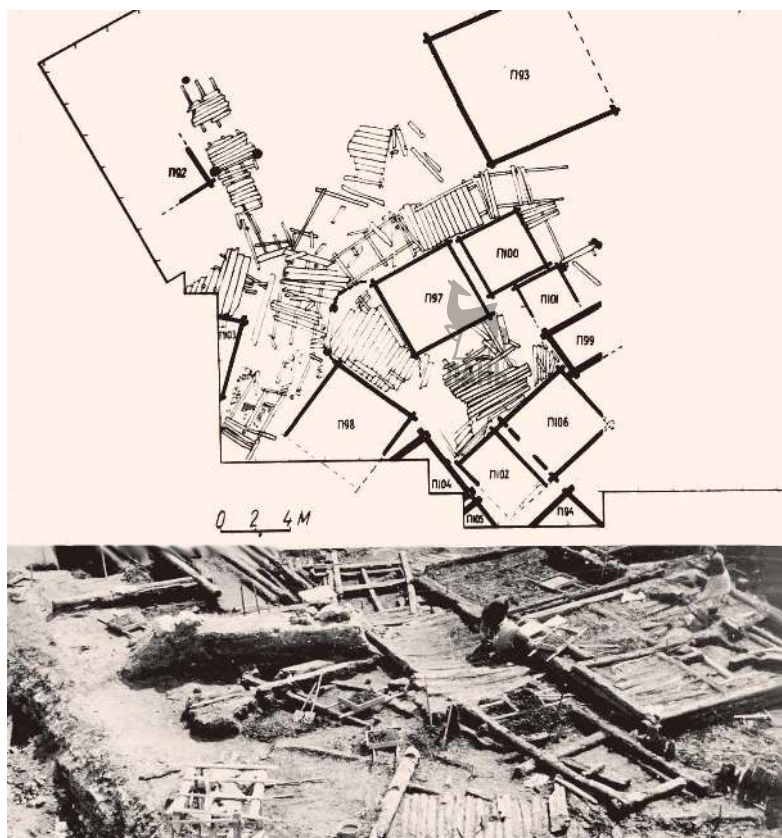

Рис. 1.22. План и снимок одного из горизонтов древнего Минска

Объект к съемке предварительно подготавливают: убирают все лишнее, что мешает восприятию главного.

Практика фотографических работ в полевых условиях выработала собственные приемы в технике съемки и обработке фотоматериалов. Крайне важно записать в специальном документе раскопок – описи или журнале фотоснимков – все данные об объекте съемки: название сюжета, время съемки, ее ракурсы. Желательно, чтобы на снимке имелись масштабная линейка и его номер. Необходимым документом полевых исследований также являются чертежи и зарисовки. Рекомендуется делать план каждого раскрываемого пласта или строительного горизонта, на который должны быть нанесены все сооружения, перекопы, стратиграфические особенности (рис. 1.22). Предварительно пласт надлежит подготовить к зарисовке: тщательно зачистить и разобраться в нем. Планы делаются в масштабе 1:20. Более мелкие объекты зарисовываются на отдельные чертежи в масштабе 1:10, иногда и в более крупном. В археологии выработана своя система условных обозначений различных грунтов и материалов.

Обязательное требование – составление стратиграфических профилей. Рисование их требует не только технического навыка, но и умения «видеть», «читать» и понимать стратиграфию. Все чертежи подписываются, нумеруются, составляется опись (рис. 1.23).

В процессе раскопок должны быть соответствующим образом учтены и зарегистрированы все обнаруженные вещи. Археологический предмет только тогда может стать историческим источником, когда на него заведут паспорт. Для облегчения регистрации вещевого материала раскоп разбивают на квадраты 1×1 или 2×2 м. Каждый квадрат имеет свой номер.

В этикетку, сопровождающую найденную вещь, вносятся номер квадрата и глубина, на которой она была найдена. Иногда указывается и пласт или стратиграфический слой. Для находок, представляющих особый интерес (индивидуальных находок), указываются более точные координаты: их место внутри самого квадрата. Обычно уже в процессе раскопок индивидуальные находки вносятся в специальные планы находок.

Найденные вещи записываются в коллекционную опись, куда заносятся все имеющиеся о них данные: название, номер раскопа, квадрат, глубина, пласт, время обнаружения, номера, под которыми они включены в опись. В примечании часто указываются условия их обнаружения в слое (рис. 1.24).

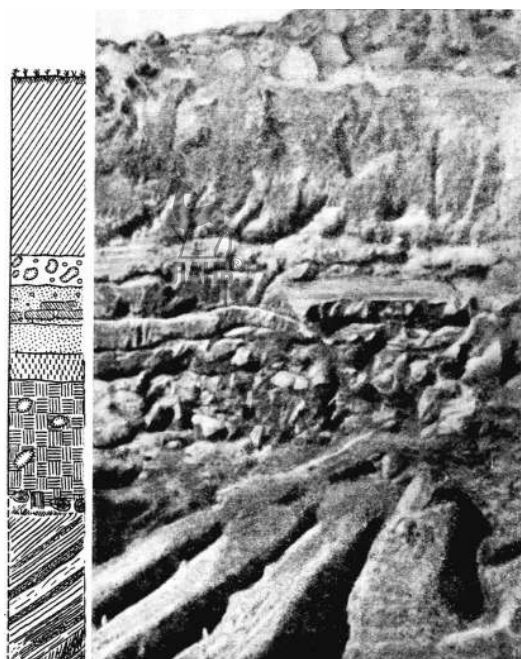

Рис. 1.23. Часть стратиграфического чертежа стенки раскопа

Археологическая экспедиция БГУ 1985 г.
Городище Вишин
Шифр: Вш85/

Коллекционная опись

№	Наименование предмета	Раскоп	Квадрат	Глубина	Пласт	X/Y	Примечание
1	пряслице шиферное	34	21	12	1	3/8	
2	печать вислая свинцовая	9	15	7	1	64/12	в дерне
3							
4							

Рис. 1.24. Образец коллекционной описи

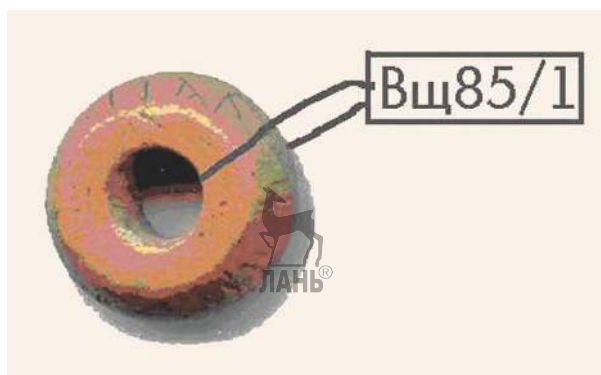

Рис. 1.25. Бирка на пряслице

После занесения в коллекционную опись находка получает шифр, где в условной форме обозначен объект и год раскопок, номер, под которым она записана в описи. Шифр пишется или на самой вещи, или на прикрепляемой к ней бирке (рис. 1.25).

Желательно уже в процессе раскопок вести консервацию и реставрацию вещей, поскольку после извлечения многие предметы могут быстро утратить форму или исчезнуть вовсе.

Во время раскопок берутся пробы для будущих анализов: уголь, древесина, образцы почв, обожженные участки глиняных сооружений. Разработаны специальные рекомендации по методике взятия образцов.

Раскопки других типов археологических памятников требуют собственной методики. К примеру, раскопки непрофессионалами курганов эпохи Древней Руси в прошлом проводились методом колодца: в центре кургана вырывали яму, докапывались до погребения и выбирали предметы, оказавшиеся в ее зоне. Естественно, вскрывалась только часть погребения. Таким варварским раскопкам подверглась очень большая часть древнерусских курганов.

Между тем курган представляет собой сложное и важное в научном отношении сооружение, и археолога интересует не только его вещевой состав, но и обряд, место и положение погребенного в нем, особенность конструкции кургана и т. д. Как труп, так и остатки кремации могут находиться на дне кургана (на горизонте), под насыпью в яме или даже в самой насыпи. Покойника могли положить на специальную подсыпку земли или на предварительно прожженное костром место. Разнообразна и ориентация покойника: на спине или на боку с подогнутыми ногами и др. По-разному также располагались сопровождавшие его вещи. Все это часто связано с традиционной обрядностью и этнической принадлежностью погребенного, что необходимо выяснить и зарегистрировать в процессе изучения памятника. Поэтому раскопки кургана должны быть научными, позволяющими в полной мере изучить все нюансы. Чтобы добиться этого и получить ответы на возникающие вопросы, применяется особая методика.

Курган раскапывается «на снос», т. е. его насыпь снимается полностью. Для того чтобы не упустить никакие детали, курган предварительно размечается на четыре сектора и последовательно, пласт за пластом, разбирается насыпь по каждому сектору в отдельности. При этом следует помнить, что и в самой насыпи могут быть находки, например остатки тризны, иногда оружие и ценные предметы. При зачистке стенок оставляется крестовидная перемычка, которой возможно проследить все процессы погребального обряда (рис. 1.26). По перемычкам составляются и зарисовываются профили кургана. В них фиксируются все детали, прослеженные в насыпи, отмечается точное месторасположение погребенного (рис. 1.27). Потом перемычки также тщательно разбираются.

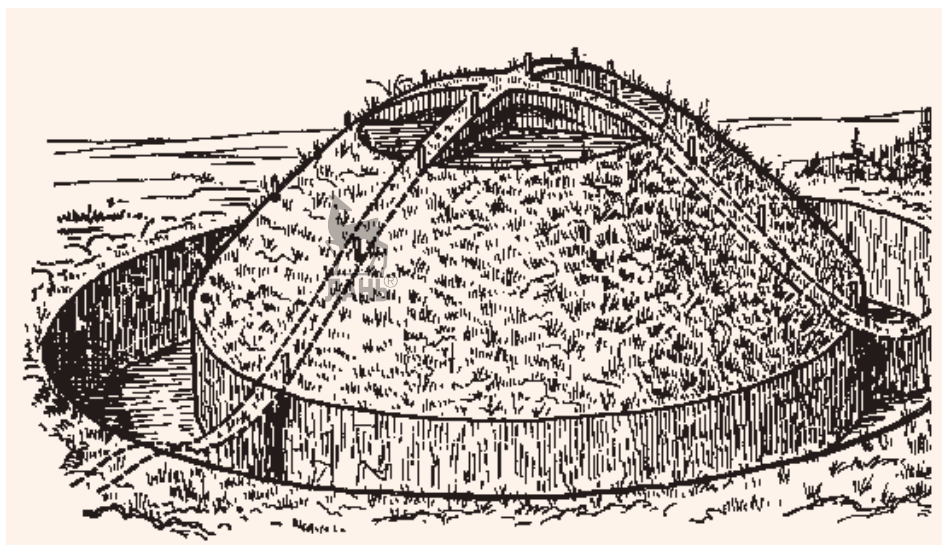

Рис. 1.26. Курган с выбранными секторами и оставленной крестовидной перемышкой

После снятия перемышки ножами, совками, кисточками аккуратно расчищается костяк. Все обнаруживаемые предметы оставляются на месте до полного завершения его расчистки. Костяк и все, что есть на нем или вокруг него в пределах бывшего кургана, зарисовывается, фотографируется и описывается. Для точной зарисовки обычно используют рисовальную сетку (метровую раму, разбитую на 25 квадратов). Череп и голени принято забирать для последующего антропологического изучения. Остальные части рекомендуется закопать.

При обряде захоронения в подкурганной яме зарисовываются и фотографируются ее контуры, а затем из нее скрупулезно выбирается земля.

Иногда курган бывает окружен неглубоким рвом, который необходимо выявить, а также зарисовать его профиль. Это тоже связано с определенным погребальным обрядом, и обнаружение всех деталей важно для решения вопросов об этнической принадлежности усопшего.

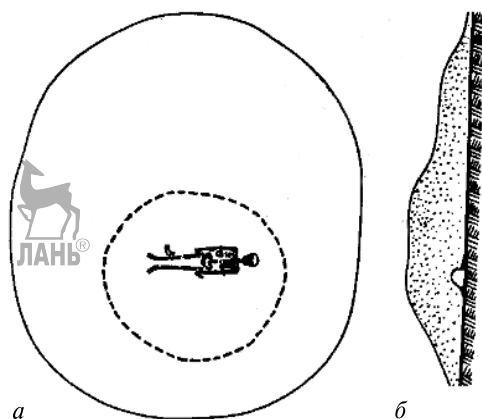

Рис. 1.27. План погребения (а) и профиль кургана (б)

Погребальные памятники достаточно разнообразны. Бескурганные (грунтовые) могилы требуют особой методики поиска их месторасположения и изучения (по методике раскопок имеются специальные работы и рекомендации).

В конце раскопы обязательно засыпаются просмотренной землей с раскопа.

Конечный этап раскопок – составление подробной описи всей документации, которая хранится в научно-исследовательском учреждении, проводившем раскопки. Вещевой материал после его научной обработки передается по акту музеям. Результаты раскопок обладатель открытого листа обязан предоставить в виде научного отчета в учреждение, выдавшее разрешение на раскопки.

4. Кабинетные методы в археологии

Как уже говорилось, работа археолога состоит из двух этапов. Первый – полевые исследования (разведки и раскопки), второй – работа в кабинете с вещами и остальными материалами, полученными во время разведок и раскопок. Для того чтобы извлечь из полученного материала максимум информации, археолог в процессе кабинетной (камеральной) работы использует различные методы, отличающиеся от методов, применяемых историками. В этом – особенность и дополнительная привлекательность работы археолога.

В соответствии с Положением о порядке проведения археологических работ и составления научной отчетной документации (Положение об открытом листе) археолог не позднее чем за два месяца до начала новых раскопок обязан предоставить в учреждение, которое выдало данный документ, научный отчет о проведенных полевых исследованиях.

В отчете должна быть подробно изложена методика раскопок, описан весь полученный материал и переданы основные научные выводы, к которым пришел исследователь. Следует заметить, что научное изучение полученного материала не ограничивается написанием отчета. Это первый, начальный этап в работе с материалами, которые могут стать предметом последующего изучения как самим автором раскопок, так и другими исследователями.

Приступая к изучению и описанию полученных материалов, нужно детально разобраться с вещами и документацией, привести их в соответствующий порядок.

Далеко не всегда найденный в раскопках предмет бывает понятен. Например, некоторые предметы из железа из-за сильной коррозии до неузнаваемости изменяют свою первоначальную форму, другие часто бывают представлены лишь малоговорящими фрагментами, третьи иногда вообще незнакомы исследователю. Проблема идентификации вещей в основном возникает у начинающих археологов. Поэтому коллекционная опись полевых находок нередко грешит неточностями. Неоднократно повторяющаяся ошибка: вместо конкретного названия предмета – «предмет неизвестного назначения». В процессе камеральной обработки такие определения должны быть исправлены. Необходимо точно установить название предмета и его назначение, чему способствуют его лабораторная очистка от коррозии, обработка методами, возвращающими первоначальную форму. Параллельно с этим проводится консервация вещей, чтобы обеспечить их долгое хранение.

Работа по определению характера находок достаточно увлекательная, но не совсем простая. Особенно результативен поиск аналогичных предметов в археологической литературе, для чего приходится пересмотреть большое количество печатных изданий или музейных коллекций. И здесь археолог может сделать для себя множество полезных открытий, так как археологическая литература богата и разнообразна. В ней имеются

великолепные работы, посвященные отдельным категориям предметов: керамике, украшениям, оружию, всевозможным орудиям труда, предметам импорта и т. д.

Тем не менее не следует ограничиваться только названием предмета. Нужно стремиться дать исчерпывающую информацию о нем. Например, частая находка при раскопках древнерусских городов — стеклянные браслеты (преимущественно их фрагменты), очень разнообразные по цвету, толщине, профилю, типу (гладкие, витые, перекрученные). Желательно привести в описи все характеристики предмета.

В археологии, как и в любой другой науке, есть своя научная терминология, и каждый предмет в коллекционной описи должен быть зафиксирован в соответствии с ней. Определить правильное название вещей — необходимая часть их первичного изучения. Это делает опись важным и полноценным документом археологической экспедиции.

Нужно четко представлять, какой цели служила та или иная вещь. Многие из них давно вышли из употребления, сильно изменили формы, потому их назначение уже непонятно и не ассоциируется с привычными предметами. Для того чтобы определить их действительное применение, ученые разработали метод определения предмета, чаще всего связанного с производством, по характеру сработанности какой-либо его части от долгого употребления. Метод получил название «трасология». Вспомните кухонные ножи, которыми пользовались длительное время: лезвие от работы и заточки иногда приобретает вогнутую форму, — и уже по этому признаку можно уверенно говорить о их назначении. А как быть с многочисленными каменными орудиями? Выяснилось, что даже при обработке таких мягких материалов, как кожа, на рабочей части орудия остаются следы сработанности, что хорошо заметно под микроскопом. Таким методом было установлено назначение кремневых скребел, скребков каменного века (рис. 1.28).

Правильному определению назначения вещей помогает поиск аналогий в этнографической литературе и музейных этнографических коллекциях. Этнография, как и археология, изучает материальную культуру народов, и выясняется, что некоторые вышедшие из употребления предметы или строительные и технические приемы использовались относительно недавно и были исследованы и описаны этнографами. Например, при раскопках Минска были найдены крупные деревянные изделия, которые, как выяснилось, имеют точные аналогии в этнографическом материале. Одно из них — бревно со скошенными концами и вырубом в центре — абсолютно тождественно так называемому самцу, который не так давно в белорусской деревенской постройке был составной частью фронтона.

Рис. 1.28. Следы от обработки шкур на скребке

Другой предмет был необходимой деталью своеобразной конструкции перекрытия постройки и назывался «кокошина». Этнографические аналоги позволили не только определить их наименование и назначение, но и сделать научные реконструкции древних минских городских построек XI–XIII вв.

Разобравшись с вещами и коллекционной описью, следует привести в порядок полевые чертежи. На них обязательно указываются названия объекта раскопок, экспедиции, год раскопок, дата составления чертежа и, желательно, имя художника. Следует объяснить условные обозначения, потому как для научного отчета и публикаций на их основе рисуются чистовые чертежи, которые должны соответствовать требованиям печати.

Весь графический материал обязательно подвергается тщательному анализу. При изучении поселений исследуется стратиграфия памятника, для чего, помимо дневниковых записей, анализируется характер культурных напластований, зафиксированный в составленных во время раскопок профилях стенок раскопов, в стратиграфических перемычках, разрезах культурного слоя, отдельных зарисовках и рабочих схемах, на фотоснимках и др. По ним выделяются отдельные характерные стратиграфические слои, отражающие последовательность образования культурного слоя, иногда, что особенно важно, сопряженные с определенными историческими событиями, отмеченными в письменных источниках, например, разрушениями поселений во время войн, пожарами.

Стратиграфический анализ дает возможность изучать историю поселений в развитии: время и обстоятельства возникновения, этапы развития, изменения территории, планировка и застройка, система оборонительных сооружений, наконец, экономика и бытовая культура. Все это можно выяснить, если археологический материал будет рассматриваться и сравниваться в зависимости от места, которое он занимает в культурном слое. Для этого в культурных напластованиях нужно выделить стратиграфические слои и распределить по ним все находки и выявленные сооружения. Это трудоемкая и очень ответственная работа, поскольку количество объектов может исчисляться многими тысячами. Данную часть кабинетной работы археолога называют стратиграфическим членением материала, что обычно относится к поселениям.

Стратиграфическое членение осуществляется по-разному и зависит от масштабов раскопок, мощности культурного слоя, сохранности в нем строительных объектов и материала, из которого они сделаны, древнего рельефа и пр.

Самый простой, но далеко не самый лучший – метод членения культурного слоя и обнаруженного в нем материала по горизонтальным пластам в той последовательности и по тем замерам глубин, которые делались в процессе раскопок. К данному методу обычно прибегают, если площадь раскопов невелика, а культурный слой практически не сохраняет строительных остатков. Недостатки такого метода могут проявиться, если площадь раскопа большая, а древняя поверхность не была строго горизонтальна и имела уклон. В этом случае находки, обнаруженные в разных местах раскопа, но в одном пласте и на одной глубине, будут относиться к разному времени.

Чтобы исключить данную ошибку и рассматривать материал в историческом контексте, необходимо выявить рельеф поверхности в древности и его изменения. Это можно сделать на основе разрезов культурного слоя по профилям раскопок, в которых выделяют заметные стратиграфические слои и прослеживается прохождение их по раскопу. Составляя местонахождение конкретной находки и ее глубину с глубинами стратиграфических слоев, можно определить ее стратиграфическое место.

В случаях, когда культурный слой содержит хорошо сохранившиеся строительные остатки (постройки, мостовые, вымостки), можно выявить строительные горизонты и распределить по ним все находки. Это более высокий и точный уровень стратиграфического членения. Например в Новгороде, где превосходно сохраняется древесина, многолетние и крупномасштабные раскопки велись вдоль одной из древних улиц, которая по мере роста

культурного слоя приблизительно каждые 20 лет покрывалась новым деревянным настилом. Их оказалось свыше 30, из которых 28 превосходно сохранились (рис. 1.29, 1.30). Эти настилы стали основой стратиграфического членения многометрового культурного слоя древнего Новгорода. Все постройки и колоссальный вещевой материал были разнесены по 28 мостовым и синхронным каждой из них слою земли в 15–20 см толщиной. Все это создало благоприятные возможности для типологического, хронологического и в целом исторического изучения обширного археологического материала.

Значение работы, связанной со стратиграфией археологического объекта, настолько велико, что не случайно все солидные научные работы начинаются со стратиграфии памятника. И поскольку с ней теснейшим образом связана хронология, то такие разделы обычно называются «Стратиграфия и хронология».

Только разобравшись со стратиграфией можно приступать к историческому исследованию, а также увидеть изменения, которые затем претерпело поселение в развитии, как при изучении древностей, добытых в раскопках в Гродно. Было установлено, что большая часть предметов, связанных с вооружением и военным бытом, располагается в самых нижних и, следовательно, самых древних слоях памятника. Отсюда напрашивается логичный вывод, что Гродно возник как военное поселение, заселенное дружинниками, несшими службу на западных рубежах Древней Руси. Изучение материалов из последующих слоев показало, как характер города менялся с тех пор, как началось в нем каменное строительство, появились мастерские по производству кирпича, развивалось ремесло и торговля. Поселение превращалось в типичный город, центр ремесла и торговли, столицей удельного княжества.

Известны случаи, когда тому или иному городу предшествовало поселение иного типа, например деревня. Каким образом это можно определить по археологическим данным? Эту историческую проблему легко решить, изучая и сравнивая материал из разных стратиграфических слоев. Так, обязательным признаком города является наличие в нем укреплений. Проводя раскопки, археолог исследует и городские укрепления, представленные прежде всего земляным валом. Вал легко выявляется, и если обнаружится, что под его земляной насыпью имеется культурный слой, содержащий материалы той же эпохи, то можно сделать вывод, что городу предшествовало неукрепленное сельское поселение. Обязательным документом для такого вывода должны быть полевые чертежи разрезов вала. Его земляную насыпь перерезают траншеей (обязательно до материка).

Рис. 1.29. Остатки 28 настилов древней новгородской улицы

Приступая к изучению других сюжетов — ремесла, застройки, быта населения, применяют различные методы, в том числе заимствованные у естественных и технических наук. Так, всегда возникает вопрос о месте производства найденных предметов. Несомненно, учитывая роль натурального хозяйства в материальной культуре древних обществ, следует предполагать, что большая часть найденных в раскопках предметов изготовлена местными мастерами из здешнего сырья. Однако утверждение, что все они результат местного производства, нуждается в доказательстве, особенно если это касается времен, когда получил развитие обмен. Один из способов установить место изготовления металлических предметов — сопоставление структуры их металла с составом руд различных регионов. В металле изделий, как и в рудах, содержатся примеси различных других, часто редких, элементов в микроскопических количествах, практически не сказывающихся на качестве металла. Но их видовой состав (или свита примесей) бывает различным. Его можно определить посредством спектрального анализа.

Если свита примесей в изделии совпадает со свитой примесей в местных рудах, то очень большая вероятность, что изделие изготовлено из местных руд. Районирование руд по составу примесей помогает установлению места добычи металла, из которого было изготовлено изделие. Так, своим составом сильно отличались медные руды Кавказа и Карпат, являвшиеся в бронзовом веке основными местными меднодобывающими регионами и поставщиками металла в Восточную Европу. Спектральный анализ металлических изделий эпохи бронзы позволяет легко определить место, откуда распространялся импорт вещей или просто сам металл, который в то время был предметом экспорта.

Состав примесей в металле, из которого были сделаны некоторые мечи, найденные в смоленских курганах дружинников X в., совпал с составом примесей в местных железных рудах, что было использовано учеными в споре о роли варягов в истории Руси.

Используя металлографические методы, можно точно определить из какого материала изготовлен нож (железо, сталь или их комбинация), раскрыть и изучить древнюю технологию, применявшуюся в кузнечном деле.

На рис. 1.31 показан разрез древнерусского ножа, подвергнутого металлографическому анализу. Для специалиста очевидно, что материал, из которого сделан нож, не однороден. Темная полоса в кружке отмечает стальную пластину, что использовали при изготовлении. Более светлый участок —

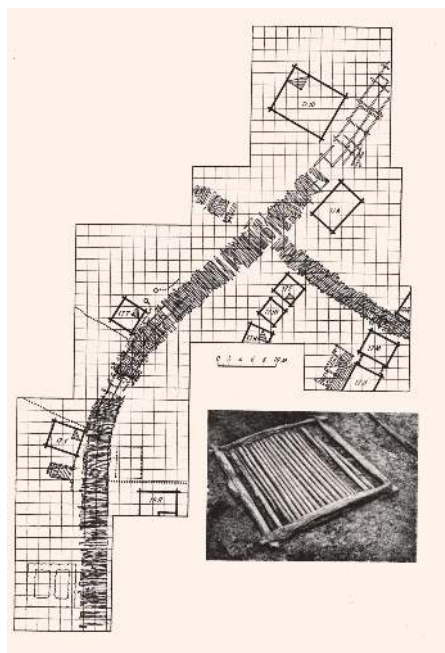

Рис. 1.30. План 17-го яруса на Неревском раскопе в Новгороде XII в.

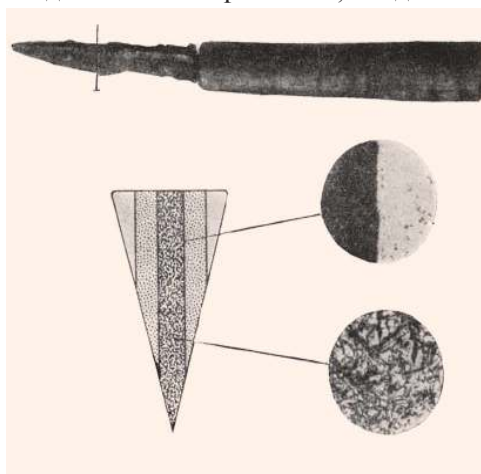

Рис. 1.31. Микроструктура ножа

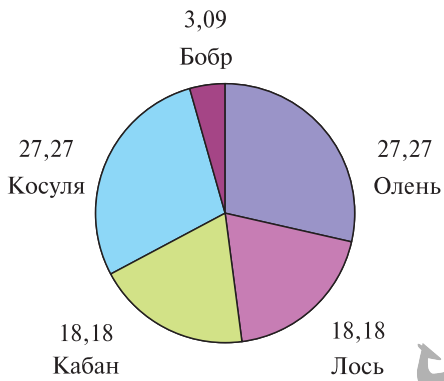

Рис. 1.32. Диаграмма соотношения видов диких животных, %

железо. Из структурного металлографического анализа ножа следует, что при его изготовлении использовали две полоски — железную и стальную. Доведенный до высокой температуры пакет проковывался и полоски сваривались между собой. Режущая часть лезвия была стальной, а железная основа придавала ножу мягкость, которая препятствовала его поломке при сгибании. Это говорит об умении древнерусских кузнецов, кроме железа, получать сталь, сваривать ее с железом, о владении техникой закалки. Таким образом достижения в металлургии и кузнечном деле, которые были тогда важнейшими из ремесел, раскрываются в ином свете.

Спектральный анализ стеклянных браслетов, распространенных в Древней Руси, позволил установить химический состав стекла того времени, меняющиеся рецепты, определить время появления отечественной рецептуры, основанной на местных компонентах, выделить импортные браслеты и пр.

Широкое применение при обработке массового материала получили различные математические методы.

Продолжая тему кооперации археологии с другими науками, отметим значительное участие биологов в изучении зернового материала, находимого в раскопках, костей диких и домашних животных. Биологи без труда отличают кости диких животных от домашних, определяют их вид и возраст, могут в процентах выразить состав домашнего стада, соотношение их мяса в рационе питания (рис. 1.32).

Использование новых, заимствованных у естественных наук методов вывело археологию на новый уровень, заменив во многом описательную манеру методами, применяемыми в других современных науках.

Интересное развитие получила экспериментальная археология или моделирование — когда археологи создают точные копии известных находок, придерживаясь или пытаясь повторить древние способы и приемы. Подобные эксперименты дают возможность точнее представить и изучить технологию и возможности древних орудий труда, а также более обоснованно судить об исчезнувших обществах, их культуре, образе жизни, трудовых занятиях.

В студенческие годы автору данной книги довелось прочесть брошюру политэконома о производительных силах в первобытном обществе. По его словам, они были настолько неразвиты, что на изготовление каменного полированного орудия человеку было недостаточно жизни: изготавливать топор он начинал в молодости, а завершал работу уже его сын. Создавалось впечатление, что человек все свое время тратил на изнурительный труд по изготовлению необходимых орудий. Экспериментальные работы показали, что на изготовление каменного сверленого полированного топора достаточно 40 ч. Чтобы срубить им сосновое дерево диаметром 25 см, требуется 15 мин (по некоторым сведениям 45 мин).

Для того чтобы изготовить каменными орудиями долбленную лодку, какой пользовались в каменном веке, достаточно было 12 дней при восьмичасовом рабочем дне. В бронзовом веке появился деревянный плуг, с помощью которого за равную единицу времени им можно было вспахать площадь в 50 раз больше, чем ручной мотыгой.

Ученые также экспериментально повторили процесс получения железа в древних печах (домницах). Были выяснены все детали сыродутного процесса: температура, которую можно было получить в печи, при каких условиях и как из руды выделяется железо и ка-

ков его выход. Оказалось, что при всей доступности процесса выход металла составляет всего 10 %.

Экспериментальная археология сильно изменила наши представления о жизни предков, позволив отказаться от многих фантазий и сделать научные реконструкции прошлого адекватными исторической действительности. Археология способна решать весьма сложные исторические проблемы. Одна из них — этногенез, история возникновения и развития народов, или этноса. Этнос — историческое явление. Все народы имеют свою хронологическую нишу. Не существует вечных народов, по мере развития этнос изменяет свой язык и культуру. Подобно языку, который имеет тенденцию к разделению и формированию на общей основе новых родственных языков, меняется и его носитель, а также его идентичность, названия народов. Исследованием этносов занимаются многие науки: лингвистика, этнология, антропология, археология (ее участие все более возрастает). Ведь этнос не только носитель определенного языка и этнического самосознания, но и материальной, и духовной культуры, а это уже в значительной степени предмет, которым занимается археология. Удалось установить, что этносы во многом различаются своей культурой: жилищами, одеждой, набором традиционных украшений, часто керамикой, погребальными обычаями и др. Применительно к древней истории все эти элементы в совокупности определяют понятие археологической культуры. Каждая совокупность имеет свой хронологический диапазон функционирования и, естественно, территорию, на которой она существовала. Выделив археологическую культуру, археология в состоянии определить, когда и на какой территории она существовала. Ареал культуры устанавливается картографированием ее памятников. Картографирование как метод исторического исследования широко используется в археологии.

Археологическая культура, как и любое историческое явление, имеет свою хронологию. Начальная дата устанавливается по самым ранним памятникам культуры, конечная — по финальным. Один и тот же народ может быть представлен несколькими последовательно сменяющимися археологическими культурами.

Если, используя различные источники, удастся установить самую раннюю археологическую культуру какого-либо народа, то можно решить один из важнейших исторических вопросов: о его прародине, первоначальной территории формирования и обитания, времени появления.

Средствами археологии можно обнаружить миграции народов, проследить их направления и пути. Например, если выявится, что комплекс наиболее ранних памятников той или иной археологической культуры первоначально занимал не весь ее ареал, то можно сделать вывод: первоначально этнос занимал меньшую территорию, а позже, посредством миграции, расширил ее. Уже в древности были прослежены переселения народов на новые земли, находящиеся за тысячи километров от их прародины.

Мигрирующие народы, как правило, осваивают уже занятые земли. Между пришельцами и местным населением возникали разные отношения (местных могли вытеснять, истреблять, или происходил процесс смешения). Все это прослеживается археологически. Интенсивные процессы смешения сильно меняют характер культур и могут привести не только к появлению новой, но и еще одного этноса.

В археологии и древней истории народы обычно фигурируют как носители археологической культуры или под именами, производными от этих названий. Например, носителей зарубинецкой культуры железного века называют зарубинцами, народы, оставившие культуры с так называемой шнуровой керамикой, — шнуровиками и т. д.

Однако всегда следует стремиться к тому, чтобы установить этнический характер носителя археологической культуры, а также язык, на котором он говорил. В содружестве с лингвистикой археология может решить и эту задачу.

В лингвистике существует раздел, изучающий и объясняющий происхождение и сущность географических названий, — топонимика. Особую группу составляет гидронимика, изучающая названия рек, озер и др. Гидронимы, как установлено, обладают удивительной устойчивостью во времени и могут пережить народы, давшие им эти названия. Изучая территориальное распространение гидронимов, принадлежащих к какому-либо языку, можно установить область обитания этноса, оставившего их. Если в этом ареале окажутся археологические культуры, возникновение которых совпадает со временем появления гидрохимической области, то логично предположить, что гидронимы были оставлены носителями археологической культуры или нескольких культур, занимавших ее.

В качестве примера обратимся к рис. 1.33, на котором штриховкой показаны археологические культуры железного века на территории Беларуси, а кружками — граница балтского гидронимического ареала. Поскольку область показанных археологических культур совпадает с ареалом балтской гидронимики и, учитывая то обстоятельство, что славяне пришли сюда не в железном веке, а позже — в Средневековье, можно сделать вывод, что носители этих культур были балтами.

Поскольку археология — историческая наука, то она не может обходиться без хронологизации материалов: раскапываемых поселений, могильников, сооружений, отдельных предметов, археологических культур в широком смысле и др. Потому одной из важнейших задач любого археологического исследования является установление их времени, так как без этого невозможно описание археологического материала и формулирование исторических выводов. Чем точнее установленные даты, тем солиднее выглядит археологическое исследование.

Многие думают, что в археологии, изучающей «седую» древность, тысяча лет не имеет особого значения. Действительно, для некоторых эпох это не имеет большого значения. На заре истории человечества, во времена древнего каменного века развитие культуры проходило настолько медленно, что за тысячи, а то и десятки тысяч лет, почти ничего не менялось, и датировки с точностью до нескольких десятков или сотен лет вполне устраивают науку. Однако чем ближе к нашим дням, тем стремительнее темпы исторического развития и тем большие требования предъявляются к точности датировок. Современная археологическая наука располагает различными методами, способами установления дат.

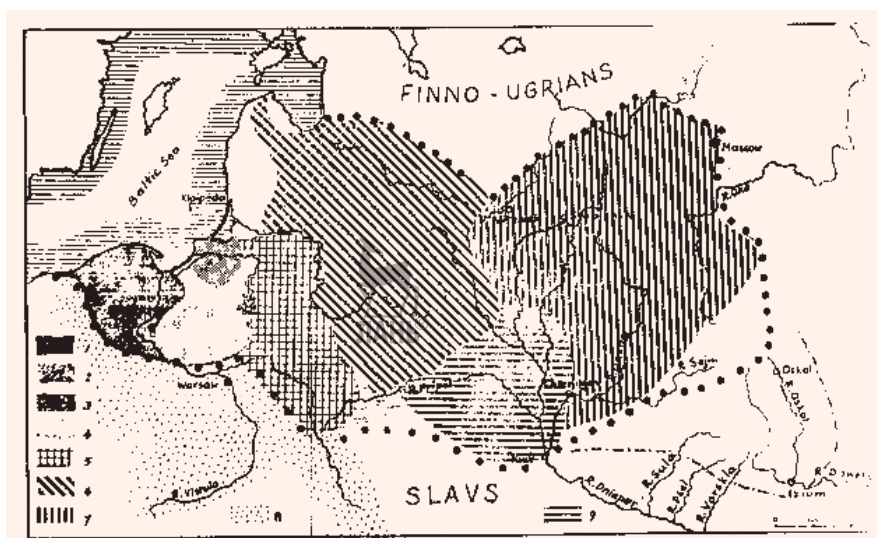

Рис. 1.33. Совмещение археологической и лингвистической карт (по М. Гимбутас)

Предположим, что мы с вами отправились на археологическую практику, нашли и раскопали курган. В кургане обнаружили костяк, на котором чудесным образом сохранились джинсы, а больше ничего нет. Сможем ли мы установить с приемлемой точностью время захоронения? Уверен, что каждый сможет это сделать, поскольку джинсовая ткань вошла в широкий обиход относительно недавно, а модели брюк менялись с калейдоскопической скоростью. Поэтому в данном случае установить дату погребения большого труда не составит. А если в кармане будет обнаружен еще и мобильный телефон, то степень точности будет еще выше. Этот пусть и несколько фантастический пример помогает понять суть весьма распространенного в археологии метода датирования, который принято называть сравнительно типологическим. Он основан на знании времени бытования предметов, аналогичных той или иной находки. Другими словами, найденный предмет имеет аналогии, время бытования которых уже известно археологам, и для датирования нужно только найти их в археологической литературе. Эффективность такого метода давно доказана практикой, но имеется еще один важный аспект: в раскопанном погребении может оказаться большое количество различных предметов. Если мы правильно определим дату захоронения по известным нам, хорошо датированным предметам (в составе комплекса могут быть и монеты), то эта дата может быть перенесена и на все остальные предметы, поскольку они оказались в захоронении в одно время. Так, шаг за шагом, археологи устанавливали и расширяли список датированных артефактов, которые в дальнейшем можно использовать в качестве аналогий для хронологических целей.

Археологи всего мира проделали колоссальную работу по установлению времени бытования огромного числа вещей и даже их отдельных типов и вариантов, разработаны и опубликованы типологические таблицы, в которых указаны даты вещей.

Обратите внимание на рис. 1.34, где отобразена эволюция топоров из камня (верхний ряд) и бронзы (нижний). Казалось бы, что простая рубящая функция должна была с самого начала определить его форму. Однако она постоянно видоизменялась не только переходом к новому материалу (камень, медь, бронза, железо), но и способом насадки на топориче и даже эстетическими соображениями. Археологи сумели не только выделить основные типы топоров, но и проследить время распространения каждого из них.

Рис. 1.34. Эволюция топоров: а – из камня; б – из бронзы

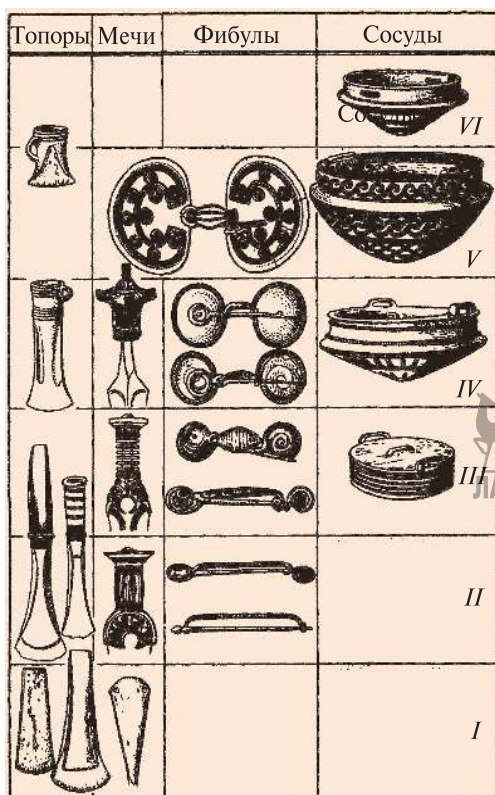

Рис. 1.35. Изменение форм некоторых типов вещей в различные периоды бронзового века

На рис. 1.35 показаны некоторые металлические вещи бронзового века и их изменяющиеся формы: топоры, рукояти мечей, украшения (фибулы) и посуда. По данному изображению можно установить дату (период бронзового века) найденного где-либо в раскопках или случайно предмета, если он аналогичен имеющемуся в ней. Интересно, что первоначальную дату европейским находкам бронзовых топоров дали египетские аналогии, даже, скорее, их изображения, встречающиеся вместе с датированными текстами. Последующие хронологические разработки европейских материалов подтвердили правильность этих дат и надежность сравнительно-типологического метода, который до сих пор остается одним из самых распространенных и широко используемых способов датирования.

Культурный слой формируется постепенно, и, естественно, древние напластования находятся глубже, чем молодые. Он, особенно при мощных напластованиях, обычно неоднороден: различаются слои по цвету или оттенкам, по грунту, бывает, что хорошо выделяются строительные горизонты или слои, связанные с разрушениями поселения пожарами или неприятельскими набегами. Все это в той или иной степени запечатлется

в культурном слое, в стратиграфии памятника и предоставляет хорошие возможности для изучения последнего в историческом разрезе. Хронология, основанная на стратиграфических данных, традиционно является субдо археологическим, обязательным и наиболее распространенным методом датирования. В чем состоит надежность и замечательная особенность этого метода?

Сравнивая и сопоставляя материалы из различных стратиграфических слоев, мы получаем возможность изучать историю поселений в относительной хронологической последовательности, шаг за шагом прослеживая развитие и изменения в его культуре.

Однако главное в том, что все артефакты, попавшие в тот или иной стратиграфический слой, будут синхронны ему и, следовательно, датироваться временем его формирования. Если можно определить хронологию слоя, то автоматически выявляются даты и всех предметов, обнаруженных в этом слое. Возможностей для датирования слоя достаточно много. В нем могут содержаться уже хорошо датированные предметы, например монеты. Так, в древнем Новгороде в различных стратиграфических горизонтах находили печати новгородских посадников, время правления которых отмечено в летописи. Наконец, среди множества археологических предметов есть такие, время бытования которых давно известно археологам. Таким образом, датированные предметы определяют хронологию стратиграфического слоя, а датированный слой — хронологию всех найденных в нем вещей и сооружений. В своих трудах археологи очень часто дают именно

стратиграфические определения хронологии находок. Совершенно очевидно, что, используя этот метод, необязательно тратить время на поиск даты каждой вещи отдельно.

Радиоуглеродный метод. В 1947 г. профессор Чикагского университета Л. Либби предложил оригинальный метод датировки по количеству содержащегося в веществе органического происхождения радиоактивного изотопа углерода с атомным весом 14, который получил название «датирование по С-14». Дело в том что в результате бомбардировки космическими лучами азота атмосферы возникает изотоп углерода, обладающий радиоактивными свойствами. Он содержится в воздухе и усваивается живыми организмами в процессе жизнедеятельности. (Полагают, что до проведения испытаний атомного оружия процент изотопа в атмосфере, как и в живом организме, был постоянен.) Но после гибели организма поступление углерода С-14 прекращается и начинается его постепенное убывание из органического вещества, вызванное распадом последнего. Период полураспада С-14 составляет около 5500 лет. Это значит, что примерно через 5500 лет после его гибели в веществе органического происхождения останется половина углерода С-14 от его нормы. Еще через 5500 лет его уже будет 1/4 часть и т. д. По количеству сохранившегося С-14 можно подсчитать, сколько лет прошло с гибели организма. Данный метод оказался применим в археологии, поскольку многие древние предметы, используемые человеком, были органического происхождения (дерево, кость, кожа, останки человека и съеденных им животных и птиц) и содержали данный изотоп. Этим методом можно получать надежные даты в хронологическом диапазоне от 1 до 100 тыс. лет. По остаточной радиоактивности других элементов с более длительными периодами полураспада стало возможным определять даты и более древних остатков человеческой деятельности.

При помощи этого метода можно датировать не только отдельные предметы. К примеру, на древних поселениях часто обнаруживаются остатки очагов. Сохранившийся в них уголь особенно удобен для датирования. Полученная дата одновременно датирует поселение в целом или какой-то период его функционирования и, соответственно, весь комплекс связанных с ним сооружений и вещей.

Интересно отметить, что когда методом по С-14 были передатированы многие археологические объекты, выяснилось, что археологи в целом правильно устанавливали их время с помощью традиционных археологических методов. Это очень укрепило престиж археологической науки и повысило доверие к ее историческим изысканиям.

За свое открытие Л. Либби был удостоен Нобелевской премии.

Археомангнитный метод. Очень перспективным представляется другой, заимствованный у естественных наук, метод датирования по остаточному магнетизму, известный как археомангнитный.

Как уже говорилось, многие горные породы обладают магнитными свойствами. К числу таких пород относится и глина. Имеющиеся в сырой глине «микромагнетики» располагаются хаотично и нейтрализуют друг друга, но если глину нагреть до 700 °С, то они, подобно освобожденной стрелке компаса, займут одинаковое положение своих полюсов соответственно направлению магнитных силовых линий земли. Такое положение сохранится и после остывания образца. Это делает обожженную глину своеобразным магнитом, уровень намагниченности которого можно измерить магнитометром. Этот уровень (или интенсивность намагниченности) соответствует природной интенсивности на момент обжига образца. Секрет, однако, заключается в том, что интенсивность земной намагниченности периодически изменяется: то возрастает, то уменьшается. Геофизики проделали большую работу, чтобы установить колебания во времени интенсивности земного магнетизма.

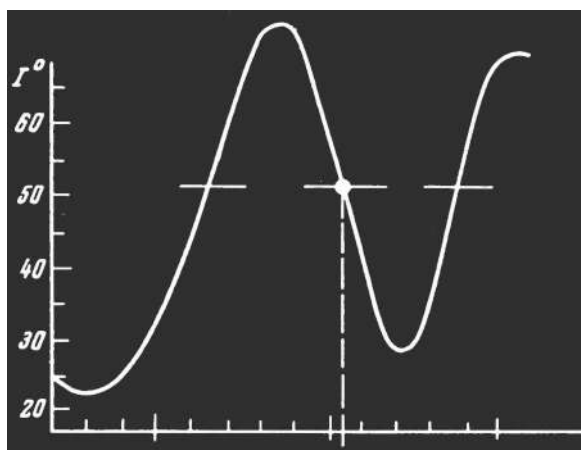

Рис. 1.36. График периодических изменений интенсивности земного магнетизма

На рис. 1.36 показан один из графиков, где на вертикальной линии отмечена интенсивность земного магнетизма, а на горизонтальной — время. По интенсивности остаточного магнетизма в измеряемом обожженном образце можно найти его место на графике и определить дату обжига. Материалом для определения даты обжига может быть кирпич, или под печи, или глиняный сосуд.

Однако выяснилось, что периодически изменяется не только интенсивность земного магнетизма, но и местоположение магнитных полюсов земли. Они, как говорят, блуждают, при этом с постоянной скоростью. Тем не менее по образцу глины можно определить точное положение магнитных полюсов на момент обжига глины. И если бы было известно, когда магнитные полюса находились в это время, то можно было бы определить дату обжига глины. Точность даты определяется этим методом в ± 13 лет, при этом независимо от того, как давно он был нагрет до точки Кюри (температура, при которой ферромагнитные материалы теряют постоянное магнитное поле). Широкое применение данного метода сдерживается пока еще неразработанностью графиков блуждания (кривых вариаций) магнитных полюсов применительно к конкретным регионам. Пока успешные результаты были получены только для области Средиземноморья.

Дендрохронологический метод. Современная археология располагает еще одним, поразительно точным методом установления дат — дендрохронологией. Он основан на сравнении годовых колец деревьев, произраставших когда-то в одно время. Первоначально был разработан климатологами, но позже оказалось, что метод может быть успешно применен и в археологии.

Многие деревья ежегодно прибавляют по одному годовичному кольцу, и по их количеству можно с точностью до года установить возраст дерева. Однако важнее то, что толщина колец у одного и того же дерева различна и зависит от климата на протяжении года. В благоприятный для роста дерева год — более толстое (широкое) кольцо, в неблагоприятный — узкое. У деревьев, произраставших в одно время, наблюдается одинаковое сочетание узких и широких колец, что и позволяет при сравнении выделить период их вегетации, и если одно из двух сравниваемых деревьев было срублено раньше, то это можно определить с точностью до года. Аналогично при сравнении бревен с разных построек. На рис. 1.37 показаны два графика, построенные на основе измерений толщин годовичных колец с деревьев, которые были использованы в двух разных постройках. Из графиков хорошо видно, что годовичные кольца деревьев в какой-то части графиков совпадают.

Это означает, что они какой-то период росли в одно время, и на их рост в равной степени влияли погодные условия. Неважно, в какое время они начали расти, важно – когда они были срублены. По графику после того как было срублено первое дерево (сруб 1), второе дерево (сруб 2) продолжало расти еще 8 лет. Из этого можно сделать вывод, что сруб 1 старше сруба 2 на 8 лет. Так, с точностью до года была установлена относительная хронология двух построек. Данные подсчеты можно производить не только с постройками.

В Новгороде одна из древних улиц хорошо сохранила 28 последовательно сооруженных (один поверх другого) деревянных настилов. Археологам удалось установить относительную хронологию этих настилов, поскольку мостовым соответствовали постройки и предметы, попавшие в землю в период функционирования соответствующей мостовой, то все они также получили свои относительные даты.

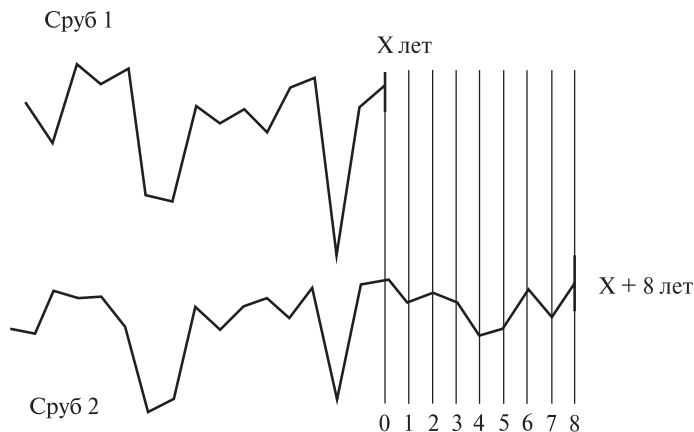

Рис. 1.37. Совмещение графиков годовых колец с двух построек

Кроме того, замечательной особенностью метода является возможность перевести относительные даты в привычные нам абсолютные, сопоставив, например, графики, снятые с деревьев древних построек с графиками чередования узких и широких колец деревьев, год рубки которых известен (если, конечно, сравниваемые деревья в какой-то период росли в одно время). В Новгороде, где проводятся многолетние и крупнейшие раскопки, составленные графики годовых колец 28 настилов мостовых были совмещены с графиками от бревен, использованных при сооружении некоторых храмов, год строительства которых отмечен в летописи. Это позволило установить точную дату всех мостовых и одновременных им построек, а также обширнейшему вещевому материалу.

КАМЕННЫЙ ВЕК

5. Ранний и средний палеолит

Если продолжительность истории земли представить в виде одного календарного года, то период существования человечества займет всего лишь 3,5 ч, а современного человека – всего 4,2 с.

Примерно около 5 млрд лет назад сгусток солнечного вещества вырвался из Солнца и превратился в его спутник. Медленно остывая, он стал планетой Земля.

Земля, продолжая остывать, сильно видоизменялась. В ее геологической истории ученые выделяют несколько больших эр, каждая из которых была намного короче предыдущей. Не только в истории человечества, но и в истории нашей планеты наблюдается процесс постоянного эволюционного ускорения. Архейская эра по длительности несопоставима с остальными, поскольку продолжалась значительно дольше других вместе взятых. Пришедшая ей на смену палеозойская эра продолжалась свыше 300 млн лет. Следующая – мезозойская – около 150 млн, кайнозойская – около 50 млн.

Эры делят на периоды. Так, в последней выделяют третичный и четвертичный периоды. С концом третичного сейчас связывают начало антропогенеза, но основное развитие человека приходится на последний, четвертичный период, начавшийся приблизительно 1 млн лет назад. Именно в этот геологический период появляется и формируется человек. Его еще называют антропогеновым (от греч. *anthropos* – ‘человек’).

В начальный период истории человечества климат, растительный и животный мир определяло не тепло, поступающее от Солнца, а раскаленное ядро Земли. И даже в периоды, называемые сейчас зимними, на полюсах было так же жарко, как и на экваторе (и там и там росла мимоза). При изучении древнейшей истории человека археологи часто обращаются к данным геологии. Теперь же, после небольшого экскурса в геологию, перейдем собственно к археологии.

В середине XIX в. датский ученый К. Ю. Томсен, работая с археологической коллекцией Копенгагенского музея северных древностей, разложил находки по материалу, из которого они были изготовлены. В одно место он сложил предметы из камня, в другое – из бронзы, в третье – из железа и предложил также соотнести каменные изделия с каменным веком, бронзовые – с бронзовым, железные – с железным. Так в науку о древней истории вошло ее деление на три века. Такую периодизацию истории называют археологической. Причем она оказалась настолько убедительной и удобной, что ею пользуются и сейчас.

Последующее накопление археологического материала и более углубленное изучение древнейшего периода истории человечества позволили ученым значительно детализировать археологические периоды.

Каменный век является самым длительным периодом в истории человечества. За это время произошло много изменений в жизни человека, его материальной деятельности и даже физическом и психическом развитии, что позволило ученым разделить каменный век на более мелкие отрезки, отвечающие особенностям развития человека и его культуры. Сначала было предложено разделить его на два этапа: палеолит (от лат. *paleos* – ‘древний’, *litos* – ‘камень’), или древний каменный век, и неолит (*neos* – ‘новый’), или новый каменный век. Позже было признано необходимым выделить промежуточный этап – мезолит (*mezos* – ‘средний’), или средний каменный век.

Затем и внутри этих больших эпох были выделены новые разделы: например, в палеолите — периоды раннего, среднего, позднего и позднейшего времени.

Ранний палеолит начинается с момента, когда человек впервые стал изготавливать орудия труда, что является основным признаком, отличающим человека от остальных живых существ. Чем дальше от нас конкретный археологический период, тем медленнее шло развитие человеческой культуры и тем дольше он продолжался. Так, если весь палеолит датируется приблизительно от 2 млн до 16—10 тыс. лет до наших дней, то на один ранний палеолит приходится время от 2 млн до 150—100 тыс. лет до наших дней.

В палеолите земля пережила несколько ледниковых периодов, сопровождавшихся формированием, наступлением и отступлением ледников. Ледниковые периоды дали особое название эпохе — плейстоценовая (ледниковая). Ледниковые периоды оказали колоссальное воздействие на человека и его культуру, поскольку люди вынуждены были приспосабливаться к суровым условиям существования.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению о причинах наступления ледниковых периодов и их количестве. Существует множество различных гипотез. К примеру, было популярно представление, что на определенных этапах между Землей и Солнцем появлялись туманности, которые препятствовали поступлению солнечного тепла, что и привело к постепенному охлаждению земной поверхности, появлению и росту ледников.

Предлагается также видеть причину оледенения в отклонении земной оси. Северный полюс отклонился от Солнца, и арктический ледник стал расплзаться, охватывая все новые и новые области.

Однако идея о связи с космическими явлениями со временем утрачивала сторонников, и внимание переключилось на земные процессы. Объяснение стали искать в изменениях направлений океанических течений, оказывающих сильное влияние на климат отдельных регионов. Например, расположенный на далеком севере Мурманск представляет собой незамерзающий порт благодаря тому, что до Баренцева моря, возле которого он располагается, доходит теплое течение Гольфстрим. Между тем Азовское море, находящееся на несколько тысяч километров южнее Мурманска, зимой покрывается коркой льда.

Есть предположение, что вулканические процессы в океанах могли преградить путь теплым течениям в Северное полушарие, тем самым изменяя их направление и вызывая понижение температуры. Таким образом, замерзшая в холодное время вода не успевала полностью растаять при наступлении тепла. В результате, лед накапливался, а занятая ледником площадь расширялась. Специалисты утверждают, что для роста ледника достаточно увеличить количество осадков и на несколько градусов уменьшить среднюю годовую температуру.

Как бы там ни было, ученые проследили в геологии четвертичного периода несколько ледниковых периодов. В Альпах, например, таких выявлено четыре, названных по четырем швейцарским поселениям: гюнц, миндель-рисс и вюрм. Ледниковые периоды перемежались с межледниковыми (гюнц-миндель, миндель-рисс и т. д.), вызванными потеплениями и, соответственно, отступанием ледников. Толщина ледников достигала нескольких тысяч метров.

Крайние колонки таблицы на рис. 2.1 показывают время геологических и археологических эпох и соответствующие им виды ископаемых людей. Так, самая ранняя археологическая эпоха — олдувай. С ней связаны первейшие каменные орудия, принадлежавшие человеку умелому (*Homo habilis*). Начало олдувая датируют приблизительно 2 млн лет назад, а 700—600 тыс. лет назад пришла эпоха раннего ашеля, с которой связан питекантроп.

Геологические эпохи, ледниковые и плейстоценовые периоды		Абсолютный возраст, тыс. лет	Подразделения палеолита		Вид человека
Голоцен		10	10		человек разумный
Вюрм (валдайское оледенение)					
Рисс-вюрм (микулинское межледниковье)		80	100	Мустье	гейдельбергер
Плейстоцен	Рисс (днепровское оледенение)	120	300	Поздний и средний ашель	
	Миндель-рисс (лихвинское межледниковье)	200			
	Миндель (окское оледенение)	350			
	Гюнц-миндель	500	700	Древний ашель (аббевиль, шель)	
Гюнц		700			
Гюнц		1000	700	Олдувай (дошэль)	питекантроп человек умелый
Дунай		2000			

Рис. 2.1. Синхронистическая таблица

Позже, спустя примерно 350 тыс. лет ранний ашель уступил место позднему ашелю. При изучении археологического материала нужно четко представлять, с какой геологической и археологической эпохами он связан, как он и эпоха датируются и кто был их создателем.

Видно, как 14 млн лет назад произошло весьма важное событие: наш общий с обезьяной предок — дриопитек — породил две отдельные линии последующего развития своих потомков. Одна была связана с поэтапной эволюцией от обезьяноподобных предков к современному человеку, другая — с развитием современных человекообразных обезьян.

Подробнее рассмотрим эпоху раннего палеолита. Еще великий античный философ Тит Лукреций Кар писал, что древнейшими орудиями человека были палка, зубы и когти, затем камень и потом металл. Умозрительно он правильно угадал значение камня в трудовой деятельности первобытного человека, потому что, действительно, основной материал, из которого первые люди стали изготавливать орудия, — камень.

Тем не менее как отличить каменное орудие, изготовленное человеком, от естественного камня, иногда очень напоминающего по форме древнее орудие? Археологи выработали способы изображать их в рисунке, на котором видны все действия, что человек проделал с камнем для получения нужного результата (рис. 2.2). Вначале делается обводка предмета (см. рис. 2.2, 1). Затем на рисунок наносятся контуры ячеек, оставшихся от сколотых частей в процессе изготовления орудия (см. рис. 2.2, 2). Далее места сколов (негативы) покрываются штрихами, придающими рисунку объемность или рельеф (см. рис. 2.2, 3). В результате отчетливо виден процесс изготовления орудия: где, что и в какой последовательности с камня снимались сколы с намерением придать ему заданную форму.

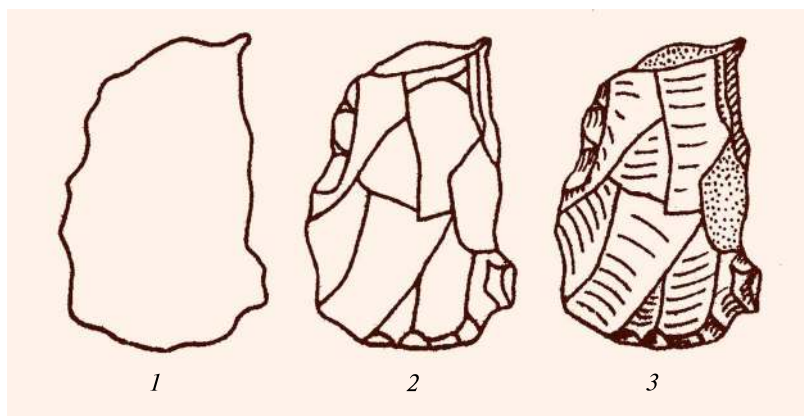

Рис. 2.2. Создание археологического рисунка изделия из кремня:
 1 – обводка предмета; 2 – контуры ячеек от сколотых частей;
 3 – заполнение мест сколов штрихами

В свое время ученые приложили немало усилий, чтобы отличить предметы, сделанные рукой человека, от просто похожих камней. Такие камни получили даже особое название – эолиты (древние камни). Теперь же подготовленный археолог может легко отличить даже маленький отщеп, сколотый рукой человека, от похожего на него куска камня, приобретшего сходную форму в результате случайных ударов при столкновении с твердыми породами (другими камнями, каменистым дном или берегом).

Каковы же критерии разграничения? Приступая к изготовлению орудия, человек, как правило, продельывает предварительную работу: сбивает часть камня и получает плоскую площадку (ударная площадка). После, ударами по ее краю, он скалывает отщепы (рис. 2.3), которые затем в результате дальнейших действий превращает в нужные ему орудия. Сам отщеп, сбитый с ударной площадки, сохраняет ее часть, и уже это есть свидетельство о деятельности человека. Сохраняются и другие признаки. Так, при сильном ударе при снятии отщепа сверху на его внутренней стороне («брюшке») образуется небольшой бугорок («ударный бугорок»), под которым иногда бывает небольшая выщербина. На «брюшке» заметна легкая волнистость, подобная той, что возникает на поверхности воды, когда в нее бросают камень. Все это в совокупности указывает на то, что даже необработанный отщеп является либо отходом, либо заготовкой для дальнейших операций.

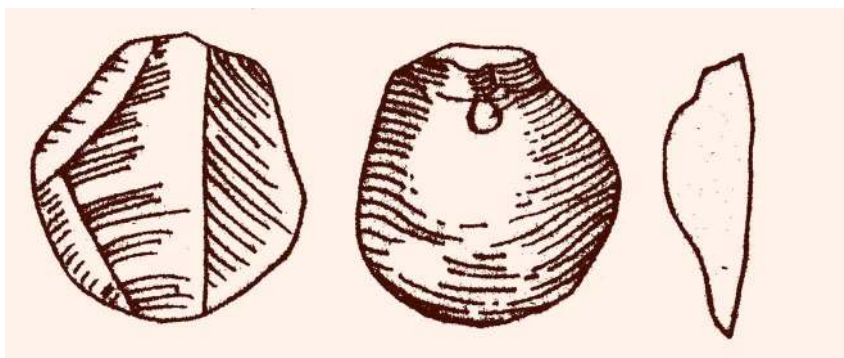

Рис. 2.3. Отщеп, снятый рукой человека

Как уже было отмечено, первым из известных нам древних людей был *Homo habilis*, ставший создателем олдувайской культуры, названной по каньону в Кении. Для нее характерны орудия, изготовленные из гальки, почему их и называют галечными.

Выделяют две основные разновидности галечных орудий олдувайской эпохи: чопперы и чоппинги, — назначение которых трудно понять (рис. 2.4). *Homo habilis* питался в основном орехами, за что получил прозвище Щелкунчик. Полагают, что чопперы и чоппинги предназначались для разбивания орехов, что, впрочем, можно было делать и простым камнем. Однако важно не столько их предназначение, сколько сам факт сознательной трудовой (орудийной) деятельности, что выделяет человека умелого среди тогдашних живых существ и позволяет отнести к новому виду — формирующемуся человеку. Появление первых искусственных орудий и их создателей открывает в истории земли эпоху человечества.

Homo habilis был приблизительно 90 см высотой и передвигался на нижних конечностях. Его родина — Африка, и в то время как в Европе наступил ледниковый период, там значительного понижения температуры не было. Но благодаря обильным осадкам там установилась так называемая плейвиальная эпоха. Место современной пустыни Сахара занимала покрытая высокой и разнообразной растительностью саванна, заселенная столь же разнообразными животными, в том числе и опасными для человека хищниками, по ней текли многоводные реки. Чтобы улучшить обзор в пространстве, человек вынужден был стать на ноги, а руки освободить для трудовых операций и защиты.

Около 1 млн лет назад человек умелый эволюционировал в более развитый вид — человека прямоходящего (*Homo erectus*), с которым связывают выход человека за пределы Африки и начало широкого расселения, поскольку первая находка этого вида — питекантроп (от греч. *pithekos* ‘обезьяна’, *anthropos* — ‘человек’) — была сделана в 1891 г. на острове Ява доктором Э. Дюбуа. Питекантроп переводится как «обезьяночеловек», достаточно точно определяя сущность этого вида. С одной стороны, он уже владел умением изготавливать орудия труда — черта, присущая человеку, с другой — даже несмотря на ограниченное количество останков, его образ поддается реконструкции, и видно, что он сохранял много обезьяньих черт: низко посаженную голову, большие надбровные дуги, низкий, уходящий назад лоб, отсутствие подбородочного выступа.

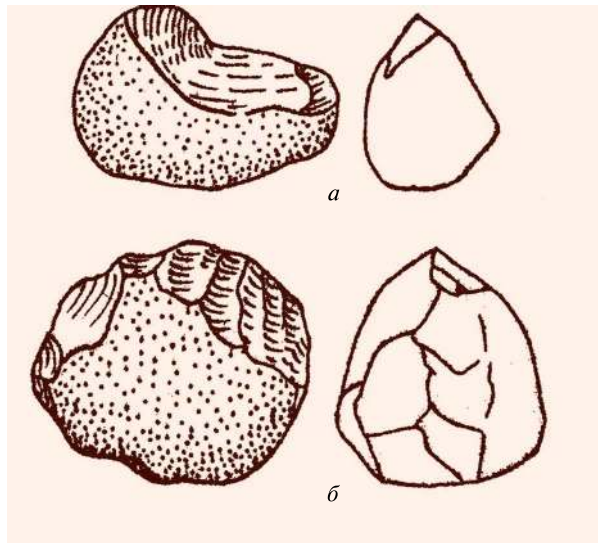

Рис. 2.4. Олдувайские орудия: а — чоппер; б — сфероид

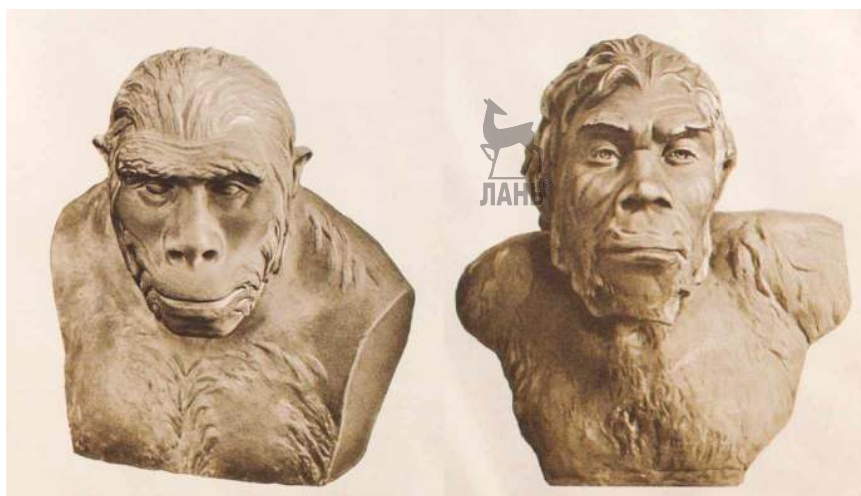

Рис. 2.5. Питекантроповые ископаемые люди:
1 – питекантроп; 2 – синантроп (реконструкции М. Герасимова)

Однако у него был большой объем мозга, более чем в два раза превышающий объем мозга человекообразной обезьяны — от 700 до 900 см³. Правда, большая часть мозгового вещества находилась в затылочной части черепа, где сосредоточены центры, координирующие движение и ориентирование в пространстве. Конечности человека прямоходящего позволяли ему легко лазить по деревьям, на которых он, возможно, устраивался на ночлег, опасаясь диких хищников.

Количественный показатель объема мозга, несомненно, один из важнейших факторов, по которому можно судить о развитии психической деятельности. Тем не менее одних цифр недостаточно, чтобы оценивать интеллектуальные возможности человека, и хотя у современных людей объем мозга в среднем составляет около 1500 см³, он сильно варьируется. У Вольтера, например, он составлял 800 см³, а у Байрона — свыше 2 тыс. см³, но это не означает, что Байрон в два раза интеллектуально превосходил Вольтера. Центры высшей психической деятельности сосредоточены в коре головного мозга. В процессе мыслительной деятельности мозг развивался быстрее черепной коробки. Чтобы увеличить полезную площадь коры мозга, мозг сжимался, образуя извилистую поверхность. Так что дело не только в общем объеме, а, образно говоря, в количестве извилин.

Полагают, что важной и необходимой частью речевого аппарата современного человека является подбородочный выступ, отсутствовавший у питекантропа, отчего он не мог владеть членораздельной речью. Однако определенный набор звуков, которые он мог издавать, помогали ему в общении с сородичами, поскольку даже некоторые обезьяны в голосовом арсенале имеют их свыше 40, способных передавать тот или иной смысл. Думается, что в этом плане человек прямоходящий, как более совершенное существо, ушел дальше человека умелого.

Начавшийся ледниковый период сковал огромные массы воды. В результате сильно понизился уровень мирового океана, и на месте Средиземного моря возникли огромные озера. Европа оказалась соединенной с Африкой двумя мостиками суши. Один прошел через нынешний Гибралтар, другой — по Апеннинам к Тунису. Есть мнение, что по ним 600–700 тыс. лет назад гейдельбергский человек (одна из разновидностей *Homo erectus*) смог проникнуть из Африки в Европу. Когда на севере начал расти ледник, в Европе

несколько похолодало, и жаркий тропический климат сменился теплым субтропическим с соответствующим растительным и животным миром. Для фауны были характерны слон и носорог. Именно в такой естественной среде обитал человек, связанный с археологической эпохой, получившей название «ранний ашель» (по стоянке во Франции).

Человек рано определился с породой камней: излюбленным материалом, сохранившим свое значение в течение всего каменного века, был кремнь. Все дело в таких его ценных свойствах, как твердость, широкая распространенность, способность легко раскалываться, оставляя острые края. В начале каменного века человек довольствовался поверхностными сборами кремня, в конце же стал добывать его в недрах земли через вырытые шахты.

Устойчивым орудием новой эпохи стало ручное рубило. Это большое, иногда до 18–20 см в длину, изделие из кремня или обсидиана (рис. 2.6). Классическое рубило имело овальную или миндалевидную форму с острым рабочим концом внизу и естественной или специально подработанной, чтобы не поранить руку, верхней овальной частью («пяткой»). Изготавливали ручное рубило техникой двусторонней обивки. Название не совсем удачное, поскольку кусок кремня оббивался со всех сторон. Снималось все лишнее, чтобы получить изделие нужной формы. Из одного куса получалось только одно орудие, остальное шло в отходы. Правда, некоторые из сбитых отщепов, возможно, могли использоваться в качестве режущих ножей, но их никогда не подвергали дополнительной обработке, потому орудиями называть их не следует.

Ручное рубило являлось универсальным орудием. Им можно было забить зверя, разбить кость (чтобы добыть костный мозг), выкопать корень или накопать червей для употребления в пищу. Непонятно, где и как хранились рубила: одежды с карманами тогда еще не было, мешков и рюкзаков тоже. А если иметь в виду, что ночь люди нередко проводили на деревьях, то вопрос вполне закономерен. Впрочем, выяснено, что в это время человек устраивал убежища или поселения в пещерах или под навесом скал. Мог он хранить орудие и в условном месте, например, в специально вырытой ямке, как это делают некоторые животные с остатками пищи.

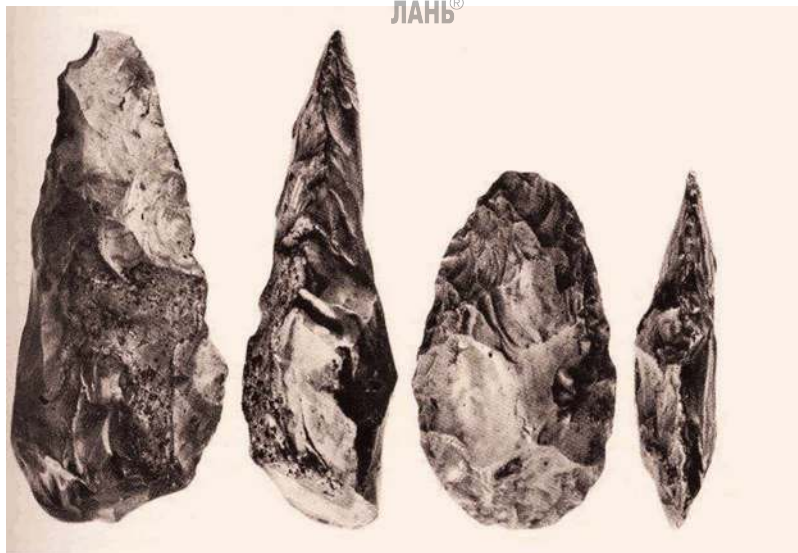

Рис. 2.6. Ручные рубила раннего ашеля

Как уже говорилось, на стоянках встречается множество производственных отходов, из которых 80 % — кремьнь.

В охоте применялась палка. Так, во Франции был найден скелет южного слона, между ребрами которого застряла палка, использовавшаяся, очевидно, в качестве копья. Тем не менее человек не был хищником, скорее — всеядным.

Европейский человек жил в условиях тропиков с обильной растительностью и теплым, влажным климатом. Под навесами скал находили остатки кострищ. Возможно, люди использовали огонь для самосохранения и отпугивания хищников. Человек — единственное существо, которое не боится огня, но едва ли он тогда мог добывать его. Скорее, научился сохранять огонь, зажженный молнией.

Приблизительно 300–350 тыс. лет назад наступила эпоха позднего ашеля, и к этому времени сильно похолодало. На севере сформировался и продвигался к югу ледник. Так наступил первый в истории человечества ледниковый период. Вместе с изменениями природной среды менял образ жизни и человек, приспосабливаясь к новым реалиям. Сказывался приобретенный опыт борьбы за существование. Полагают, что именно в этот период человек мог научиться получать огонь трением. Трудно представить, как бы он выжил без огня.

Ручное рубило по-прежнему оставалось единственным созданным орудием, но техника изготовления была заметно усовершенствована. Несколько изменился и вид рубила (рис. 2.7). При сохранении техники двусторонней обивки оно стало более плоским и по форме больше напоминало миндаль. Значительно увеличилось количество снятых мелких сколов, что хорошо видно при сравнении орудий раннего и позднего ашеля. Явственнее обозначилось ребро, которое можно было использовать при разрезании.

Постепенные преобразования касались и самого человека. В Китае в одной из пещер Чжоукоудянь, расположенной недалеко от Пекина, в 20-х гг. XX в. были найдены останки синантропа, или китайского человека. Интересна история его открытия. Внимание ученых привлек факт, что местные знахари изготавливали какой-то целебный порошок из костей, находимых в названной пещере. В результате выяснилось, что это кости не животных, а существ, представляющих собой продвинутую разновидность питекантропа. Однако странно, что их останки были представлены в основном черепами, которых найдено до 40 штук. Черепа были упакованы в ящики и отправлены для изучения в Европу, но по пути бесследно исчезли.

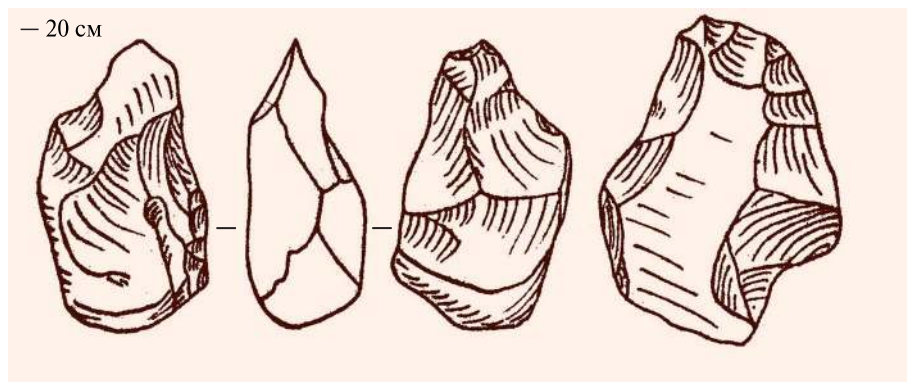

Рис. 2.7. Ручные рубила позднего ашеля

Рис. 2.8. Неандерталец

Исследование сохранившихся останков и условий их обнаружения показало, что синантроп жил во времена позднего ашеля. В развитии он значительно придвинулся к современному человеку: объем мозга у мужчин составлял 1200 см^3 , у женщин — 1125 см^3 . В отличие от питекантропа форма мозга стала асимметричной: левое полушарие крупнее правого, — что позволило заключить о праворукости синантропа. Несомненно, это было результатом усложнившейся орудийной деятельности, делавшей его все более умелым.

Было сделано еще одно важное наблюдение: в области виска обозначилась выпуклость, с которой связывают центр, регулирующий речь. Синантроп, безусловно, превосходил питекантропа в общении посредством звуков, но поскольку у него тоже отсутствовал подбородочный выступ, его речь все же мало походила на язык современного человека.

Считается, что в конце эпохи был изобретен еще один способ изготовления каменных ору-

дий — техника скола. Это открытие было настолько значимым, что дало основание считать его началом нового периода в археологической периодизации — среднего палеолита. Логика выделения этой эпохи подтверждается и переменами, произошедшими в антропогенезе.

Около 345—300 тыс. лет назад на основе европейского гейдельбергского человека (протантроп) возник более совершенный вид человека — неандерталец (рис. 2.8). Останки впервые нашли в 1856 г. в Германии, в долине Неандерталь, неподалеку от Дюссельдорфа. Вид его был настолько необычен, что стал предметом долгого спора. Некоторые приняли кости за останки животного. Профессор из Геттингенского университета по неизвестным причинам назвал скелет древним голландцем, еще один парижский ученый — древним кельтом. Профессор из Бонна считал находку скелетом погибшего в 1814 г. русского казака. Знаменитый врач Р. Вирхов пришел к выводу, что кости принадлежат современному человеку со следами старческой деформации. Даже сохранилась шутка, что и сейчас в любом собрании людей можно встретить по меньшей мере одного неандертальца. Только одна личность — учитель гимназии — высказала правильное предположение, что останки могли принадлежать древнему человеку. Науке понадобилось ровно пятьдесят лет, чтобы определить место неандертальца в истории человеческого развития.

Интересно, что неандертальца нашли на 32 года раньше, чем питекантропа, но его роль в эволюции человека долгое время не признавалась. И даже Ч. Дарвин, к этому времени теоретически обосновавший идею происхождения человека от приматов, не осознал значения находки. Его смутил слишком большой объем мозга. Дискуссия о месте неандертальца в родословной современного человека продолжается и в наши дни.

Кроме того, становились известными другие находки неандертальцев и некоторые из них сопровождалась костями давно вымерших животных. Древность неандертальца была доказана задолго до появления новых методов датирования. Время его существования определяли в пределах 100—40 тыс. лет назад. С появлением радиоуглеродного и других методов установления дат возникновение неандертальца по мере обнаружения новых останков отодвигалось в глубь тысячелетий до 150, 200 и даже 300 тыс. лет назад.

Эпоха неандертальца приходится на рискованный ледниковый период. Ледник распространился на огромную территорию Европы. Его южная граница проходила от устья Темзы на западе через Среднюю Германию и Польшу, покрывая территорию Беларуси двумя рукавами и опускаясь по Днепру и Волге до Днепропетровска и Волгограда. К югу от ледника шла тундра, переходящая в холодную степь. Именно в такой суровой среде с кратковременным потеплением в летнее время приходилось жить неандертальцу. Растительной пищи было мало, она была сезонной и не могла насытить человека. Ему также нужно было защищать себя от холода, для чего использовались шкуры зверей. Следовательно, неандерталец вынужден был стать охотником. Накормить большую группу сородичей возможно только мясом крупных животных, таких как мамонт, шерстистый носорог, зубр, позже – олень. Охота на них требовала объединенных усилий. Это сплачивало людей, побуждало к более тесному и понятному общению. Потребность поделиться опытом и передать его новому поколению подталкивала развивать и совершенствовать способы общения, способствовала становлению речи. Зарождается первобытная община, организующая коллективные действия для добывания пищи, в досуге и заботе о сородичах. Жизнь в условиях арктического и субарктического климата заставила неандертальца строить искусственные жилища, используя в качестве строительного материала кости и шкуры животных. Такое жилье впервые нашли в 1959 г. около поселка Молодова.

О высоком развитии неандертальца свидетельствует появление сознательных захоронений умерших. Впервые погребение (мальчик) было обнаружено в Узбекистане в пещере Тешик-Таш. Покойник лежал на боку с подогнутыми ногами. Самое интересное, что в землю вокруг могилы были воткнуты рога горного козла. Это, несомненно, ритуал, свидетельствующий также о становлении первобытной религии. Позже неандертальские захоронения будут найдены и в Европе.

Археологическая культура неандертальского человека получила название мустье по стоянке во Франции. Орудия изготавливались техникой скола, что в корне отличается от техники двусторонней обивки. Подбирается достаточно крупный кусок кремня, которому при помощи обивки придавалась форма диска (у некоторых края специально приплюсались). Такой предмет – нуклеус (от лат. *nucleus* – ‘ядро’) (рис. 2.9).

Затем ударами отбойника по краю скалывались широкие отщепы, которые благодаря форме диска приобретали треугольные очертания. Следующая операция состояла в том, чтобы при помощи новой техники ретуши различными приемами снять с отщепов мелкие чешуйки и превратить нуклеус в специализированное орудие. Следовательно, изготовление мустьерских орудий носило многоступенчатый характер. Одно это свидетельствует о достаточно высоком уровне развития психики неандертальца, его способности представлять конечный результат многоходовых операций.

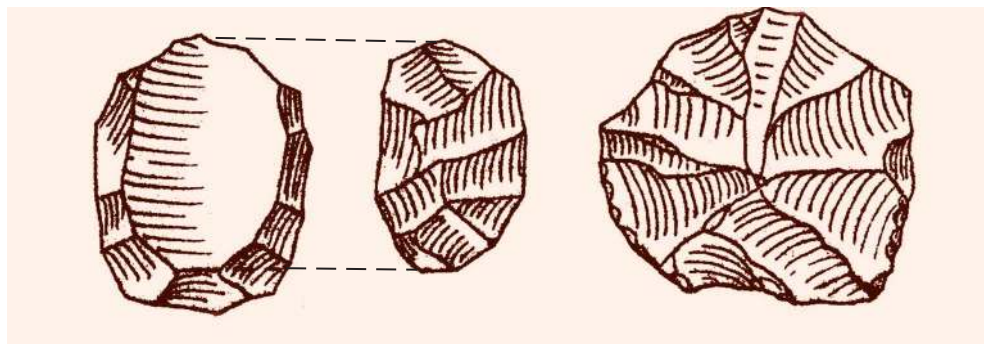

Рис. 2.9. Мустьерские нуклеусы

Следует отметить одно важное достоинство новой техники: если при технике двусторонней обивки из куска кремня получали только одно орудие (ручное рубило), то с помощью техники скола с одного куска, точнее нуклеуса, можно было изготовить столько орудий, сколько удавалось сколоть пластины. По некоторым подсчетам археологов, неандерталец мог снять с куска кремня от 50 до 70 отщепов с очень острыми краями.

Известно три основных орудия культуры мустье. Если у снятой с нуклеуса треугольной пластины (отщепы) обработать ретушью две стороны, то получится остроконечник (рис. 2.10). В литературе его иногда называют мужским ножом из-за достаточной многофункциональности. В последнее время были получены доказательства применения остроконечника в качестве наконечника копья, что раньше оспаривалось. Удивительно, но наконечник скреплялся с древком копья очень прочным клеем, который неандерталец научился делать из дегтя, получаемого из березовой коры, подвергая ее термической обработке при очень высокой температуре. В природе такой клей не встречается.

Если ретушью была обработана только одна сторона пластины, то получалось скребло (см. рис. 2.10), использовавшееся в качестве ножа, а также для обработки шкур, с которых соскребалась мездра.

Пластины, у которой на одной стороне делалась выемка, называют скобелем. Считается, что им обрабатывали дерево, счищая с него кору или заостряя конец. Эти три основных орудия мустье могли несколько варьироваться по форме и размерам в зависимости от нуклеуса и сколотой с него пластины.

Неандерталец, создатель культуры мустье, преуспел во многом. Ему принадлежит честь изобретения техники скола и ретуши, что применялись в течение всего каменного и бронзового веков. Как биологическое существо хорошо приспособился к окружающей среде и выдержал ледниковый период. Был очень вынослив и силен физически, обладал мощной мускулатурой, поскольку в поисках пищи ему приходилось преодолевать большие расстояния и менять место обитания своего клана, а чтобы убить крупное животное неандерталец был вынужден, преодолевая страх, подойти к нему на расстояние вытянутой руки и поразить сильнейшим ударом копыя. Тело убитого зверя разрезали острыми отщепами и жарили на костре. Неандерталец обладал бледной кожей, чтобы потреблять больше света в столь сложной и холодной среде. Однако тело его было тучным, руки — длинными, ноги — короткими, присогнутыми в коленях, грудная клетка напоминала бочку. Он был ниже современного человека, кроме ревматизма и кариеса, почти ничем не болел. Его мозг по общему объему был равен мозгу современного человека, но продолжительность жизни являлась небольшой: единицы доживали до 60 лет. Большинство умирали, не прожив и 30 лет. Смерть от зубов и когтей хищников была почти естественной смертью неандертальца.

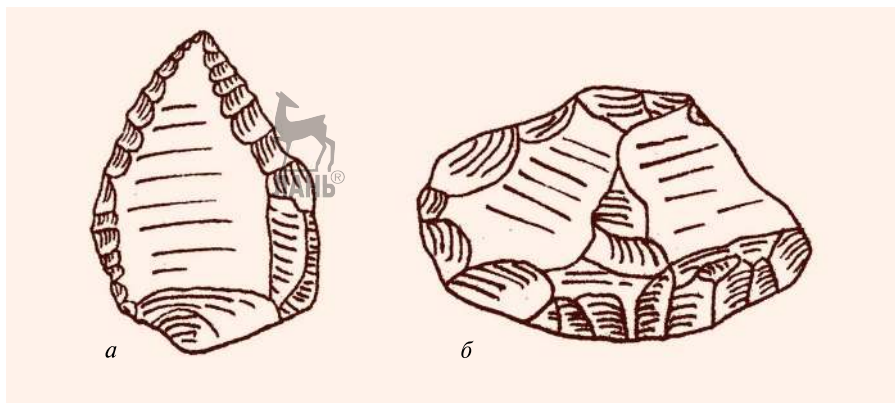

Рис. 2.10. Мустьерские орудия: а — остроконечник; б — скребло

Существуют данные, свидетельствующие о вспыльчивости и агрессивности неандертальцев. Тем не менее они жили кланами, заботились о старых членах общины. Есть доказательства и чисто человеческих черт. Так, анализ пыльцы в одном погребении показал, что тело похороненной женщины было усыпано цветами. Выявлены также захоронения, в которых покойники уложены рядом и засыпаны землей, а на сами могилы положены камни.

Неандертальцы, несомненно, обладали абстрактным мышлением. В этом убеждает их многоходовая техника изготовления орудий. Возможно, они украшали себя большими перьями стервятников и раскрашивали тело краской.

На стене одной из пещер Гибралтарской скалы, в которых долгие годы жили неандертальцы, был обнаружен написанный краской рисунок сетки. Радиоуглеродный метод анализа краски определил дату рисунка – 39 тыс. лет.

Тем временем в Африке на основе местного вида гейдельбергского человека сформировался человек современного типа – человек разумный, или *Homo sapiens*. Приблизительно 40 тыс. лет назад он появился в Европе и вступил в контакт с неандертальцами, открыв новую археологическую эпоху – поздний палеолит.

Судьба неандертальцев продолжает волновать ученых. Господствуя в течение сотен тысяч лет на громадном пространстве от Атлантики до Сибири, приспособившись к суровой среде, не испытывая никаких давлений со стороны подобных им существ, они все равно утрачивали свою территорию. Численность населения, составлявшая некогда десятки тысяч, все более сокращалась и 40–35 тыс. лет назад свелась к нескольким кланам, сохранившимся в Южной Европе. Они исчезли полностью, не оставив потомков. Было ли это предопределенное вымирание популяции, результат мора, вызванного особым видом вируса или же повсеместное истребление появившимися на его территории новым видом человека.

6. Поздний палеолит

Около 40 тыс. лет назад в Европу пришел новый вид человека – человек разумный, или *Homo sapiens*, более высокий, стройный, быстрый, выносливый и сообразительный, чем неандерталец. Если бы, как в известной французской кинокомедии «Замороженный» (1969 г.), удалось обнаружить замороженного во льдах человека позднего палеолита и оживить, то мы не смогли бы отличить его от современных людей. Он принес новое оружие – метательное копьё, и усовершенствованную технику изготовления каменных орудий. Европа вступила в поздний палеолит.

Обладая метательным оружием, человек разумный мог поражать зверя или неприятеля на расстоянии, и в этом заключается его огромное преимущество перед неандертальцем. Трудно точно сказать, какие отношения сложились у него с неандертальцем и как неандерталец отнесся к пришельцам, ведь даже звери охраняют свою территорию. Новые люди, несомненно, являлись конкурентами неандертальца в охоте, но он однозначно проигрывал быстрому, ловкому и обладающему более эффективным охотничьим оружием человеку разумному. Почти отсутствуют очевидные данные о борьбе между пришельцами и неандертальцами, однако если такое и было, то малоподвижный, хотя и превосходящий в физической силе неандерталец, имел меньше шансов в столкновении. Неандерталец мог вонзить копьё в тело врага только сблизившись с ним, чего *Homo sapiens* был в силах не допустить. Как бы там ни было, идея о том, что современный человек истребил неандертальцев, по-прежнему остается только предположением, поскольку материалы показывают, как катастрофически сокращалась популяция неандертальцев еще до прихода человека разумного.

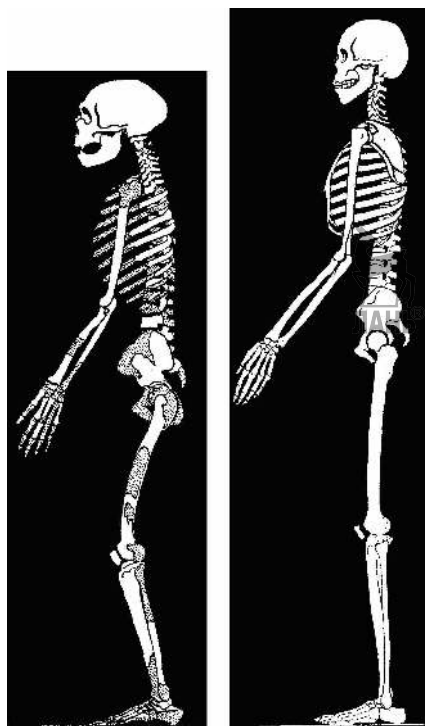

Рис. 2.11. Сравнение скелетов неандертальца и современного человека

Маловероятным также представляется предположение ассимиляции неандертальца человеком современного типа: слишком различны по внешнему виду (рис. 2.11), психике и возможностям языкового общения. Неандерталец сильно напоминал своего обезьяньего предшественника. У него была низко посаженная, выступающая вперед голова, обезьяний подбородок без подбородочного выступа, мощные надбровные дуги, низкий лоб, иные пропорции тела и манера передвижения — совсем другая эстетика. Происхождение общего гена, обнаруженного учеными у неандертальца и *Homo sapiens*, может иметь разное объяснение.

Человек разумный принес в Европу новые каменные изделия и технологию их изготовления, что стало характерной чертой позднего палеолита. В этот период орудия стали делать не из широких отщепов, как это было в среднем палеолите, а из тонких ножевидных пластин, почему данную индустрию называют пластинчато-резцовой. Еще одно выдающееся событие — расцвет пещерного искусства.

Поздний палеолит пришелся на последний ледниковый период (вюрмский). И если начало этого археологического периода в Европе связывают с расселением здесь человека разумного и датируется 35–40 тыс. лет до н. э., то окончанием принято считать конец ледникового периода.

Последний ледник оставил Европу приблизительно к 8300 г. до н. э. Следовательно, поздний палеолит приходится на время с 35–40 до 8–12 тыс. лет до н. э. Колебания во времени носили региональный характер. В условиях малочисленности населения, обширности пространства и слабых культурных контактов различия в датировках естественны.

Считается, что в позднем палеолите сложилась новая форма организации людей — родовая община. Стали запрещены брачные отношения внутри рода, и человек был обязан брать партнера из другого рода. Таким образом появились брачующиеся роды. Два или несколько брачующихся рода составляли племя. Как видно, социальная организация общества сильно усложнилась.

При непрочности брачных связей личность отца ребенка не всегда была известна. Дети воспитывались в роду матери, и брак на той стадии был матрилокальным. Не жена уходила в род супруга, а, наоборот, супруг приходил в род (общину) жены. Сложилась система, при которой женщина занимала высокое положение в обществе как мать, воспитательница детей и хранительница домашнего очага. Такой род принято называть материнским.

С чисто археологической точки зрения, поздний палеолит — это настоящая эпоха. Человек смог усовершенствовать технику обработки камня и создать свыше 100 видов различных изделий, предназначенных для разных целей. При этом использовался не только камень, по-прежнему остающийся основным материалом, но и кость, рог, дерево, кожа.

Хотя вюрмский ледник занимал площадь значительно меньшую, чем предшествующий рисский, однако холода были максимальными. К югу от ледника шла тундра, переходившая в холодные степи. В Восточной Европе они простирались до самого Крыма. Растительность была скуднейшая, практически отсутствовали леса. В такой суровой среде пришлось жить человеку разумному.

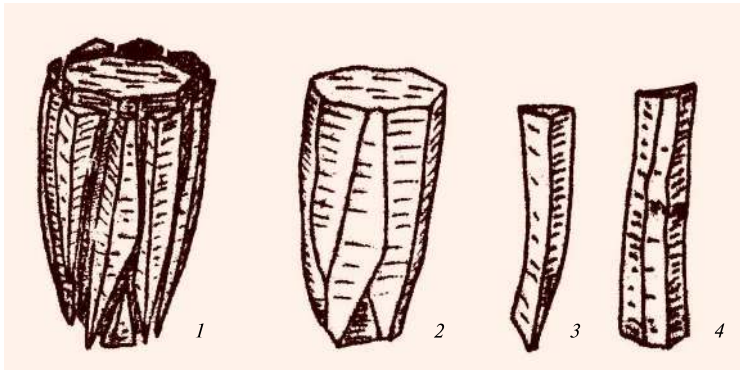

Рис. 2.12. Позднепалеолитический нуклеус (1, 2) и снятые с него пластины (3, 4)

В позднем палеолите также значительно усовершенствовалась техника расщепления кремня и изготовления изделий. Нуклеусу начали придавать удлиненную форму конуса или призмы с плоской ударной площадкой, что сказалось и на форме снятых с него пластин: они стали удлиненными, ножевидными (рис. 2.12). Из таких ножевидных пластин изготавливались специализированные орудия позднего палеолита, которые легко отличить от мустьерских.

Расщепление кремня и скалывание с нуклеуса пластин производилось различными способами (рис. 2.13). Это можно было сделать путем точного и рассчитанного удара отбойником сверху по краю ударной площадки нуклеуса, где ударником мог служить как камень, так и более мягкий материал, например кость. Н. Н. Миклухо-Маклай описал, как изящно это делали туземцы Новой Гвинеи, использовавшие в качестве отбойника крупную ракушку. Таким образом можно было снять серию пластин, каждая из которых имела удлиненную ножевидную форму, иногда удивительно сходную, как бы стандартизованную. Снимали по кругу до тех пор, пока это было возможным. И оставшееся ядро, которое также называют нуклеусом, обычно тоже использовали в качестве орудия после дополнительной обработки. Еще более стандартизованные пластины можно было снять, используя переходник (своего рода зубило), который устанавливали на край закрепленного, например между коленями, нуклеуса, и ударяли по нему колотушкой. Расщеплять кремень можно было и надавливанием на специальное приспособление — отжимник. Из снятых удлиненных пластин, своего рода полуфабрикатов, изготавливались специализированные орудия.

Рис. 2.13. Различные способы расщепления кремня

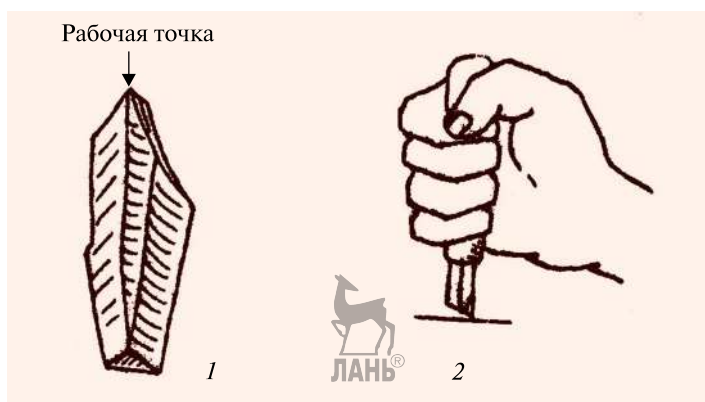

Рис. 2.14. Резец (1), пример работы (2)

Среди многочисленных и разнообразных видов изделий выделяются несколько ведущих форм, каждая из которых может быть представлена вариантами. Последующая обработка представляет снятие при помощи ретушера мелких сколов с будущих частей орудия и придания ему соответствующей формы и качества. Этот процесс называют второй обработкой, или ретушью.

Для обработки таких твердых материалов, как кость или дерево, использовали резцы с острой рабочей точкой, образующейся схождением в одном месте нескольких плоскостей (рис. 2.14). Они могли иметь и несколько рабочих точек. По их месту расположения резцы подразделяются на срединные и боковые. Боковые легко узнать по наличию на конце пластины резцового скола и, соответственно, образовавшейся острой рабочей точки.

Для обработки мягких материалов изготавливали скребки (рис. 2.15). Ими обрабатывали кожу, применяли в качестве режущего орудия. Очень распространены были скребки с дугообразным лезвием на конце ножевидной пластины. Лезвие получали посредством тонкой обработки ее конца ретушью. Подобно перочинному ножу с двумя лезвиями, делали двойные скребки, у которых дуговые лезвия имелись на обоих концах пластины.

Существовали и настоящие ножи, у которых ретушировалась вся длинная сторона пластины. Для позднего палеолита характерны так называемые острия с боковой выемкой (рис. 2.16), раньше принимаемые за наконечники дротиков. Выемка у них тщательно ретушировалась, что, по-видимому, и дает правильное объяснение их назначению. Это делалось для того, чтобы их было удобней держать в руке и не поранить ладонь. Следовательно, это были своеобразные ножи, которыми легко было вспарывать шкуры и потрошить дичь.

Рис. 2.15. Концевой скребок (1), пример работы (2)

В позднем палеолите появились великолепные кремневые наконечники копий лавролистной формы (рис. 2.17), для изготовления которых иногда нужно было со всех поверхностей снять до тысячи мелких чешуек. Это настоящие шедевры первобытной техники.

Особую известность имеют солиотрейские наконечники, названные по одной из стоянок во Франции, каменные сверла или проколки. Появились орудия рубящего типа, однако в тех специфических условиях естественного окружения они еще не могли стать ведущими инструментами.

Искусству изготовления каменных орудий человек учился с детства, и надо полагать, каждый мужчина являлся мастером своего дела. Вместе с тем есть основания предполагать, что уже тогда находились люди, отличавшиеся особенно высоким уровнем искусства изготовления орудий. Соответственно, существовали и мастерские, обеспечивавшие общину качественными орудиями, а возможно, и все племя. Некоторые предметы могли использовать при межплеменном обмене. Поскольку верхнепалеолитический человек жил в условиях холодного арктического или субарктического климата, с присущим ему животным и растительным миром, то его основным занятием была охота на мамонта. Мамонт давал человеку мясо, шкуру для одежды и жилищ, а также кость для построек и поделок.

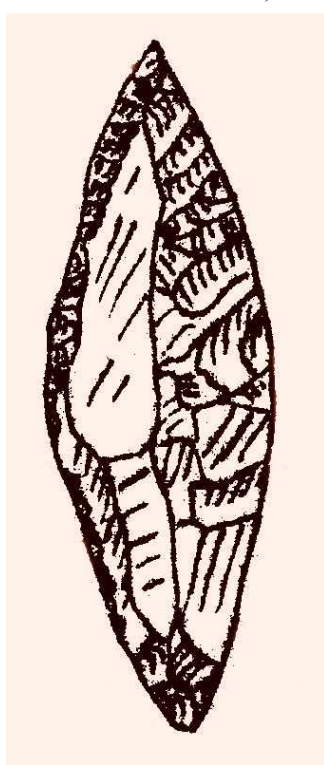

Рис. 2.17. Наконечник копья

Костями мамонта даже топили очаги. Мамонт – крупное и миролюбивое животное с близко посаженными глазами и большими ушами, еще более уменьшавшими поле зрения. К нему можно было близко подкрасться сзади, но одолеть в одиночку – невозможно. И поскольку в гневе мамонт был страшен, охота на него требовала коллективных усилий.

Шумом и криками, используя для устрашения зажженные факелы, люди загоняли мамонта к специально вырытой яме, куда он падал и где его добывали. Замаскированные ямы устраивали на тропах, ведущих к водопою.

В 1911 г. на р. Березовке в слоях вечной мерзлоты обнаружили прекрасно сохранившегося мамонта (рис. 2.18). В его желудке осталась непереваренная пища, по которой можно было узнать, чем он питался. Его мясо с удовольствием ели собаки. Отведали его и некоторые смельчаки из состава пребывавшей на месте находки экспедиции. Но их желудки не были для этого подготовлены. Чучело березовского мамонта – одно из лучших украшений зоологического музея Зоологического института Российской академии наук.

Родовая община тогда была не только формой социальной организации первобытного общества, но и хозяйственной ячейкой.

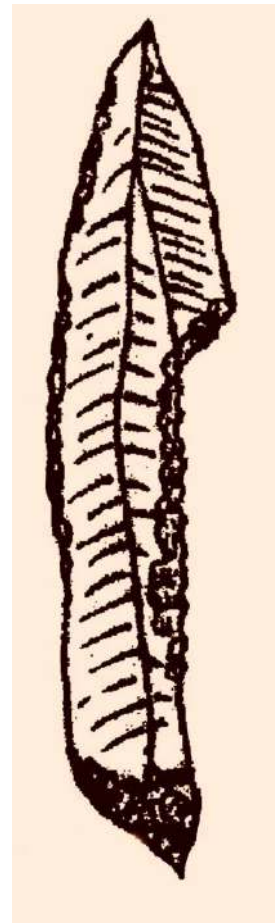

Рис. 2.16. Острие с боковой выемкой

Рис. 2.18. Березовский мамонт

Суровая жизнь, трудности в обеспечении источниками жизни заставляли людей селиться большими группами. И как уже говорилось, охота в одиночку на открытых пространствах, при отсутствии дальнобойного оружия требовала коллективных действий.

В позднем палеолите появилась одежда – то, что, по словам индийского археолога С. К. Дикшита, делает человека джентльменом. Шкура и кожа животных и раньше использовались для обогрева тела, но шить одежду люди все же не умели. Доказательством являются находки швейных игл из кости или рога, что от современных отличаются лишь материалом. Возникли разные модели палеолитического костюма. Известны рубашка и брюки, встречаются костяные застёжки и пуговицы. Именно такое одеяние реконструируется по материалам раскопок палеолитического погребения в России около р. Сунгирь во Владимирской области.

Рис. 2.19. Статуэтка из стоянки Буреть

Совершеннейшим типом костюма в тех условиях был комбинезон, совмещавший рубашку, брюки, шапку и, возможно, обувь. О существовании данного наряда свидетельствует статуэтка из бивня мамонта, найденная на стоянке Буреть около Иркутска (рис. 2.19). Она изображает фигуру изящной женщины в комбинезоне из шкуры. Выемками условно показан ворс меха. Костюм в точности соответствует традиционной одежде современных эскимосов.

Стоянки позднего палеолита располагались вблизи мест обитания мамонтов. Их размеры были различными и мнения ученых на этот счет пока расходятся. Одни считают, что на них жил большой коллектив людей, и стоянки могли функционировать долгое время. Малая подвижность населения препятствовала общению и способствовала возникновению местных особенностей в материальной культуре. Другие, напротив, ставят размеры стоянок и время их функционирования в зависимость от возможностей пропитания. Истребление стада мамонтов вынуждало людей менять места поселений. Трудно было повседневно обеспечивать пропитанием большой

коллектив. Некоторые социологические наблюдения свидетельствуют, что стоянки состояли из трех – пяти построек (стоянка Пушкари в Черниговской области Украины).

Холодный арктический, или тундровый, климат принуждал человека искать или строить жилища. В горных районах, где имелись естественные пещеры, он устраивался в них. На открытых пространствах приходилось сооружать искусственные жилища. Они были нескольких типов: наземные шалашевидные, землянки и полужемлянки (жилища с углубленным полом). Из-за скудной растительности, отсутствия леса в качестве строительного материала использовались кости крупных животных (обычно мамонта), из которых возводился каркас постройки. Иногда, чтобы получить длинную жердь, их связывали между собой сухожилиями. Сверху каркас покрывался шкурами.

На стоянке Пушкари обнаружили постройку, состоявшую из трех примыкавших друг к другу шалашевидных сооружений. Возможно, жилище удлиннили в связи с возросшим числом обитателей (рис. 2.20).

На Дону были открыты крупные землянки, что особенно известны на стоянках Костенки и Гагарино (около Воронежа). В длину некоторые из них достигали 6 м при ширине и глубине в 3 м. Землянки, вероятно, перекрывали жердями, поверх которых насыпали землю. Внутри для обогрева устраивали открытые очаги, потому как печей тогда еще не существовало (в длинных землянках их было по две-три штуки). Топливом обычно служили кости мамонта. Кости мамонта – самая многочисленная находка при раскопках стоянок, а известный порядок их скопления обычно указывает на месторасположение жилищ. Возле них иногда встречаются ямы для хранения пищевых запасов.

Поздний палеолит продолжался достаточно долго, и несмотря на медленные темпы развития, его культура постепенно изменялась. При малой численности населения, разбросанного на обширных пространствах Европы, Азии и Африки, а в конце палеолита еще и на территориях Америки и Австралии, контакты между отдельными группами людей были ограничены или вовсе отсутствовали. В таких условиях неизбежно должны были возникать локальные варианты палеолита. Например, во Франции, где палеолит начал изучаться раньше и более интенсивно (не случайно большая часть археологической терминологии связана с французскими поселениями), в позднем палеолите выявлено три последовательных периода: ориньяк, солютре и мадлен. Эту периодизацию долгое время пытались применять и при характеристике позднепалеолитических памятников других территорий, но дальнейшее изучение показало, что она не носит всеобщего характера. В различных зонах обнаружилось своеобразие верхнепалеолитических культур, требующих своей периодизации и характеристики. Впрочем, и в отдельных местах Франции выявляется сосуществование позднепалеолитических культур.

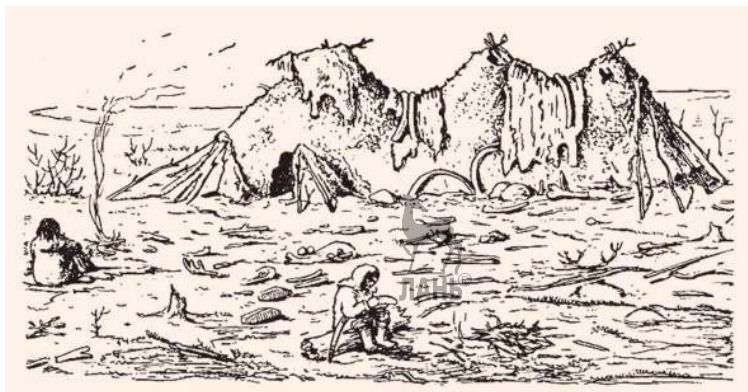

Рис. 2.20. Реконструкция жилища в Пушкарях

С поздним палеолитом связано появления искусства, отметившего то качественно новое состояние культуры и самого человека в сравнении с предшествующей эпохой.

При всей сложности жизненных условий человек верхнего палеолита, как существо высшего порядка, открыл в себе новые возможности для духовного творчества. С этим периодом также связано возникновение духовной культуры.

Одним из наиболее распространенных видов искусства стала мелкая скульптура с использованием в качестве материала бивней мамонта. Вероятно, уже тогда человек заметил, что бивень мамонта становится более мягким и податливым при работе с ним, когда он предварительно вылежится в земле или, еще лучше, подвергнется предварительной тепловой обработке. Инструментами оставались различные типы кремневых орудий, прежде всего резцы. Он научился также шлифованию и полированию кости.

Популярным образом в палеолитической скульптуре была женщина. Небольшие статуэтки женщин из бивня мамонта, реже — из камня, стали характерным художественным произведением позднего палеолита. Мужчин изображали редко. Можно думать, что палеолитическими художниками в основном являлись мужчины.

В большинстве случаев изображенная женщина отличалась заметным своеобразием. Особенно тщательно подчеркивали женские черты, иногда в явно утрированном виде: большой живот, мощный торс, большая грудь и ягодицы (рис. 2.21). Изображалась, как правило, женщина-мать, нередко беременная. Фигурок изящной девушки практически нет. Почти никогда не выписывались черты лица, а иногда отсутствовала и голова. Похоже, что художника лицо вдохновляло меньше, и, видимо, не случайно: некоторые исследователи пытались объяснить своеобразие палеолитического искусства повышенной сексуальностью первобытного человека. Однако не в этом дело. Обстоятельство, что предпочтение отдавалось образу женщины-матери, позволяет предполагать, что именно ее высокое общественное положение, почитание как прародительницы и продолжительницы рода, его организующего начала могут объяснить эту характерную черту позднепалеолитического искусства. Образ женщины обожествлялся и являлся символом благополучия, домашнего очага, продолжения рода.

Рис. 2.21. Палеолитические Венеры:
1 – Костенковская; 2 – Виллендорфская

Статуэтки изображают, как правило, обнаженную женщину. Редкое исключение — фигурка в комбинезоне из стоянки Буреть. Изредка встречаются барельефные изображения женщин в камне.

В позднем палеолите появляются и украшения (рис. 2.22), выполненные в основном из бивня мамонта. Так, на стоянке Мезин (Украина) найден полный набор таких украшений: широкий браслет, покрытый точечным орнаментом в виде концентрических кругов, ожерелье из бусин и птичек.

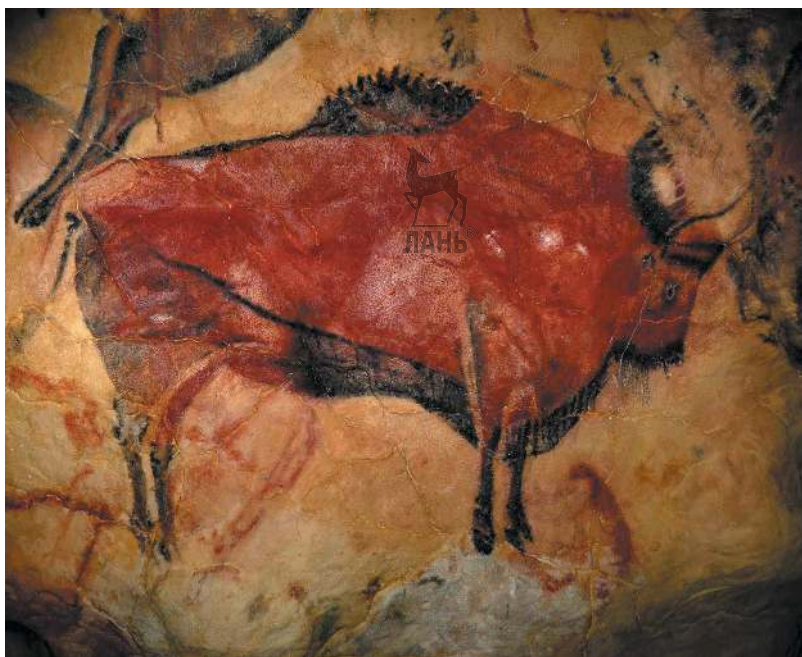
Уникальным явлением в истории культуры стала пещерная живопись. По мнению исследователей, никогда позже люди не могли с подобной реалистичностью, мастерством и выразительностью передать движения животных. Открытие палеолитического пещерного искусства датируется 1879 г. и связано с именем испанского археолога-любителя Марселино де Саутуолы. Тогда, обследуя открытую им в Пиренеях на границе с Францией большую пещеру Альтамира, ему посчастливилось обнаружить великолепные рисунки мадленского времени.

Пока он в надежде найти какие-нибудь следы пребывания доисторических людей копался в земле, его девятилетняя дочь, подсвечивавшая лампой, скучала и рассматривала стены пещеры. На потолке она увидела рисунок большого зверя, а за ним и другие. Очень реалистичная манера изображения позволила легко узнать зубров, кабанов и оленей. Как позже выяснилось, это была только часть пещерных рисунков животных ледникового периода: бизонов (рис. 2.23), носорогов (рис. 2.24), мамонтов, лошадей. Сделав копии с рисунков, Саутуола опубликовал их и высказал предположение, что они относятся к палеолиту. В ученом мире это было встречено с недоверием, а некоторые обвинили археолога в фальсификации. Однако в 1895 г. на французской стороне Пиренеев в одной из пещер были обнаружены такие же рисунки. Интересно, что вход в нее был закрыт палеолитическим культурным слоем и без проведения раскопок нельзя было попасть внутрь, т. е. в послепалеолитическое время человек никак не мог туда зайти. Так было доказано палеолитическое время пещерных изображений. К сожалению, их первооткрыватель не дожился до этого момента.

Сейчас известно уже свыше 130 таких «картинных галерей» ледникового периода. Учеными изучены сюжеты, манера и техника рисунков.

Рис. 2.22. Украшения:
1 — подвеска в виде птички; 2 — браслет

Рис. 2.23. Бизон (пещера Альтамира)

Люди жили в пещерах, укрываясь от холода, атмосферных осадков и хищных зверей. Некоторые имели длину в сотни метров.

Дневной свет в них почти не проникал, и художники работали, подсвечивая себе факелами и лампами в виде небольших каменных блюдец, в которые наливался жир и устраивался фитиль.

Художники рисовали пальцами, ладонью, возможно, использовали трубчатую кость, наполненную краской, которую делали из минералов и растений.

Рис. 2.24. Шерстистый носорог. Реконструкция

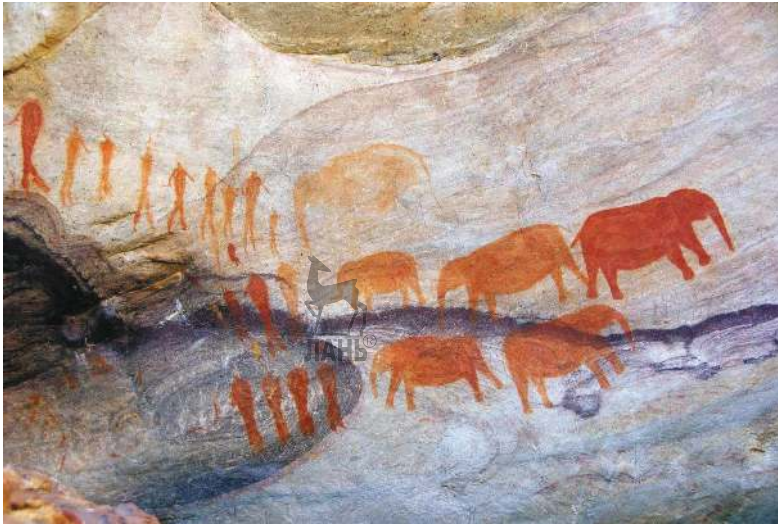

Рис. 2.25. Рисунки Каповой пещеры

Основной сюжет пещерной живописи – звери, на которых охотились люди. Реже изображались растения, употреблявшиеся в пищу. Полагают, что рисунки имели магическую цель. Совершая ритуальные действия перед изображением животного, люди верили, что это обеспечит им успех в реальной охоте. О чудесном предназначении рисунков могут свидетельствовать изображения некоторых животных с торчащими наконечниками копий.

Долгое время знания археологов о палеолитической живописи ограничивались районом Пиренеев. Даже сделали предположение, что она была присуща исключительно только какой-то одной «расе художников». И в этом плане большой интерес представляет обнаружение пещерных позднепалеолитических рисунков в Башкортостане (Башкирии) в Каповой пещере (рис. 2.25). В ней цветными красками изображены мамонты и лошадь.

Кроме живописи, известны палеолитические гравюры (рис. 2.26), каменные и глиняные барельефы, глиняная скульптура. По середине пещеры Монтеспан, стены которой были расписаны изображениями зубров, оленей и мамонтов, была обнаружена большая глиняная статуя медведя без головы. Вместо нее был настоящий медвежий череп. На глине сохранились следы ритуальных ударов копьями.

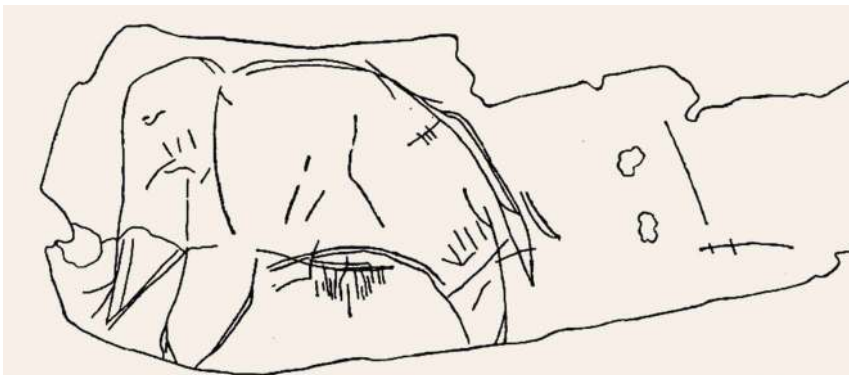

Рис. 2.26. Рисунок мамонта на кости. Гравюра (стоянка Мальта)

Поздний палеолит преподнес еще один сюрприз. На одной из стоянок Украины среди костей мамонта был найден целый набор ударных инструментов. Музыка, несомненно, носила ритмичный характер. Уже тогда «ничто человеческое» не было чуждо человеку, пришедшему на смену неандертальцу.

В конце палеолита ледник, тая, освободил огромные пространства, оставив многочисленные водоемы, топи и болота, песчаные наносы (дюны), которые стали наиболее удобными местами для поселений. Климат долго оставался холодным: арктическим, а позже субарктическим. Господствовала тундра. Постепенно исчез мамонт, что определило застойный образ жизни и культуры в течение многих тысяч лет. Следующим крупным животным, на которого стал охотиться человек, был северный олень, животное осторожное и кочующее. Его постоянные миграции по Европе в северном и восточном направлении заставили и людей двигаться вслед за ним.

На севере Европы в прибрежных областях чуть ли не основным продуктом питания были моллюски. На некоторых поселениях той поры остались многометровые отложения их раковин. Орудия из кремня стали меньше, но сохраняли технику и облик позднепалеолитических. В некоторых областях появились грубые наконечники стрел, что свидетельствует об изобретении лука. В археологии эти новые культуры относят к финальному палеолиту, поскольку они не только наследуют маденские традиции, но и не вышли за рамки плейстоценового геологического периода. Однако едва ли правильно будет археологическую периодизацию основывать только на геологических или климатических явлениях, игнорируя достижения самой человеческой культуры. Многие из них резко изменяли технические возможности человека, его образ жизни и занятий. Изобретение же лука традиционно рассматривалось как начало нового периода в каменном веке.

7. Мезолит

В истории развития археологической науки каменный век первоначально был разделен на два периода: палеолит (древний каменный век) и неолит (новый каменный век). Под последним предполагалось распространение шлифованных орудий, но последующее изучение памятников каменного века показало настолько большое различие между ними, что невозможно было понять и допустить прямую смену палеолита неолитом без промежуточного периода. В конце концов такой этап был прослежен и выделен — мезолит (средний каменный век) (рис. 2.27). Его начало совпадает с отступлением ледников и началом новой геологической эпохи голоцена. Хронологически мезолит занимает время между 13 и 4 тыс. до н. э., хотя по понятным причинам для некоторых регионов даты мезолита могут быть другими. Так, в южных широтах он начался раньше, чем в северных. В Европе мезолит датируется приблизительно 10–6 тыс. до н. э., на Ближнем Востоке — 10–7 тыс. до н. э.

Постепенная эволюция культуры от палеолита к неолиту дала повод некоторым археологам считать мезолит позднейшей фазой палеолита и называть его эпипалеолитом, другие, напротив, утверждали, что мезолит стоит ближе к неолиту, чем к палеолиту, и предлагали называть его протонеолитом или докерамическим неолитом. Естественно, любая археологическая эпоха сохраняет до определенного времени некоторые признаки предшествующей и новые культурные элементы, которые получают дальнейшее развитие в последующем периоде. При выделении дальнейшего этапа стоит исходить из совокупности новых и очень значительных культурных приобретений, придающих ему бесспорное своеобразие. Таким культурным явлением стали лук и стрелы. Лук появился в Африке еще в позднем палеолите, но широко распространился в Европе и Азии только в мезолите, положив начало новой эпохе каменного века.

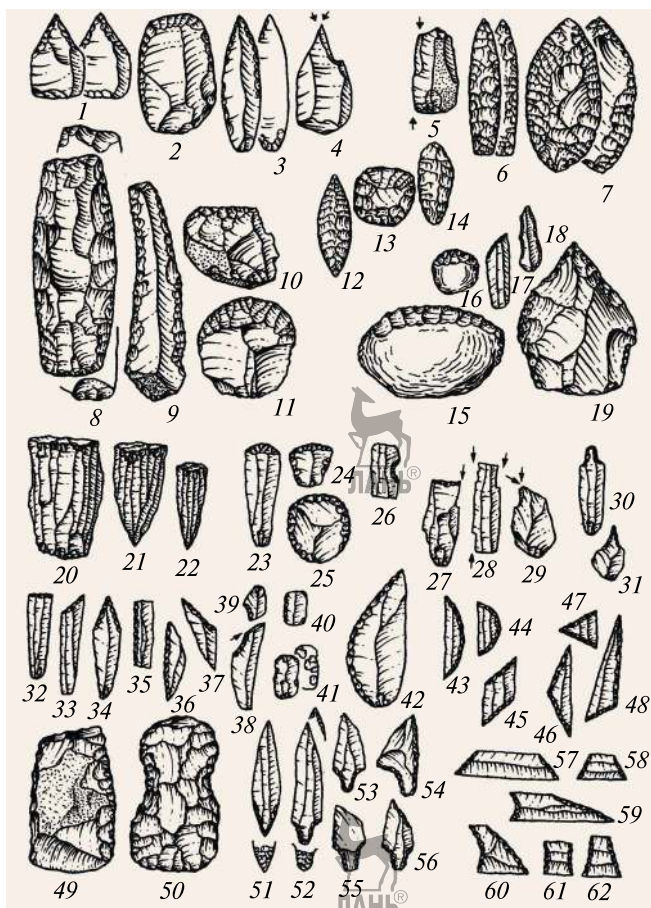

Рис. 2.27. Изделия мезолитической эпохи:
 1, 3, 18–19, 30–31 – проколки; 2, 11, 13, 15–16,
 23–26 – скребки и скребла; 4–5, 27–29 – резцы;
 6–7, 12, 14 – наконечники копий; 8, 49–50 – топоры и тесла;
 9, 42 – ножи; 10, 20–22 – нуклеусы; 17, 32–33 – пластины
 со скошенным ретушью концом; 34–38, 40–41, 43–48,
 57–62 – микролиты; 39 – микрорезец (отходы производства
 микролитов); 51–56 – наконечники стрел

По легкости обращения, точности и скорости лук оказался мощным и надежным оружием, не имеющим конкурента на многие последующие тысячелетия. Он дал человеку возможность охотой добывать пищу любого вида и размера. В Германии, например, был обнаружен костяк зубра, пораженного тремя мезолитическими стрелами.

Таяние ледникового покрова в Европе началось 14–12 тыс. лет назад, что вело к последовательным изменениям в климате, а также животном и растительном мире. Климатологи выделяют несколько послеледниковых климатических периодов, плавно переходивших один в другой: субарктический, бореальный, атлантический, суббореальный, субатлантический. Продолжительность каждого из них составляет приблизительно 2500 лет. По мере изменений в естественной среде совершенствовалась и культура человека, поскольку зависимость типа жизни от среды была весьма высокой. Культура, климат, животный и растительный мир тесно связаны между собой, составляя экосистему.

Этапы каменного века соответствуют климатическим периодам. В атлантическом климатическом периоде по существу завершился каменный век. Хотя климатические перемены проходили медленно, их результат был хорошо заметен: постепенно теплело, менялись влажность, характер растительности животного мира. Тундра, характерная для ледникового и послеледникового периодов, уступала место лесотундре. Стали возникать хвойные леса, сменяющиеся смешанными, в лесах появились широколиственные деревья. Некогда открытые, холодные пространства заросли дремучими лесами.

Человек был вынужден приспосабливаться к менявшимся условиям, новому естественному окружению, придумывать иные способы охоты. Потому как в течение предшествующих десятков тысяч лет, когда основным промысловым животным был мамонт, почти ничего не менялось в способах добывания пищи и использовавшихся каменных орудий. Не было потребности для каких-либо существенных перемен в культуре.

Однако в конце палеолита исчез мамонт. На некоторое время его место в качестве основной добычи занял северный олень — животное осторожное, быстрое и кочующее, и прежние методы загонной охоты стали непригодны.

С распространением лесов появились и новые виды животных, а вместе с этим и оружие — лук и стрелы, открывшие новую археологическую эпоху — мезолит. Человек и раньше использовал метательное оружие (копье и дротик), но для его применения все равно нужно было близко подойти к добыче. Чтобы увеличить дальность поражения метательного оружия, человек, по-видимому, уже в позднем палеолите придумал и стал применять метательную дощечку для дротика. Тем не менее и этого было недостаточно в новых условиях. Исключительно с изобретением лука и стрел человек сделал охоту продуктивной. Теперь он мог охотиться не только на зверя любой комплекции (крупного, среднего и мелкого), но и птицу. На некоторых мезолитических стоянках больше костей птиц, чем животных. Стрелы сохраняли убойную силу на расстоянии до 300 м. Исследователи справедливо высоко оценивают значение данного изобретения, свидетельствующего об изощренности ума первобытного человека.

Именно появление в культурных остатках наконечников стрел позволяет легко отличить новую мезолитическую культуру от культуры позднего палеолита, так как другие типы орудий мезолита практически сохраняют облик позднепалеолитических. Единственно, что обращает на себя внимание — орудия как будто становятся меньше по размерам. Это явление археологи называют микролитизацией (от лат. *micro* — ‘маленький’, *lithos* — ‘камень’). Трудно объяснить, чем она вызвана, поскольку человек не стал ниже ростом. Сохраняется техника обработки кремня.

Очень важным культурным приобретением мезолита стало появление и широкое распространение так называемых вкладышевых орудий и соответственно — вкладышевой техники.

В качестве основы использовали кость или рог. В них делались продольная канавка или отдельные ямки, где, используя смолы, закреплялись небольшие, специально подготовленные острые кремневые пластины — микролиты (рис. 2.28). Их умело снимали с кремневых желваков техникой давления. Лезвия микролитов часто покрыты мелкой ретушью, многие имеют геометрические формы треугольника, трапеции, сегмента. Некоторые размером с ноготь большого пальца руки.

Используя новую технику, стали изготавливать ножи, кинжалы, гарпуны, наконечники копий. Изготовленный таким способом нож имел преимущество перед ножом из сплошной ножевидной пластины: последний в случае поломки отремонтировать не представлялось возможным и его выбрасывали, а сломавшийся микролит ножа можно было легко заменить другим.

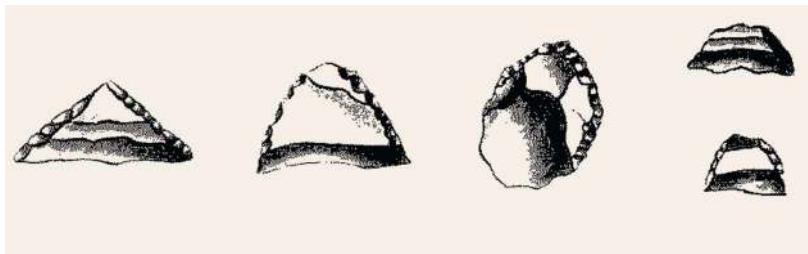

Рис. 2.28. Микролиты

В свое время назначение микролитов считалось одной из археологических загадок. Подобные предметы были известны в отдельных этнографических культурах, где применялись для нанесения татуировок. Их и называли орудиями татуировки. Однако на некоторых мезолитических стоянках микролитов настолько много, что если считать их предметами татуировки, то пришлось бы признать, что ничем другим, кроме этого, первобытный человек не занимался.

Сейчас их предназначение точно установлено. Кроме вкладышей составных орудий, некоторые микролиты могли быть наконечниками стрел, поскольку в течение всего мезолита человек искал наиболее приемлемую форму наконечника стрелы.

Появление техники микролитов рассматривается как одно из гениальных открытий в истории человечества, что быстро распространилось и просуществовало несколько тысячелетий.

В ряде стран в эпоху мезолита появились крупные рубящие орудия в виде топоров и тесел из кости и камня, роговые мотыжки для выкапывания съедобных корней или соскребания моллюсков со скалистых берегов водоемов.

Возможно, мезолитические орудия использовались также в качестве оружия. Известны наскальные рисунки, изображающие сражающихся лучников. О военных столкновениях могут свидетельствовать погребения со следами насильственной смерти. Однако не исключено, что это могли быть ритуальные убийства.

Хозяйственная жизнь мезолитического человека стала значительно разнообразнее жизни человека позднего палеолита. Значительно увеличился круг промысловых животных. Расширился рацион питания. Кроме мяса животных, значительное место в пище заняли птица, рыба, моллюски.

Из-за обилия водоемов и рыбы большое значение имело рыболовство. В конце мезолита в ряде областей сформировались ярко выраженные рыболовецкие культуры.

О занятии рыболовством свидетельствуют находки костяных гарпунов (рис. 2.29), в том числе выполненных вкладышевой техникой. Появились роговые остроги с тремя зубьями из отростков рога. В мезолите стали использовать верши и сети. Найденная близ Выборга сеть сплетена из волокон ивовой коры, имела поплавки из березовой коры и каменные грузила. Появился выгнутый из кости рыболовный крючок.

Возникли лодки. Их выдалбливали из целого ствола дерева, используя метод выжигания внутренней части. В Шотландии в озерных отложениях была найдена лодка из шотландской ели с явными признаками использования

Рис. 2.29. Гарпуны

метода выжигания. Она датирована 6 тыс. до н. э. радиоуглеродным методом. В Дании на острове Зеландия обнаружено весло, при изготовлении которого был использован тот же метод.

На побережьях морей главным занятием стало собирание моллюсков. От этого времени остались громадные скопления пищевых отходов.

Растительный мир делался более богатым и разнообразным, предлагая человеку новые виды пищевых продуктов. Собирательство становится существенным видом хозяйства мезолитического человека. Можно представить, какие эксперименты с растительными продуктами довелось проделать человеку, чтобы на собственном опыте (удачном или трагическом), отобрать пригодные для питания растения, грибы, ягоды. Возможно, он уже тогда обнаружил, что некоторые из них обладают свойством облегчить страдания при болезнях, полученных ранах или вовсе излечить их, а некоторые ядовиты и их нужно избегать. Наверное, появились и профессиональные целители, передававшие знания и способы врачевания наследникам.

Следует особо отметить такой важный прогресс в культуре, как одомашнивание животных. Первым прирученным зверем была собака. Она же стала, как принято говорить, преданным другом человека, незаменимым помощником на охоте и в быту. Она отпугивала хищников, оберегала и развлекала детей. Доказано также, что собачье мясо употреблялось в пищу. На стоянках не раз находили разбитые собачьи кости, из которых, очевидно, извлекался костный мозг. Некоторые народы и сейчас едят собачье мясо, считая его весьма вкусным. Считают, однако, что в основном собаку использовали как помощника на охоте. Древнейшая собака найдена в Англии (Англия тогда соединялась с материком, составляя часть Скандинавии).

Для мезолита характерны небольшие поселения, состоящие из четырех-пяти семей и располагавшиеся около воды, часто на дюнах. Встречаются и сезонные стойбища. Жили в легких овальных шалашевидных жилищах из кустарников, иногда слегка углубленных в землю. Там, где позволяла географическая среда, использовались пещеры и навесы скал.

В процессе охотничьей деятельности люди достаточно быстро истребляли животных ближайшего окружения и были вынуждены периодически переносить стоянки в новые, богатые дичью, места. Это определило подвижный образ жизни мезолитических семей. При таком типе хозяйства трудно прокормиться большому коллективу в течение длительного времени, поэтому для мезолитического общества характерен не только подвижный образ жизни, но и небольшие по численности обитателей стоянки. Культурный слой на них оказывался небольшим, так как времени для его формирования было мало. Это в значительной мере объясняет, почему мезолитическая эпоха была выделена позже других и хуже исследована по сравнению с палеолитом и неолитом.

Подвижный образ жизни, новое естественное окружение, существование в лесах сказались на типе жилищ. В лесной зоне они представляли легкие шалашевидные постройки типа чумов, на каркасе из тонких жердей. При перекочевках их разбирали и таким образом перемещали. Как свидетельствуют этнографические материалы, строили их женщины, они же и переносили.

Довольно любопытны погребальные обряды. Встречаются целые кладбища, состоящие из сотен захоронений. Однако погребения обнаруживаются и на месте поселений в кучах кухонных отходов.

На острове Тевьек (Бретань, Франция) обнаружен могильник (тарденуазская культура), в котором раскопано 23 погребения в ямах. Покойники лежат в скорченном положении и засыпаны красной охрой. Некоторые погребения огорожены плоскими камнями, над иными сооружены небольшие холмики из валунов. В одной из пещер раннемезолитического времени в Германии (Гросс Офнет) в двух ямах найдено захоронение 33 черепов,

---

густо посыпанных охрой. При них обнаружены украшения из просверленных раковин и оленьих зубов. Возможно, это известный в этнографии обычай «охота за черепами».

В Литве также исследован мезолитический могильник, в котором захоронены только черепа.

Встречаются женские погребения с ампутированными при жизни конечными (дистальными) фалангами мизинцев. Предполагается, что это свидетельство жестокого обряда инициации: посвящение девушек во взрослое состояние.

Быть может, в мезолите наступило не очень удобное время для художественного творчества, поскольку нет того яркого и глубоко реалистичного искусства (скульптуры и пещерной живописи), расцветшего в позднем палеолите. Искусство представлено некоторыми изделиями из кости и рога (наконечники, муфты) с выгравированными на них рисунками и орнаментами

От этого времени дошли небольшие камни-голыши, украшенные геометрическими орнаментами. Только в Северной Африке сохранилась позднепалеолитическая традиция наскального рисунка. На одном из них — залезший на дерево человек, копающий в дупле, вокруг которого, похоже, изображен рой пчел. Как думают, человек доставал мед диких пчел, что является древнейшим свидетельством его использования человеком.

Подвижный образ жизни мезолитических общин, отпочковывание новых семей (сегментация) и основание ими поселков привели к образованию территориальных областей, населенных родственными общинами и сохранившими общие черты культуры: одинаковые тип построек, организация поселений и их использование, воспроизводство сходных орудий, сохранение одинаковых типов жизни и занятий, верований и погребальных обрядов. Формируется археологическая культура, почти ничем не отличающаяся от этнографической. Разница лишь в том, что этнографическую можно наблюдать визуально и описать при непосредственном общении с конкретным этносом, тогда как археологическая реконструируется на основе археологических вещественных древностей. Тем не менее это явления общего порядка и одинаково отражают особенности этноса.

В мезолите возникают культурно-исторические области, характеризующиеся не только материальной спецификой, но и духовными особенностями. Образуются языковые группы, исторические общности с единым языком или совокупностью близких диалектов. В этом тоже весьма важная особенность мезолитической эпохи.

Родственные общины объединяются в более крупные структуры — племена. При необходимости могли возникать временные союзы племен. Все это способствовало формированию более крупных языковых групп и распространению культурных достижений. По-видимому, культурным контактам обязано активное использование в мезолите микролитов и вкладышевой техники.

Очередным важным событием в истории человечества стало широкое расселение человека. Сначала перемещения были вызваны отступлением ледника на север и освобождением новых территорий. Вслед за ним мигрировали холодолюбивые животные, приспособившиеся к жизни в приледниковой зоне и спасавшиеся от назойливой мошкар. Люди, привыкшие к охоте на этих зверей, в частности на северного оленя, продвигались вслед за ним в северном направлении. Так человек вышел к морям Северного Ледовитого океана. Большие миграции северного оленя отмечены также в Европе и в восточном направлении. В раннем мезолите племена с культурой лингби прошли путь от Дании до Восточной Беларуси.

Расселение на обширных пространствах вело к ослаблению межплеменных контактов, а различия в среде обитания и хозяйственной деятельности — к расхождению в темпах развития отдельных областей, к появлению и закреплению местных культурных

особенностей в отдельных регионах. Оформляются отличающиеся друг от друга мезолитические археологические культуры (раньше их называли стадиями).

Становление и развитие мезолита лучше изучено во Франции, по отдельным памятникам которой получили свои названия его культуры. Так, мезолит Северной Европы заметно отличался от мезолита южных областей и даже имеет свою периодизацию.

Ранняя мезолитическая эпоха на юге названа по азильской культуре (пещера Масд'Азиль в Юго-Западной Франции). Хотя хронологически она соответствует арктическому и субарктическому климатическим периодам Северной Европы, во Франции уже было тепло и фауна являлась послеледниковой. Культура датируется 10–7 тыс. до н. э.

Отличия от мадена прослеживаются по появлению микролитов, поскольку остальные кремневые орудия в целом сохраняют маденский облик, разве только постепенно становятся меньше в размерах.

Создатели культуры жили малыми, достаточно обособленными группами, преимущественно в пещерах. Для культуры характерны кремневые острия с притупленной дугообразной спинкой и выемкой у основания, гарпуны из рога благородного оленя. Возможно, такие гарпуны больше применялись в охоте на зайцев и кроликов, чем для рыбной ловли. Новой чертой культуры стало обилие окрашенной или гравированной гальки, разрисованной полосками, крестами, решетками, звездами (рис. 2.30).

В 7–4 тыс. до н. э. на территориях Франции, Испании, Южной Германии распространилась тарденуазская культура (по поселению Тарденуаз во Франции), отмеченная широким применением микролитов. Характерны трапециевидные тонкие микролиты 1–2 см в длину. Культура приходится на достаточно теплый, но сухой бореальный климатический период. Северный олень, на которого раньше охотился человек, отошел далеко на север. Распространившиеся леса не подходили для жизни бизонов и диких лошадей. Изменились среда и мир животных. Объектами охоты из крупных животных стали благородный олень и кабан. Орудий из кости и рога стало мало.

Свои поселения тарденуазцы устраивали на берегах водоемов, на склонах песчаных дюн, временами использовались и небольшие гроты. Жилища были небольшими, наземными, иногда углубленными в песке.

Остатки поселений на морских берегах сопровождаются огромными скоплениями отходов от съеденных моллюсков. Например, в Португалии они образовали холм высотой 7 м, длиной 100 м и шириной 60 м.

В кухонных отбросах обнаруживаются остатки жилищ и предметы материальной культуры.

Рис. 2.30. Расписная галька

Отмечается генетическая связь с североафриканской каспийской культурой, что, возможно, свидетельствует о миграции оттуда какой-то части племен из Африки. На эту мысль наводят и некоторые антропологические особенности тарденуазцев: невысокий рост и явные признаки негроидной расы. Некоторые черты сходства обнаруживаются и в искусстве (наскальные рисунки).

Мезолит Северной Европы отмечен значительным своеобразием. Человек продвигался к северу по мере освобождения территорий от льда и миграции холодолюбивых животных, на которых привык охотиться.

В раннебореальном климатическом периоде (8100 — 7000—6500 до н. э.) объектами охоты были северный олень, лось, козуля, дикий кабан.

Постепенное наступление леса на север, где до этого господствовала тундра, обусловило возрастание роли рыболовства. Необходимы были новые виды орудий деревообработки. Сформировались две культуры: лингби и маглемозе.

Лингби (названа по поселению на острове Зеландия) известна в Дании, Германии, Южной Швеции. Создатели культуры — бродячая группа охотников и собирателей. Стоянки сезонные. Вещевой материал представлен кирками и топорами из рога благородного оленя, треугольными или черешковыми наконечниками стрел.

Известен также ряд своеобразных северных культур в Норвегии, Швеции и Финляндии.

Культура маглемозе распространена от Восточной Англии до Прибалтики и датируется 7—6 тыс. до н. э. Небольшие поселения обычно расположены среди топей и болот. Обитатели поселков охотились на благородного оленя, лося, кабана, медведя, а также на водоплавающую дичь (уток, лебедей гусей, бакланов), используя дротик и метательную доску.

Орудия представлены микролитами, изделиями из кости и рога. Интересны топоры с костяными рукоятками, в глубокие пазы которых вставлялись острые лезвия из кремневых пластин. Особо следует отметить характерные для этой культуры топоры с костяными муфтами, при помощи которых каменный топор закреплялся на рукоятке из рога.

Встречаются и роговые наконечники с вставленными острыми кремневыми пластинами. Появились крупные каменные орудия с отверстиями, получаемые техникой точечной ретуши: последовательным выкрашиванием точечными ударами.

В материалах культуры хорошо отображены занятия рыболовством, приобретавшее все большее значение. Распространились трезубые остроги из рога. (Такие типы острог до недавнего времени использовались некоторыми северными народами.) Появились костяные рыболовный крючки, долбленные лодки и весла (Голландия, Шотландия), а близ Выборга была найдена древнейшая рыболовная сеть.

Для выкапывания съедобных корней использовались специальные костяные мотыжки. Имеются свидетельства одомашнивания собак.

Искусство маглемозе представлено гравировкой по кости. Редко встречаются фигурки животных из янтаря.

Мезолит Польши изучен плохо. В основном известны дюнные стоянки, по материалам которых трудно провести классификацию. Исключение составляет ряд памятников палеолита и мезолита, открытых в районе г. Лодзь.

Мезолит Восточной Европы во многом схож с западноевропейским. Можно выделить три культурно-исторические области. Южные районы, как и на юге Западной Европы, выделяются наличием в кремневом инвентаре микролитов. Северные дают картину особого лесного мезолита, в котором отсутствуют микролиты, и орудия изготовлены на пластинах. Наконечники стрел часто имеют вид ивового листа. Распространены, как и в маглемозе, микролиты.

В мезолите бродячими группами охотников и рыбаков из побережий Северной Европы были заселены северо-западные области Восточной Европы. Наиболее известна стоянка Кунда в Эстонии, давшая название большой кундской культуре (7–4 тыс. до н. э.). Этот регион беден кремнем, смытый, как полагают, водами при таянии ледника. Поэтому орудия труда и оружие в основном изготавливались из кости и рога и свидетельствуют о преобладании рыболовства. Они представлены гарпунами, рыболовными крючками, мотыгами, рукоятками топоров, инструментами для плетения сетей. Встречаются и крупные рубящие орудия. На ранней стадии мезолита прослеживается миграция населения из Средней Европы со свидерской культурой.

Между северным лесным мезолитом и южным сформировалась обширная смешанная зона, в которой представлены культурные черты как лесного, так и южного степного мезолита (наличие микролитов).

Весьма разнообразны погребальные памятники. На юге (Крым), как и в западноевропейском тарденуазе, обнаружены захоронения черепов. В других местах встречаются захоронения с ориентацией погребенных как по сторонам света, так и беспорядочно. Часто покойники присыпаны красной охрой. Найдены также скорченные костяки. Предполагается, что из-за боязни мертвецов покойника перед погребением связывали.

Приблизительно 7 тыс. лет назад каменный век вступил в заключительную стадию — неолит. В переводе на русский язык термин означает 'новый каменный век', и охватывает время с 5 по 3 тыс. до н. э., приходясь на бореальный и атлантический климатические периоды.

По причине неравномерности исторического развития народов, хронологические рамки неолита для разных регионов несколько отличаются. В теплых южных краях он начался и закончился раньше, чем на севере, где в отдельных местах продолжался до начала железного века (до 1 тыс. н. э.).

Первоначально под неолитом понималась особая стадия каменного века, отмеченная появлением шлифованных, или полированных каменных орудий. Предполагалось, что она с новой техникой обработки камня (шлифования, полирования и сверления) должна была хронологически следовать за палеолитом. Однако со временем археологи сначала выделили между палеолитом и неолитом новую особую эпоху — мезолит, а потом пришли к выводу, что не успехи в технике обработки камня знаменовали начало неолита, а появление глиняной посуды, керамики. Что же касается шлифованных и сверленных орудий, то они, как выяснилось, широкое распространение получили только в позднем неолите.

В неолите человек весьма преуспел в способах добывания пищи, изготовлении орудий труда, культуре и познании окружающего мира. Был сделан ряд важных открытий, значительно улучшивших жизнь первобытного человека. Его быт стал более цивилизованным. Различия в природном окружении сказывались на особенностях неолитических культур разных регионов.

Значительный прогресс был также достигнут в технике обработки камня, который по-прежнему оставался основным материалом для изготовления орудий труда и оружия. Совершенствовалась отжимная техника, ретушь. В позднем неолите получили широкое распространение кремневые наконечники стрел с листовидной или треугольной формой пера, часто тщательно отретушированные. Была освоена и активно использовалась техника контрударной ретуши. Обработываемое изделие устанавливали на каменную подкладку стороной, которая подвергалась ретушированию, и по нему ударяли деревянной колотушкой. Изделие ударялось о каменную подкладку, и от него отлетали чешуйки кремня. С помощью

техники контрударного ретуширования можно было с малыми затратами сил быстро и аккуратно наносить ретушь по краю пластины, снимать ненужные выступы.

Каменные орудия становились все более разнообразными и специализированными. Совершенствуя технику, человек одновременно познавал свойства различных материалов. Так, экспериментальные работы по изготовлению кремневых изделий показали, что камень лучше поддается обработке и позволяет эффективнее отжимать плоские, тонкие чешуйки, если содержит влагу. Пересушенный на солнце валун или речная галька при обработке крошатся и дают трещины.

Получить чистую тонкую ретушь на них почти невозможно. Видимо, эти особенности были замечены в древности. Исключительное совершенство ретуши на многих изделиях позволяет предполагать, что умельцы предпочитали обрабатывать кремнь, извлеченный из мелового пласта, когда процент влаги в кремне достаточно велик (1–5%), или же принимались меры, чтобы к моменту обработки камень имел необходимую степень влажности.

На многих стоянках Европы находят остатки, иногда очень крупных, мастерских по изготовлению каменных орудий (например, стоянка в Гран-Прессиньи, Франция).

На поздней стадии неолита, приходящейся на атлантический климатический период, заметно потеплело. Распространились широколиственные деревья, дубы. Дерево становится важным строительным и поделочным материалом: посуда, средства передвижения, капканы для ловли зверей и птиц. В неолите появились лыжи. Широко использовалась выдолбленная из крупного куска дерева лодка.

Как показала экспериментальная археология, каменными орудиями неолита можно сделать лодку-дубленку за девять дней (при семи-восьмичасовом рабочем дне). Впрочем, изготавливали не только лодки-однодеревки. На скальных рисунках Онежского озера изображены большие многovesельные баркасы, в которых плывет группа охотников. Такие лодки можно было сделать из отдельных деревянных элементов, возможно, из досок в виде деревянного каркаса, обтянутого кожей или шкурами животных.

Развивающаяся деревообработка потребовала новых инструментов: топоров, тесел, долот (рис. 2.31). Заметной чертой новой эпохи, особенно в сравнении с мезолитом, становится общее укрупнение каменных орудий.

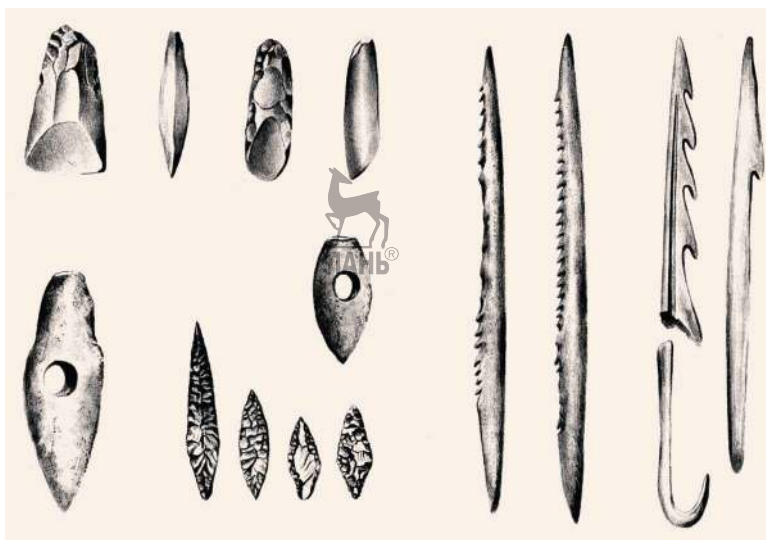

Рис. 2.31. Изделия эпохи неолита

Более разнообразной становится промысловая деятельность — охота и особенно рыболовство, что привело к значительному подъему уровня жизни людей. Палеоантропологами отмечается увеличение роста человека, нередко достигающего 180 см и выше. Заметно возросла и общая численность населения.

В связи с усилившейся потребностью в крупных орудиях труда, а также возросшей численностью населения, стала ощущаться нехватка камня. Поверхностные сборы прежде всего кремня стали уже недостаточны, и человек начинает искать его в недрах земли. Появились первые шахты по добыче кремня. Неолитические шахты открыты и исследованы в разных местах (Польша, Беларусь). Хорошо изучены они и в Англии около местечка Цисбури. Ученые сделали интересное наблюдение: в районе шахт найдены предметы, привезенные из разных областей страны. Очевидно, что их привозили представители различных племен для обмена на кремль или уже готовые изделия. Так осуществлялся межплеменной обмен. Похожая картина выявлена и в Беларуси (поселок Красносельский).

При изготовлении топоров и других крупных орудий стали применять технику шлифовки, причем первоначально шлифовали только рабочий край топора, его лезвие, а позже — и всю поверхность изделия. Шлифование осуществлялось на каменном основании при помощи мокрого песка, который обладает хорошими абразивными свойствами. Древнейшие топоры имели форму клина (клиновидные топоры) и закреплялись в расщелине рукоятки. Затем появляются сверленные топоры. У них специальным приспособлением и даже сверлильным станком высверливалось круглое отверстие, в которое, как и в современные топоры, вставлялась деревянная рукоятка.

Изначально отверстия пробивали пикетирующим инструментом, в качестве которого использовался заостренный обломок более твердого камня. Затем его развешивали или тем же инструментом, или узким концом удлинной гальки. Однако поскольку пикетированием было невозможно получить ровное цилиндрическое отверстие, появилось трубчатое сверление, основной элемент которого — трубчатая кость животного. Вращаясь, она приводила в движение абразив (мокрый кварцевый песок). Трубчатое сверление производилось двумя способами: буровым и лучковым (рис. 2.32). При буровом способе на шесте длиной около 155 см укреплялась трубчатая кость, в которую насыпался кварцевый песок. Шест с буром приводился во вращательно-поступательное движение руками через укрепленную на нем в верхней части крестовину. Песок, просачиваясь под бур, медленно истирал камень.

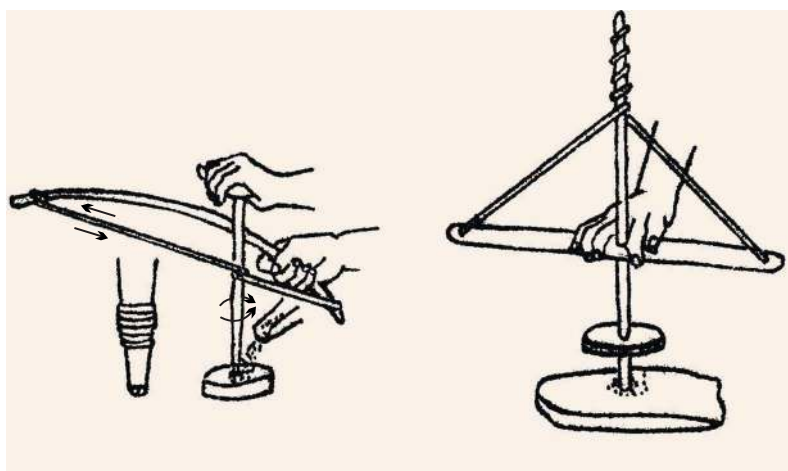

Рис. 2.32. Способы сверления камня

Тем не менее производительность и тщательность сверления увеличились после того, как в неолите сверло оснастили лучковым приводом. Натянутая на изогнутое древко бечева несколько раз обворачивалась вокруг трубчатой кости. Двигая лук взад-вперед, можно было получить относительно высокую скорость вращения при достаточном давлении и малой подвижности оси. Эта система стала господствующей в последующие тысячелетия вплоть до Средневековья. Каменные сверленные полированные топоры конца неолита — эпохи бронзы, до сих пор вызывают восхищение строгостью пропорций, изяществом форм и безупречной техникой исполнения.

Для изготовления некоторых изделий, возможно, использовался оригинальный прием: на раскаленную на углях каменную заготовку капали водой, что расщепляло камень, выкрошивало чешуйки. Таким образом, вероятно, делали отверстия в некоторых каменных булавах. Подобным способом можно было изготавливать и тонкие кремневые наколенники стрел.

Для разделки материала стали применять пиление, что позволило получать ровные плоскости и делить материал в любом направлении. Для этого использовались кремневые или песчаниковые плитки и вода. В желоба пропила опять же подсыпали кварцевый песок. Пиление с подсыпкой мокрого песка можно было производить и мягкими пилами из кости, дерева и даже используя бечевку.

Сверленные топоры чаще изготавливали не из кремня, а из более мягких пород камня, которые тоже были достаточно эффективны. Такие топоры являлись основным после лука боевым оружием.

В истории культуры человечества очень высокое место отводится изобретению глиняной посуды. По существу, это первое сознательное преобразование естественного материала. Значение керамики состоит в появлении посуды, благодаря которой человек смог готовить пищу иным образом. Например, варить ее, приумножив тем самым свои кулинарные возможности и введя в питание новые блюда и продукты.

Научившись изготавливать посуду из глины, человек получил в свое распоряжение новые надежные вместилища для хранения продуктов. А это — необходимая предпосылка для утверждения производящих форм хозяйства: скотоводства и земледелия.

Керамика как важнейший элемент культуры предоставила ученым новые возможности для исторических исследований. Начиная с неолита, обломки посуды стали самой распространенной находкой археологических раскопок. Ученые много внимания уделяют ее изучению. Керамика дала ученым крайне ценный материал не только для изучения первобытной культуры и техники, но и для выяснения этнической истории различных народов.

Замечено, что практически каждый народ имеет собственный тип традиционной посуды, характерные формы и манеру украшать ее различными орнаментами. Было доказано территориальное совпадение областей распространения некоторых типов керамики с ареалами обитания этносов. Особенно такое соответствие характерно для неолита.

Дело в том что посуду тогда изготавливали женщины, о чем свидетельствуют не только этнографические наблюдения, но и сохранившиеся на ней отпечатки пальцев. С детских лет женщина овладевала техникой создания керамики, передающейся из поколения в поколение сородичам по женской линии. Для неолита был характерен матрилокальный брак, где при заключении брака муж переходил в род жены. Женщины продолжали оставаться в своем роду, репродуцируя традиционную манеру производства посуды. Таким образом, род как бы сохранял в посуде свой паспорт, отметину. По керамике стало возможно решать важнейшие этнические и исторические проблемы, устанавливая и локализовать этнические общности. Керамика стала важнейшим элементом археологических культур. Нередко сами культуры называли по особенностям керамики (культура ямочно-гребенчатой керамики, культура шаровидных амфор, культура воронковидных

кубков и др.). По ней можно проследить культурные и этнические связи между племенами, устанавливая даты.

Неолитическая керамика весьма своеобразна, и ее не спутаешь ни с какой другой, поскольку при изготовлении применяли так называемую ленточную технику: замешивали глину, а чтобы изделие не трескалось при обжиге, в нее добавляли растительные волокна, позднее — размельченный камень (дресву) или крошку от черепков (шамот), раскатывали из глины валики (ленты) и укладывали их один на другой по спирали, потом сглаживали неровности руками, высушивали и обжигали на костре.

Перед этим ее часто украшали традиционными орнаментами в виде ямочных вдавлений, отпечатков зубчатого приспособления (гребня), нарезками, насечками и др. Из таких элементов составлялись различные композиции, нередко покрывавшие весь сосуд.

Не менее своеобразен и сам неолитический сосуд: нередко он имел широкое горло и круглое или заостренное дно. Такой не поставишь на стол, в чем, впрочем, не было необходимости, поскольку столов тогда еще не существовало. Вместо этого его ставили в очаге в ямку или между камней.

Уже в неолите сосуды имели различное назначение. В одних приготавливали еду, о чем свидетельствуют закопченность стенок горшков и потеки от пищи. Из других ели — небольшие и чистые. Имелись также сосуды для хранения продуктов — крупные и опять же чистые.

Человек научился плести сети, изготавливать ткани и шить из них одежду, по-прежнему оставаясь охотником, рыболовом и собирателем.

Человек продолжал совершенствовать способы охоты, повышать ее эффективность и стал широко использовать хитроумные капканы из дерева. В зимней охоте — лыжи. До нас дошли изображения лыжников на наскальных рисунках Онежского озера. Предполагается, что охотничьи лыжи снизу были подшиты мехом, который улучшал скольжение вперед и препятствовал скольжению назад.

Охотничья форма хозяйства предполагает достаточно подвижный образ жизни, поскольку по мере истребления животных, водившихся вблизи неолитического поселения, люди вынуждены были переселяться поближе к другим охотничьим угодьям.

Новые возможности открылись с развитием рыболовства, которое становится постоянным жизнеобеспечивающим средством существования.

При сравнении с предшествующими эпохами каменного века можно заметить, что в неолите в ряде регионов оно выдвигается на передний план. Экологически чистые водоемы были богаты рыбой, и при малочисленном тогда еще населении рыболовство обеспечивало человеку надежный и достаточный уровень жизни.

Именно поэтому большая часть древних стоянок располагалась у воды, особенно вдоль небольших рек, которые проще было перекрыть сетями, и в полной мере использовать разнообразное рыболовецкое снаряжение.

Уже тогда были известны различные способы ловли рыбы. Ловили ее гарпунами — длинной палкой, оснащенной наконечником с шипами, что особенно эффективна в темное время суток. Рыбаки привлекали внимание крупной добычи светом, разжигая возле воды огонь или подсвечивая факелом. Любопытная рыба, главным образом щука, близко подплывала к свету и ее гарпунили.

Ловили и на крючки (рис. 2.33), изготовленные из кости (в качестве наживки — мелкая рыбешка), и при помощи различных ловчих плетеных из веток устройств (верши).

Однако самым эффективным способом являлась ловля сетями (рис. 2.34). При раскопках стоянок находят изготовленные из коры или других материалов поплавки от сетей, а также глиняные грузила. Удавалось находить и обгоревшие сети, так как огонь смог законсервировать нити.

Многие новшества и изобретения неолита обязаны своим появлением рыболовческому хозяйству. Плетение сетей научило изготавливать нити из волокнистых растений (лен, конопля, крапива), которые подвергались специальной обработке. Затем из нитей стали ткать ткани. Был изобретен ткацкий станок (рис. 2.35). Есть основания предполагать, что открытие ткачества было сделано независимо друг от друга в разных местах. Одежда из кожи и шкур дополнялась одеждой из тканей, которая была легче и удобнее, особенно в теплое время года.

Для кручения нити использовались глиняные грузики (пряслица) в виде кружка с отверстием в центре, что надевались на деревянную палочку (веретено). Грузики применялись и в ткацком станке вертикальной конструкции для натягивания нитей. Пряслица и грузики от ткацких станков — достаточно частая находка в археологических раскопках.

В конце неолита, преимущественно в южных теплых регионах, наметился переход к производящим формам хозяйства: скотоводству и земледелию. Данный процесс в исторической литературе назвали неолитической революцией. В действительности в саму эпоху ее не было. Были сделаны только первые шаги к ней. Революция же произошла в следующей археологической эпохе — энеолите — и в раннем бронзовом веке. Абсолютное большинство неолитических племен в экономической жизни не вышло за рамки древнейших видов хозяйств — охоты, рыболовства и собирательства.

Возникновение скотоводства связывают с охотой. После охоты могли приносить зверюшек или подранков, которые становились на какое-то время резервом мясной пищи. Со временем люди стали понимать преимущества, которые дает выхаживание и разведение дома животных, сначала как подсобного хозяйства, а потом и как основного.

Рис. 2.33. Костяные рыболовные крючки

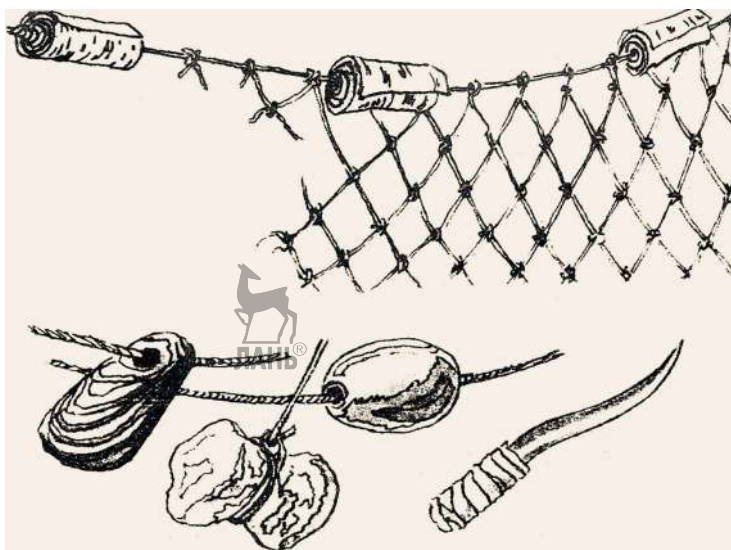

Рис. 2.34. Рыболовная сеть

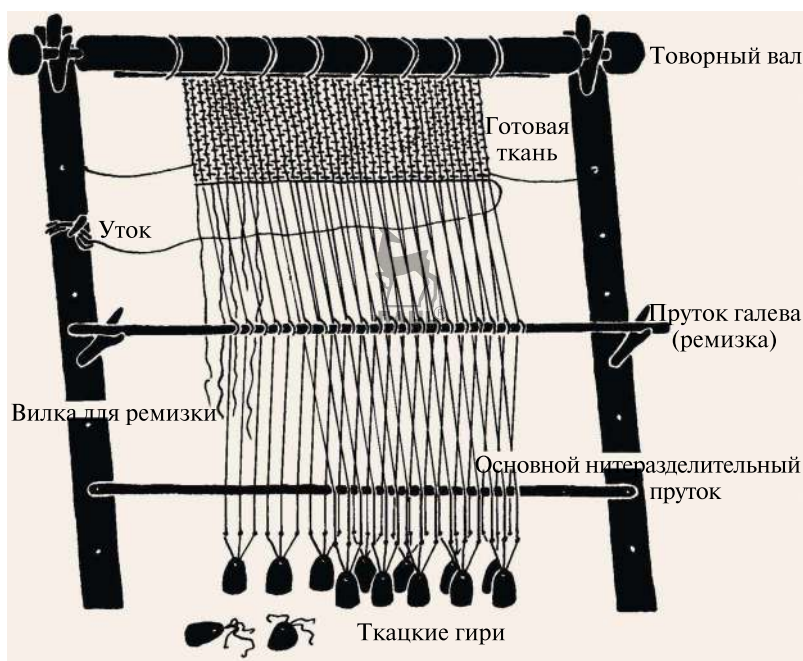

Рис. 2.35. Реконструкция ткацкого станка эпохи неолита

Уловить момент начала возникновения скотоводства непросто, поскольку домашние животные только спустя весьма длительное время приобретают биологические отличия от своих диких сородичей. Однако есть косвенные данные, на базе которых можно предполагать его существование. Состав костей животных, находимых на поселениях охотников, обычно самый разнообразный и по видам, и по полу, и по возрасту. Охотник убивал все, что ему попадалось. А среди костей животных, собранных на древних поселениях скотоводов, наблюдается иная картина. Судя по остеологическому материалу, в составе съеденных животных преобладали самки.

Появление скотоводства обычно относят еще к мезолиту, потому как в нем обнаруживаются первые признаки приручения животного — собаки. Она была не только помощником охотника, но и источником мяса, о чем свидетельствуют находки раздробленных собачьих костей для извлечения костного мозга. Их мясо и сейчас некоторые народы употребляют в пищу, находя его довольно вкусным. (Н. М. Пржевальский рассказывал, как во время путешествия по Монголии у его проводника вызывало рвоту наблюдение над тем, как путешественник ел жареную птицу. Сам же он с удовольствием поедал непромытые кишки барана.)

Говоря о неолитической революции, следует иметь в виду, что далеко не везде люди перешли к производящим хозяйствам. Переход от охоты к скотоводству произошел далеко на юге, где для этого были благоприятные природные условия. Конечно, он был вызван возросшими потребностями человека и желанием быть постоянно обеспеченным мясом, молоком, жирами и шерстью.

Считают, что земледелие возникло и развилось из наблюдения над растениями. Замечено, что зерно, попавшее в землю, произрастает и дает новое зерно в большем количестве, т. е. его можно посеять и получить урожай, который обеспечит существование. Изобретение и осуществление земледелия приписывают женщине.

Проследить возникновение земледелия не всегда легко. Обычно его признаками принято считать появление каменных зернотерок, на которых получали муку, и серпы, которыми убирали урожай, но их могли использовать и при сборе и обработке диких растений.

Таким образом, говоря о возникновении производящих форм хозяйства в неолите, следует иметь в виду, что начальный процесс одомашнивания животных проходил на ограниченной территории и в южных областях. Основная масса неолитического населения, особенно в северной лесной зоне, продолжала культивировать присваивающие формы хозяйства, по-прежнему занимаясь охотой, рыболовством и собирательством.

Собирательство составляло важную часть хозяйства. Человек рано научился отбирать полезные для жизни растения, понял их особенности. Одни из них (ягоды, грибы) использовал в питании, другие – в качестве лекарственных средств.

Неолитические стоянки, как правило, не имели искусственно возведенных укреплений. Их устраивали рядом с местами добывания пищи: охотники в лесах, где водились олени, основной, наряду с лошадью, объект охоты, рыболовы – по берегам рек. Стоянки охотников были менее долговременны, чем рыболовов, поскольку постоянно приходилось перемещаться ближе к зверю.

По месту расположения стоянки делятся на дюнные, устроенные на песчаных дюнах возле водоемов, торфяниковые и др. Известны и очень своеобразные. Так, опасаясь хищников, люди иногда устраивали поселения на воде. Одна из таких стоянок была хорошо изучена в Робенгаузене (Швейцария). Как выяснилось, сто тысяч дубовых, заостренных огнем или топором, свай вбивались в дно озера. Сверху же устраивалась деревянная платформа из бревен, скрепленных деревянными гвоздями или связками. На платформах строились небольшие дома из прутьев, обмазанных глиной.

Неолитические жилища в основном имели небольшие размеры и были рассчитаны на небольшую семью. Большинство состояло из одного помещения в виде конусовидного шалаша.

Строительный материал во многом зависел от среды обитания. В лесистой местности это было дерево, в горной – камень. В жарких странах широко использовалась глина, из которой изготовляли обожженный на солнце кирпич в форме булок.

В неолите сформировалось много археологических культур, занимающих обширные пространства. В качестве основы для выделения принято считать своеобразие керамики (рис. 2.36), поскольку это самый массовый материал, получаемый в раскопках, легко поддающийся классификации. Давно была замечена, в том числе этнографами, прямая связь между типами традиционной керамики и этническими общностями. Она дает надежный материал для составления первых исторических карт, показывающих размещение различных этносов, имена которых могут быть и неизвестны.

Рис. 2.36. Различные формы неолитических сосудов

В неолите захоронения стали выносить за пределы поселений. Возникли отдельные могильники, которым иногда придавали вид привычного для обитателей стоянок поселка. Это были поселки мертвых. Постепенно формировался устойчивый погребальный обряд, соответствовавший представлениям людей о жизни и смерти. Усопшего стали рассматривать не навсегда заснувшим сородичем, как это было на заре истории человечества, а перенесшимся в иной, загробный мир. Вместе с покойником в могилу клали предметы, которые, представлялось, он мог использовать в загробной жизни: охотника обеспечивали стрелами и копьями, рыбака — гарпунами и другими рыболовными принадлежностями. Множество разнообразных бытовых вещей и орудий сопровождало мертвого на тот свет.

Возникший еще в палеолите древний обычай посыпать тело умершего красной охрой передавался от поколения к поколению и просуществовал десятки тысяч лет вплоть до бронзового века. Краске, как и огню, придавалось значение очистительной силы. Люди верили, что обладают магической силой противостоять злым духам и их наваждениям. Этот обычай утвердился на огромной территории, заселенной разными племенами и народами, что никогда не имели прямых контактов между собой и не были связаны генетически. Минеральную краску порой приходилось добывать или приобретать в местах, далеко расположенных от своих стоянок.

Интересный могильник эпохи неолита был раскопан на берегу Азовского моря возле г. Мариуполя (Украина) (рис. 2.37).

Тщательные раскопки позволили детально представить данный археологический памятник. Хотя самого поселения, которому принадлежал могильник, пока обнаружить не удалось, но, вероятно, поселок мертвых формировался соответственно реальному. Конструкция могильного сооружения представляла как бы большой вытянутый дом, состоявший из примыкающих друг к другу отдельных деревянных домиков-шалашей, внутри которых в глубокой траншее выявлено несколько ярусов погребенных тел, обильно посыпанных красной охрой (обнаружено 122 захоронения). Погребенные лежали на спине в вытянутом положении. Примечательно, что естественных залежей охры вблизи могильника не было.

Найдены просверленные раковины, ожерелья из клыков кабана, ножи, топоры, булавы. При этом некоторые изделия изготовлены из привозного приуральского камня. Имелись приуральские хрустальные бусы, а также, попавшие в Приазовье посредством межплеменного обмена, бусы с Кавказа или Передней Азии.

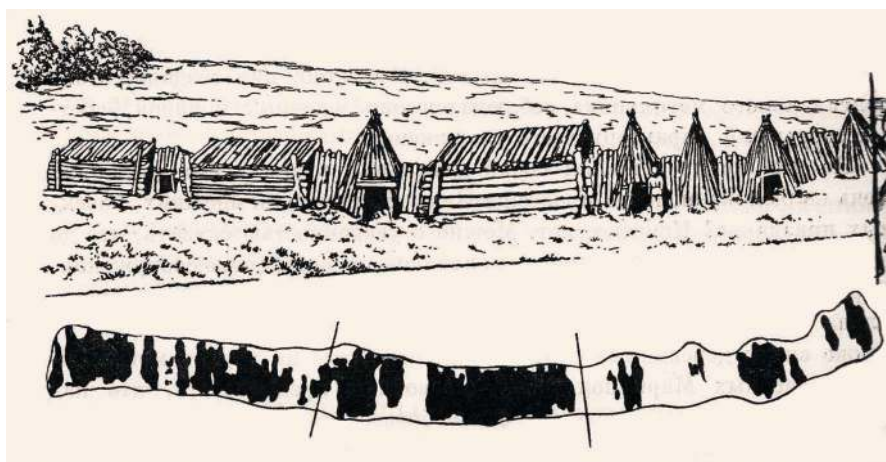

Рис. 2.37. План Мариупольского могильника

Далеко на севере, в лесной зоне, на небольшом острове Онежского озера был раскопан могильник приблизительно этого же времени. Неолитические люди жили в поселке на берегу озера, а умерших хоронили на острове, называемым Оленьим. Могильник известен как Оленеостровский.

В небольших неглубоких ямах среди камней раскопано около 170 усыпанных красной охрой, погребенных в вытянутом или скорченном положении останков людей. Вместе с ними обнаружили множество бытовых предметов и орудий охоты и рыболовства. Найдено много фигурок рыб, птиц и животных, изготовленных из камня и кости (рис. 2.38).

Рис. 2.38. Костяная голова лося из Оленеостровского могильника

Были выявлены и совсем необычные могилы: покойники похоронены в стоячем положении в глубоких, узких ямах. Это — богатые по тем временам погребения, возможно, родовых вождей или шаманов. Один мертвец был обильно усыпан вещами: на груди висел колчан со стрелами, на поясе — костяной кинжал с лезвиями из острых кремневых пластин, а сам он сверху донизу был обвешен украшениями из зубов животных.

Искусство в неолите представлено не столь ярко как в палеолите. Человек стал лучше жить, но складывается впечатление, что творчеству уделять внимания стал меньше. Духовная культура неолита представлена костяной, роговой и деревянной скульптурой, рисунками на камне (пиктограммы), керамике. К сожалению, произведения искусств, выполненные из веществ органического происхождения, сохраняются исключительно на торфяниковых стоянках.

Изображения женщин в скульптуре крайне редки. На наскальных рисунках чаще присутствуют изображения мужчин. Основные сюжеты связаны с охотой и рыболовством. Такие сцены, к примеру, изображены на знаменитом валуне-писанице, находящемся на берегу Онежского озера. На нем высечены стадо оленей, стреляющие из лука, группа лыжников, заполненные людьми баркасы и др.

В Горбуновском торфянике на Урале найдена деревянная скульптура подсадной утки, которую использовали на охоте для приманки диких уток.

При раскопках неолитических стоянок находили костяные дудочки и бубны. На территории Польши найдены глиняные бубны, которые, по-видимому, обтягивались мембраной из кожи.

Древнее искусство было тесно связано с религией. О верованиях могут свидетельствовать такие предметы, как зубы и клыки животных, носимые на шее в качестве амулетов. Предположительно, каждый из них имел свой смысл и назначение. Люди верили, что ношение зубов определенных животных передавало им некоторые их полезные качества. Например, ношение зубов медведя прибавляли силу, а зубы лисы делали человека более хитрым. Зубы оленя помогали в добывании пищи и оберегали от голода.

Раздел III

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА

9. Бронзовый век

Данная тема касается одного из определяющих процессов мировой истории, потому она проблемная и по-разному освещается в учебниках и научных публикациях. В учебном курсе археологии ее называют энеолитом и рассматривают как начальную стадию нового исторического периода — бронзового века. С энеолитом мы входим в век металла, без которого немислим дальнейший прогресс в культурном развитии человечества.

Термин состоит из двух слов: *aeneus* от латинского — ‘медь’, *lithos* от греческого — ‘камень’, что в целом переводится как медно-каменный век. Имеется и полный греческий аналог — халколит, который, однако, используется реже.

Как следует из названия, в новом периоде появляются предметы, изготовленные из меди, но значение каменных орудий было по-прежнему велико. Дело в том что медь, как впрочем и бронза, не смогли вытеснить камень. Металла было мало и в большинстве областей пользовались привозной медью. К тому же камень, как материал для орудий, во многих случаях не уступал меди, потому что она была слишком мягка.

Древнейшие медные изделия, датируемые 8–7 тыс. до н. э., происходят из Курдистана (Юго-Западный Иран) — это бусы, проколки, шилья. Их характер и техника обработки позволяют предполагать, что медь считалась особой породой камня, привлекавшей внимание красотой. В Европе изделия из меди появились на рубеже 5–4 тыс. до н. э. в Балкано-Карпатском регионе. К древним центрам освоения металла можно отнести также Урал, Алтай и Тянь-Шань.

В истории развития медной металлургии намечают четыре периода. В первом использовали самородную медь, изготавливая изделия методом холоднойковки. Второй начинается с открытия литья, когда обнаружилось (возможно, случайно), что нагретая до определенной температуры медь превращается в жидкость и, охлаждаясь, принимает любую форму. На этом этапе по-прежнему использовалась самородная медь. Третий период озаменован открытием способа выплавки меди из руд и отливкой изделий в съемных формах. С этого, собственно, и начинается металлургия цветных металлов. Четвертый отмечен появлением сплавов меди с другими металлами, что характерно для бронзового века.

Во многие области медь привнесли в результате перемещения племен, освоивших металл. С эпохой энеолита связано одно из важнейших событий мировой истории — широкая миграция индоевропейских племен, приведшая к колоссальным переменам в освоении различными народами Европы и Азии и к появлению большинства современных народов. Энеолитические племена практиковали новые виды хозяйства. Они, будучи скотоводами и земледельцами, расселяясь, утверждали новые производящие виды хозяйства. У них был иной общественный строй — отцовский род. В этом и состоит великое значение новой эпохи, так как в странах, что не коснулась миграция, долгое время сохранялся каменный век и присваивающие виды хозяйства.

С самого начала энеолитическая эпоха поставила перед учеными ряд вопросов, на которые долго не могли найти ответы. К примеру, было непонятно, как и почему на огромных пространствах от Атлантики до Тихого океана после неолита вдруг распространились схожие между собой археологические культуры, характеризующиеся рядом общих

признаков: появлением медных изделий, распространением больших глинобитных домов, необыкновенно нарядными и качественными глиняными сосудами, покрытыми цветными узорами, и распространением глиняных женских статуэток.

Такие вопросы задавались, в частности, в изданном А. В. Арциховским лекционным курсе по археологии. Нужно заметить, что советская историческая наука отрицала существование больших миграций, что сильно мешало реальному исследованию этнокультурных процессов.

Сейчас эта загадка разрешена. Новые необычные культуры были результатом миграции родственных племен со схожими культурами, что принадлежали древним индоевропейцам, непосредственным предкам многих современных народов, в том числе и славян.

Проблема происхождения и расселения индоевропейцев — одна из важнейших исторических, археологических, лингвистических, антропологических проблем, интерес к которой не нуждается в объяснении. Индоевропейцы заселяют сейчас все континенты земли и являются одним из крупнейших народов мира, и мы должны уделить внимание данной проблеме. Это поможет лучше понять прошлое многих народов и оценить вклад археологической науки в решение индоевропейской проблемы.

Вопрос об индоевропейцах давно изучается, долгое время представляя лингвистическую проблему. Лингвистика раньше других наук имела в распоряжении великолепный источник по этой проблеме — языки и письменность. Археологические источники появились позже, поскольку археология очень молодая наука, и накопление нового вещественного материала занимает довольно продолжительный период.

В науке предложен целый ряд различных концепций о прародине и расселении индоевропейцев. Большинство ученых исходит из убеждения, что все народы индоевропейской семьи восходят к одному пранароду — праиндоевропейцам, а территорию, на которой они жили до миграции, следует называть их прародиной. Не только сами праиндоевропейцы, но и многие восходящие к ним отдельные и некогда могущественные этносы, такие как хетты, скифы, кельты и др., навсегда исчезли с исторической арены.

Весьма популярной являлась концепция североевропейской прародины индоевропейцев, которую «помещали» в Северной Германии и Южной Скандинавии. Теория в основном была сформулирована немецкими учеными и в значительной мере инициирована их пангерманскими настроениями. В последующее же время она приобрела откровенно расистскую окраску, потому как идеологи Третьего рейха единственно «чистыми» потомками праиндоевропейцев объявили германские народы.

Со временем, однако, стало ясно, что данная гипотеза не отвечает историческим реалиям, что, в частности, показала археология. Так, лингвистические материалы указывают на то, что индоевропейцы с давних пор были скотоводами, и эту форму хозяйства они разнесли по миру из своей северогерманской прародины. Между тем археологические материалы свидетельствовали, что в Северной Европе скотоводство распространилось позже, чем на юге, например на Балканах, и что в Европе ощущается подвижка начального скотоводческого населения с юга на север, а не наоборот.

Поэтому в конце XIX — начале XX в. на первый план выдвинули так называемую балканскую гипотезу прародины индоевропейцев, во многом отвечающую на вопросы, на которые не давала ответа концепция североевропейской прародины.

Были предложены и другие идеи, рассматривавшие в качестве прародины южные степи Восточной Европы или даже, ссылаясь на археологические материалы, более отдаленные области Южной Сибири. Такая широкая локализация противоречит принятым в науке представлениям о том, что начальная область прародины этносов не должна быть большой.

В 1970 — начале 1980-х гг. двумя советскими учеными В. Ивановым и Т. Гамкрелидзе была предложена оригинальная концепция переднеазиатской прародины. Оба они — специалисты по древним индоевропейским языкам. Так, работая над словарем реконструированного праиндоевропейского языка, изучая лексику, отражающую географическую среду, в которой обитали праиндоевропейцы, а также их языковые контакты с соседями, они пришли к интереснейшим и, казалось бы, неожиданным выводам. Выяснилось, например, что праиндоевропейцы жили на юге, среди гор. В их словаре есть слова, обозначающие горные ледники, быстрые горные реки и горную растительность. Среди множества известных им зверей были такие как лев, слон и верблюд, не обитающие в Европе.

Стало также известно, что в праиндоевропейском языке имеются заимствования из древних семитских языков, которые могли иметь место не позже 3 тыс. до н. э. Соседями праиндоевропейцев были картвельские народы Кавказа (предки грузин). Материалы указывали на то, что прародина индоевропейцев находилась в Передней Азии, откуда, кстати, происходят и самые ранние образцы письменности на индоевропейском. Переднеазиатская концепция представляется сейчас наиболее аргументированной, поскольку находит подтверждения и в археологических источниках.

Миграция индоевропейских племен, охватившая громадные пространства Азии и Европы, была вызвана ранним переходом к скотоводству, создавшее совершенно новые условия для их существования. Скотоводческое хозяйство надежно обеспечивало человека мясом, молоком, жирами, шерстью, что быстро сказалось на жизни людей: сократилась детская смертность, возросла продолжительность жизни. Все это привело к резкому увеличению численности и плотности населения, к первому, по существу, демографическому взрыву. Однако для жизнеобеспечения постоянно приумножавшегося населения было необходимо одновременно увеличивать и поголовье скота, что, в свою очередь, требовало новых угодий. Собственной территории им уже не хватало и началось постепенное освоение соседних. В конце концов, это и составило то, что называется миграцией. Переселение заняло несколько тысяч лет, и за это время сменилось множество поколений мигрантов.

При расселении индоевропейцам удавалось сохранять основные черты собственной культуры, потому они смогли распространить многие культурные достижения.

Считают, что именно индоевропейцы — изобретатели колеса и колесного транспорта (рис. 3.1), потребность в котором была продиктована начавшейся миграцией, т. е. их подвижным образом жизни. Колеса повозок изготовлялись из сплошного куска дерева твердой породы. Кремневые орудия были малоэффективны для этих целей и, может быть, по этой причине люди открыли новый материал — металл, что знаменовало начало следующей эпохи — эпохи металла. Первым металлом стала медь. Первоначально ее считали особой породой камня и потому применяли привычные методы обработки. После выяснилось, что при нагревании медь превращалась в жидкость, а, остывая, приобретала любую форму. Так была открыта металлургия.

Величайшим переворотом в жизни людей стало распространение земледелия и скотоводства. Индоевропейцы были знакомы с плужным земледелием.

Столь же значительны и социальные изменения: сложился отцовский строй и патриархальные отношения.

Поскольку индоевропейцы обладали более высокой культурой, чем племена охотников и рыболовов, на земли которых они расселялись, им не только удавалось закрепить себя на новых местах, но и выходить победителями в процессе этнических взаимодействий с местными племенами. Местное население также постепенно переходило на индоевропейский строй речи.

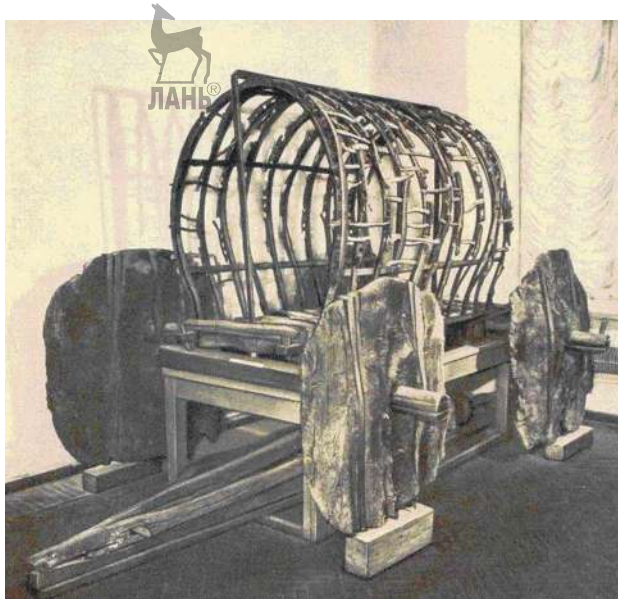

Рис. 3.1. Реконструкция повозки древних индоевропейцев

Однако выход за рамки прародины и расселение, сопровождавшееся смешением с различным по своему характеру местным населением, привело к распаду индоевропейского единства. Внутри индоевропейского массива возникают и становятся все более заметными отдельные регионы, отмеченные культурными и языковыми особенностями. По мере их углубления, чему способствовали относительно слабые контакты между отдельными областями, появляются родственные, но разные индоевропейские народы. Таким образом возникает мозаика индоевропейских культур и языков. И чем дальше, тем больше проявляются различия между ними. Они, в свою очередь, и сами дают начало свежим разветвлениям. Все новые народы в совокупности стали составлять ветвистое древо, корнем которого являлись праиндоевропейцы. Такова закономерность этногенеза, и предотвратить данный процесс не представлялось возможным. Индоевропейцы смешивались с различными народами, включали их в свой состав, были доминирующим субъектом в этногенезе, но также и сами оказывались под действием включенных народов и их культур, влияние которых на конечный результат могло быть очень значительным. Данное обратное воздействие принято называть действием субстрата.

Движение индоевропейцев имело направление как на запад, так и на восток. На западе мигранты прошли Малую Азию, вышли к Эгейскому морю, проникли на Балканы, оставив ряд великолепных энеолитических культур с расписной керамикой (рис. 3.2), превосходным оружием, каменными фигурками животных и женскими статуэтками.

Одна их часть, обойдя с запада Черное море и пройдя через территории современных Болгарии и Румынии, проникла в Молдавию и далее – в Правобережную Украину. Здесь возникла трипольская культура, названная по поселку Триполье, что южнее Киева.

Трипольскую культуру (конец 5 – третья четверть 3 тыс. до н. э.) открыли еще в XIX в. и сразу же назвали славянской, что, однако, не подтвердилось. Загадкой долго оставались так называемые глиняные площадки, обнаруживаемые под дерном. Их считали то остатками мастерских, то храмов, то жилищ. Теперь выяснено, что это остатки разрушенных больших глинобитных построек.

Рис. 3.2. Инвентарь балканского энеолита

В раскопках также найдены глиняные модели домов с перегородками, что облегчило реконструкцию трипольских построек (рис. 3.3).

Их основу составляли столбы, пространство между которыми заполнялось плетнем, обмазанным глиной. Жилища состояли из нескольких помещений (рис. 3.4) и имели глиняный пол, что было важно для просушивания зерна. Некоторые же постройки были двухэтажными. Постройки часто располагались по кругу (рис. 3.5). На одном из поселений (Коломийщина) они составили пять концентрических кругов.

Предполагается, что такая планировка способствовала лучшей защите поселка от набегов. Трипольцы были в основном земледельцами, и по мере того как почва возделываемых ими полей утрачивала плодородие, они распахивали новые участки и переносили к ним поселения. Поэтому культурный слой на них невелик.

Рис. 3.3. Глиняная модель трипольской постройки

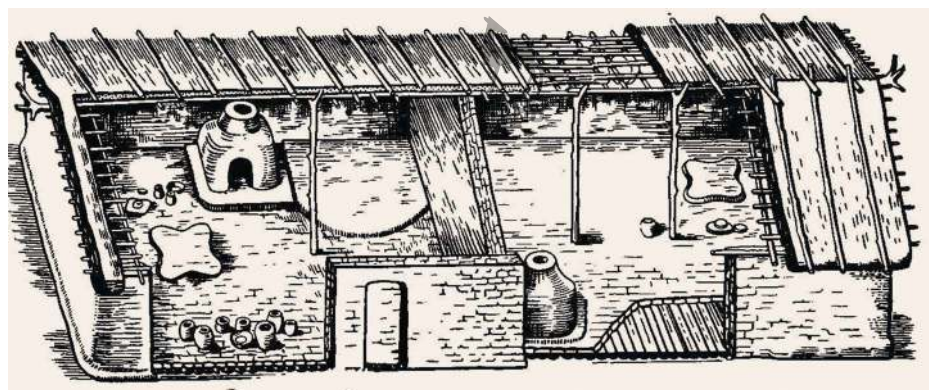

Рис. 3.4. Реконструкция трипольского жилища

На позднем этапе все большее значение приобретает скотоводство.

Металла среди находок вначале было мало, потому господствовали каменные орудия. Впрочем, металлом дорожили и поломанные предметы не выбрасывали, а использовали в качестве материала для изготовления новых. В одном из трипольских кладов на Днестре (Корсунский клад) в глиняном сосуде найдено свыше 450 медных изделий. Интересны также находки полированных, явно не рабочих, топоров из нефрита.

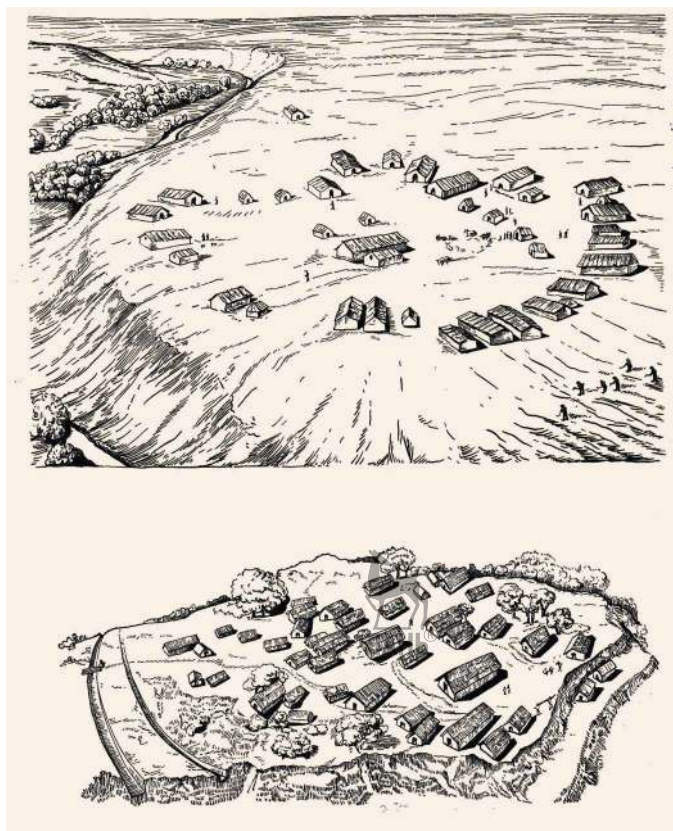

Рис. 3.5. Реконструкция трипольского поселения

Отличительная особенность культуры – ее роскошная расписная керамика (рис. 3.6), представленная различными формами, в том числе крупными грушевидными сосудами для хранения продуктов. Очень своеобразны глиняные женские статуэтки: схематичные, но всегда с четко выраженными женскими признаками. В глине статуэток иногда обнаруживаются зерна, что является лишним подтверждением их назначения: были связаны с культом земного плодородия. Этой же цели служили своеобразные глиняные сосуды с расширениями в виде женских грудей.

В конце 6 – начала 4 тыс. своеобразная земледельческая энеолитическая культура, представленная несколькими локальными вариантами, распространилась в Закавказье, охватив территорию современной Армении и прикаспийского Азербайджана. По рекам Кура и Аракс она получила название куро-аракской (рис. 3.7). Армения вплотную примыкает к области индоевропейской прародине, а армяне – один из древнейших индоевропейских народов. Распространившиеся здесь индоевропейцы принесли с собой скотоводство и земледелие. Показатель оседлого земледелия – поселения типа тепе («живых холмов»), состоящих из многометрового культурного слоя, что доказывает длительность их функционирования. В гористой местности, возможно, преобладало отгонное скотоводство, при котором в теплое время года скот перегоняли на высокогорные пастбища с альпийской растительностью. К сожалению, куро-аракский энеолит изучен еще недостаточно и остается много вопросов. Многие поселки располагались на высоких холмах, что предполагает желание обеспечить их лучшую защиту. Новое индоевропейское население тесно соприкасалось с местными картвельскими племенами, что смогла проследить лингвистика.

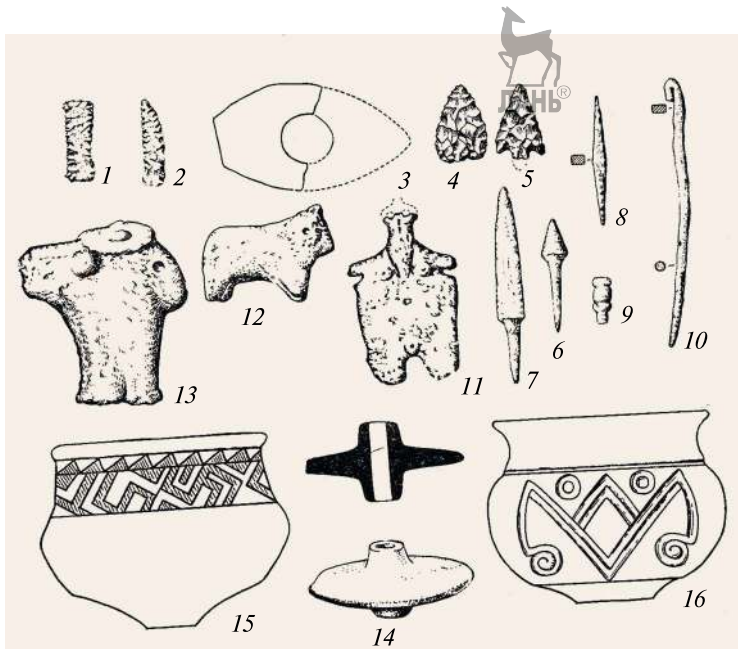
Среди найденных в раскопках вещей металлических лишь малое количество, и в основном в поздних памятниках – бусы, ножи и шилья. Преобладают сделанные из рога и кости орудия обработки земли и урожая, а также его уборки и обработки: мотыги, вкладышевые серпы, каменные зернотерки и ступки и др.

В отличие от трипольцев и анаусских племен Средней Азии, куро-аракские оставили весьма мало расписной керамики. Не исключено, что она была привозная, поскольку местная керамика грубая, с примесью соломы, а появляется посуда с лощеной поверхностью.

Рис. 3.6. Инвентарь трипольской культуры

Рис. 3.7. Инвентарь куро-аракской культуры:
 1–2 – каменные вкладыши серпов; 3 – каменный топор;
 4–5 – каменные стрелы; 6–7 – костяные стрелы;
 8 – металлическое долото; 9–10 – металлические предметы;
 11 – глиняная женская статуэтка; 12–13 – глиняные фигурки животных; 14 – глиняное колесико; 15–16 – сосуды

Встречаются характерные для энеолитических культур и глиняные женские статуэтки.

Постройки имели круглую форму и лепились сначала из глины, а позже – из обожженного на солнце сырцового кирпича в виде булок. Самое известное поселение – Кюльтепе в Азербайджане.

С энеолитом связан ряд интересных памятников на Северном Кавказе. Например, в центре Нальчика был раскопан курган с плоской поверхностью, в котором обнаружено 147 окрашенных и скорченных человеческих костяков. Интересно, что мужские тела хоронили на правом боку, а женские – на левом. Наибольшее скопление погребенных находилось в центре кургана. Однако на периферии обнаружены отдельные группы из 5–8 погребений. Вероятно, в кургане имелись участки для семейных захоронений. Вещевые находки представлены в основном украшениями: медное колечко, каменные бусы и браслеты. Найдены также зернотерки и мотыги.

Удивительные памятники энеолита имеются в южных областях Средней Азии. Возникнув на плоской местности, поселки существовали на одной территории несколько тысяч лет, разрушаясь и заново отстраиваясь. За это время на этом месте отложился мощнейший культурный слой толщиной до 34 м. Таким образом вырастает гора, сплошь состоящая из культурного слоя. Такие «живые холмы» хорошо изучены около поселков Анау, давшего название культуре, и Намазга (рис. 3.8). Раскопки позволили проследить, как от века к веку менялись размеры и планировка поселений, жилые и хозяйственные постройки, развивалась материальная культура. Дома строили из глины, позже из обожженных на солнце глиняных булок. Некоторые дома имели до 14 комнат, стены которых инкрустированы гипсом.

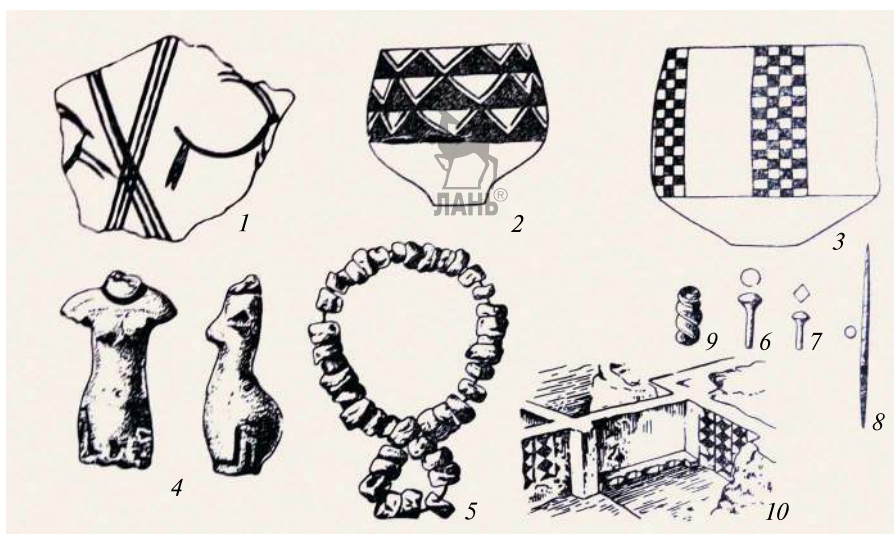

Рис. 3.8. Инвентарь из раннего слоя Намазга:
 1–3 – сосуды (их остатки) и роспись на них; 4 – женская статуэтка;
 5 – ожерелье; 6–7 – металлические булавки; 8 – металлическое шило;
 9 – металлическая бусина; 10 – стенная роспись

Как и во многих других культурах энеолита, имеется расписная керамика, украшенная геометрическими фигурами, с иногда встречающимся изображением козла, и женские статуэтки. В 3 тыс. появился гончарный круг.

Важным успехом стало изобретение бронзы – сплава меди и олова. Бронза плавилась при относительно невысокой температуре (от 700 до 900 °С в зависимости от пропорции компонентов) и позволяла легко получать самые разнообразные и более прочные отливки (рис. 3.9). С этого момента начался бронзовый век, который в основном приходится на 2 тыс. до н. э.

Существовали сложные, состоявшие из нескольких створок, формы, в которых можно было отлить одновременно несколько изделий (рис. 3.10). Был открыт и широко использовался способ литья по восковой модели.

Уже в бронзовом веке применялся способ литья по восковой модели, что заключался в следующем. Будущее изделие сначала лепилось из воска в натуральную величину и со всеми необходимыми деталями. Затем восковую модель обмакивали в жидко разбавленную глину. Покрывшую воск глину просушивали и повторяли данную процедуру несколько раз пока не образовывалась толстая, надежная глиняная корка, которая и составит форму для получения отливки. Через оставленное в форме отверстие, разогревая, удаляли из нее расплавившийся воск и в образовавшуюся пустоту заливали металл. Остывая, он в точности повторял восковую модель. Таким способом можно было изготавливать сложные изделия, вычурные, изящные украшения и др. К сожалению, изделие получалось в единственном экземпляре, поскольку, чтобы его извлечь, форму нужно было разбить.

Уже в бронзовом веке человек изобрел различные способы литья. Плавил металл в специальных глиняных сосудах – тиглях. Разливали глиняной ложечкой – льячкой. Для отливки бронзовых изделий применялись каменные или глиняные формы. В зависимости от характера изделий они могли быть простыми и сложными (составными).

Металл использовался для изготовления орудий труда, разнообразного оружия, украшений и бытовых предметов. Появился короткий, колющего действия меч. Изящны узкие боевые топоры.

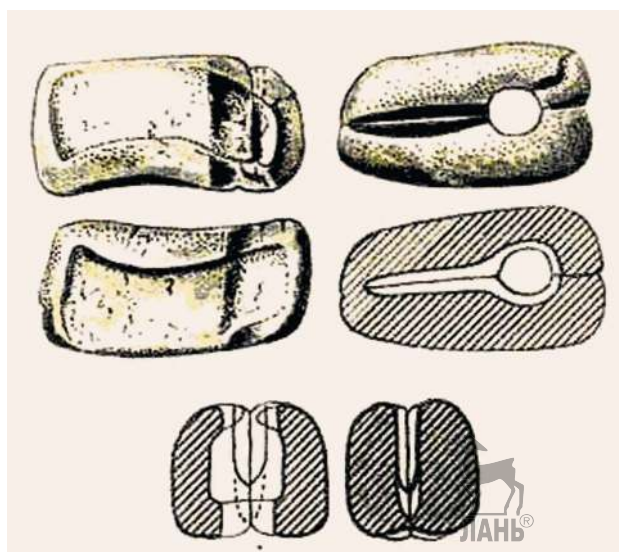

Рис. 3.9. Схема отливки в формах изделий из бронзы

Вместе с тем бронза не смогла полностью вытеснить камень. Так, каменными в основном оставались наконечники стрел, не исчезли каменный топор и скребки. Более того, именно на бронзовый век приходится время бытования наиболее совершенных по технике изготовления каменных изделий.

Медь и олово в природе встречаются довольно редко, и это определило неравномерность развития отдельных регионов. В бронзовом веке сложилось несколько центров древней металлургии, где добывался металл, получалась бронза и откуда она затем распространялась в другие регионы. Такие центры имелись на Кавказе, Урале, в Прикарпатье и Сибири.

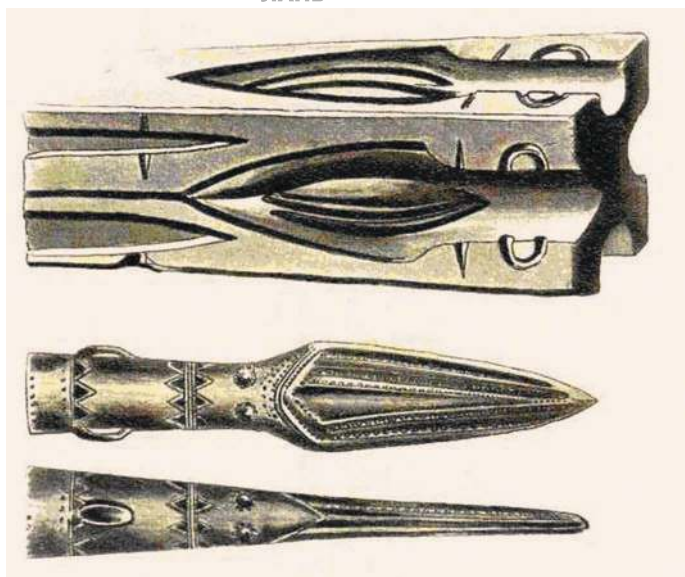

Рис. 3.10. Схема отливки нескольких изделий в одной форме

Переход к скотоводческой форме хозяйства, при которой решающая роль в производстве принадлежала мужчине, привел к возрастанию его роли в обществе и утверждению отцовского рода.

Наряду со скотоводством развивается и земледелие. Землю обрабатывали как мотыгами, так и деревянными плугами, используя в качестве тяговой силы пару волов.

В связи с потребностью в бронзе и бронзовых изделиях начали устанавливаться регулярные связи между отдельными регионами. В результате усилился межплеменной обмен, возникли древние, постоянно функционировавшие торговые пути, а также новые виды транспорта, например, парусные корабли.

Великолепный памятник раннего бронзового века раскопан на Северном Кавказе в Майкопе (рис. 3.11). Это большой курган, под которым имелось сложное погребальное сооружение в виде каменного круга, разделенного на три отсека. В центральном захоронении выявлено оригинальное сооружение: в землю воткнуты 4 серебряные трубки длиной 1 м, на которые надеты крупные скульптуры быков. Два – серебряные, два – из чистого золота. Между трубками натянут балдахин с нашитыми золотыми розетками и фигурками львов. В кургане также найден серебряный кубок, в верхней части которого выгравирован, как думают, кавказский хребет. Это изделие считается древнейшей в мире географической картой.

В течение всего бронзового века Кавказ оставался самым крупным центром древней металлургии. Получаемая там бронза стала предметом экспорта и шла в страны Древнего Востока. От ее продажи поступали золото и серебро, выдающиеся произведения древневосточного искусства. Кавказ был основным поставщиком бронзы в различные регионы Восточной Европы, что привело к накоплению богатств и ускоренному социальному развитию.

Среди закавказских культур бронзового века (2 тыс. до н. э.) следует выделить триалетскую культуру (рис. 3.12), известную, в частности, по курганам. Обилие в них золота и серебра позволило называть их курганами родовых вождей. Под каменными курганами в глубоких ямах также иногда встречаются хорошо сохранившиеся деревянные повозки. Шедеврами можно считать золотой кубок с инкрустацией из бирюзы (рис. 3.13) и серебряный сосуд, на котором чеканкой изображена ритуальная процессия людей с овечьими головами и хвостами. Золотые вещи привезены из Передней Азии, вероятно, в обмен на бронзу.

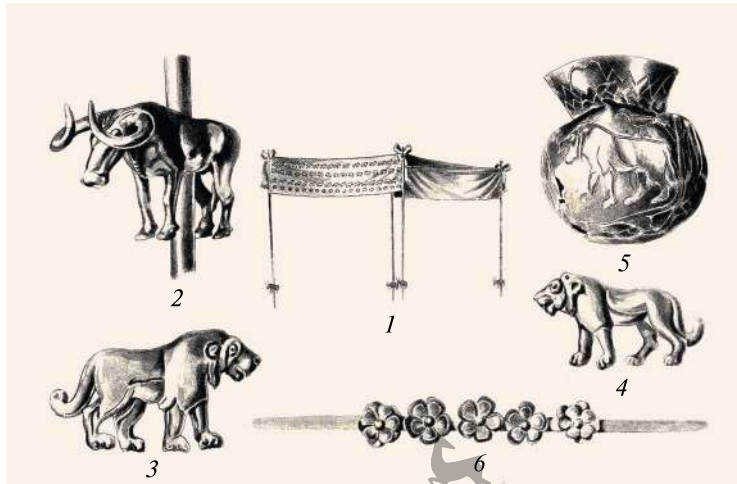

Рис. 3.11. Материалы майкопской культуры:

- 1 – погребальный балдахин (реконструкция); 2 – литое изображение быка;
3–4 – штампованная золотая бляшка в виде льва; 5 – серебряный сосуд
с изображениями пейзажа и зверей; 6 – золотая диадема

Рис. 3.12. Материалы триалетских курганов

Обилием бронзовых предметов отличается северокавказская кобанская культура (рис. 3.14) позднего этапа бронзового века: изящные узкие изогнутые топоры, спиральные ручные и ножные браслеты, короткие кинжалы (обязательный атрибут мужского костюма) и др.

В процессе непрерывного расселения (рис. 3.15) одна группа индоевропейцев, продвигаясь от Иранского плоскогорья в северном направлении, прошла между Каспийским и Аральским морями, выйдя в приволжские степи.

В начале 3 тыс. огромные степные пространства от Урала на востоке до Днепра на западе и Северного Кавказа на юге стали местом обитания племен, оставивших так называемую древнеямную (или просто ямную) культуру (рис. 3.16). Постепенно продвигаясь на запад, древнеямные племена соприкоснулись с трипольцами. Таким образом сформировался мощный индоевропейский культурный очаг, с которым, как думают многие исследователи, связано дальнейшее расселение индоевропейцев в более северных регионах Восточной и Западной Европы. Культура исследована в основном по могильникам, состоящим из курганов, под которыми в яме хоронили покойника на боку в скорченном положении. Индоевропейцы поклонялись огню и солнцу, потому

Рис. 3.13. Золотой кубок триалетской культуры

с культом солнца связаны солярные знаки на различных вещах. Его проявлением был обычай посыпать тело усопшего красной охрой, так как красный цвет ассоциировался с огнем, которому придавалось значение очистительной силы. Краска потом переходила на кости, в результате чего обнаруживаемые костяки выглядят так, будто их специально покрасили. Культуры с подобными погребениями получили особое название – культуры скорченных и окрашенных костяков. Данные погребения – один из отличительных признаков археологических культур индоевропейцев. По распространению таких памятников можно точно проследить их маршруты.

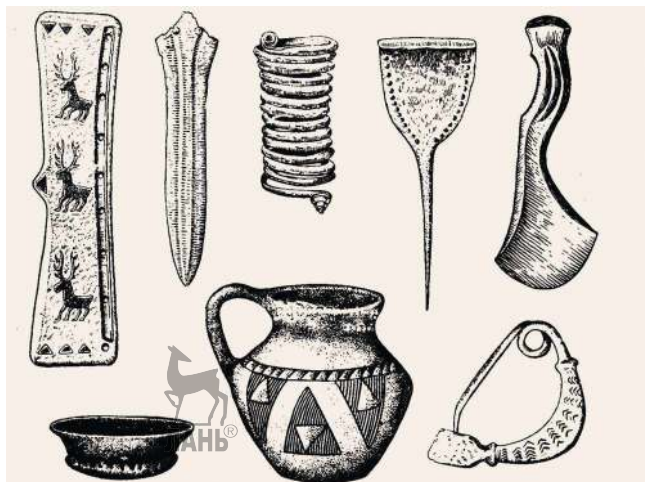

Рис. 3.14. Материалы кобанской культуры

С индоевропейцами связывают также своеобразный орнамент, которым украшали посуду – отпечатки шнура, намотанного на палочку. Этот орнамент называют шнуровым, а племена, использовавшие его, – шнуровиками.

Металлических изделий еще сравнительно немного. Бытуют каменные топоры. Керамика яйцевидная. Самое известное поселение, относящееся к позднему этапу культуры, раскопано на Днепре около села Михайловское. Открыты также остатки каменной оборонительной стены высотой до 3 м и глиняные жилища на каменном цоколе.

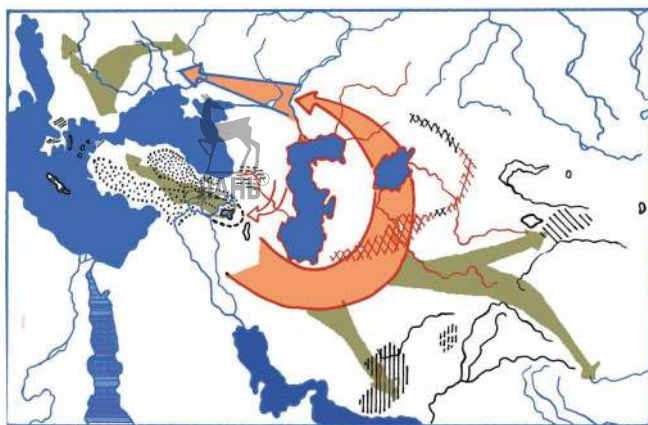

Рис. 3.15. Продвижение индоевропейцев в восточном и северном направлениях

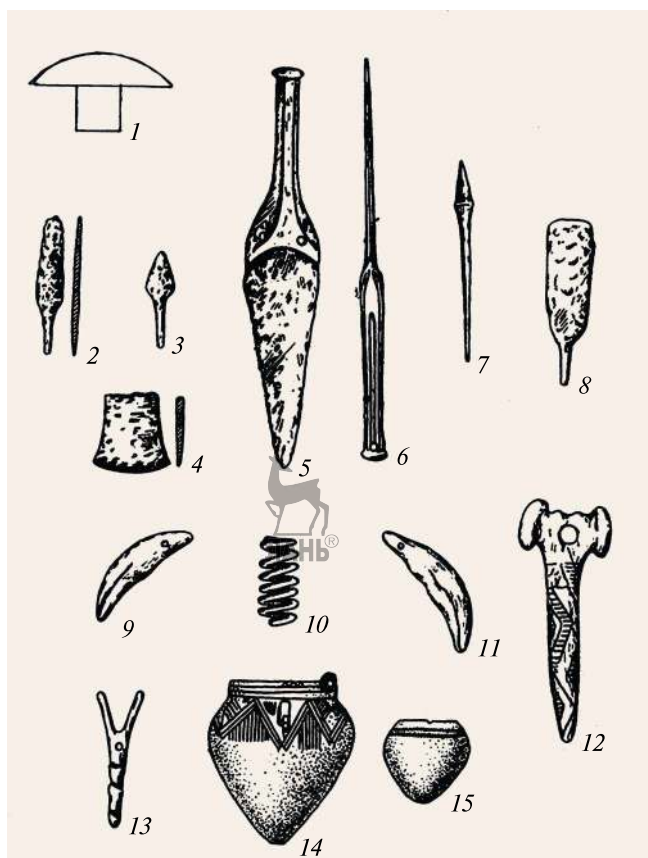

Рис. 3.16. Инвентарь древнеямной культуры:
 1 — схема погребения; 2–4, 7, 8 — медные орудия;
 5–6 — медные кинжалы; 9, 11 — привески
 из зубов животных; 10, 13 — пронизки;
 12 — костяное украшение; 14–15 — сосуды

Приблизительно в середине 3 тыс. до н. э. в области среднего Поднепровья часть древнеямных индоевропейских племен активно смешивалась с племенами местной неолитической (днепро-донецкой) культуры, в результате чего возникла новая археологическая культура раннего бронзового века с лидирующими индоевропейскими чертами — среднеднепровская (рис. 3.17). Около полутора тысяч лет она пребывала в среднем Поднепровье, но на рубеже 3–2 тыс. ее племена начали энергично расселяться к северу и вскоре освоили существенную территорию современной Беларуси.

Какая-то часть среднеднепровских или близких к ним племен двинулась вверх по Днепру и вышла в Волго-Окский бассейн. Другая свернула в поречье Припяти, вышла к Висле и по ней спустилась в Прибалтику.

Среднеднепровская культура представлена открытыми поселениями, застроенными жилищами столбовой конструкции. Погребения курганные и грунтовые. Умершего клали на бок чаще всего в скорченном положении. Позже распространился обряд трупожжения.

Керамика составляет горшки с раструбом, амфоры, кубки, что украшалась отпечатками шнура, штампа и нарезкой с заштрихованными треугольниками.

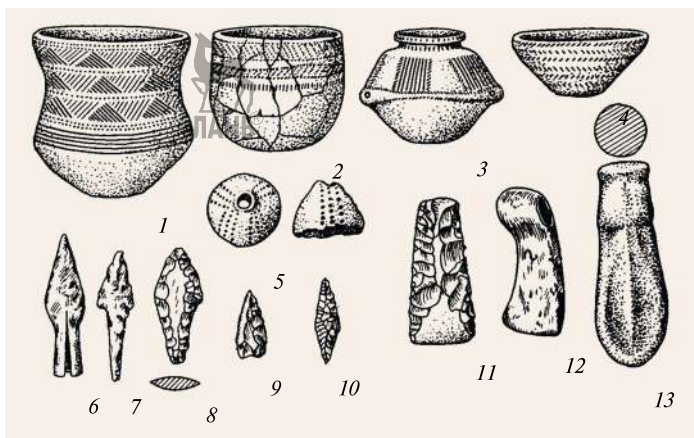

Рис. 3.17. Инвентарь среднеднепровской культуры:
1–4 – глиняные сосуды; 5 – глиняное пряслице; 6–10 – наконечники
копий и стрел; 11 – каменный топор; 12 – медный топор; 13 – тесло

Для культуры характерны каменные сверленные топоры, кремневые ножи, наконечники стрел. Изделия из металла – медные топоры, наконечники копий, украшения. Известны костяные молоточковидные булавки. Наиболее вероятно, что происхождением культура обязана миграции древнеямных племен в область среднего Поднепровья и их смешением с населением днепро-донецкой неолитической культуры. Возможно, в ее генезисе частично участвовали и трипольские племена. Есть основания предполагать, что результатом сложных этнических смешений является появление балтов, а среднеднепровская культура стала их первой культурой.

С миграцией древнеямных племен связано не только возникновение среднеднепровской культуры и ее носителей – древних балтов. Велико их значение в образовании других народов Средней и Северной Европы – славян и германцев. Именно с носителями древнеямной культуры следует связывать проникновение индоевропейцев в эти области (рис. 3.18). Можно утверждать, что часть древнеямных скотоводческих племен не осталась в среднем Поднепровье, а продолжила движение в северном направлении. Достигнув границы леса, проходившей южнее Полесья, она повернула на запад, где одна часть осела в Средней Европе и начала смешиваться с местными неолитическими племенами культуры воронковидных кубков.

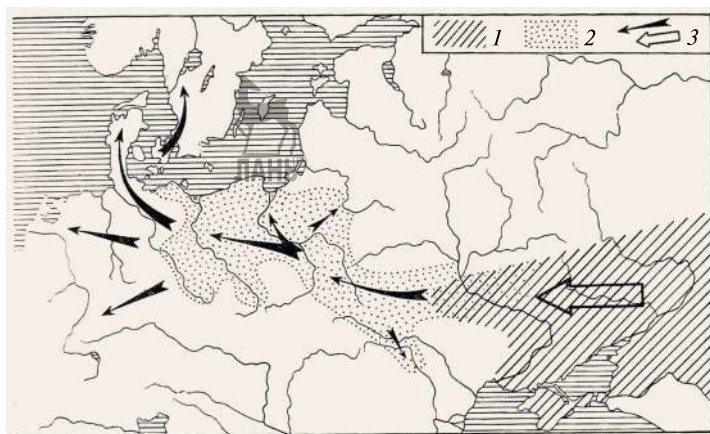

Рис. 3.18. Продвижение индоевропейцев в Среднюю Европу

Оставшиеся носители древнеямной культуры дошли до Ютландского полуострова и Южной Скандинавии, смешавшись с неолитическими племенами северной культуры.

В 3 тыс. до н. э. в результате расселения индоевропейцев в Средней Европе возникла культура шаровидных амфор. Ее памятники были известны еще в XIX в., но в качестве самостоятельной была выделена только в 1900 г. Вопрос о происхождении и этническом характере культуры вызвал целую серию различных гипотез. Ее называли великой загадкой европейского неолита. Культура почти полностью занимает бассейны Эльбы, Одера и Вислы, украинскую Вольнь, средний Неман и верховья Припяти, а также частично бассейны Днестра, Прута и Серета.

Культура достаточно хорошо изучена по раскопкам поселений и погребений. Несмотря на большую территорию распространения, изменения, происходившие внутри культуры в отдельных ее регионах, даже довольно удаленных друг от друга, имели идентичный характер.

Наиболее заметной чертой, давшей ей название, является керамика (рис. 3.19), представленная шаровидными амфорами с двумя или четырьмя ручками и легким орнаментом по шейке и плечу сосуда. Орнаментация обычно представлена рядами горизонтальных полос. Украшения на сосудах нанесены штампом и типичными для посуды индоевропейцев отпечатками шнура. Встречается также нарезной орнамент.

Изделия из камня представлены одинаковыми типами пластинчатых резцов и каменных топоров.

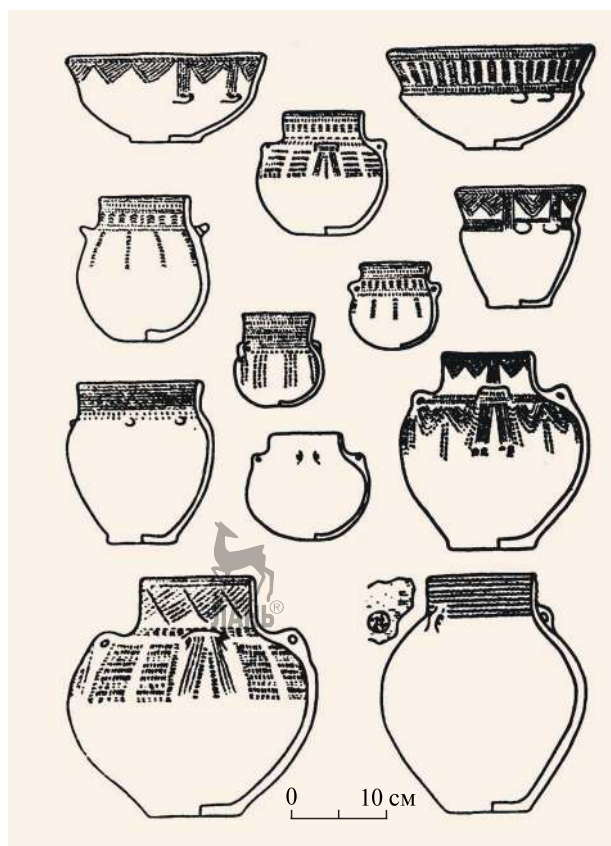

Рис. 3.19. Инвентарь культуры шаровидных амфор

Известны поселения двух типов: долговременные, состоящие из построек сложной конструкции, и небольшие сезонные, устраивавшиеся на песчаных дюнах.

В погребальных обрядах преобладают захоронения в каменных ящиках, устроенных в грунтовых могилах или под курганами. На Эльбе был распространен обряд погребения в ямах. Костяки чаще вытянуты, но встречаются и скорченные, посыпанные красной охрой.

Вместе с покойником клали шаровидные и плоскодонные амфоры, 1–3 плоских топора или долота, кости домашних животных (главным образом нижние челюсти свиней). Большой интерес представляют ритуальные захоронения крупного рогатого скота, встречающиеся и на территории поселений.

Носители культуры шаровидных амфор имели высокий рост, удлиненную голову, узкие лицо и нос, массивный подбородок. Они относились к тому же антропологическому типу, что и носители ямной культуры южных степных районов Юго-Восточной Европы. Культура, несомненно, свидетельствует об участии в ее формировании двух этнокультурных компонентов. Один принадлежал местному неолитическому населению — культуре воронковидных кубков, другой — индоевропейским мигрантам с одним из вариантов древнеямной культуры. Это была первая миграция в средневропейский регион индоевропейцев. Несмотря на то, что возникшая в результате смешения двух этнических групп, культура шаровидных амфор в основном представлена каменными орудиями, ее уже нельзя считать неолитической. Несомненно, это был уже энеолит с присущими ему признаками: господством отцовского рода, утверждением производящих форм хозяйства. Признаки этнического смешения хорошо выражены в новой культуре. От местного неолита в нее перешел обычай хоронить покойников в вытянутом положении на спине и амфоровидные сосуды. От пришлой культуры индоевропейцев — скорченное положение покойников, посыпанных красной охрой, курганы, ритуальные захоронения крупного рогатого скота, шнуровой орнамент на посуде, что очень напоминает историю формирования среднеднепровской культуры. И если там это привело к возникновению древних балтов, то с культурой шаровидных амфор следует связывать возникновение славян. Именно на эту область — междуречье Эльбы и Вислы — как древнейший регион пребывания славян, их прародину указывают исторические, лингвистические и антропологические источники. Согласуется и вытекающее из лингвистических данных время появления славян, совпадающее с переходом от каменного века к веку металла, что соответствует дате культуры шаровидных амфор: середина — вторая половина 3 тыс. до н. э.

Первоначально культура шаровидных амфор имела небольшую территорию, ограниченную частью прежней территории культуры воронковидных кубков, где расселились древнеямные племена. Но очень скоро носители культуры шаровидных амфор, значительно продвинулись в юго-восточном направлении и заселили украинскую Вольню, верхнее Поднестровье, а на востоке — Западное Помеманье.

Одновременно на Ютландском полуострове и в Южной Скандинавии, куда проникли индоевропейцы с ямной культурой, на субстрате местной неолитической культуры формируется новая культура энеолита, которую можно связать с первыми германцами.

Большая группа индоевропейцев продвинулась далеко на восток, достигнув нынешней китайской провинции Синьцзян, где археологами обнаружены их памятники. Другие повернули на юг и распространились на Индийском полуострове, став известными под именем ариев (отсюда название «арийцы»).

Поселения энеолита с расписной керамикой, кроме рассмотренных выше, выявлены также в Болгарии, Румынии, Молдавии, Хорватии, Греции, Иране, Китае и др. Энеолитические культуры с мотыжно-земледельческим хозяйством имеются в Германии, Франции и других странах Европы, но расписной керамики в них нет. Там распространена так называемая ленточная керамика: сосуды украшали нарезным узором, расположенным лентами. На Балканах поселения с ленточной керамикой перемежаются с поселениями с расписными сосудами.

Есть основания предполагать, что именно в эту эпоху в результате миграции индоевропейских племен и смешения с разными группами местного населения сформировалась основная часть их непосредственных предков, а также определились зоны их прародин. Начальная локализация языков индоевропейцев показана на предлагаемой карте (рис. 3.20). Эти данные следует учитывать при решении сложных вопросов об этнической принадлежности носителей археологических культур в последующих периодах.

Таковы основные события этой знаменательной эпохи, положившей начало эре металла, распространению и утверждению земледелия и скотоводства, времени первого Великого переселения народов, перекроившего этническую карту Европы и Азии.

Однако вернемся в степи Восточной Европы. Приблизительно 2800 лет до н. э. древнеямная (ямная) культура сменилась катакомбной (рис. 3.21), охватившей столь же огромное пространство от устья Дуная на западе до Волги на востоке и от Кавказских и Крымских гор на юге до лесостепи на севере. Свое название она получила по особому устройству погребальных сооружений: покойника, как и в древнеямный период, хоронили под курганом, но не в самой яме, а в вырытой в стенке ямы пещерке, которую называли катакомбой. Отсюда и наименование культуры. Огромное пространство, что она занимала, и, по-видимому, некоторые особенности формирования культуры, обусловили наличие в ней особых культурных регионов, что позволило называть культуру культурно-исторической общностью, состоящей из ряда близких культур.

Катакомб в кургане могло быть несколько. Они располагались по кругу под курганный ямы. Покойники лежали на боку, их руки часто были поднесены к лицу. В погребениях встречаются остатки расчлененных тел. Редко — вытянутые погребения.

В больших курганах иногда обнаруживают деревянные повозки с дисковидными колесами из сплошного дерева. Обычны жертвоприношения в виде голов и костей животных. Погребения нередко сопровождаются множеством вещей: глиняными сосудами, предметами труда и оружием, всевозможными украшениями из бронзы, кости и стекла. Интересны находки курительниц на трех ножках. Следует отметить некоторые специфические черты, присущие катакомбной культуре. Многие черепа погребенных деформированы: в детстве им искусственно предавалась удлиненная форма. Еще более необычными являются так называемые вторичные захоронения, т. е. какое-то время спустя после похорон могилу раскапывали, с лица покойника снимали мягкие ткани и на этом месте устраивалась глиняная маска.

Рис. 3.20. Распространение языков индоевропейцев после их расселения

Основу хозяйства катакомбных племен составляло полукочевое скотоводство. Свои поселки они устраивали либо в долинах рек, либо на высоких мысах. Судя по составу изделий из бронзы, у катакомбцев была широко распространена техника литья по восковой модели. По разнообразным находкам в погребениях можно предполагать, что квалифицированные литейщики занимали высокое место в обществе. При них найдены литейные формы, тигли, льячки и дорогие украшения из бронзы.

Глиняная посуда плоскодонная, богато орнаментирована рельефными валиками и фигурками, нередко укрыта шнуровым орнаментом, характерным для индоевропейцев.

По поводу происхождения катакомбной культурно-исторической общности высказано немало предположений. Одни говорят о миграции племен из разных мест, в том числе из Центральной и Южной Европы, другие — из Закавказья или Средней Азии. Однако большинство исследователей склоняются к тому, что культура сформировалась на основе какой-то части предшествовавшей ямной культуры, хотя очень заметно присутствие в ней и некоторых закавказских культурных элементов, относимых к последнему этапу куро-аракского энеолита.

Столь же загадочным представляется исчезновение культуры приблизительно к 2200 г. до нашей эры. Несомненно, какая-то часть катакомбных племен двинулась на восток, где, возможно, участвовала в формировании знаменитых ариев, отмеченных в индийских ведах.

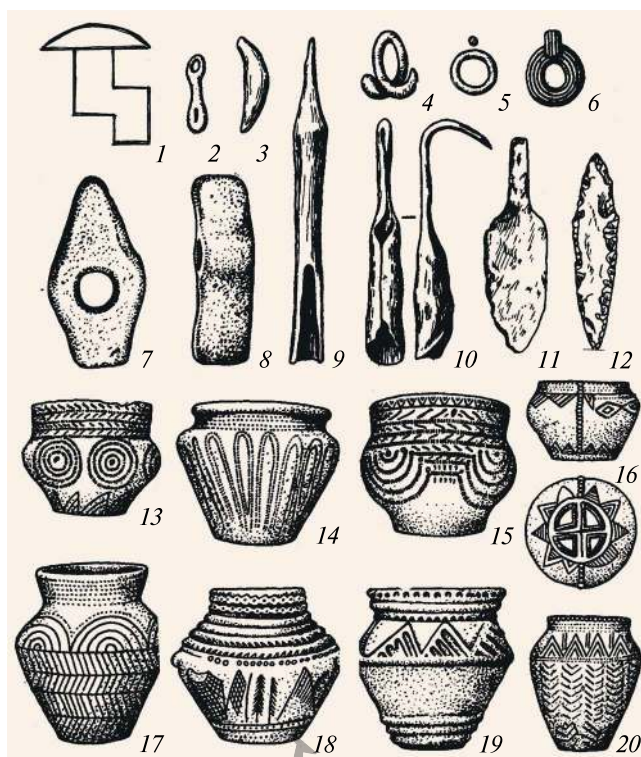

Рис. 3. 21. Материалы катакомбной культуры:
 1 — схема устройства могилы; 2–6 — украшения;
 7–8 — каменные топоры; 9 — металлическое долото;
 10 — металлическое оружие; 11 — бронзовый нож;
 12 — кремневый нож; 13–20 — сосуды

В середине 2 тыс. до н. э. обширные пространства степной и лесостепной зон Восточной Европы от Днепра до Западного Казахстана, а на юге до Кавказских гор стали местом обитания новых, родственных по происхождению и культуре, групп племен, составивших большую культурно-историческую общность. По специфическим особенностям погребальных сооружений ее назвали срубной (рис. 3.22).

Культура датируется второй половиной 2 тыс. до н. э. и соответствует позднему этапу бронзового века. В срубной общности выделяются три крупные локальные области и некоторые антропологические различия между населением степных и лесостепных зон.

Культура известна по могильникам, поселениям, мастерским, рудным разработкам, кладам и отдельным случайным находкам.

Погребения, давшие название культуре, представлены курганными и грунтовыми могильниками. Покойника чаще хоронили в прямоугольной яме под курганом в бревенчатой раме или небольшом деревянном срубике, сверху перекрытом бревнами или каким-либо другим материалом. Погребенные обычно лежали на левом боку в согнутом положении с поднесенными к лицу кистями рук. Встречаются захоронения в каменном ящике или просто в яме. Изредка могилы содержат остатки кремации. Предметов в могиле немного. Обычно это лепные плоскодонные горшки баночной формы или ребристые, нередко украшенные геометрическими фигурами и шнуровым орнаментом в верхней части сосуда. Иногда обнаруживается оставленная покойнику пища.

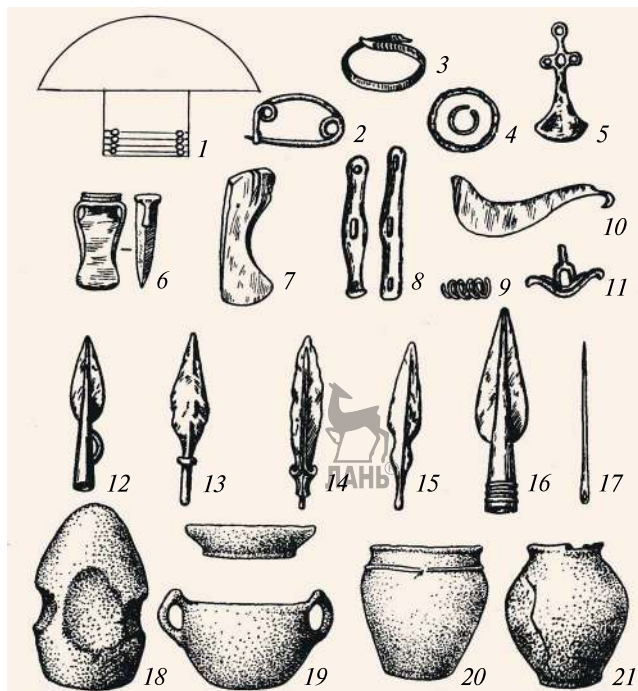

Рис. 3.22. Материалы срубной культуры:

- 1 – схема погребального сооружения; 2 – фибула;
- 3–5 – металлические украшения; 6 – бронзовый кельт;
- 7 – бронзовый топор; 8 – костяной псалий;
- 9 – спираль (украшение); 10 – бронзовый серп;
- 11 – металлическое украшение; 12–13, 16 – бронзовые ножи;
- 14–15 – бронзовые ножи; 17 – металлическое шило;
- 18 – бронзовый топор; 19–21 – сосуды

На большинстве могильников количество курганных насыпей не превышает 15. Однако число погребенных под курганом разное – от 1 до 100.

Известны могильники с обрядом трупосожжения. Остатки кремации хоронились в глиняных урнах или просто в небольших ямках.

Поселения срубников располагались вдоль рек на возвышениях. На заключительном этапе культуры появились поселки, укрепленные валом и рвом. Судя по малому количеству курганов в могильниках, поселки были небольшими. Жилища представлены землянками, полуземлянками, наземными домами-срубами (каркасно-столбовые). Стены некоторых построек возводились из дерна и тростника, встречаются и с каменной нижней частью. В некоторых больших домах жилая часть отделена от хозяйственной, имеет несколько очагов, хозяйственные ямы и даже колодец.

Основным видом хозяйства было стойловое и отгонное скотоводство. Разводили крупный рогатый скот, овец, редко – лошадей.

В отдельных местах скотоводство дополнялось пойменным земледелием, о чем свидетельствуют найденные зерна культурных растений (проса). Имеются данные о горно-металлургическом производстве. Открыты поселки металлургов. В пустынных и полупустынных областях, возможно, практиковалось кочевое скотоводство.

Изделия из меди и бронзы достаточно разнообразны: орудия труда (топоры, тесла, ножи) и оружие (топоры, кельты, наконечники стрел, втульчатые наконечники копий, кинжалы). Украшениями были бусы, бронзовые и медные браслеты, височные кольца, бляшки, изредка находят изделия из золота.

По-прежнему широко использовался камень. Из него делали сверленные топоры и булавы, молотки, наковальни, зернотерки. Встречается много изделий из кости.

По поводу происхождения культуры высказывались разные мнения. Одни считают, что культура первоначально формировалась между Волгой и Уралом или даже в Сибири. Появление локальных групп объясняют результатом воздействия местного субстрата в результате смешения пришельцев с неушедшей частью катакомбных племен.

Другие исследователи склонны думать, что срубная культура формировалась на основе катакомбной на всей занимаемой ей территории.

Последующая судьба срубных племен не совсем ясна. Причину их исчезновения пытаются связывать с экологическими закономерностями, связанными с деятельностью человека и изменениями в среде обитания.

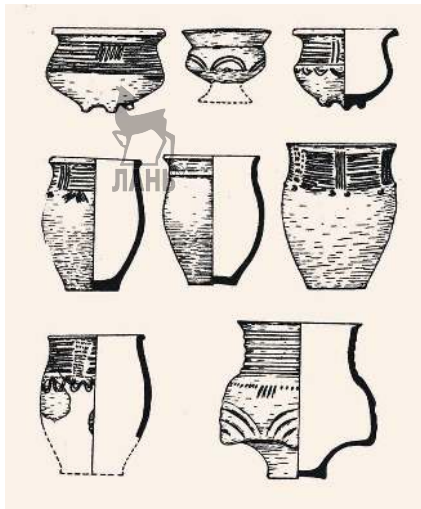

Рис. 3.23. Материалы лужицкой культуры

Замечено, что ранняя и средняя фазы срубной культуры приходились на теплую и влажную погоду, благоприятную для развития производящих форм хозяйства. В XVIII—XIII вв. до н. э. в степных районах Восточной Европы отмечена максимальная плотность населения. Однако демографический взрыв и непомерное увеличение поголовья скота способствовали истощению природных ресурсов. Установившийся в конце бронзового века холодный и сухой климат сделал скотоводческое хозяйство малоэффективным, что привело к резкому сокращению численности населения. В поисках новых пастбищ многие скотоводы покидали родные места. Одна часть срубных племен вероятно откочевала на территорию Северо-Западного Ирана, другая — на восток.

Есть, однако, серьезные основания предполагать, что не все носители срубной культуры ушли из этой области. Удалось выявить памятники самой поздней фазы культуры, датированные IX и даже VIII в. до н. э. Практически это их хронологически связывает с первыми упомянутыми в письменных источниках жителями степной полосы — киммерийцами и скифами, культуры которых относятся уже к железному веку.

В этническом отношении срубные племена принадлежали к индоиранской группе индоевропейской семьи народов. Основой для таких утверждений считается совпадение ареалов культуры и древней иранской гидронимии.

Учитывая все факты, возможно, что какая-то часть срубных племен могла стать генетическими предшественниками киммерийцев и скифов.

Тем временем в Средней Европе на основе культуры шаровидных амфор во 2 тыс. до н. э., в основном на территориях Польши и Восточной Германии, возникли две родственные культуры — тшинецкая и предлужицкая. Их население занималось в основном разведением свиней.

Около 1300 г. до н. э. они слились в одну лужицкую культуру (рис. 3.23), распространенную на широких пространствах Польши, Северо-Восточной Чехии, Моравии и Силезии и принадлежала к земледельческо-скотоводческому, по всей видимости, славянским племенам. Поселения были укрепленными и неукрепленными, могильники — бескурганскими, преимущественно с трупосожжением. Остатки пережженных костей ссыпались в глиняные урны, которые сверху накрывали камнями или обломками сосудов. В могилу вместе с урной помещали посуду, украшения, мелкие предметы домашнего обихода. Правда, на позднем этапе культуры погребальный ритуал претерпел изменения: распространились захоронения в ямах, в которые ссыпались остатки погребального костра.

Глиняная посуда делалась вручную и отличалась большим разнообразием форм. Наряду с грубой кухонной изготовлялась нарядная, которая была лощеной и часто украшенной геометрической нарезкой. Характерны ручки со сквозным отверстием. Замечательный памятник позднего этапа культуры — укрепленное поселение Бискупин в Польше (рис. 3.24), плотно застроенное параллельными рядами длинных бревенчатых домов.

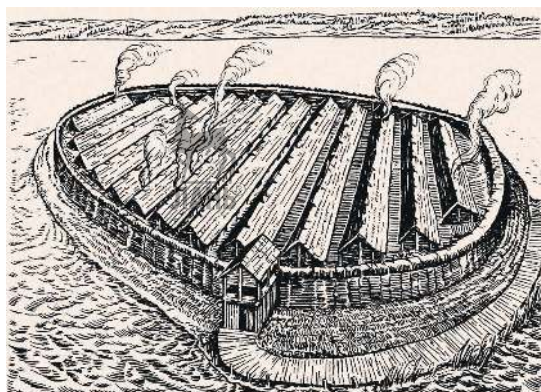

Рис. 3.24. Поселение Бискупин. Реконструкция

Наиболее вероятно, что лужицкая культура принадлежала ранним славянам. Как уже говорилось, индоевропейцы являлись огнепоклонниками (поклонялись огню и солнцу). Жаркое солнце могло выжечь всю растительность и лишить земледельца урожая, а скотовода — кормов для скота. Человек понимал свою зависимость от капризов погоды и по-прежнему считал, что его жизнь зависит от богов, главным из которых был бог-солнце, бог огня, что способен послать дождь или засуху. От него также зависели благоприятные или неблагоприятные дни для земледелия и скотоводства, потому человек пытался всячески умиловить богов, полагая, что мольбами и жертвоприношениями сможет добиться нужной погоды, повысить урожайность полей.

Человек придумал особые ритуальные изображения солнца — солнечные символы, солярные знаки (круг, крест, звездочка, свастика), что наносились на различные предметы: посуду, фигурки животных и др. Следует заметить, что фигурки людей и животных были связаны с культом солнца как символы земного плодородия.

На Оке и верхней Волге, как бы продолжая среднеднепровскую культуру, в первой половине 2 тыс. до н. э. распространилась фатьяновская культура (рис. 3.25), известная главным образом по раскопкам могильников. Покойника хоронили в ямах в скорченном положении на боку, изредка — на спине. Иногда посыпали красной охрой. Встречаются внутримогильные сооружения с выступающими углами из плах или досок и скоплениями угля. Металлических изделий немного, попадаются медные топоры в футлярах. Характерны также кремневые клиновидные и каменные боевые топоры (рис. 3.26). Керамика круглодонная, украшена отпечатками шнура (рис. 3.27). Фатьяновские племена занимались скотоводством и земледелием, также охотой и рыболовством. Разводили свиней и овец.

Фатьяновская культура, несомненно, пришлая, распространилась на территории, где до них обитали финно-угорские племена, которые продолжали занимать обширные пространства и за пределами фатьяновского ареала.

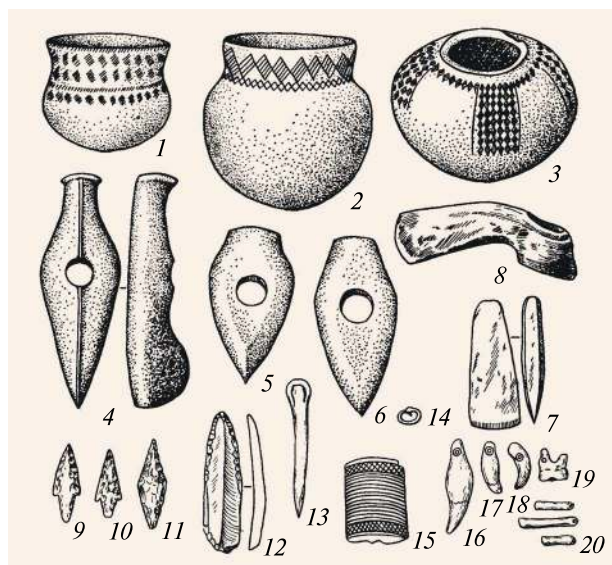

Рис. 3.25. Материалы фатьяновской культуры:
 1–3 — сосуды; 4 — ладьевидный каменный топор;
 5–6 — каменные топоры; 7 — клиновидный каменный
 топор; 8 — вислобушный бронзовый топор;
 9–11 — каменные стрелы; 12 — кремневое орудие;
 13 — костяная проколка; 14 — медное колечко;
 15 — браслет; 16–20 — украшения

Рис. 3.26. Каменные боевые топоры бронзового века

Сами фатьяновцы были одной из групп индоевропейцев, относимых к культурам боевых топоров. Они соседствовали с племенами среднеднепровской культуры и по многим признакам были схожи. Более того, обе занимают область, где широко представлена балтская гидронимика, принесенная, очевидно, носителями этих культур. Поэтому правомерно считать их балтами, занимавшими крайнюю северо-восточную область древнего балтского мира. Однако их расселение проходило далеко не спокойно.

В костях одного из погребенных фатьяновцев обнаружили каменный наконечник стрелы, а подобными пользовалось местное финно-угорское население. Интересно, что в последующую историческую эпоху — железном веке — здесь снова появятся археологические памятники финно-угров.

Катакомбная культура представляет собой обширную историко-культурную общность состоящую из ряда родственных культур. Она занимала обширное пространство от побережья Каспийского и Черного морей, Кавказских и Крымских гор на юге до лесостепи на севере. Возникла на основе части древнейшей культуры и мигрировавшей в степь части племен куро-аракского энеолита. Среди катакомбных захоронений выделяются погребения литейщиков, куда клали тигли, литейные формы и богатый ассортимент металлических изделий, что свидетельствует о их высоком положении в обществе. В погребениях выявлены люди с деформированными в детстве черепами (искусственно удлиненными). Среди разнообразного керамического материала нарядно оформленных орнаментами сосудов имеются горшки со шнуровым орнаментом. Культура датируется 2800–2200 гг. до н. э. Историческая судьба катакомбных племен вызывает

Рис. 3.27. Фатьяновский сосуд

дискуссии. Есть мнение, что какая-то их часть — знаменитые арии, эмигрировавшие в Индию и Северный Китай. Несомненно, катакомбные племена составили европейскую группу народов, возможно, одну из групп ираноязычных народов.

10. Ранний железный век

Бронзовый век сменился железным, что стал последним в археологической триаде веков, приходящихся на период, что называют историей первобытного общества. В мировой исторической литературе его также называют доисторией или праисторией.

За железным веком пойдет либо история древнейших государств (обычно называемых рабовладельческими), возникших далеко не на всей планете, либо в Средневековье.

Как свидетельствует название, новый археологический век ознаменован сменой меди и бронзы железом, ставшим основным материалом для изготовления орудий труда, оружия и других предметов. Переход к железу в истории настолько значительное событие, что переоценить его невозможно, так как еще совсем недавно экономический потенциал и степень развития стран оценивались по количеству производимого в них железа в расчете на душу населения. В железном веке, наряду с успехами в производстве, произошли крупнейшие изменения в культуре вообще и сфере общественных отношений. Резко ускорились темпы исторического развития, изменилась общая ситуация в политической географии. Многие народы, отстававшие в своем развитии, стали быстро переходить от неолита к веку металла, поскольку железо, в отличие от меди, имелось везде. Начался процесс выравнивания в экономическом и общественном развитии стран и народов, перед которыми открылись новые перспективы.

Когда начался железный век и что следует считать его началом? В исторической литературе высказывались разные мнения. Некоторые ученые считали, что железный век такой же древний, как и бронзовый, но представляется более молодым только потому, что железные изделия хуже сохраняются в земле и многие из них просто не дошли до нас. Так, в знаменитой гробнице египетского фараона Тутанхамона, датируемой серединой 2 тыс. до н. э. и хронологически соответствующей бронзовому веку, был найден золотой браслет со вставленным в него кусочком железа. Более того, в гробнице г. Ура (Месопотамия) (3 тыс. до н. э.) несколько бусин в выявленном золотом ожерелье были сделаны из железа. Есть утверждения, что даже в пещерах палеолита можно обнаружить его следы.

Однако приведенные примеры свидетельствуют, прежде всего, о том, что железо в то время ценилось дороже золота. Все потому, что в естественном виде оно не встречается, а получать металл из руд еще не могли. Для единичных поделок, вероятно, использовали метеоритное железо, попадающееся случайно и крайне редко.

Начало века следует вести с момента открытия способа получения железа в масштабах, достаточных для массового и повсеместного использования, что могло произойти только в конце бронзового века.

Более позднее появление железа объясняется не только его отсутствием в природе в чистом виде, но и тем фактом, что, находясь в виде окислов в железной руде, извлечь его можно только применив химический процесс восстановления. Он предполагает использование печей, способных вырабатывать очень высокую температуру, так как железо плавится при 1530 °С, что невозможно в обычных кострах. Однако подобные печи появились лишь в конце эпохи бронзы и то далеко не везде. Вот почему железный век мог начаться исключительно после бронзового и только на основе его технических достижений.

Способ получения железа из руды был найден, что совершенно естественно, в местах с традиционно высоким уровнем развития бронзолитейного производства. Одни исследователи отдают приоритет открытия армянским горцам, другие — древним хеттам Малой

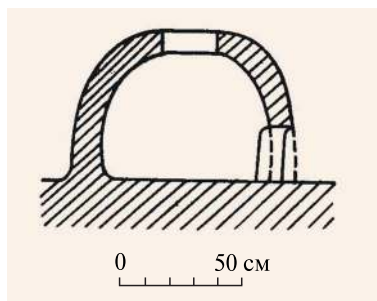

Рис. 3.28. Разрез домницы

в 20–30-е гг. XX в. Археологи, специально изучавшие историю древней металлургии и железообработки, смоделировали данную технологию «варки» железа и детально исследовали ее этапы и возможности.

Печь, где получали железо, называют домницей (рис. 3.28). Ее обычно сооружали на поверхности из глины или камней, скрепленных опять же глиной. На поселениях родовых общин с небольшим числом обитателей печи в основном были небольшие, до 1 м в высоту. При раскопках городища железного века около д. Лобенщина под Минском были обнаружены хорошо сохранившиеся остатки домницы, на которую долгое время ссылались в литературе как на образец. В ее нижней части проделывали 1–2 отверстия, куда вставляли концы глиняных трубок (сопла). К их другим концам прикрепляли воздушные меха, сделанные из двух плоских дощечек и кожи. К слову, почти неизменный из-за своей простоты и надежности, подобный предмет до сих пор используется в кузнях.

При помощи мехов в печь нагнетали сырой воздух, необходимый для получения высокой температуры. Такой процесс называют сыродутным способом получения железа (рис. 3.29).

Печь загружали послойно рудой и древесным углем, что научились получать методом сухой перегонки дерева в специальных ямах. Для лучшего протекания процесса руду предварительно размельчали на каменных плитах, а позже стали еще предварительно прожигать.

Рис. 3.29. Получение железа в домнице

Из-за недостатка кислорода при сгорании угля образуется не углекислый газ (CO_2), а закись углерода, или угарный газ (CO). Далее, этот раскаленный газ, проходя к имеющемуся наверху домницы выходу, нагревал руду и вступал с ней в химическую реакцию, отнимая у нее кислород. В результате происходил процесс восстановления металла. Как показали измерения, температура в домнице поднималась приблизительно до 1200°C . Однако для плавки железа ее было недостаточно, и металл выделялся в виде небольших капелек, которые склеивались, образуя пористую массу — крицу.

Несмотря на относительную простоту процесса, эта технология была крайне неэкономична. Выход чистого металла составлял всего 20 %. Остальные 80 % потенциально металла уходили в шлак.

После завершения процесса крицу извлекали из домницы и уплотняли молотами. Для ее разделки и получения изделий проковкой использовали кузнечный горн, на котором разогревали крицу, наковальню, молоты, клещи, зубила.

Для обработки железа и изготовления из него предметов часто требуются орудия из более твердого материала, чем, собственно, железо. Таким материалом является сталь, изобретенная уже в железном веке. Сталь — науглероженное железо. В древности ее стали получать посредством механического науглероживания: железную болванку неоднократно в горне раскаляли и проковывали молотами на наковальне, прилипший при нагреве уголь механически проникал в железо, превращая его в сталь. Из нее делали зубила для разделки крицы и рубки железа, бородки для пробивания отверстий, напильники для заточки изделий, сверла.

С самого начала железообработка требовала труда не менее двух человек — кузнеца и молотобойца. Кузнецы выделились в профессионалов и уже в древности были самыми уважаемыми и почитаемыми людьми. Их даже включили в сонм богов: у древних греков — Гефест, у славян — Сварог. Это были первые в ряду богов представители физического труда. О волшебниках-кузнецах придумывали сказки, в которых они могли сделать совершенно все, даже перековать зубы и голос.

Железо позволило покончить с каменным веком в тех регионах, где он еще сохранялся, так как именно оно, а не бронза, вытеснило камень. Почти все орудия и инструменты были заменены на железные. Изготавливали также и новые, прежде всего, связанные с металлообработкой. Появились настоящие ножницы, представленные двумя видами: овечьи и привычные нам обычные ножницы. Первые представляли собой два ножа, соединенные на одном конце плоской стальной пружиной. И по внешнему виду и по конструкции они практически не отличаются от современных овечьих ножниц, однако тогда их использовали не только для стрижки овец.

Особое место железо занимало в военном деле. Так, железным стал меч. История свидетельствует, что не с железным плугом, а с железным мечом пришел железный век. Страны и народы, подобным железным оружием, смогли одержать решительные победы над некогда могучими, но не знавшими данного металла противниками. Ассирийцы разгромили крупнейшую державу древнего мира — Египет. Под ударами чужеземцев, пришедших с новым оружием пали и погибли в пожарах города высокоразвитой крито-микенской культуры. Правда, известно, что еще во времена Древней Греции сражающиеся воины иногда были вынуждены прервать бой, чтобы выправить погнувшиеся мечи.

Железными стали копья и наконечники стрел. Впрочем, у некоторых народов последние еще долго оставались бронзовыми и даже кремневыми, потому что здесь никакой материал не имел особого преимущества. Стрелы с каменными наконечниками обладали достаточной убойной силой.

В железном веке значительно улучшилась жизнь людей. Охотники и рыбаки неолитической эпохи практически все перешли к производящему хозяйству — скотоводству и земледелию. Основной формой общественной организации становится большая патри-

---

архальная семья, представлявшая коллектив родственников до 50 и более человек. Энергичная хозяйственная деятельность создавала условия для накопления богатств: увеличения численности принадлежавших семье домашних животных и продуктов земледелия. В зависимости от обстоятельств возникают различия в скорости эволюции родовых ячеек: появляются зажиточные семьи. Процветают разбои и грабежи как наиболее простой и легкий способ обогащения. Городища стали основным видом поселения железного века.

Их часто устраивали на мысах при впадении одной реки в другую или примыкающе-го к пригорку глубокого оврага. Нередки городища на отдельных холмах. Во всех случаях использовались защитные особенности местности. Многие поселки укреплялись искусственными валами и рвами. Мысовые городища часто укрепляли только со стороны, обращенной к полю, поскольку две другие были укреплены естественным образом.

В железном веке оформилось множество своеобразных археологических культур. Вспомним, что в предшествующий период в результате больших и неоднократных миграций индоевропейцев в Европе и Азии возникли новые народы, в том числе славяне, балты, германцы, романские и ираноязычные этносы.

Железный век Западной Европы. В Северной Австрии в местности Гальштат находят соляные копи, в которых еще в XVI в. были обнаружены древние трупы добытчиков соли. Обстоятельства их гибели доподлинно неизвестны, но соль, пропитав тела и одежду, предотвратила разложение. Так, выяснилось, что соль там добывали едва ли не с бронзового века.

Там же, в Гальштате, располагается могильник, насчитывающий три тысячи погребений. Его раскопки начались еще в 1846 г. Уже раскопано более тысячи могил. Хоронить в нем также начали с бронзового века, однако их большая часть относится к раннему железному веку. Большое количество найденных в них оригинальных вещей позволило выделить в железном веке Европы наиболее ранний период и назвать гальштатским (VII—V вв. до н. э.).

Гальштатская эпоха сначала утвердилась на территориях Богемии, Верхней Австрии и Баварии, а в VI в. до н. э. — в Бургундии, Швейцарии и Рейнской области. Появились укрепленные поселения — городища. В погребальном обряде практиковали трупосожжения и вытянутые труположения. Обычай кремации пришел из бронзового века. Известны захоронения в четырехколесной повозке под курганом.

Глиняная посуда лепилась вручную. Типичен сосуд с узким горлом, широким туловом и маленьким плоским днищем. Часто внешние стенки горшков натирались графитом, что придавал им характерный черный блеск. Керамика в разных странах достаточно однообразна.

Орудия труда были и бронзовые, и железные, но их относительно мало. Приятным исключением стала обнаруженная в Моравии в пещере Бычья скала кузнечная мастерская с полным набором кузнечного инструментария: наковальня, молоты, кузнечные клещи. Найдены крицы и горн.

Следуя общему правилу, железо использовали прежде всего для оружия, которое на начальном этапе по форме копировало бронзовое. Так, гальштатский меч, как и бронзовый, имел расширение в средней части лезвия, оставался коротким и предназначался для колющих атак. Постепенно он стал удлиняться и им можно было не только колоть, но и рубить. Набалдашник имел вид дуги, обращенной концами вверх. Столь же распространенные были железные кинжалы и копии.

Кованая бронза использовалась в изготовлении оружия, сосудов и декоративных предметов. Особо следует выделить бронзовые усеченно-конической формы ведра-ситулы. На некоторых имеются изображения бытовых сцен. Один сюжет показывает двух мужчин, дерущихся палками в окружении зрителей. Возможно, это вид распро-

---

страненного состязания. Есть изображения обедающих, играющих на музыкальных инструментах, всадников и людей, едущих в экипажах. Мужчины на них бритые, с бетами на голове.

Интересно, что все эти сюжеты показаны вместе на одной ситутле, найденной в Сербии (Вача). На другой изображен плуг.

Найдено много бронзовой и железной посуды. Некоторые миски имеют рукоятки в виде фигурок животных. Бронзовые бритвы также являются частой находкой.

Нередки находки бронзовых, реже железных браслетов. Их носили не только на руках, но и на ногах. Такие браслеты встречаются далеко за пределами гальштатского ареала, в том числе и на территории Беларуси.

К концу периода, элементы гальштатской культуры встречаются от Южной Франции до Балкан.

Посредством торговли и межплеменного обмена на территорию гальштатских племен поступали предметы роскоши из греческих и этрусских городов. В позднем гальштате распространились бусы из непрозрачного стекла, желтые с синими, обведенными белыми глазками.

Материалы свидетельствуют о накоплениях богатств у племенных вождей. Так, одним из интереснейших памятников является упомянутая выше пещера Бычья скала. В ней захоронили прах мужчины, возможно, князя. Вокруг лежали скелеты двух коней и сорока убитых рабов, преимущественно женских. Найдены железное оружие, бронзовая посуда и украшения, имелись и золотые. Одна чаша была сделана из человеческого черепа, вероятно, убитого врага.

В середине V в. до н. э. на смену гальштату в Западной Европе пришел новый период раннего железного века – латен, что продолжался до I в. до н. э. Свое название эпоха получила по местности близ Невшатальского озера в Швейцарии, где в начале XX в. раскопками было выявлено множество бронзовых, железных и деревянных предметов (орудия труда, оружие, украшения). Были обнаружены деревянные сваи, две бревенчатые плотины. Аналогичное название получила и культура этой эпохи, которую связывают с кельтами.

Она распространилась на территориях Франции, Испании, Швейцарии, Австрии, южной и западных областей Германии, Сербии, Чехии и Южной Англии. Ее сильное влияние испытали Центральная и даже Восточная Европа. Культура имела несколько региональных вариантов.

Латен стал известен после долгих раскопок городища, давшего поразительно много удивительных находок. Выяснилось, что на нем проживали исключительно мужчины, однако предметы были настолько разнообразны, что только на их основе разработали типологию артефактов всей новой культуры. Особенно хорошо было представлено оружие. Одних мечей найдено около 100 штук. На обычных поселениях их почти не находят.

Характерной особенностью укрепленных поселений являлось обложение камнем земляных валов. На самом крупном из исследованных латенских городищ Европы – Страдониц (близ Праги) – выявили множество кузниц и меднолитейных мастерских.

В Южной Англии полностью раскопано болотное городище Гластонбери, представляющее искусственный островок среди болот. На нем вскрыто 90 круглых землянок с очагами, сложенными из камней. В инвентаре еще мало железа и преобладает кость. Встречаются железные ножи для обработки кости. Много изделий из дерева. Некоторые из них украшены художественной резьбой.

Погребальный обряд в латенской культуре различен: были и трупосожжения и вытнутые трупоположения. Покойников или остатки кремации хоронили как в курганах,

---

так и в безкурганых грунтовых могилах. Встречаются захоронения с четырехколесными повозками.

В развитом латене стало очень много разнообразных железных орудий: длинные проушные топоры, тесла, скобели для сдирания коры и строгания, ножницы. В одном кургане впервые найдена железная пила.

Отличалось разнообразием и оружие. Меч стал длиннее и предназначался для рубящего действия. Он делался из мягкого железа и не имел ни перекрестья, ни набалдашника на рукоятке. При сильном взмахе, как полагают, меч легко мог выскочить из руки. В состав вооружения входили также короткие кинжалы, копья и стрелы. Все предметы сделаны из железа, даже наконечники стрел. Железными стали шлемы и сердцевина деревянных щитов — умбоны. Раньше, чем у греков и римлян, у кельтов появились шпоры.

Основным хозяйством являлось земледелие. В раскопках найдены плужные лемеха, часто встречались железные серпы. Появились железные косы.

Сеяли пшеницу, ячмень, просо, овес, который, считается, кельты начали выращивать первыми.

Едва ли не первыми они стали также использовать железные ножницы, состоящие из двух ножей, соединенных наверху пластиной.

По описаниям и дошедшим изображениям кельты носили отвислые усы, но бороды брили. Сегментовидные железные бритвы — не редкая находка в мужских погребениях.

Латенские украшения были весьма популярны и распространялись по всей Европе, в том числе и Восточной.

Женщины носили на шее металлические обручи — гривны, что позже переняли и мужчины. Золотой обруч на шее мужчины стал показателем достоинства и власти.

В состав женских украшений также входили браслеты и кольца. Некоторые покрывались эмалью. Характерной для кельтов считают темно-красную эмаль. Из Сирии к ним проникло стеклоделие. Стали «модными» широкие стеклянные браслеты обычно синего цвета.

Востребованной вещью в Европе были своеобразные бронзовые и железные застёжки — латенские фибулы. Они со временем несколько изменяли свой вид, что проследжено и определено в датах, поэтому в археологии железного века фибулы, подобно монетам, являются хорошим датирующим материалом

Отдельные латенские находки встречаются в Восточной Европе вплоть до Восточного Поволжья. В свою очередь, на памятниках данной культуры нередко иноземные предметы. Так, от греков и этрусков кельты получали металлические кувшины с вином и аттические кубки для питья.

В искусстве прослеживаются контакты со скифами. Сильное воздействие латенская культура оказала на соседние пшеворскую и зарубинецкую культуры.

Своеобразна графитовая керамика с орнаментами в виде вертикальной штриховки, нанесенной деревянным штампом. Бытовая посуда постепенно стала изготавливаться на гончарном круге. Это был пример одного из самых ранних использований гончарного круга у народов, еще не вышедших из первобытнообщинного состояния. Замечено, что его появление совпадает с возникновением государств. Впрочем, кельты вплотную подошли к государственности и даже начали чеканить монеты. На заключительном этапе некоторые их городища мало чем отличались от городов.

Отдельные группы кельтов проникли на территорию нынешней Закарпатской Украины. Их поселения застроены землянками (20 м²) с плетневыми стенами и расположены в малодоступных местах поречья Тисы, датируемые в основном II—I вв. до н. э. Отдельные

представляют настоящие ремесленные центры. Открыты мастерские с полным набором кузнечного инструментария (горн, наковальня, молоток, клещи, точило) и готовой продукции (латенские мечи, наконечники копий, дротиков, стрел и др.). Обширно представлено ювелирное дело.

Конец латену положили римские завоевания кельтских земель. Однако на некоторых территориях, избежавших римской оккупации (Англия, Ирландия), его признаки прослеживаются до раннего христианства.

Таким образом, кельты внесли большой вклад в мировую культуру и в мировой науке по праву утвердилось понятие «кельтская цивилизация».

К востоку от кельтов, между Эльбой и Вислой, обитали славянские племена лужицкой культуры, сложившейся еще в бронзовом веке. В первой половине 1 тыс. до н. э. лужичане постепенно входят в железный век. Их материальная и духовная культура достигла высокого уровня развития.

Хозяйство лужицких племен было многоплановым. Его основу составляли земледелие и животноводство. Существование долговременных поселений и крупных могильников указывает на оседлый образ жизни населения.

Всемирной известностью пользуется полностью раскопанное лужицкое городище на Бискупинском озере в Северо-Западной Польше. В нем прекрасно сохранились деревянные сооружения, которые дают четкое представление о сложных укреплениях, планировке и застройке поселка.

Длинные дома были разделены поперечными стенами на 10–12 изолированных помещений, каждое из которых имело отдельный выход через сени на узкую, замощенную деревом улицу. На противоположной стороне улицы шел сплошной стеной такой же большой дом, у которого не было выходов на эту же улицу.

Внутри каждого жилища находился очаг. Иногда при домах имелись пристройки для скота. Бискупинское городище по праву сравнивают со знаменитой Помпеей.

Как показали раскопки, городище подверглось нападению отрядов степных племен Восточной Европы – воинственных скифов. На внешней стороне вала найдено огромное количество наконечников стрел, выпущенных скифами перед штурмом крепости.

В VI в. до н. э. в восточную часть ее территории со стороны Кашубской возвышенности вторглись поморские племена, составлявшие группу западных балтов. В результате их миграции культура восточных областей лужичан подверглась сильной трансформации, что привело к появлению культуры подклевовых погребений. Однако она постепенно смещалась к востоку, и к концу III в. до н. э. практически прекратила существование. Поморская культура не заняла место лужицкой и не смогла расселиться на всей ее территории. Несмотря на это влияние этой культуры особенно заметно в Повисленье, куда в первую очередь распространились поморцы. Некоторые ученые считали, что миграция этих племен привела к полной замене лужицкой культуры поморской (рис. 3.30). Однако другие полагают, что победа поморцев имела место только в Повисленье. К западу от него их влияние ощущается все меньше. Говорят даже, что победители-поморцы в конце концов оказались побежденными лужичанами.

Рис. 3.30. Поморская погребальная урна

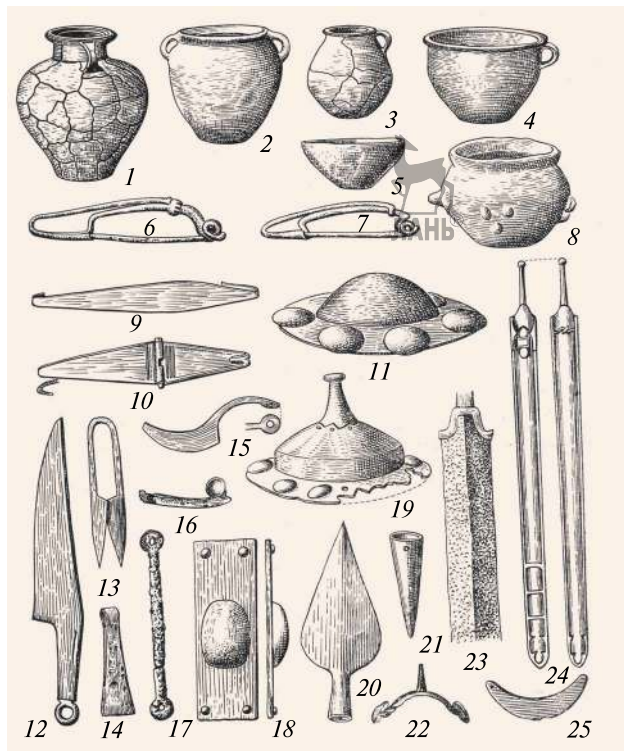
К II в. до н. э. на всем лужицком ареале формируется новая пшеворская культура (рис. 3.31), получившая название по одному из могильников возле г. Пшевор в Польше.

Поразительное совпадение ареалов лужицкой и пшеворской культур, равно как и несомненные генетические черты преемственности между ними, особенно в той части их территории, которая не была подвергнута поморским вторжением, позволяют заключить, что пшеворская культура — следующий период в истории славян, приходящийся на железный век.

Он отмечен сильным влиянием античных культур, потому его не случайно относят к римскому времени. Тем не менее известно, что следствием такого воздействия является потеря многих местных особенностей культур. Это усложняет выявление этнических критериев и создает немалые трудности в изучении этнической истории.

Исследователи пшеворской культуры предлагают разные даты ее функционирования. Наиболее обоснованные — II в. до н. э. — V в. н. э. На начальном этапе культура находилась под сильным влиянием кельтской, и ее памятники в западной части нередко приписывали кельтам. По этой причине ареалы культуры на западе некоторые предпочитали ограничивать Одером, хотя ее памятники известны также в междуречье Эльбы и Одера.

Пшеворская культура известна по поселениям и погребальным памятникам. Поселения имеют разные размеры: от небольших с 2–3 дворами до очень крупных, площадью в несколько десятков тысяч квадратных метров. Отмечается тенденция к увеличению со временем их размеров. Возрастает и количество поселений. Самая высокая плотность заселения отмечается на более плодородных почвах, распространенных в южной части пшеворского ареала.

Рис. 3.31. Материалы пшеворской культуры (по Ю. Костшевскому):
 1 — грушевидный одноручный сосуд;
 2 — яйцевидный горшок с двумя ручками; 3 — грушевидный кувшин;
 4 — чаша с ушком; 5 — миска;
 6–7 — фибулы; 8 — сосуд, украшенный шишковидными выступами; 9–10 — железные поясные пряжки;
 11, 19 — умбоны; 12 — нож;
 13 — ножницы; 14 — топор;
 15 — серповидный нож; 16 — оковка щита; 17 — рукоять щита;
 18 — прямоугольный кельтский умбон; 20 — наконечник копья;
 21 — железный шток; 22 — шпора;
 23 — меч; 24 — меч в железных ножнах; 25 — бритва

Застройка была кучевая, бессистемная. Жилища представлены различными типами: наземные постройки и полуземлянки. Последние изучены лучше, поскольку их остатки лучше сохранились.

Наземные жилища в основном имели столбовую конструкцию стен. Промежутки между столбами заполнялись плетнем, обмазанным глиной. Глиняную обмазку неоднократно находили в раскопках. Некоторые же были бревенчатыми. Заостренные концы бревен закреплялись в пазах вертикальных столбов. Постройки в плане преимущественно прямоугольные с размерами от 3,2×3,2 до 5×4,5 м. Выявлены также срубные и комбинированные срубно-столбовые постройки. Жилища однокамерные, но изредка встречаются и двухкамерные. Крыши двускатные.

Отапливались они располагавшимися в центре очагами, сложенными из глины и камней.

К жилищам примыкали хозяйственные постройки 6×12 м² различной конструкции. Встречаются и хозяйственные ямы с обмазанными глиной стенами, где хранились продукты земледелия и животноводства.

Погребения пшеворской культуры бескурганые и содержат остатки трупосожжений. Могильные ямы различаются размерами, формой, глубиной, ориентацией и составом находок. Остатки кремации, что производилась на стороне, хоронили в урнах или просто высыпали на дно могильной ямы. Прах также обнаружен оставленным на поверхности земли.

Было замечено, что если в ранних погребениях кости клали в могилу вместе с углями и золой от погребального костра, то позже их фрагменты предварительно тщательно очищали от остатков кострища. Ингумация встречается крайне редко. В ряде случаев удалось проследить захоронения в деревянных колодах. Ориентация покойников также различна. Были обнаружены скорченные костяки, что можно объяснить проникновением на территорию, занятую пшеворцами, какого-либо населения со степных областей Восточной Европы, не имевших отношения к носителям пшеворской культуры. По-разному выглядит состав вещевого материала, положенного в могилу. Все это дает повод для споров относительно этнической принадлежности погребенных и связи их с одним или разными этносами.

В ранней пшеворской керамике некоторые исследователи видят кельтские традиции. В более северных областях улавливается влияние германской ясторфской культуры, хотя последняя к этому времени уже прекращает существование. Германским проникновением на территорию пшеворских славян, возможно, следует объяснять распространение кувшинов и двуручных ваз.

Тем не менее их керамика имеет свой тип и сосуществует с керамикой, отмеченной влиянием других культур. И даже когда в пшеворском ареале появится посуда, изготовленная на гончарном круге и которая, по-видимому, была предметом импорта, местное земледельческое население по-прежнему будет пользоваться собственной лепной посудой.

Повсюду распространяется пашенное земледелие, оснащенное высокопроизводительными плугами с железными лемехами, вытеснившими деревянное рало. Урожай убирали крупными серпами. Появились каменные жернова. Основными земледельческими культурами являлись рожь (22 % зерновых), просо (16,5 %), ячмень (16 %), пшеница и овес. Некоторые исследователи считают возможным придавать факту заметного предпочтения славянами ржи значение этнического признака славян. Предполагается, что германцы заимствовали у них выращивание ржи. Эту культуру славяне продвинули и на восток. Запасы зерна и другие продукты хранили в ямах со стенами, обмазанными глиной, а также в деревянных бочках.

Развитым было и домашнее животноводство. В составе стада первое место принадлежало крупному рогатому скоту. Разводили также коз и овец, птицу: гусей, уток и кур. Хорошо была известна собака. Кости диких животных (олень, бобр и др.) в остеологи-

---

ческом материале составляют всего 10 %. В II—III вв. сильно прогрессировала металлургия железа. В Южной Польше вблизи Кракова, а также Вроцлава открыто до 400 горнов, подобных кельтским. Обнаружены совершенные шахты по добыче железной руды. Полученным железом удовлетворялись не только потребности пшеворского населения, но и римские провинции, о чем свидетельствуют клады, содержащие тысячи римских монет.

Распространились крупные проушные топоры, тесла, долота, ножи прямые и с горбатой спинкой, ножницы, шилья, пластинчатые кресала, ключи и детали от замков.

Достаточно разнообразны предметы вооружения. Пшеворцам были известны короткие, однолезвийные железные мечи североευропейского происхождения. Чаще других находили копья. Их ранние наконечники длинные, узкие, поздние — широкие и короткие. Выявлены втоки от копий, кинжалы с односторонним и двусторонним лезвием, железные умбоны от щитов, шпоры. В погребениях нередко наконечники ножен от мечей.

Интересно, что наконечников стрел относительно немного, что позволяет предполагать редкое применение лука.

Детали одежды и бронзовые, железные украшения показаны фибулами латенского и послелатенского типов, арбалетовидными пряжками и поясными накладками. Распространены стеклянные бусы.

Предметы из глины, кроме посуды, представлены пряслицами, катушками для ткачества.

Вопрос о происхождении пшеворской культуры, как, впрочем, и ее этнической принадлежности, долго был предметом споров. Ее связывали с германцами, славянами, с теми и другими вместе, относя ее к культуре полиэтничной.

Допускается, что в процессе Великого переселения народов, что приходится на это время, часть германских племен могла поселиться на территории пшеворцев. С ними предлагается связывать некоторые погребения в урнах и с оружием.

Любопытно, что в урновых захоронениях, расположенных преимущественно на западе пшеворского ареала, иногда встречаются кости птиц. В безурновых ямных погребениях они отсутствуют. Многие могилы вообще не содержат вещей.

Некоторые исследователи считают погребения с птичьими костями этнографической ритуальной традицией германцев.

Другие придерживаются мнения, что различия в погребальных памятниках могут объясняться отражением неоднородности в обрядности разных племенных группировок славян.

Как бы там ни было, почти полное совпадение территории пшеворцев с ареалом предшествовавшей лужицкой культурой славян и прослеживаемая их генетическая преемственность позволяют считать пшеворскую культуру славянской. Местными являются некоторые формы керамики и особенности домостроительства. Имеются также лингвистические подтверждения такому выводу.

Железный век Восточной Европы. Если обратиться к карте культур железного века Восточной Европы, то следует отметить, что северную часть, приблизительно до Западной Двины, занимали финно-угры — древнейшее население данной территории, сформировавшееся еще в каменном веке. Поэтому все племена и, соответственно, оставленные ими археологические культуры железного века можно связывать с финно-уграми. На востоке же они расселились практически до Урала.

К югу от Западной Двины, примерно до киевского Поднепровья, а на востоке до Москвы обитали балтские племена с собственными культурами. Этот регион они освоили во 2 тыс. до н. э. в результате миграции из среднего Поднепровья.

К югу от них обширные степные пространства до Черного моря и предгорий Кавказа, а на востоке до р. Урал жили ираноязычные племена. Такую карту расселения народов в железном веке (рис. 3.32) стало возможным составить на основе лингвистических и археологических источников.

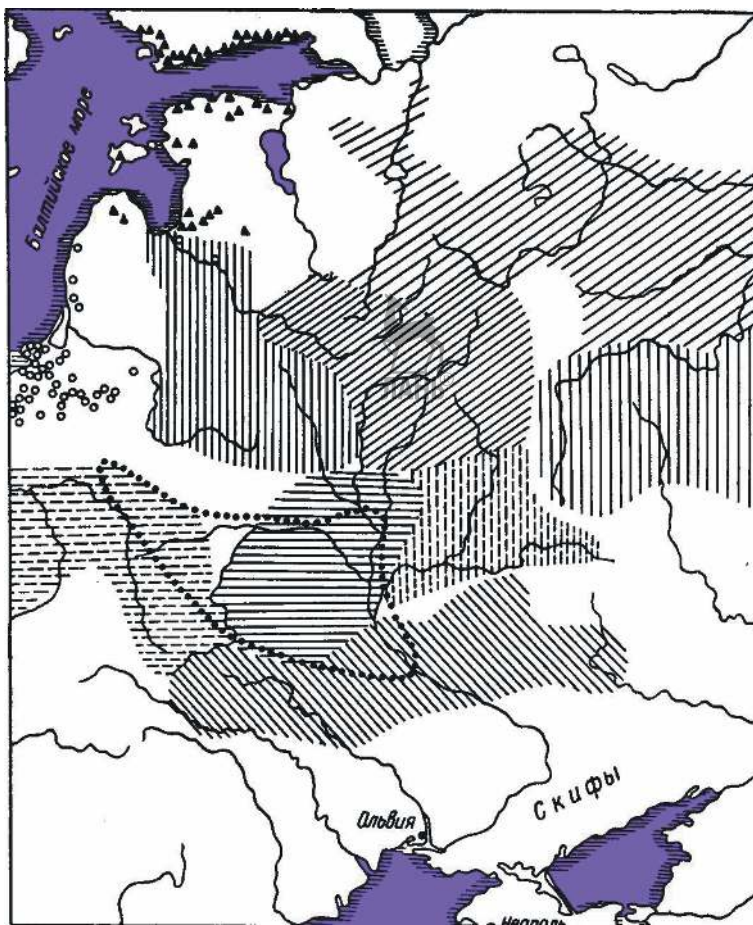

Рис. 3.32. Карта культур железного века в Восточной Европе

На западе соседями балтов и частично финно-угров были славяне, контактировавшие, в свою очередь, с древними германцами. Балканский регион в основном заселяли фракийцы и греки.

Одна из самых ярких культур данного периода — культура скифов.

Она понимается и рассматривается в узком и широком смысле. В узком — как культура собственно скифов, народа, жившего в степях Северного Причерноморья между Днепром и Доном и известного по работам греческих и латинских авторов, а также ассирийско-вавилонским клинописным текстам. В широком — довольно обширное распространение культурных черт, объединенных рядом общих, весьма характерных признаков и встречающихся на довольно значительной территории, включающей Северный Кавказ и Прикубанье. Отдельные памятники с признаками этой культуры встречаются далеко на Востоке.

В степной части ее принято датировать с VIII—VII по III в. до н. э., в Крыму — до III в. н. э.

На IV—III вв. до н. э. приходится расцвет скифской культуры, что особенно отражено в материалах царских курганов.

Археология Скифии насчитывает уже более 200 лет. Ее привлекательная особенность в возможности сопоставить археологические материалы со свидетельствами письменных источников, посмотреть совпадают они или нет. Отец истории Геродот в своем труде о Греко-персидских войнах немало места отвел скифам.

Известно, что персидский царь Дарий ходил походом с 600-тысячным войском на скифов и потерпел поражение. Во времена, когда писал Геродот, проходила активная миграция греков за пределы своей страны, а также освоение ими различных территорий, где они основывали города-колонии. Несколько таких появилось на северном побережье Черного моря, в том числе в Крыму. Греки стали соседями скифов и установили с ними тесные экономические и культурные связи. Так, колонисты покупали у них зерно, которым удовлетворяли потребности практически всей Греции. Взамен скифы приобретали предметы роскоши и многое др. В поисках дополнительной информации о персах Геродот около 550 г. до н. э. посетил город греческих колонистов Ольвию и многое узнал о скифах, их легендарной истории, быте, нравах. Не исключено, что там он встречал и представителей этого народа, общался с ними. Геродот являлся удивительным историком. Он писал, что сам верит далеко не всему, о чем приходилось слышать, но считает необходимым все записать. Для последующих поколений историков это чрезвычайно полезный прием, поскольку даже из самых фантастических сведений опытный исследователь способен извлечь полезный факт. Некоторые материалы, имеющиеся в древневосточной клинописи, рассказывают о скифах как превосходных воинах. Не случайно восточные деспоты приглашали их в качестве наемников. Источники говорят, что скифские отряды доходили до Египта, и фараоны вынуждены были откупаться дорогими дарами. Доходило до того, что некоторые цари уже не знали как избавиться от приглашенных наемников. Рассказывается, как один из них наполнил скифских воинов до полумертвецкого состояния, и его слуги перебили их.

Интересную историю рассказал и Геродот. Так, после долгого пребывания на Востоке уже постаревшие скифы вернулись на родину и обнаружили, что их любимые жены вступили в преступную связь со своими рабами и отказались принять их в дом. Началась война между мужьями и молодыми рабами. Ни одна из сторон долго не могла добиться успеха. На стороне стариков был военный опыт, на стороне рабов — молодость и физическая сила. Перед очередным сражением один мудрый скиф-старик предложил выступить в очередной бой не с мечами, а с кнутами. Он, как хороший психолог, тонко все рассчитал: когда молодые рабы увидели размахивающих плетками воинов, их рабские души не выдержали психической атаки и разбежались. Так старики вернулись в свои дома, а история получила отражение, как и многое другое, в некоторых материалах скифского искусства.

Несмотря на большой возраст скифской археологии и объем накопленного материала, немало вопросов остается не вполне ясными или дискуссионными. Это касается и территории, которую занимали скифские племена.

Хотя большинство их памятников расположено в степях Причерноморья, многие типичные комплексы находят далеко на Востоке, например на Алтае и даже в Туве. Поэтому некоторые археологи простирают территорию Скифии чуть ли не до Забайкалья и Монголии. Другие отводят им значительно меньшую область в южных степях Восточной Европы Северным Причерноморьем. По-видимому, вторая точка зрения более правдивая.

Большинство ученых сошлись на том, что данную культуру характеризуют три основных признака, так называемая скифская триада.

Рис. 3.33. Скифский меч

Первый признак – своеобразие оружия. Скифы любили оружие и практически не встречаются мужские погребения без него. Основным предметом являлся короткий меч (рис. 3.33) – акинак (длина лезвия от 40 до 60 см), относящийся к оружию колюще-го действия. Будучи превосходными конниками, скифы, вступая в бой, вынуждены были спешиваться. Сам меч оригинален по виду. Лезвие (клинок) отделено от рукояти перекрестьем, которое имеет вид крылышек бабочки.

Верхняя часть рукояти (набалдашник, или навершие) напоминает комнатную антенну телевизора (рис. 3.34). Ее так и называют – антенка.

Рис. 3.34. Навершия скифских мечей

Второй признак – наконечники стрел. Классические скифские наконечники стрел отлиты из бронзы (рис. 3.35).

Они трехгранные или трехлопастные в поперечном сечении и имеют втулку, с помощью которой наконечник закреплялся на древке. Наконечники стрел почти обязательная находка в мужских захоронениях скифов. Их количество в колчанах, в которых носили стрелы, иногда исчисляется тысячами. Они хорошо датированы, и их находки, как монеты, используются археологами при изучении памятников, определении их хронологии в целом или соответствующих культурных напластований, в которых они были найдены. Бронзовые трехлопастные наконечники датируются IV–III вв. до н. э. Возникнув приблизительно в VIII в. до н. э., скифская культура просуществовала в южных степях до середины II в. до н. э. В Крыму несколько дольше. Походы скифов в восточные страны сильно сказались на их культуре. Полагают, что этим влиянием следует объяснить появление и необычайное развитие звериного стиля в их искусстве.

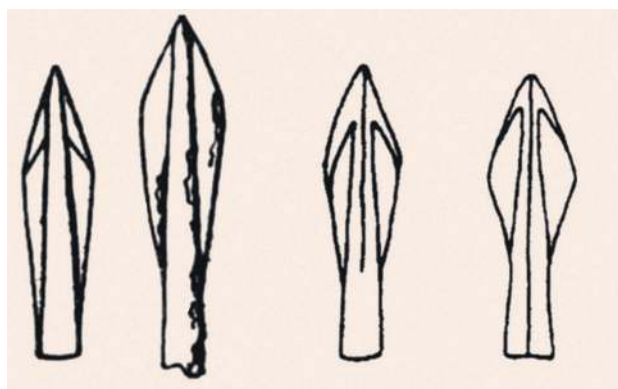

Рис. 3.35. Скифские наконечники стрел

Скифы любили изображать животных, но делали это в особой манере.

В мелкой скульптуре, выполненной из золота и серебра или их сплава, они предпочитали зверей кошачьей породы, часто в позе готовящегося броска. Особо подчеркивались напряженные мышцы. В резко стилизованной манере в виде тарелок различного размера представлялись раскрытая пасть, ноздри и глаза зверя. Когти иногда изображались в виде клюва хищной птицы. Тело покрывалось фигурами других животных и птиц.

Оригинальна неоднократно встреченная фигурка оленя в позе «летающего» галопа (рис. 3.36). Причудливо изображены рога, идущие вдоль спины. Ноги подогнуты к животу. Необычность позы породила споры среди исследователей. Некоторые утверждали, что животное отдыхает, так как никогда такое расположение не бывает при беге и даже галопе. Однако фотографии галопирующего оленя зафиксировали именно такую позу. Древний художник уловил то, что зрению обыкновенного человека было недоступно. Морда оленя изображена в той же стилизованной манере с глазами, ноздрями и пастью в виде трех тарелок. Происхождение столь необычного «звериного» искусства у скифов также вызывает дискуссии. Некоторые не без оснований связывают его появление с долгим пребыванием в странах Древнего Востока.

Однако следует заметить, что большая часть художественных шедевров изготовлена не самими скифами, а, скорее всего, античными мастерами греческих колоний Северного Причерноморья, но, возможно, по заказу, потому что в самом греческом искусстве такой стиль отсутствует. Связанные со скифами материалы, накопленные за многие годы раскопок, изданы в многочисленных публикациях во всем мире, а сами находки остаются неповторимыми украшениями музеев. Все они вошли в сокровищницу мировой культуры.

Рис. 3.36. Фигура оленя

Археологические памятники скифов представлены поселениями и погребениями. Поселения — это прежде всего городища, что иногда достигали громадных размеров. Они преимущественно застроены землянками или полуземлянками. Большие раскопки, проведенные на Бельском и Каменском городищах (Украина), позволили обнаружить на последнем признаки удивительно высокого развития металлургического ремесла. Поселение выглядело как город металлургов.

Необыкновенно интересны и богаты находками погребения. Они очень разные, поскольку социальное расслоение зашло очень далеко: скифское общество вплотную подошло к государственности.

Погребения простых скифов несопоставимы с захоронениями их царей. Весьма любопытно устройство обычных могил: вырывалась яма в рост человека, а в одной из ее стенок — еще такая же параллельно первой. В ней-то и хоронили умершего в вытянутом положении. В какой-то степени это похоже на катакомбные могилы южных степей предшествующего бронзового века.

Просматривается традиция и, возможно, не случайно: над могилой насыпали небольшой курган. В мужских погребениях обычно находят оружие: бронзовые наконечники стрел, железные мечи, копья, боевые топоры.

Поражают могилы скифских царей. Геродот писал: где бы не умер скифский царь, его тело везли через всю Скифию, и народ выражал печаль тем, что женщины рвали на себе волосы и в кровь расцарапывали лицо. По традиции царя хоронили в низовьях Днепра, у порогов. Именно здесь археологи раскопали несколько царских курганов.

Высота курганов составляла 18–20 м, окружность у основания — 150 м. Под насыпью одного из них оказалось 150 принесенных в жертву коней. Однако главная погребальная конструкция находилась под ним и представляла систему подземных сооружений, заполненных колоссальными богатствами, сравнимых разве только с сокровищами пирамид египетских фараонов. Из раскопанных археологами наиболее известны грандиозностью сооружений и уникальными находками курганы Чертомлык и Солоха, Толстая могила и Куль-Оба. Похороны завершались столь же впечатляющей трезной по поводу их конца и сооружения последнего места пребывания грозного повелителя или просто богатого вельможи. При раскопках не самого большого кургана Толстой могилы у его подножья, около и внутри окружавшего его рва найдено множество костей животных и битой посуды — греческих амфор, в которых перевозили и хранили вино.

В 1862–1863 гг. на нижнем Днепре, около Никополя был раскопан один из самых крупных курганов — Чертомлык (высота — 20 м, окружность — 350 м). В кургане находились две царские могилы. Одна была частично ограблена еще в древности. В особых могилах похоронены царица, 6 рабов и 11 коней.

Обнаружили также скелет одного из грабителей, которого засыпало в лазе при обвале грунта, и бронзовое ведро, куда грабители складывали золото, но не успели вынести. Золотых вещей было превеликое множество.

Из чертомлыкских находок особенно известен большой серебряный амфоровидный сосуд, демонстрирующий образец смешанного греко-скифского искусства и предназначенный для вина. Он покрыт позолоченными рельефами, изображающими цветы, ветки и птицы. В верхней части сосуда, на его плечиках в очень реалистичной манере нарисованы скифы, дрессирующие коней. На нем две вертикальные ручки для переноса и три краника. Внутри, в шейке и кранах вделаны серебряные цедильные сита (рис. 3.37).

История с вазой имела продолжение. Она экспонировалась в Эрмитаже в Петербурге как один из ценнейших экспонатов музея, но в советское время туда смог проникнуть грабитель, который задел и опрокинул ее, разбив на мелкие кусочки. Сейчас она реставрирована и вновь заняла место в экспозиции Эрмитажа.

Рис. 3.37. Сосуды из скифских царских курганов:
1 – Чертомлык; 2 – Куль-Оба

В нескольких километрах от г. Никополя на берегу Днепра был расположен курган Солоха (высота 18 м), как его называли местные жители. Раскопки позволили предельно точно изучить устройство подкурганной царской могилы. В твердом лессовом грунте была выкопана большая яма глубиной 5 м. В одной из ее стенок начинается широкий подземный коридор, что ведет к погребальной камере со сводчатым потолком. Останки положенного на спину царя усыпаны тонкими золотыми пластинами, которыми был обшит его костюм. Царь похоронен с бронзовым шлемом на голове, золотой гривной с львиными головками на концах и изящным золотым ожерельем на шее, золотыми браслетами на руках.

Рядом с костяком, справа у пояса, лежал меч в деревянных ножнах, покрытых золотой пластинкой с изображениями львов, нападающих на оленей.

Однако самая замечательная находка – лежавший у головы царя золотой гребень (рис. 3.38). На его рукоятку помещена скульптурная группа сражающихся скифов. Два спешившихся воина с мечами и щитами ведут бой с всадником, вооруженным копьем. Под ногами скифов – убитая лошадь, вероятно, одного из воинов. Одеты они в традиционную одежду. Все выполнено точно и реалистично, проработаны даже мельчайшие детали. Например, на внутренней стороне щитов показаны тонкие параллельные линии, по-видимому, изображающие дощечки. Исследователи предполагают, что они обтягивались кожей. Эти органические материалы плохо сохраняются в земле, и, возможно, по этой причине еще не удалось найти щиты или их остатки.

Золотой гребень по праву называют шедевром мирового ювелирного искусства. Ни один из современных мастеров не смог сделать его точной копии.

Кроме этого, в гробнице найдено и множество других вещей: золотая чаша, шесть больших серебряных сосудов, три бронзовых котла на ножках для варки пищи, остатки деревянного футляра для лука и стрел, обтянутого серебряной позолоченной пластинкой с рельефами.

Вместе с царем похоронены двое убитых слуг: один из них взрослый, вероятно, оруженосец, другой – подросток, может быть, виночерпий.

Относительно недавно в низовьях Днепра был раскопан курган, известный как Толстая могила (высота 8,6 м). Предполагается, что это семейная усыпальница знатного скифа.

Рис. 3.38. Золотой гребень из кургана Солоха

Под насыпью имелось несколько ям, соединенных коридорами. В центре кургана располагалась глубокая входная яма. В ее стенах вырезаны две камеры, служившие кладовыми. Через коридор можно проникнуть в центральную погребальную камеру. В одной из гробниц похоронена молодая женщина, на голове которой сохранился роскошный убор. Вся одежда расшита золотыми бляшками. Рядом с ней похоронены девочка и слуги. Позже был подзахоронен еще один ребенок вместе с охранником. Его одежда тоже украшена золотыми бляшками. В кургане имелись две гробницы для коней и три — для конюхов.

Толстая Могила была ограблена еще в древности. В одном из коридоров были найдены железный меч в золотых ножнах и уникальная пектораль. Грабители то ли не заметили их, то ли обронили.

Золотая пектораль — большое нагрудное украшение, по праву признанное образцом художественного и технического ювелирного мастерства. Ее диаметр 30 см, вес более 1 кг. Украшение изготовлено из золотых жгутов, к которым припаивались заранее отлитые фигуры или пластины с изображениями. Хотя пектораль выполнена греческим ювелиром, сюжеты на ней типичные скифские, что свидетельствует о том, что изделия выполнялось по заказу очень богатого скифа. Площадь пекторали разделена золотыми жгутами на три зоны, каждая из которых посвящена особой теме. На средней изображены два обнаженных скифа, растягивающих за рукава одежду из меха. Возможно, это портные. Слева от них — лошадь с жеребенком, справа — корова с теленком. Средняя часть представляет сплошную, покрытую орнаментом золотую пластину. В нижней зоне показана борьба различных животных (рис. 3.39).

Одно из царских захоронений раскопано в Крыму. В 1830 г. солдаты керченского гарнизона, собирая камень для казармы, обнаружили на склоне небольшого холма, расположенного недалеко от города и известного как Куль-Оба, отверстие, что вело вглубь его. Проникнув туда, они оказались в большом прямоугольном помещении под каменным куполом перекрытия. Это была гробница богатого скифа, возможно, скифского царя-изгнанника, погребенного в греческом склепе, но по скифскому обряду. Вместе с ним были похоронены убитые жена и раб. На его шее находилась золотая гривна (шейный обруч), концы которой сделаны в виде фигур скифских всадников.

Рис. 3.39. Золотая пектораль из кургана Толстая могила

На найденной золотой бляхе изображены два скифа, пьющие из общего сосуда. Сюжет соответствует описанному Геродотом обряду побратания. Выявлено также множество других золотых предметов, в том числе и олень в обычном для скифского искусства зверином стиле.

Однако особый интерес представляет кубок, сделанный из сплава золота и серебра (рис. 3.40). На нем изображены семь отдыхающих, как думают, после боя скифских воинов. Все выполнено с поражающей фотографической точностью, филигранным мастерством и изяществом. Точные скульптурные портреты скифов в их традиционной одежде можно было бы без труда воспроизвести, например, в театральной постановке или кино. Они одеты в кафтаны, подпоясанные ремнем. На бедрах колчаны для лука и стрел. Длинные брюки заправлены в короткие полусапоги. К примеру, греки никогда не носили длинные брюки и считали их признаком варварства.

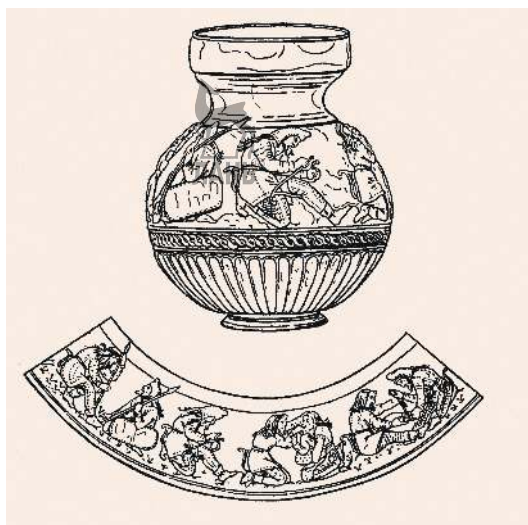

Рис. 3.40. Изображения на кульбском сосуде

Один воин перевязывает другому, по-видимому, раненую ногу. На другой сцене показан скиф, что-то делающий с зубом товарища. Два других, сидя, беседуют, опершись на копья. Седьмой натягивает тетиву на лук.

Кубок изготовлен греческими мастерами, но по заказу скифов. Среди изображений на кульобских вещах нет чисто греческих мифологических сюжетов.

В этническом отношении скифы были одной из ираноязычных групп, развившихся, вероятно, на основе носителей какого-то варианта местной катакомбной культуры, о чем свидетельствует некоторое сходство в устройстве могил. Участие в их этногенезе непосредственно предшествовавших им срубных племен не очевидно, но исключать полностью такую возможность тоже нельзя.

Завершая тему о скифах невозможно не упомянуть уникальный памятник на Алтае — знаменитые Пазырыкские курганы (рис. 3.41), материалы которых перекликаются с материалами скифской культуры. Под насыпью в глубоких ямах в деревянных срубках, иногда с двойными стенами, погребены тела умерших или погибших, несомненно, знатных людей. Особенность курганов состоит в том, что они возводились из камней. Во время дождей вода проникла в срубы и заполнила все пространство, а в морозную зиму превратилась в лед, который уже не растаял. Трупы оказались погребенными в естественном холодильнике и прекрасно сохранились, впрочем, как и все, что было положено с ними (рис. 3.42). Одно тело оказалось обезглавленным. Предполагается, что оно принадлежало племенному вождю, попавшему в плен. Позже, труп выкупили соплеменники и захоронили. Тело его было расписано татуировкой в типичном для скифов зверином стиле (рис. 3.43).

Памятник примечателен еще и тем, что при его изучении впервые в советской археологии был использован дендрохронологический метод определения дат и с точностью до года установлена хронология появления раскопанных курганов относительно друг друга.

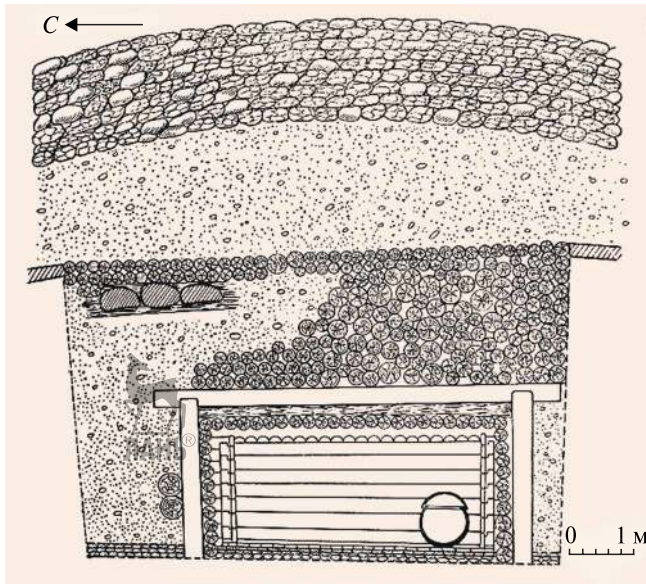

Рис. 3.41. Реконструкция Пазырыкского кургана

Скифская культура исчезает в середине III в. до н. э. в связи с вторжением на ее территорию восточных соседей — сарматов, которые, по словам Страбона, превратили Скифию в безлюдную пустыню, а уцелевшее население постепенно восприняло культуру нового народа.

Некоторая часть скифов еще долгое время сохранялась в Крыму и достигла немалых успехов в развитии, приобретая, однако, заметные сарматские черты. Им удалось создать полноценное государство со столицей под нынешним Симферополем. Ее называли Неаполем Скифским. Один из царей Атей даже начал чеканить собственную монету. К слову, он погиб в бою в возрасте 90 лет. Сохранились развалины царского дворца. Его стены были украшены изображениями ковров с рисунками геометрических фигур. В III в. н. э. крымские скифы были разгромлены готами.

Сарматы, как и скифы, принадлежали к ираноязычной группе народов. На раннем этапе античные источники называют их савроматами. Они были достаточно удалены от римских и греческих поселений и поэтому менее известны грекам, чем скифы. Основная область их первоначального обитания — Задонские и Приуральские степи.

Рис. 3.42. Вырезанное из дерева навершие с изображением головы оленя в клюве грифона (Пазырык)

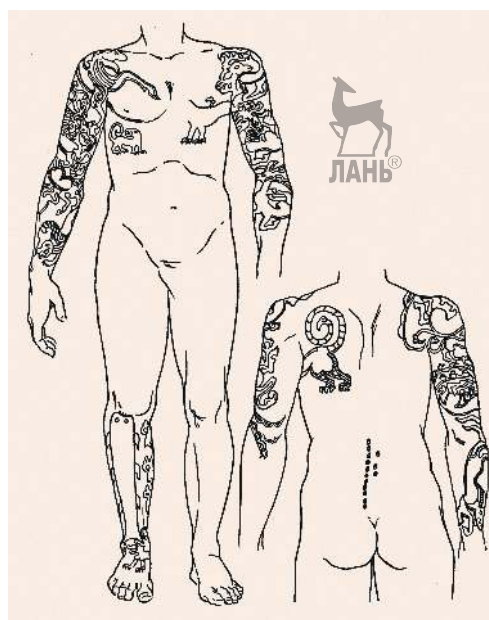

Рис. 3.43. Татуировка на обезглавленном теле из Пазырыкского кургана

Начало сарматской культуры можно отнести к VI в. до н. э. — концу II в. н. э., хотя правильнее будет говорить о смене названия культуры на «аланская», по одному из сарматских племен — аланам, возглавившим в это время племенной союз сарматов. С учетом этого обстоятельства иногда сарматско-аланскую эпоху доводят до середины III в. н. э., когда аланов разбили готы, или до IV в. н. э., когда по степи прошли полчища гуннов.

Уже в IV в. до н. э. сарматы начинают проникать в скифские земли, испытав перед этим неоднократные вторжения на собственные земли соседних восточных или юго-восточных племен. Значительная часть пришельцев смешалась с сарматами. Есть мнение, что с того времени савроматов стали называть сарматами. Их культура во многом похожа на скифскую, но в более примитивном варианте. Возможно, это в значительной мере объясняется тем, что они не подверглись такому сильному влиянию со стороны античной культуры, как скифы, что очень заметно при сравнении их искусства. Сарматское сильно отдает примитивизмом.

В культуре выделяют три периода. Для первого (V–II вв. до н. э.) характерны золотые и серебряные изделия со вставками драгоценных камней. Во втором (I в. до н. э. — I в. н. э.) распространяются богатые погребения сарматской знати. В это время они смогли продвинуться на западе до Австрии и Венгрии.

Третий период (I–III вв. н. э.) называют аланским. Здесь происходят изменения в погребальном обряде. Если раньше покойника клали в могилу головой на юг, то теперь — головой на север. Появились захоронения с деформированными черепами.

Интересно отметить, что в ранних сарматских курганах находят женщин с оружием, чего в европейских памятниках не было ни раньше, ни позже. Предполагается, что это свидетельство возможного женского предводительства в сражениях и военных походах. А это уже не далеко от предположения, что данная особенность сарматской культуры и быта могла послужить источником распространенного мифа о женщинах-амазонках. Правда, заметим, что такое особое положение женщины получило отражение только в ранних памятниках сарматов. В последующее время, надо полагать, оно уже таким не было.

Сарматская культура известна по раскопкам поселений и могильников (рис. 3.44). Лучше исследованы погребения, что, как и у скифов, представлены курганами с трупоположениями. Вещевое содержание зависело от состоятельности погребенного. Под одним из курганов была выявлена большая яма, напоминающая комнату с мебелью. На небольшом туалетном столике были расставлены маленькие сосуды, которые, вероятно, содержали крема и духи. Несомненно, погребение принадлежало знатной даме.

Сарматы являлись хорошими воинами и, соответственно, любили оружие. Наконечники их стрел были трехлопастными, но железными и черешковыми, то есть они не насаживались, а вбивались в древко стрелы.

Особо следует отметить главное оружие — меч. Он был длинным, позволяя тем самым сражаться не спешиваясь, что вынуждены были делать скифы с их короткими мечами. Это было грозное оружие нового типа — рубящего действия, что в корне изменило характер боя и определило военное превосходство сарматов над неприятелем с коротким мечем. Таким образом, появился не просто новый тип меча, а вооруженной силы в целом. Возникла также конница.

Наиболее интересным предметом являлась золотая диадема, найденная в кургане под Новочеркасском (рис. 3.45). В литературе находка долгое время фигурировала как диадема из новочеркасского клада, что неверно, поскольку это не клад, а предмет из погребения. Основу украшения составляет несколько изогнутая золотая пластина, в центре которой закреплена сделанная из халцедона женская головка с античной прической. Головка явно привозная, включенная, вероятно, местным ювелиром, поскольку помещенные наверху фигуры оленей и дерева достаточно просты, если не сказать, примитивны, и не идущими ни в какое сравнение со скифскими.

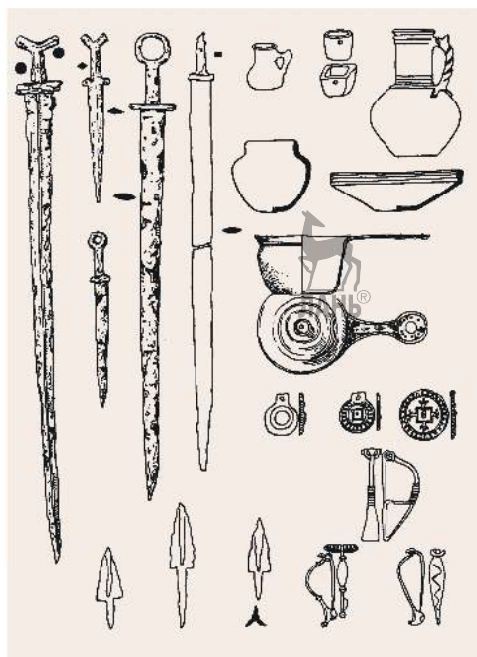

Рис. 3.44. Материалы сарматской культуры

Постепенно сарматы начинают утрачивать единство, и античные источники рассказывают о существовании у них различных племенных групп или объединений, которые попеременно берут верх над остальными. В конце I–II в. н. э. именно такое новое объединение, по-видимому, возглавили аланы. Но уже в III в. н. э. их господство прервало вторжение готов, что, в свою очередь, в 357 г. были разбиты гуннами.

С аланами связывают появление сабли. Они являются предками современных осетин, по которым можно судить об антропологическом облике и языке древних аланов, сарматов и даже родственных им скифах.

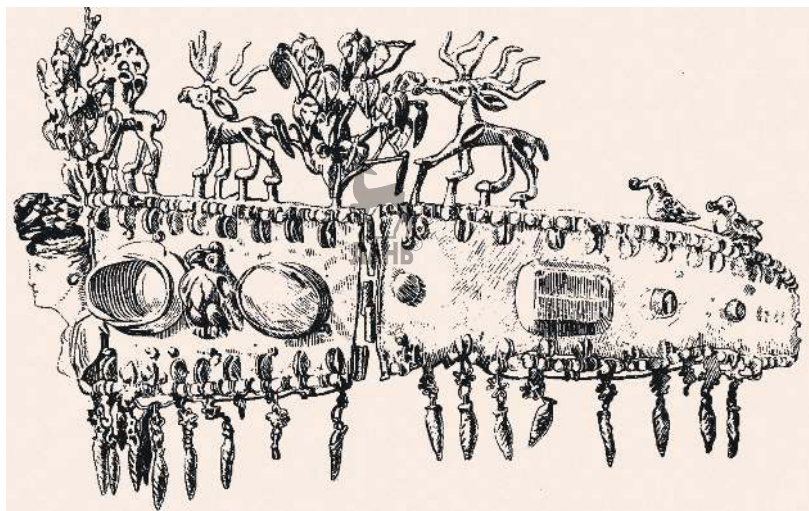

Рис. 3.45. Сарматская диадема из Новочеркасского кургана

В IV в. н. э. через южные степи прошли полчища гуннов, оставивших после себя горы трупов истребленных народов и пепелища поселений. «Нем и мрачен, как могила», невысокий, коренастый, жестокий, похотливый — таким представляется вождь гуннов Атила. Аланы, и не только они, были разгромлены и рассеяны, а громадные пространства Азии и Европы опустошены. Гунны достигли о. Балатон и осели в Паннонии, и только чудо спасло Рим. Их вкладом в мировую культуру в тот момент стало появление и распространение шпор.

Нашествие гуннов привело в движение многие народы и, по-существу, положило начало новому витку Великого переселения народов.

Теперь обратим внимание на другие регионы Восточной Европы к северу от степей, в лесостепную и лесную зоны. В них ситуация была более спокойной, а в отдельных местах — порой традиционно застойной.

В железном веке там сложилось несколько больших археологических культур. (Подробная характеристика некоторых из них дана во второй части, посвященной археологии Беларуси, поскольку значительная часть их ареала приходится на территорию нашей республики.) К ним, в частности, относится милоградская культура. Некоторые исследователи связывали ее с загадочными племенами неуров, описанных Геродотом. Они, как отмечал греческий историк, обладали удивительной способностью раз в году превращаться в волков, хотя сам он, похоже, в это не верил.

С ранним железным веком связаны также расположенные севернее милоградской культуры, приходящиеся на территорию Беларуси и частично примыкающие к ней соседние области Прибалтики и России, культуры штрихованной керамики и днепро-двинская.

Где-то около II в. до н. э. на основе милоградской возникла зарубинецкая культура, открытая еще в XIX в., но привлекавшая особое внимание в советское время как одна из первых славянских культур. По этой же причине ее долго и интенсивно изучали, а также посвятили множество трудов, в том числе монографических. Название культура получила по поселку Зарубинцы (близ Киева), где был обнаружен, а потом раскапывался ее могильник.

Зарубинецкая культура занимала значительную территорию от поречья Припяти в Беларуси на севере до среднего Поднепровья на юге. Само расположение использовалось учеными как аргумент в пользу славянской принадлежности ее носителей. Известно, что эта местность составляла колыбель Древней Руси, но хронологический разрыв между ней и зарубинецкой культурой слишком велик, чтобы это обстоятельство считать доводом в пользу славянства зарубинцев. В разделяющем их периоде произошло слишком много событий, в том числе и существенных переселений.

Культура датируется I в. до н. э. — I в. н. э. с незначительными отклонениями в ту и другую стороны. Она известна по поселениям и погребениям. Поселения, как это не странно, в большинстве неукрепленные. Правда, некоторые из них размещались на городищах, основанных и отстроенных до них милоградцами. Скорее всего, это объясняется возникновением зарубинцев на этнической и культурной основе милоградцев, хотя и не только. Дело в том, что приблизительно в III в. до н. э. со стороны Северо-Восточной Польши на Волынь стали проникать поморские племена, которые смешивались с милоградцами. Результатом этого стала зарубинецкая культура, воплотившая в себе некоторые признаки обеих культур. Так, на начальном этапе зарубинецкие жилища были представлены полуземлянками или землянками, мало чем отличавшимися от милоградских. Позже утвердились наземные жилища со столбами по углам или на длинной стене сооружения. Пространство между столбами заполнялось плетнем или горизонтальными бревнами, концы которых закреплялись в пазах столбов. Внутри жилищ обнаруживаются остатки очагов в виде скопления камней. Печей как таковых еще не было.

Погребения представлены грунтовыми удлиненными ямами глубиной до 1 м, куда помещали остатки кремации. Распространен обряд трупосожжения. В могилу часто клали горшок, миску и кружку, а также предварительно снятые украшения, некоторые бытовые предметы.

В захоронениях нередко находят бронзовую или железную застёжку — фибулу, тогда очень распространенную в Европе. По принципу действия она аналогична современной английской булавке. Одни были привозными, другие изготавливались самими зарубинцами и несколько отличались от импортных. Со временем фибулы приобрели также функцию нарядных украшений. Они очень хорошо изучены типологически и продатированы, что сделало их надежным датирующим материалом.

Зарубинецкая посуда достаточно разнообразна, но в целом специфична и отличается от милоградской и последующих культур. Она лепная, плоскодонная. Характерны горшки, ребристые миски и кружки.

Оружие встречается редко и могло быть использовано на охоте. Тем не менее отличить военное оружие от охотничьего невозможно. В целом складывается представление, что зарубинцы являлись миролюбивым народом.

Основное занятие — земледелие. Развито также животноводство.

Культура занимала территорию, не входящую, как свидетельствуют лингвистические данные, в зону древней славянской прародины. По этой же причине, как и по условиям ее формирования, она не может считаться славянской. Таким образом, эти же источники позволяют отнести зарубинцев к древним балтским племенам.

Зарубинецкая культура просуществовала относительно непродолжительное время — около 300 лет, и дальнейшая ее судьба не очень ясна. Скорее всего, она эволюционировала в так называемую послезарубинецкую, или постзарубинецкую культуру (II—IV вв.), изученную еще недостаточно.

Постзарубинцы оказались в стороне от гуннского потока, поэтому нет оснований связывать их судьбы с нашествием гуннов. Возможно, на основе послезарубинецкой культуры возникла колочинская.

В III в. н. э. из Скандинавии на южное побережье Балтийского моря, в Прибалтику переселилась группа германских племен, известная как готы. Постепенно они начали продвигаться вглубь континента, достигли области среднего Поднепровья и основали там государство. Их предводитель — Германарих — успешно воевал с соседними племенами. История готов описана Иорданом (VI в. н. э.), епископом и готом по происхождению. В IV в. готов разгромили гунны. Одна их часть осела в Крыму, другая — совершила длинный путь через Африку до Испании и оттуда в Среднюю Европу. Этих готов, в отличие от восточноевропейских в науке называют западными.

Среди переселившихся в Центральную Европу и достигших Рейна, а может и Эльбы, западных готов, что стали соседями полабских славян, какая-то часть, вероятно, называла себя немцами. Это зафиксировано в раннесредневековых письменных источниках, и, наверное, было известно славянам, которые стали называть так всех германцев. Распространенное в науке объяснение, что слово (этноним) «немец» происходит от «немой», представляется ошибкой, возникшей на заре научной лингвистики. (Очень отдает народной этимологией.)

С готами Восточной Европы некоторые исследователи связывали черняховскую культуру III—IV вв., занимавшую территорию Правобережной Украины и Молдавии. Культура достигла высокого развития и испытала сильное воздействие со стороны Древнего Рима. В археологических памятниках черняховцев хорошо представлен античный импорт. Впервые на этой территории распространилась керамика, изготовленная на гончарном круге. Много лощеной керамики, у которой стенки сосудов обрабатывались специальной техникой до свинцового блеска. Встречаются очень крупные неукрепленные поселения. Для погребального обряда характерна кремация, иногда неполная с захоронениями

останков в грунтовых бескурганых могилах. Известно множество кладов с богатым набором вещей. Черняховцы вели пашенное земледелие, используя плуг с железным лемехом.

Конец культуры связывают опять же с нашествием гуннов. Идея отождествления черняховцев с готами разделяется далеко не всеми. Дело в том что ареалы культуры намного больше, чем область, которую, судя по историческим источникам, занимали готы, потому более предпочтительно мнение о связи черняховской культуры с древними фракийцами, часть которых расселилась здесь, возможно, еще во времена трипольской культуры. Впрочем, некоторые ученые допускают возможность полиэтничного характера культуры, т. е. участия в ее создании нескольких народов, принадлежавших разным этносам.

После ухода гуннов из Восточной Европы остатки развеянных ими племен постепенно оправились от потрясений и вновь заселили прежние земли. На месте аланского племенного союза возник новый, возглавленный антами. Позже это имя ошибочно приписали славянам, которых здесь тогда еще не было. Лингвисты не сомневаются, что этноним «ант» иранского происхождения, поскольку встречается на Кавказе в документах, относящихся к IV в.

К северу от черняховцев на большом пространстве, включавшим среднее и верхнее Поднепровье, проживали потомки зарубинцев, с которыми связывают киевскую археологическую культуру (II–V вв. н. э.). Изучены в основном украинские и южнобелорусские памятники.

Культура известна по неукрепленным селищам, застроенным преимущественно полуземлянками со срубной или столбовой конструкцией стен и каменными очагами. Рядом с домами располагались погребя-ямы.

Захоронения в основном ямные с остатками трупосожжения, представленными небольшим числом кальцинированных косточек вместе с углем и пеплом от погребального кострища. Вещей в могилах мало и обычно это черепки от разбитых сосудов, что, возможно, указывает на существование похоронного ритуала, включавшего битье посуды. Изредка встречаются урны.

Керамика лепная и более примитивная, чем предшествующая зарубинецкая. О земледельческих занятиях свидетельствуют находки железных серпов, зернотерок и жерновов.

В 2010 г. в Брянской области (Россия) «черными» археологами был найден и раскопан уникальный клад, датируемый III в. н. э. К счастью, государственными органами его удалось изъять у «копателей», и, по-видимому, без потерь. В нем содержались полторы сотни ценнейших артефактов того времени в зоне распространения киевской культуры, кроме того, несколько комплектов дорогих металлических женских и мужских украшений: подвески (привески), нагрудные цепи, гривны, браслеты, фибулы, а также бронзовое зеркало сарматского типа, бронзовые наборы от трех ритонов. Многие изделия украшены гравировкой. Особо следует отметить серию предметов с выемчатой эмалью, преимущественно красной. Имеются детали конской упряжи. Стекланные бусы, как и ряд других предметов, попали в клад в результате межплеменного обмена. Состав находок позволяет предположить, что он был зарыт богатым купцом. Впрочем, нельзя отрицать того факта, что вещи могли принадлежать родовому вождю и свидетельствовать о возможности накопления богатств в руках отдельных семей.

Во второй половине V в. южные области киевской культуры были разорены гуннским нашествием.

Хотя некоторые исследователи склонны считать киевскую культуру славянской, это не так. Культура развилась на местной, зарубинецкой основе, балтская принадлежность которой наиболее вероятна. Славяне были западными соседями носителей киевской культуры и к тому времени еще не вышли за пределы прародины. Скорый приход славян на эту территорию положил конец киевской культуре.

К числу достаточно хорошо исследованных культур железного века лесной полосы Восточной Европы также принадлежит дьяковская (рис. 3.46), занимавшая обширное пространство

Волго-Окского междуречья, верхнего Поволжья и области Валдайской возвышенности. Название она получила по городищу Дьяково, находящегося теперь в городской черте Москвы. Культуру датируют VIII в. до н. э. – VI в. н. э. Некоторые, правда, предлагают довести время ее функционирования чуть ли не до X в. н. э. Столь продолжительный период вызывает вопросы и требует комментариев. Культура развивалась и меняла характеристики. На каждом хронологическом этапе она выглядела по-разному, именно поэтому общее усредненное описание ей дать невозможно. Крупные исследования ряда городищ (Дьяковского, Старшего Каширского, Щербинского, Троицкого, Березняки) позволили выделить несколько последовательно сменявшихся периодов в ее развитии.

Для раннего этапа (VIII–IV вв. до н. э.) характерны небольшие мысовые городища, нередко с частоколом. В ряде случаев укрепления служили многокамерные жилища, построенные по периметру поселения.

Жилищами служили землянки и небольшие наземные дома. Основной тип посуды – плоскодонный горшок с отогнутым наружу венчиком, покрытый отпечатками ткани или грубой сетки тонкого плетения. Это своеобразное покрытие, что пытались связывать с особой техникой изготовления горшков, сейчас принято называть текстильным или сетчатым орнаментом.

Изделий из железа весьма мало. Большая их часть, в том числе наконечники стрел и многозубые гарпуны, изготовлена из кости.

Основу хозяйства составляло свиноводство. Считается, что свинья являлась первым одомашненным животным в лесной зоне. Известно также разведение коров и лошадей. Почти все животные были малорослыми.

Большое количество находимых при раскопках костей диких животных (в основном бобров и куниц) свидетельствует о том, что охота оставалась важным видом хозяйства дьяковцев.

Рис. 3.46. Материалы дьяковской культуры

Появились своеобразные глиняные грузики, сбоку похожие на грибок, а сверху — на розетку. В центре грузика проходит сквозное отверстие. Их называют грузиками дякова типа. Их ареал вышел далеко за пределы дяковской культуры. Однако назначение до сих пор не совсем ясно. Традиционно их считают пряслицами, хотя классические пряслица сосуществуют с ними и везде преобладают. Их встречается много, часто нарядно орнаментированных наколами. Даже выделены типичные для дяковцев мотивы.

Второй этап дяковской культуры (IV в. до н. э. — III в. н. э.) отмечен значительными переменами. Поселения стали укреплять валом и рвом по всему периметру, иногда в два кольца. К рубежу нашей эры сетчатая керамика вытесняется гладкостенной. Широко распространились грибовидные грузики, железный двушипный наконечник стрелы. Основным типом жилища становятся наземные срубы. Железные изделия постепенно вытесняют костяные.

О возросшей роли земледелия свидетельствуют частые находки железных серпов.

О каких-то внешних контактах и межплеменном обмене говорят находки стеклянных бус, скифских удила и псаляя.

На третьем, заключительном этапе (II — V—VI вв. н. э.) полностью исчезла сетчатая керамика, долгое время являвшаяся одним из отличительных признаков культуры. Получила высокое развитие металлургия железа. Открыты кузницы и железообрабатывающие инструменты (кузнечные клещи, своеобразные в виде кольца крицы).

Резко возрос ассортимент железных изделий. Научились изготавливать крупные предметы: проушные топоры, косы. Предполагается, что возникли крупные металлургические центры, обеспечивавшие продукцией значительные области.

На территорию дяковской культуры стали попадать римские и прибалтийские фибулы, а также бронзовые украшения приуральских типов. Хорошо датированные привозные предметы помогли установить более точную хронологию культуры.

Изготовление и широкое распространение железных топоров может указывать на вырубание лесов под пашни и применение в земледелии подсеčno-огневой системы. Частой находкой при раскопках поселений стали каменные зернотерки. Найдены зерна ржи, пшеницы, конопли.

Одним из интереснейших памятников этого периода является полностью раскопанное городище около д. Березняки (рис. 3.47).

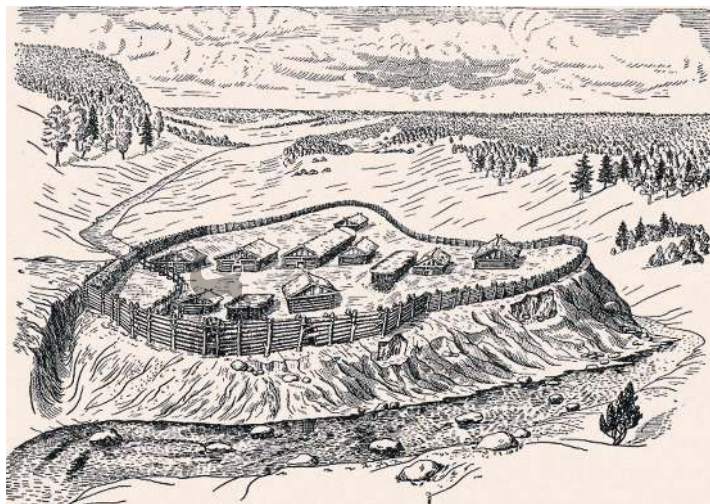

Рис. 3.47. Реконструкция городища Березняки

До сих пор остается большой загадкой вопрос о дьяковских погребениях. Кроме открытого на городище Березняки «домика мертвых» с остатками трупосожжений, фактически погребальные памятники этой культуры неизвестны. Можно лишь предположить, что покойников полностью сжигали. Как поступали с прахом доподлинно неизвестно. Не удалось пока обнаружить и мест кремации. Русская летопись описала погребальный обряд обитателей лесов, живших, по ее словам, «звериным» образом. Рассказывается, что остатки трупосожжения складывались в горшки, которые потом помещались на «столах». Из летописи, правда, не совсем ясно, кем были эти народы. Однако не исключено, что это могли быть и дьяковцы, с которыми славяне вступили в контакт в процессе освоения ими северных лесных областей в X–XI вв. Со славянским расселением, вероятно, связано постепенное затухание и прекращение дьяковской культуры.

11. Раннее славянское Средневековье. Выход славян за пределы прародины

Середина и вторая половина I тыс. н. э. вошли в историю и археологию как особый и очень важный период. С падением Римской империи в Западной Европе возникают первые «варварские» государства. Так, Европа вступила в раннее Средневековье. Новая эпоха отмечена значительными перемещениями населения и не случайно названа временем Великого переселения народов, перекроившего историческую карту Европы.

Два крупнейших народа — славяне и германцы — достигли к этому моменту уровня общественного прогресса, который принято называть строем военной демократии, характеризующегося не только успехами в развитии хозяйства, но и обязательным вооружением мужского населения. Одним из наиболее легких и эффективных способов накопления богатств стали грабительские военные походы. Искусительной приманкой являлись богатые римские провинции. Для задержавшихся в своем социально-экономическом развитии славян и германцев Рим представлялся сказочной страной, манившей богатствами. Сама же Империя уже не могла обеспечить надежную защиту своих обширных владений.

Предполагается, что наряду с социально-экономическими факторами, вызвавшими крупные переселения этносов, причиной больших миграций стало заметное ухудшение климата. Похолодание и чрезмерное переувлажнение почв привело к сокращению пригодных для земледелия площадей. По этой причине некоторые германские племена Скандинавии вынуждены были покинуть родные места и искать новые земли в континентальной Европе. Давление одних народов приводило в движение другие.

С этим чрезвычайно важным периодом в истории славян связана пражская культура, развившаяся в V в. н. э. в Средней Европе на месте пшеворской. Название получила по своеобразным памятникам, выявленным в начале 20-х гг. XX в. около Праги. Их широкое изучение было проведено только после Второй мировой войны. Выяснилось, что подобные памятники имеются во всех славянских странах и генетически связаны с историческими средневековыми древностями славян. Кроме того, всеми исследователями пражская культура рассматривается как славянская. Наиболее вероятно, что она сформировалась на основе пшеворской культуры и стала ее преемницей. Это доказывается совпадением их ареалов, заметной эволюцией одной культуры в другую. Никто не смог доказать, что носители пражской культуры пришли из какой-то другой области.

Сформировавшись в междуречье Эльбы и Вислы — ядре славянского мира — она уже в конце V в. быстро вышла за пределы своей первоначальной локализации и в VI в. распространилась на востоке до Днепра. Ее северной границей стало среднее Повисленье, а южной — Дунай (рис. 3.48).

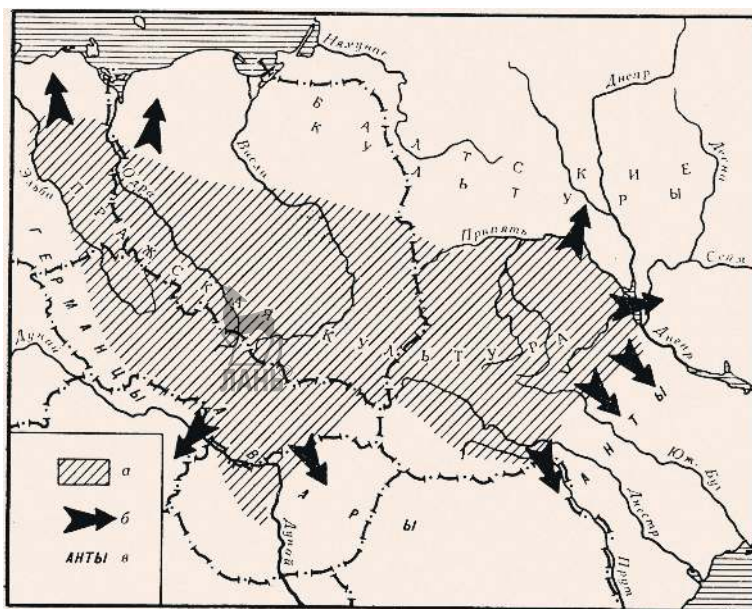

Рис. 3.48. Ареал пражской культуры

Включившись в процесс Великого переселения народов, славяне перешли Дунай и продвинулись далеко на юг, что отмечено византийскими и другими письменными источниками. Их отряды были замечены в Греции, на Пелопоннесе и даже в Северной Африке.

Что же послужило причиной выселения значительной массы славянства из исторической прародины? Дать исчерпывающий ответ ученые пока не смогли. Можно высказать лишь некоторые предположения. Причин, видимо, было несколько. Уже сам факт, что они за относительно короткое время смогли не только расселиться на пространствах Юго-Восточной и Восточной Европы, но и утвердиться среди местного достаточно плотного населения, освоить новую территорию и достичь преобладания, позволяет предположить, что уже в пределах прародины плотность населения достигла значительных размеров, что могло послужить одной из решающих причин миграции. Именно о больших массах славян, скопившихся в середине 1 тыс. н. э. на северных берегах Дуная, границах Римской империи, сообщают византийские источники.

Балканы, как одна из римских провинций, привлекали славян богатством, а соседние восточные земли — плодородием почв, столь важным для ведения земледельческого хозяйства, достигшего к этому времени у славян достаточно высокого уровня развития.

Впрочем, можно предполагать, что была еще одна причина, вызвавшая миграцию какой-то части славян, на которую прямо указывает «Повесть временных лет» — давление со стороны других народов. Летопись называет здесь только «влахов» (римлян). Думается, однако, что к моменту начала широкого движения славян натиск со стороны Рима и его провинций уже не представлял большой опасности. К этому времени инициатива перешла к славянам и германцам. Тем не менее в рассказе летописи, возможно, получили отражение события более отдаленных времен, к примеру, периода военного могущества Рима, постоянно расширявшего владения на севере, нуждавшегося в рабах и добывавшего их у северных соседей. Может быть, «влахами» были кельты, о продвижении которых далеко на восток говорилось ранее?

В памяти славян приобрела легендарную известность история с аварами («обрами»), в зависимость от которых попала какая-то их часть. Как раз в это время авары вторглись в славянскую область Паннонию.

К моменту начала широкого расселения в середине 1 тыс. н. э. славяне могли испытать давление также с запада, со стороны германских племен. Не случайно их продвижение в западном направлении почти не ощущается. Зато в своей «Истории готов» Иордан называет ряд германских племен на коренной славянской территории между Эльбой и Вислой. К слову, их проникновение отмечалось и раньше, в пшеворское время.

Почти одновременно с движением на юг славяне начали осваивать земли Украины и Южной Беларуси. Некоторые их памятники порой производят впечатление довольно бедных, поскольку почти лишены находок. Не объясняется ли это поспешностью, с которой отдельные славянские племена были вынуждены покинуть родные места под натиском других народов? Не этим ли объясняется и распространение полужемлячных жилищ как временных и быстро возводимых убежищ беженцев?

Для пражской культуры, особенно на начальном этапе, свойственно удивительное единообразие ее основных культурных признаков.

Материалом, раскрывающим генезис культуры, является керамика, что по-прежнему остается наиболее надежным индикатором этнических общностей. Остальные же источники по данной культуре нуждаются в умножении.

При анализе керамического материала удалось выделить более ранний тип пражского сосуда. Он характеризуется удлинненными пропорциями, сужающимся горлом с немного отогнутым венчиком и максимальным расширением в верхней части тулова. При дальнейшем развитии сосуда становятся ниже и шире (рис. 3.49).

Для культуры характерны небольшие открытые поселения, площадью около одного гектара и меньше. Ранние поселения часто располагались группами на разных сторонах ручья или оврага. На Полесье поселки нередко окружены оврагами.

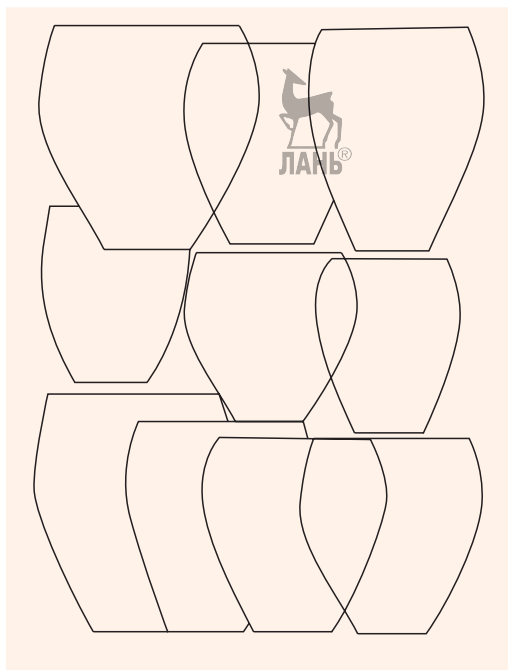

Рис. 3.49. Ранние формы пражских сосудов

На поселении Корчак (Украина) выявили 16 построек. Правда, одновременно существовавших построек, вероятно, было меньше. Принимая во внимание очень малый культурный слой, продолжительность функционирования жилищ исследователями определяется в 10–20 лет. Это объясняет, почему культуру так поздно открыли и почему так медленно накапливается ее фонд вещей.

Жилища пражской культуры в плане прямоугольные, но встречаются и овальные (рис. 3.50). Со временем они становятся крупнее. Обычно постройки углублены в землю от 40 до 60 см, но есть углубленные менее чем на 20 см. В Полесье они почти наземные, а более поздние полностью становятся таковыми. Однако в Поднестровье позже наметилась тенденция делать их более углубленными.

Стены имеют столбовую конструкцию. Столбы врывали или по углам внутри углубленной части жилища, или, реже, за его пределами в 10–15 см от края углубления. В пазы опорных столбов запускались горизонтальные бревна с подтесанными концами. Иногда стены изнутри поддерживались деревянными столбами.

В одном из углов устраивали печь, сооружаемую из камней, обмазанных глиной, или целиком из глины. Топились они по-черному. Отверстия топок небольшие: 40×60 см (рис. 3.51).

В одной из стен вырывался вход в постройку со ступеньками. На некоторых относительно поздних поселениях на Волыни ступенчатый вход был выложен камнем. В некоторых случаях перед ним устраивался постепенный спуск к двери за пределами постройки.

Пол был земляной, утрамбованный, изредка покрываемый слоем глины. Очень редко находят следы бревенчатого настила. В земляном иногда удается проследить небольшие ямки, оставшиеся, вероятно, от деревянных ножек стола или скамеек.

Как правило, на поселениях обнаруживаются хозяйственные ямы, вырытые либо возле жилища, либо в какой-то отдельной части поселка. Выявлены ямы, где хранились запасы руды.

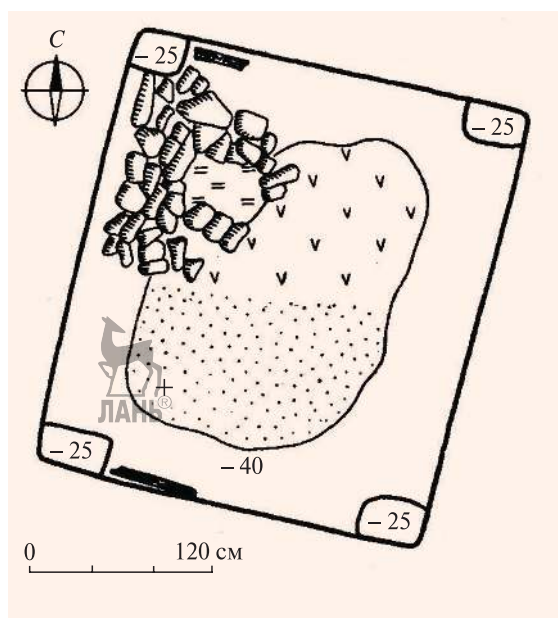

Рис. 3.50. План пражского жилища

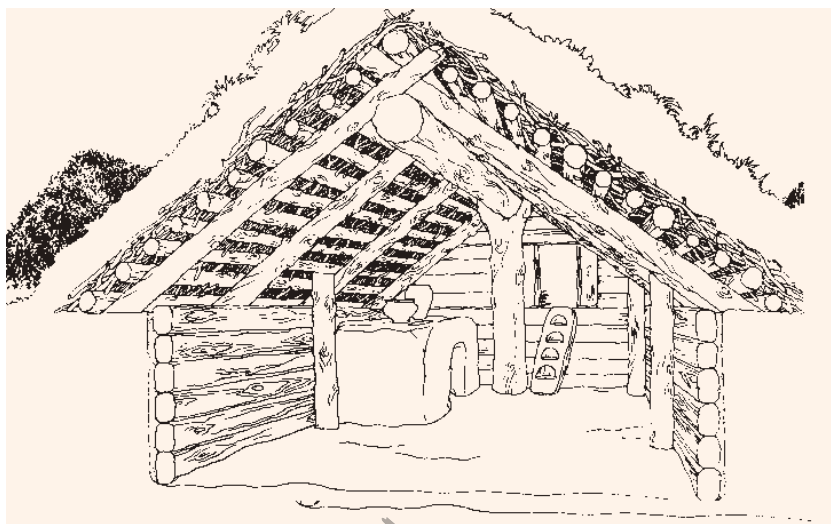

Рис. 3.51. Реконструкция пражского жилища

Материалов, которые бы свидетельствовали о высоком уровне развития ремесла и обмена, пока не обнаружено (рис. 3.52). После гибели Римской империи практически перестали поступать высокохудожественные изделия античных мастеров, и женщинам пришлось довольствоваться весьма скромными украшениями местного производства, что также представлено очень слабо.

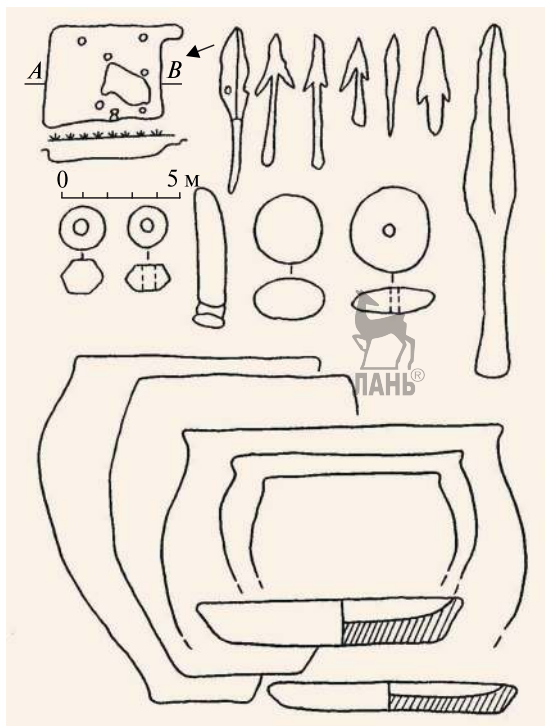

Рис. 3.52. Материалы пражской культуры

Погребения — небольшие грунтовые могильники с захоронениями остатков трупосожжения в урнах или без них. Позже распространяются курганы с трупосожжениями. Любопытно, что ранние бескурганные захоронения с урнами были на территории поселков, рядом с жилищами. Очищенные от погребального кострища кости покойника помещали в горшок или ссыпали в могильную яму рядом с сосудом. Погребальная урна иногда перекрывалась другим сосудом или каменной плиткой. Могильные ямки неглубокие, в плане обычно круглые, диаметром 20—80 см. Некоторые урны находятся непосредственно под дерном и часто оказываются разрушенными позднейшей пахотой.

Курганные могильники всегда расположены за пределами поселений, но на близком от них расстоянии, за ручьем или оврагом.

В ранних курганах X в. с труположением прослеживается преемственность с курганами с кремацией в обычае разбрасывать обломки посуды внутри или рядом с ним.

Пражскую культуру датируют сравнительно коротким промежутком времени: вторая половина V в. ушла на ее формирование, VI—VII вв. — время ее существования в классическом виде, характерном для всей территории, какую она занимала даже после увеличения своего ареала.

В VIII—IX вв. на ее основе в разных местах оформляются близкие, но разные культуры, и такая эволюция прослеживается повсеместно. Причину распада прежде единой культуры можно объяснить, с одной стороны, ускоренным темпом ее развития, с другой — влиянием местных культур. Культуры сильно отличались друг от друга. Произшедшие изменения в славянской могут свидетельствовать, кстати, о том, что славяне не истребляли и не вытесняли местные народы, а смешивались с ними, частично воспринимая их культуры.

Уже в VI—VII вв., вскоре после расселения на территории Восточной Европы, постепенно выкристаллизовывается особый вариант культуры пражского типа — Корчак (по одному из исследованных поселений возле Житомира). Черты особого варианта, она, по-видимому, приобрела в результате постепенного усвоения славянами некоторых этнокультурных черт, присущих местной киевской культуре.

По мере усиления взаимодействия между старым и новым населением формировалось культурное своеобразие, проявляющееся в археологических материалах, происходили существенные изменения в этносе этой группы славян. Есть основания предполагать, что именно здесь в их языке появились особенности, которые потом станут характерными. Эту часть славян Иордан называл антами. Они же никогда себя так не называли. Задолго до Иордана область восточнее Буга носила имя тождественное коренному населению ираноязычных антов. Позже его, как это нередко было в прошлом, перенесли и на расселявшихся здесь славян, носителей пражской культуры.

Последствием выхода за пределы прародины и расселения на больших пространствах в среде неславянского и разного по этническому составу населения, а также активного взаимодействия с ним, стала постепенная утрата прежнего языкового единства. В действительности вступили этногенетические законы, что разделили славян на отдельные группы, позже составившие три ветви: западные, восточные и южные славяне.

Сложившийся на территории между Днепром и Бугом корчакский вариант пражской культуры (VI—VII вв.) в VIII в. эволюционировал в лука-райковецкую (VIII—IX вв.), с которой будет связано дальнейшее расселение славян в северном направлении и освоение ими обширных пространств лесной зоны Восточной Европы.

Лука-райковецкая культура стала продолжением пражской в правобережной части среднего Поднепровья и Южного Полесья. Некоторые городища возникли на селищах пражской культуры. Практически полностью сохраняется прежний тип жилища с печью-каменкой в углу. Вероятно, возросло число наземных построек. Некоторое время сохранялся тот же обряд захоронений. Только к X в. грунтовые погребения уступили место кур-

---

ганным, сохраняя, однако, трупосожжение. Остатки кремации помещали уже не в урну, а на дне могильной ямы.

На горшках появился линейно-волнистый орнамент, который потом станет традиционным для славянской гончарной керамики.

При сравнении материалов этих двух периодов видно, что памятники лука-райковецкого типа занимают значительно большую территорию, чем пражско-корчакские. Это указывает на продолжающееся расселение славян.

Следует отметить, что выявленные два этапа в развитии пражской культуры в восточной части ее ареала в целом соответствуют особенностям ее развития и на остальной территории.

Гончарная керамика появляется только в конце 1 тыс. н. э., причем ранние изделия повторяют форму позднейших лепных сосудов.

Распространение гончарного круга ведет начало с Подунавья.

Археологам приходится испытывать трудности при датировании некоторых памятников пражской культуры. Как отмечалось, культурный слой на ее поселениях, как правило, небольшой, часто перемешан с другим материалом, содержит предметы, относящиеся к другим культурам. Весьма немного известно так называемых закрытых комплексов, содержащих материалы, зарытые в одно время, среди которых могли быть хорошо датируемые вещи. Потому нередко приходится довольствоваться суммарной датировкой. Вопросы хронологии пражской культуры активно обсуждаются.

Бесспорной считается начальная дата культуры — VI в. Однако имеются заслуживающие признания данные, которые позволяют удревнить и начать отсчет с V в. Один из важнейших доводов в пользу этого состоит в том, что ее генетическая предшественница — пшеворская культура (занимавшая до нее то же географическое пространство) — прекратила существование к середине V в. Впрочем, в Прикарпатье удалось убедительно датировать V в. некоторые пражские памятники.

Ко второй половине VII в. относятся позднейшие памятники пражской культуры в Словакии, Южной Польше, Прикарпатье. Такую же дату дает серия радиоуглеродных замеров заключительного этапа пражских памятников в Германии, хотя они имеют значительные допуски.

В VIII–IX вв. наблюдаются заметные успехи в развитии хозяйства. Существенные изменения произошли в застройке и размерах поселений. Распространяются весьма крупные поселки с параллельными рядами жилищ. Формируются усадьбы, представляющие собой совокупность жилых и хозяйственных построек с расположенными возле них погребками.

Практиковавшееся раньше подсечное земледелие уступает место пашенному. В VIII в. появляются пахотные землеобрабатывающие орудия, представленные находками металлических наконечников плугов и череслами для разрезания почвы, закрепляемыми перед плужным лемехом. Находки культурных растений свидетельствуют о широком ассортименте выращивавшихся культур: пшеница, ячмень, просо. Их зерна или отпечатки выявлены в ряде поселений.

Увеличились размеры серпов. Широкое распространение получили каменные жернова, заменившие прежние зернотерки. Поселки стали располагаться в местах с плодородными почвами.

Показателем новой исторической эпохи стало появление поселений родовых дружинников, к которым можно отнести городища Хотомель и Зимно в Полесье.

О социальном расслоении свидетельствуют материалы раскопанной в Шумске (Украина) богатой усадьбы, включавшей большой жилой дом и 14 хозяйственных построек. В ней обнаружены богатые хозяйственные запасы.

В этом периоде появляется гончарная посуда, что говорит о замене домашнего производства посуды гончарным ремеслом. Гончарная мастерская очень малых размеров (2,2×2 м) была обнаружена опять же на поселении в Шумске. Расположенная в центре мастерской гончарная печь занимала четверть площади постройки.

Славяне вплотную подошли к государственности. Источники сообщают о появлении в VII в. первых государственных образований у славян на территориях Чехии и Нижней Австрии (государство Само). Такие же объединения славянских племен вскоре появляются в Польше и Болгарии – Первое болгарское царство.

Русская летопись рассказывает о киевском князе Кие, основателе государства в земле славянского племени полян на Днепре. Со своим войском Кий отправился в Византию и с почестями был принят византийским императором, который предложил ему служить Византии. Отмечается, что Кий построил на Дунае новый город и назвал его Киевцем. После он вернулся в Киев. Похожее упоминание о киевском князе мы находим в одной армянской хронике, датируемой VIII в. Однако восточные славяне вскоре попали под власть хазар и до конца IX в. платили им дань.

В левобережной части среднего Поднепровья, а также среднего и верхнего Подонья в VIII в. возникла роменско-боршевская культура, названная по двум современным поселениям в этом регионе. Культура просуществовала до X в. Она представлена открытыми поселениями – городищами. Очень похожа на лука-райковецкую и, как и та, развилась на основе пражской культуры. Тем не менее некоторые отличия прослеживаются в керамике. Роменско-боршевские горшки имеют широкое горло и часто покрыты своеобразным гусеничным орнаментом.

Жилища представлены полуземлянками со стенами столбовой конструкции. В одном из углов устраивалась печь. Иногда ее вырезали в плотном грунте.

Погребальный обряд представлен трупосожжениями. Остатки кремации хоронили или в грунтовых могилах, или в курганах.

В IX–X вв. эта часть славян периодически подвергалась нападениям со стороны кочевников. О драматической судьбе одного из поселений поведало полностью раскопанное городище Новотроицкое, что было захвачено, разграблено и сожжено при очередном рейде южных степных кочевников

Изучение многих поселков показало, что их жители, не дожидаясь очередных набегов, оставляли их нетронутыми и уходили к северу в более спокойные области на Оку и верхнее Поднепровье.

РУСЬ

12. Возникновение Киевской Руси

Новый этап в истории Восточной Европы и славян наступил в конце IX — X в. Знаменательным событием стало возникновение государства Киевская Русь и выход теперь уже восточных славян за пределы прародины. Началось их широкое расселение на территории Восточной Европы, изменившее ее этническую карту.

Достигнутый славянами высокий уровень земледельческо-скотоводческого хозяйства и заметное социальное размежевание общества вплотную подвели восточных славян к государственности. Ее естественным политическим предшественником были появившиеся племенные объединения или княжения. В славянской области к югу от Припяти, в среднем Поднепровье и Прикарпатье их было несколько: у полян, древлян, северян, также, по-видимому, у тиверцев и уличей. Несколько славянских объединений названо в северной лесной зоне. Однако славяне там появились позже.

Рассказывая о расселении славян, летописец отмечает, что после освоения неизвестных земель они получали новые «имена» в зависимости от того, «кто где сел». Одни из них «сели» в поле и прозвались полянами, другие — в лесах и назвались древлянами. По местности названы бужане, вольняне и т. д. Из чего можно заключить, что славянская миграция носила многоходовой характер, шла из разных областей славянской прародины и, возможно, не целыми племенами, иначе они бы сохранили старые племенные имена. Вполне вероятно, что на новых территориях селились бок о бок выходцы из разных племен и даже мест.

Между переселенцами устанавливались соседские связи и отношения, инициированные общими интересами. Возникали объединения и союзы, основанные не столько на кровнородственных принципах, сколько на соседских, территориальных. Все это придавало известную специфику формирующейся восточной ветви славян. В дополнение шел процесс их смешения с местным неславянским балтским и частично ираноязычным населением.

Особый характер этнических процессов в среднем Поднепровье создавал условия для изживания некоторых племенных различий и формирования более устойчивых общих черт в культуре и языке восточных славян. Показателем можно считать возникновение рассмотренных ранее двух больших и очень близких между собой восточнославянских археологических культур — луки-райковецкой и роменско-боршевской, охвативших всю восточнославянскую область. На их основе очень скоро разовьется единая древнерусская культура. Две трети из числа летописных славянских группировок разместились именно в этой области к югу от Припяти.

Ряд таких же группировок называется в лесных областях, куда славяне проникли значительно позже.

В исторической и археологической литературе их стало принято считать племенными союзами восточных славян. Археологи приложили немало усилий, чтобы попытаться определить более точные ареалы этих группировок.

Еще дореволюционные археологи обратили внимание, что некоторые типы так называемых височных колец, очень популярных у славян украшений головы, при распространении в ряде случаев совпадают с областями, которые, согласно летописи, занимали некоторые группы славян. Это было особенно заметно в северных лесных областях. Высказали предположение, что каждое славянское племя имело собственный тип височного

кольца. Они были признаны этноопределяющими. На основе их картографирования пытались установить точные границы отдельных племенных союзов.

Но эти попытки вызывают сомнения. Височные кольца в северных областях Руси относятся к более позднему времени – XI–XII вв., когда уже существует государство Киевская Русь. Таких «этноопределяющих» колец было всего пять видов, и они были приписаны только пяти из пятнадцати восточнославянским племенам, и их нет в пределах начальной территории расселения восточных славян.

Для славянской территории южнее Припяти был характерен один общий тип кольца, изготовленного из проволоки в полтора оборота, так называемое полутораоборотное кольцо.

Конечно, экономическое и социальное развитие восточных славян вело их к государственности, а начальным шагом данного процесса следует считать появление у них небольших княжений. Но объединению этих княжений в одно большое государство, возможно, мешала зависимость славян от Хазарского каганата, которому они платили дань. Ситуация изменилась во второй половине IX в., когда в Восточной Европе появились норманны, или варяги. Их роль в создании Древней Руси в науке оценивается по-разному.

При отсутствии достаточного количества археологических материалов историки шли вслед за летописью. И нарисованная ими картина, как выяснилось, сильно отличалась от реальной.

Викинги, или норманны, получили в русских источниках имя варягов. Первоначально им, как думают, называли скандинавских купцов. Позже на Руси оно было распространено на всех выходцев из Скандинавии.

Памятники норманнов разбросаны по всему побережью Балтийского и Северного морей. Они являлись превосходными мореплавателями, и их суда смогли достичь берегов Северной Америки, где также открыты их памятники.

Появление варягов на территории Восточной Европы (в отличие от появления в Западной) не было широкой миграцией с семьями и имуществом. Первоначально оно носило характер разбойничьих набегов и не сопровождалось подчинением местных племен, скорее, взимался выкуп или разовый платеж, тем самым они выступали в роли натуральных рэкетиоров. Именно так норманны показаны в их сказаниях-сагах, где рассказывается, как наезжая на хозяйские дворы они требовали платежей, угрожая в случае отказа сжечь постройки и посевы.

Однако такие рейды становятся все более регулярными и организованными. На землях местных племен основываются варяжские военные поселения. Цель набегов – сбор податей с местного населения и реализация на восточных рынках награбленного. Так, прекрасно вооруженные варяжские воины были одновременно и торговцами. В их захоронениях нередко, наряду с дорогим оружием, изготовленным лучшими оружейниками северогерманских городов, находят и небольшие складные весы для взвешивания серебряных монет, вырученных в результате торговых операций.

На территории Восточной Европы, вдоль основных речных магистралей, найдено множество кладов с восточными монетами, большинство которых принадлежало варягам. Однако их путешествия были связаны с немалым риском. Дело в том что клады зарываются в землю, как правило, в случае опасности, и многие владельцы так и не вернулись к своим сокровищам. Выявлены даже многопудовые клады, содержавшие тысячи монет.

Варяги освоили все основные речные пути Восточной Европы (рис. 4.1). По Западной Двине шел путь «земли Варягов» до верховьев Волги и Волжской Болгарии. Оттуда, двигаясь по Волге на юг, можно было попасть в восточные страны. С их именем связан описанный в русской летописи знаменитый «путь из варяг в греки» по Днепру до Черного моря, которое, по словам летописца, «слывет Русским».

Пришедшие в Восточную Европу варяжские отряды столкнулись с несколькими крупными балтскими и финно-угорскими племенными группировками.

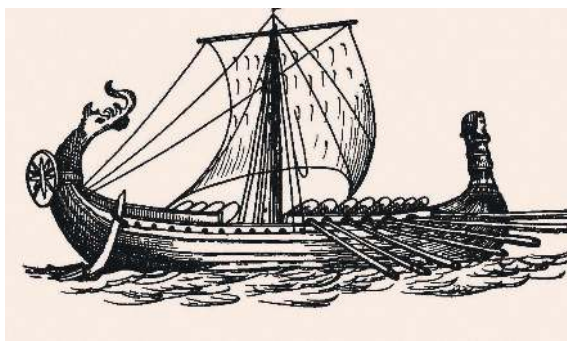

Рис. 4.1. Норманнский корабль

Знаменитому летописному рассказу о призвании варягов на Русь предшествовало сообщение, помещенное в «Повести временных лет» под 859 г.: «Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей, а хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей, — брали по серебряной монете и по белке от дыма». В 862 г. чудь, «славяне», меря и «все кривичи» отказались платить варягам дань и изгнали их «за море». Однако в должной мере воспользоваться суверенитетом не смогли — перессорились между собой. И «не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой». Тогда-то и решили послать делегацию «за море» к одному из варяжских конунгов — Рюрику: «Сказали чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избралось трое братьев со своими родами, <...> и пришли к славянам, и сел старший — Рюрик — в Новгороде, а другой — Синеус — на Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске».

В приведенных летописцем сведениях о племенах, приглашавших Рюрика на княжение, среди прочих названы славяне. В их земле, в Новгороде, обосновался и сам Рюрик. Однако, как нам теперь хорошо известно по данным археологии, в IX в. не было еще ни Новгорода, ни новгородских славян. Та область была населена финно-уграми, известными как носители культуры новгородских сопок V–X вв. Не были славянами и двинско-смоленские кривичи. В том регионе тогда проживали представители культуры длинных курганов, принадлежность которых к балтам наиболее вероятна. Тем не менее летописец, писавший о призвании варягов на Русь 150 лет спустя, этого не знал. Кроме того, по тексту прошла рука редакторов, исказивших первоначальный смысл, начальные записи и Свод. Было начисто забыто, какой была этническая ситуация в северных областях Восточной Европы в IX в. Историческая память не зафиксировала хронологию этапов заселения славянами территории севернее Припяти. Этнические славяне — поляне, древляне, северяне и др. — жили южнее Припяти, и не случайно они не названы в числе приглашавших Рюрика. Славяне не приглашали варягов, они сами к этому времени попали в зависимость от хазар и платили дань, о чем читаем в той же летописи.

До появления археологических источников в интерпретации рассказа о призвании варягов историки исходили из почти незыблемой убежденности, что славяне тогда занимали почти все пространство будущего Древнерусского государства, представляя собой совокупность самостоятельных племенных союзов. Ученые буквально шли за текстом летописи. Однако такое представление оказалось глубоким заблуждением, в основе которого лежало незнание реальной этнической ситуации, сложившейся в Восточной Европе к моменту описанных событий.

Сейчас очевидно, что в это время не было еще славян севернее Припяти. После своего переселения из прародины они до X в. пребывали в Северной Украине и Южной Беларуси и теперь уже хорошо известны нам по пражской, а позже корчакской и лука-райковецкой культурам. Не было тогда и славян в районе о. Ильмень и р. Волхов. Летопись рассказывает, что поселившийся в Новгороде Рюрик «стал раздавать мужам своим

города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро». Между тем многолетние археологические раскопки в том же Новгороде и Полоцке показали, что самые ранние культурные слои относятся только к X в. Среди тех, кто приглашал Рюрика, не было славян, которые жили южнее Припяти и еще не успели расселиться в лесной зоне.

Значит, остается предположить, что призывали Рюрика, если таковое вообще имело место, не славяне. Да и утвердился он со своими братьями сначала далеко на севере Восточной Европы.

При чтении летописного повествования о дальнейших событиях не раз убеждаешься, насколько оно лишено внутренней логики.

Читателя не оставляет вопрос, как этот рассказ вообще мог быть принят историками буквально. Например, почему Рюрик стал раздавать своим «мужам» города, расположенные только на севере страны, и ничего не построил в собственно славянских землях южнее Припяти? Более того, судя по последующим летописным сюжетам, он не только не правил славянскими землями, но, похоже, даже плохо знал о них. Рассказывается, как два «знатных мужа» Рюрика — Аскольд и Дир — вместе со своими родами и варяжским войском, намереваясь, с его разрешения, посетить Византию, отправились вниз по Днепру и достигли Киева. После выясняется, что они вообще ничего не знали ни о городе, ни о том, что он не подчинился Рюрику и что его жители — поляне — платят дань не Рюрику, а хазарам. По словам летописца, киевляне с великой радостью приняли варягов и сделали их своими князьями. Как это происходило на самом деле, мы не знаем, но рассказ выглядит наивным и неправдоподобным.

О том, что Рюрик не владел славянскими землями даже после того как в Киеве сели Аскольд и Дир, свидетельствует еще один летописный сюжет. После смерти Рюрика в 879 г. власть оказывается в руках его «родича» Олега. Тот в 882 г., собрав большое войско из варягов, чуди, мери, веси, «кривичей» и «славян», направился вниз по Днепру и, взяв по пути Смоленск и Любеч, подплыл к Киеву.

Как развивались события далее лучше судить по рассказу самого летописца: «И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что де “Мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим”. Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода”, а когда вынесли Игоря, добавил: “Вот он — сын Рюрика”. И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли... И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: “Да будет матерью городам русским”».

Из отрывка определенно следует, что ни Рюрик, ни Олег до этого времени не распространяли власть на славян.

Тем не менее именно Олегу удалось утвердиться в Киеве, и 882 г. можно условно считать временем возникновения Киевской Руси.

Сев в земле полян, Олег довольно быстро подчиняет ряд других как славянских, так и неславянских территорий. Летопись последовательно перечисляет его походы в земли древлян (883 г.), северян (884 г.), радимичей (885 г.).

К 907 г. он уже установил власть над всей восточнославянской областью. Рассказывая о походе в том году на Царьград (Константинополь), летопись называет участников данной кампании: варяги, «славяне» (имеются в виду финно-угорские племена Приильменя), чуди, «кривичи», мери, древляне, «радимичи», поляне, северяне, вятичи, хорваты дулебы и тиверцы. Условно разноязычное войско Олега состояло из 13 отрядов: один был варяжский, шесть — славянских (поляне, древляне, северяне, дулебы, хорваты, тиверцы), три — балтских («кривичи», «радимичи», вятичи) и три — финно-угорских (чудь, меря, ильменские «славяне»). Столь обширный список позволяет заключить, что в войске Олега варяги уже не составляли большинства. На первый план, несомненно, вышел

славянский элемент, так как в их земле располагалась столица государства, и князь должен был опираться на славян.

Объясняя процесс и причину возникновения Руси, историки долгое время вынуждены были довольствоваться почти исключительно материалами русской летописи, не очень подробными и достаточно противоречивыми, порой путанными. В дошедших до них списках нетрудно заметить приукрашивание «деяний» варяжских князей, а в некоторых интерпретациях этих событий проглядывалось явное желание представить славян неспособными к самостоятельному государственному творчеству. В историографии Руси сформировалась так называемая норманская школа, подчеркивавшая особую роль норманнов в создании древнерусского государства. В противовес откровенно русофобской позиции норманистов возникла историческая школа антинорманистов, отмечавших высокое экономическое, культурное, общественное развитие славян, без чего невозможно возникновение государства. Мы уже видели, что начальное государство восточных славян Кия произошло без всякого участия варягов. Его дальнейшему развитию помешало вторжение в этот процесс Хазарского каганата.

С появлением археологии и новых вещественных источников соперничество норманистов и антинорманистов еще более обострило проблему возникновения Руси, потому как и археологи разделились на норманистов и антинорманистов. Предметом дискуссии стали дружинные погребения, или погребения воинов. Были выявлены и подверглись раскопкам обширнейшие курганные могильники с захоронениями дружинников. Возникла полемика о том, кем они являлись — норманнами или славянами. Спор, конечно, принципиальный, поскольку дружинники представляли особую социальную группу формировавшегося средневекового класса феодалов, составлявших ближайшее окружение князей и обогащавшихся за счет грабительских походов, дани и княжеских пожалований. Они не занимались непосредственно производительным трудом, а только стояли над земледельческим населением и находились в оппозиции к нему. Разделение общества на противостоящие социальные группы, классы и явилось основной причиной возникновения государства. Погребения дружинников — особый вид исторического источника, имеющего отношение к теме о происхождении Киевской Руси.

В Восточной Европе древнейшие дружинные курганы, содержащие остатки трупосожжений, почти все расположены на севере в лесной полосе и принадлежали варягам, но после включения славянской области в состав державы Рюриковичей и начавшегося их энергичного расселения севернее Припяти, в грудинных могильниках появились и славянские погребения воинов, что со временем стали преобладать. Наиболее известные и исследованные могильники имеются под Ярославлем, Смоленском и Черниговом. Самые крупные раскопки осуществлены на Гнездовском могильнике под Смоленском, который начал раскапываться еще в XIX в. В послевоенные годы Гнездово стало базовым памятником, где проходят археологическую практику студенты исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ). Могильник содержал свыше четырех тысяч захоронений. Недалеко от него имеется несколько селищ. Более тысячи курганов уже раскопано. Основная их масса датируется IX—X вв.

Рис. 4.2. Верхняя половина меча

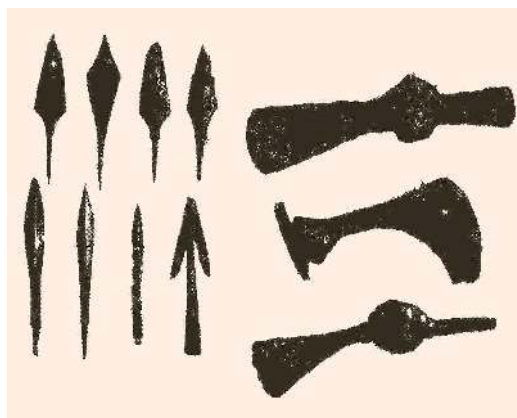

Рис. 4.3. Наконечники стрел и боевые топоры из дружинных курганов

Материалы дружинных курганов в равной степени используются для подтверждения своих концепций как норманистами, так и антинорманистами. Большая часть похороненных — воины, на что указывают лежащее при них оружие, хотя нередко рядом с мечем находились и небольшие весы для взвешивания монет и драгоценностей. Это хорошо подтверждает свидетельства письменных источников, что воины были также и торговцами.

Большой спор вызвали мечи. Они длинные, с метровым широким обоюдоострым клинком, вдоль которого для большей жесткости проходил желоб. Выковывались из железного пакета со стальным листом. Такие мечи с закругленными концами были оружием рубящего, а не колющего действия. Их защищавшее руку перекрестье и набалдашник (навершие рукоятки) часто украшены золотой или серебряной инкрустацией и зернью (рис. 4.2).

Эти мечи были одинаковы во всей Европе. Правда, на лезвии некоторых имелись клейма, указывающие на то, что мечи были изготовлены в мастерских северогерманских городов.

Норманисты использовали данный факт как доказательство принадлежности обладателей таких мечей, как, впрочем, и всех погребенных дружинников, к норманнам. Есть, однако, доказательства, что их могли делать и русские оружейники. Под Полтавой, к примеру, найден меч с клеймом на лезвии в виде русской надписи «коваль Лагоша», выполненной техникой инкрустации.

Германское происхождение мечей вовсе не означало, что все их обладатели являлись скандинавами. Оружие было действительно высокого качества, и каждый воин, естественно, стремился иметь лучшее и надежнее, от которого во многом зависела его жизнь.

Из предметов вооружения, кроме мечей, в курганах находят боевые топоры, наконечники копий и стрел (рис. 4.3). Боевой топор также являлся грозным оружием ближнего боя, но между норманнскими и русскими топорами заметны различия, которые могут учитываться при определении этнической принадлежности захороненного воина. Так, у русского топора обух удлинненный, широкое, асимметричное лезвие с отверстием для подвешивания к поясу или седлу. Скандинавский же имел симметрично расходящееся лезвие. Некоторые отличия имеются между скандинавскими и русскими наконечниками стрел.

Эффективным защитным вооружением была составленная из множества железных колец кольчуга (рис. 4.4). Интересно, что во Франции ее называли «русской рубашкой», поскольку именно русские воины ее в основном носили. Она длинная, до колен, с короткими рукавами. В Скандинавии она встречается редко.

Особо следует сказать о шлеме-шишаке с вытянутым и сужающимся в конус верхом (рис. 4.5). Такая форма заставляла меч при ударе по нему скользить, тем самым хорошо защищая голову. Его носили также преимущественно русские воины. У скандинавских воинов таких шлемов не было.

Рис. 4.4. Кольчуга

Таким образом, состав предметов вооружения в дружинных курганах позволяет в общих чертах установить этническую принадлежность погребенных воинов, что возможно использовать в затянувшемся споре о происхождении Древнерусского государства.

Рис. 4.5. Шлем-шишак

Имеются и другие археологические материалы, позволяющие с большой долей вероятности разделить дружинников по их этнической составляющей. Это находимые в могилах отдельные предметы, имеющие выраженный этнографический показатель (одежда, украшения), а также некоторые особенности погребального обряда, который обладает особой устойчивостью к сохранению и соблюдению даже за пределами обитания своего народа.

Так, с варяжскими погребениями связаны находимые металлические нашейные обручи – гривны, с молоточковидной привеской, где молоток – символ скандинавского божества Тора (рис. 4.6).

Привезенными из Скандинавии были и своеобразные металлические фибулы, напоминающие панцирь черепахи или скорлупу грецкого ореха (см. рис. 4.6). Их считают специфической принадлежностью женского скандинавского платья, хотя некоторые из них имеют внушительные размер и вес. Поскольку местные женщины такую одежду не носили, можно предположить, что некоторые варяги приезжали со своими женами или любовницами.

Варяжским являлся обряд сжигать усопшего в ладье. Араб Ибн-Фадлан (X в.) подробно описал похороны знатного «руса», которые он наблюдал в Булгаре на Волге. Умерший был помещен в ладью. Вместе с ним – предварительно убитая наложница, что была выбрана из числа других. По свидетельству Ибн-Фадлана, между женщинами разыгралось соперничество за право быть погребенной со своим хозяином. По этому рассказу художник Г. И. Семирадский написал красочную и очень впечатляющую картину «Похороны знатного руса в Булгаре» (рис. 4.7).

Обычай хоронить варяжских воинов в ладье выявлено в раскопках дружинных могильников по находкам железных заклепок от сгоревшей с погребенным ладьи. Если находки заклепок занести на план, они очерчивают ее контур.

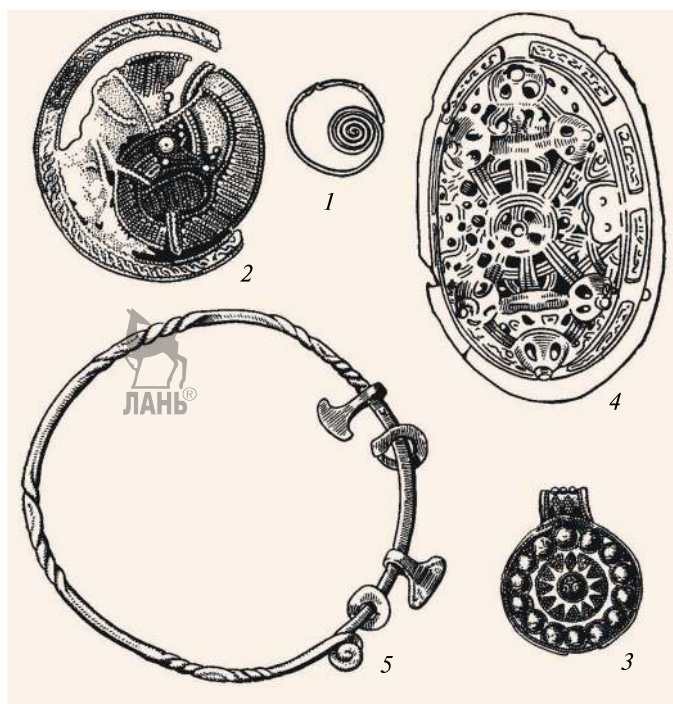

Рис. 4.6. Скандинавские предметы из дружинных могильников:
1 – височное кольцо; 2, 4 – фибулы; 3 – привеска;
5 – гривна с привесками в виде молоточков Тора

Рис. 4.7. Картина Г. Семирадского «Похороны знатного руса в Булгаре»

Этнографическим признаком варяжских погребений также являются захоронения остатков трупосожжений в каменных камерах.

Таким образом, имеется ряд признаков, по которым можно определить варяжские курганы в составе дружинных могильников. Раскопки показали, что их количество к концу X в. в воинских могильниках составляло 4–7 %. При этом высокий процент дали ранние варяжские погребения, относящиеся к концу IX – началу X в. и расположенные за пределами славянской области.

Так, их самый высокий процент выявлен в могильнике под Ярославлем (до 14 %), где славяне появились едва ли не в самом конце X в., если даже не в начале XI в.

Материалы дружинных курганов показывают, что славянизация войска прошла весьма быстро. Этнические славяне составили абсолютное большинство дружинников и, соответственно, господствующего класса в государстве.

Уникальную находку сделали в одном из гнездовских курганов, датируемых X в.: большой глиняный сосуд – корчага (в них привозили на Русь вино или пряности). На его стенке имелась надпись, сделанная кириллицей – «горухца», что означает «горчица» (рис. 4.8). Пока это самая ранняя надпись на русском языке.

Интересный памятник, известный как Черная могила, был раскопан в конце XIX в. в Чернигове (высота 11 м, окружность 120 м). Легенда связывает его со столь же легендарным князем Черным, основателем Чернигова. Когда сверху кургана сняли около 4 м, обнаружили 2 меча, возможно обломок сабли, 2 кольчуги и 2 кубка из рогов, изящно обрамленных серебряной оплеткой.

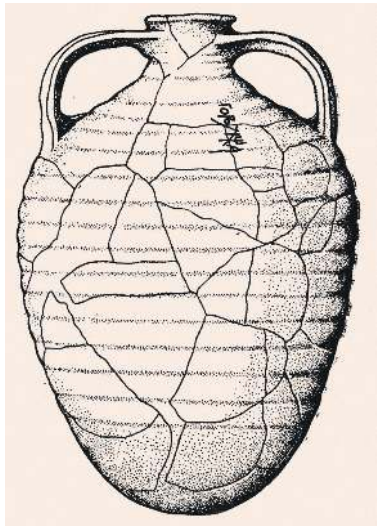

Рис. 4.8. Гнездовская амфора с надписью. Прорисовка

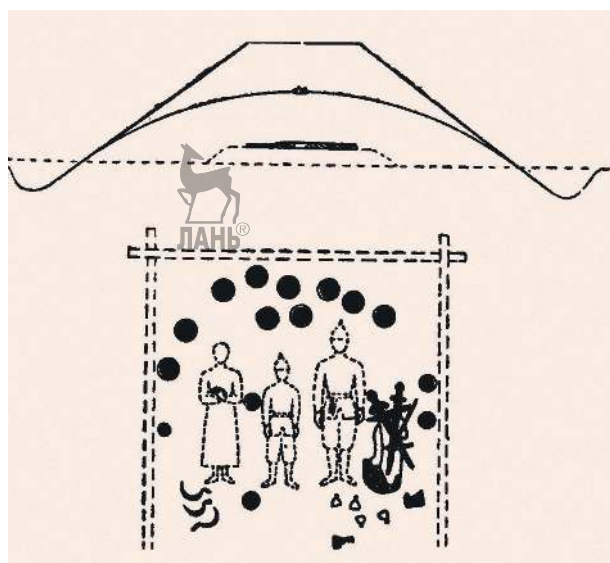

Рис. 4.9. План и разрез княжеского погребения в кургане Черная могила

На дне выявлены остатки трупосожжений. Судя по составу находок, в кургане погребены останки трех или, возможно, четырех мужчин, из которых два, несомненно, принадлежали к знати, о чем свидетельствуют два комплекта дорогого оружия, два сосуда из рога, золотые монеты (рис. 4.9).

Выявленные орудия труда (топор, скобель, долото, серп) могли принадлежать ремесленнику или рабу. Наличие некоторых женских украшений, в том числе стеклянного браслета, позволяют предполагать, что имелось и женское захоронение.

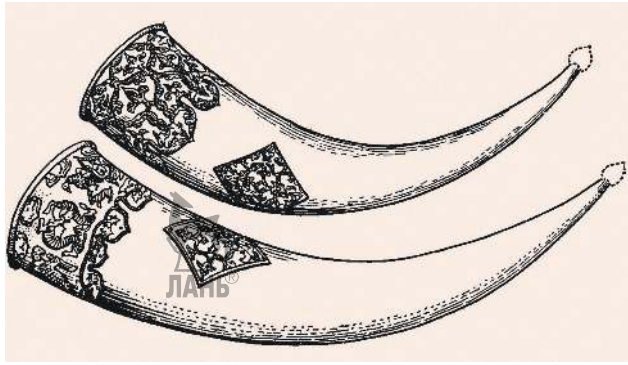
Обнаружено несколько бытовых вещей: ведра, замки, ключи, игральные кости. Любопытна складная бритва с коротким широким лезвием

Две золотые византийские монеты позволяют датировать курган второй половиной X в.

Найденные в верхней части курганной насыпи оружие и сосуды из рогов (рис. 4.10), очевидно, были положены после тризны.

Сосуды представляют художественный интерес как произведения высокого искусства. Один рог был отделан серебряной оплеткой с растительным орнаментом. На оплетке другого изображена женщина с длинной косой, слева от которой — мужчина с луком в руке. Около его головы показаны три стрелы: одна летит вверх, другая вниз, а третья направлена ему непосредственно в голову. Справа от нее — большая птица с распростертыми крыльями, то ли собравшаяся сесть, то ли взлететь (рис. 4.11). Картина очень напоминает сказочный сюжет, относящийся к черниговскому циклу сказок. В нем рассказывается, как некий молодец по имени Иван Годинович, будучи в Киеве уговорил местную девицу Марию Дмитриевну поехать с ним в Чернигов. Девушка, однако, была сосватана за кощея (так на Руси тогда называли жителей степей), который легко нагнал Ивана и Марию в пути. После чего, девица снова переметнулась на сторону кощея. Они привязали Ивана Годиновича к дереву, и кощей уже собрался убить его из лука, но, говорится в сказке, «на то время на то времечко налетела птица — черный воран. Сел тот воран на дубу высокою, прозябчил языком человеческим: “А не владеть-то тебе, Кощей, Марьей Дмитриевной, а владеть-то ею Ивану Годиновичу”. Тут кощей схватил лук и выпустил в птицу три стрелы, но они отскочили от нее и поразили самого кощея». Данный сюжет, вероятно, поразительно точно воплотил очень древнюю легенду, которая перешла в народную сказку, сохранившуюся до наших дней.

Рис. 4.10. Сосуды из рога

Подводя итог, заметим, что материалы дружинных курганов, конечно, не могут ответить на вопрос, кто и в каком году создал Киевскую Русь. Возникновение государства — результат длительного хозяйственного и социального развития восточных славян. Для его появления должны были созреть объективные условия: достаточно высокий уровень хозяйства и социальное размежевание общества.

Археология позволяет проследить данные глубинные процессы: достижение необходимого уровня экономического развития, социальное расслоение общества, формирование имущего класса феодалов, заинтересованных в государстве, которое охраняло бы их права и обслуживало потребности.

Именно такой материал в изучении проблемы возникновения Руси дают дружинные погребения, отражающие процесс формирования феодальной знати и ее этнический состав.

Говоря об особенностях возникновения Руси, следует, однако, учитывать и внешне-политические условия и тот факт, что к моменту ее появления славяне оказались в зависимости от Хазарского каганата, что нужно было преодолеть самим или при помощи внешней силы. Такая военная мощь появилась в конце IX в. Но для полноценного и прочного функционирования государства необходимо оформление имущего класса. Какова же тогда роль варягов во всех этих процессах?

Материалы дружинных курганов свидетельствуют, что массовой миграции норманнов в Восточную Европу не было.

Рис. 4.11. Рисунок на оковке турьего рога из Черной могилы

Скандинавские предметы появляются в среднем Поднепровье только в X в., и обладателей этих вещей было ничтожно мало. Основная часть норманнских захоронений оказалась в неславянской области будущей Руси (Ярославльский могильник). С образованием Древнерусского государства выходцы из Скандинавии в составе русского войска составляли очень малую часть, и то, многие из них довольно быстро «ославянились».

Можно усомниться в правдивости летописного рассказа о добровольном приглашении варягов племенами лесного севера. Они сотни лет жили на своих местах без всяких признаков популзновения на земли соседей. Никаких перемещений археология не прослеживает. Скорее, периодические рейды варяжских отрядов сменились постоянным присутствием хорошо вооруженных воинов, продолжавших насильственный сбор дани с местного населения. Однако сменились и рынки реализации награбленного. Волжский путь в Азию перекрыли появившиеся в южных степях кочевники. Предстояло сменить его на Днепровский, который до этого, очевидно, был перекрыт хазарами. Освоившись в северных областях и установив взаимовыгодный контакт с местной знатью, Олег появился в среднем Поднепровье, избрав Киев столицей. Он подчинил небольшие восточнославянские княжения, смог привлечь их к своим торговым операциям. Совместные регулярные сборы дани с населения северных областей хорошо описаны византийским императором Константином Багрянородным (X в.), еще больше сплотили славянскую и норманнскую знать. Общими усилиями был сокрушен Хазарский каганат. Начался быстрый процесс славянизации варягов, о чем убедительно свидетельствуют материалы дружинных курганов. Варяжских погребений в дружинных могильниках Южной Руси совсем мало, а в XI в. уже практически нет. Сами киевские князья стали называться русскими именами.

После соединения в одном большом государстве неславянского севера и славянского юга началось быстрое проникновение славян в северную лесную область и возникновение там крупных сельских поселений и первых настоящих городов. Славянская колонизация территории к северу от Припяти, несомненно, поощрялась киевскими князьями.

Достаточно скоро, по причине более высокого уровня хозяйственного и социального развития, славяне стали преобладающим этносом на всей территории государства. Они составили и основную часть феодалов.

Возникновение и укрепление государства было в значительной степени стимулировано внешней опасностью. Южные области Руси стали подвергаться систематическим набегам со стороны степных кочевников. Славянским селам и весям по-прежнему угрожали хазары, постепенно утрачивавшие контроль над славянами. Постоянные набеги кочевников, угроза разорения и обращения в рабство стала одной из причин их широкой миграции из опасной южной лесостепной области на север, в лесную зону. Так славяне смогли расселиться в Северной Руси среди балтского и финно-угорского населения. Освоение новых земель было облегчено благодаря тому, что эти области входили в состав Руси и контролировались киевскими князьями.

Возникали заселенные славянами погосты, что становились опорными пунктами, облегчавшими сбор дани с местного населения. По мере возрастания численности переселившихся в Северную Русь, древнерусский язык приобретал значение основного средства языкового общения. В условиях чересполосного расселения славян и неславян шел процесс этнического смешения и славянизации. Славянизация прежде всего коснулась местной родовой знати, которая была привлечена к торговым и военным операциям киевских князей и позже составляла местное феодальное сословие.

Процесс славянизации населения начинает хорошо прослеживаться в археологических материалах и датируется X в. В балтских погребениях появляется славянская посуда.

Возникнув как большое и сложное полиэтничное государство, Киевская Русь превращается в мощную и крупнейшую восточнославянскую державу с безраздельным господством в ней древнерусского языка.

---

13. Древнерусская деревня

Древняя Русь являлась деревенской страной. Основу ее экономики составляло сельское хозяйство, на базе которого сложились и получили развитие разнообразные стороны древнерусской культуры, ремесла и торговли. Однако летописи почти ничего об этом не говорят. Сейчас уже очевидно, что история древнерусской деревни будет писаться на основе археологических материалов. Но и эти источники до сих пор изучены не в полной мере. Долгое время исследования ограничивались анализом того скудного и однообразного материала по этой проблеме, который дают раскопки курганов. Еще недостаточно изучены в силу различных причин наиболее ценные памятники: остатки сельских поселений, представленные многочисленными селищами. Их культурный слой, как правило, незначителен по мощности. На месте большей части древних деревень расположены современные поселения или культивируемые поля, в результате чего культурный слой большинства сильно поврежден, а остатки деревенских наземных построек часто почти полностью уничтожены. Все это затрудняет их поиски и изучение.

Подавляющее количество селищ располагается в бассейнах рек и по берегам озер, в местах благоприятных для земледелия и скотоводства. Реки — главные пути сообщений, и освоение новых территорий шло обычно вдоль них. Это особенно относится к областям, занятым лесами. Приречные земли были в первую очередь подвергнуты обработке. Нередко сельские поселения устраивали на мысу возле реки на высоком берегу.

Размеры селищ различные: от 1 тыс. до 45 тыс. м². Замечено, что на вновь осваиваемых славянами землях в процессе их дальнейшего расселения ранние селища отличались более крупными размерами и представляли собой преимущественно большие общины. По мере роста населения в общинах появлялись новые небольшие селения, образованные выселившимися из материнского поселка крестьянами.

О застройке деревенских поселений и типах жилых и хозяйственных сооружений сведений еще очень мало. Есть основания предполагать, что преобладала рядовая застройка вдоль берегов рек и озер.

Жилые и хозяйственные сооружения были разнообразны и во многом определялись природной средой и традициями. Они представлены землянками, полуземлянками и наземными постройками различной конструкции. В лесной зоне в качестве жилища преобладал бревенчатый сруб.

Весьма скудные сведения письменных источников о древнерусской деревне, ограниченные по существу случайными упоминаниями об отдельных сельскохозяйственных культурах или предметах обихода, породили ложный взгляд на значение и характер земледелия в Древней Руси. Многие видные русские историки из-за недостатка археологических материалов недооценивали роль земледелия в экономике раннефеодального времени. На первый план ими выдвигались охота, рыболовство и бортничество. Было широко распространено мнение об отсталости и примитивности земледельческой культуры и безраздельном господстве подсечной системы.

Археологические источники убедительно свидетельствуют о том, что в эпоху феодализма пашенное земледелие на Руси стало господствующим уже к концу 1 тыс. н. э.

История древнерусского земледелия раскрывается на основе изучения сельскохозяйственных орудий, древнего зерна и сопутствующих ему семян сорных растений. Характерным признаком пашенного земледелия является применение упряжных почвообрабатывающих орудий, а также широкий состав возделывавшихся культур. Использование лошади в качестве тягловой силы в лесной полосе Восточной Европы следует относить к VII—VIII вв. н. э. В лесостепной зоне это имело место значительно раньше.

Археологически существование пашенного земледелия подтверждается находками железных наконечников почвообрабатывающих орудий. Основные пахотные орудия — соха, рало и плуг. В лесостепной полосе господствовал плуг (рис. 4.12), в лесной — соха (рис. 4.13). Они относятся к орудиям рыхлящего действия, так как раздирают и рыхлят землю. Плуг горизонтально срезает пласт и переворачивает его. Предполагается, что соха развилась из древнейшего орудия рыхления периода господства подсечного земледелия — суковатки, — представлявшей срубленную ель с обрубленными на половину длины крупными сучками.

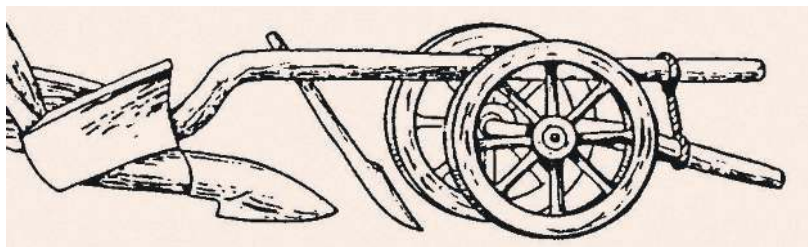

Рис. 4.12. Древнерусский плуг. Реконструкция

Древнейшая соха, предположительно, была многозубая. Такая изображена на одной из русских миниатюр. Именно с ней, как думают, связаны находимые в раскопках небольшие симметричные железные сошники. Однако очень скоро появились двузубые (или двурогие) сохи, оснащенные более крупными асимметричными сошниками (рис. 4.14). Иногда их находят в паре в кладах, что может служить дополнительным подтверждением их принадлежности двузубой сохе.

Размеры сошников, наральных и плужных лемехов были разными и зависели от характера производимых работ и почв. Длина наральных в среднем около 15–17 см, их нижний рабочий край закруглен. Сверху загнутые края образовывали втулку-трубицу, с помощью которой наральный закреплялся на станине. Отношение ширины нарального к его длине составляло 1:2 или 1:3. Сошники имеют более вытянутые пропорции, их ширина относится к длине, как 1:3, 1:4 или 1:5. Сошники многозубых сох имели симметричную форму с округлой в поперечном сечении трубицей. Основным функциональным назначением таких сох, как и суковатки, являлось поверхностное рыхление пашни. Это было наиболее удобным и целесообразным орудием освоения и обработки лесных и каменистых почв. При встрече с препятствиями она легко и быстро извлекалась из земли.

Рис. 4.13. Соха

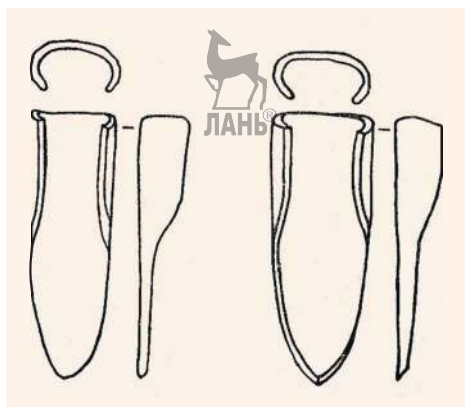

Рис. 4.14. Сошники

Симметричные сошники многозубых сох имеют длину 20–25 см. Сошники от двузубых сох отличаются размерами и асимметричной формой. Они несколько длиннее симметричных сошников (в среднем около 30 см).

Лемеха древних плугов значительно шире и массивнее сошников. Трубицы верхнего края рабочей части лемеха сравнительно короткие. Для переворачивания пласта правый край лемеха обычно делался шире левого. Часто древнерусский плуг оснащался специальным ножом — череслом, укрепленным впереди лемеха. Чересло, разрезая пласт вертикально, облегчало работу лемеха. Плуг, а также рало более пригодны для мягких почв.

Вследствие слабой археологической изученности сельских поселений, находок землеобрабатывающих орудий пока сравнительно немного (рис. 4.15). К тому же основная их часть происходит из раскопок древнерусских городов.

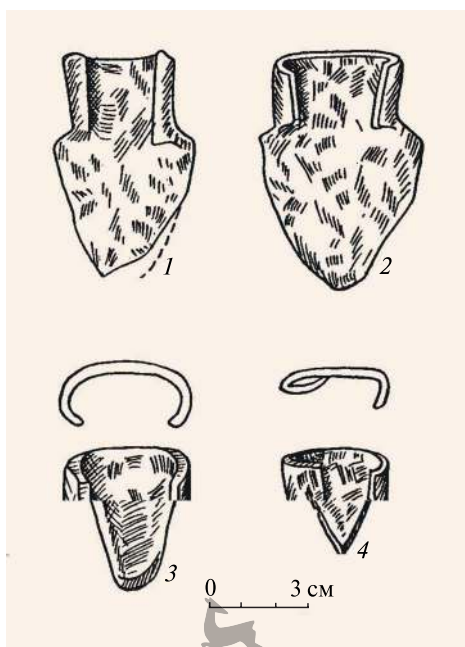

Рис. 4.15. Металлические части пахотных орудий:
1–2 – плужные лемехи; 3–4 – наральники

Как уже отмечалось, самые ранние, наральный и, возможно, плужный лемех, а также чересло были найдены на селище в Хотомеле в слоях VIII–IX вв.

Для обработки земли использовались также мотыги (рис. 4.16) и лопаты. Более частой находкой являются железные оковки лопат.

При несомненном господстве пашенного земледелия в рассматриваемый период подсека, особенно как средство освоения новых лесных угодий, еще играла немаловажную роль. Основным орудием подсечного земледелия оставался железный топор.

Находки в раскопках как сельских, так и городских поселений зерен и плодов дают представление о составе и удельном весе возделывавшихся культур.

Основная зерновая культура Руси – рожь. К X–XI в. она занимает уже господствующее положение. Второй по значению зерновой культурой была пшеница. Выращивали также ячмень, овес, просо, гречиху, бобовые.

Исключительно важный материал о характере использования пахотных земель, степени окультуренности почвы, места и условий возделывания той или иной культуры дает изучение видового и количественного состава сорных растений, почти всегда сопутствующих древнему зерну. Дело в том, что условия, создаваемые человеком для возделываемых им культурных растений, стали в результате длительного биологического приспособления жизненно необходимыми для многих сорных растений. Некоторые из них вообще не встречаются в диком виде. От них практически невозможно полностью освободиться при применявшемся на Руси способе очистки зерна: провеивание на ветру с последующим просеиванием через сито. Значительная засоренность зерна из раннефеодальных памятников свидетельствует об использовании давно окультуренных старопахотных почв.

Находки в зерновом материале сорняков, сопутствовавших озимым культурам, позволили доказать, что на Руси выращивались как яровые, так и озимые культуры, т. е. прочно утвердилась двупольная, а, возможно, и трехпольная система земледелия, при которой третье поле некоторое время «отдыхало» и восстанавливало плодородие.

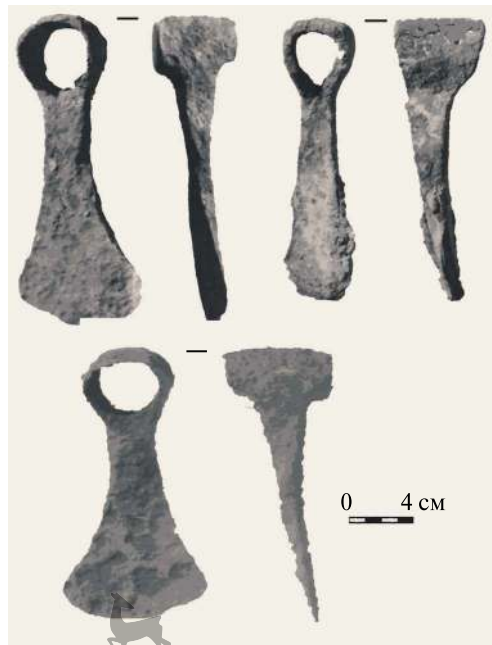

Рис. 4.16. Мотыги

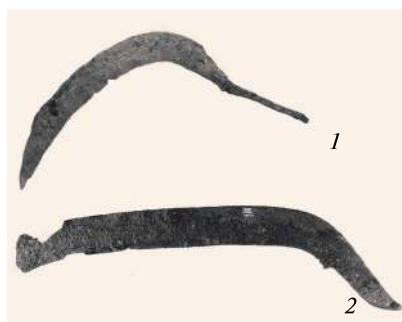

Рис. 4.17. Сельскохозяйственные орудия:
1 – серп; 2 – коса-горбуша

Основным орудием уборки зерновых был серп, являющийся частой находкой при раскопках поселений и погребений (рис. 4.17). В погребениях он обычно сопровождает женские захоронения (вероятно, жатва серпом была женской работой). Исследователи древнерусских серпов отмечают их большую близость по конструкции, деталям, размерам и иногда технологии изготовления к современным серпам. Тем не менее это не исключает их различий между собой по ряду признаков: положению рукоятки по отношению к клинку, а также вершины дуги лезвия относительно ее основания, высоте дуги лезвия, крутизне изгиба лезвия в начальной и конечной части клинка, углу резания в различных

точках лезвия. Эти отличия позволили наметить несколько локальных типов серпов, имеющих определенное географическое распространение.

Косьба производилась с помощью кос-горбуш, закреплявшихся на короткой рукоятке (см. рис. 4.17). Их находки часты при раскопках поселений. Конструкция косы с короткой и расположенной в одной плоскости железной части и рукоятки делали ее малопригодной для косьбы зерновых, поэтому ее основной функцией была заготовка корма для животных.

Зерно хранилось в специальных клетях и хлебных ямах. Мололо его небольшими порциями по мере надобности на ручных жерновах, состоявших из двух каменных дисков с отверстием в центре (рис. 4.18). Нижний жернов имел конически выпуклую поверхность, верхний – конически вогнутую. Существовали ручные мельницы с регулировкой зазора между камнями, что делало возможным получать муку различного помола. Верхний жерновный камень вращался при помощи деревянной рукоятки, один конец которой входил в такой же деревянный боковой подшипник, закрепленный на боковой стороне верхнего жернова.

Большое место в хозяйственной жизни занимало животноводство. Изучение остеологических материалов позволило ученым получить полное представление о видовом составе домашних животных древнерусской деревни. Основное место занимали крупный рогатый скот и свинья, но разводили также мелкий рогатый скот, лошадей, домашнюю птицу: кур, уток, гусей.

В деревне проживало значительное число ремесленников, обеспечивавших большую часть потребностей сельского населения. Занятие ремеслом для большинства деревенских мастеров было делом подсобным.

Важнейшим из ремесел являлось кузнечное дело. Деревенские кузнецы были главными добытчиками и поставщиками кричного железа для городских кузнецов, а также они, по существу, изготавливали все необходимые в хозяйстве и быту сельских жителей изделия из железа. Однако по техническому уровню и технологии деревенское кузнечное ремесло значительно уступало городскому, и именно поэтому в деревнях почти не изготавливали качественных стальных орудий.

Развитым и специфичным было ювелирное ремесло. Местные мастера удовлетворяли основные

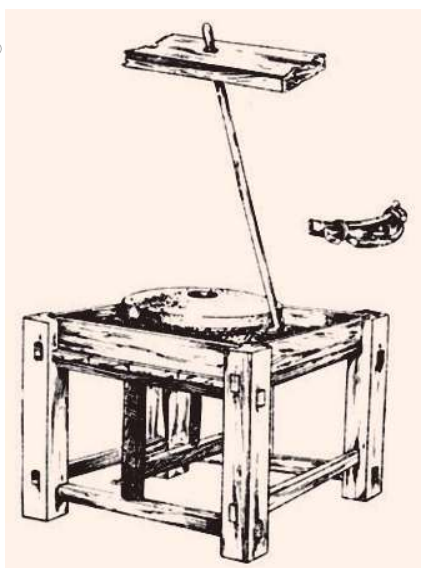

Рис. 4.18. Ручная мельница.
Реконструкция

потребности сельских женщин в украшениях. Установлено, что централизованного изготовления особых деревенских украшений на Руси не было. Картографирование вещей, отлитых в одной литейной форме, позволило определить радиус распространения продукции, вышедшей из конкретной мастерской. Так, изучение характерных для Посожья семилучевых височных колец показало, что расстояние между пунктами, в которых встречаются отливки с одних форм, не превышает 40 км. Подвески так называемого петлистого типа, отлитые в одной форме, были найдены в курганах, расстояние между которыми равнялось 7 км. Подвески гроздевого типа, также изготовленные в одной и той же форме, были найдены в курганах, расположенных на расстоянии 17 км друг от друга. Из чего можно сделать вывод, что деревенские ювелиры-литейщики обслуживали ограниченный район радиусом 10–15 км.

Их изделия представлены всевозможными головными украшениями, нагрудными привесками, бронзовыми браслетами, перстнями, фибулами, пряжками и т. д. В женском наборе видное место всегда отводилось различным амулетам, якобы оберегавшим от бед и болезней. Их изучение раскрывает интереснейшую страницу языческой идеологии, долго и прочно сохранявшей свои позиции в древнерусской деревне.

Самой многочисленной категорией находок в сельских поселениях является керамика. Широкая сырьевая база и сравнительно несложная технология, основы которой были выработаны в глубокой древности, сделали гончарное производство одним из самых распространенных на Руси. Густая сеть деревенских гончарных мастерских покрывала ее территорию. В XI–X вв. в деревне широко распространяется гончарный круг. Изготовление гончарных изделий на круге повлекло за собой замену домашнего изготовления посуды, находившегося ранее в руках женщины, производством мужчины-ремесленника. Этнографические материалы позволяют составить представление об устройстве ранних гончарных кругов. В Беларуси до недавнего времени был известен примитивный гончарный круг, восходящий по своей конструкции, по-видимому, к X–XI вв. Его основой являлась низкая скамья, в которой укреплялась ось с насаженным на нее массивным деревянным кругом толщиной в 2–3 см и диаметром 15–20 см. При работе гончар сидел верхом на скамье, левой рукой вращал круг, а правой формовал глину. Для того чтобы глина легко отделялась от круга, его поверхность посыпалась песком. Небольшая инерция, обусловленная малой скоростью вращения и сравнительной легкостью деревянного круга, не позволяла вытягивать сосуд непосредственно из комка. Гончару приходилось проводить специальную подготовительную работу в виде лепки сосуда из раскатанных глиняных валиков-лент. Вращая круг, гончар сглаживал неровности лент правой рукой (рис. 4.19).

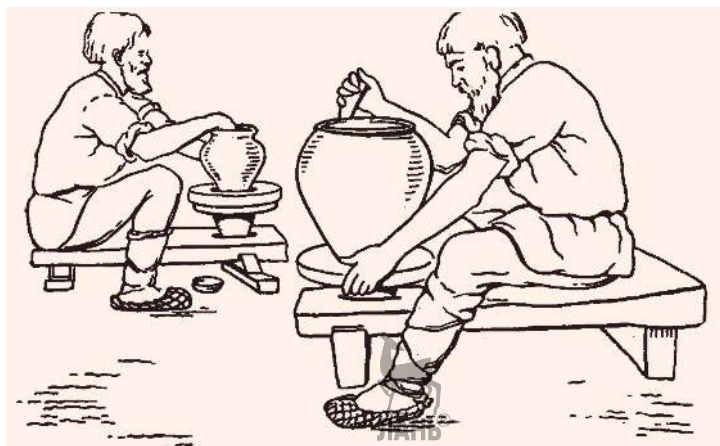

Рис. 4.19. Изготовление сосуда на ручном гончарном круге

Самый распространенный древнерусский тип горшка имеет устойчивые черты: конусообразное тулово, в достаточной степени выраженные плечики, широкое горло и отогнутый венчик (рис. 4.20). Излюбленными орнаментами были линейный и волнистый либо линейно-волнистый.

По форме венчика, степени его отгиба, крутизне плечика и некоторым другим признакам удается наметить хронологическую классификацию древнерусской керамики. При раскопках и особенно разведках сельских поселений керамика часто является единственным материалом, позволяющим установить дату.

В деревне, несомненно, были развиты и другие ремесла, связанные с обработкой дерева, кожи, кости, камня. Однако вследствие недостаточной изученности сельских памятников нельзя пока воспроизвести цельной картины их состояния и установить степень значимости этих видов в деятельности деревенских мастеров.

Важную роль играли охота, рыболовство (рис. 4.21), собирательство и бортничество. Значение последнего вида хозяйственной деятельности определяется тем, что на Руси тогда не было сахара. Из меда приготавливали медовку (медовуху) — излюбленный хмельной напиток. В бортничестве использовались специальные ножи — медорезки.

Ежедневная бытовая жизнь деревни протекала в рамках натурального уклада. Большая часть необходимых в быту вещей производилась дома крестьянами: изготавливали ткань, шили одежду и обувь. Археологические материалы достаточно хорошо иллюстрируют состояние и технику прядения и ткачества. Сырьем служили шерсть, лен и конопля. Отряхивание кофры и грубых частиц волокна производилось трепанием. Для чесания волокон применялись деревянные гребни. Основным способом получения нитей являлось прядение на веретене, что представляет собой тонкую деревянную палочку, круглую в сечении с некоторым утолщением в нижней части. Длина веретен 18–25 см. Для придания им большей инерции при вращении на него надевали грузик-пряслице. В XI–XIII вв. на Руси повсюду бытовали шиферные пряслица (рис. 4.22), являющиеся очень частой находкой при археологических раскопках. Несколько деревень на Волыни были заняты изготовлением таких пряслиц, получивших название «волынские». Коробейники развозили их по всей стране. За пределами Руси они встречаются только в Волжской Булгарии.

Для снования нитей применялись полые костяные цилиндрики с двумя или тремя отверстиями сбоку — юрки. Сами по себе юрки свидетельствуют о наличии горизонтального ткацкого станка, ибо для снования на вертикальном ткацком станке они не нужны.

Рис. 4.20. Древнерусские гончарные горшки

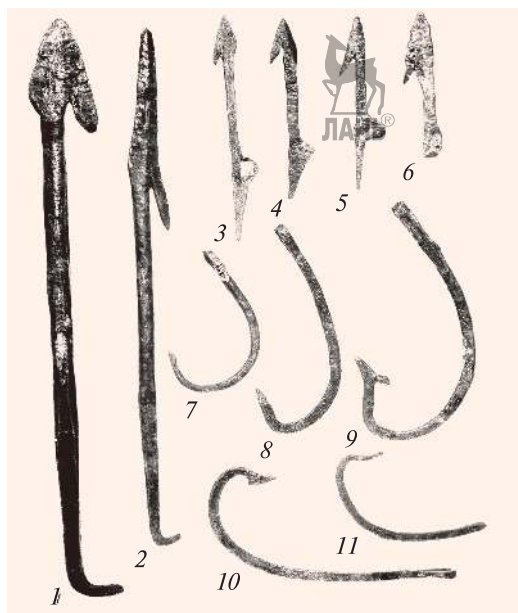

Рис. 4.21. Рыболовные принадлежности:
1–6 – гарпуны; 7–11 – рыболовные крючки

Как известно из этнографических примеров, процессы, связанные с домашним ткачеством, крайне длительны и трудоемки. Особенно много времени уходит на прядение. Оно, как и ткачество, целиком ложилось на плечи женщины. Подсчеты этнографов показали, что на прядение 16 кг кудели требуется 955 часов. Чтобы соткать три холста (150 м), нужно затратить около 1920 часов.

Сельские кладбища располагались обычно недалеко от поселков. До принятия христианства покойников кремировали и прах сожженного на стороне усопшего, иногда даже ничтожную часть останков, хоронили под невысоким курганом. Часто такие рядовые захоронения не содержат никаких находок. После крещения Руси, не сразу, а начиная с XI в., кремация была заменена трупоположением. Покойника клали на землю в вытянутом положении на спине, обычно головой на запад.

Рис. 4.22. Шиферные пряслица

На женщинах, как правило, сохраняли украшения: височные кольца на правой и левой стороне головы, ожерелья из металлических привесок (лунница, фигурки коня или уточки, оберег в виде миниатюрного гребня, ложечки, небольшие бронзовые колокольчики или бубенчики и др.).

Весьма часто хоронили со стеклянными или каменными бусами. На руках обычны проволочные бронзовые кольца и браслеты. Иногда в женских могилах находят серп. Мужские захоронения бедны находками (пряжка от ремня, иногда нож в руке).

В XII в. покойника стали хоронить в яме, тем не менее продолжая насыпать над ней курган. В некоторых окраинных областях Руси захоронения под курганом продолжали практиковать в XIII и даже XIV вв.

14. Древнерусский город

С эпохой Руси связано возникновение у восточных славян городов. Они появлялись по-разному и выполняли разнообразные функции: крепостей, военно-административных и религиозных центров, мест сосредоточения ремесла и торговли. Города различались по территории, численности населения и по основным функциям, которые они выполняли. Причиной появления городов стали изменения, произошедшие у славян в общественно-политической и экономической жизни. Успехи в сельском хозяйстве, переход от подсечного к пашенному земледелию создали условия для их возникновения, где могли проживать люди, оторванные от непосредственного сельскохозяйственного труда.

Эту новую большую группу составили феодалы, воины (они же и феодалы), что жили за счет прибавочного продукта, принудительно получаемого с деревни. По мере дальнейшего развития обмена появились профессиональные торговцы и ремесленники. Всем им по разным причинам было удобнее жить за пределами общин с общинниками поселений. Такими местами и становятся города, представлявшие собой коллективные замки феодалов, места сосредоточения ремесленной и торговой деятельности. За мощными стенами городских укреплений феодалам, объединенным общими интересами, было проще и надежнее защищать свое преумножавшееся богатство.

Скандинавы, посещавшие Русь, называли ее «Гардарика» — страна градов. Их поражало огромное количество последних, тут и там возвышавшихся на кручах берегов больших и малых рек.

Летописи упоминают почти о 300 русских городов. Следует, однако, отметить, что для летописца городом мог быть любой укрепленный пункт: и специфические военные крепости, и крупные частновладельческие замки, которые не были городами в научном смысле этого понятия. Но это не меняет общей картины. Появление новых городов идет стремительными темпами. Как свидетельствуют письменные источники и материалы археологических исследований, абсолютное большинство городов возникает в XI — первой половине XII в. и отвечает тем признакам, которые присущи настоящим городам. К этому следует добавить, что некоторые из них не попали на страницы летописи.

Города возникали там, где и когда в них ощущалась экономическая, военная или политическая потребность. Она определяла и численность городов и возможности их роста. Появление конкретных городов диктовалось военной и политической ситуацией, необходимостью обороны границ государства или отдельных княжеств, дальнейшим развитием феодальных отношений и необходимостью организации государственного и вотчинного управления, сбором податей, а также предупреждением крестьянских волнений, обеспечением господства над сельской округой.

Важной и постоянной причиной, как отмечалось, было стремление феодалов обеспечить себе более безопасное существование за пределами поселений общинников.

Поиск наиболее благоприятных условий для осуществления ремесленной и торговой деятельности — тоже причина и результат появления городов.

Раньше всего города появляются в южной, славянской зоне Киевской Руси. На севере они возникают только после прихода славян, что первоначально составляли их основное население. Не случайно даже в Великом Новгороде, который рассматривался в исторической литературе как древнейший и равный Киеву центр образования Киевской Руси, отсутствуют, как показали раскопки, культурные напластования более ранние, чем X в. Имеющиеся на территории некоторых северных городов дославянские городища (Полоцк, Витебск, Лукомль и др.) не могут быть отнесены к самим городам. И пока в них не поселились славяне, они оставались поселениями заключительного этапа первобытно-общинного строя, при котором городов еще не было.

Выявляется несколько форм градообразования. Многие города развились постепенно в центры ремесла и торговли из поселений негородского типа.

Некоторые же основывались князьями как военные и административные центры. На ранних этапах они могли быть местами сбора дани и опорными пунктами колонизации края.

Распространенным являлся путь постепенного превращения в город княжеского замка или феодальной усадьбы.

Некоторые ученые допускают превращение в город наиболее важных древних племенных центров. Основная тенденция в развитии городов состояла во все большем накоплении в них ремесленной и торговой деятельности, определявшей в конечном итоге их специфику в качестве центров ремесла и торговли.

По мере развития феодальных отношений и распространения власти феодалов на окружающее сельское население складывались благоприятные условия для постепенной эволюции в город княжеских или боярских замков. Потому динамика роста городов может быть и индикатором развития феодальных отношений.

В зависимости от различных причин положение и значение городов было неодинаковым. Имелись очень крупные города — столицы больших княжеств с развитым ремеслом и торговлей и многотысячным населением. Были и более низкого ранга, занимавшие место между городом и феодальным замком или военной крепостью.

Умножавшийся род Рюриковичей требовал все новых вотчин и городов.

Одни города развивались быстрее, другие — медленнее. Темпы развития зависели от множества объективных и субъективных факторов.

Одновременно они являлись и центрами политической, культурной и религиозной жизни, мощными очагами материального и духовного творчества народа. Именно здесь наблюдается особенно заметное развитие производительных сил.

Все города имеют укрепления, и само слово «город» («град») этимологически связано со словами «городить», «огораживать», т. е. укреплять. Наличие укреплений является обязательным внешним признаком города.

В силу географических особенностей и древней строительной традиции укрепления были преимущественно деревоземляными. Они включали мощный земляной вал (иногда со сложной внутренней конструкцией) и деревянную стену, иногда в два яруса. Мощное сооружение представляла воротная башня. В крупных городах имелось несколько въездных башен. Система укреплений совершенствовалась по мере развития военного дела. В XI–XII вв. в ряде городов были воздвигнуты мощные каменные и кирпичные башни по стене или внутри крепости недалеко от ворот. Крепости окружались широким и глубоким рвом, иногда заполняемым водой.

Территория города застраивалась отдельными усадьбами (дворами), состоявшими из жилых и хозяйственных построек и внутреннего дворика. Большинство сооружений были срубного типа, как правило, одноэтажные, хотя известны и пятиэтажные. Тем не менее даже в столичных городах можно было встретить жилища-полуполуземлянки.

Система узких улиц, сходясь пучком к городским воротам и расположенному около них рынку, определяла радиальное или веерообразное построение плана города.

С благоустройством следует связывать замощение улиц и сооружение дренажной системы для отвода лишних вод.

Украшением городов являлись величественные каменные храмы и княжеские хоромы, резко контрастировавшие на фоне рядовой застройки. Для строительства церквей, особенно на раннем этапе развития древнерусского зодчества, приглашались византийские мастера. С XII в. храмовое строительство охватило все крупные и средние города. Возникло множество местных архитектурных школ. Храмы украшались каменной резьбой, мозаикой, фреской.

Постепенно формировалась своеобразная структура, отражавшая социальный состав городского населения.

Многие города первоначально ограничивались территорией крепости, но по мере увеличения численности населения, развития ремесла и торговли заселялись прилегающие к ней территории, образуя посад, в котором селился простой люд, рядовые торговцы и ремесленники.

Со временем структура города еще более усложнялась, возникали новые укрепленные районы («окольные грады»).

В больших по территории городах с многотысячным населением оформились отдельные районы. В Новгороде их называли концами. Интересно, что в названиях некоторых новгородских концов лежат особенности состава и рода занятий его жителей. Один из них назывался «Гончарный», другой – «Плотницкий».

Центральный укрепленный участок назывался детинцем от слова «детский», каким называли младших дружинников.

Детинцы превращались в аристократическую часть города, где селились преимущественно князь, бояре, младшая дружина, зажиточные купцы и духовенство. Княжеский двор занимал особое место.

Некоторые города содержали свыше 100 тыс. жителей, но численность населения большинства других была 2–5 тыс. человек.

Экономические условия благоприятствовали деятельности городских ремесленников, чья качественная продукция имела своего потребителя не только в городе, но и среди сельских жителей, заинтересованных в приобретении качественных сельскохозяйственных орудий и нарядных украшений.

Города приобретают новый признак, который становится все более характерным и заметным. Они становятся центрами развитого ремесла и торговли. Следовательно, появляются ремесленные мастерские и торговые дворы.

Так, археологические материалы свидетельствуют о высоком уровне развития ремесла. Качество изделий городских ремесленников заметно выше, чем сельских.

Городское ремесло, имея основным потребителем городскую и сельскую знать, быстро совершенствовалось, составляя достойную конкуренцию лучшим ремесленникам Западной Европы. Насчитывалось до 60 ремесленных специальностей, так как для получения высокопробного изделия отдельные ремесленники специализировались на производстве какой-нибудь одной группы вещей. В одной только железообработке, ведущей отрасли ремесла, источники называют до 14 специальностей: ножовников, замочников, серпников, косников и др. Был целый ряд специалистов в оружейном деле: мечников, стрелочников и т. д. Все это отразилось на уровне продукции, и в сравнении с деревенским ремеслом городское называют качественным. Номенклатура изделий городских мастеров насчитывает свыше ста названий.

Интересно отметить, что городские кузнецы работали в основном на железе, получаемом из деревни в виде стандартных (торговых) криц. Однако в редких случаях удается обнаружить домницы и в городах. Их остатки, например, были найдены в разрушенной монголами Старой Рязани. Они намного превышают по объему деревенские домницы.

Городские кузнецы освоили практически все технологические приемы: они умели получать сталь и сваривать ее с железом, применяли термическую обработку, закалявая инструменты и другие предметы, где это необходимо, до нужной кондиции (рис. 4.23).

Ремесленники живо реагировали на требования рынка, стремясь обеспечить не только качество, но и требуемое количество своей продукции. Хорошую иллюстрацию этого положения демонстрируют ножовники. В X–XI вв. ножи изготавливались из так называемого пакета – трех пластин: средняя – стальная, две боковые – железные. Чтобы соединить пластины в пакет, необходимо было разогреть их в горне до нужных температур, разных для железа и стали. Кузнецы определяли это по цвету каления. При достижении нужных условий пластины соединялись и проковывались на наковальне. При проковке выделялась дополнительная энергия, которая приводила к сварке пластин. После из пакета вырезался нож и доводился точильным камнем и напильниками до нужной формы. Такой нож называют самозатачивающимся. Его режущая часть оставалась стальной. Ножи были высокого качества, но были сложны в производстве и потому дороги.

Однако потребность в ножах постоянно возрастала, и, чтобы удовлетворить ее, процесс их изготовления был упрощен. В XII в. нож отковывали из железа, но лезвие делали из стали. Он стал хуже, потому что стальное лезвие стачивалось и он становился непригодным в работе. Зато кузнецам удалось значительно увеличить количество продукции. К XIII в. технология производства еще более упростилась. На рабочий край ножа стали наваривать небольшую стальную полоску – косую насечку. Лабораторные исследования показали, что сварка железа и стали производилась весьма качественно, давая прочные и чистые сварочные швы.

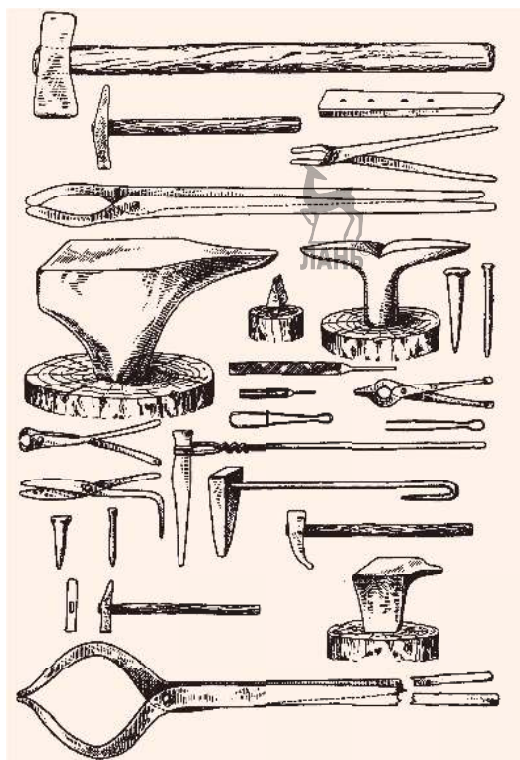

Рис. 4.23. Кузнечный инструмент

Образцом кузнечного мастерства были замки, ставшие предметом экспорта (в Чехии их называли русскими замками). Висячий замок состоял из двух отдельных частей: корпуса и съемной дужки. Корпус имел два скрепленных цилиндра: большой и малый. Малый служил приемником для свободного конца дужки. Большой же, основной цилиндр — для другого конца дужки, на котором имелась серия сжимающихся стальных пластинчатых пружин, составлявших «секрет» каждого отдельного замка. В закрытой верхней части основного цилиндра прорезались узкие прямоугольные отверстия, через которые могли бы пройти пружинки дужки. Их расположение должно было абсолютно соответствовать расположению пружин на дужке. При запоре замка пружины, проходя через отверстия на его корпусе поджимались, пройдя через них внутри полого цилиндра — разжимались, закрепляя дужку на корпусе.

Чтобы открыть такой замок, в цилиндр через специальный вход нужно было ввести ключ, один конец которого представлял своеобразную лопаточку, на которой вырезаны отверстия, точно соответствующие положению и размерам пружин дужки. Вводя ключ в корпус, было необходимо, чтобы все пружины вошли в соответствующие отверстия ключа и сжались. Только тогда можно было извлечь из цилиндра дужку и открыть замок. Ни одна отмычка этого сделать не могла.

Замок состоял из примерно 40 отдельных железных и стальных деталей. Каждую нужно было подогнать и соединить твердым медным припоем.

В ювелирном ремесле широко использовался накопленный традиционный опыт отливки от простых до самых сложных и причудливых изделий из цветных и благородных металлов, главным образом украшений.

Ювелиры владели различной техникой: литьем по восковой модели, тиснением на матрицах, штамповкой, имитацией сложных по технике изготовления дорогих изделий, которые нашли широкого потребителя в лице «молодых дружинников», «бояр по селам», живших в загородных дворах-усадебках. Массовые недорогие украшения доходили и до сельских модниц, о чем свидетельствуют их находки в обычных деревенских курганах

Настоящими шедеврами стали предметы, выполненные техникой зерни, скани, черни, перегородчатой эмали.

Техника зерни — это припаивание на золотое или серебряное изделие, чаще всего дорогое украшение, маленьких (1–1,2 мм в диаметре) зернышек, которые или покрывали все поле, или составляли всевозможные геометрические фигуры. Каждое зернышко нужно было припаять отдельно, а их могло быть несколько сотен и больше.

Техникой скани изготовляли легкие, подчас вычурные, воздушные украшения из золотой и серебряной проволоки. Техника черни использовалась при производстве серебряных изделий, нередко массивных браслетов. В серебре делался выемчатый (углубленный в основном материале) рисунок, что заполнялся специально приготовленной черной матовой эмалью. Черный рисунок на светлом фоне серебра всегда выглядел очень строго и благородно.

Перегородчатая эмаль — самая сложная и дорогая ювелирная техника. Ее обычно использовали в золотых изделиях, на массивных украшениях, некоторых предметах религиозного культа по дорогостоящим заказам. На основу изделия из благородного металла наносился (процарапывался) контур рисунка, состоящий из различных частей. Далее по контуру припаявались тончайшие золотые перегородки. Участки между ними заполнялись эмалью различных цветов. Художники умудрялись на площади в четверть сантиметра изобразить лик человека с усами, глазами и даже зрачками, и все элементы отметить еще золотыми линиями перегородок и цветной эмалью между ними. Заметим, что делалось все это без оптических приспособлений, которых тогда не было.

Перегородчатая эмаль часто использовалась на колтах, массивных золотых украшениях, что прикреплялись цепочками к «очелью» и свисали по обе стороны от головы.

Особенность этого украшения состояла в том, что оно было пустотело. Туда закладывалась ткань или шерсть, пропитанные благоухающими составами.

Высокое развитие в городах получили и другие различные ремесла, связанные с обработкой дерева, кости, кожи.

Гончарный круг появился на Руси в XI в. (сначала в городах), что означало выделение гончарства в самостоятельное ремесло. Считается, что в деревне он появился, по видимому, в начале — первой половине XI в. Продукция городских мастеров была очень разнообразной. Пользовалась известностью киевская белоглиняная посуда, а также покрытая глазурью.

Печи для обжига быстро совершенствовались. Они стали двухкамерными. Топка находилась в нижней камере. В верхней помещали посуду. Горячий воздух поступал в нее через специальные отверстия, проделанные в полу верхней камеры. Такая хорошо сохранившаяся печь, наполненная горшками, была найдена во Вщиже на Брянщине (Россия).

Общественное разделение труда стало причиной возникновения и развития торговли. Особым местом, где осуществлялась купля-продажа, в городах был торг.

Регулярный обмен между городскими ремесленниками и производителями сельскохозяйственной продукции сложился внутри небольших территорий (округ), включавших город и тяготевавший к нему сельский район — предградие.

Деревня нуждалась в качественных изделиях городских ремесленников. Ремесленники в свою очередь — в продуктах питания и сырье. Значительная часть ремесленной продукции шла на удовлетворение потребностей феодалов, проживавших как в городе, так и в своих сельских вотчинах.

Однако установившиеся экономические связи не замыкались рамками одних округ. Некоторые изделия городских ремесленников распространялись в радиусе нескольких сот километров, а иные развозились торговцами-коробейниками по всей Руси.

Развитию торговли в значительной степени способствовала развитая система рек, являвшихся основными путями сообщений. Были и постоянно функционировавшие сухопутные дороги.

До середины XIII в. по Днепру и его притокам отмечено регулярное поступление в различные области Руси изделий киевских стеклоделов: посуды, оконного стекла, стеклянных браслетов, белоглиняной посуды, покрытой зеленой глазурью. Из Киева же привозились различные предметы, связанные с христианским культом (энкопионы, каменные резные нательные иконки). Киевские ювелирные мастерские были поставщиками дорогих, покрытых эмалью, украшений из золота и серебра. Из Волыни привозили шиферные пряслица для прядения, найденные во всех городских и сельских древнерусских поселениях. Полоцкие стеклянные браслеты найдены в Минске и Друцке. В последнем также выявлены стеклянные браслеты смоленского производства.

Из юго-западных княжеств, а также из Новгородской земли привозили соль. Источники, в свою очередь, сообщают о торговле полоцких купцов в Новгороде воском. Известно также о существовании в Киеве полоцкого торгового двора.

Археологические материалы свидетельствуют о распространении на Руси предметов прибалтийского, византийского, западноевропейского и восточного производств. Посредством внешней торговли удовлетворялась потребность в цветном металле. Из Прибалтики поступал янтарь и некоторые изделия из бронзы. Из Византии в особых глиняных сосудах — амфорах — привозили вино и оливковое масло. Находки амфор известны почти во всех городах и владельческих замках. Привозилась также дорогая посуда и предметы христианского культа. Из Византии до возникновения на Руси собственного стеклоделия привозились стеклянные браслеты. Поступала и ближневосточная стеклянная посуда, а также фаянсовая из Ирана. С Кавказа по волжско-днепровскому пути привозили грецкий орех и самшит, гребни из которого найдены во многих городах.

Западная Двина и Припять связывали Русь с Западной Европой. В разных городах найдены резные изделия из кости южногерманской работы. Бронзовый водолей XIII в., изготовленный в Средней Германии, был привезен в Гродно.

Традиционными предметами сбыта из Руси были меха, кожа, воск. Из источников известно также о вывозе хлеба в ятвяжское Понеманье.

Значение торговли заметно возросло к середине XII в. и особенно в XIII в. Торговцы окрепли экономически и политически, имели собственные объединения (братчины). Известный доход от торговых операций получали князья, светские и духовные магнаты. За это князья обеспечивали свободу и безопасность торгового судоходства и на волоке. Показателем развитой торговли являются многочисленные клады монет, находки денежных слитков, которыми оплачивались крупные товарные партии. Источники XIII в. сообщают о торговле мешками соли. Найдены безмены, позволявшие взвешивать восьми-пудовые грузы.

В начальном периоде на Руси использовали восточные монеты – дирхемы. Для расчета широко применялись небольшие коромысловые весы, иногда складные.

В X в. на Руси появилась собственная монета, что знаменовало упрочение древнерусской государственности. Монеты чеканились из серебра (сребреники) (рис. 4.24) и реже – из золота (златники). На лицевой стороне изображен князь или святой и надпись: «Владимир на столе, а се его сребро». На монетах Ярослава Мудрого надпись гласила: «Ярославле сребро». На обратной стороне чеканился родовой знак Рюриковичей в виде трезубца.

Однако русская монета ходила недолго, и в XII в. использовали западноевропейские. Для расчета за большие партии товара стали пользоваться серебряными слитками – гривнами. Их было несколько типов: киевская гривна имела шестиконечную форму и вес приблизительно в 160 гр., новгородская по форме напоминала палочку весом 200 гр. В Западной Руси, кроме уже приведенных типов гривн, ходила тоже палочкообразная гривна, но меньшего размера, которую неоправданно называют литовской, потому как к Литве она не имеет никакого отношения. При необходимости палочкообразные гривны рубили на части. Некоторые полагают, что от этого произошло название более поздней русской монеты – рубль. В истории денежного обращения период, когда рассчитывались серебряными гривнами, называют безмонетным.

Для городских жителей были характерными занятия земледелием, животноводством, рыболовством, садоводством, охотой.

Рис. 4.24. Первая русская монета – сребреник. Прорись

Города были центрами культуры, письменности, грамотности и искусства. Одним из важнейших признаков города стало появление в них монументальных каменных соборов. Сам факт их строительства свидетельствует об экономической мощи князей и городской верхушки. Города стали религиозными центрами больших регионов, а некоторые из них — страны в целом.

Русь отличалась высокой культурой, один из убедительных показателей — широкое распространение грамотности. Об этом говорят многочисленные надписи на бытовых предметах (гребни, пряслица, посуда), а также письма на бересте (березовой коре).

В крупных городах велось летописание. При соборах и монастырях имелись собрания рукописных книг.

Высокого и оригинального развития достигло прикладное искусство.

Историческим центром Руси, «матерью городов русских» судьба определила быть Киеву. Некоторые полагают, и не без оснований, что сам термин «Русь» утвердился в земле полян, и много веков спустя под ним понимали эту территорию в среднем Поднепровье. Сохранился исторический документ XII в., в котором рассказывается, как один из новгородских епископов, отправляясь в Киев, выразился: «Поеду на Русь». Особое положение Киева как признанной столицы Руси, местопребывания главных правителя и религиозного центра признавалось долго и по праву.

Олег понял значение выгодного географического расположения Киева и его политическое значение как племенного центра, где сохраняется память не только об основателе города, но и о славном прошлом. Киев был очень удобным пунктом в тех международных торговых операциях, которые проводили норманны, а потом уже и киевские князья, столь интересно описанные византийским императором Константином Багрянородным. Получаемые от торговли доходы составляли основной бюджет великого князя. Киев стал не только политическим, но и экономическим центром молодого государства.

Археология Киева насчитывает уже более двух веков. Ученых привлекли и ошеломили периодически находимые при земляных работах многочисленные клады. Большинство было спрятано в трагическом 1240 г., когда город осаждали монгольские орды. Содержание некоторых кладов составляло несколько мешков. К сожалению, многое было бесследно утрачено.

Проводить крупномасштабные археологические раскопки в исторической части города, застроенной каменными зданиями, при строительстве которых уничтожался древний культурный слой, практически невозможно. Археологи вынуждены довольствоваться малыми, по существу, разведочными раскопами и вести раскопки на периферии древней городской территории. К тому же культурный слой в центральной части города не сохраняет органических остатков. Выявить действительную застройку чрезвычайно сложно. Из-за плохой сохранности артефактов, изготовленных из органических веществ (дерево, кожа, кости), состав находок оказывается сильно обедненным.

В черте города имеются три горки с интригующими названиями: Владимировская горка, Щекавица и Хоревца. Названия заставляют обратиться к летописному рассказу об основании города тремя братьями: Кием, Щеком и Хоривом. Предлагалось считать, что их три рода объединились и три поселка образовали город. Но строить научные теории на легендах рискованно. Известно, что на территории города выявлены материалы пражской культуры V–VII вв., но относить возникновение к этому периоду едва ли возможно.

Как город, политический центр с развитым ремеслом и торговлей, он мог стать после 882 г., только в условиях государственности новой исторической формации.

Владимирская горка стала местом постройки резиденции великого князя, какое-то время составлявшей городской детинец.

За поразительно короткий срок (в течение 1037–1038 г.) Ярослав изменил облик Киева, создав новый обширный город площадью в 70 га, получивший название Ярославового города. Он был обнесен высоким, шириной у основания 16 м, валом с двухъярусной деревянной крепостной стеной. В город можно было попасть через каменные ворота, которых насчитывалось три. Главные наименовали Золотыми воротами. На них была сооружена надвратная церковь Благовещения (рис. 4.25). Ее купол был покрыт сверкавшими, как золото под солнечными лучами, медными пластинами. Отсюда и название.

Торжественно открывая в 1038 г. завершение строительства ворот, Ярослав впервые употребил слова «русский народ» и «русская земля», которые пришли на смену древним племенным этнонимам.

Руины ворот смогли сохраниться до появления фотографии и были запечатлены в оригинале. Это позволило в послевоенный период сделать их научную реконструкцию и воссоздать заново.

Во время раскопок в самом центре города обнаружили три землянки (рис. 4.26), что трудно было представить. Ведь, даже по словам иностранцев, своей красотой Киев соперничал с Константинополем. Но факт оставался фактом. Все три землянки были покинуты в 1240 г., когда город был захвачен монголами. Одна землянка, похоже, принадлежала ювелиру. На ее полу рядом с обломками амфоры было рассыпано несколько тысяч бус из горного хрусталя. На некоторых отсутствовали отверстия. Мастер не успел их просверлить. Это и дает основу для предположения владельца постройки. Видимо, он очень спешил и нечаянно выронил тяжелый сосуд с бусами, а времени их собрать уже не было.

В раскопках второй землянки предстала жуткая картина. В печи были обнаружены скелеты двух детишек. Вероятно, в трагические часы сражения с монголами напуганные дети спрятались в печке, тесно прижавшись друг к другу. Здесь их и застала смерть. Где были родители и что стало с ними, можно только гадать.

Рис. 4.25. Киевские Золотые ворота. Реставрация

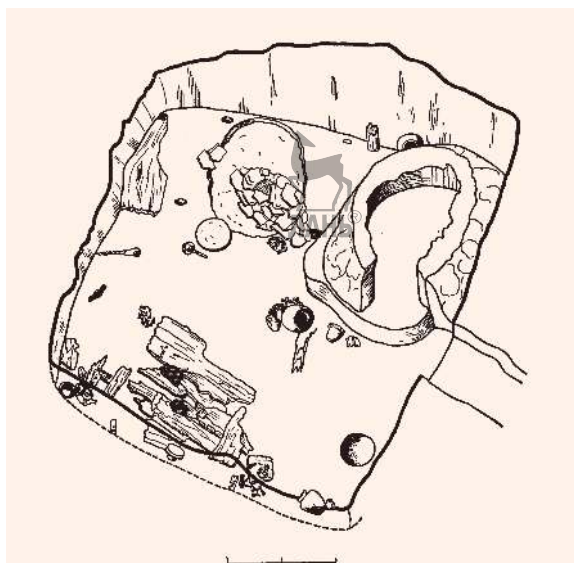

Рис. 4.26. Одна из киевских землянок

События и масштаб трагедии тех дней были раскрыты при раскопках одного из древнейших киевских соборов – Десятинной церкви (рис. 4.27). Пытаясь спастись от погрома, большая группа киевлян заполнила церковь. Однако жаждавших попасть внутрь было так много, что вместиться уже было невозможно, и многие полезли на крышу, но церковные своды не выдержали веса. Вместе с людьми они рухнули вовнутрь собора, погребя всех под завалом.

В раскопках открылась еще одна деталь. Совершенно отчаявшаяся группа людей, до завала или после него, решила прорыть ход к отрогу Днепра. В их распоряжении оказалось несколько ведер и лопат. Удалось прорыть около 2 м, но этого было недостаточно. Они погибли вместе со всеми, среди которых был и ювелир. Он прихватил самое важное для него – формочки для отливки металлических украшений. Одна формочка оказалась без второй половинки. Видно, мастер в спешке не смог ее найти. Но ее нашли археологи. На ней было процарапано имя владельца – Максим.

Рис. 4.27. Десятинная церковь. Реконструкция

В Киеве в наиболее блестящем виде представлена вся история древнерусской архитектуры, ее эволюция и важнейшие этапы. Она, естественно, зародилась на византийской основе и первыми строителями храмов были греческие бригады. Впрочем, как прилежный ученик, она не только усвоила заданный урок, но и очень скоро с блеском создала свой стиль и школы. Шедевр древнерусской архитектуры – киевский Софийский собор (рис. 4.28), по своему названию и облику ставший как бы двойником, «дитем», знаменитой константинопольской Софии. Многоглавая, со сложным планом, по своим масштабам киевская София уступала константинопольскому образцу, но оставалась крупнейшим храмом Руси. Она откровенно выражала амбиции русских князей на право стать «третьим Римом».

Рис. 4.28. Софийский собор в Киеве. Реконструкция

Киевский Софийский собор несколько раз подвергался перестройке и значительно утратил первоначальный облик.

Тем не менее сохранились ее древняя часть, великолепная мозаика и фрески. Мозаика содержит 177 оттенков. На фресках, кроме обязательных религиозных сюжетов, имеются рисунки, представляющие светскую, настоящую народную живопись. Изображены музыканты, танцоры, скоморохи, акробаты, охота.

Этот очень дорогой храм свидетельствует о возможностях киевских князей. Они смогли пригласить из Византии архитекторов, художников и артели строителей. Нужно было также создать крупные мастерские по производству громадного количества строительных материалов, разнопрофильных плинф, разноцветных стеклышек, организовать добычу и подвоз глины для кирпича и извести для приготовления связующего раствора. Можно представить, какими колоссальными богатствами обладали князья, позволившие себе оплатить это строительство.

Двойником Киева, второй столицей Руси по праву считается Новгород. Его раскопки принесли славу археологической науке. Они начались в начале 30-х гг. XX в., а после окончания Великой Отечественной войны продолжают ежегодно. До войны археологи практически впервые столкнулись с городскими раскопками с мощнейшим культурным слоем, прекрасно сохранившим остатки деревянных построек и разнообразнейшие предметы из органических материалов: дерева, кости и кожи. Возникла необходимость осваивать новую методику раскопок.

Довоенные раскопки начались на месте, сохранившим название Ярославово дворище. Известно, что Ярослав, прозванный позже Мудрым, до переезда в Киев в 1034 г. в течение 14 лет был новгородским князем. Здесь он написал знаменитую «Русскую Правду» – первый на Руси уголовный и процессуальный кодекс. Перейдя на княжение в Киев, он сохранил за собой и Новгородское княжество и по завещанию передал сыну, новому киевскому князю Изяславу. Не без основания археологи предполагали, что Ярославово дворище было местом, где находился дворец Ярослава Мудрого. В слоях XI в, соответствовавших времени его правления, были обнаружены остатки большой постройки из толстых дубовых бревен. Руководитель раскопок А. В. Арциховский решил остановить их. Позже

он напишет, что сделал это сознательно, чтобы будущие археологи, которые разработают более совершенную методику, раскопали бы этот памятник.

Новгород сильно пострадал за время войны. Приехавший в него после освобождения от немецких оккупантов, Арциховский сумел оградить забором большой участок древнего Новгорода, называвшийся Неревским концом, и не пустил туда строителей, зарезервировав его для археологических раскопок. В 1947 г. там начались раскопки, осуществлявшиеся Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова и Институтом истории материальной культуры Российской академии наук. По масштабам и длительности они стали крупнейшими в мире, а также местом прохождения археологической практики не только студентов исторического факультета МГУ и настоящей школой для археологов, в том числе зарубежных. Раскопки привели к великолепным открытиям. Они пришили на одну из самых древних улиц — Великую, которая вела к городскому детинцу. Улица показана на сохранившихся планах города, составленных до екатерининской перепланировки города. Выяснилось, что улица периодически обновлялась настилом (в среднем через каждые 20 лет). Быстро нараставший культурный слой, каждый год прибавлявший по сантиметру, поднимался выше уровня мостовой, и это обстоятельство, а не только ее изношенность, принуждало горожан поверх старой мостовой укладывать новый настил. Выявлен 31 такой настил, из которых 28 превосходно сохранили дерево.

Они стали основой стратиграфического членения новгородского культурного слоя на отдельные горизонты, названные ярусами, каждый из которых соответствовал одной конкретной мостовой (рис. 4.29). Соответственно, все обнаруженные уличные и дворовые постройки, а также найденный вещественный материал были распределены по ярусам. Возникла возможность все, что было открыто и найдено, изучать в развитии, проследить эволюцию вещей, появление и исчезновение отдельных типов. А главное — датировать их. Даты мостовых и соответственно ярусов первоначально были определены достаточно точно. Это стало возможным благодаря большому количеству хорошо датированных предметов — монет и свинцовых пломб, которые периодически чеканились новгородскими посадниками. Их точное время правления можно было установить по сохранившейся Новгородской летописи.

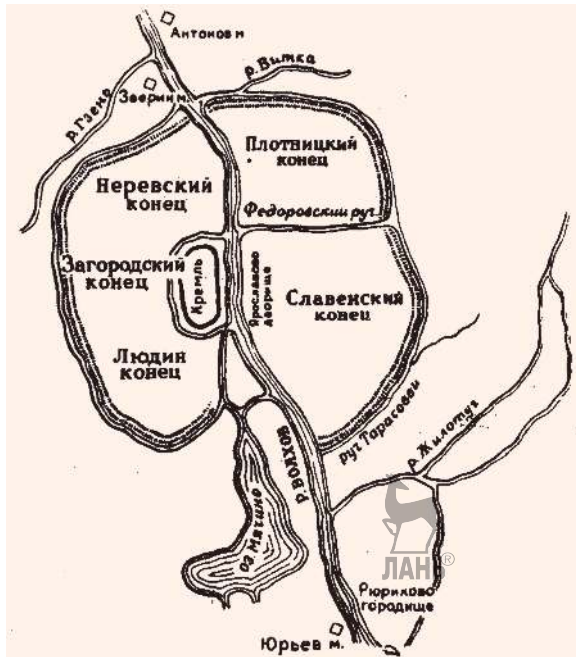

Рис. 4.29. План древнего Новгорода

Использованный учеными дендрохронологический метод определения дат по годичным кольцам деревянных настилов позволил с точностью до года установить, сколько лет просуществовал каждый настил, пока не был перекрыт следующим. Так была определена относительная хронология новгородских древностей. Однако на этом ученые не остановились.

В Новгороде сохранились каменные соборы или их фундаменты, точная дата возведения которых отмечена в Новгородской летописи. Археологи аккуратно подкопались под них и обнаружили деревянные лежни, специально уложенные под фундаменты, чтобы те не давали осадку. С этих лежней сняли спилы и получили точные астрономические даты годичных колец того времени, установив по ним даты всех новгородских ярусов. Это был фантастический успех.

Так удалось определить данные абсолютно всех настилов и, соответственно, найденных в раскопках вещей. Новгородские даты древнерусских предметов предоставили великолепные возможности для датирования всех аналогичных находок, а по ним и объектов древнерусских памятников за пределами Новгорода.

В новгородских раскопках, пожалуй, было найдено почти все, что изготавливалось и что использовалось на Руси, и при этом – в огромном количестве. Хорошая сохранность древесины в многометровом культурном слое и большая площадь, вскрытая раскопками, позволили собрать большую и ценнейшую коллекцию изделий из дерева: домашнюю утварь, мебель, посуду, ковши, ложки, ведра, бочки и корыта, лопаты, детали верхних частей построек, лыжи и сани, лодки с уключинами и веслами, резные колонны и оконные наличники постройки знатного горожанина и многое другое. Раскопаны также усадьбы известных новгородских деятелей, дом художника.

Особый интерес представляют деревянные детали от различных механизмов. К примеру, ткацких и токарных станков, по которым стало возможным сделать их реконструкции (рис. 4.30).

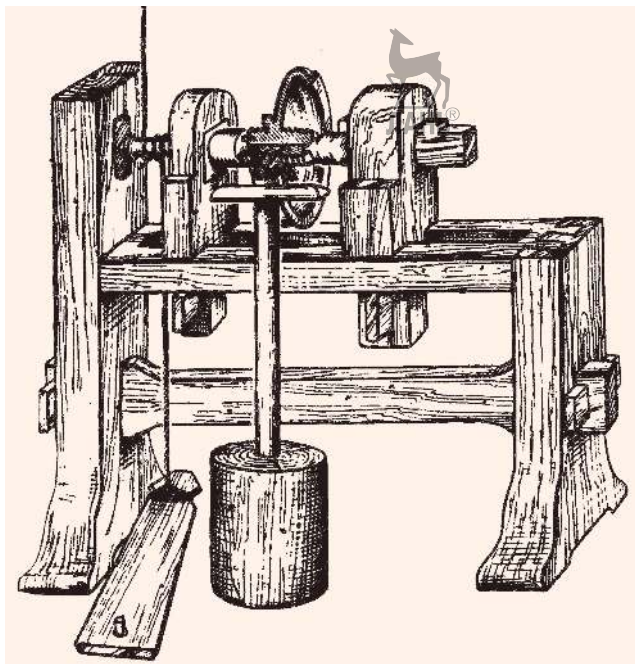

Рис. 4.30. Реконструкция токарного станка по материалам новгородских раскопок

Рис. 4.31. Учебная дощечка

В 1951 г. в Новгороде была найдена первая берестяная грамота — письмо, написанное (процарапанное) на березовой коре (сейчас их известно уже свыше тысячи), что стало открытием мирового масштаба. Выявлен совершенно новый вид исторического и лингвистического источника. Возникла особая наука — берестология. Значение находки невозможно переоценить, поскольку был услышан живой древнерусский язык, узнали о личной жизни людей, прочли любовные записки, письма мужа к жене, просьбы о помощи несчастной женщины, грамматические упражнения ученика, деловые письма, сообщения о криминальных случаях и многое другое.

Интересна серия грамот мальчика Онфима. Свое имя он указал на одной из собственных записок. Одна грамота представляет выполнение учебного задания: на одной строчке повторяется слог *ба*, на другой — *бе*. Это, как

считают, пример слогового обучения грамоте. Другая, принадлежавшая тому же автору, записка гласит: «Привет другу максиму онфим». Когда ему надоедало писать, он рисовал. Как и всякий мальчик, он представлял себя воином. На рисунке показана лошадь, на ней всадник в шлеме, очевидно, сам Онфим, поражающий копьем врага. Полагают, что мальчику было 7–8 лет, когда детей начинали обучать грамоте. Система обучения представлена и другими материалами. Найдены специальные дощечки, у которых одна сторона гладкая, а на другой вырезаны все буквы алфавита в принятом порядке (рис. 4.31). Гладкую сторону покрывали воском. Ученик смотрел на буквы и писал по воску специальным приспособлением для письма — писалом (рис. 4.32). Один конец его был острым, второй представлял лопаточку, которой мог стереть (загладить) написанное. В Новгороде была открыта школа на 300 человек.

Интересны и трогательны частные письма. В одном муж, уехавший на сенокос, пишет жене: «Пришли рубаху, рубаху забыл. Да пришли чтения доброго». Кто бы мог подумать, что и в те времена некоторые люди не могли обойтись без чтения.

До слез жалобное письмо пишет несчастная женщина своему брату, жалуясь, что муж привел в дом другую женщину, и они издеваются над ней. Она просит брата о помощи.

Одна грамота рассматривается как брачное предложение: «От Никиты к Улиаанице. Приди ко мне. Хоцю тебе, а ты мене. А на то послу Игнато». Жених так волновался, что в имени возлюбленной допустил грамматическую ошибку.

Если у Никиты и Ульяны в сердечных делах полное согласие, то другая грамота рассказывает о любовном конфликте. Страдающая от любви молодая женщина пишет своему возлюбленному (дается в переводе на современный язык): «Я посылала к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату. Неужели тебя задело тем, что посылала к тебе? А тебе, я вижу, не любви. Если бы тебе были любви, ты бы вырвался из-под людских глаз и пришел. Если же я тебя, по своему неразумию, задела, если ты начнешь надо мной насмехаться, то пусть судит тебя бог и моя худость». Письмо написано в 80-х гг. XI в.

Одна грамота представляет коллективную жалобу боярину на управляющего. В ней говорится, что если хозяин не поможет, то они вынуждены будут уйти от него. (В то время бегство крестьян представляло одну из форм протеста против феодальной эксплуатации.)

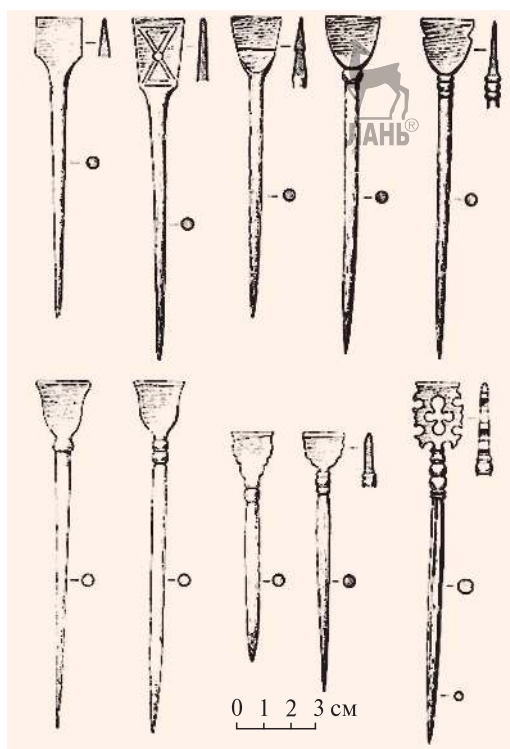

Рис. 4.32. Древнерусские писала. Прорись

Другая, принадлежавшая настоящему ростовщiku, иллюстрирует перечень его должников. Это первый исторический документ, в котором говорится о существовании ростовщичества на Руси.

Обнаружена грамота с несколькими именами. Предполагается, что это избирательный бюллетень. Еще одна содержит криминальное сообщение о том, что на улице обнаружен труп мужчины.

Новгородские берестяные грамоты (рис. 4.33) открыли неизвестный до этого живой мир простых людей с их радостями и горем. Замечательно то, что их авторами были люди различного пола, происхождения, общественного положения и возраста. А. В. Арциховский очень образно описал свое ощущение, когда ему поднесли первую берестяную грамоту: буквы сложились в слова. Слова — в предложения. Впечатление было потрясающим — казалось, сами новгородцы заговорили с нами из-под земли.

Теперь грамоты найдены и в других городах: Пскове, Твери, Смоленске, Старой Руссе, Торжке, Москве, Рязани, Витебске, Мстиславле.

Рис. 4.33. Берестяная грамота

В Новгороде найдена самая древняя русская книга, написанная на трех липовых дощечках размером 16×15 см, покрытых слоем воска. Подобно страницам книги, дощечки скреплялись между собой шнуром или кожаной полоской. Для этого на них имеются специальные отверстия. Острым концом писала по воску написаны псалмы, по которым на Руси учились читать и писать. Одна табличка исписана с двух сторон. Значит мы имеем четыре страницы текста.

Книга найдена в культурном слое конца X — начала XI в. Радиоуглеродный анализ воска подтвердил дату. По дощечкам и зашлифованным отверстиям для шнурка видно, что книгой пользовались долгое время. Ее читали, наверное, первые поселенцы города. Книга не только показатель высокой грамотности на Руси, но и образец самого древнего славянского письменного документа.

Одна, состоящая из четырех слов, грамота заслуживает отдельного упоминания. В ней говорится: «Литва встала на Карелу». Предполагается, что это своего рода агентурное сообщение о состоянии дел у давнего противника Новгорода полоцкого князя Всеслава Брючиславича, который в это время скрывался в Кореле на берегу Ладожского озера после того, как бежал из Киева. Возможно, он замыслил снова напасть на Новгород, но между ним и его союзниками литовцами произошел какой-то конфликт. Грамоту датируют 1069 г. Это уже настоящий исторический документ.

Все это показатель высокой культуры и достаточно широкого по тем временам уровня грамотности. Ученые посчитали, что на Руси было 2 % грамотных. Много это или мало видно в сравнении. В XVIII в., во времена просвещенного абсолютизма Екатерины Великой, один грамотный приходился на две тысячи неграмотных. Дочь Ярослава Мудрого Анна вышла замуж за французского короля и подписывала документы: «Анна королева Франции». Ее же супруг, король Франции, не знал ни одной буквы.

Великое значение археологии Новгорода состоит и в том, что он избежал монгольского разорения и это обстоятельство дает возможность проследить развитие города в условиях монгольского ига.

Во второй половине XII в. политический центр переместился в северо-восточную часть Руси. Уже в XI в. после расселения и освоения славянами обширных лесных пространств в Северо-Восточной Руси, возникают и быстро набирают силу города Владимир, Суздаль, Ростов, Кострома, Галич, Юрьев и Москва, которой позже было суждено стать столицей великой державы. Они прославились своей неповторимой белокаменной архитектурой. Их великолепные памятники в полной мере демонстрируют высшие достижения того времени в культуре, строительной технике, зодчестве и искусстве. Музыкой в камне называют архитектурные памятники этих городов, многие из которых рассматриваются в качестве мировых шедевров. Они составили главную достопримечательность Золотого кольца для десятков тысяч туристов, ежегодно посещающих упомянутые города.

Великий князь Андрей Боголюбский перенес свою резиденцию во Владимир и провел там большие строительные работы. Расположенный на холмистой местности, на высоком берегу Клязьмы, город был окружен высоким земляным валом с бревенчатой крепостной стеной на его гребне. В город можно было проникнуть через белокаменные ворота, расположенные на западном и восточных краях крепости. Западные парадные, как и в Киеве, назывались Золотыми (рис. 4.34). Они были построены в 1164 г. и представляли мощную каменную башню с широким арочным проездом, закрывавшимся дубовыми створчатыми воротами. Ворота были оббиты медными, отливавшими золотом пластинами. Отсюда, вероятно, и их название. Над воротами устроены боевая площадка и помост, откуда велась оборона города. Подступивший к воротам неприятель подвергался интенсивному обстрелу сверху, на его головы обрушивался град камней и кипятка (вар). На вершине башни стояла небольшая надвратная церквушка. Восточные Серебряные ворота, от которых начиналась дорога на Суздаль, к сожалению, не сохранились.

Рис. 4.34. Владимирские Золотые ворота

В центре города у реки был построен окруженный деревянной стеной и каменными башнями детинец, где находились дворцы князя и епископа. В конце XII в. брат и наследник Андрея Боголюбского Всеволод Большое Гнездо обнес детинец сплошной стеной из белого камня.

Главной кафедральной церковью являлся Успенский собор, сооруженный из белого камня в 1161 г. (рис. 4.35). Его наружные и внутренние стены были покрыты резьбой, а пол выложен цветными майоликовыми плитками. Храм воплотил в себе черты нового типа белокаменной архитектуры Руси.

В 1185 г. собор сильно пострадал от вспыхнувшего и охватившего город пожара. Церковь была не только восстановлена, но и реконструирована. По замыслу князя и зодчих, она должна была стать главным собором Руси и достойным конкурентом киевской Софии. Храм был обнесен новыми стенами из белого камня, что значительно увеличило его размеры. В прежних стенах проделаны широкие арки, а оставшуюся часть стен превратили в дополнительные внутренние столбы. Новые наружные стены украшены рельефной резьбой и фресками. Позже, в начале XV в. собор будет расписан гениальным Андреем Рублевым.

Рис. 4.35. Успенский собор во Владимире

Претерпела изменения и его верхняя часть: из одноглавого собора он был превращен в пятиглавый. По углам были выстроены четыре главы меньшего размера, чем прежняя центральная. Почти в неизменном виде владимирский Успенский собор сохранился до наших дней. Великолепный Успенский храм в полной мере соответствовал новому статусу Владимира как главного города Руси – ее новой столицы.

Не имеет подобных в мировой архитектуре, построенная в 1197 г. как часть дворцового ансамбля, небольшая одноглавая, четырехстолпная Дмитриевская церковь. К сожалению, дворец не сохранился. Верхняя часть стен над поясом резных колонок была сплошь покрыта 566, вырезанными в камне, рельефными изображениями, из которых ни один не повторяет другого (рис. 4.36). Рисунки религиозного характера составляют всего 8 %. Остальные – буйная фантазия художников, перенесших на камень сюжеты народной художественной резьбы по дереву. Некоторые выделены медью и позолотой. На стенах изображены какие-то животные кошачьей породы, разгуливающие среди тонких трав и цветов. Имеются крылатые звероподобные грифоны с птичьими головами, обхватившие друг друга борцы в позе, по которой можно узнать борцовские приемы. Показана группа несущихся конных воинов с поднятыми, готовыми к бою мечами. Нашел место и легендарный Александр Македонский – любимый персонаж средневековой литературы. Вверху, на южной стене собора он изображен верхом на двух грифонах, возносящимся в небо. Имеется и барельеф сидящего на троне в окружении подданных, великого князя Всеволода.

В расположенном недалеко от Владимира небольшом городе Боголюбове даже улицы были вымощены плитами из белого камня и содержались в чистоте. В нем сохранилась дворцовая башня, на лестнице которой заговорщиками был убит князь Андрей Боголюбский.

В XI в., на сто лет раньше, чем она попала на страницы летописи под 1147 г., возникла, как показали раскопки, Москва. Первые археологические древности о городе были получены в результате наблюдений за земляными работами при строительстве московского метрополитена. Научные археологические раскопки начались только после Великой Отечественной войны. Как они показали, город возник на правом берегу р. Москвы при впадении в нее около Москворецкого моста теперь уже несуществующей р. Неглинки. Вплоть до XV в. территория города ограничивалась территорией современного Кремля и частью Китай-города.

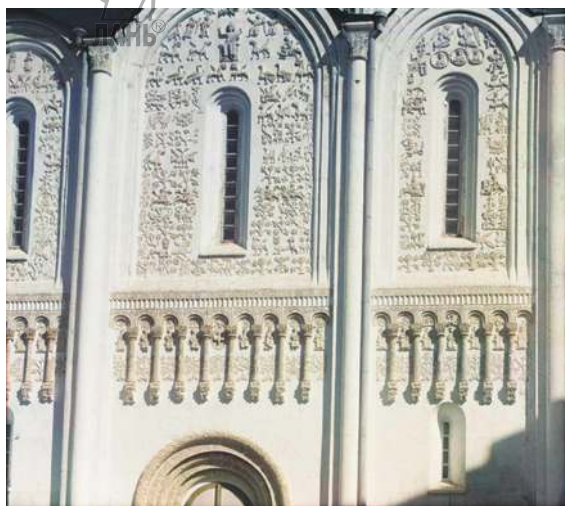

Рис. 4.36. Одна из стен
Дмитриевского собора во Владимире

Большие археологические раскопки проведены на территории Зарядья между улицей Разина и Москвой-рекой во время строительства бывшей гостиницы.

Здесь находился один из древнейших районов города. Раскопками выявлен культурный слой XI–XII вв. Были найдены характерные для древнерусского города стеклянные браслеты, хрустальные и сердоликовые бусы, наконечники стрел, обломки керамики, покрытой зеленой поливой. Интересна находка свинцовой торговой пломбы XI в. с клеймом одного из южногерманских городов.

Установлено также существование здесь различных ремесел: металлургических, кузнечных и кожевенных. В этом районе формировался мощный ремесленный центр, получивший дальнейшее развитие в XIV–XV вв. Район Зарядья получил название Великого посада. От него в сторону Кремля прошла улица Великая, само название которой говорит о значении района в развитии города и формировании его территории.

В истории Руси XIII в. был отмечен драматическими событиями. Страна стала жертвой монгольского нашествия. Первым большим русским городом, захваченным и полностью уничтоженным монголами, в 1237 г. стала Рязань. Тогда город находился в 50 км к югу от современной Рязани, называвшейся Переяславлем. Рязанцы отказались пропустить через свою землю войско Батюга к бывшей столице Руси – Владимиру, и ее воины почти все пали в сражении с превышавшими их по численности более чем в десять раз, монголами. Мирные жители были перебиты, а город разграблен и сожжен. После этого Рязань больше не восстановилась. Раскопками обнаружены окружавший город вал и остатки деревянной крепостной стены, жилые и хозяйственные постройки, большая домница. Найдено множество хозяйственных и бытовых предметов, а также несколько богатых кладов, содержащих золотые и серебряные вещи. Среди них – очень крупные золотые колты с эмалью, на которых изображены князья Борис и Глеб в характерных для княжеского наряда высоких шапках с меховой опушкой.

Выявлены фундаменты церквей. Их стены возводились из плитчатого кирпича – плинфа.

Кроме того, не только Рязань была разгромлена и уничтожена. Подобная судьба постигла и некоторые другие города. На украинской Волини в 1242 г. был полностью уничтожен Изяславль. Место, где он когда-то находился, было раскопано археологами, представив жуткую картину. Обнаружили, по-видимому, незакопанные трупы жителей города и монголов, иногда вперемешку. Антропологи получили обильный материал для исследования. Удалось даже определить, какими болезнями тогда болели люди. От самого города сохранились только незначительные следы. Зато был получен громадный вещевого материал, который вывозился ящиками. После тотального разгрома никто не вернулся, и все осталось археологам. Похоже, что даже из соседних поселений никто не попытался собрать оставшееся имущество, среди которого было много пригодных для использования, в частности, сельскохозяйственных орудий и, конечно, бытовых вещей.

После того как весь культурный слой был снят и зачищен материк, на его светло-желтом фоне повсюду были заметны небольшие темные пятна, обычно это бывает культурный слой, заполнявший ямы или ямки. Когда стали осторожно извлекать оттуда темный грунт, выяснилось, что в них закопаны женские украшения. В последние часы жизни городка женщины снимали свои скромные украшения и прятали в неглубоких ямках в надежде выжить и вернуться к ним, но никто не вернулся. Все население города было истреблено.

Монгольское нашествие нанесло громадный урон экономике и культуре Руси. Были совершенно уничтожены или сильно пострадали многие города и деревни. На долгое время пришли в полное запустение многие южные области страны. Периодически повторялись грабительские походы монгольских отрядов, собиравших дань и уводивших в плен ремесленников, женщин и детей. Практически прекратилось изготовление многих предметов христианского культа: энколпионов, высокохудожественных резных каменных иконок, которыми славилась киевские художественные мастерские.

На несколько веков исчезло то, что принесло славу русскому ювелирному ремеслу — техника зерни и перегородчатой эмали. Производство стекла сохранилось только в некоторых городах, избежавших монгольского разорения. Однако оно было несопоставимо ни по качеству, ни по масштабам производства с киевским стеклоделием. Почти полностью исчезли столь популярные у городских женщин стеклянные браслеты. Монголы разрушили волынские мастерские, изготавливавшие шиферные пряслица, по находкам которых в археологии определялись древнерусские культурные напластования, а картографирование шиферных пряслиц дает точное представление о реальных границах Древнерусского государства. Из-за своей популярности, как в городе, так и в деревне, они стали символом, «брендом» древнерусской народной культуры.

В большинстве городов прекратилось монументальное храмовое строительство.

Было подорвано сельское хозяйство, особенно страдавшее от разорительных поборов. До XIV в. возрождение страны шло крайне медленно.

15. Владельческие замки

Новым и особым типом поселения, распространившегося на Руси и которого не знала предшествовавшая историческая эпоха, стали владельческие феодальные замки. Новые земельные собственники — бояре — уже не живут на одном поселении с общинниками, а предпочитают селиться отдельно. Если для поселка сельской общины было присуще неукрепленное село, то местом обитания феодала становится изолированный от села укрепленный двор-замок, стены которого должны были защищать владельца и его добро не столько от чужеземцев, сколько от попавших в зависимость от феодала смердов. Боярский двор с зависимыми от него селами составлял феодальную вотчину. Древняя Русь состояла из нескольких тысяч таких крупных и мелких вотчин, живших самостоятельной жизнью. Их административными, экономическими и политическими центрами были княжеские и боярские замки со своими правителем, хозяйством, войском, неписанными законами и уставами. Это были первичные клетки, из которых состоял древнерусский «феодальный организм» — микроскопические государства в государстве. Неприкосновенность боярских вотчин была непременным условием их нормального функционирования. Замки в высшей степени отвечали характеру нового феодального общества, его структуре.

Нехватка на Русской равнине строительного камня сделало Русь деревянной. На долгие времена дерево в ней стало основным строительным материалом. Подобно городским и сельским поселениям, древнерусские замки отстраивались из дерева. Построенные из недолговечного материала загородные хоромы феодалов, в отличие от западноевропейских рыцарских замков из камня, никак не могли сохраниться до наших дней. Некоторые историки, ссылаясь на природные особенности Восточной Европы, выражали даже сомнения в существовании на Руси феодальных замков. Однако не строительный материал определял наличие или отсутствие в стране боярских дворов.

Почти полное отсутствие на Руси каменных замков западноевропейского типа совсем не означает, что здесь вообще не было боярских усадеб-замков. Об их существовании убедительно свидетельствуют прежде всего письменные источники, в которых они выступают под разными названиями: дом, двор, град.

Необходимость изучения этого важного типа поселений как одного из оригинальных источников по истории русского феодализма, в наилучшей степени отражающего быт и культуру феодалов, не вызывает сомнений. И уже в 30-х гг. XX в. в советской археологии поставили задачу их изучения. Остатками древнерусских замков предложили считать те небольшие, но хорошо укрепленные земляными валами и рвами городища древнерусского времени, которые повсюду встречаются на территории бывшей Киев-

---

ской Руси. Из-за малых размеров они не могли быть остатками городов, а также остатками поселений сельских общин, для которых характерны неукрепленные селища. Однако до систематических крупномасштабных раскопок боярских усадеб тогда дело не дошло. Внимание было приковано к городам, которые являлись основными местами сосредоточения ремесленно-торговой и культурной жизни и раскопки которых давали наиболее яркое представление о Древней Руси и ее месте в ряду средневековых государств Европы.

Проведенные после войны обследования и раскопки феодальных замков позволили выделить и обосновать отличительные признаки памятников этого типа.

Исходя из чисто внешних признаков, к замкам было предложено относить только городища, площадь которых составляла не более 1–2 га, если большая территория – к городам. Отличительной чертой также считали незначительную мощность культурного слоя. К числу внешних признаков, присущих некоторым замкам, возведенным на плоской местности, исследователи относили их ярко выраженную геометрическую форму. Форма подобных замков была независима от рельефа местности и придавалась искусственными валом и рвом. С военной точки зрения, такие поселения обладали несомненным преимуществом, поскольку при организации обороны обеспечивали наибольшую плотность стрельбы. Особенно это касается круглых в плане замков. Однако несмотря на эти преимущества круглые замки не получили на Руси широкого распространения.

Тем не менее одних внешних признаков для определения замков недостаточно. Археологические исследования позволили более детально установить их признаки.

Специфика состава находок из раскопок владельческих усадеб, отражающих культуру и быт их владельцев, не вызывает сомнений и легко объяснима. Набор предметов, которыми пользовалась боярская семья, конечно, отличался от того, что было свойственно рядовому селянину. Давно замечено, что один из археологических признаков феодальной усадьбы – присутствие в вещевом материале привозных амфор. Практически все исследователи в качестве отличительной черты также называют городской характер его материальной культуры, присутствие в ней дорогих золотых и серебряных украшений и большое количество рыцарского оружия.

Отмечается и имущественное неравенство среди обитателей замков, поскольку кроме состоятельных хозяев в них проживали прислуга, личная охрана и другие служилые люди. Вместе с тем при сходстве замковой и городской культур, феодальные усадьбы отличались не только размерами и количеством обитателей, но и несопоставимо низкими, по сравнению с городом, степенью развития ремесла и качеством продукции.

Специфичной является застройка и внутренняя планировка замка: отсутствовала уличная застройка. К тому же для рядовых «бояр по селам» не по средствам было возведение каменных храмов.

Итак, перечислим основные признаки замков:

- 1) обязательное наличие укреплений;
- 2) территория не должна превышать 3–4 тыс. м²;
- 3) присутствие в материальной культуре предметов вооружения воина-всадника и оснащения боевого коня;
- 4) городской характер бытовых предметов и украшений (в частности, наличие стеклянных браслетов, предметов зарубежного импорта);
- 5) свидетельства имущественной дифференциации обитателей замка;
- 6) неразвитость ремесленного производства;
- 7) отсутствие ремесленно-торгового посада.

Данные положения помогают выделять феодальные замки среди массы поселений иного типа. Однако проследить все это и получить исчерпывающее представление о самом замке, его застройке и материальной культуре возможно только раскопками большими площадями.

Подобно тому как неоднородно было сословие феодалов по имущественному и политическому положению, столь отличны между собой и их поселения. Среди них четко выделяются две основные группы: княжеские замки и укрепленные боярские дворы, или замки сельского типа — «замки по селам».

Княжеские замки наряду с городами нередко фигурируют в летописях, и обычно, когда другие источники отсутствуют или недостаточно информативны, их называют малыми городами, но по основным признакам они практически ничем не отличаются от обычных замков феодалов. К их числу, по-видимому, относятся прежде всего поселения, упоминаемые в летописях как города временного пребывания князя, как место коротких встреч с другими князьями.

Княжеские замки могли выполнять военно-административные функции, быть летними резиденциями князей, местами охотничьих развлечений и переговоров.

Примером можно назвать Любеч, материалы раскопок которого позволили воссоздать впечатляющий образ поселка сложной застройки объектами различного функционального назначения. Замок был раскопан почти полностью, и серией остроумных решений и расшифровкой полученных результатов удалось реконструировать его облик (рис. 4.37).

Место расположения древнего замка — холм Замковая гора. Крайне малые размеры площадки определили характер его весьма плотной застройки.

Замок был отделен от плато сухим искусственным рвом, и попасть в него можно было только пройдя по узкому мосту. Прямо за мостом находилась мостовая башня, минуя которую, вверх на замок вела узкая, замощенная дорога, огражденная по сторонам стеной. Перед замком — запирающиеся ворота. За ними, состоявшими из двух бревенчатых башен, располагался небольшой дворик с помещением для стражи.

За ним близко друг к другу стояли замковые постройки (тоже из дерева). В 1147 г. они все сгорели во время сильного пожара. Однако тщательные стратиграфические наблюдения в процессе археологических раскопок позволили проследить череду прослоек, связанных с межэтажными подсыпками, что позволило подсчитать количество этажей в них. Было установлено, что некоторые имели четыре и даже пять этажей.

В глубине двора стояла самая высокая постройка — изолированная от других сторожевая четырехэтажная башня типа европейского донжона, контролировавшая все пространство Любечского замка, что эффективно защищало подступы и могло быть последним убежищем для жителей и защитников. Под ней имелись ямы-хранилища для воды и продовольствия. В подвале нашли спрятанные золотые и серебряные изделия. К слову, только через башню можно было подойти к замковому дворцу.

Рис. 4.37. Любечский замок. Реконструкция

Княжеский дворец имел три этажа. Главный зал для приемов, совещаний и тризны находился на втором этаже. В нем можно было разместить столы приблизительно на сто человек. Стены украшали майоликовые блюда и рога убитых оленей и туров. В замке также имелась небольшая церковь со свинцовой кровлей.

Со стороны рва можно было выйти на стены оборонительного вала. Обнаружили подземные выходы за пределы замка.

Замок являлся резиденцией черниговского князя.

Особую группу замков составляют дворы-усадьбы рядовых феодалов, «бояр по селам». Однако в их обустройстве они, конечно, располагали меньшими возможностями. Более скромные, разбросанные по всей стране, владельческие дворы представляли своего рода маленькие столицы сельских микрорайонов. Бояре имели телохранителей и оруженосцев, собственное войско, с которым феодал выступал на войну по требованию более могущественного феодала.

К сожалению, древнерусские владельческие дворы-замки оказались наименее изученными.

Почти у всех замков мысового типа оборонительные сооружения были представлены валом, насыпанным с напольной стороны городища, и рвом.

Прослежено, что сельскохозяйственных орудий в составе полученных в раскопках находок значительно меньше, чем можно было ожидать. Возможно, имущество было сосредоточено не только в замке. Известно, что вокруг замков возникали владельческие села, где жили зависимые от боярина крестьяне, холопы и рабы. Вместе с замком села составляли единый комплекс. Можно предположить, что работавшие на феодала крестьяне пользовались собственными орудиями.

В летописи сохранился рассказ о разграблении одного из сел черниговского князя Игоря его противниками («Давыдовичами»): «Идоста на Игореве селче, идеже бяше устроиль дворъ добре; бе же ту готовизни много въ бретьиничахъ и в погребех вина и медуе, и что тяжкого товара всякого до железа и до меди не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давидовича же повелеста имати на возы себе и воемъ. И потомъ повелеста зажечи дворъ и церковь святаго Георгия и гумно его, в немъ же бе стоговъ 9 сотъ». В лесу, около другого владельческого села, Давидовичи забрали княжеский табун в 3 тыс. кобыл и 1 тыс. коней. Конечно, в летописи речь идет о княжеских селах. Достояние феодала средней руки было куда скромнее, однако различие в размерах не меняет общей тенденции. Нам трудно сравнивать величину имущества князя с тем, чем располагали владельцы замков сельского типа, но какое-то представление этот отрывок дает. Заметим, что в нем описано имущество только двух княжеских дворов, каких у него было много, и притом не его главной резиденции.

«Бояре по селам» были тесно связаны с городом. Многие из них имели собственные дворы в городах, периодически или постоянно проживали там, общались друг с другом и были приобщены к городской культуре. Они являлись основными потребителями качественной продукции городских ремесленников, особенно ювелиров, и привозных заморских товаров. Все это попадало и в их загородные замки.

«Дружина по селам» была основным потребителем и заказчиком всевозможных имитаций: медных и позолоченных подвесок, копирующих зернь и скань, медных и серебряных колтов и др.

При раскопках феодальных замков примечательно обилие таких типичных для горожанок массовых украшений, как стеклянные браслеты. Простые крестьянки их не носили, и даже, наверное, не потому, что были недоступны по цене. Просто у селянок не было такой «моды». Ношение стеклянных браслетов было культурной привилегией городской или связанной с городскими обычаями женщины — барышни-дворянки.

Помимо обычной кухонной глиняной посуды, изготовленной местными гончарами, обитатели замков пользовались привозной: нарядной поливной и стеклянной посудой. Столь же показательное использование медной посуды.

К числу особого рода находок, характеризующих быт не только княжеского замка, но и деревенской усадьбы феодала, отличающей ее по составу находок от обычного села общинников, следует отнести шахматные фигуры и писала. Наряду с изделиями древнерусского происхождения, в замки различными путями поступали предметы, попавшие на Русь в результате торговли с зарубежными странами.

Таким образом, материальная культура замков убедительно свидетельствует об особом положении этого вида поселения, о его принадлежности феодальному сословию Древней Руси.

Исследование замков, несомненно, помогает в изучении проблемы генезиса феодализма на Руси. Однако еще предстоит немало сделать. Так, мы пока не располагаем достаточной информацией об общем количестве замков на территории Руси, их локализации и плотности. Известно, что плотность в отдельных регионах была различной. Она выше, где были более развиты феодальные отношения (например, в Галицкой земле), и меньше в областях, в которых феодальный гнет был слабее и доля свободных общинников в структуре сельского населения – выше.

Есть основания предполагать, что функции замков со временем претерпевали некоторые изменения. С переходом Руси к феодальной раздробленности и обособлением отдельных княжеств, стремившихся к политической независимости, в условиях непрерывных столкновений между князьями появилась необходимость включения владельческих замков в общую систему обороны территории княжеств. Из этого – повышенные требования к конструкции укреплений, использование при их строительстве новейших идей и достижений в области фортификации.

Большой исторический интерес представляет вопрос о времени возникновения владельческих замков, поскольку с ним непосредственно связана и проблема генезиса древнерусского феодализма.

Установление точных дат любого археологического памятника, особенно поселения, функционировавшего длительное время, зависит в первую очередь от объема полученных датированных предметов. Очень важный материал дают также исследования оборонительных сооружений, позволяющих, в частности, установить, на каком этапе поселение становится укрепленным пунктом и, следовательно, может стать феодальным замком, если даже строительству укреплений предшествовал длительный период существования поселения на данном месте.

Большая часть замков Руси исследована недостаточными площадями, и датированного материала для хронологии некоторых из них явно не хватает. Потому некоторые даты о начале функционирования поселения как замка устанавливаются на основе массового керамического материала, который имеет особенно широкий временной диапазон. По этой причине предложенные даты некоторых замков могут быть приняты пока лишь условно.

Представляется недопустимым хронологически увязывать между собой культурные напластования древнерусского периода и дославянского, которые могут иметься в том или ином памятнике. Прямой связи между ними может и не быть. Неправильно начинать историю некоторых замков с эпохи, когда окончила существование предшествующая дославянская культура. Между славянским и дославянским периодами поселение могло не иметь обитателей.

Пока можно заметить, что все они существовали в XII–XIII вв., но есть немало оснований говорить, что некоторые появились на рубеже XI–XII вв. или даже во второй половине XI в. Вероятно, граница между данными веками – наиболее вероятная дата появления и распространения замков.

Феодальные замки сельского типа изучены плохо. Можно назвать, пожалуй, только два подобных памятника, раскопанных почти полностью. Оба находятся в Смоленской области.

Один из них – городище около д. Церковщина. Усадьба была устроена на древнем городище, которое местное население связывает с каким-то воином. Легенда послужила поводом отождествить городище с упомянутой в летописи под 1258 г. Вищиной, что не бесспорно. Так оно и вошло в археологическую литературу. Культурный слой составляет 50–80 см в центре городища и 120–150 см по краям. Нижний незначительный пласт остался от начального дославянского поселения с грубой лепной керамикой. Верхний целиком относится к древнерусскому периоду. Между первым и вторым заселением площадки прослежен временной перерыв. Во второй половине XII в. замок, по мнению его исследователя, был захвачен войском соседнего князя, разграблен и сожжен. Несмотря на плохую сохранность в культурном слое дерева и постигшую замок трагедию, только благодаря высокому искусству археолога удалось представить его образ (рис. 4.38).

Болотистая местность облегчала защиту поселений от нападений. Тем не менее она была усилена системой искусственных оборонительных сооружений – валом и деревянной стеной. В северной стороне, где городище защищено естественными крутыми склонами, вал отсутствовал. Он имелся только, где естественных защитных средств было недостаточно. Материалы свидетельствуют, что вал был насыпан в древнерусское время и связан с началом постройки феодальной усадьбы.

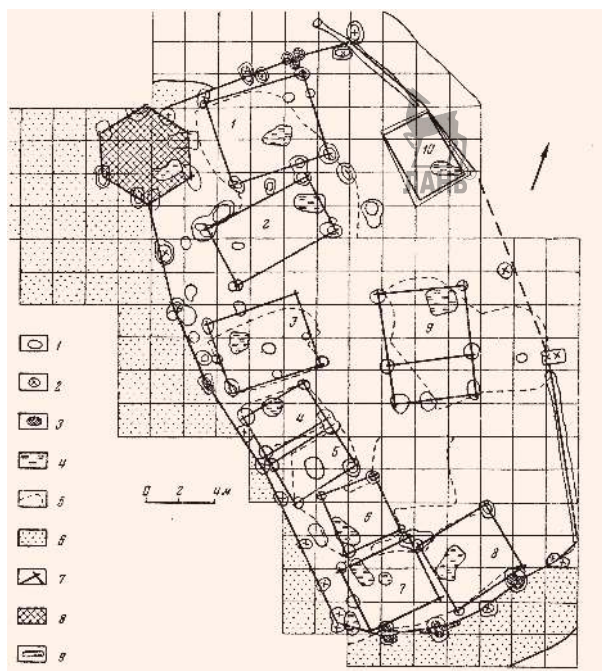

Рис. 4.38. План-реконструкция Вишинского замка

Интересно заметить, что деревянная стена, окружавшая усадьбу по всему периметру, была сооружена не по краю городища, а с внутренней стороны вала. Она состояла из горизонтально уложенных друг на друга в основном сосновых бревен, закрепленных между периодически вкопанными в землю периодически вертикальными столбами (стояками). Расстояние между парами стояков составляло от 2,5 до 3 м. Оборонительная стена подобной конструкции интересно изображена на одной из миниатюр Радзивиловской летописи.

В одном месте на валу были выявлены остатки шестиугольного деревянного сооружения, которое, по-видимому, было башней. Она могла выполнять функцию наблюдательного пункта, охранять подходы к въезду на усадьбу. Однако въездных ворот, возможно, и не было. В усадьбу входили, поднявшись по узкой тропинке, через калитку в северной части городища. Башня возвышалась над всеми постройками усадьбы, и по высоте могла соответствовать трехэтажному дому.

В раскопках выявлены следы десяти наземных жилых и хозяйственных деревянных построек, расположенных из-за очень малой площади городища близко друг к другу. Одна постройка, возможно, была двухэтажной. Большинство представлены срубами, но некоторые хозяйственные были столбовой конструкции.

Несмотря на то что хозяином двора был феодал, усадебные постройки отличались более чем скромным видом, далеким от наших, порожденных сказками, представлений о роскошных рыцарских замках. Полы жилых построек усадьбы находились очень низко, едва ли не на земле. В некоторых избах они вообще могли быть земляными. Предполагается, что крыша покрывалась соломой.

Между тем состав находок, несомненно, свидетельствует о социальном положении владельца, его принадлежности к классу «бояр по селам». В раскопках найдены предметы вооружения конного воина (рис. 4.39) и снаряжения боевого коня: наконечники копий и стрел, шпоры, стремя, удила. Найдено 58 обломков стеклянных браслетов и типичный признак феодального замка — фрагменты амфор.

Другая феодальная усадьба исследована около д. Бородинское. Она возникла на мысу, образованном небольшой речкой и глубоким оврагом. С напольной стороны была искусственно укреплена невысоким валом и рвом, глубиной до 3 м. Площадка городища возвышалась над поймой на 12–14 м и имела крутые склоны, что тоже служило естественной защитой. Но основным укреплением являлась деревянная стена, поставленная по всему периметру жилой площадки. Она была сделана из толстых бревен, зауженные концы которых были закреплены в пазах вкопанных в землю вертикальных столбов.

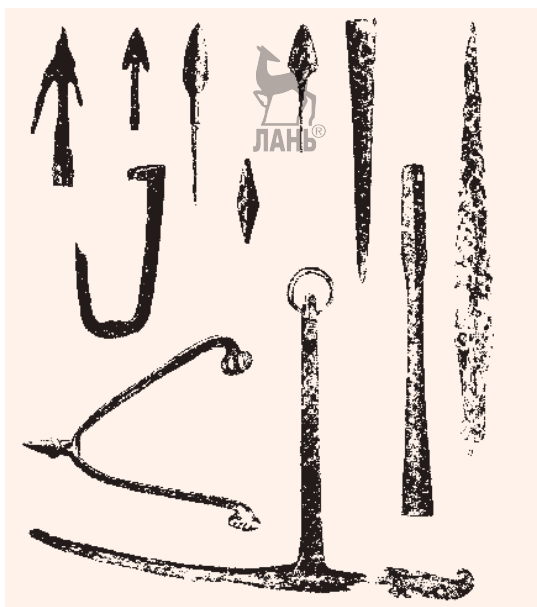
Культурный слой весьма небольшой — от 25 до 45 см, что можно объяснить малым числом проживавших людей. Было раскопано 1060 м². Памятник оказался однослойным.

К сожалению, никаких наружных частей построек не сохранилось. О застройке усадьбы можно судить только по следам от развалов печей и выявленным ямам от подвалов и погребков жилых и хозяйственных построек.

Подпольные ямы предназначались для хранения продовольственных запасов. Некоторые были глубиной до 3 м.

Большой жилой дом и несколько хозяйственных построек располагались в центральной части усадьбы.

На месте основного дома выявлена яма от подвала, где хранилось различное домашнее имущество. Среди найденных там вещей следует особо отметить бронзовую булаву с пирамидальными шипами. Это дорогой вид оружия, свидетельствующий о социальной принадлежности владельца. Он, несомненно, феодал. Это подтверждается и составом других находок: обрывок кольчуги, шпора, удила, серебряный перстень, два бронзовых браслета, стеклянные браслеты.

Рис. 4.39. Предметы вооружения,
найденные на Вишинском замке

В 2–3 м от жилого дома располагались хозяйственные постройки с погребами для хранения хозяйственного инвентаря (рис. 4.40). В них найдено семь серпов, пять из которых были совсем новые, две целые косы-горбуши, каменные жернова, обломок сошника, мотыга, ножницы, железная сковорода, несколько обломков замков, ключи.

Рис. 4.40. Орудия земледелия
из Бородинского замка

Интересно отметить, что в усадьбе, кроме семьи феодала и какого-то числа холопов, никто не проживал. Зависимые люди жили на расположенном поблизости селении. Усадьба датируется XII–XIV вв. Жизнь на городище, вероятно, прекратилась из-за мора.

Класс феодалов был неоднороден, и его представители сильно различались между собой по состоятельности и положению. Отличны, соответственно, и их загородные дворы. Рассмотренные сельские боярские усадьбы, возможно, принадлежали феодалам средней руки. Даже по соседству, в белорусском Поднепровье, частично контролировавшимся смоленскими князьями, имелись куда более впечатляющие владельческие замки.

ЛАНЬ®

Часть 2
 ЛАНЬ®

АРХЕОЛОГИЯ БЕЛАРУСИ

НАЧАЛО ЗАСЕЛЕНИЯ

16. Палеолит и мезолит

Палеолит. Появление на территории Беларуси первых людей определялось двумя важнейшими обстоятельствами: скоростью освоения человеком европейского пространства и состоянием естественной среды, обеспечивавшей необходимые условия для расселения и существования.

В раннем палеолите человек еще не достиг территории Беларуси, хотя природные условия для проживания в то время были вполне благоприятные.

Эпоха среднего палеолита в Европейском регионе приходится на рисский ледниковый период, когда вся территория Беларуси оказалась под толщей льда, на десятки тысяч лет исключившего возможность обитания человека. Следующий, валдайский ледник, совпавший с периодом позднего палеолита, достиг северных районов Беларуси. Его южная граница проходила близ современного смоленского поречья Днепра и верховьев Немана.

Наступление и отступление ледников приводило к сложнейшим геологическим трансформациям. Во время таяния бурные потоки воды размывали поверхностный слой земли, унося и оставляя его в других местах. Имевшиеся остатки древних стоянок также смывались или оказывались под толстым слоем ледниковых отложений. Найти после этого следы палеолитических стоянок крайне сложно. На территории Беларуси не было естественных пещер, где древнейшие люди обычно устраивали свои стойбища и которые меньше подвержены разрушению.

О времени появления на территории Беларуси первых людей существует два мнения: одни считали, что это произошло в среднем палеолите, другие — в позднем.

Первые полагали, что в период рисского оледенения происходили временные потепления климата и граница ледника отодвигалась к северу, освобождая какую-то часть территории, что становилась доступной для неандертальцев, продолжавших осваивать новые земли.

Был и другой чисто археологический аргумент: связывать появление здесь первых людей со средним палеолитом.

В разные годы случайно были найдены отдельные и изолированные артефакты из кремня, напоминающие мустьерские (рис. 5.1). Таких находок пока известно всего четыре: одна была найдена близ городского поселка Светиловичи, другая — в оврагах урочища Каменной Горы на р. Беседь, третья — близ д. Клеевичи и четвертая — около д. Обидовичи в Быховском районе.

В конце 20-х гг. прошлого столетия в археологической коллекции из раскопок позднепалеолитической стоянки близ д. Бердыж, недалеко от г. Чечерска, среди орудий труда оказались несколько обработанных кремней, а также небольшое рубильце, имеющее мустьерский облик.

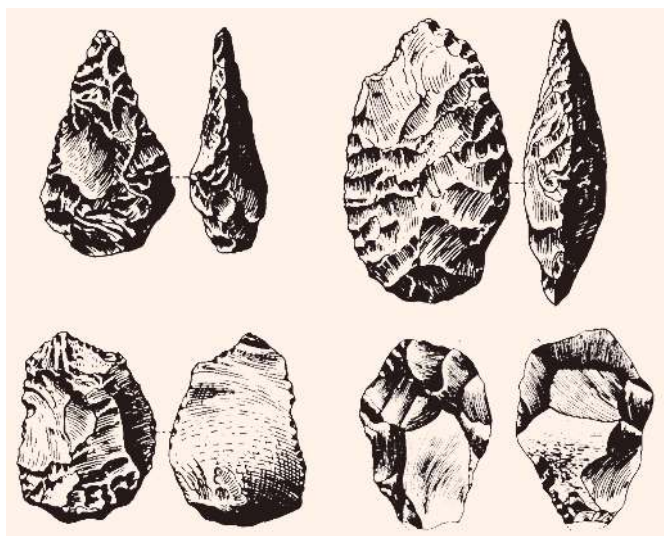

Рис. 5.1. Древнейшие палеолитические орудия

В 1953 г. были предприняты попытки отыскать в Бердыже мустьерскую стоянку (рис. 5.2). При раскопках был получен материал позднего палеолита, но некоторые отщепы и пластины, похоже, были сняты с нуклеуса мустьерского типа. В коллекции было выделено 17 скребел мустьерского облика. Эту часть материала предложено датировать второй половиной среднего палеолита. В обобщающих исторических трудах и учебниках появилась дата начала истории Беларуси — 100 тыс. лет, которая позже была еще больше удревнена в связи с передатировкой эпохи неандертальца, хотя напомним, что сам «автор» бердыжских раскопок относил найденные материалы к поздней стадии мустьерской культуры.

Однако проведенные в конце 50-х и 70-х гг. XX в. новые, более крупные и тщательные раскопки не подтвердили предположения о наличии в Бердыже мустьерской стоянки.

Все материалы относились к позднепалеолитическому комплексу. Находки мустьерского вида следует считать пережиточным явлением ушедшей эпохи. Пока не будет найдена настоящая стоянка с мустьерским культурным слоем, начало истории Беларуси следует связывать с поздним палеолитом — временем человека современного физического типа.

Рис. 5.2. Место Бердыжской стоянки

В Беларуси пока известны и частично исследованы две стоянки этого времени: Юровичская и Бердыжская. Обе они находятся на юго-востоке республики. Более древней стоянкой является Юровичская. Радиоуглеродный анализ позволил датировать стоянку 26 407 г. до н. э. Стоянка находилась на месте современной центральной части поселка Юровичи Калинковичского района Гомельской области, на левом берегу р. Припяти. Ее остатки сохранились на склоне оврага, спускающегося в долину реки, и обнаружены по скоплению крупных костей мамонта. В 1928 г. учитель местной школы сообщил о находке в Минск, и уже в следующем году на стоянке начались небольшие раскопки. После этого они были продолжены в 1931 г. и с перерывами в послевоенные годы. Всего раскопками вскрыта площадь несколько более 200 м². Выяснилось, что стоянка относится к позднему палеолиту, но ее культурный слой был смещен в сторону долины в результате таяния ледника в период послеледникового потепления.

На раскопанном участке оказалось довольно мало находок. Тем не менее в культурном слое удалось найти типичные позднепалеолитические артефакты из кремня: нуклеусы, скребки, остря, проколки, отбойник. Весьма интересной находкой является небольшая мотыга из бивня мамонта.

Найденные кости мамонта принадлежали приблизительно 20 особям, преимущественно молодым.

Вторая позднепалеолитическая стоянка была обнаружена раньше, в 1926 г., между деревнями Подлужье и Бердыж (Чечерский район Гомельской области). Ее назвали Бердыжской (23 430 ± 480 лет назад).

На нее также навело скопление костей мамонта на береговом склоне старого русла р. Сож. О нем было известно еще в дореволюционное время.

В небольших разведочных раскопках уже в 1926 г. был обнаружен типичный для позднего палеолита кремневый материал. Раскопки стоянки проводились в 1926, 1928, 1938, 1939 гг. и были возобновлены после окончания Великой Отечественной войны в 1953 г. и с перерывами до 1973 г. Всего на стоянке вскрыто более 600 м².

Новые раскопки вызвали спор по поводу переотложенности или непереотложенности стоянки. Утверждалось, что при раскопках обнаружили следы нескольких построек с очагами внутри, чего не могло быть, если стоянка была переотложена. Однако более обстоятельное стратиграфическое изучение памятника подтвердило прежний вывод о переотложенности слоя. В результате оттаивания вечной мерзлоты, как и в Юровичах, пласт сполз в овраг вместе с содержащимися в нем материалами стоянки. Могло быть также, что стоянку просто смыло мощным потоком воды активно таявшего ледника. Состояние выявленных материалов с колоссальными завалами костей мамонта больше указывали на то, что потоки легко смыли весь культурный слой стоянки вместе с постройками или их остатками, костями съеденных животных, тяжелыми бивнями и зубами мамонтов и всем кремневым и прочим материалом, благо рядом оказался глубокий овраг, в который было сброшено все содержание стоянки. Не будь оврага, все было бы унесено, разьединено и разбросано, неизвестно на каком расстоянии от стоянки и какой площади. Оказавшийся в овраге материал Бердыжской стоянки оказался под многометровым слоем ледниковых наносов.

Можно предполагать, что подобное могло случиться и со многими другими, еще неизвестными палеолитическими стоянками Беларуси.

Несмотря на специфический характер Бердыжской стоянки, при ее раскопках был получен достаточно большой, разнообразный позднепалеолитический материал.

Бердыжские кремневые орудия изготовлены на пластинах, что было характерно для позднего палеолита Европы. Найдены ножи, кинжалы, боковые покрытые ретушью резцы, скребки, пластины с ретушированным краем, ретушеры, отбойники, наконечники с выемкой, характерные для Костенковской стоянки на Дону.

В раскопках было также обнаружено громадное скопление костей. Подсчитано, что среди них были кости не менее 50 мамонтов.

Каменные орудия позднего палеолита были рассчитаны в основном на обработку всего того, что давала охота. Так, для очистки шкур животных и изготовления из них кожи широко использовали плоские кремневые скребки. Кость и рог обрабатывали резцами. Оружием служили копья и более легкие дротики, которыми можно было поразить зверя на некотором расстоянии. На их концах укреплялись кремневые наконечники. В материалах раскопок Бердыжской (рис. 5.3) и Юровичской стоянок представлены все основные типы позднепалеолитических орудий из кремня (резцы, скребки, ножи, проколки, наконечники с боковой выемкой и др.).

В палеолите кремнь собирали на поверхности, на склонах речных долин, иногда извлекали из меловых обнажений.

Такие обнажения имеются около Бердыжской стоянки. Из местного кремня изготовлена большая часть орудий, найденных на стоянке. Использовался также галечный материал, собранный на берегах рек.

В позднем палеолите кремневые изделия изготовлялись техникой скола. В отличие от мустьерских нуклеусам придавалась удлиненная призматическая форма с ровной ударной площадкой наверху. С него удалялись все лишние части и выступы. Чтобы свести до минимума искривление пластинки, нижний конец нуклеуса заострялся. Пластины получали точно рассчитанными ударами по краю площадки. Использовались также каменные, костяные или роговые посредники, по которым ударяли колотушками.

Снятие пластин могло осуществляться и посредством нажима. Так они получались ровными, тонкими, узкими, с правильными параллельными гранями.

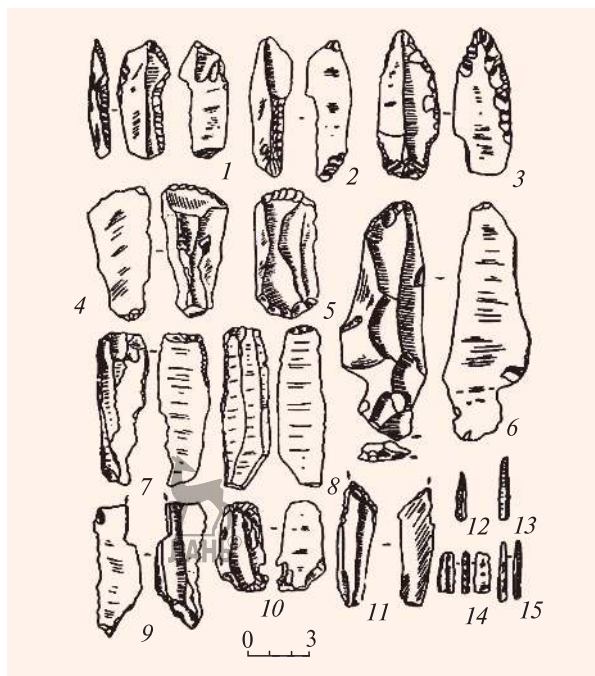

Рис. 5.3. Палеолитические материалы из Бердыжской стоянки:

1–3 – наконечники с боковой выемкой; 4–6, 10 – скребки;

7–8 – пластины с ретушью; 9, 11 – резцы;

12–15 – микропластины и микроострия

Техникой отжимной ретуши удалялись малые частицы материала и предмету придавалась нужная форма с соответствующей рабочей частью. Новая техника была продиктована желанием уменьшить риск поломки изделия, что всегда присутствует при обработке посредством ударов.

Основным источником существования людей была охота. В позднем палеолите в условиях, близких к арктической тундре, основным объектом охоты был мамонт. Мамонт давал человеку мясо, шкуру, кость для орудий и оружия, строительный материал для шалашей и топливо для обогрева.

Охота на крупного и сильного животного требовала коллективных усилий. Применялась облавная или загонная охота. Используя для устрашения огонь, люди загоняли мамонтов в топи болот или к кручам обрывов и добывали камнями, метательными копьями. Позже, вероятно, научились устраивать ловушки в виде ям, вырытых на тропках, по которым мамонты ходили к водопою. По мере совершенствования метательного оружия в число промысловых зверей были включены дикая лошадь, бык, шерстистый носорог, бурый медведь, волк, песец и даже суслик и водяная крыса.

В конце палеолита мамонт исчезает и его место занимает северный олень. Находки его костей известны уже в остеологическом материале Бердыжской позднепалеолитической стоянки, но господство северного оленя приходится на завершающую стадию палеолита и начало мезолита. В позднемадленских стоянках Центральной Европы его останки в среднем составляют более 70 % останков всех млекопитающих. Культура человека этого периода базировалась на охоте на этого животного. Северный олень пуглив, осторожен и ведет миграционный образ жизни. В стада он собирается только в начале короткого лета. Наблюдения над остеологическим материалом древних стоянок Европы позволяют прийти к выводу, что основные запасы мяса делались в данный период.

Недалеко от летних пастбищ человек устраивал временные поселки. Вероятно, по-прежнему практиковались западни и ямы. Уже в древности люди, наверное, заметили, что олень любопытен, и привлекали его внимание надетыми на голову рогами, как это и теперь делают эскимосы.

Основным охотничьим оружием стал гарпун, сделанный из рога северного оленя. Охота требовала изобретательности, опыта, наблюдательности, хорошего знания повадок животного. Кроме того, охотились на зайцев и белых куропаток, используя силки, сделанные из сухожилий оленя.

В позднем палеолите, как считают, возникает рыболовство, что подтверждают находки костяных острог. Правда, в материалах белорусских позднепалеолитических стоянок эта сторона хозяйственной деятельности еще не получила убедительного отражения, что, по-видимому, объясняется все еще слабой изученностью здесь этой эпохи.

Практиковалось и собирательство, которое не могло тогда получить значительного развития в силу географических и климатических условий. Однако быт эскимосов, живущих в сходной среде, дает примеры, свидетельствующие о собирательстве даже в суровых условиях тундры и лесотундры.

Как сами белорусские стоянки, так и их застройка изучены недостаточно. Мнения ученых о Бердыжской стоянке сильно расходятся. Как уже отмечалось, тщательное стратиграфическое изучение показало, что она была смыта послеледниковыми водами и ее остатки отложились в древнем овраге в хаотическом порядке.

Предпринятые в последнее время попытки оспорить это мнение и выделить в массиве костей мамонта остатки нескольких палеолитических жилищ оказались неудачными.

Характер белорусских палеолитических стоянок не позволяет открыть жилища. О них можно судить только по обнаруженным стоянкам в соседних регионах, синхронных белорусским и существовавшим в той же географической среде. Исходя из этого, можно предполагать, что жилища были наземные, в плане округлые. Из-за отсутствия леса каркас

построек сооружался из связанных между собой костей, возможно ребер мамонта. Костяной каркас сверху перекрывали шкурами животных, вероятно оленя. Внутри имелся открытый очаг.

На основании раскопок Юровичской стоянки было высказано предположение, что там удалось обнаружить часть позднепалеолитического жилища. В культурном слое были выявлены остатки не менее двух очагов, о чем свидетельствовали скопления углистой массы и обожженные камни внутри округлых выкладок из валунных камней и песчаниковых плиток. Ряд валунных камней и песчаниковых плиток расположен в стороне от очагов, и, возможно, отмечает границу постройки. Каково место камня в строительной технике юровичского жилища, пока сказать трудно. Возможно, что в деталях оно несколько отличалось от традиционных.

Некоторые находки заслуживают особого внимания, так как связаны с художественным творчеством верхнепалеолитического человека. В Юровичах найдена пластинка из бивня мамонта, на которой резцом нанесен орнамент в виде чешуи рыбы (рис. 5.4). Точно такой орнамент покрывает пластинки, выявленные в раскопках верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи, находящейся в Брянской области, недалеко от границ Беларуси. Это обстоятельство могло бы указывать на культурно-историческую и хронологическую близость Юровичской и Елисеевичской стоянок, если бы пластина с орнаментом была действительно найдена в Юровичах, а не в брянских стоянках. У некоторых археологов возникли сомнения в истинности находки юровичской пластины.

В юровичской коллекции можно также отметить несколько пластин, покрытых беспорядочными штрихами.

Крайняя изолированность и замкнутый образ жизни позднепалеолитических материнских родовых общин были причиной возникновения местных этнокультурных особенностей. Во всяком случае Бердыжская и Юровичская стоянки обнаруживают существенные различия в облике кремневого материала. Впрочем, эти стоянки существенно различаются по времени функционирования. Тем не менее они находят себе аналогии в верхнепалеолитических памятниках Русской равнины. Все это позволяет полагать, что проникновение на территорию Беларуси первых людей, скорее всего, шло с юго-востока.

Сильное похолодание, которое наступило 18–20 тыс. лет назад, заставило, вероятно, жителей белорусских палеолитических стоянок отойти к югу. Территория Беларуси обезлюдела приблизительно на 8–10 тыс. лет.

Мезолит. С изобретением лука люди вступили в новую эпоху каменного века – мезолит. В истории и археологии Беларуси эта эпоха знаменита тем, что ее территория была вновь заселена человеком, теперь уже вся и окончательно. Сформировались новые культурно-исторические и этнические общности.

Ледниковый период закончился 12–10 тыс. лет назад, а с ним и палеолит. Эпоха мезолита продолжалась здесь до 5–4 тыс. до н. э.

Рис. 5.4. Орнаментированная пластинка из Юровичской стоянки

С потеплением менялся климат, а с ним — растительный и животный мир, постепенно приобретающий близкий к современному вид. Тундра уступала место дремучим лесам.

Складывается близкое к нынешнему зональное распределение растительности. Уже в последнее валдайское оледенение вымерли такие характерные для позднелепестчатой фауны животные, как мамонт, шерстистый носорог, пещерный лев, гигантский олень и др. Холодолюбивые животные отступают к северу вслед за ледником. В лесах появляются новые виды животных: благородный олень, лось, зубр, бурый медведь, кабан, бобр.

Новые условия принудили человека изменить быт. Исчезновение крупных животных — основного объекта охоты и главного источника пополнения мясных запасов — потребовало новых приемов охоты и оружия, которое было бы достаточно эффективным при охоте на любого зверя, особенно мелкого. Был изобретен лук, значение которого трудно переоценить. Вплоть до появления огнестрельного оружия лук оставался главным предметом охотника и воина. Теперь человек мог охотиться практически на всех животных и птиц небольшими группами и даже в одиночку. Охота индивидуализируется. Используя богатый опыт предыдущих поколений, изобретая и совершенствуя новые приемы, человек быстро приспособился к лесной охоте. Деревянные древки стрел оснащались каменными и костяными наконечниками, сделанными из стенок трубчатых костей (рис. 5.5).

В процессе формирования русел рек, интенсивно проходившем в послеледниковый период, на территории Беларуси образовалось множество заток и стариц. От индивидуальных способов рыболовства с помощью остроги и гарпуна люди постепенно переходили к коллективным. Вероятно, уже в эпоху мезолита появляются лодки-челны. К мезолиту относится появление ставшего уже символом рыболовства рыболовного крючка.

Несомненно, с окончанием ледникового периода расширились возможности для развития собирательства, ставшего важной составной частью древних присваивающих форм хозяйства. Леса изобиловали ягодами, плодами дикорастущих деревьев, орехами, грибами и т. д. Однако реконструировать по археологическим данным различные виды собирательства достаточно трудно. Остатки продуктов, добытых собирательством, сохраняются в исключительных случаях. Данный вид хозяйства почти не имеет специализированных орудий, по которым можно было бы судить о нем. Но и без этого, принимая во внимание, что и в более поздние исторические периоды собирательство составляло определенную статью в системе хозяйственных занятий людей, можно с полной уверенностью говорить о высоком значении собирательства в это время. По существу, человек открывал новый для себя послеледниковый мир.

Исчезновение ледника привело к появлению новых обширных незаселенных пространств. Характерной чертой нового периода стало их интенсивное освоение человеком. Двигаясь небольшими группами, люди достигли берегов Балтики и Ледовитого океана. Именно в мезолите была заселена основная территория Беларуси.

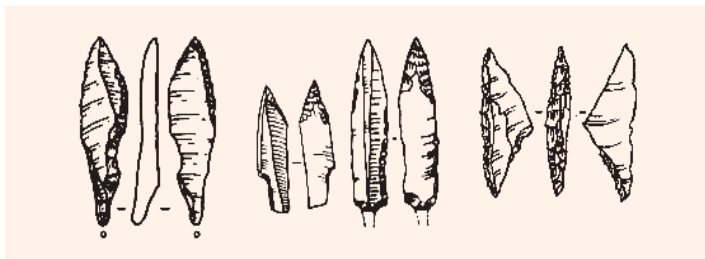

Рис. 5.5. Мезолитические наконечники стрел

Кремневые орудия отличаются своим микролитовидным обликом, т. е. малыми размерами. Значительная их часть изготовлена из тонких, узких пластинок (рис. 5.6). Многие микролиты использовались в качестве наконечников стрел. На протяжении всей мезолитической эпохи шли усиленные поиски новых, более совершенных форм наконечников. Помимо этого, микролиты служили вкладышами составных орудий.

На территории Беларуси зарегистрировано около 120 мезолитических стоянок. Но за более чем 5 тыс. лет существования мезолита их остатков накопилось великое множество. Как показали археологические разведки, в отдельных регионах мезолитические местонахождения встречаются в среднем через каждые 12 км. В каждый отдельный момент действующих стоянок было, естественно, ничтожно мало, поскольку общая численность населения не превышала тысячи человек.

Подвижный образ жизни отразился на характере мезолитических стоянок. Они невелики и, как правило, имеют незначительный культурный слой, слабо насыщенный находками.

Стоянки обычно размещались на вторых надпойменных террасах и отдельных песчаных возвышениях. Подвижный образ жизни мезолитических охотников предполагает небольшие размеры поселков и приспособленный к перемещению тип жилищ, рассчитанных на одну семью в 5–6 человек. Привлекая данные о жилищах соседей, находившихся в аналогичных условиях, а также этнографические наблюдения, можно предполагать, что они представляли собой обтянутые шкурами легкие шалашевидные постройки на деревянном каркасе, напоминающие переносные чумы северных народов. Полагают, что сооружение таких жилищ и их транспортировка во время кочевок входили в обязанность женщин.

В тесной связи с изменившимися способами добывания средств существования находились и формы организации общества. Общины стали делиться на мелкие и более подвижные. Забота о добыче пищи лежала на двух-трех мужчинах семьи, а ее приготовление, уход за детьми — на женщинах.

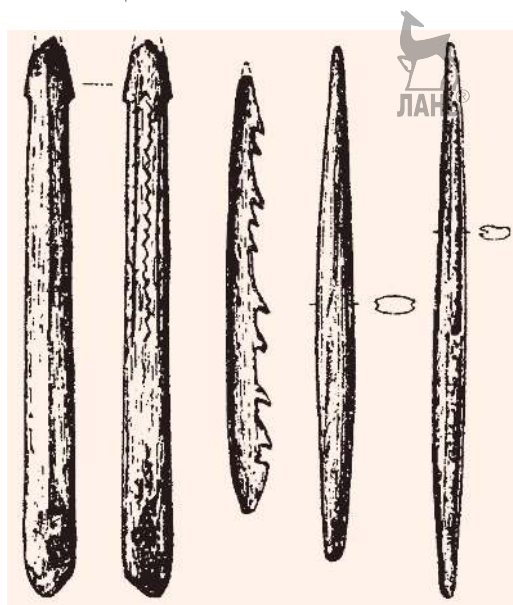

Рис. 5.6. Мезолитические орудия из кости с пазами для кремневых вкладышей

Небольшой общине было легче прокормиться, и по мере ее возрастания от нее отпочковывались молодые семьи, основывавшие собственные стоянки. Однако дочерние общины, расселяясь, не прерывали родственных связей. Как свидетельствуют этнографические параллели, связи поддерживались брачными обрядами, совместными охотами, празднествами и т. д. Межродовые связи способствовали оформлению и сохранению устойчивых этнографических признаков у родственных общин. Близкие по происхождению роды объединялись в более крупные общности – племена, которые одновременно являлись и этнографическими группами, имевшими свой язык или диалект, территорию и общие черты в материальной и духовной культурах. Племенная организация, в свою очередь, еще в большей степени способствовала консолидации и сохранению общих этнографических признаков, что привело к возникновению в мезолите своеобразных этнокультурных областей, заселенных группами родственных племен. Общность материальной культуры находила свое проявление прежде всего в кремневом инвентаре. В родственных общинах сохраняется веками сложившаяся традиционная техника обработки кремня, изготавливаются привычные изделия, несколько отличающиеся от подобных изделий в других регионах или сообществах. Повторяется сложившийся образ жизни. Все это создает условия для выделения особых археологических культур, каждая из которых характеризуется суммой присущих ей признаков.

К сожалению, на территории Беларуси пока не удалось обнаружить ни жилищ, ни погребальных памятников мезолитического времени, поэтому характеристики культур значительно обеднены. Приходится ограничиваться выделением наиболее типичных и характерных для данной культуры изделий (например, наконечников стрел), анализом приемов расщепления кремня и видами первичных заготовок для выявления соотношения в вещевом составе микро- и макрокремневых изделий.

Локализации выделенных признаков позволяют наметить ареалы отдельных археологических культур, благодаря чему появились новые возможности для изучения этнической истории, чего не хватало в палеолите.

Однако эту возможность пока непросто реализовать. Материалов, полученных разведками и раскопками ограниченного числа памятников, далеко недостаточно для установления ареалов культур, которые, вероятно, менялись в связи с очень подвижным образом жизни мезолитических сообществ. Можно определенно говорить, что население формировалось за счет постоянного притока различных групп из соседних территорий, что определило культурную мозаику археологической карты Беларуси в период мезолита.

Тем не менее отмечается культурное своеобразие отдельных регионов: Понеманья, Озерного края, верхнего Поднепровья, Посожья, верхней и нижней Припяти в течение всего мезолита и последующей археологической эпохи.

К настоящему времени на территории Беларуси отмечают восемь мезолитических культур: свидерскую, гренскую, днепро-деснинскую (сожскую), неманскую, яниславицкую, кундскую, комарницкую, кудлаевскую. Степень их изученности неодинакова: сожских стоянок, например, раскопали более тридцати, других культур – от трех до десяти. Ни одна стоянка не раскопана полностью. Некоторые стоянки содержали разнокультурный материал, свидетельствующий о том, что за долгий период мезолита на них в различное время проживали разные общины с иными культурами.

Из-за недостатка материала исследователи по-разному решают вопросы происхождения конкретных археологических культур.

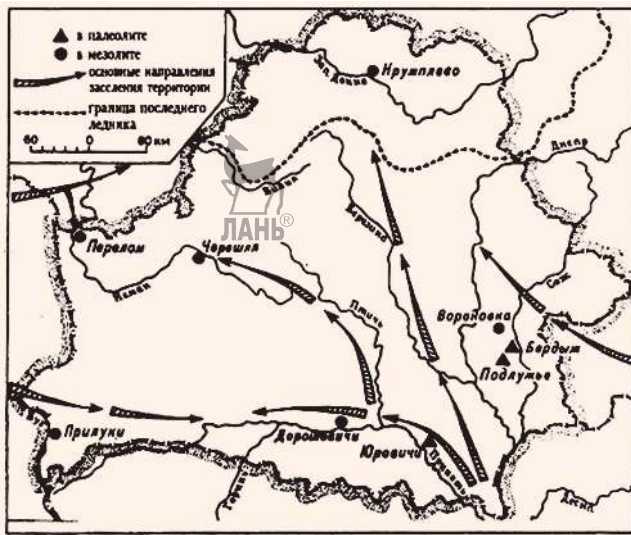

Рис. 5.7. Пути заселения территории Беларуси в мезолите

Еще на рубеже палеолита и мезолита на территории современной Беларуси с запада распространилась свидерская культура, названная так по р. Свидра в Польше. В продвижении на восток она достигла Восточной Беларуси. Позже туда же стали проникать племена со стороны Русской равнины и юго-запада — потомки местного позднепалеолитического населения. Удалось также проследить появление в Южной и Юго-Восточной Беларуси материалов, характерных для раннемезолитической культуры лингби, очаг которой находился в Северной Европе.

В Юго-Западную Беларусь проникла группа охотников со стороны Южной Польши.

Археологические наблюдения о распространении на территории Беларуси и соседней Литвы миграционного потока из Средней Европы подтверждаются данными антропологии. Так, исследование двух черепов, обнаруженных при раскопках мезолитических погребений в Литве (в Беларуси еще не найдены останки людей того времени), показало их близость в антропологическом отношении мезолитическому долихокранному населению Центральной Европы.

Приток населения и значительные передвижения продолжались в течение всего мезолита (рис. 5.7).

Свидерская культура. Ранние мезолитические памятники Беларуси имеют множество общих черт с памятниками свидерской мезолитической культуры Польши, представленной коллекцией мелких кремневых орудий. Характерными орудиями являются небольшие наконечники стрел с асимметричным черешком, что морфологически ведут свое происхождение от верхнепалеолитических дротиков. Для ранней поры свидерской культуры типичны наконечники из широких пластин. Черешок у них обрабатывался короткой притупленной ретушью. Для более позднего времени характерны как черешковые, так и иволистные наконечники. Они имеют более вытянутые пропорции и обработаны ретушью на конце пера и на черешке. Основным видом заготовок для орудий были ножевидные пластинки, сколотые с правильных конических нуклеусов.

Отработанные свидерские нуклеусы имеют форму тонких вытянутых конусов. Нуклеусы средней и поздней поры отличаются от ранних меньшими размерами и более узкими негативами от сколотых пластинок.

Ранние свидерские памятники сохраняют еще много позднепалеолитических черт. Некоторые исследователи относят свидерскую культуру к позднему палеолиту. Мадленский облик, например, имеют скребки и резцы. Резцы в основном представлены двумя типами — боковыми и на углу сломанной пластины. Орудий геометрических очертаний (трапеций, треугольников) в свидерских памятниках обычно нет.

Мезолитическая стоянка со свидерским материалом была исследована в Гродненской области на песчаном берегу о. Свитязь. В трех местах было заметно скопление кремневых орудий, вымываемых из культурного слоя весенними водами озера. Среди находок больше всего скребков из пластин с ретушью на конце. Важной датирующей вещью являются кремневые наконечники стрел, сделанные из пластин, подретушированных на конце и в тыльной части. Найдены также характерные для мезолита отщепы с притупленным и срезанным краем, трапеция, резцы и призматические нуклеусы. Все орудия изготовлены очень тщательно из высококачественного мелового кремня почти черного цвета. Найденные изделия имеют точные аналогии в материалах свидерских стоянок Польши.

Две близко расположенные друг от друга мезолитические стоянки обнаружены недалеко от Полоцка на Западной Двине. По стратиграфическим условиям залегания и по сходству кремневого инвентаря они могут быть отнесены к одному времени. Возникли они, очевидно, вскоре после освобождения этого района от воды. Стоянки были недолговременными и незначительными по площади.

Одна стоянка расположена на правом берегу Западной Двины у д. Крумплево, в 30 км ниже Полоцка. Культурный слой, содержащий находки мезолитического времени, имел мощность до 0,50–0,55 м, но насыщенность его культурными остатками слабая (рис. 5.8).

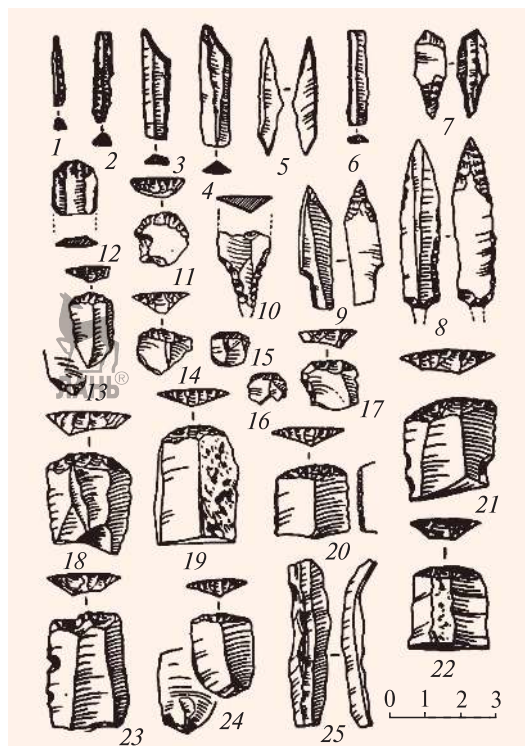

Рис. 5.8. Кремневый инвентарь из стоянки Крумплево:
1–6 — микролиты; 7–10 — наконечники стрел;
11–24 — скребки; 25 — фрагмент пластины

Среди найденных вещей наибольшую по численности группу составили скребки, относящиеся к трем типам: концевым, изготовленным из очень правильных ножевидных пластинок; округлым, сделанным на пластинчатых отщепях круглым микролитовидным скребочком.

Наконечники стрел изготовлены на ножевидных пластинах с плоской ретушью на конце и в тыльной части. Найденны также кремневые проколки, пластинки с притупленной спинкой, пластинки со скошенным краем, правильные ножевидные пластины с очень тщательной ретушью по одному или двум краям. Представляют интерес орудия с резцовыми сколами.

Как и на стоянке у о. Свitezь, найденные здесь изделия изготовлены из высококачественного темного мелового кремня и отличаются тщательностью отделки.

Вторая стоянка имеется в 2–3 км от описанной на первой надпойменной террасе левого берега Западной Двины у д. Петровщина. Стоянка шла узкой полосой вдоль берега реки. В ней отчетливо выделяются два одновременных горизонта. В период отложения нижнего мезолитического слоя климат, как показал анализ пыльцы, был холодным. Совсем не обнаружено теплолюбивых широколиственных пород деревьев. Наиболее характерной чертой орудий является их микролитичный облик и исключительно совершенная техника обработки тончайшей отжимной ретушью. Готовые орудия представлены концевыми скребками на тонких небольших ножевидных пластинах, маленькими (не более 1 см) округлыми скребками, очень тщательно обработанными наконечниками стрел на тонких ножевидных пластинах. Следует особо отметить находки микролита в форме трапеции и маленьких кремневых пластиночек с тончайшей пильчатой ретушью с одной стороны. По составу находок обе стоянки могут быть сопоставлены с памятниками свидерского типа.

Гренская культура. К числу ранних мезолитических культур Беларуси относится гренская. Ее возникновение и начальный период связаны с финальным палеолитом. Культура занимала значительную область Северной и Центральной Беларуси. Ее истоки одни исследователи видят в свидерской культуре, считая ее местным вариантом, другие полагают, что гренская культура была создана населением, вышедшим из среднего Поднепровья.

Время возникновения культуры соответствует началу послеледникового периода — голоцену (9600 лет до н. э.). Раннемезолитический период ее истории приходится на 7–5 тыс. до н. э.

Древнейшими памятниками культуры считаются стоянки Боровка, Кромка, Хвойная. Сама Гренская стоянка относится ко второму собственно мезолитическому периоду. Стоянки чаще всего устраивались на песчаных дюнах. Основным объектом охоты тогда был северный олень.

Визитной карточкой гренской культуры является кремневый асимметричный наконечник стрелы, один край которого по всей длине покрыт крутой ретушью, на другом имеется выемка. В составе кремневого инвентаря есть также резцы, скребки, изготовленные на пластинах и отщипах, а также проколки, скобели, небольшие рубящие орудия.

Со временем размеры кремневых изделий уменьшаются, появляются вкладыши, трапеции, т. е. обычная для мезолита микролитизация.

На заключительном этапе заметны связи гренской культуры с восточными мезолитическими культурами Подесенья и междуречья Оки и Волги.

Предполагается, что основатели гренской культуры пришли через Полесье из среднего Поднепровья.

Наибольшей известностью пользуется Гренская стоянка в Гомельской области, открытая в 1927 г. Стоянка размещается на останце первой надпойменной террасы правого

берега Сожа под толщей дюнных песков. Раскопками обнаружены остатки очагов, вокруг которых группировались расщепленные рукой человека кремни. Имеются черешковые наконечники с боковой выемкой и притупленным ретушью краем, противоположным выемке. На некоторых экземплярах наблюдается подтепка с брюшка. Найдены также листовидные наконечники, подтесанные с брюшка преимущественно в нижней части и обработанные ретушью в основании возле обоих краев. Подобные наконечники встречаются и в раннесвидерских памятниках Центральной Европы, и на мадленских стоянках. Очень разнообразны скребла, сделанные как на отщепах, так и на пластинах. Имеются двойные скребла мадленского облика. Резцы в основном представлены боковыми формами. Найдены острия со скошенным краем, орудия с выемками, большое число пластинок с ретушью, отбойники.

Интересную группу составляют тесловидные орудия из ядрищ, напоминающие аналогичные предметы из раскопок Елисеевичской позднепалеолитической стоянки в Брянской области (Россия). Своеобразие гренокских материалов дало основание говорить об особой гренокской культуре. По геологическим условиям залегания культурных остатков ее можно соотнести с мадленскими стоянками Франции.

По мнению некоторых исследователей, на основе гренокской культуры в 5 тыс. возникнет сожская культура развитого мезолита.

Сожская культура. Широкие археологические разведки белорусского Посожья, осуществленные в 20–30-х гг. XX в., выявили множество мезолитических местонахождений. Впоследствии их отнесли к большой днепро-деснинской мезолитической культурной общности или ее сожскому варианту. Крупные полевые исследования этих памятников в 60–70-х гг. XX в. позволили выделить серию памятников позднего мезолита в особую сожскую культуру. Так, большинство исследованных стоянок было отнесено к этой культуре. Сейчас их известно более тридцати. Культура занимает бассейн Сожа и верхнего Днепра. Наиболее исследованы стоянки Береговая Слобода, Василевичи, Горки (на Соже), Городок (Жлобинский район), Журавель, Михайловка (Светлогорский район), Новые Громыки, Новый Быков, Присно (Ветковский район).

Сожская культура сформировалась в конце бореального – начале атлантического климатического периода и датируется 6–5 тыс. до н. э.

Культура сохраняла традиции гренокской культуры в технике расщепления кремня и использовании особых типов скребков, резцов и ядрищ. Характерный признак культуры – использование для изготовления орудий широких отщепов, а также наконечников стрел из пластин, сохраняющих свидерские традиции. Исходным материалом для изготовления орудий часто являются отщепы, граненые пластины. Характерны наконечники стрел из огранных пластин.

Весьма разнообразен вещевой инвентарь стоянок: различного типа резцы, двойные скребки, скребловидные изделия, проколки, острия с отретушированными краями и концом, отщепы с частично отретушированными краями, небольшие рубящие орудия. Встречаются трапеции, вкладыши со следами вторичной обработки.

Культура имеет сходство с некоторыми соседними, образовавшимися на общей свидерской основе.

Поселения располагались с некоторыми соседними культурами, образовавшимися на общей свидерской основе. Нередко размещаются возле выходов кремневого сырья.

Самые крупные раскопки проведены на стоянке Горки Чериковского района, материалы которой можно считать культурно определяющими. Там было заложено 11 раскопов общей площадью 1700 м². Обнаружились крупные скопления кремня, в отдельных местах более 200 единиц находок на квадратный метр. Это похоже на мастерские по обработке кремневого материала. Были найдены черешковые наконечники стрел с обра-

---

боткой черешка ретушью, а также черешковые наконечники без ретуши. Возможно, все это может свидетельствовать о неоднократном заселении места.

Несмотря на достаточно большой материал, полученный многолетними и интенсивными полевыми исследованиями сожской культуры, некоторые связанные с ней проблемы являются предметом научных споров. Дискуссионным остается вопрос генезиса сожской культуры.

Одни считают, что сожская культура развилась на основе предшествовавших ей свидерской и гренской культур. Возражая такому выводу, оппоненты приводят, например, такой аргумент: между сожской и гренской культурами имеется хронологический разрыв почти в две тысячи лет. Некоторые считают, что и сам гренский материал не однороден, что ставит под сомнение идею об участии гренской культуры в генезисе сожской культуры.

Одна из гипотез возникновения культуры объясняет взаимодействием днепро-деснинской культуры с пришедшей с запада культурой лингби, с которой связывают появление в вещевых комплексах сожских стоянок черешковых наконечников стрел.

Есть и те, которые вообще отрицают существование отдельной сожской культуры, относя мезолитические памятники Посожья к кругу днепро-деснинской культурно-исторической общности. Наличие разных точек зрения в науке — явление нормальное.

Выяснению спорных вопросов мешает недостаток радиоуглеродных дат, а также нерасчлененность материалов некоторых стоянок, которые могли заселяться неоднократно, что привело к смешению артефактов. К этому следует добавить, что далеко не всегда надежны сравнительные материалы из других культур.

Несомненно, что мезолит Беларуси нуждается в дальнейшей разработке и накоплении материала.

Итак, с эпохой мезолита связано полное заселение человеком территории Беларуси и формирование здесь нескольких крупных историко-культурных областей. Поскольку рассеявшиеся группы пришли из различных соседних регионов с неодинаковыми этно-культурными традициями, ее территория стала местом обитания разных этнических групп. Это определило этническую историю Беларуси и последующие несколько тысяч лет каменного века.

17. Неолит

В 5 тыс. до н. э. племена, населявшие территорию Беларуси, вступили в последний период каменного века — неолит, продолжавшийся до 3 — начала 2 тыс. до н. э.

В истории человечества эпоха неолита занимает очень важное место. С ней связано появление новых форм хозяйства — скотоводства и первобытного земледелия. На смену присвоению готовых продуктов природы пришло их сознательное производство.

Однако развитие и утверждение производящих хозяйств происходило постепенно и крайне неравномерно. Новые культурные очаги сложились первоначально в Египте, Передней Азии и Средиземноморье. Постепенно земледелие и скотоводство распространились к северу. В Англии и Франции они стали известны с 4—3 тыс. до н. э., в Средней Европе — около 3 тыс. до н. э. На территории Восточной Европы развитие новых форм хозяйства наблюдается прежде всего на юге, где неолитические племена испытывали влияние древних культурных очагов Передней Азии или куда новые формы хозяйства были принесены вместе с миграцией индоевропейских племен. В Северной Европе, Прибалтике и на территории Беларуси в неолите по-прежнему господствовали охота и рыболовство.

Наиболее ярким признаком нового периода является изобретение и широкое распространение глиняной посуды (рис. 5.9).

Кремневые орудия раннего неолита еще очень сходны по типу и технике изготовления с мезолитическими (рис. 5.10). В качестве отличительной особенности можно отметить появление орудий с двусторонней обработкой ретушью и техники шлифования камня. Кремневый инвентарь приобретает макролитовидный облик, орудия постепенно становятся крупнее. Распространяются клиновидные орудия из нуклеусов, топоры различных форм, долота. В позднем неолите широко применяются шлифование и сверление.

В неолите резко возросла потребность в кремне, что было вызвано ростом численности населения, появлением новых форм каменных орудий и увеличением их размеров. Так, сборы кремня на поверхности уже не удовлетворяли спрос.

В поисках материала человек впервые проникает в недра земли. Кремнедобывающие шахты были выявлены в прошлом веке в Бельгии, затем в Англии и других странах Европы. В 20-х гг. XX в. геологи открыли такие же в Беларуси под Волковыском, недалеко от Красного Села. В 1925 г. были проведены первые небольшие раскопки шахт, материалы которых, однако, были утрачены во время войны. В 1950-х гг. шахты, по существу, заново были открыты белорусскими археологами. В начале 1960-х гг. близ поселка Красносельский Гродненской области велись большие археологические исследования этого уникального памятника. На зачищенной площади в 21 765 м² было выявлено 665 устьев шахт, из которых 177 раскопаны полностью и 35 – частично. Позже их изучение было продолжено.

Материалы прекрасно иллюстрируют технику добычи кремня (рис. 5.11). Сам камень в виде небольших конкреций залегает в меловой толще, когда-то сдвинутой сюда ледником. Сверху мел прикрыт моренными отложениями толщиной от 30 см до 1,5 м. Глубина залегания кремневых конкреций – 5–8 м от поверхности. В зависимости от глубины залегания и характера распространения кремня, как выяснилось раскопками, формировались и шахты. Сначала вырывали ствол шахты диаметром от 1 до 1,5 м. Затем, дойдя до горизонта, где залегал кремнь, основание ствола расширяли, превращая его в подбой и штреки, которые шли вдоль кремневого прослоя. Правда, относительно мягкая меловая порода красносельских шахт угрожала обвалами, поэтому древние шахтеры, выбрав кремнь, иногда предпочитали не копать горизонтальный штрек, а в надежде обнаружить еще один прослой кремневых конкреций углубляли ствол. Возникали двухъярусные подбои. Шахт с длинными штреками немного. Только в одном месте прослежен штрек длиной 20 м. В остальных случаях они, как правило, не превышают 5 м и настолько узки, что передвигаться в них можно было только ползком.

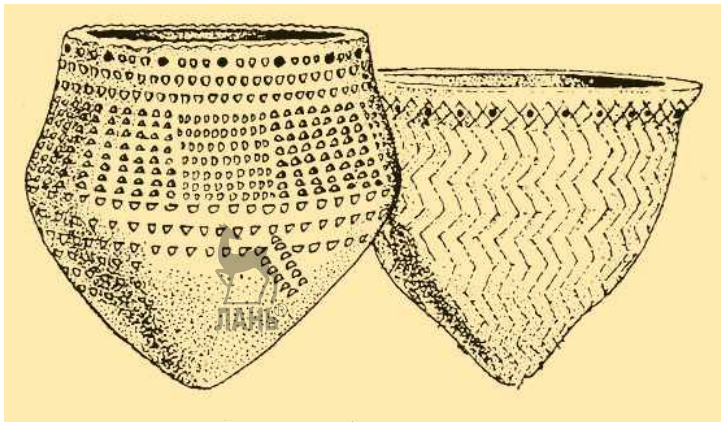

Рис. 5.9. Неолитические горшки

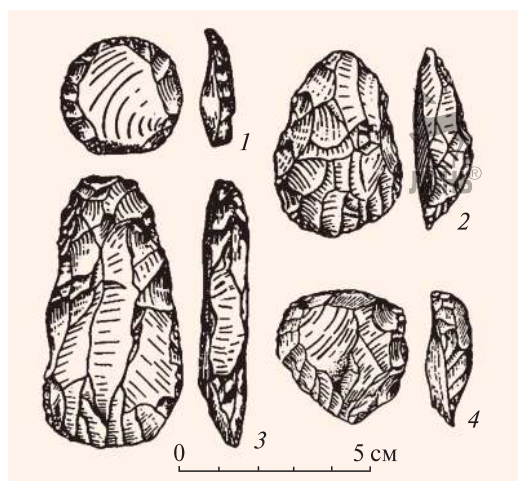

Рис. 5.10. Неолитические орудия из стоянок Поднепровья: 1, 4 – скребки; 2–3 – тесла

Характер породы и степень насыщенности ее кремнем определяли структуру шахты и приемы добычи камня.

Шахтеры не копали там, где запасы кремня были невелики. Зато на участках, богатых кремневыми конкрециями, шахты расположены плотно, а подбои и штреки охватывают большую площадь кремневого горизонта.

Для выкапывания шахт и добычи кремневых конкреций использовались орудия из рога оленя, реже – лося и косули. Чаще работали роговым кайлом – ручной копалкой (рис. 5.12), а также небольшими кинжаловидными орудиями. Немалую трудность представляла и транспортировка наверх выкопанной кремневой конкреции, имевшей иногда вес в десятки килограммов. Возможно, что некоторые крупные камни раздробляли предварительно в подбое, о чем свидетельствуют находки в них кремневых осколков, а чтобы их расколоть и облегчить тем самым подъем на поверхность, кремневую глыбу нагревали с одной стороны на костре. От разности температур вторая половина трескалась, что давало возможность расчленивать камень. Стены многих неолитических шахт в Красном Селе сохранили следы копоти, а на дне их собран уголь.

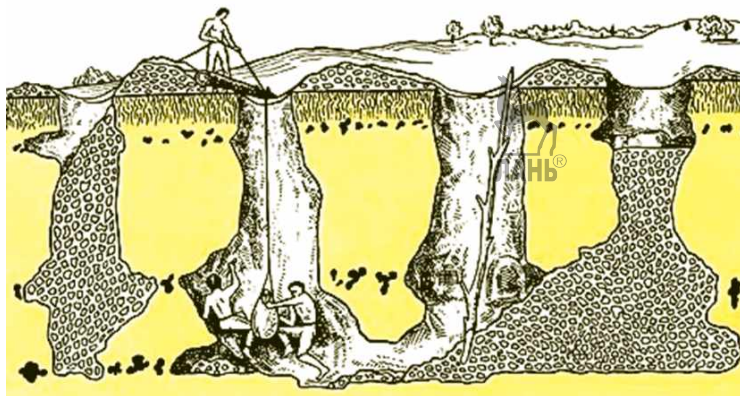

Рис. 5.11. Схема-реконструкция добычи кремня в красносельских шахтах

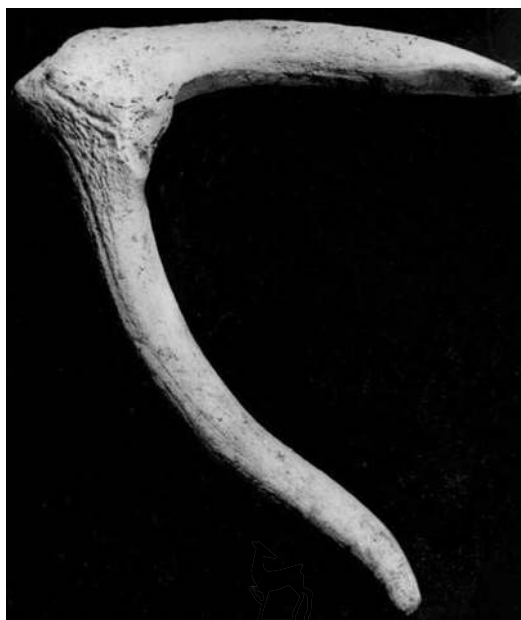

Рис. 5.12. Роговое кайло из красносельских шахт

В районе шахт, разрабатывавшихся в течение 3—2 тыс. до н. э., выявлено несколько поселений, жители которых специализировались на добыче и обработке кремня. Поселки функционировали до тех пор, пока шахты обеспечивали их кремнем. Следует думать, что камня добывалось значительно больше того количества, которое было необходимо для самих шахтеров. Изучение неолитических поселений Белорусского Понеманья показало, что значительная часть каменных орудий изготовлена из красносельского кремня.

В неолите продолжала совершенствоваться техника обработки камня.

Кремневый материал из белорусских стоянок свидетельствует о широком распространении техники контрударной ретуши, с помощью которой можно было сбивать очень мелкие чешуйки кремня и наносить крутую ретушь по краю кремневой пластины. Стало широко применяться пиление камня, позволяющее получать ровные плоскости в любом месте будущего изделия. В качестве пилы могли использовать острую пластину, кость и даже бечевку, подсыпая под пилу мокрый песок.

Отрабатывались техника шлифования и полирования. В развитом неолите научились сверлить камень. На стоянках или просто в поле находят топоры с невысверленными до конца отверстиями. Местным мастерам были известны различные способы сверления: так называемый буровой и лучковый. Нет сомнений в том, что при изготовлении орудий применялись и другие известные приемы. Прекрасно выполненная на некоторых изделиях тонкая ретушь может свидетельствовать об использовании кремня с достаточной величиной влажности, которую могли получать искусственно при предварительной подготовке материала.

Обнаруженные в районе красносельских шахт мастерские подтверждают такое предположение. Кремень предпочитали обрабатывать возле места добычи, не допуская его пересыхания.

Применяя и комбинируя различные способы — обивку, скол и ретушь, человек каменного века обеспечивал себя всевозможными специализированными орудиями и приспособлениями: резцами, скребками, топорами, теслами, долотами, ножами, проколками, наконечниками копий, дротиков, стрел и т. д.

Изобретение глиняной посуды стало крупным достижением человеческой культуры и явилось необходимым условием для возникновения производящих хозяйств. Впервые были созданы надежные вместилища для хранения продуктов.

Характерной формой неолитического сосуда на территории Беларуси был вылепленный вручную остродонный горшок.

В Беларуси зарегистрировано свыше 700 остатков поселений эпохи неолита, причем 4/5 из них приходится на время позднего неолита. С усовершенствованием орудий труда и дальнейшим развитием родового строя постепенно складывается новый тип поселка. Правда, резкой грани между образом жизни позднемезолитического и раннеолитического человека не было. Тем не менее по мере накопления новых элементов ко времени развитого неолита различия достаточно заметны. В основном неолитические поселения располагались по берегам рек и озер, что объясняется возросшим значением рыболовства в хозяйственной жизни племен. Вместе с тем для реконструкции поселков, так же как и стоянок палеолита и мезолита, материалов все еще очень мало. Ни одна неолитическая стоянка на территории Беларуси не раскопана полностью.

Размеры стоянок чаще всего определяются по находкам культурных остатков: разбросанной керамики и кремня. При таком способе не исключена возможность, что хронологически разделенные этапы в жизни поселения могут быть совмещены. Вероятно, поэтому в литературе встречаются противоречивые сведения.

Так, обследование поселений восточных областей Беларуси показало, что размеры большинства стоянок не превышали 0,5–1 га, хотя встречаются и занимающие несколько гектаров. Небольшие стоянки связывают с временными стойбищами неолитических людей.

Размеры большинства стоянок Припятского Полесья определяют в пределах 50–100 м в ширину и 150–200 м в длину.

Следует сказать, что площадь неолитических поселков здесь устанавливается относительно легко по той причине, что культурные остатки во многих случаях лежат на поверхности. Правда, встречаются и очень крупные поселения.

Следовательно, поселения, связанные с более или менее оседлым образом жизни, могли быть и крупными, но, видимо, было значительно больше мелких кочевий.

Несколько иные размеры имели неолитические поселения Понеманья и Поозерья. Площадь большинства из них колеблется от 5 до 10 тыс. м². Иногда находки кремня прослеживаются на расстоянии многих сотен метров.

В последних сводных работах по неолиту Евразии даются размеры стоянок в 50–200 м² для раннеолитических поселений с небольшой мощностью культурных остатков, что свидетельствует о малой продолжительности жизни на них, и 500–1500 м² для поселений развитого неолита, культурные слои которых, как правило, содержат разнокультурный материал. Надо полагать, что размеры белорусских неолитических поселений едва ли отличались от размеров стоянок лесного неолита Восточной Европы. Более того, условия географического окружения, система хозяйства, уровень общественного развития позволяют полагать, что наблюдения над памятниками лесного неолита могут быть в значительной степени распространены и на территорию Беларуси.

В неолите намного увеличилась численность населения. Об этом можно судить по количеству стоянок, оставшихся от мезолита и неолита. Так, если в мезолите на территории Беларуси имелось около 70 стоянок, на которых могло проживать всего несколько сотен человек, то в неолите их стало в 10 раз больше. Археологические разведки на Соже показали, например, что на протяжении 19 км располагалось 15 неолитических стоянок, т. е. одна стоянка приходилась на 1,3 км. Конечно, они не могли функционировать одновременно.

Распространение нового источника существования в виде рыболовства способствовало увеличению численности населения и появлению достаточно крупных поселков, в которых проживало до 50 и больше человек. Впрочем, возможности роста населения поселков были ограничены известными пределами. Численно крупное поселение не могло прокормить себя в течение большого промежутка времени готовыми продуктами природы. Окрестности опустошались, и приходилось искать новый район охоты и рыболовства. Это и было одной из причин забрасывания поселений. Поселки же, в которых число жителей находилось в равновесии с миром животных, могли существовать довольно долго.

О невысокой плотности населения большинства неолитических стоянок косвенно свидетельствует незначительное количество орудий труда и посуды, обнаруженных на их большей части. Так, поселок Припятского Полесья, по некоторым подсчетам, обычно дает до 40 кремневых орудий и обломки 3–6 сосудов. Чаще всего стоянки имели по одной жилой постройке. Некоторые исследователи максимальное количество жилищ на неолитическом поселении ограничивают двумя-тремя.

Полагают также, что небольшие поселки были разбросаны друг от друга на расстоянии в среднем 10 км.

Открытые неукрепленные поселения являлись единственным типом на территории Беларуси в течение всего каменного века.

Переход в неолите к более оседлому образу жизни, вероятно, почти не сказался на основных принципах домостроительства.

Возможно, что постройки несколько утратили свою белую легкость и транспортабельность, но по-прежнему сохранили облик шалашей. Неолитическое жилище из поселения в урочище Сосонка в Могилевской области имело овальную форму размером 3,4×2,4 м и было углублено в материковом песке на 0,2–0,3 м. К жилищу вел вход в виде неглубокой траншеи длиной 4,2 м и шириной 1,3 м. В центре постройки имелся углубленный на 0,2 м очаг чашеобразной формы диаметром 1 м. Вокруг жилища обнаружены следы шести ям от столбов, которые, судя по своему профилю, были поставлены наклонно к центру жилища, имели затесанные клином концы и вставлены в землю на 0,2–0,3 м. Их диаметр — 0,25–0,3 м. Все это свидетельствует, что жилище имело конусовидное покрытие (рис. 5.13).

Причем, судя по раскопкам торфяниковой стоянки Осовец в Витебской области, наконечники, сделанные из стенок трубчатых костей, составляли большинство.

Кроме лука, на охоте использовалось метательное копьё-дротик, возможно, самострелы. Ловчие ямы и западни, а также капканы дополняли охотничьи приемы.

Собранный костный материал дает представление об объектах охоты и относительном значении отдельных видов промысловых животных. Так, на раскопанной неолитической стоянке Камень в Пинском районе выявлены кости кабана, лося, бобра, зубра, барсука, медведя, косули и благородного оленя. Кости кабана, медведя и лося найдены и на Кривинской торфяниковой стоянке на севере Беларуси. Основным же объектом охоты в неолите, видимо, был дикий кабан. Вполне вероятно, что начиная с мезолита человек использовал в охоте собаку. Кости волкообразной собаки, или одомашненного волка, найдены во время раскопок позднепалеолитической стоянки Бердыж.

Материал об охоте на птиц хорошо представлен в неолитических памятниках лесной полосы. На территории Урала в этот период для охоты использовались подсадные утки и чучела. Птиц ловили с помощью силков и сетей, древнейшие находки которых в Беларуси восходят к эпохе неолита. Кроме мяса, птицы давали перья для оперения стрел.

Этнографический материал свидетельствует, что силки протягивались вдоль берега перед гнездовьями птиц, а также поперек путей, по которым они обычно плыли к местам кормления.

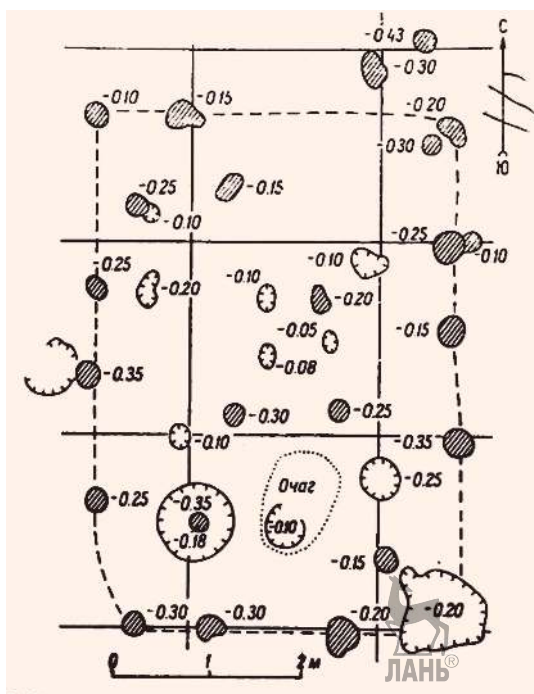

Рис. 5.13. План неолитического жилища стоянки Сосонка

Особое значение в неолите приобрело рыболовство.

Доказательством служат не только участвовавшие находки рыболовецких предметов, но и наблюдения над географией поселений, которые располагаются не столько вдоль крупных рек, сколько вдоль мелких притоков, на которых легче организовать промысловую добычу рыбы.

В неолите стали широко использоваться лодки. Остатки их представлены в материалах из стоянки Затенья Плещеницкого района и Кривинского торфяника. Архаичного вида челн найден в Полесье.

Полагают, что к глубокой древности относится ночная ловля с лодки с помощью гарпуна и подсветки факелом. Найдены гарпуны, сделанные из кости, в неолите более часты, чем в мезолите. Их размеры достигают 15 см. В сечении круглые, имеют один зуб.

Еще к мезолиту относят появление рыболовного крючка. В Беларуси древнейшие из крючков найдены при раскопках неолитических стоянок. Их выпиливали или вырезали из кости.

Заготовка костяного крючка найдена на неолитической стоянке Осовец II. Некоторые крючки имеют бородки (жала). Это обстоятельство, а также их большие размеры наводят на мысль, что на них насаживали живца и использовали для ловли крупных рыб, таких как щука или сом. С помощью поводка из сухожилия, а позже — сплетенного из волоса или растительных волокон, крючок с насадкой закреплялся к шесту или кусту на берегу, а на больших водоемах, возможно, к массивному поплавку. В Беларуси и теперь распространен способ ловли, при котором блесна или посаженный на крючок живец протягивается вслед за бесшумно движущейся лодкой, обычно челном. Конец длинного поводка рыбак держит в зубах, перекинув леску через ухо. Это позволяет быстро реагировать на клев. Думается, что начало данного способа восходит к глубокой древности,

---

поскольку все необходимое для его осуществления появилось уже в мезолите — неолите. Ловля на крупный крючок с живцом была распространена и в последующее время, о чем свидетельствуют нередкие находки тех же больших, до 10 см, крючков в памятниках железного века. Причем крючки прочно стабилизировали свою форму и, кроме размеров, по существу, ничем не отличаются от современных. Судя по находкам костей рыб, а также рыбьей чешуи, обычно хорошо сохраняющейся, ловили главным образом щуку. Так, кости и чешуя щуки найдены на Кривинских торфяниковых стоянках. Это наблюдение подтверждается материалами, происходящими из Средней и Северной Европы. Несмотря на то что рыболовство в древности носило промысловый характер, едва ли следует исключать спортивный интерес.

Однако наиболее эффективной является ловля рыбы при помощи сети. Имеются убедительные свидетельства ее использования уже в неолите. Так, на поселении Осовец II найдено несколько каменных и глиняных грузил бочковидной формы и небольшой оплетенный березовой корой поплавок. Каменные грузики плоские, овальные, шлифованные, со сквозным круглым отверстием в верхней половине.

Небольшими сетями перегораживали мелкие речки и затоки, а также протоки между озерами. Некоторые полагают, что такая ловля была распространена главным образом в северном озерном крае Беларуси. Расположение неолитических стоянок преимущественно вдоль мелких рек, вероятно, служит косвенным свидетельством применения данного способа ловли.

Замечено, что люди покидали места жительства на больших реках (Западная Двина) и переходили на мелкие.

Несомненно, практиковались и другие способы ловли: сачками, плетеными западнями (вершами), имеющими древнюю традицию, широко распространенными в неолите и в последующие периоды, не вышедшими из употребления и теперь, о чем свидетельствует белорусский этнографический материал. Они представляли плетеные удлиненные корзины с внутренней воронкой. Их устраивали обычно в узких протоках, водорослях, иногда с приманкой, но чаще без нее.

Природа Беларуси предоставляла хорошую возможность для различных видов собирательства. При раскопках Кривинских торфяниковых поселений 2 тыс. до н. э. найдены скорлупа лесного и водяного ореха, желуди, а также раковины моллюсков.

Орешник, даже в позднебореальную климатическую фазу, когда лиственные леса занимали значительно меньшую площадь, чем сосна, изобиловал на всей территории Европы, а в Ирландии, например, его пыльца превышает в 5—17 раз количество пыльцы всех деревьев, вместе взятых. С установлением теплого и влажного атлантического климата, совпавшего с неолитической эпохой, господствующими стали смешанные дубовые леса, потому собирание желудей было обычным занятием для населения Европы вплоть до недавнего времени.

Достаточно широко было распространено и собирание водяного ореха, что подтверждается его находками в неолитических слоях стоянки Осовец II. Ядра водяного ореха состоят из съедобного мучнистого вещества. Фракийцы, как указывал Плиний Старший, пекли из него хлеб, а древние египтяне употребляли в виде лакомства.

В Латвии на стоянке Сарнате в одном из жилищ найден толстый слой скорлупы водяных и лесных орехов вместе со специальными деревянными колотушками, которыми их разбивали.

Говоря о собирательстве, необходимо также указать на сборы дикого меда, известно-го с очень отдаленных времен. Так, судя по наскальным изображениям в пещере Альпера в Восточной Испании, уже в позднем палеолите было распространено бортничество. Этот вид занятий имел устойчивые традиции в последующее время на территории всей Европы.

Искусство неолита в археологическом материале из-за плохой сохранности в культурном слое стоянок органических веществ представлено слабо. Некоторым исключением являются торфяниковые стоянки Северной Беларуси. В Кривинском торфянике на Витебщине найдена костяная фигурка птицы с отверстием для ношения (рис. 5.14).

Замечательна костяная фигурка змеи с оригинально исполненным изображением змеиной кожи (см. рис. 5.14).

Уникальна находка головы мужчины из дерева (см. рис. 5.14). Несколько увеличенная нижняя челюсть, возможно, указывает на то, что скульптура изображает бородатого мужчину. Схематичные изображения людей встречаются и на керамике.

При раскопках была найдена часть костяной дудочки. Есть основания предполагать, что в это время был известен и бубен. Так, в соседней Польше на аналогичном белорусскому памятнике найдены оригинальные бубны, сделанные из глины с кожаными мембранами.

Древнее искусство было тесно связано с религией. О верованиях неолитической эпохи могут свидетельствовать такие предметы, как зубы и клыки, носившиеся в качестве амулетов. На неолитических стоянках Осовца были найдены просверленные зубы волка, лисы, медведя, оленя. Предполагают, что каждый амулет имел свой смысл и назначение. Ношение зубов должно было передавать их носителю некоторые полезные качества животного: зубы медведя могли прибавить человеку силы, зубы лисы делали его более хитрым, амулеты из зубов оленя помогали человеку в добывании пищи и оберегали от голода.

Источники воды, наблюдения над растительностью заставляли человека задуматься над проблемами жизни и смерти. Страх и ужас вызывали у него трясина, гром и молнии. Мир представлялся ему наполненным злыми и добрыми богами. Чтобы задобрить их, люди совершали жертвоприношения источникам и болотам.

В неолите на территории Беларуси сформировалось несколько археологических культур. Их принято выделять не столько на основе особенностей каменных орудий, сколько по формам керамики и ее орнаментации (рис. 5.15). Полагают, что в этом элементе в наилучшей степени отражаются этнографические черты материальной культуры.

Рис. 5.14. Образцы неолитического искусства:
1 – голова утки; 2 – голова мужчины; 3 – змея

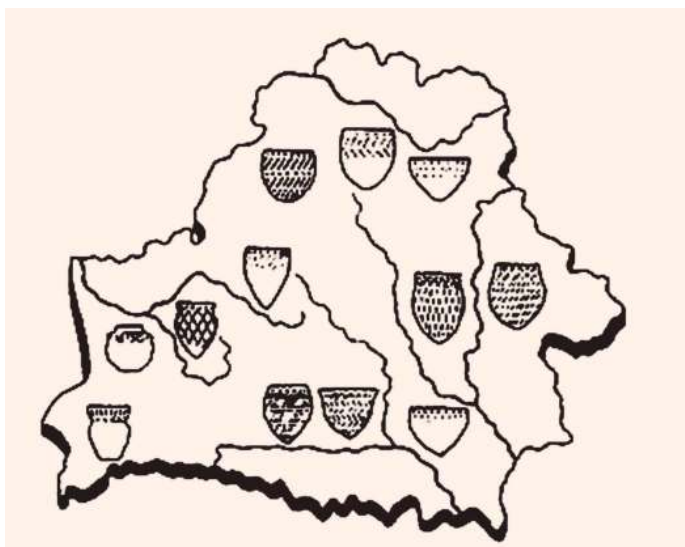

Рис. 5.15. Распространение наиболее характерных типов неолитических горшков

Выделение областных вариантов в лесном неолите Восточной Европы имеет долгую историю. В свое время все неолитические памятники с ямочно-гребенчатой керамикой, расположенные к западу от линии Ладожское озеро – верховья Волги – верховья Десны, объединяли в отдельную группу и соотносили с одной этнической общностью. Позже ее стали называть днепровско-балтийской этнокультурной общностью. Однако заметное культурное своеобразие отдельных зон внутри этой области побудило археологов разделить ее на две части: верхнеднепровскую и неманскую неолитические общности.

Проведенные исследования сделали возможным обрисовать конкретные черты культур этих регионов и выделить их в качестве самостоятельных этнокультурных областей или считать частями более крупных массивов, соприкасавшихся на территории Беларуси. Позже здесь были выделены четыре культурно-исторические области, население которых находилось на одинаковом уровне развития производства, быта и общественных отношений. Охарактеризуем их подробнее.

Днепро-донецкая культура в Восточном Полесье. С конца 5 до начала 2 тыс. на территории Восточного Полесья в бассейне нижней Припяти и Правобережья до Березины обитали неолитические племена днепро-донецкой культуры, которая распространялась далее на юг на Киевскую, Черниговскую и Полтавскую области Украины. Несмотря на большую площадь при незначительной численности населения, она отличалась заметным культурным единством. В Беларуси известно до 150 стоянок (или местонахождений), расположенных несколькими группами в долинах рек (рис. 5.16).

В развитии культуры выделяют три периода. В раннем периоде керамика представлена плохо обожженным горшком. В тесто глины подмешивали волокнистую растительность. Посуда орнаментирована поясами гребенчатых оттисков и пересекающихся линий.

Кремневый инвентарь напоминает мезолитический. Встречаются микролиты: трапеции, мелкие скошенные остря. Топоры архаичного типа с асимметричным лезвием.

Исследовались стоянки Юровичи (Калинковичский район), Слободка, Пхов (Мозырский район), Юрковичи, Озерное (Люблинский район), Ломош, Красноселье (Хойникский район).

Жилища наземные прямоугольные (4,5 × 8 м) с очагами, иногда выложенными камнями.

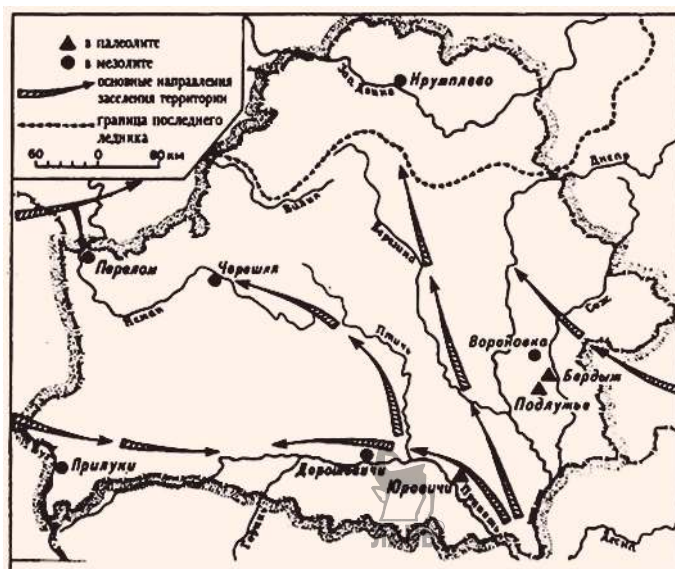

Рис. 5.16. Карта неолитических культур на территории Беларуси

Могильники на территории Беларуси не найдены, хотя они хорошо известны в Украине, где представлены вытянутыми труположениями.

С первой половины 4 тыс. культура вступает во второй период, на который приходится ее расцвет. Она значительно расширяет свою территорию, достигая на юге Азовского моря.

В обработке кремня применяется двусторонняя обивка и ретушь. По-прежнему характерно присутствие микролитов.

Распространены пластинчатые и треугольные наконечники стрел, скребки, ножи, резцы, проколки, топоры, тесла. Известны изделия из кости и рога. Интересны серпы с деревянной или роговой основой, в пазах которой укреплены кремневые лезвия. Встречаются шлифованные топоры-тесла. Горшки остродонные, в конце неолита появляются плоскодонные. Внешняя поверхность сосудов гладкая; под венчиком или под краем имеется пояс глубоких круглых ямок, остальная же часть украшалась преимущественно гребенчато-накольчатый орнаментом. На одном из горшков, найденных в Юровичах, наколами изображены фигурки человека и утки.

В материалах лесной зоны ощущается некоторое отставание в развитии от более южных степных районов. Население по-прежнему вело образ жизни охотников, рыболовов и собирателей.

Третий период (вторая половина 4 – первая половина 3 тыс. до н. э.) отмечен проникновением в степные области днепро-днепровской культуры индоевропейских скотоводов и земледельцев, постепенно ассимилировавших местные племена. В лесной же полосе на территории Беларуси носители днепро-днепровской культуры продолжали существовать до начала 2 тыс. до н. э. Эту часть культуры называют ее полесским вариантом.

Верхнеднепровская культура. В верхнем Поднепровье на основе местного мезолита сформировалась особая верхнеднепровская неолитическая культура. Она занимала левобережные притоки верхнего Днепра, среднее и нижнее Посожье. К настоящему времени выявлено не менее 500 местонахождений этой культуры, исследовано около 40 стоянок.

Поселения располагались на дюнах и по краю речных террас.

В некоторых местах стоянки представлены группами. Они выявлены в Гроново (Чериковский район), Вети (Быховский район), Струмени (Кормянский район), Лучине и Ходосовичах (Рогачевский район), Залесье, Петрополье, Себровичах (Чечерский район), Дубовом Логе, Демьянском (Добрушский район). Некоторые поселения достигали 10 тыс. м².

Культура развивалась медленно и почти не испытывала влияний извне.

Керамика раннего этапа представлена толстостенными горшками, в глине которых заметны растительные примеси. Орнаментированы ямочными вдавлениями и отпечатками крупнозубчатой гребенки. Встречаются и неорнаментированные сосуды.

На позднем этапе горшки становятся широкогорлыми, округлобкими, с примесью песка и дресвы в тесте. Сосуды украшали отпечатками гребня, ямочными вдавлениями, насечками, нарезками. Из них образовывали горизонтальные, диагональные и более сложные композиции.

В составе кремневого инвентаря много листовидных наконечников стрел, разнообразных резцов. Со временем увеличивается количество рубящих орудий из массивных отщепов. Распространяются треугольные, ромбовидные и миндалевидные наконечники стрел с двусторонней обработкой.

Жилища, круглые и овальные, стали постепенно углублять в землю. В центре устраивали небольшие выемки для очагов. Встречаются ямы хозяйственного назначения до 1 м глубиной. Очаги и хозяйственные ямы обнаруживаются и около жилищ.

В конце неолита на культуру наблюдается влияние со стороны соседних культур.

Неманская культура. Бассейны Немана и верхней Припяти в неолите были заняты племенами неманской культуры. Поселения располагались на мысах речных террас, высоких дюнах, не подверженных затоплению при паводках. Встречаются группы до десяти поселений, хотя уверенности, что все они функционировали одновременно, нет. Имелись крупные поселки площадью до 5 тыс. м² и со значительным культурным слоем, на которых найдено до 1 тыс. единиц керамики.

К сожалению, сведения о жилищах пока недостаточны. Их выделяют по скоплению керамики и кремня, гумусированных пятен, а также очагов. Отсутствие углублений в земле позволяет предполагать, что они были наземными.

Посуда остродонная, на раннем этапе плохо обожженная. В тесте имеются примеси растительности и дресвы. Поверхность стенок выравнивалась расчесыванием зубчатым или гребенчатым штампом, от чего сохранились характерные следы. Типичен остродонный горшок с выпуклым телом. Под венчиком сосуд опоясан глубокими круглыми ямками. В ранних сосудах украшена преимущественно верхняя часть. Отличительной чертой неманской керамики было то, что днища не только острые, но и округленные, а также «шипастые». На корпусе встречается слабо выраженное ребро. Край венчика слегка отогнут. Некоторые сосуды орнаментированы пересекающимися линиями, образующими косые или сетчатые композиции.

На раннем этапе характерны треугольные наконечники стрел. В качестве наконечников стрел могли служить также ланцетовидные острия и микролиты. Наконечники копий имели листовидную форму и были ретушированы со спинки. Отмечается относительно малое количество каменных наконечников копий. Возможно, их делали из кости и рога. Топоры асимметричны.

Ранний период неманской культуры называют дубичайским (по стоянке Дубичай на границе Литвы и Беларуси).

Топография неманских стоянок свидетельствует о большом значении рыболовства. На дне реки около д. Камень в Пинском районе найдены костяные рыболовные крючки. В качестве грузиков сетей использовались камни, обернутые в бересту или ткань.

Понеманье отличалось богатством залежей кремня как на поверхности, так и в недрах земли. Есть основания считать, что там имелись сезонные мастерские по обработке кремня, на что указывает отсутствие на стоянках керамики.

Культура формировалась на местной основе. Контакты с соседними культурами были незначительны.

В 3 тыс. в неманской культуре произошли существенные перемены. Появилась гладко-костенная посуда с шейкой и отогнутым венчиком, украшенная в верхней части штампованными узорами, в том числе линейным орнаментом, характерным для культур Центральной Европы. Возрастает количество кремневых топоров. Возможно, это связано с проникновением с запада новых племен. Этот период называют лысогорским. Он отмечен сильным влиянием культуры ленточной керамики.

В середине 3 тыс. культура вступает в третий поздненеолитический этап, который называют доброборским (по стоянке около д. Добрый Бор в Барановичском районе). В этот период распространяется посуда, поверхность которой покрыта штрихами. Исчезает гребенчатый орнамент, вместо него — оттиски шнура. Распространяются серповидные ножи, топоры с зашлифованным лезвием. Все большее влияние на культуру оказывают проникшие из Волыни и Повисленья племена: сначала носители культуры воронковидных кубков, а позже (конец 3 тыс. до н. э.) — шаровидных амфор, знакомые с животноводством и земледелием. Население верхней Припяти было оттеснено на северо-восток.

В районе красносельских шахт открыты могильники культуры шаровидных амфор. Одно погребение имело ритуальное захоронение девяти быков, двух овец или коз, части свиней и коня. Животные были забиты ударами в лоб, а также стрелами. В могильнике около д. Едковичи Берестейского района найдено погребение с костями свиньи и изделиями из глины, кремня и кости. Среди вещей — характерные для культуры полированные топоры. Носители культуры шаровидных амфор стали первыми шахтерами на территории Беларуси. Есть основания предполагать, что между пришельцами и местным населением сложились сложные и далеко не дружественные отношения.

Культуры белорусского севера. В 4 тыс. до н. э. белорусское Подвинье (за исключением его юго-восточной части), нарочанские озера и верховья Вилии были заняты нарвской культурой (названа по эстонскому поселению Нарва). Ее основная территория находилась в Латвии, Эстонии, части Литвы, в Псковской и Ленинградской областях России.

Поселения располагались на песчаных возвышениях по берегам мелких рек, часто при выходе реки из озера. В связи с возросшей влажностью климата некоторые стоянки оказались под водой и заторфянились. Благодаря этому на них хорошо сохранились предметы материальной культуры из органических веществ, а также остатки деревянных построек. Одна из ранних неолитических торфяниковых стоянок изучена около д. Затестье в Логойском районе. Замечательные находки были сделаны на стоянке Осовец в Бешенковичском районе Витебской области.

К сожалению, остатки построек очень невыразительны, поэтому о них можно судить только по прибалтийским аналогиям. Они, вероятно, были вытянутыми, четырехугольными в плане, с вертикальными стенами из вбитых в землю заостренных кольев. Внутри имелись очаги на песочной подсыпке. Если это так, то постройки нарвской культуры резко отличались от типичных для неолита шалашевидных жилищ.

Для инвентаря характерны короткие листовидные наконечники стрел и длинные наконечники копий, обработанные двусторонней ретушью по всей поверхности. Бросается в глаза широкое использование кости и рога для их изготовления, а также ножей, топоров, крючков, гарпунов, пешней для подледного лова рыбы и др. Встречаются роговые мотыги с просверленными отверстиями под рукоятку.

Посуда достаточно своеобразная. Представлена горшками с широким отверстием и острым дном. В тесте заметны примеси растительности и раздробленных ракушек.

Поверхность сосудов разглаживалась зубчатой пластиной и украшалась сверху пояском круглых глубоких ямок, штампованным орнаментом, поясами насечек, наколов, отпечатками гребенки. Встречаются овальные мисочки.

В середине 3 тыс. в Северной Беларуси распространились новые племена с типичной гребенчато-ямочной керамикой. Посуда имела толстые стенки, яйцевидную форму с округлым днищем. Край венчика утолщен и скошен. Все тело горшков покрывалось поясами из глубоких круглых ямок и отпечатков широкозубчатого штампа.

Украшения представлены подвесками из зубов животных, а на позднейшем этапе — из янтаря. Найдена гравированная кость и объемные костяные и роговые фигурки.

Стоянки небольшие по размерам. Есть мнение, что в численном отношении новые группы были незначительны и уже к концу 3 тыс. растворились среди местного населения.

Хотя между пришельцами и местными отношения были сложные и имели место стычки, тем не менее прослеживаются взаимные культурные влияния. Так, местная керамика включила в орнаментацию новые элементы: пояса круглых глубоких ямок и ромбовидных фигур, отпечатки широкозубчатого штампа. Пришельцы, в свою очередь, заимствовали формы костяных изделий и украшений.

Нетрудно заметить, что областное деление неолита почти целиком совпадает с культурно-исторической картой мезолита. Так, в верхнем Поднепровье, где в мезолите была распространена культура с макролитическим производством, в неолите сложилась верхнеднепровская культура с гребенчато-ямочной керамикой. На Среднюю Беларусь, среднюю и нижнюю Припять, где в мезолите было распространено микролитическое производство, в неолите приходится северная часть ареала днепро-донецкой культуры с гребенчато-накольчатой керамикой. В Полесье ареалам своеобразного макро-, микролитического мезолита соответствует неманская культура с керамикой, орнаментированной наколами, насечками и в меньшей мере — отпечатками гребенки. Хотя нарисованная карта неолитических культур характерна для периода развитого неолита (3 тыс. до н. э.), несхожесть этих областей заметна уже в раннем неолите.

На севере Беларуси возникла новая культура, представленная пористой керамикой (вариант нарвской культуры). Несколько позже, во второй половине 3 тыс. до н. э., в область среднего Подвинья с севера проникли племена с типичной ямочно-гребенчатой керамикой.

Уже одно совпадение ареалов мезолитических и неолитических культур может свидетельствовать о преемственности в их развитии. Еще более очевидны эти свидетельства при сопоставлении кремневого инвентаря мезолита и раннего неолита внутри описанных областей.

В материалах неолитических поселений верхнего Поднепровья также прослеживается преемственность в технике обработки мезолитических и неолитических орудий и типах кремневого инвентаря. Особенно подчеркивается ее бытование в течение почти всей неолитической эпохи наконечников стрел мезолитического типа, сделанных из ножевидных пластинок. В области распространения культуры гребенчато-накольчатой керамики в раннем неолите сохраняются почти две трети из 70 типов орудий труда и микролитическая техника обработки кремня, характерная для местного мезолита. Исследователи отмечают непрерывность в развитии культуры от мезолита к неолиту в Полесье и их генетические связи. Поэтому попытки объединить все памятники раннего неолита в одну этнокультурную область (гребенчатой керамики раннего этапа, днепро-эльбскую и т. д.) с небольшими локальными группами внутри нее не представляются убедительным. Маловероятно, чтобы на базе разных культур мезолита в неолите смогло сформироваться устойчивое культурное и этническое единство.

Внутри культурных областей в неолите имели место некоторые перемещения групп или племен, ибо сохранялись основные причины миграции, заложенные в системе

хозяйственных и общественных отношений: постоянная сегментация родовых общин и заселение незаселенных или малозаселенных территорий в поисках зверя и рыбы.

Помимо прихода в Подвинье новых групп населения с севера, отмечается также некоторое проникновение волго-окских племен с ямочно-гребенчатой керамикой в верхнее Поднепровье. В 3 тыс. до н. э. на западные районы Беларуси распространилась миграционная волна с территории Польши или Волыни, принесшая памятники культуры воронковидных кубков. Эти инфильтрации несколько усложнили этническую карту, в отдельных случаях наложили заметный отпечаток на облик местных культур (бассейн Сожа), привели к появлению новых этнических групп, но не изменили существенно картины.

Кем было в этническом отношении древнейшее население Беларуси, определенно сказать трудно. Пока только носителей культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики большинство исследователей идентифицируют с финно-уграми, или предками современных финно-угорских народов. Поскольку памятники этой культуры имеются в Белорусском Подвинье, можно ставить вопрос о пребывании древних финно-угорских племен в этом регионе уже на основании одних археологических данных. Такой вывод подтверждается лингвистическими и антропологическими материалами.

Сложнее установить этническую природу других племен, обитавших на территории Беларуси в каменном веке. Антропологическое изучение костяков из захоронений днепро-донецкой культуры позволило сделать вывод о весьма древних местных корнях этого населения и считать его прямым потомком позднепалеолитических кроманьонцев. Большинство исследователей склонны называть это население просто доиндоевропейцами.

Таким образом, в каменном веке произошло заселение территории Беларуси. Разные этнические истоки и тяготение отдельных областей к различным в культурно-историческом плане регионам привели к формированию локальных особенностей в культурах и этническом составе населения. Для всего периода было характерно господство присваивающих форм хозяйства: охоты, рыболовства и собирательства.

ЭПОХА МЕТАЛЛА

18. Бронзовый век

Бронзовый век в истории Беларуси представляет не только новую, более высокую археологическую эпоху, отмеченную появлением и применением металла. С этим периодом связаны важнейшие исторические события: переход от господства присваивающих форм хозяйства к производящим, а также смена этнического состава населения края в связи с расселением новых индоевропейских племен.

Мы привыкли к принятию традиционной схемы, когда новая эпоха приходит на смену старой в результате исключительно внутреннего развития общества. Однако так было далеко не всегда. Некоторые народы вообще не знали бронзового века и сразу же перешли от каменного к железному. Неравномерность исторического развития проявляла себя уже в далеком прошлом. Отдельные южные народы, обитавшие в более благоприятной для хозяйственного развития среде, прошли свой начальный исторический цикл иначе и быстрее других, что во многом было обусловлено наличием там меди и олова.

В Беларуси нет собственного цветного металла, и она далеко отстоит от древнейших центров металлургии. Леса обеспечивали долгое функционирование присваивающих видов хозяйства, и на этой почве едва ли могли развиваться те перемены, которыми характеризуется бронзовый век. Впрочем, это касается не только Беларуси, но и большей части Западной Европы, где неолитическая эпоха тоже была сменена бронзовой благодаря широкому расселению индоевропейских племен, освоивших к этому времени металлургию, скотоводство и земледелие.

В Беларуси, несмотря на отсутствие своего металла, бронзовый век сформировался в полной, хотя и несколько специфической форме. Металлургия развивалась на привозном материале.

Возможно, и по этой причине в раскопанных поселениях бронзового века немного металла. Однако не следует забывать, что металлом не разбрасывались и если металлическое изделие сломалось, его переплавляли и получали новое. К сожалению, на территории Беларуси до сих пор не найдено литейных форм. Тем не менее есть косвенные свидетельства того, что металлургия, или техника металлургии, здесь существовала. Так, было установлено, что металл поступал из двух основных центров древней металлургии: один находился на Кавказе, другой — в Карпатах. Кавказ обеспечивал своей готовой продукцией и просто слитками бронзы все южные степные регионы Восточной Европы. К слову, кавказская бронза специфична. В ней вместо олова обычно использовались мышьяк или сурьма, что легко обнаруживается спектральным анализом.

Карпатский металлургический центр обеспечивал металлом Среднюю Европу. На территории Беларуси также встречаются изделия из прикарпатской бронзы. Тем не менее весьма важным представляется факт, что некоторые изделия были отлиты из сплавленной между собой кавказской и карпатской бронзы. Поскольку для древних металлургов состав бронзы и ее происхождение были безразличны, можно предполагать, что такие изделия отливались на месте из подручного материала. Так, существует надежда, что литейные формы еще будут найдены.

Обнаруженные на территории Беларуси изделия из бронзы достаточно разнообразны: топоры, ножи, наконечники копий, украшения.

Однако с бронзовым веком, как отмечалось, связано не только распространение металлических изделий, но и смена форм хозяйства. Все носители культур бронзового века были

уже скотоводами или земледельцами или и теми и другими одновременно, что было чаще. Это обстоятельство является основным аргументом, свидетельствующим об утверждении на территории Беларуси новой археологической и исторической эпохи — бронзового века.

Что представляла собой территория Беларуси до расселения индоевропейцев? Типичный неолитический край.

Неолитические культуры возникли здесь на базе предшествовавших мезолитических. С приходом индоевропейцев картина коренным образом изменилась. Спустя какое-то время Беларусь постепенно стала одноэтнической (моноэтнической), потому что в процессе расселения и тех сложных изменений, которые происходили в этническом плане, победу одержали индоевропейцы.

Прежнее многообразие этнических компонентов, которые характеризовали Беларусь в каменном веке, исчезло. Вся ее территория стала индоевропейской.

Вспомним, как шло заселение территории Беларуси индоевропейскими племенами, а также место, откуда они пришли (рис. 6.1).

Среди многих существующих гипотез о прародине и происхождении индоевропейцев более убедительной представляется переднеазиатская. Оттуда, очевидно, началось расселение индоевропейцев (5–4 тыс. до н. э.) и шло в разных направлениях: на запад и далеко на восток, вплоть до Северного Китая и Индии. Одна из расселявшихся групп, пройдя Иранское плоскогорье, повернула на север, прошла через Среднюю Азию и вышла в причерноморские степи. Здесь, в южных областях Восточной Европы, возникла древнейшая культура раннего бронзового века, отмеченная курганным обрядом захоронений со скорченными, окрашенными костяками. Есть основания предполагать, что ее носители уже смогли сформироваться в одну из ираноязычных групп. Во всяком случае в последующее время на этой территории возникнет несколько явно ираноязычных культур, особенно ярко представленных в железном веке (скифы, сарматы и др.). Носители древнейшей культуры были в основном скотоводами и вели подвижный образ жизни.

Южные степи были не очень благоприятны для ведения скотоводческого хозяйства, так как часто страдали от засух, что побуждало скотоводов постоянно менять пастбища. Древнейшие племена находились в постоянном движении. Осваивая все новые территории, они подошли на севере к лесной зоне и, опасаясь непривычного и неудобного для кочевого скотоводства места, обогнули территорию Беларуси, а затем двинулись в Среднюю и Северную Европу.

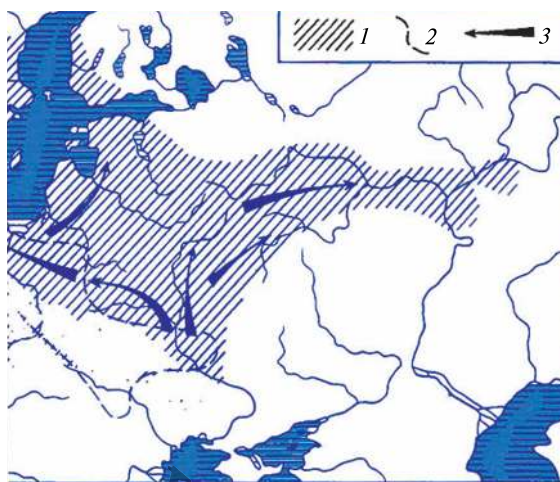

Рис. 6.1. Направления расселения индоевропейцев из южных областей Восточной Европы

Отдельные их группы проникли через Ютландский полуостров в Скандинавию.

Распространяясь на обширной территории, они оказывались в среде различных проживающих в этих местах народов и вступали с ними в контакт. Какая-то часть «древнеямников» оседала и постепенно смешивалась с аборигенами. Другая продолжала свой кочевнический быт и уходила дальше, прихватив с собой какую-то часть гибридного населения с его культурными особенностями.

Смешение индоевропейских скотоводов с местным населением иногда было настолько интенсивным, а взаимовлияние культур сильным, что приводило к возникновению новых культур и даже этносов, что и случилось в южных степях Восточной Европы.

Эпоха бронзы интересна и тем, что именно тогда великие миграции привели к возникновению многих современных индоевропейских народов, в том числе славян, германцев и балтов. Археологические материалы бронзового века сыграли главную роль в решении вопросов этногенеза данных народов.

В среднем Поднепровье индоевропейские племена смешались с местным неолитическим населением днепро-донецкой культуры. В результате появилась среднеднепровская культура. В свое время археологи спорили, на базе каких предшествующих культур она формировалась: древнеямной или катакомбной. Сейчас установлено, что на основе древнеямной, носители которой смешались с местными неолитическими племенами днепро-донецкой культуры (процесс смешения получит хорошее отражение в археологическом материале). Древнеямные племена являлись типичными индоевропейцами с курганным обрядом захоронений (до их появления курганов в этих местах не было). Среднеднепровская культура, соответственно, также характеризуется курганным обрядом захоронений. Скорченные, часто окрашенные костяки также индоевропейская черта. Тем не менее встречаются и погребения, где покойники лежат на спине, что уже свойственно для днепро-донецких племен. Эти факты, несомненно, указывают на процесс смешения. То же обнаруживается и в других материалах, например в керамике. Среднеднепровская керамика достаточно специфична и выразительна, иногда повторяет формы днепро-донецких сосудов (рис. 6.2).

Таким образом, где-то к середине 3 тыс. до н. э. в среднем Поднепровье появилась новая археологическая культура — среднеднепровская. Она пребывала в тех местах почти 500 лет. Исключительный интерес представляет следующий факт: когда среднеднепровские племена начнут великое расселение в более северных областях, в том числе и на территории Беларуси, обнаружится, что это были не просто индоевропейцы, а один из конкретных индоевропейских народов — ранние балты. Оказалось достаточно 500 лет, чтобы сформировался новый этнос. Данный исторический факт может быть использован при изучении этногенеза других народов. Как это удалось установить и как это доказывается, мы рассмотрим особо.

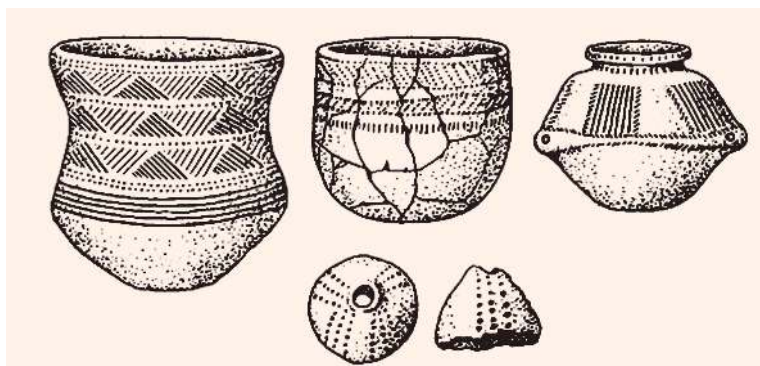

Рис. 6.2. Керамика среднеднепровской культуры

Итак, на рубеже 3–2 тыс. до н. э. среднеднепровские племена пришли в движение и довольно быстро заселили обширную территорию в Восточной Европе: от Вислы на западе до р. Москвы на востоке. Позже продвинулись в Прибалтику. В Беларуси памятники среднеднепровской культуры относятся к ее позднему этапу и датируются первой половиной 2 тыс. до н. э.

Они принесли новую производящую экономику и металл. Так новые территории были включены в орбиту бронзового века.

Надо заметить, что среднеднепровские памятники, представленные поселениями и могильниками, лучше всего исследованы в Беларуси.

Больше материалов дали погребения. Керамика среднеднепровской культуры очень своеобразна. Для нее характерны горшки с раструбом, амфоры, кубки. Посуда орнаментирована отпечатками шнура, штампа и нарезками в виде заштрихованных треугольников.

Среднеднепровскую культуру, как и многие другие культуры, связанные с расселением индоевропейцев, иногда называют культурой боевых топоров, потому что в составе инвентаря, особенно в погребениях, мы обычно встречаем вот такие изумительные предметы. Не только отлитые из бронзы, но и сделанные из камня. Здесь показаны каменные орудия, повторяющие формы металлических. Отполированные, некоторые из них просто имеют вид ладьи. Об этих топорах много писали. Они являются принадлежностью индоевропейцев, или различных индоевропейских культур, в том числе и тех, что были на территории Беларуси.

Встречаются топоры с незаконченным просверленным отверстием. В одном кургане была обнаружена высверлина. Отверстия высверливали, как в неолите, лучковым сверлом. Самим сверлом служила трубчатая кость, под которую подсыпали мокрый песок. В процессе движения трубчатое сверло постоянно углублялось, как бы врезаясь в камень, но высверливало не всю площадь будущего отверстия, а только его периметр. Внутренняя часть круга входила в полость сверла, а после окончания выпадала из него в виде каменного цилиндрика — высверлины. Их находки указывают, что боевые топоры не привозились в готовом виде, а изготовлялись на месте. Поражает, что такие почти идентичные по виду топоры были распространены в бронзовом веке от Швейцарии до Урала, и это породило немало различных исторических гипотез.

Бронзовые наконечники копий разные и различались по способу крепления с деревом: втульчатые насаживались на него, а черешковые вбивались (рис. 6.3). К сожалению, пока таких находок найдено немного. Кроме металлических наконечников копий, широко бытовали и каменные. Не исключено, что их преимущественно использовали местные племена, хотя они встречаются и в курганах индоевропейцев.

Вспомним, что в бронзовом веке камень не был вытеснен из употребления, потому что бронзы было мало и ею дорожили. По этой причине изделия из камня по-прежнему бытуют в эту эпоху. Некоторые считают, что именно в это время обработка камня достигла своего совершенства.

Настоящими произведениями искусства являлись каменные наконечники стрел (рис. 6.4). Для среднеднепровской культуры характерны двушипные наконечники без черенка (рис. 6.5), тщательно отретушированные по всей площади. Полагают, что нако-

Рис. 6.3. Бронзовые наконечники копий

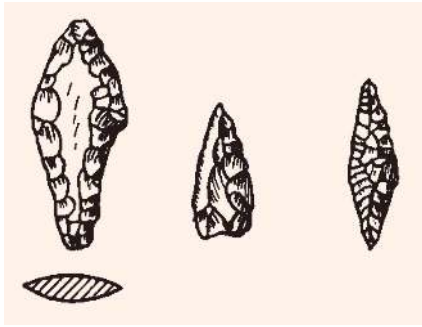

Рис. 6.4. Бронзовые наконечники стрел

животных. Судя по всему, в то время разводили прежде всего крупный рогатый скот, а также свиней. Приручены были лошадь и мелкий рогатый скот.

Вторым по значению хозяйственным занятием новых племен стало земледелие. Поскольку большая часть территории Беларуси была покрыта лесами, то по мере распространения земледелия стал ощущаться недостаток в свободных от леса землях. Поэтому под новые пашни начинают вырубаться леса. Сложилась особая система земледелия, которую называют лесной или подсечно-огневой. Для того чтобы подготовить участок под посев, вырубали лес, давали срубленным деревьям высохнуть, а потом их сжигали. Зола удобряла верхний слой почвы, а огонь уничтожал сорную растительность. В течение нескольких лет такой участок давал высокие урожаи зерновых. Для рубки дерева использовали топор, а для обработки земли — каменную или роговую мотыгу. Земледелие при помощи мотыг называют мотыжным.

Можно предполагать, что уже в это время стали применяться деревянные плуги, которые были хорошо известны индоевропейцам. В Беларуси в торфянике около д. Каплановичи (недалеко от Клецка) был такой найден (рис. 6.6). В Швеции же сохранились наскальные рисунки эпохи бронзы, на которых изображена сцена пахоты при помощи такого плуга. Экспериментально было доказано, что им можно было вспахать участок земли в 50 раз быстрее, чем при помощи мотыги. При раскопках были найдены зерна пшеницы.

Поселения открытого типа, т. е. неукрепленные, располагаются в основном в долинах рек. Здесь стоит отметить такую интересную особенность: так как лесные области были малопригодны для ведения хозяйства, носители этой культуры осваивали главным образом речные долины, шли со своими стадами туда, где возможно прокормить скот. Местное же население охотников и рыболовов, как и в каменном веке, из которого они еще не вышли, в основном заселяло леса. Сложилась любопытная картина расселения племен в зависимости от рода занятий и типа культур. Речные долины заняты индоевропейцами, а лесные пространства — местным доиндоевропейским населением, и так продолжалось довольно долго. Поселения были застроены жилищами нового типа. В отличие от шалашевидных жилищ неолита постройки стали возводить с вертикальными стенами, основу которых составляли угловые столбы.

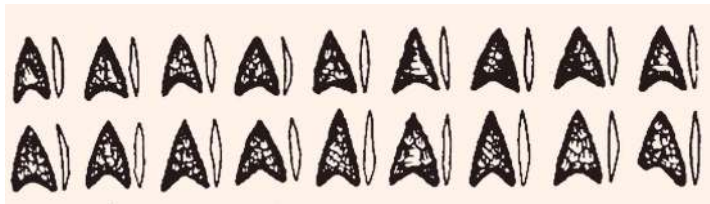

Рис. 6.5. Каменные наконечники стрел с выемкой (двушипные)

нечники стрел с шипами — боевое оружие, рассчитанное на поражение человека. Шипы препятствовали извлечению стрелы из тела, увеличивая при этом рану. В курганах нередко такие находки. Значит, и тогда были войны.

К сожалению, бронзовый век Беларуси исследован еще недостаточно, особенно поселения, поскольку у нас еще мало специалистов по бронзовому веку.

Для культуры характерны каменные сверленные топоры, кремневые ножи, наконечники стрел.

Среднеднепровские племена были скотоводами и земледельцами. О скотоводстве свидетельствуют найденные в раскопках кости домашних

Рис. 6.6. Деревянный плуг из Капланович

Несравненно лучше изучены погребения среднеднепровской культуры. Они не высокие — 1–2 м, но достаточно большие в диаметре, порой достигают 20 м и больше. В основном, особенно в ранних курганах, использовался обряд труположения.

Это первые курганы на территории Беларуси.

Они имеют круглую, сферическую форму. Вместе с погребенным в курган клали глиняные горшки, бронзовые или каменные топоры, оружие, украшения, поскольку думали, что все это потребуется усопшему в ином мире.

Раскопанные курганы около д. Ходосовичи в Гомельской области начала 2 тыс. до н. э. дают представление о погребениях среднеднепровцев и богатствах, которые были накоплены отдельными людьми. Здесь сохранилось 17 курганов высотой от 1 до 2 м и диаметром 10–20 м.

Один раскопанный курган имел диаметр 14 м. В его центре, на дне, обнаружен скелет человека. Покойник был положен на слой золы толщиной 5–7 см. Почва под ней оказалась сильно обожженной. Погребенный лежал на левом боку с подогнутыми ногами головой на север. Правая рука была согнута в локте и кистью прикрывала лицо. В северной части кургана, в полуметре от головы мертвеца, были поставлены два больших глиняных сосуда. Возле колен в ряд стояли еще четыре целых сосуда. Еще два были разбиты на мелкие кусочки (рис. 6.7).

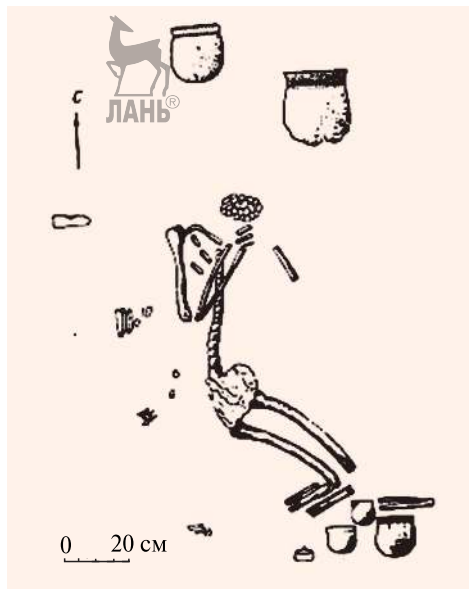

Рис. 6.7. План одного из среднеднепровских погребений около д. Ходосовичи

В полуметре к западу от черепа лежал каменный сверленный боевой топор. Вблизи от него — два кремневых ножа и каменная высверлина от отверстия топора, что свидетельствует об изготовлении его на месте. Южнее ножей лежали шесть кремневых наконечников стрел, тщательно обработанных мелкой ретушью.

Четыре наконечника в основании имели выемку, благодаря чему на них образовались по два шипа. У ног погребенного лежал кусок рога лося, кости свиньи и кабана.

В другом кургане были найдены глиняный сосуд, медный топор и наконечник копья, две очевидные подвески, четыре кремневых ножа, каменный клиновидный топор, каменный сверленный боевой топор, обломок еще одного сверленного топора, 27 кремневых наконечников стрел, 53 кремневых отщепа, каменная полировальная плита, янтарная подвеска, костяная проколка.

Все это множество вещей расставлено вокруг скорченного костяка.

Со временем среднеднепровские племена перешли к обряду трупосожжения. Иногда захоронения производились в ямах.

Культура предоставила великолепный материал для решения этнических проблем, далеко выходящих за ее рамки. Полученные результаты представляют большой теоретический интерес и применимы для установления этнической принадлежности и носителей других археологических культур (рис. 6.8).

В свое время предполагалось, что среднеднепровцы — это неразделившиеся индоевропейцы, что является глубоким заблуждением. Таковыми они были только тогда, когда проживали в пределах своей прародины, где и сформировались как особый этнос. Однако это было несколько тысяч лет до того, как они расселились на громадных пространствах Европы и Азии, где они постоянно смешивались с другими этносами, приобретая в разных местах какие-то новые локальные черты. В конце концов, это стало причиной их разделения на отдельные народы. Различия между ними продолжали углубляться. Поэтому носители среднеднепровской культуры никак не могли быть неразделившимися индоевропейцами. Но кем же они тогда были?

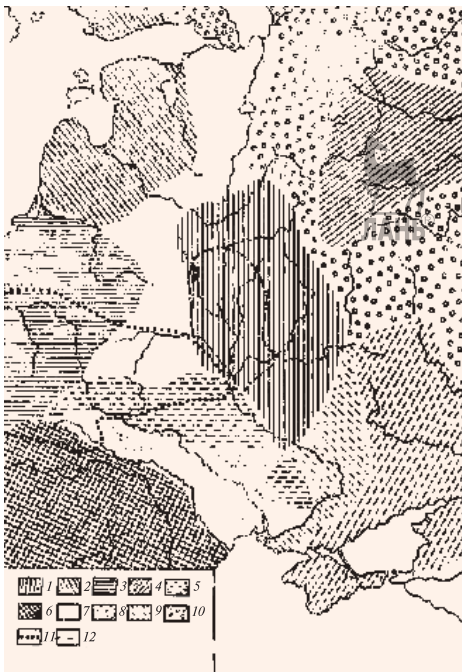

Рис. 6.8. Археологические культуры конца 3 — 2 тыс. до н. э.:

- 1 — среднеднепровская; 2 — боевых топоров;
- 3 — шаровидных амфор; 4 — фатьяновская;
- 5 — волыно-мegalитическая; 6 — трипольская;
- 7 — усатовская; 8 — ямочно-катакомбная;
- 9 — нижнеднепровская; 10 — культуры с ямочно-гребенчатой или гребенчатой керамикой;
- 11 — границы тшинцевой культуры; 12 — границы сосницкой культуры

Лингвисты установили, что на огромных пространствах от среднего Поднепровья – на юге, до Западной Двины – на севере и от Вислы – на западе до Москвы – на востоке господствует балтская гидронимика (названия рек на основе древнего балтского языка).

Только приход этого народа мог привести к появлению и сохранению обширного ареала балтской гидронимики.

Однако согласно законам лингвистики она не могла возникнуть стихийно на такой большой площади, а должна быть принесена расселением племен, говоривших на балтском, из более ограниченного, небольшого региона.

И здесь нельзя не заметить, что, во-первых, ареал балтской гидронимики поразительно совпадает с территорией, освоенной среднеднепровскими племенами. Во-вторых, они не были коренными обитателями этой обширной территории, а пришли сюда в процессе миграции из относительно небольшого региона в среднем Поднепровье. Такое совпадение выводов лингвистики и археологии нельзя считать случайным. Несомненно, это указывает на то, что носителями балтского языка, оставившими о себе память в древних названиях рек, были среднеднепровские племена. С их расселением начинается балтский период в этнической истории Беларуси, продолжавшийся в течение бронзового и железного веков, до прихода славян.

С точки зрения теории этногенеза представляет интерес и упоминаемое ранее наблюдение, что на формирование балтов как особого индоевропейского народа потребовалось приблизительно пятьсот лет. К рубежу 3–2 тыс. до н. э., когда среднеднепровцы начали расселяться на территории Беларуси, они уже являлись балтами.

Выводы по балтскому этногенезу дают надежную основу для решения вопросов происхождения других, особенно родственных балтам народов, например славян и германцев, которые вместе с балтами составляли особую ветвь индоевропейцев.

История балтов показала, что в это же время в силу сходных причин могли возникнуть близкие им по происхождению славяне и германцы, что многими исследователями не допускалось.

Проникшая в Среднюю Европу часть древнеямных племен смешалась с носителями местной неолитической культуры воронковидных кубков, занимавшей территорию между Эльбой и Вислой. В результате появилась новая культура шаровидных амфор, воплотившая в себе признаки как местной неолитической культуры, так и индоевропейцев. Возникли скорченные захоронения, достаточно выразительные признаки утверждения скотоводства, ритуальных погребений. Очень сильное смешение, хорошо отраженное в археологическом материале, напоминает то, что происходило в среднем Поднепровье. Все говорило о зарождении не только новой культуры, но и нового этноса. Именно на этой территории все исторические источники помещают начальных славян.

Новая культура оказалась настолько мощной, что смогла довольно быстро расширить свою территорию. Ее памятники вскоре появились на Рейне и Немане. Погребальные памятники этой культуры были открыты и раскопаны относительно недавно около д. Ёдковичи на Немане.

Значит, заселение территории Беларуси индоевропейцами частично связано с проникновением в крайне западные области ранних славян. Правда, несколько позже там изменится этническая ситуация: регион окажется в зоне расселения балтов.

Среднеднепровская культура просуществовала приблизительно до середины 2 тыс. до н. э., когда на ее основе сложилась новая культура – сосницкая.

Памятники сосницкой культуры распространены практически на той же территории, что и среднеднепровские: на верхнем Днепре, Соже, Десне, Сейме, Суле и нижней Припяти.

Свое название культура получила по поселению Сосница в Украине.

Изучена она пока еще слабо. Известны поселения и могильники. Поселения располагались в поймах рек, на песчаных дюнах или останцах, на высоких мысах.

Жилища известны двух типов: наземные и землянки с очагами внутри. В раскопках, кроме керамики, найдены обломки каменных сверленных топоров, клиновидные топоры, кремневые ножи, наконечники стрел, скребки.

Сосницкая керамика представлена высокими плоскодонными горшками со слабо-выпуклым туловом и отогнутыми венчиками, край которых утолщен и косо срезан наружу. Стенки сосудов красного и желтого цвета, в глине содержится примесь песка, обжиг хороший. Наружная поверхность хорошо заглажена. В отличие от керамики среднеднепровской культуры сосницкая орнаментирована, как правило, по всей поверхности. Орнамент отличается большим разнообразием: отпечатки крупного и мелкого шнура, короткие насечки, мелкие углубления, нарезные линии, линейный и зубчатый штампы и др. Различные элементы орнамента образуют горизонтальные ряды, елочные композиции, заштрихованные треугольники, что указывает на связь сосницкой культуры с среднеднепровской.

Могильники изучены недостаточно. Известны погребения с труположением и трупосождением. Погребения находились на глубине 0,4–0,5 м и представляли собой обычно скопления золы и кальцинированных костей, вместе с которыми находят глиняные сосуды.

Как в хозяйственном отношении, так и по форме общественного устройства и идеологии племени сосницкой культуры мало чем отличались от своих предшественников.

Анализ керамического материала дает основания для предположения, что памятники сосницкой культуры представляют собой дальнейший этап развития культуры периода ранней бронзы на этой территории.

Заметным своеобразием отличается бронзовый век Понеманья, где сформировалась особая культура, распространившаяся и на верховья Вислы, и в Западном Полесье. Этот регион находился под сильным влиянием соседней тшинецкой культуры, но пока не выяснено, составлял ли он часть этой культуры. Памятники Западного Полесья нуждаются в дополнительном изучении.

В заключение рассмотрим очень интересный вопрос о характере взаимодействий пришедших на территорию Беларуси индоевропейских племен с местным населением и каков был результат таких взаимодействий. Местное население еще долгое время практиковало прежние первобытные виды хозяйства — охоту, рыболовство и собирательство. Оно принадлежало к другой языковой группе и, по-видимому, само говорило на разных языках, поскольку пришло на территорию Беларуси в далеком мезолите из разных мест и с разными культурами.

Мы его условно называем доиндоевропейским, потому что установить более точную их языковую принадлежность пока не удастся. Только жителей Северо-Восточной Беларуси по некоторым косвенным данным можно отнести к древним финно-уграм.

С приходом индоевропейцев происходит смена древнего языкового фона и утверждение балтских диалектов. Языковеды склонны считать, что единый ранний балтский язык распался на ряд диалектов уже в процессе их миграции.

Балты не истребили и не вытеснили местное население. Оно осталось на месте, и приблизительно тысячу лет шел процесс постепенного смешения этносов.

Вся древняя история отмечена непрерывными перемещениями народов. Важно помнить, что основным показателем результатов таких смешений, или миксации, может быть или ассимиляция какого-то народа другим, или возникновение совершенно нового этноса. Бронзовый век Беларуси дает превосходный материал для наблюдений и теоретических обобщений.

Будучи земледельцами и скотоводами, балтские племена занимали прежде всего места, удобные для ведения этих видов хозяйства, например долины рек. Остальные

пространства еще долго были заняты местными племенами охотников и рыболовов. Поэтому длительное время на территории Беларуси проживали как доиндоевропейцы, так и индоевропейцы. Со временем между ними устанавливались все более тесные отношения. Остатки коренного населения постепенно перенимали новые, более надежные формы хозяйства и начинали ассимилироваться с балтами. Этот процесс, как свидетельствуют археологические материалы, занял почти тысячу лет (все 2 и даже часть 1 тыс. до н. э.). Показателен следующий факт. На поселениях, не утративших характера неолитических, находят кости домашних животных. Но все эти поселения датируются 2 тыс. до н. э., а не более ранним временем, т. е. периодом, когда в этих местах расселились индоевропейцы. Эти материалы убедительно свидетельствуют о том, что местные племена стали перенимать новые виды хозяйства у пришельцев и начали практиковать разведение домашнего скота. В свою очередь, многое было воспринято и балтами: некоторые приемы охоты и рыбной ловли, обработка дерева и кости, собирательство даров природы. Все это способствовало не только установлению более тесных контактов, но и смешению этносов. Постепенно Беларусь становится одноэтничным краем с диалектами одного балтского языка, о чем, впрочем, свидетельствует почти сплошная замена местных названий рек и озер на балтские.

Индоевропейцы являлись огнепоклонниками, т. е. почитали огонь и солнце. Жаркое солнце могло выжечь всю растительность и лишить земледельца урожая, а скотовода — кормов для скота. Человек понимал свою зависимость от капризов погоды и по-прежнему считал, что его жизнь зависит от богов, главным из которых в его представлении был бог-солнце, бог огня, так как мог послать дождь или засуху. От него зависели благоприятные или неблагоприятные дни для земледелия и скотоводства, поэтому человек пытался умиротворить богов, полагая, что мольбами и жертвоприношениями сможет вымолить нужную ему погоду, повысить урожайность полей.

Человек придумал особые ритуальные изображения солнца — солнечные символы (солярные знаки): круг, крест, звездочка, свастика. Такие знаки наносились на различные предметы: посуду, фигурки животных и др. С культом солнца как символа земного плодородия были связаны своеобразные фигурки людей или животных. Проявление культа — обычай прожигать землю перед тем, как положить на нее тело умершего, а также посыпание его охрой. Красный цвет связывали с огнем, которому приписывали способность защищать человека от всяких злых сил. С культом солнца связан и распространенный постепенно обряд сжигания тела покойников.

19. Железный век

Железный век на территории Беларуси начался около середины 1 тыс. до н. э. Наиболее ранние памятники новой эпохи появились на юге в VI в. до н. э. В Центральной, Северной и Северо-Восточной Беларуси они появились позже — в V—IV вв. до н. э.

Было установлено, что почти в каждом поселении той поры существовала местная обработка железа. Железо окончательно вытеснило камень и создало условия для развития производящих видов хозяйства. Именно в железном веке произошла быстрая и повсеместная смена древней экономики, основанной на охоте и рыболовстве, экономикой, где вначале заметно преобладание скотоводства, постепенно уступившее место земледелию.

Развитие земледельческого хозяйства сильно сдерживалось малым плодородием белорусских почв, представленных главным образом подзолами, супесями и суглинками, а также обилием лесных пространств. Тем не менее имеются неоспоримые свидетельства раннего появления здесь пашенного земледелия. Вспомним находку деревянного кривогрядильного рала.

Земледельческое хозяйство быстрее развивалось в южных районах Беларуси, что, возможно, объясняется более древними традициями здесь местных производящих хозяйств, восходящих еще к эпохе бронзы. Таким образом, в начале железного века сохраняется известное различие в хозяйственном развитии между отдельными областями Беларуси.

В эпоху железа почти все орудия труда были заменены железными. Из железа изготавливались топоры, серпы, ножи, долота, оружие, украшения и т. п. Но особое значение, несомненно, имел железный топор, ставший в известной мере технической предпосылкой развития земледелия в лесных районах. С помощью железного топора стало возможным расчищать под пашню обширные лесные пространства. Сложилась так называемая подсечная система земледелия. Срубленные на корню деревья высушивались и сжигались. Зола давала земле удобрение. Почва разравнивалась и немного взрыхлялась бороной-суковаткой. Во многих местах земледобработка ограничивалась заборонением семян в золу. На таком поле урожай снимался в течение пяти-шести лет, после чего оно забрасывалось и подготавливалось новое.

Основным земледельческим орудием в лесных районах считается соха, а в южных — плуг. В Средневековье они оснащались железными наконечниками. Однако таких находок на памятниках железного века не обнаружено. Орудия, вероятно, здесь еще не имели железных наконечников и оставались целиком деревянными. Обычными находками, связанными с земледелием, являются железные мотыги, серпы и каменные зернотерки. При раскопках поселений железного века найдены зерна проса, пшеницы, гороха, вики. Есть основания предполагать, что в это время выращивали корнеплоды, в частности репу.

И земледелие, и скотоводство были теснейшим образом связаны между собой.

Появление железных орудий вызвало значительный прогресс в обработке кости, дерева, кожи, цветных металлов. Несомненный шаг вперед сделала строительная техника. К железному веку, очевидно, восходят первые срубные дома. Можно предполагать, что дерево активно применялось для различных хозяйственных и бытовых нужд.

Гораздо большее развитие по сравнению с предшествующим периодом получил внутри- и межплеменной обмен. На территории Беларуси найдены вещи, происходящие из Западной Европы, Причерноморья, берегов Балтики. Особенно тесные связи прослеживаются с латенской культурой Западной Европы.

Развитие производительных сил в железном веке, успехи земледелия и скотоводства повлекли за собой важные изменения в общественных отношениях. Прежде всего, по-видимому, произошел быстрый переход к отцовскому роду на территориях с предшествующим неолитическим бытом. Сами патриархальные порядки переживают интенсивную эволюцию от становления (на отдельных территориях) и расцвета до разложения и гибели. Этот процесс шел неравномерно, но повсеместно. Новая, более высокая ступень в развитии производства создавала условия для накопления известных богатств в руках небольших коллективов внутри родовой общины. Это вело к ее разложению, выделению численно более мелких групп, ставившихся основными хозяйственными единицами. В раннем железном веке такой основной хозяйственной единицей стала большая патриархальная семья.

Дальнейшее развитие характеризовалось неравномерным распределением общественных богатств среди отдельных семей. Выделяются богатые и бедные семьи.

В новую эпоху также участились столкновения между отдельными общинами, родами и племенами. Археологическим свидетельством является появление небольших укрепленных поселений — городищ, ставших на целую тысячу лет господствующей формой поселений. Их обитателями были главным образом отдельные патриархальные семьи.

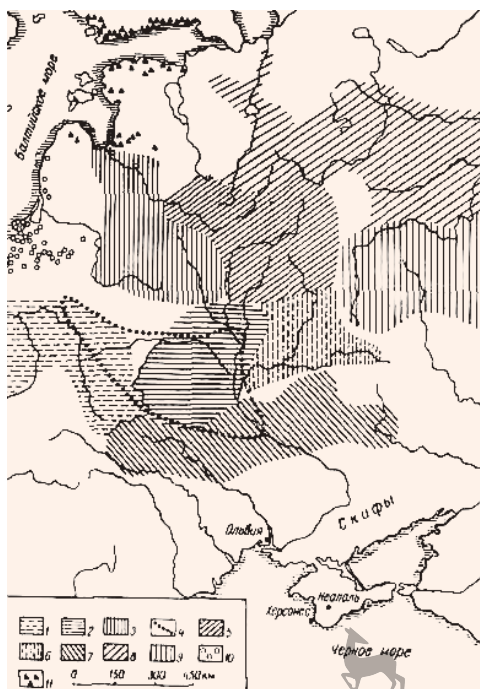
Военные столкновения и связанные с ними грабежи способствовали росту имущественного неравенства. С другой стороны, постоянная угроза нападения заставляла пле-

мена объединяться в сильные крупные союзы. На последнем этапе первобытнообщинного строя возникает специальная организация для войны в форме специфического общественно-политического строя – военной демократии.

Железный век – последний дописьменный период в истории Беларуси. Установление связи археологических культур этого времени с исторически известными народами – задача исключительной важности, значение которой трудно переоценить. История современных народов удревняется на целую эпоху, создаются необходимые предпосылки для поисков их этнических истоков в еще более древних культурах бронзового века.

В раннем железном веке на территории Беларуси отчетливо выделяются три основные культурно-исторические области: одна – на юге в поречье Припяти и южнобелорусском течении Днепра, вторая – в Центральной Беларуси к западу от Днепра и третья – в северо-восточной части, включающей Западную Двину и смоленское течение Днепра (рис. 6.9).

Юг Беларуси в свою очередь не был единым в культурном отношении в течение всего периода железного века. Реки Горынь и Случь делили эту область на две части. В западной части располагались памятники, относящиеся к лужицкой и поморской культурам, в восточной – милоградской, а позже – зарубинецкой культурам.

Рис. 6.9. Археологические культуры раннего железного века:
 1 – поморская; 2 – милоградская;
 3 – штрихованной керамики; 4 – границы зарубинецкой; 5 – днепро-двинская;
 6 – юхновская; 7 – лесостепная культура скифского времени; 8 – дьяковская;
 9 – область верхневолжских городищ;
 10 – курганные могильники западно-балтийских племен;
 11 – каменные курганы в Прибалтике и Финляндии

Лужицкие и поморские памятники. В Беларуси обнаружены пока только отдельные находки, принадлежащие к лужицкой культуре, но памятники не изучены. Около д. Горбов на р. Ясельде на песчаном всхолмлении найдены два больших бронзовых браслета позднелужицкого типа. Возле д. Борисы на Брестчине было найдено несколько обломков глиняной посуды с ушками лужицкого или близкого к ним типа.

Когда именно лужицкие племена проникли на территорию Беларуси, еще не установлено. Можно предполагать, что это произошло на позднем этапе существования лужицкой культуры. Так, помимо горбовских браслетов, к позднелужицкому времени относится

одно из сравнительно хорошо изученных лужицких поселений на Волыни в верховьях Припяти у села Головно.

К северо-востоку от лужицкой располагалась поморская культура, распространившаяся к IV в. до н. э. на юг и юго-восток в области лужицкой и частично других культур.

Поморская культура была представлена погребальными памятниками особого вида. Остатки сожжения часто хоронились в урне, которая прикрывалась перевернутым вверх дном большим сосудом. Такие погребения называют подколпачными или подклешевыми. Очень своеобразны поморские погребальные урны с изображением человеческих ликов. На территории Беларуси памятники поморской культуры появились в III в. до н. э. и просуществовали до I в. до н. э. Их крайний восточный пункт известен возле Пинска. Культура представлена открытыми поселениями и бескурганскими могильниками с трупосожжениями. На поселении около д. Кусичи Каменецкого района Брестской области обнаружены остатки наземного жилища 4 × 4,5 м, стены которого, по-видимому, были снаружи обложены камнями. Внутри — два очага в неглубоких круглых ямах.

Известны погребения пяти типов: ящичные, с каменными ограждениями, подклешевые, урновые и ямные. Последние характерны для самого позднего этапа поморской культуры. На территории Беларуси преобладают ямные и подклешевые погребения.

Возле Дрогичина раскопано пять поморских погребений, находившихся друг от друга на расстоянии около 10 м. Два захоронения были произведены в урнах, три — в ямах. В одном погребении остатки пережженных костей, очищенных от костра, были высыпаны в горшок-урну, перекрытую сверху двумя мисками. В другом — прикрытая миской урна была еще накрыта большим сосудом.

При раскопках могильника у д. Тростяницы Каменецкого района Брестской области найдены железная фибула раннелатенской схемы, железное кольцо и какие-то сплавившиеся подвески из бронзы.

Вся глиняная посуда поморской культуры сделана вручную и весьма разнообразна по форме. Имеются горшки с низко расположенными плечиками, большие сосуды со слабо выраженными плечиками и бугристой поверхностью, урны с несколько отогнутым венчиком и иногда лощенной поверхностью, всегда лощенные миски, кубки и др.

Милоградская культура. Милоградская культура сложилась и распространилась на значительной части Юго-Восточной Беларуси. Ее западная граница лежит в устье Горыни, северная — южнее городов Слуцка, Жлобина и Чечерска, восточная — по среднему течению Илути. На юге она распространяется далеко за пределы Беларуси, доходя до Киева и верховьев Южного Буга.

Исследование милоградских памятников, по существу, началось с 1951 г.

Название культура получила по поселку Милоград в Гомельской области, где в раскопанном городище она была представлена в наиболее чистом виде (рис. 6.10).

На территории Беларуси милоградская культура датируется серединой VI — II вв. до н. э. Ранний этап характеризуется некоторыми булавками, ажурной бляхой гальштатской формы, железным орудием в виде тесла или пластинчатого топорика с двумя выступами. Позднюю дату дают сарматские и позднелатенские аналогии: средне- и позднелатенские фибулы, браслетообразные височные подвески, прорезные колокольчики и др.

Поселения представлены городищами и селищами, но преобладают городища. Селища, как правило, встречаются вместе с городищами, хотя на Припяти известны и селища без городищ.

Большая часть городищ устраивалась на мысах. С напольной стороны они укреплялись валом и рвом. Высота вала достигала 2,5–3 м. Часто имелось несколько валов и рвов. Некоторые городища относятся к типу болотных.

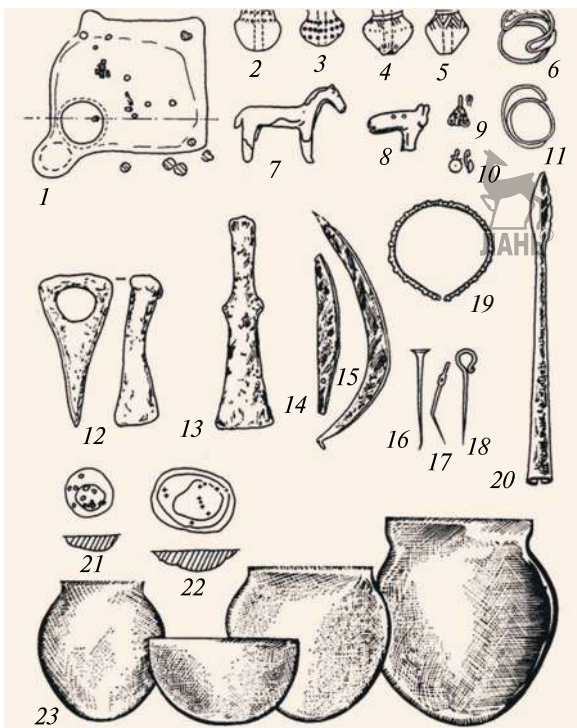

Рис. 6.10. Материалы милоградской культуры:
 1 – план милоградской постройки;
 2–5 – глиняные пряслица;
 6, 11 – бронзовые височные кольца;
 7–8 – глиняные фигурки коня;
 9 – бронзовая подвеска; 10 – серьга;
 12 – железный топор; 13 – железная мотыжка с боковыми закраинами;
 14 – железный нож; 15 – железный серп;
 16–18 – бронзовые булавки;
 19 – бронзовый браслет;
 20 – железный дротик;
 21–22 – планы погребений;
 23 – глиняная посуда

Жилища обычно слегка углублены в материк (0,15–0,5 м), имеют квадратную, прямоугольную, круглую или овальную в плане формы площадью 12–16 м² и рассчитаны на одну семью. Для всех раскопанных жилищ характерна одна интересная деталь – выступ возле одной из стен или в углу. При раскопках прослеживаются ряды ям от столбов стен. Перекрытие поддерживалось центральным столбом. В удлиненных больших жилищах таких столбов было несколько.

Почти возле каждого дома сооружался небольшой хозяйственный погребок, возле одной из стен или в углу которого, как и в жилищах, устраивался характерный выступ. Внутри жилищ сооружался открытый очаг, обнаруживаемый обычно в виде скопления пережженных камней.

Погребения представлены небольшими ямами с остатками трупосожжений. Тщательно очищенные от углей пережженные косточки складывались в неглубокую (в среднем 0,6 м) ямку диаметром от 0,5 до 1,5 м, преимущественно круглую. Известны также овальные или удлиненные ямы, ориентированные в основном с северо-востока на юго-запад. Большинство погребений не содержит вещей. Из 70 могил, исследованных в д. Горошков Речицкого района, только в 15 найдены черепки разбитых сосудов, отдельные бронзовые и железные предметы и пряслица. В десяти погребениях имелись лишь небольшие скопления обломков сосудов. С погребальным обрядом связаны находки в некоторых могилах камней, отдельных кремневых орудий, охры, зубов жертвенных животных. Рядом с погребениями иногда находят следы тризны.

Могильники располагались возле поселений, временами в пределах укрепленной части между внешним и внутренним валами (Горошков). В одном случае захоронения обнаружены на жилой площадке городища рядом с жилищами (Мохов I).

Есть основания предполагать, что на раннем этапе милоградской культуры наряду с обрядом трупосожжения существовало и трупоположение. Так, на юге Беларуси

у д. Дубой в устье р. Горыни был раскопан курганный могильник VI–V вв. до н. э. с трупоположениями и трупосожжениями. В курганах найдены сосуды милоградских форм, характерных для высоцкой культуры. Курганные захоронения известны также на Волыни и Киевщине в области распространения подгорцевских памятников, представляющих, по-видимому, локальный вариант милоградской культуры. Керамика культуры весьма своеобразна и отличается общим архаичным обликом, в котором достаточно заметны традиции эпохи бронзы. Вся она сделана вручную. Преобладают яйцевидные или шаровидные горшки и глубокие миски. Часть сосудов имеет невысокую шейку и прямой или отогнутый наружу венчик, другие – вообще без венчика с прямым или загнутым внутрь краем. Для ранних этапов милоградской культуры более характерны удлиненные, яйцевидные и тюльпановидные сосуды (рис. 6.11), а также сосуды с плоским и уплощенным дном. Позже они приобретают более округлые формы.

Хронологические различия можно проследить в орнаментации сосудов. На ранних типах она более разнообразна. Характерен так называемый жемчужный орнамент в виде выпуклостей на внешней поверхности, орнамент из ногтевых и пальцевых вдавлений, расположенных чаще всего в один ряд по шейке сосуда или под венчиком. Со временем орнамент упрощается и на поздних сосудах часто вообще отсутствует.

Интересную группу изделий из глины составляют милоградские грузики («пряслица»), отличающиеся необыкновенным своеобразием (рис. 6.12). Очень распространены грузики, имеющие форму милоградских сосудов, а также крестовидные. В орнаментации грузиков нередко встречаются мотивы, характерные для тшинецко-комаровских и более ранних сосудов эпохи бронзы.

Орудия труда, найденные в милоградских памятниках, достаточно разнообразны. Найдены железные проушные топоры, серпы, теслообразные мотыги, ножи с горбатой спинкой, долотообразные изделия, шилья, иглы. На горошковском городище найден клад железных земледельческих орудий.

Рис. 6.11. Милоградский горшок

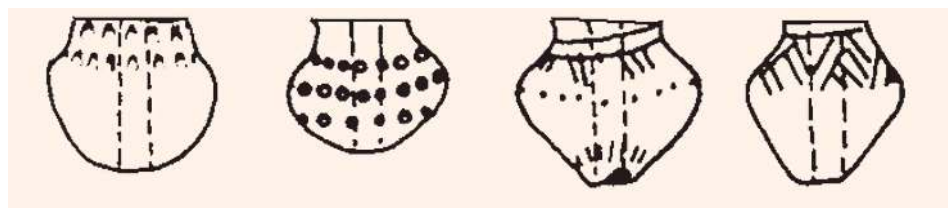

Рис. 6.12. Милоградские пряслица

Из предметов вооружения больше всего обнаружено наконечников стрел. Для местной культуры характерны железные плоские листовидной, треугольной или ромбической форм наконечники без черешка, выявлены также скифские бронзовые трехгранные стрелы. Из нетипичных находок следует отметить скифский железный меч и дротик латенского типа. В качестве оружия могли, конечно, использовать и обычные топоры.

Одной из отличительных черт милоградской культуры является крайне ничтожное количество изделий из кости, которые представлены здесь главным образом проколками и рукоятками к металлическим орудиям.

Милоградские украшения довольно разнообразны. Из железа, бронзы и серебра изготавливались браслеты с замкнутыми, разомкнутыми и заходящими концами, поверхность которых иногда орнаментировалась зубчиками и ложной зернью (рис. 6.13). По сечению различаются браслеты круглые, овальные и многопроволочные.

Бронзовые и железные булавки представлены не менее чем шестью типами. Наиболее распространена булавка с головкой в виде петли, заканчивающейся пятивидным завитком.

Найдены ранне-, средне- и позднелатенские фибулы, браслетообразные, трапециевидные и треугольные подвески, спиральные, конические и полушаровые серьги, колокольчики, бляхи.

Как можно судить по многочисленным находкам серпов, зернотерок, двухсторонних секирок, мотыжек и других орудий труда, основу хозяйства милоградских племен составляло земледелие. На стенке одного сосуда сохранился отпечаток зерна пшеницы. Таким образом, есть основания предполагать существование пашенного земледелия.

Анализ остеологического материала говорит о значительной роли скотоводства.

Рис. 6.13. Браслеты из горошковского клада

Наибольшее количество найденных костей домашних животных принадлежит крупному рогатому скоту. Обнаружены также кости лошади, свиньи, мелкого рогатого скота, собаки. Дикие животные представлены в значительно меньшем количестве.

На многих поселениях отчетливо выявляются следы занятий железообработкой, литьем, рыболовством, деревообработкой, прядением и ткачеством. О разделении труда внутри родовой общины свидетельствует погребение с разбитыми литейными формами, раскопанное на городище Мохов I. Возможно, что здесь был захоронен общинник, специализировавшийся на изготовлении бронзовых предметов.

Некоторые материалы свидетельствуют о связях милоградской культуры с другими областями. Так, среди браслетов, найденных в кладе горошковского городища, имеются экземпляры позднегалыптатских и раннелатенских типов. Вместе с тем находки литейных форм говорят о местном производстве некоторых из них.

Возможно, импортной западноевропейской вещью является железная бритва, напоминающая латенские образцы. Едва ли местной следует считать железную плетеную цепь от уздечного набора, найденную на одном из милоградских памятников. Несомненно, с юга были завезены наиболее часто встречающиеся синие глазчатые бусы. Импортные изделия более тяготеют к югу и западу. Связи с севером и Балтикой прослеживаются значительно слабее.

В патриархально-родовом строе у племен милоградской культуры уже обнаруживаются некоторые признаки разложения.

Источники, раскрывающие систему верований милоградцев, довольно ограничены. Можно отметить, что их многие грузики покрыты знаками, характерными для солярных и астральных культов. Возможно, культовый характер присущ глиняным фигуркам животных (главным образом коня) и различным амулетам: клыкам животных, просверленным острогалам, рыбным позвонкам, гальке. В ряде погребений находки обломков человеческих черепов без всяких признаков сожжения дают основание предполагать существование культовой антропофагии.

В некоторых элементах милоградская культура обнаруживает черты сходства с предшествующими ей тшинецкой и комаровской культурами бронзового века, проявляющиеся в близости форм некоторых сосудов, грузиков, их орнаментации и в деталях погребального обряда. Это может рассматриваться как свидетельство существования генетической связи между ними.

Есть основания считать, что милоградская культура выросла на основе тшинецко-комаровской культурной общности, в том числе культур поздней бронзы Беларуси. Так, нельзя не обратить внимания на близкое совпадение ареалов милоградской и сосницкой культур и наличие у них некоторых общих культурных элементов. Впрочем, сосницкая культура относится к одному с тшинецкой и комаровской кругу памятников.

Милоградская культура прекращает существование в III–II вв. до н. э.

Говоря об этнической принадлежности милоградских племен, следует иметь в виду, что она формировалась на местной культурно-этнической основе в ареале балтской гидронимии, что позволяет считать ее носителей одной из балтских групп.

Памятники зарубинецкой культуры. К II в. до н. э. милоградская культура в силу различных причин трансформировалась в новую зарубинецкую культуру (рис. 6.14). Значительная часть ее хорошо изученных памятников приходится на Южную Беларусь.

Основной материал для установления абсолютной хронологии зарубинецкой культуры дают бронзовые и железные фибулы, которые обычно называют латенскими, хотя, как справедливо отмечается исследователями этих предметов, основная их масса имеет местное происхождение.

Наиболее ранняя фибула латенского типа, найденная в селе Велемичи I Давид-Городокского района Брестской области (фибула с шариками), датируется концом II — началом I в. до н. э. Остальные относятся к I в. до н. э. и I в. н. э. В рамки II в. до н. э. — I в. н. э. укладываются и остальные вещи из зарубинецких комплексов. В этом диапазоне, очевидно, следует определять и хронологию культуры в целом.

Поселения зарубинецких племен на территории Беларуси представлены городищами и селищами. Исследование городищ показало, что в основе их подавляющего большинства лежат милоградские слои.

Жилища представляют собой наземные прямоугольного плана дома площадью 20–25 м². Основу стен составляли вкопанные в землю столбы, пространство между которыми заполнялось бревнами или плетнем, обмазанным глиной. Встречаются также небольшие полуземлянки. И те и другие имеют внутри каменные или глинобитные очаги довольно примитивной конструкции.

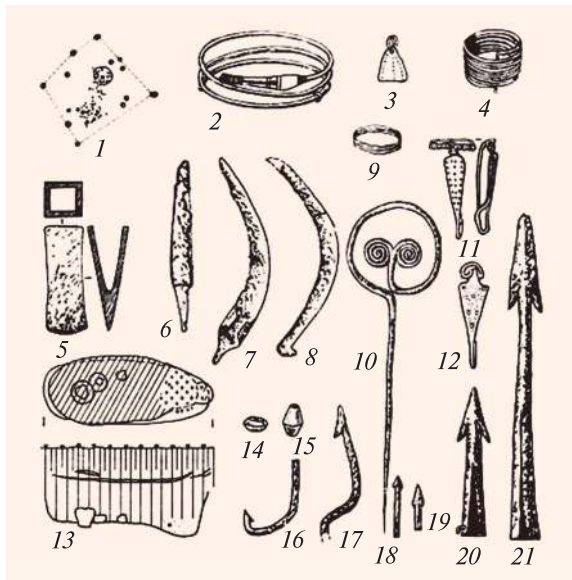

Рис. 6.14. Материалы зарубинецкой культуры:

- 1 — план столбовой постройки;
- 2, 4 — бронзовые браслеты;
- 3 — бронзовая подвеска; 5 — железный топор;
- 6 — железный нож; 7–8 — железные серпы;
- 9 — бронзовое кольцо;
- 10 — бронзовая булава;
- 11–12 — бронзовые фибулы зарубинецкого типа;
- 13 — план погребения;
- 14–15 — глиняные пряслица;
- 16 — железный рыболовный крючок;
- 17 — железная острога; 18–19 — железные наконечники стрел;
- 20–21 — железные двупиленные дротики

Могильники зарубинецкой культуры относятся к типу памятников «полей погребений». Располагались они вблизи поселений, преимущественно на высоком плато. Покойника сжигали, а прах погребали в неглубоких, обычно удлиненных ямах. В могилы клали глиняные сосуды с пищей и некоторые вещи: копья, ножи, украшения. В обряде наблюдаются некоторые вариации: в одних случаях остатки сожжения сыпались прямо в яму, в других — помещались в сосуд. Различались между собой по размерам, а «поля погребений» не имеют никаких внешних признаков на поверхности и обнаруживаются, как правило, при случайных земляных работах или специальных поисковых раскопках. Однако можно предполагать, что первоначально погребения имели какие-то отличительные знаки. В пользу этого говорит тот факт, что даже на могильниках, насчитывающих несколько сотен захоронений, в редчайших случаях одно погребение нарушает другое.

Керамика зарубинецких племен представлена тремя устойчивыми формами сосудов: высокими горшками или кувшинами среднего размера, мисками и небольшими сосудами в виде кружек с ручками. Все они вылеплены вручную. Значительная часть керамики имеет вылощенную поверхность. При этом лощенной посуды больше на могильниках и меньше на поселениях. Керамика из могильников имеет нарядный «столовый» вид, отличаясь от обычной грубоватой «кухонной» посуды поселений.

Горшки имеют отогнутый наружу венчик, яйцевидное тулово и сравнительно узкое плоское дно. Наиболее широкая часть находится на 2/3 высоты. Высота сосуда обычно превышает его ширину. Некоторые сосуды имели украшением налестный валик с зашипами, опоясывавший наиболее широкую часть сосуда.

Приблизительно у половины горшков по краю венчика наносились насечки, вдавления или зашипы. Украшения чаще представлены на больших сосудах, служивших хранилищами припасов и составлявших, по-видимому, часть обстановки жилища.

Миски, как правило, тщательнее вылащены, но по форме более однообразны. Для рубежа и начала нашей эры характерны реберчатые миски. Ранние образцы имеют более плавные очертания.

Культура зарубинецких племен принадлежит к культурам развитого железного века. Следы железообработки обнаруживаются почти на всех поселениях. Из железа изготовлены орудия труда, оружие и украшения.

Широко развита была также обработка цветных металлов, которые главным образом шли на украшения и предметы убора.

При сравнении хозяйства зарубинецких племен с хозяйством их соседей очень ярко выступает земледельческий характер культуры.

Наиболее исследованным зарубинецким памятником, дающим яркое представление о культуре в целом, является археологический комплекс у д. Чаплин Лоевского района Гомельской области, состоящий из городища, селища и могильника.

Городище расположено на продолговатом мысе высокого коренного берега Днепра, образовавшемся в устье небольшого оврага. С напольной стороны сохранился вал высотой около 3 м и заплывший ров. Площадка городища, возвышающаяся над уровнем поймы на 15–16 м, имеет размеры 75 × 65 м.

Мощность культурного слоя колеблется от 0,25–0,30 до 0,80–1,00 м. Раскопками выявлены сотни больших и малых ям от столбов жилищ, хозяйственных сооружений и т. д. В разбросанных по городищу ямах колоколовидной формы хранились мясо, рыба, возможно, молоко, творог, сыр. Однако 80 % таких ям не дали никаких находок. Вполне допустимо предположение, что в них хранили корнеплоды, в частности репу, известную в Восточной Европе с древних времен.

О занятиях населения обработкой металла свидетельствуют находки обломков небольших криц и кузнечных шлаков. Найдены железные топоры-кельты с прямоугольной в сечении втулкой, в которой закреплялась коленчатая рукоятка. По форме они имеют много общих черт с топорами из раннелатенских памятников Средней Европы. На одном топоре можно легко проследить технику его изготовления. Сначала отдельно выковывались втулка и лезвие. Затем проковкой они соединялись вместе.

Найдено также несколько железных ножей. Ранние из них имеют так называемую горбатую спинку.

О значительной роли земледелия в хозяйстве обитателей городища свидетельствуют железные серпы, составляющие 20 % всех найденных здесь железных орудий.

Из других железных предметов следует отметить рыболовные крючки, наконечники стрел, различные острия, булавки, фибулы среднелатенской схемы (рис. 6.15).

Изделия из бронзы изготовляли преимущественно на месте. На городище найдено несколько глиня-

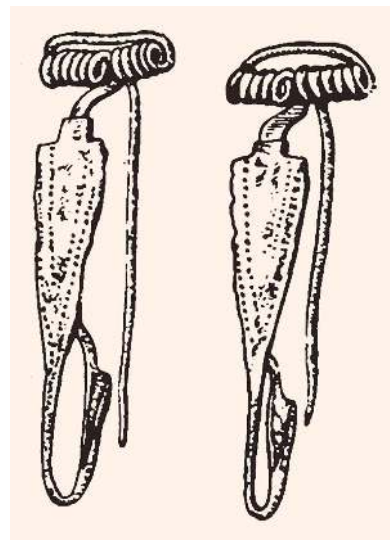

Рис. 6.15. Зарубинецкие фибулы

ных тиглей, льячек и литейных форм, кусочки бронзы и обрывки бронзовой проволоки. Из бронзы делали украшения: булавки, аналогичные по типу железным (некоторые имели пятивидный завиток), браслеты, височные кольца, подвески и пронизки. В нескольких местах были найдены маленькие клады бронзовых украшений. Один состоял из двух браслетов и трех височных колец. В другом имелись железная фибула, бронзовое височное кольцо и три пронизки, входившие, вероятно, в состав ожерелья из 50 стеклянных и пастовых бус различного цвета и формы.

Изделий из кости и камня найдено сравнительно немного. Костяными были некоторые проколки, возможно, иглы для вязания, гребни. Из камня делались прежде всего зернотерки. Их найдено свыше десятка.

Среди обычной и очень разнообразной посуды интересную находку представляет сосуд для приготовления сыра. В нижней части его стенок, около самого дна, были сделаны сквозные отверстия диаметром 0,4–0,5 см, шедшие в два ряда. В дне сосуда также имелось сквозное отверстие диаметром около 2 см.

Особую и очень многочисленную группу находок составляют глиняные пряслица. Самая распространенная их форма – биконическая. Для пряслиц характерна богатая и разнообразная орнаментация, преобладающим мотивом которой является ряд заштрихованных или заполненных наколами треугольников. Такой орнамент был распространен на глиняных сосудах среднеднепровской и сосницкой культур эпохи бронзы, а также на пряслицах милоградской культуры. В этом можно видеть отражение генетических связей зарубинецких племен с культурами их предшественников.

В 100 м к северо-западу от городища у д. Чаплин на коренном берегу Днепра располагался обширный могильник. Обнаружить его помогли местные жители, рассказавшие, что при рытье канавы здесь находили глиняные сосуды.

По масштабу изученности Чаплинский могильник оказался самым крупным «полем погребений». В нем раскопано около 300 захоронений, располагавшихся равномерно по всему могильнику на расстоянии от 1 до 10 м друг от друга. Во всех погребениях присутствует только один обряд – трупосожжение. Обломки пережженных костей ссыпались прямо на дно погребальной ямы. Количество таких костей разное – от единиц до сотен. Преобладают обломки больших конечностей. Средняя глубина погребальных ям – 0,50–0,75 м. Их абсолютное большинство имеет овальную форму длиной около 2 м и шириной до 0,75 м. Ямы, как правило, имеют устойчивую ориентировку с северо-запада на юго-восток. Кости тщательно очищались от остатков костра и складывались кучкой преимущественно в центре ямы. Вместе с ними, обычно сверху, клались различные вещи: ножи, украшения, наконечники копий. Почти все они носят на себе следы пребывания в огне. Рядом с костями на дно ямы ставились глиняные сосуды: миски и горшки, которые помещались преимущественно в северо-западной части ямы.

Небольшую группу погребений составляют захоронения в круглых ямах. В некоторых из них не обнаружено остатков кремации. Приблизительно десятую часть составляли могилы, в которых либо совсем не было вещей, либо они были представлены обломками глиняных сосудов.

В целом могильник дал исключительно много самых разнообразных предметов. Здесь было найдено только 277 шт. целых сосудов. Это были в основном типичные зарубинецкие горшки, миски, мелкие сосуды. Находки в погребениях фибул дают возможность рассматривать весь громадный вещевой материал могильника в хронологическом развитии. Хотя фибулы широко распространены за пределами области зарубинецкой культуры, можно утверждать, что все основные их типы, найденные в Чаплинском могильнике, за исключением исходного среднелатенского, происходят из Приднепровья.

Орудия труда представлены 3 топорами-кельгами, 16 ножами, 4 шильями, 2 пряслицами, 22 огневыми. Однако особенно многочисленны украшения: среди них 24 браслета, 11 височных колец, 30 колец и перстней, 79 небольших колечек и пронизок, 1163 целых

украшения в виде стеклянных бус и не менее 1 тыс. спекшихся. Из оружия найдены 14 наконечников копий и наконечник стрелы. Могилы были явно неравнозначны по количеству содержащихся в них находок. Выделяются погребения богатые, средние и бедные. В этом можно видеть отражение имущественного расслоения среди обитателей Чаплинского городища.

По совокупности датирующих находок Чаплинский могильник не выходит за хронологические рамки II в. до н. э. — I—II вв. н. э.

Обширный вещевой материал, добытый раскопками поселения и могильника в Чаплине, убедительно свидетельствует о высоком уровне зарубинецкой культуры. Застройка городища и характер находок менее всего соответствуют быту обычной большесемейной общины. Всего вероятнее, что общественные отношения обитателей Чаплинского поселка следует рассматривать как переходные от патриархальной большесемейной общины к сельской общине с развивающимися семейными началами и заметными признаками имущественного неравенства.

Чаплинский археологический комплекс не единственный хорошо исследованный памятник зарубинецкой культуры на территории Беларуси.

В Полесье было частично раскопано еще несколько зарубинецких могильников. Один из них находится у д. Велемичи в низовьях р. Горыни. На нем вскрыто 136 погребений, 125 из них относятся к зарубинецкой культуре, остальные — к более позднему времени.

Три зарубинецких погребения были произведены по обряду трупоположения, хотя в них найдены не полные скелеты, а только обломки черепов. Тринадцать не имели остатков костей. В шести обломки пережженных костей были ссыпаны в глиняные урны. Остальные захоронения совершены в обычной зарубинецкой манере: тщательно очищенные от погребального костра остатки пережженных костей ссыпались на дно ямы. Сверху или рядом с ними складывались вещи.

Вещей много. Больше всего керамики, представленной лепными горшками, мисками и маленькими сосудами в виде стопок. Цвет керамики — темно-коричневый. Большая часть сосудов вылощена или тщательно заглажена. Из металлических предметов большую группу, как обычно, составляют фибулы латенских типов. Одна из фибул среднелатенской схемы, украшенная двумя шариками на спинке, дает раннюю дату погребения — II в. до н. э. Из украшений найдены большие бронзовые булавки с кольцевыми или плоскоспиральными головками, бронзовые трапециевидные подвески, кольца, стеклянные бусы. Очень интересна большая бронзовая шейная гривна. Другие категории вещей представлены единичными находками: два ножа, одно пряслище, один наконечник копья и др. Можно особо отметить найденный в одном из погребений обломок явно привозного кельтского сосуда, сделанного на гончарном круге и покрытого графитом.

Рядом с могильником расположено зарубинецкое поселение, на котором обнаружены слегка углубленные жилища. Недалеко от него находятся еще два поселения и около каждого свой могильник (Велемичи II и Велемичи III). На одном из них (Велемичи II) на небольшой площади было обнаружено 35 погребений. За исключением двух, все они зарубинецкие, содержащие материал, аналогичный могильнику Велемичи I. И тот и другой могильник можно датировать второй половиной II в. до н. э. — I в. н. э.

Еще один зарубинецкий могильник был частично исследован возле д. Воронико Туровского района Гомельской области. В нем раскопано 50 погребений. Обряд захоронения — трупосожжение. В двух погребениях остатки кремации были положены в урны, в остальных высыпаны в ямы. Большинство ям имеет вытянутую овальную форму и ориентировано с запада на восток. Бросается в глаза такая деталь погребального обряда, как помещение остатков сожженного в восточном краю ямы. Глиняные сосуды ставились на некотором расстоянии к западу от них. В большей части погребений встречается сразу по три сосуда: горшок, миска и кружка. Датируется могильник тем же временем, что и в Велемичах. Зарубинецкая культура оказала заметное воздействие на соседние культуры, испытав в свою очередь их культурное влияние на себе.

В Смоленском Поднепровье распространяется керамика, близкая по форме к зарубинецкой, фибулы зарубинецкого типа и т. д. Влияние зарубинецкой культуры ощущается и далее на восток, на нижней Оке и Волге.

В конце I в. н. э. или, возможно, во II в. н. э. поселения и могильники зарубинецкой культуры на территории Беларуси прекращают свое существование. Их место занимают памятники иного культурного облика.

Культура штрихованной керамики. Большая часть Средней Беларуси в раннем железном веке была занята культурой штрихованной керамики, впервые выделенной в 20–30-е гг. XX в.

Наиболее характерной ее чертой является весьма своеобразная орнаментация сосудов: внешние, а иногда и внутренние их поверхности покрывались сплошной штриховкой пучком соломы или травы по необожженной глине (рис. 6.16). Направление штрихов в целом беспорядочное, хотя можно отметить преобладание вертикальной и диагональной штриховки. Эта особенность керамики настолько заметна и устойчива, что позволила не только легко определить ареалы культуры, но и дала название самой археологической культуре.

В своем чистом, неосложненном другими культурами виде область штрихованной керамики вписывается в следующие границы: на севере — верховья рек Дисны, Ушачи, Березины, на востоке — течения рек Друти до низовьев Березины, на юге граница поворачивала к городам Слуцку и Клецьку.

Западная граница культуры проходила приблизительно по Неману. Памятники штрихованной керамики имеются в Литве и в несколько своеобразном варианте в Латвии и Эстонии.

За пределами этой основной области культура штрихованной керамики встречается в смещении с памятниками других культур, что объясняется, с одной стороны, нестабильностью границ между различными культурами, с другой — взаимовлиянием их друг на друга.

Исследование городищ со штрихованной керамикой началось в 1920–1930-е гг. (рис. 6.17). Наиболее крупные раскопки были проведены до войны на Банцеровском городище под Минском, где вскрыто свыше 200 м² площади. Меньший масштаб имели раскопки на Черкасовском и Германовском городищах под Оршей и городище возле д. Селище под Слуцком. Широкое изучение культуры осуществлено в послевоенные годы. Были проведены раскопки на городищах Лабенщина, Збаровичи, Новоселки, Киния, Старая Рудица, Качановичи, Августово, Некасецк, Вязынка, Малышки и др.

Вопрос о хронологии памятников культуры штрихованной керамики еще не вполне разработан. Наиболее ранние памятники пока датируются III–II вв. до н. э. Не исключено, что по времени возникновения она синхронна милоградской. Впрочем, имеются предложения выделять самые ранние памятники со штрихованной керамикой в особую группу или даже культуру и относить их к бронзовому веку. Поздние памятники культуры штрихованной керамики существуют до IV–V вв. н. э.

Рис. 6.16. Черепки со штриховкой

Культура штрихованной керамики пока известна только по поселениям, что были укрепленными и неукрепленными. Археологически изучены городища, располагавшиеся на естественно защищенных мысах, отдельных холмах, крутых берегах рек и озер.

Замечено, что на раннем этапе существования культуры городища не имели искусственных оборонительных сооружений в виде валов и рвов. Примером может служить одно из самых ранних городищ этой культуры — Августовское. Однако вполне возможно, что поселения обносились деревянной оградой. Следы такой стены были обнаружены при раскопках городищ Вязинка и Малышки.

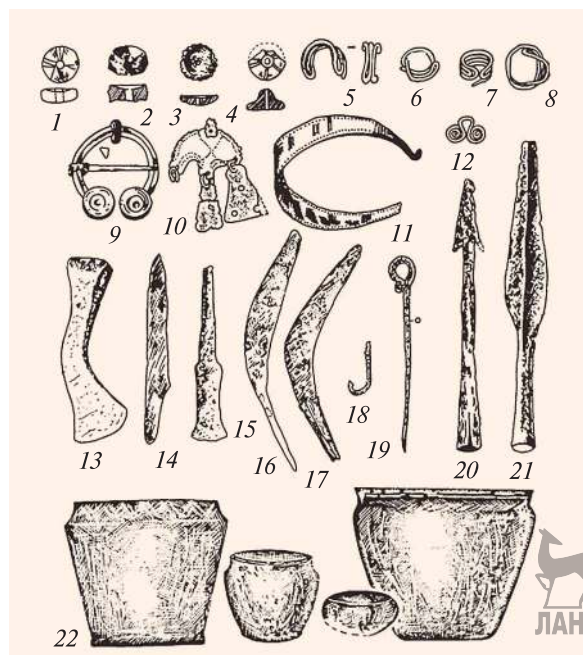
Позже стали сооружаться валы и рвы, окружавшие поселение иногда в несколько рядов. Валы устраивались на площадке городища, внизу у его подножья или на склонах. На гребне вала временами сооружалась деревянная стена из толстых горизонтальных бревен, закрепленных между вертикальными столбами.

В пределах основной области распространения культуры до сих пор не обнаружены погребальные памятники, синхронные поселениям.

Замечено, что городища иногда располагались группами по два — четыре поселения. По-видимому, каждая группа принадлежала отдельному роду. В ранних поселениях жилые постройки возводились по краю площадки городища. В центре располагались хозяйственные сооружения. В II—III вв. н. э. жилая застройка производится также и в центральной части поселений. Характерным для культуры типом жилища был большой наземный деревянный дом, разделенный на несколько помещений площадью 22—25 м².

Весьма своеобразный план имело большое жилище на городище Вязинка. Оно состояло из трех неодинаковых помещений. Самым крупным было южное, имевшее длину не соответствующую двум помещениям. Северо-западное имело размеры 5,2 × 5,0 м, северо-восточное — 6,3 × 5,0 м.

Большие прямоугольные постройки (18 × 7 м) Малышкинского городища строго членились на четыре приблизительно одинаковых помещения.

Рис. 6.17. Материалы культуры штрихованной керамики:
 1–2 — глиняные пряслица;
 3–4 — глиняные грузики дьякова типа;
 5–8 — бронзовые височные кольца;
 9 — бронзовая фибула; 10, 12 — бронзовые подвески; 11 — бронзовая гривна;
 13 — железный топор; 14 — железный нож;
 15 — железное топоровидное орудие;
 16–17 — железные серпы;
 18 — железный рыболовный крючок;
 19 — железная посоховидная булава; 20 — железный двушипный дротик;
 21 — железное копье;
 22 — глиняные горшки и миска

Конструкция стен, по-видимому, была различна. На Збаровичском городище основу стен составляли вертикальные столбы, служившие также опорой перекрытия.

На других памятниках отсутствие достаточного количества столбовых ям вдоль стен построек дает основания предполагать иной характер приемов домостроительства. Очень возможно, что из поселений культуры штрихованной керамики происходят древнейшие в Беларуси постройки срубного типа.

Примечательной особенностью построек культуры штрихованной керамики является часто обнаруживаемое обмазывание стен глиной. Остатки глиняной обмазки с отпечатками дерева в некоторых случаях дают точный план исчезнувших построек. В этом смысле особый интерес представляет замечательный комплекс идеально спланированных построек, открытых на городище Малышки (рис. 6.18). По-видимому, все помещения внутри большого малышкинского дома были жилыми, так как в них обычно удается проследить остатки открытых очагов, сохранившихся местами чуть ли не в своем первоначальном виде. Их конструкция была очень устойчивой: несколько приподнятый край из камня или глины придавал очагу круглую или овальную форму длиной 1,4–1,5 м, шириной 1,2–1,3 м.

Внутренняя планировка жилищ отличалась большой стабильностью. Так, в жилищах Малышкинского городища в каждом помещении обнаружено по три-четыре очага, которые за время долгого существования построек были последовательно возведены точно один над другим. Внутри некоторых жилищ на уровне очагов встречались площадки из выложенных в один ряд камней, многие из которых были расколоты и сильно обожжены. Скопления камней в поселениях штрихованной керамики – явление довольно обычное. Особенно много их по краям площадок городищ (рис. 6.19).

Почти на каждом исследованном городище обнаруживаются следы обработки железа. На поселениях близ Лабенщины, Свидна, Кимии были найдены остатки домниц. На Вязынковском городище выявлены обломки глиняных печей-горнов. Несколько ям, обмазанных глиной и заполненных шлаками, встречено на Малышкинском городище. К слову, многочисленные куски шлаков, как правило, фиксируются при раскопках почти каждого поселения. Железные изделия представлены топорами, зубилами, серпами, ножами, шильями, иглами, наконечниками копий, дротиков и стрел, пряжками, фибулами, булавками.

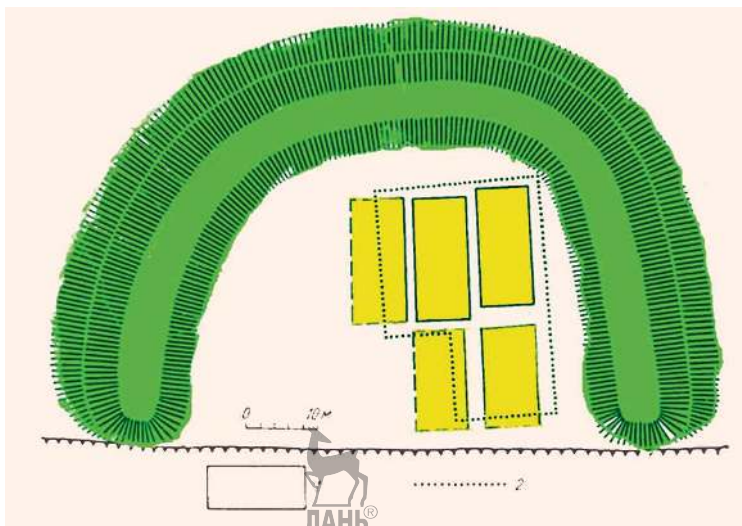

Рис. 6.18. План городища Малышки

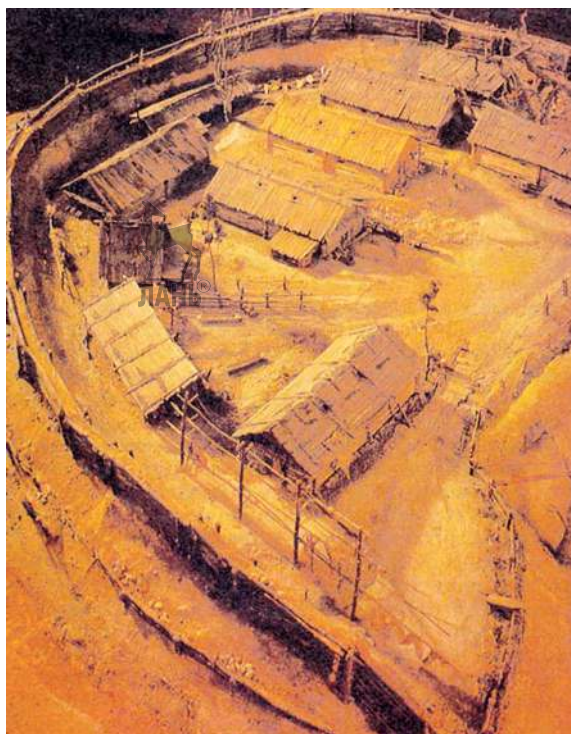

Рис. 6.19. Реконструкция малышкинских жилищ

В значительно меньшей степени было развито бронзолитейное дело. Изделий из бронзы найдено сравнительно немного. Есть основания полагать, что многие украшения и бытовые вещи изготавливались на месте, о чем свидетельствуют находки льячек, тигельков и фрагменты литейной формы.

Очень интересная находка бронзовой фибулы с цветной эмалью была сделана в Малышках (рис. 6.20). Очевидно, это импортное изделие попало сюда в результате межплеменного обмена из Прибалтики, известной своими украшениями с выямчатыми эмалями.

Рис. 6.20. Бронзовая фибула с эмалью (д. Малышки)

Очень своеобразен керамический материал. По форме сосуды распределяются на несколько типов. Особенно распространены горшковидные сосуды с прямым или несколько отогнутым наружу краем венчика, выпуклым туловом и плоским дном, украшенные, помимо штриховки, ямочными вдавлениями по плечу в горизонтальный ряд или треугольниками, а также остросереберные сосуды, часто с зашипами, насечками, нарезными линиями или ямочными вдавлениями в верхней части. Известны также сосуды баночной формы и горшковидные со слабо выраженными плечиками. Последние два типа считают присущими позднему этапу культуры. Возможно, они развились из предшествующих более ранних форм.

Очень важно отметить, что территориально различные типы посуды, особенно первых двух форм, распределяются неодинаково. Для восточных районов культуры характерны горшковидные сосуды с прямым или отогнутым венчиком, для западных — остросереберные.

Основу хозяйства носителей культуры штрихованной керамики составляло подсечное земледелие, орудия которого представлены железными топорами и серпами. Часты находки каменных зернотерок. На ряде городищ (Банцеровское, Збаровичское и др.) были найдены обугленные остатки пшеницы, проса, бобов, гороха и вики.

Однако подсечное земледелие не всегда было надежным источником существования. Поэтому значительное место занимало скотоводство и охота. Анализ костных материалов, обнаруженных при раскопках поселений, показывает развитость этих видов хозяйства. Население разводило коров, свиней, лошадей, овец, но отсутствие хороших пастбищ в лесах ограничивало возможности развития домашнего скотоводства, поэтому в составе стада преобладала свинья. Возможно, что она была здесь первым после собаки одомашненным животным.

Сравнение видового состава домашних и диких животных на более ранних и более поздних поселениях свидетельствует о постепенном возрастании значения скотоводства. Так, если на городище Лабенщина домашние животные составляли одну треть по отношению ко всем определенным по остаткам животным, то на более поздних памятниках Кимии и Новоселках — половину.

Происхождение и исторические судьбы культуры штрихованной керамики еще не вполне ясны. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Основная трудность состоит в том, что почти не исследованы памятники предшествующей поры. Тем не менее ряд свидетельств дает основание предполагать, что культура сложилась на местной основе и автохтонна по своей природе. Очень характерный элемент в культуре — покрытие сосудов штриховкой — очевидно, восходит еще к эпохе неолита или бронзы.

К середине 1 тыс. н. э. жизнь на городищах прекращается. Многие поселения погибли в пламени пожара. На территории, некогда занятой культурой штрихованной керамики, распространяются памятники иного культурного облика.

Значительно определеннее решается вопрос об этническом характере культуры. Племена штрихованной керамики занимали территорию, на которой распространены гидронимы, восходящие к балтским языкам. Это обстоятельство свидетельствует о принадлежности племен культуры штрихованной керамики к группе народов, говоривших на одном из балтских языков.

Днепро-двинская культура. Верховья Сожа и Десны, смоленское поречье Днепра и верхнее течение Западной Двины до водораздела Днепра и рек волжского бассейна с 1 тыс. до н. э. до третьей четверти 1 тыс. н. э. входили в особую культурно-историческую область, отличную по ряду важных культурных элементов от соседних областей. Сложившаяся здесь в железном веке археологическая культура носит название культуры

смоленских городищ или днепро-двинской (рис. 6.21). Пока известны только поселения этой культуры, представленные городищами и селищами.

Городища обычно располагались гнездами по 2–4 вблизи водоемов на высоких естественно укрепленных местах, часто на отдельных моренных холмах посреди болот. Размеры их, как правило, невелики. Форма площадки – треугольная или овальная. Городища дополнительно укреплялись валами и рвами, иногда в несколько рядов. Специальной обработкой склонам придавалась большая крутизна. В качестве интересной детали можно отметить факт, что валы и рвы почти всегда сооружались либо вдоль основания городища, либо на его склонах, т. е. ниже площадки поселения. Раскопками на некоторых городищах прослежены остатки деревянных стен, сооруженных по гребню валов. По своей конструкции городища очень напоминают литовские пилькальнисы. Селища тоже располагались вблизи воды.

Жилища были столбовой конструкции, наземными или немного углубленными в землю.

Керамика лепная, плоскодонная, слабо профилированная, со слегка отогнутым наружу венчиком. Имеются также сосуды баночной формы с краем, вогнутым внутрь. Орнаментированной посуды встречается сравнительно мало.

В отличие от своих южных и западных соседей обитатели городищ широко использовали кость в качестве материала изготовления различных предметов. На некоторых поселениях изделия из кости представлены значительно обильнее, чем из глины или тем более металла. Эта особенность сближает днепро-двинскую культуру с соседней на востоке дьяковской. Можно также указать на находки типичных дьяковских глиняных грузиков.

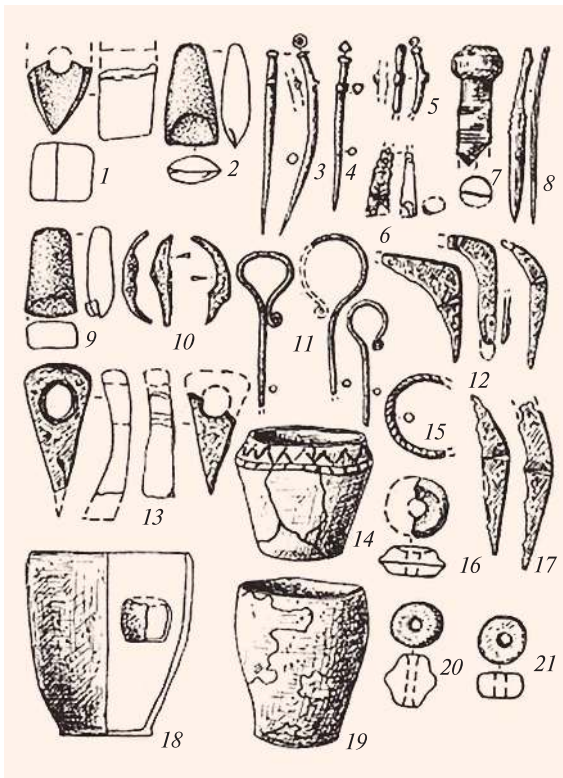

Рис. 6.21. Материалы

днепро-двинской культуры:

- 1, 2, 9 – каменные топоры;
- 3–5 – костяные булавки;
- 6 – костяная подвеска; 7 – костяная рукоять; 8 – железный нож;
- 10, 17 – железные жатвенные ножи;
- 11 – железные посоховидные булавки;
- 12 – железные серпы; 13 – железные топоры; 14, 18–19 – горшки;
- 15 – бронзовые браслеты;
- 16, 20–21 – глиняные пряслица

Некоторые ранние металлические изделия, в частности бронзовые украшения, весьма напоминают милоградские.

С появлением на южных границах культуры зарубинецких племен наблюдаются, как уже говорилось, значительные перемены в общем облике днепро-двинской культуры: появляется близкая по форме к зарубинецкой керамика, распространяются фибулы зарубинецкого типа и т. д. Но в целом местный характер культуры сохраняется.

В хозяйстве обитателей городищ долгое время прочно сохраняли свои позиции скотоводство и охота. Только на позднем этапе заметно возрастает роль земледелия.

Раскопанных поселений описываемой культуры на территории Беларуси мало.

Наиболее раннее городище, относящееся ко второй половине I тыс. до н. э., было частично раскопано возле д. Поддубники Дисненского района Витебской области. Возникло оно на конце очень высокого мыса, обращенного с одной стороны к долине р. Ауты, с другой — к оврагу. С напольной стороны городища был сооружен вал. Площадка имеет неправильную овальную форму размером 28 × 55 м. Состав находок придает культуре поселения очень архаичный облик. Преобладают изделия из кости: стрелы, иглы, проколки, какие-то долотообразные орудия и т. д. Найденны два клиновидных каменных топора. Железные изделия почти отсутствуют. Только в самых верхних слоях найден железный серп. Керамики немного, и представлена она двумя типами: слабо профилированными горшками и сосудами баночной формы. Основным занятием обитателей городища были скотоводство и охота, дополняемые собирательством речных моллюсков. Только на последнем этапе существования культуры получило развитие земледелие.

Небольшие по объему раскопки были произведены на городище Девичья гора в Мстиславле. Городище занимает мыс правого берега р. Вихры и имеет эллипсовидную форму 103 × 48 м. Площадка окружена валом, достигающим высоты 2,0—2,5 м. Как показали раскопки, первоначально поселение не имело земляных укреплений.

Находки с городища представлены железным серповидным ножом с горбатой спинкой, бронзовой фибулой среднелатенской схемы, двумя грузиками дьякова типа, костяным гарпуном, тремя костяными бусинами и керамикой. Среди последней имеются фрагменты от малопрофилированных сосудов с бугристой поверхностью, а также от сосудов с зашипами или насечкой по краю венчика, отдаленно напоминающих зарубинецкие.

Сходство керамики, обнаруженной под валом, с керамикой из нижнего слоя полностью раскопанного городища Тушемли в Смоленской области позволяет относить начало жизни на городище ко второй половине I тыс. до н. э. Просуществовало оно, как можно судить по находкам фибулы и некоторых типов керамики, до I в. н. э.

О более позднем этапе культуры дает представление городище около Язно в Дисненском районе Витебской области. Поселение основано на холме вблизи озера. Площадка имеет удлиненную форму размером 42 × 90 м. Остатки укреплений сохранились теперь в виде террасы, опоясывающей городище приблизительно на половине его высоты. Имеется небольшой вал и на узком краю городища. Как показал его разрез, вал был сооружен не сразу. Первоначально городище было укреплено деревянной стеной.

Судя по составу находок, на городище имеется два разных слоя. Нижний относится к культуре днепро-двинских городищ, верхний — к культуре длинных курганов VI—VIII вв., но стратиграфические слои не разделяются.

Как и на других памятниках этой культуры, керамики найдено сравнительно мало. Вся она гладкостенная и в основном слабопрофилированная. Иногда встречается орнамент в виде нарезных изломанных линий и ямочных вдавлений. Изделий из железа уже значительно больше. Найденны миниатюрные серпы со слабым изгибом лезвия, ножи с изогнутой спинкой, булавки с пятивидным завитком, наконечник копья. По-прежнему очень много изделий из кости. Жилища проследить не удалось. Вероятно, это были наземные постройки столбовой конструкции. Обнаружено несколько больших ям. Очень

интересный объект был выявлен в центре площадки городища. Он представляет собой сооружение из обожженной глины, круглое в плане, диаметром около 1 м, с вертикальными стенами, сохранившимися до высоты 35–40 см, и с небольшим углублением в центре. Вокруг него найдено много шлаков и кусков необработанных криц. Несомненно, сооружение связано с обработкой железа. Не вполне ясно только, была ли это домница или кузнечный горн.

Есть основания предполагать, что дальнейшая судьба днепро-двинских племен связана с культурой длинных курганов, о которой речь будет впереди. Что касается их этнической принадлежности, то в этом вопросе следует ориентироваться на этнос их генетических преемников, а также материалы, которые предоставляет лингвистика. Данные гидронимии свидетельствуют, что население верхнего Поднепровья, значительной части Подвинья и западных районов Волго-Окского междуречья принадлежало к балтской языковой группе. Это как раз та территория, на которой в эпоху железного века обитали племена, оставившие и днепро-двинскую культуру.

20. Раннее Средневековье

К середине 1 тыс. н. э. в культурах железного века Беларуси происходят не до конца понятные трансформации. Почти все они одновременно прекращают свое существование и на их месте возникают новые. При этом генетическая связь между новыми и предшествующими им культурами ставится под сомнение рядом исследователей. Предметом научных споров стал вопрос о судьбе носителей старых культур: не были ли они вытеснены или истреблены новыми племенами? Некоторым, например, казалось, что почти все городища культуры штрихованной керамики погибли в пожарах. Не означало ли это приход сюда новых племен и что возможная смена этносов проходила отнюдь не мирным путем?

Все эти события приходились на период окончательного разложения первобытнообщинных отношений и складывания феодальных – процесса, который завершился в Восточной Европе образованием Древнерусского государства. История вступала в новую эпоху – эпоху Средневековья.

Сложность периода состояла не только в ломке и исчезновении старых общественно-экономических и культурных явлений. В научном отношении период второй половины 1 тыс. н. э. с трудом поддавался реконструкции и долгое время оставался белым пятном в истории нашей страны. Археологические памятники той эпохи на территории Беларуси до недавнего времени были мало известны и почти не исследовались. О некоторых археологических культурах вообще ничего не знали (рис. 6.22).

В письменных источниках этот переходный исторический период с его сложными процессами также не получил должного отражения. Упоминания византийских и арабских авторов о славянах и их ближайших соседях этого времени чрезвычайно скудны, поверхностны и нередко противоречивы.

Новая эпоха отмечена важными переменами в хозяйственной и общественной жизни племен, заселявших территорию Беларуси. Примитивная подсечная система земледелия постепенно уступала место пашенной. С помощью сохи и плуга, оснащенного железным лемехом, население переходит к вспахиванию старых окультуренных земель по двупольной и трехпольной системе. Совершенствование техники обработки железа и быстрое распространение новой системы хозяйства вело к сглаживанию контрастов между лесостепным югом и лесным севером. Новые хозяйственные возможности имели своим последствием распад замкнутых родовых коллективов, существование которых обуславливалось старой примитивной техникой подсечного земледелия.

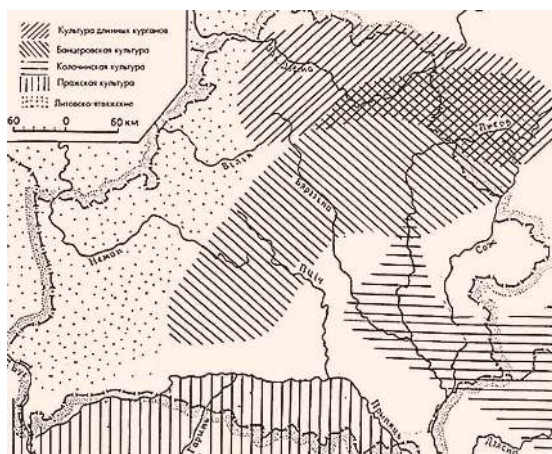

Рис. 6.22. Археологические культуры второй половины 1 тыс. н. э.

Основной хозяйственной единицей постепенно становится небольшая индивидуальная семья. Городища, являвшиеся основным типом поселения предшествующей поры, утрачивают свое значение. Характерными становятся открытые селища, оставившие небольшой культурный слой. Постепенное изживание родовой замкнутости привело к созданию высшей формы родоплеменного общества — прочно организованных союзов племен.

Сейчас на территории Беларуси известно уже немалое количество памятников второй половины 1 тыс. н. э., однако масштабные археологические исследования коснулись лишь некоторых из них. В интерпретации этих памятников в некоторых работах до сих пор сказываются заблуждения старой историографии, когда недостаток конкретного материала компенсировался искусственными гипотетическими конструкциями. Так, к примеру, еще и сегодня ощущается инерция связывать все памятники второй половины 1 тыс. со славянским этносом.

Еще недавно считалось возможным объединять различные группы памятников третьей четверти 1 тыс. н. э., расположенные северней Припяти, в одну археологическую культуру. Однако такая попытка не получила убедительного научного подтверждения. Большинство исследователей считают необходимым выделить здесь по меньшей мере три археологические культуры: банцеровско-тушемлинскую, колочинскую и культуру длинных курганов. Первые две имеют много общего в керамическом материале, но различаются по типам построек.

Банцеровская культура. Банцеровская культура получила название по городищу Банцеровщина под Минском (рис. 6.23). Позже ее стали называть также тушемлинской по полностью раскопанному на Смоленщине городищу Тушемля. Иногда культуру называют также банцеровско-тушемлинской или тушемлинско-банцеровской.

Ее памятники расположены к северу от Припяти в Днепро-Неманском междуречье и смоленском течении Днепра. Материалы этой культуры стали известны в 20–30-х гг. XX в., когда белорусские археологи провели первые крупные раскопки на городище Банцеровщина. На нем было выявлено два культурных горизонта. Нижний был связан с культурой штрихованной керамики, верхний же дал неизвестный до этого тип керамики, которую назвали керамикой верхнего слоя банцеровского городища или просто банцеровской. Однако обстоятельное изучение подобных памятников началось только во второй половине прошлого столетия.

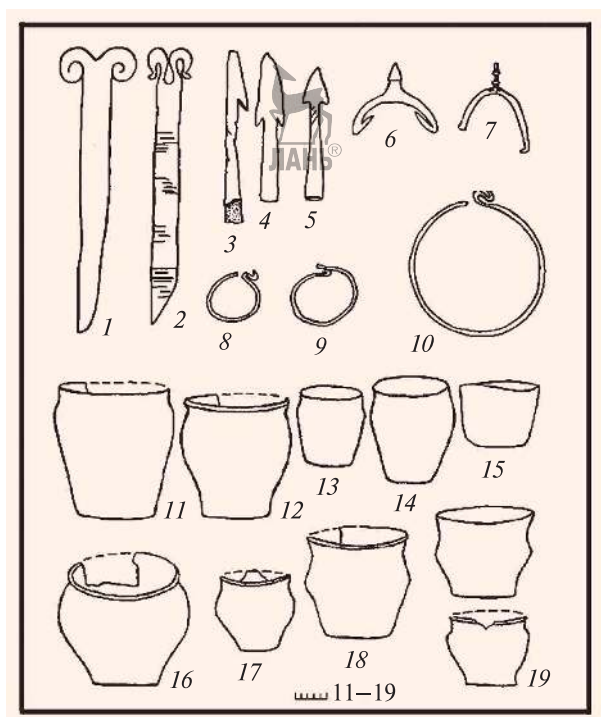

Рис. 6.23. Материалы банцеровской культуры:
 1–2 – ножи; 3 – гарпун; 4–5 – наконечники стрел;
 6–7 – шпоры; 8–10 – кольца; 11–19 – сосуды

Банцеровская культура представлена поселениями и погребениями. Поселения – преимущественно неукрепленные селища. При них иногда имеются городища, которые служили, как думают, в основном убежищами на случай опасности. Многие из них функционировали еще в раннем железном веке и были вторично использованы носителями банцеровской культуры.

Поселки располагались по берегам рек или озер, нередко на склонах песчаных холмов или пологих берегов. Большинство обследованных селищ имело площадь в 1–2 га, однако некоторые достигали и 7–8 га. Культурный слой селищ невелик и часто разрушен запашкой.

Жилища наземные, прямоугольные, площадью 15–20 м². Основу стен составляли угловые столбы. Встречаются и срубные постройки. Внутри в овальном углублении пола, реже на глиняной или каменной площадке устраивались очаги.

Наиболее крупные раскопки в Беларуси были проведены на селищах близ д. Городище в Мядельском районе и д. Дедиловичи в Борисовском районе. На селище Городище раскопано больше двух десятков наземных жилищ столбовой и срубной конструкции. Поселок около д. Дедиловичи был устроен на склонах большого холма, известного у местного населения под названием Замковая гора. На холме сохранилось до 300 небольших впадин, которые, как оказалось, были связаны с древними жилищами, частично врезанными в склоны холма. Жилища располагались рядами на небольшом расстоянии друг от друга. Возле некоторых имелись небольшие погребки. Раскопано 47 построек, в 35 из которых имелись печи-каменки. Погребения банцеровской культуры представлены грунтовыми могильниками с трупосожжениями. Могильники рас-

---

полагались на возвышенных местах близости от поселений, иногда даже на окраине поселка. Кремация умерших совершалась на стороне. Останки сожжения (немного кальцинированных костей, зола и угольки) хоронились в неглубоких округлых ямах. Иногда их складывали в глиняную урну. Встречаются урны, перекрытые повернутыми вверх дном сосудами. Захоронения, как правило, лишены инвентаря. Лишь в отдельных случаях встречены небольшие куски бронзовых сплавов, бронзовые спиральки, трубочка и обломок браслета.

Керамика культуры вся лепная и заметно отличается по форме от керамики раннего железного века в этом регионе. Самыми распространенными были сосуды тюльпановидной, биконической и усеченно-конической форм. Внешняя поверхность горшков нередко шероховатая от выступающих зерен дресвы. Орнамент отсутствует. У горшков расширено тулово, верхняя часть обычно сужена, диаметр дна меньше диаметра горла. По пропорциям выделяются три вида горшков: 1) сравнительно высокие сосуды с умеренно широким горлом и дном, 2) высокие сосуды с широким горлом и узким дном, 3) невысокие сосуды с несколько суженным горлом и сравнительно широким дном.

Встречаются горшки больших размеров — до 40–45 см в диаметре, предназначенные для хранения продуктов.

Небольшую группу составляют мискообразные горшки и, собственно, миски. Их поверхность иногда лошенная и подлошенная (приблизительно 6 %). Лошенная керамика чаще встречается в Поднепровье. В северо-западной части ареала банцеровско-тушемлинской культуры такая посуда почти неизвестна.

Изделия из глины представлены также рыболовными грузилами, пряслицами и бусами. Наиболее распространены биконические пряслица с отверстием большого диаметра.

На всех поселениях обнаруживаются следы железообработки, хотя готовые изделия попадают в небольшом количестве. Находят топоры, ножи, серпы и серповидные ножи, косы, шилья, рыболовные крючки. Предметы вооружения представлены наконечниками копий и стрел. Известны находки удила и шпор.

Встречаются также следы местного бронзолитейного производства, но изделий из цветного металла немного. На Банцеровском городище найден бронзовый браслет с расширенными концами, орнаментированный продольными и поперечными поясками с точками и заштрихованными треугольниками. Находят также лунницы, пронизки и др. Предметами импорта являются украшения из стекла и янтаря.

Большинство исследователей справедливо считают, что банцеровская культура возникла на местной основе. Это убедительно доказано на примере смоленских памятников. Там эта культура имеет своего генетического предшественника в днепро-двинской культуре раннего железного века. Отмечается, что из днепро-двинской развивается профилированная керамика. Находки, аналогичные днепро-двинским (посоховидные булавы, серпы, пряслица, грузики дьякова типа), встречаются в ранних селищах. Имеются сходства в типах построек (наземные дома столбовой конструкции с овальными очагами) и святилищах. Факт преемственности обосновывается также тем, что банцеровская культура занимает значительную часть территории расселения днепро-двинских племен, северо-западная и северо-восточная границы этих культур полностью совпадают.

Однако если одним из источников банцеровско-тушемлинской культуры называется днепро-двинская, то следует объяснить, почему значительная часть памятников банцеровской культуры находится за пределами днепро-двинского ареала, доходя на юге вплоть до северных притоков Припяти и включая в себя всю восточную часть культуры штрихованной керамики. Возможно, возникнув в зоне днепро-двинской и на ее основе, банцеровско-тушемлинская культура распространилась потом в юго-западном направлении. Не исключено участие в ее формировании и других культур. Так, следует объяснить, какую роль в генезисе банцеровско-тушемлинской культуры сыграла культура штрихованной

керамики. Есть серьезные основания говорить об эволюции культуры штрихованной керамики в банцеровскую, что было прослежено на материалах раскопок ряда ее городищ.

Этнос носителей банцеровской культуры большинство исследователей совершенно справедливо определяют как балтский. Об этом свидетельствуют прежде всего бесспорные генетические связи между банцеровско-тушемлинскими памятниками и предшествовавшими им, безусловно, балтскими древностями раннего железного века.

Вместе с тем отмечается близость банцеровских материалов раннесредневековым древностям Литвы и Латвии.

Традиционно банцеровскую культуру датируют третьей четвертью 1 тыс. н. э., а конкретно – VI–VIII вв. Верхняя временная граница нуждается в уточнении, что пока не удастся сделать на основании вещевого материала. Однако вряд ли можно возражать против того, что культура существует по крайней мере до появления на ее территории славян. Наиболее же надежной датой широкого расселения славян севернее Припяти является вторая половина X в. Видимо, до этого времени следует доводить и банцеровскую культуру.

Колочинская культура. Памятники колочинской культуры занимают область гомельско-могилевского поречья Днепра, Северо-Восточного Подисенья, верховьев Сулы и Псла. Известна она по поселениям и погребениям.

Культура названа по городищу близ поселка Колочин в Речицком районе Гомельской области, которое было полностью раскопано в 1955–1960 гг. (рис. 6.24).

Население жило в основном на селищах. Но, как и в банцеровской культуре, нередко возле селищ располагались городища-убежища.

В Могилевской области памятники этого типа раскапывались близ деревень Шатово, Тайманово, Нижняя Тошица. Изучены также могильники колочинской культуры.

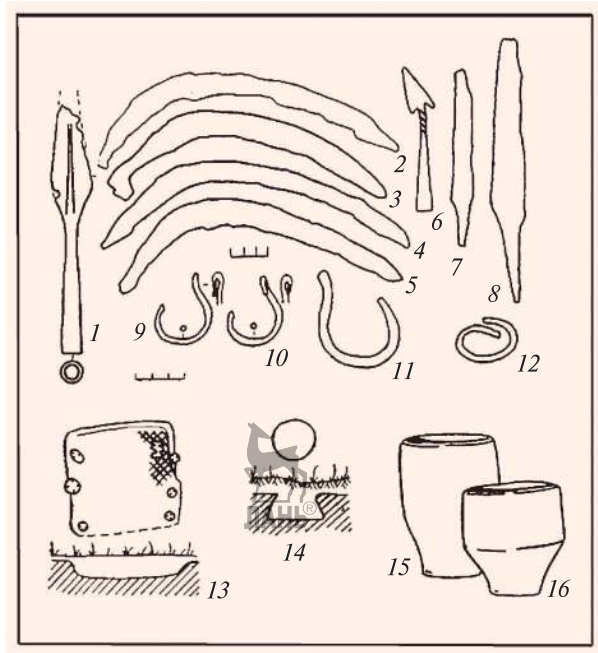

Рис. 6.24. Материалы колочинской культуры:

- 1 – наконечник копья; 2–5 – серпы; 6 – наконечник стрелы;
7–8 – ножи; 9–12 – кольца; 13 – план и профиль жилища;
14 – разрез погребения; 15–16 – сосуды

Обряд захоронений представлен трупосожжением на стороне с последующим погребением остатков кремации в круглых или овальных ямах диаметром от 0,3 до 1 м и глубиной от 0,1 до 0,65 м. Пережженные кости хоронились или просто в ямках, или сосудах. В отдельных случаях сосуд перекрывался другим. Процент урновых погребений колеблется от 12 до 50 (иногда до 80). Большая часть могильников содержала от одного до трех десятков погребений. Встречаются, однако, и крупные могильники (до 250 погребений).

Погребальный инвентарь беден и в основном представлен керамикой. В колочинской культуре выделяются четыре типа сосудов: тюльпановидные, цилиндроконические, ребристые и банковидные или конусовидные, почти не профилированные. Встречаются также миски, сковородки и глиняные диски.

Изделия из металла представлены различными орудиями труда (в Тайманове найден фрагмент железного сошника, в Колочине – серпы, обломок косы), деталями одежды, украшениями. Как видим, по ряду основных признаков колочинская культура очень близка к банцеровской. Именно поэтому некоторые исследователи объединяют их в одну. Разница заключается в типах жилищ.

Познакомимся подробнее с самым значительным памятником этой культуры, давшим ей название, – Колочинским городищем. Поселение возникло на городище, сооруженном еще в зарубинецкое время. Крутой берег реки, обрывистый овраг и ложбина с трех сторон естественно укрепили мыс, ставший площадкой городища. Два высоких искусственных вала были насыпаны с напольной стороны. По краю площадки также шел вал, на котором были поставлены деревянные укрепления; от них сохранились бревна, положенные вдоль насыпи вала, а также ямы от столбов.

Городище имело два входа – главный и запасной, оба из предосторожности устроены у крутых обрывов берега. Возле крепостной стены найдено множество сосудов, предназначенных для хранения, как предполагается, пищи и воды на случай осады. В некоторых из них сохранились остатки обгоревшего проса и чечевицы.

По краям городища располагались хозяйственные ямы-кладовки, не связанные с постройками.

Отчетливых следов жилищ описываемого времени на городище выявлено не было. Зато рядом с ним на раскинувшемся у его стен селище было найдено несколько построек, дающих представление о типе жилищ этого времени. Они представляли собой полуземлянки почти квадратной формы с песчаным полом и печью в углу напротив входа. Вещевой материал, несмотря на значительность исследованной площади, оказался бедным и однообразным. Абсолютное большинство находок сосредоточено по краям площадки городища.

Керамика вся сделана вручную. Тесто содержит примесь дресвы. Обжиг неравномерный. Посуда середины 1 тыс. н. э. представлена двумя типами. Наиболее многочисленную группу составляют почти непрофилированные горшки баночной формы удлинённых пропорций, без орнамента. Максимальная ширина тулова обычно приходится на среднюю часть сосуда. Дно узкое, почти цилиндрическое. На поверхности часто заметны следы заглаживания. Горшки различаются между собой размерами и степенью отгиба венчика.

Другая группа керамики имеет удлиненно-биконическую форму. Посуда иногда украшалась налепным горизонтальным валиком, покрытым косыми насечками. По тесту и цвету такие горшки ничем не отличаются от сосудов первого типа.

Сравнительно немногочисленные изделия из железа представлены ножами, шильями, пробойниками, земледельческими орудиями, рыболовными крючками, оружием. Представляет интерес клад из четырех серпов, по-видимому, спешно зарытых, а также фрагмент косы-горбуши.

Наконечник копья с удлиненной тонкой втулкой и ребристым пером имеет аналогии с копиями середины 1 тыс. н. э. Несколько более поздним временем датируется наконечник арбалетной стрелы с перекрученной втулкой. Судя по всему, население Колочинского городища вело крайне замкнутый образ жизни, занимаясь в основном земледелием и рыболовством.

Неспокойное время середины I тыс. наложило отпечаток на жизнь городища. Было установлено, что по меньшей мере дважды горели его укрепления. Позднее городище было разрушено. Вместо него поблизости возникло славянское селище. Найденная в одном из жилищ керамика относится к кругу роменско-борщевской культуры. Это плечистые горшки, украшенные по венчику и плечикам «гусеничным» орнаментом или треугольниками, также были найдены и сковородки.

Определение этноса носителей колочинской культуры невозможно без установления ее генетических корней и отношения культуры к достоверно славянским памятникам. Большинство исследователей выводят колочинскую культуру из местных предшествующих культур. В некоторых ее элементах (в частности, в керамике) отмечается преемственность с послезарубинецкими памятниками. Относительно же этноса ее носителей мнения расходятся. Колочинскую культуру пытались относить к славянам на том основании, что будто бы она имеет генетическую связь со славянскими памятниками VIII—X вв. Правобережной Украины. Однако, по мнению других исследователей, четкой генетической связи между ними нет, и поэтому правильнее относить эту культуру к дославянским древностям, что подтверждается и ее несомненным родством с банцеровской культурой.

В определении верхней даты колочинской культуры, по-видимому, нужны уточнения, как и по банцеровской. Скорее всего, она доживает до появления на ее территории славян в X в., которые в течение какого-то времени ассимилировали носителей колочинской культуры.

Культура длинных курганов. Культура длинных курганов занимает значительную территорию: среднее течение Западной Двины, смоленское течение Днепра, поречье р. Великой около Псковского озера. Ее памятники имеются в Восточной Латвии и даже Эстонии.

Название культуры связано с видом ее погребальных сооружений: невысоких валообразных насыпей, внутри которых или под ними помещались остатки кремации с довольно бедным вещевым инвентарем.

Изучение длинных курганов в Полоцко-Смоленском регионе началось в конце 20 — 30-х гг. XX в. В 1950-х гг. длинные курганы исследовались около д. Гуры на р. Сервечь, позже — под Полоцком. Особенно крупные систематические исследования проведены на Смоленщине.

Могилиники с длинными курганами располагаются чаще всего вдоль рек или озер.

Могиленные насыпи бывают длинные и удлиненные. Реже встречаются круглые (сферические). Удлиненные курганы представляют собой невысокие, в среднем до 1,5 м, насыпи длиной до 20 м при ширине около 10 м. Обычно под ними на горизонте обнаруживаются остатки трупосожжения, совершенного на стороне. Известны находки пережженных костей, сложенных в горшки. В одном из курганов у д. Хотенчицы были найдены пережженные кости коня, высыпанные в ямку под курганом и накрытые перевернутым сосудом. Длинные курганы имеют вид вала протяженностью до 80—100 м. Ширина их бывает 20 м и более, высота — 2 м. Курганы длиной более 40 м известны в основном в Псковской земле. На Западной Двине и смоленском Поднепровье они сравнительно небольшие.

Удлиненные и длинные курганы весьма бедны находками. Обычно это грубые лепные горшки, мелкие украшения из бронзы и детали костюма: трапециевидные подвески, спиральки, браслеты, бубенчики, пряжки.

Число погребений в кургане колеблется от 2 до 16, при этом оно не зависит от длины кургана. Обычно сожжение умерших совершалось на стороне. Захоронение остатков кремации производилось по-разному. В одних случаях собранные с погребального костра кальцинированные кости без инвентаря или с поврежденными огнем вещами хоронились в основании кургана (иногда на невысокой подсыпке на ритуальных кострищах). В других — в курганной насыпи на специально выровненной площадке, покрытой тонким слоем красной глины. В третьих — в верхней части курганной насыпи.

Сожженные кости помещались кучкой в ямке диаметром от 0,30 до 0,80 м и глубиной от 0,18 до 0,50 м. Приблизительно половина курганов содержит горшки (урны). В таких курганах остатки сожжения могли быть помещены в урне или ямке, прикрытой урной.

Встречаются и курганы, где урна с остатками сожжения перекрыта другим сосудом, поставленным вверх дном, как это было, например, в колочинских бескурганых захоронениях. Отмечены случаи захоронения в берестяных урнах или прикрытые берестой.

Существовало мнение, что длина кургана зависела от количества содержащихся в нем захоронений (после очередных захоронений длина кургана увеличивалась). Однако позже было установлено, что количество захоронений не определяло длины насыпи. Не было установлено и хронологических различий между длинными и удлинёнными курганами, а также зависимости различий в обрядах от времени захоронения.

Достаточно долго наиболее приемлемой датой курганов считали VII–IX в. Полагали, что древнейшие длинные курганы на территории Беларуси датируются приблизительно VII в. К этому времени относятся курганы в Будранах на Полотчине, где найден узколезвийный топор, характерный для древностей V–VIII вв. Там же, между деревнями Машули и Шалтени, раскопан длинный курган, датированный по V-образным пряжкам VI–VII вв.

Несмотря на то что раскопки длинных курганов имеют уже длительную историю, вещевой материал из них не столь обилён.

Поселения культуры длинных курганов изучены хуже. Сравнительно крупные раскопки были проведены на поселениях, оказавшихся позже в пределах некоторых древних городов (Полоцк, Лукомль, Псков).

Основной тип поселений – селища. Они имеют, как правило, небольшой культурный слой, что свидетельствует о недолговременности их функционирования. Жилые и хозяйственные постройки на них были наземными. Возле некоторых селищ имелись городища-убежища. Обычно для убежищ использовались более древние городища, возникшие еще в раннем железном веке.

Вещевой материал известен преимущественно по раскопкам курганов. Он представлен керамикой, слитками от расплавленных стеклянных бус, металлическими пряжками, бронзовыми застежками, браслетами и перстнями, трапециевидными привесками и височными кольцами, а также бляшками и другими металлическими принадлежностями поясного набора (рис. 6.25).

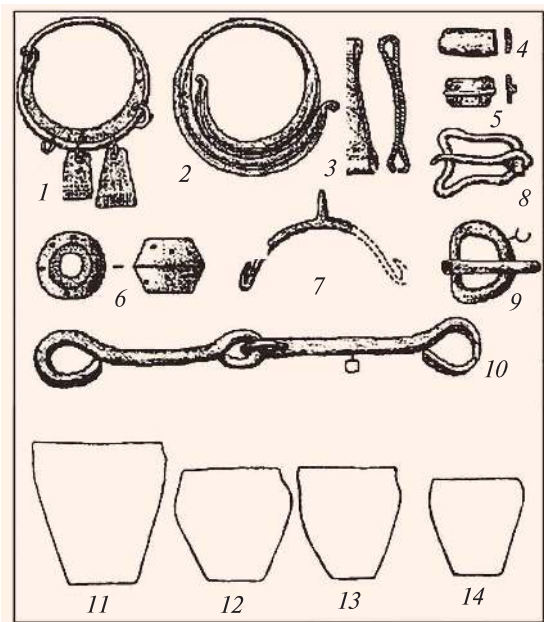

Рис. 6.25. Материалы культуры длинных курганов:
1–2 – височные кольца; 3 – звено от цепочки; 4–5 – бляшки; 6 – пряслица; 7 – шпора; 8–9 – пряжки; 10 – удило; 11–14 – сосуды

Орудия труда и предметы вооружения встречаются редко. В основном это ножи, серпы, удила, железные шпоры, наконечники копий и стрел.

Глиняные пряслица имеют битрапецеидную форму и отверстие большого диаметра.

Характерной находкой для смоленско-полоцкого региона являются височные украшения. Чаще других встречаются проволочные кольца с заходящими пластинчатыми концами. Имеются также пластинчатые височные кольца с расширенной нижней частью, на которую с помощью небольших проволочных колечек подвешивались трапециевидные привески, хорошо известные в балтских древностях раннего железного века. Распространены также небольшие (диаметром около 4 см) височные кольца из тонкой медной проволоки, один конец которых загнут внутрь кольца в спираль.

Довольно частой находкой в длинных курганах смоленско-полоцкой группы являются спиральки и ложноспиральные трубочки

Керамика длинных курганов представлена лепными плоскодонными горшками со стенками, суженными ко дну. Они имеют округлые плечики и слегка отогнутый венчик. Реже встречаются сосуды баночной формы. Большая часть сосудов в целом не орнаментирована.

В научной литературе по-разному интерпретируется этническая принадлежность носителей культуры длинных курганов. Их называли то славянами, то финнами, то литовцами.

В пользу славянской принадлежности культуры приводился целый ряд, казалось бы, убедительных аргументов. Исследователи отмечали некоторые черты сходства между погребальными обрядами длинных курганов и пришедших им на смену, несомненно славянских, небольших сферических курганов с одиночными трупосожжениями. Для тех и других были характерны ритуальные кострища, сохранившиеся в виде зольно-угольной прослойки в насыпи или ямке под основанием кургана. Это обстоятельство, а также хронологическая сопряженность и территориальное совпадение области длинных курганов с ареалом, куда летописец помещает одну из восточнославянских группировок кривичей, дало основание связывать длинные и удлинённые курганы со славянским племенным союзом кривичей.

Популярной была концепция, согласно которой кривичи развились на базе венедской славянской группировки, обитавшей на южном побережье Балтийского моря. Выйдя оттуда, они расселились на Псковщине, в верхнем Поднепровье и Подвинье и смешались с местными балтами. Дальнейшая история кривичей как носителей культуры длинных курганов связывалась с колонизацией ими смоленского Поднепровья и полоцкого Подвинья.

Однако в области прибалтийских славян длинных курганов нет, как нет и явных свидетельств переселения оттуда каких-либо групп, которые можно было бы связать с носителями культуры длинных курганов. Нельзя признать убедительным предположение, что обнаруживаемые на понеманских городищах культуры штрихованной керамики следы пожарищ могут служить доказательством прохода через эту территорию переселявшихся из Прибалтики носителей культуры длинных курганов. Если бы это было так, то невозможно объяснить, почему прошедшие через Понеманье «кривичи» не оставили здесь длинных курганов.

Заметим также, что идея о проникновении в область верхнего Поднепровья и Подвинья какой-то славянской группировки раньше, чем славяне распространились в более южных областях Беларуси, опровергается лингвистикой. Так, славянские гидронимы Северной и Средней Беларуси более молоды по своему происхождению, чем славянские гидронимы к югу от Припяти, что говорит о более позднем заселении славянами северных районов Беларуси.

Нельзя не обратить внимание и на почти полное совпадение ареалов длинных курганов и предшествовавших им памятников днепро-двинской культуры, балтская принадлежность которых ни у кого не вызывает сомнений. Вспомним также, что в течение

всего периода своего существования культура длинных курганов была отделена от славянской культуры Южной Беларуси широкой полосой балтских культур: банцеровской и колочинской.

В свете новых раскопок культура длинных курганов оказалась более древней, чем предполагалось: она сформировалась тогда, когда славяне еще не проникли в занимаемый ею регион. Так, раскопанный около д. Янковичи в Россонском районе длинный курган, содержащий три кремнированных захоронения, датируется найденными в нем бронзовыми бляшками-скорлупками V–VI вв. н. э. К тому же периоду относятся и материалы из длинного кургана около д. Дорохи Городокского района Витебской области. Следовательно, культура длинных курганов начала формироваться задолго до того, как на этой территории появились славяне. Хронологически и генетически она стала продолжением существовавшей здесь до нее днепро-двинской культуры раннего железного века, обнаруживая глубокие местные корни. Этот сюжет нуждается в дальнейшей научной разработке, но связь длинных курганов с культурами балтского круга очевидна.

Абсолютная несхожесть материалов из ранних длинных курганов с материалами из синхронных славянских памятников никак не позволяет отождествлять культуру длинных курганов со славянами.

Вместе с тем материалы свидетельствуют о глубоких местных корнях этой культуры, развившейся на местной балтской основе. Так, мы уже упоминали о некоторых типичных балтских предметах в длинных курганах. Отметим также находки украшений из бронзы с выемчатой цветной эмалью, которые считаются типичными для балтских древностей.

Носители культуры длинных курганов, как и их более южные соседи с банцеровской и колочинской культурами, были балтами и дожили до прихода сюда славян. В X в. в длинных курганах появляются типичные славянские сосуды, что свидетельствует о начале смешения носителей культуры длинных курганов со славянами.

В X в. на смену длинным курганам придут круглые с одиночными захоронениями, типичные и для всего остального славянского мира Восточной Европы. Этим веком можно условно завершить период существования культуры длинных курганов, хотя реально процесс смешения балтов со славянами в отдельных местах мог затянуться.

Славяне. В истории Европы рассматриваемый период традиционно называют временем Великого переселения народов. Он был отмечен борьбой варварских племен против Римской империи, завершившейся падением Рима. Войны сопровождались значительными перемещениями некоторых народов. В этой борьбе приняли участие и славянские племена, вышедшие за пределы своей прародины и значительно расширившие территорию обитания. Началось заселение ими обширного Висло-Днепровского междуречья. Славяне были носителями новой для Восточной Европы культуры пражского типа. Около VI в. эти памятники появились на территории Южной Беларуси. Условно северной границей их распространения стала р. Припять.

Памятники пражского типа были представлены здесь поселениями и могильниками. Городища со связанными с ними селищами располагаются обычно на песчаных возвышенностях в широких поймах. Размеры городищ небольшие – 35–40 м в диаметре. В плане они большей частью круглые, обнесены валами и рвами. На многих из них, как показали раскопки, население не жило постоянно, а укрывалось в случае опасности. Возможно, что они также служили центрами общественно-религиозной жизни.

Селища застраивались небольшими полуземлянками, внутри которых при раскопках обнаруживаются остатки глинобитных печей, устроенных на деревянных каркасах. Печи сооружались и за пределами жилищ. Над ними возводились легкие постройки типа шалаша. Деревянные хозяйственные пристройки иногда примыкали к жилищам.

Датирующие вещи из рассматриваемых памятников имеют аналогии среди древностей VI–VIII вв., в частности аварских и славянских в Придунавье: железные и костяные пряжки, гитаровидные пряжки, трапециевидные кресала, двушипные наконечники стрел с витой втулкой и др.

Керамика пражского типа представлена лепными сосудами обычно коричневого цвета с примесью песка и дресвы в тесте, с шероховатой, слегка сглаженной поверхностью. Венчики короткие, иногда почти вертикальные, плечики выражены слабо. На позднем этапе встречаются сосуды, орнаментированные по краю венчика насечкой или пальцевыми вдавлениями.

Могильники, на которых встречается керамика пражской культуры, известны двух типов: курганные и бескурганные. И в тех и в других обряд захоронения – трупосожжение. В бескурганном могильнике возле Хотомеля найдено погребение, в котором остатки пережженных костей были сложены на дне небольшой ямки и сверху перекрыты большим глиняным горшком, поставленным вверх дном. В других местах известны захоронения обломков пережженных костей в урнах. Бескурганый могильник, относящийся к этому же кругу памятников, был частично раскопан возле д. Хорек в низовьях р. Горыни. В Полесье памятники пражского типа выявлены в Петрикове, Либлино, Хильчицах, Воронине, Пинске. Крупные исследования проведены около д. Снедин. Наиболее исследованным является археологический комплекс в Хотомеле. Здесь имеются городище, раскопанное целиком, селище и могильник (рис. 6.26).

Городище устроено на окраине возвышенности, окруженной с севера и юга заболоченным лугом. В плане оно имеет форму овала размером 40×30 м. Болото и небольшая река естественно укрепили городище с двух сторон. С двух других сторон были сооружены по два дугообразных вала и вырыты рвы. На вершине вала, по-видимому, были поставлены деревянные клети, заполненные песком.

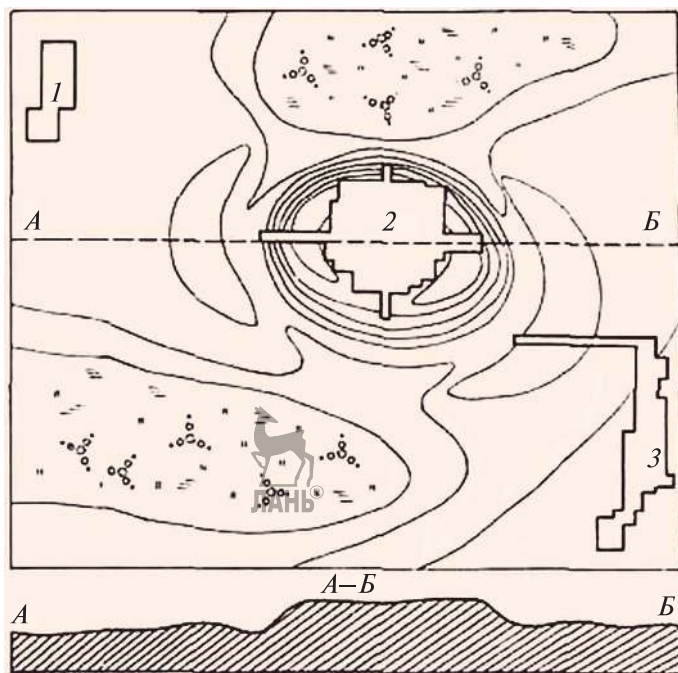

Рис. 6.26. План и профиль (по линии А–Б) городища Хотомель: 1, 3 – раскопы на селище; 2 – раскоп на городище

Культурный слой распространяется неравномерно. В центре площадки он имел толщину 40 см, по краям – до 2–2,5 м. Мощная зольная прослойка, выявленная по краям городища на глубине около 1 м, стратиграфически делит культурные напластования на два слоя, значительно различающиеся между собой по составу находок.

Остатки сооружений на городище очень невыразительны. С ними, возможно, связаны ямы от сгоревших столбов. Правда, они скорее относятся ко второму верхнему слою. В различных местах городища были обнаружены остатки временных очагов. Все это дает основание предполагать, что само городище не было местом постоянного обитания.

Вещевые находки сосредоточены почти исключительно по краю городища, основная масса которых происходит из верхнего слоя.

Керамический материал из Хотомеля лег в основу классификации керамики синхронных памятников этой территории. Сделано вручную 82 % сосудов. Причем в нижнем слое керамика исключительно лепная, довольно однообразной формы: слабо выраженные плечики и невысокий слегка отогнутый венчик. Найдены также небольшие круглые сковородки с невысоким бортиком. По форме и степени отогнутости венчика в лепной керамике выделяются десять видов. Замечается эволюция от сосудов с почти вертикальным и коротким венчиком к сосудам с более отогнутым венчиком и удлиненной шейкой.

Керамика из верхнего слоя имеет много общего с более поздними сосудами роменско-борщевского типа VIII–IX вв.

Анализ материала показывает, что ранний этап Хотомельского городища может быть датирован VI–VIII вв., поздний – VIII–X вв.

К заключительному периоду истории Хотомельского поселения следует отнести находки чересла и наральника (рис. 6.27), которыми был оснащен очень совершенный тип плуга. Его конструкция хорошо известна по европейским рисункам (рис. 6.28).

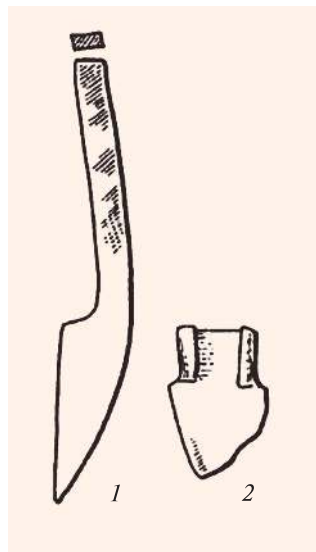

Рис. 6.27. Чересло (1) и наральник (2) из Хотомеля

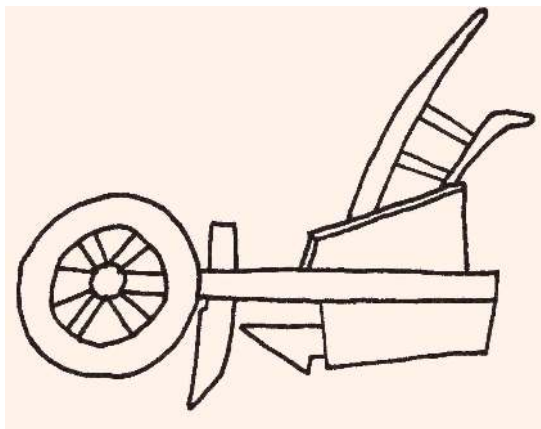

Рис. 6.28. Плуг, оснащенный череслом и наральником

Такова была культурно-историческая и этническая ситуация на территории Беларуси накануне образования Киевской Руси.

ЭПОХА ДРЕВНЕЙ РУСИ

21. Расселение славян севернее Припяти.

Археология деревни

Выход славян в середине 1 тыс. за пределы своей прародины привел к освоению ими территории между Вислой и Днепром к югу от Припяти. Здесь они застали южную часть днепровских балтов и остатки степного ираноязычного населения, проживавшего южнее от них. Начавшееся смешение славян с местными племенами привело к постепенной трансформации ранних славян в особую группу, или ветвь, восточных славян. Их судьба оказалась непростой. Где-то в VIII в. они попали под власть хазар и до конца IX в. платили им дань. Внутри самого восточнославянского этноса шли сложные процессы смешения и интеграции, что прослеживается археологически. Этот процесс начался уже во время самого расселения славян. Он ускорился после 882 г., когда в Киеве утвердился Олег и восточные славяне вошли в состав обширной державы Рюриковичей. В новых исторических условиях у славян постепенно формируется новый тип этнической общности — древнерусская народность.

Киевская Русь на начальном этапе была полиэтничным государством. На юге проживали славяне, севернее Припяти, приблизительно до Западной Двины, — балты, севернее Двины — финно-угорские народы.

Освоение славянами новых территорий севернее Припяти было инициировано несколькими факторами и было облегчено тем обстоятельством, что они пребывали в составе одного большого государства.

Олег и его преемники в своей политике стали опираться на славян. Его некогда варяжская по составу дружина достаточно быстро славянизируется, о чем убедительно свидетельствуют материалы раскопок дружинных курганов. С этим периодом, точнее с X в., как показывают археологические материалы, следует связывать распространение славян на территориях севернее Припяти.

Причин постепенного расселения славян в северных областях Руси и, прежде всего, на территории Беларуси, было несколько. Обычно основной причиной миграций рассматривают появление избыточного населения и нехватку местных ресурсов для нормального существования. Думается, что в данном случае эта причина не была главной и даже существенной. Не отрицая роли этого фактора, следует обратить внимание на некоторые специфические обстоятельства, связанные с особенностями функционирования государства. Экономическая и политическая мощь киевских князей и новой знати базировалась на взимании с населения дани и распределении ее между собой. О том, как князья ежегодно отправлялись в «полюдье» и как поступали с собранной данью на Руси, подробно описал византийский император Константин Багрянородный (X в.).

Собранная дань на лодках свозилась в район южнее Киева, а затем большая ее часть по Днепру и Черному морю переправлялась на рынки Византии.

Сбор дани требовал большой и специальной организации. Летопись рассказывает, что для этого в различных местах страны, надо полагать, что и на территории Беларуси, основывались поселения — погосты. Есть основания думать, что в них селились преданные князьям люди, скорее всего, из числа славян. Может быть, именно такие поселения имели в виду восточные авторы, отмечавшие, что в русских «городах» говорят на другом

языке, нежели окружающее их население. За счет постоянного притока русского населения такие пункты разрастались, превращались в города и становились опорой для дальнейшей славянской колонизации края. Она облегчалась незначительной заселенностью этой территории и наличием свободных мест.

Южные области Руси постоянно подвергались набегам со стороны степных кочевников. Археологи располагают свидетельствами разорений и уничтожений русских деревень. Киевские князья возводили против таких нападений линии укрепленных военных поселений. Сначала это было сделано Владимиром, позднее — Ярославом Мудрым. Население южных областей Руси вынуждено было оставлять свои поселки и переселяться в более спокойные северные земли Руси. Такая миграция хорошо прослеживается и в археологических материалах Беларуси. Она шла как из левобережья Днепра, так и из других областей через Волынь. Они составили часть славянского расселения на территории Беларуси.

Успеху славянской колонизации балтских и финно-угорских земель способствовал более высокий уровень культуры славян, более совершенные типы сельскохозяйственных орудий и организация земледелия.

Относительно времени начала расселения славян севернее Припяти многие историки ошибались, полагая, что славяне испокон веков заселяли и северные районы Восточной Европы. В их представлении, славяне прошли здесь все этапы своего развития от первичных племен к союзам племен и далее — к государственности. Сейчас мы знаем, что это было не так. Лингвисты выяснили, что к северу от Припяти отсутствуют речные названия, связанные с ранним, общеславянским языком. Здесь они в отличие от гидронимии области южнее Припяти имеют форму, характерную для восточнославянского типа речи. Следовательно, славяне появились в северных областях позже, когда сформировалась восточнославянская ветвь. Однако определить более точное время распространения здесь славян стало возможным только на основании археологических данных. Именно со славянами связано появление и быстрое распространение сферических курганов, которых раньше здесь не было. Ни балты, ни финно-угры не хоронили своих покойников в таких курганах. Ранние славянские курганы содержат трупосожжения. Таков был погребальный обряд до принятия славянами христианства в 988 г. После этого славяне перешли к обряду трупоположения, сохранив, однако, еще на некоторое время обычай насыпать над погребенным небольшой сферической формы курган.

Почти вся имеющаяся в курганах с трупосожжениями на территории Беларуси керамика изготовлена на гончарном круге. Гончарный круг у восточных славян, как было установлено археологами, появился в X в., а в сельской местности — даже в XI в. Один этот факт дает основание говорить, что славянское расселение к северу от Припяти началось не ранее X в. и не позже 988 г., когда славяне приняли христианство и трупосожжение было заменено трупоположением.

Однако, что интересно, курганов с трупосожжением здесь очень мало. В раскопанных могильниках их 5–8 %. Это может быть объяснено тем, что славяне появились здесь незадолго до принятия христианства. Курганы с трупосожжением просто не успели здесь накопиться в достаточном количестве. Следовательно, широкое славянское расселение севернее Припяти мы должны отнести не просто к X в., а скорее всего ко второй половине или даже концу этого столетия.

К сожалению, славянские памятники X в. на территории Беларуси изучены слабо, потому что курганы с трупосожжением содержат очень мало вещей и часто вообще пустые, что делает их малопривлекательными для раскопок. Относящиеся к этому времени поселения тоже еще плохо изучены. В основном это селища, так как города только-только появляются, и их еще мало.

Однако то, чем мы располагаем, показывает единство славянской культуры на всем пространстве. Оно отражает этническое единство восточных славян, сложившихся к тому

времени в единый древнерусский народ. Это не совокупность ни отдельных племен, ни племенных союзов.

Касааясь данной проблемы, отметим, что южнее Припяти ни до продвижения славян на север, ни после их расселения на территории Беларуси не было славянских групп с названиями «кривичи», «дреговичи», «радимичи», с которыми они пришли бы на новые земли. Они появились после расселения. Большой научной проблемой является судьба балтского населения, что занимало эти территории до прихода славян. Начавшие в X в. осваивать новые земли севернее Припяти восточные славяне выступают уже как носители единой археологической культуры. И это мы должны иметь в виду, когда пытаемся ответить на вопрос, была ли древнерусская народность или нет. Тезис о древнерусской народности подвергается нападкам со стороны дилетантов или тех, кто не хотел бы в силу далеких от науки причин принимать этот исторический факт. Реальность существования древнерусской народности была давно доказана в трудах выдающихся исследователей: лингвистов, археологов, этнографов, историков.

Расселявшиеся на обширных пространствах восточные славяне представляли собой один народ. Археологические материалы IX–X вв. поражают своим удивительным единообразием. За ними ясно чувствуется один народ, не расчлененный ни на какие племена. Этих племен тогда уже не видно. И это естественно, потому что 400 предшествовавших лет компактного проживания восточных славян «в своей колыбели» достаточно для того, чтобы выработались единые черты в их языке и материальной культуре. Кстати, материальная культура восточных славян до IX в. приобрела специфические черты в славянском мире. В связи с таким представлением об истории формирования восточных славян нужно иначе отнестись и к вопросу о дреговичах, кривичах, радимичах и других летописных группировках. Они уже не могли быть ни племенами, ни союзами славянских племен. Следует напомнить, что сам летописец никогда не называл их племенами, хотя термин «племя» ему был известен. Он неоднократно говорил о том, что славяне до своего расселения были одним народом. Позже, распространившись на громадных пространствах, они взяли разные имена в зависимости от того, «кто где сел», причем это были дополнительные территориальные названия.

Освоение восточными славянами в X в. новых территорий севернее Припяти привело к появлению у них новых дополнительных местных названий, которые просто перешли к славянам в измененном виде от названий местных дославянских группировок.

Кстати, филологи давно обратили внимание, что славяне, которые жили южнее Припяти, имели названия в древней, славянской форме: поляне, древляне, северяне, бужане, воляныне. Славяне, расселившиеся к северу от Припяти, имели уже иной тип названия (кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи). Эти названия не только иные по типу, но и более молодые, свидетельствующие о более позднем заселении славянами соответствующих областей.

Другое дело, что славяне со временем смешались здесь с местными, неславянскими группами.

Одной из больших научных проблем остается судьба местного населения. Судя по данным лингвистики, процесс ассимиляции должен был растянуться на длительное время. Некоторые лингвисты утверждают, что, например, на Соже балтские поселения существовали еще в XII в. Процесс, несомненно, был длительным, но археологи, к сожалению, совсем не знают этих памятников эпохи Киевской Руси, кроме разве только балтских реликтов в некоторых курганах XI–XII вв. Все известные нам поселения этой поры археологи определяют как славянские, что, по-видимому, не так. Если существовали балты, должны быть и их памятники. Археологам, очевидно, еще предстоит размежевать памятники этого времени по этническому признаку. Не исключено, что некоторые

из них, рассматриваемые как славянские, могли принадлежать еще не ассимилированным до конца балтам.

Основная часть населения западных земель Руси занималась сельским хозяйством и проживала в деревнях, остатками которых являются многочисленные селища. С культурой сельских жителей связаны и многочисленные курганы X – XIII вв., разбросанные по всей стране и называемые обычно шведскими или французскими могилами. Долгое время они были единственным источником наших знаний о деревне, поскольку стали раскапываться давно. Однако вещевой состав деревенских курганов весьма невелик и достаточно однообразен. Косвенные материалы по истории деревни дали раскопки городов, при которых обнаруживались сельскохозяйственные орудия и остатки выращивавшихся культур (зерна).

Основной археологический памятник по древнерусской деревне – остатки поселений – до Великой Отечественной войны специальным раскопкам не подвергался. Да и к настоящему времени они еще изучены недостаточно, поскольку археологи предпочитают раскапывать другие памятники. Дело в том, что культурный слой селищ невелик и в большинстве случаев поврежден, перекопан пахотой и, как правило, не сохраняет дерево. По этой причине очень трудно проследить постройки, застройку и планировку сельских поселений, особенно остатки наземных сооружений, которые оказываются либо полностью разрушенными, либо просто не сохранившими дерево, из которого сооружались. Все это затрудняет их поиски и изучение.

Селища обычно располагаются в благоприятных для земледелия и скотоводства местах, в бассейнах рек и по берегам озер. Именно вдоль рек шло освоение новых территорий. Хорошим ориентиром в поисках селищ, не имеющих заметных внешних признаков, являются курганные могильники, располагавшиеся в основном вблизи поселков.

Для поселений чаще всего выбирались берега, приподнятые над уровнем речных долин. Отдавалось предпочтение местам, где имеется мыс, образованный слиянием двух рек, ручьем или оврагом, спускающимся к реке. Поселения обычно вытягивались полосой вдоль берега

Размеры селищ различные: от 1 тыс. до 45 тыс. м². Хронологическую классификацию селищ, расположенных на территории Беларуси, еще никто не проделал, но можно предполагать, что их размеры зависели от времени, к которому они относились. Так, по наблюдению над сельскими поселениями соседней с Беларусью Смоленщины, ранние восточнославянские селища отличались более крупными размерами и представляли собой преимущественно поселения больших общин. По мере роста населения в общинах появлялись новые небольшие селения, образованные выселившимися из материнского поселка крестьянами. Исследованные ранние селища возле д. Хотомеля и д. Городище (Минской области) занимают большие площади.

О застройке деревенских поселений и типах жилых и хозяйственных сооружений сведений еще очень мало. Можно предполагать, что преобладала рядовая застройка вдоль берегов рек и озер.

Материалы раскопок на юге Беларуси указывают на широкое распространение в деревне землянок и полуземлянок. Так, землянками было застроено раннее селище возле Хотомеля. Известны две землянки X–XI вв., раскопанные за валом Чаплинского городища в Гомельской области. Одна землянка размером 3,6 × 3,6 м была углублена в землю на 1,00–1,05 м. Посреди пола сохранилась яма от центрального столба, поддерживавшего перекрытие. Возле одного угла были хорошо заметны три ступеньки входа. В противоположном от входа углу на небольшом возвышении размещалась сводчатая печь. Одна ее стена была сложена из камней, другая (примыкавшая к стене землянки) – из глины.

Вторая постройка была углублена в землю всего на 0,50–0,55 м. Размеры ее – 3,15×2,95 м. В постройке тоже обнаружена глинобитная сводчатая печь, расположенная справа от входа. Основу стен жилища, по-видимому, составляли столбы.

Конечно, этих данных недостаточно, чтобы сделать вывод о безусловном преобладании в древнерусской деревне в западных областях Руси земляночных типов жилищ.

Известны и наземные срубные постройки. Так, на селище около д. Городище Минского района жилые и хозяйственные постройки были из горизонтальных бревен, связанных между собой в углах «в обло» с остатком. От одной сохранился сгоревший пол, уложенный непосредственно на землю. Никаких признаков погребков под полами не выявлено. Одна постройка представляла амбар, в котором сохранилось обгоревшее зерно и наконечники от рал. На селище выявлены глубокие ямы. На дне одной из них найдены два горшка (рис. 7.1).

Возможно, ямы были предназначены для хранения продуктов. Никаких следов сооружений над ними обнаружить не удалось. Подобные хозяйственные ямы были характерны для славянских поселений левобережья Днепра, откуда шла часть миграции на территорию Беларуси.

Археологические материалы свидетельствуют о высоком уровне земледелия уже на раннем этапе расселения славян в западных землях Руси. Неоспоримы свидетельства господства даже в лесных областях, где раньше преобладала подсека.

Почвы Беларуси, несмотря на их различия в структуре и степени увлажненности, при нормальных погодных условиях могут давать обильные урожаи. На них хорошо произрастают злаковые: рожь озимая и яровая, пшеница, ячмень, овес, гречиха.

Менее пригодны для ячменя песчаные и супесчаные почвы Полесья.

Расселившиеся на территории Беларуси славяне имели уже высокий уровень развития земледелия. Потому с ними следует связывать распространение более эффективных пахотных землеобрабатывающих орудий: рал с железными наральниками без плечиков, широколопастных наральников с плечиками и, возможно, без плечиков, а также рал с череслом. Именно в славянских памятниках этого времени найдены железные сошники, втульчатые мотыги, серпы и жернова.

Восточнославянское рало представляет собой упряжное орудие с низким креплением тягловой силы, что восходило к древнейшим европейским типам рал.

Бесполозное рало взрыхляет почву сверху, не подрезая ее. Проделанная борозда была узкой и относительно неглубокой. Поэтому между бороздами практически повсюду оставались нетронутые участки, которые можно было ликвидировать неоднократным перекрестным вспахиванием.

Рис. 7.1. Горшки из Городищенского селища

Два таких наконечника найдены на селище около д. Городище Минского района (рис. 7.2). Один наральный сохранился целиком, а у другого, к сожалению, отломана трубица. Оба наральных без плечиков, втульчатая трубица образована боковыми закраинами. Целый наральный имеет длину 15,2 см и максимальную ширину 11 см. Его конец несколько загнут.

Такой наральный закреплялся на полозе или в строго горизонтальном положении, или под небольшим наклоном к поверхности. Массивность нарального свидетельствует о том, что его можно было использовать и на тяжелых почвах.

На селище Хотомель в культурном слое были найдены два широколопастных наральных с плечиками. Их рабочая часть близка по форме к равнобедренному треугольнику.

Для того чтобы уменьшить сопротивление почвы при работе таким плугом, его оснастили череслом, что разрезало пласт вертикально. Такое чересло длиной в 40 см целиком выковано из железа и было найдено на том же поселении. По-видимому, оно вместе с найденными наральниками составляло комплект металлических частей от бесполозового рала.

Возможно также использование нарального и в подошвенном рале. Такие рала с полозом и укрепленным перед ним череслом можно рассматривать в качестве переходной формы к полноценному плугу. Они легки в работе, поскольку установленное перед полозом чересло разрезало пласт, а широкая лопасть нарального и его плечики разламывали и частично переворачивали его.

В качестве тягловой силы при работе пахотными орудиями славяне использовали лошадь.

Тем не менее основным орудием земледелия в западных землях Руси была соха. От XI–XII вв. на территории Беларуси найдено свыше 40 сошников или их обломков (рис. 7.3). Они относятся к типу втульчатых узколопастных с длинной и узкой рабочей частью без плечиков. Некоторые отличия наблюдаются в их размерах и форме. Разница в форме проявляется в том, что в одних случаях заостренный конец сошника находится на продольной осевой линии, проходящей через центр наконечника, в других — она смещена от оси вправо или влево. Первый тип сошника принято называть симметричным, другой — асимметричным. Предполагается, что асимметричные наконечники являются несколько более поздними. Возможно, что размер сошников зависел от качества почв: на более рыхлых почвах могли с успехом использовать орудия с относительно короткими наконечниками.

Совершенно правомерно предположение, что асимметричные наконечники связаны с двузубыми сохами. Более того, двузубая соха первоначально, вероятно, оснащалась симметричными наконечниками. Для этой цели особенно удобными были удлиненные узкие наконечники. Преимущества двузубой сохи перед ралом очевидны. Господствовавшее до этого рало, даже с широкой полостью и плечиками, прорезывало слишком узкую борозду. Увеличение ширины

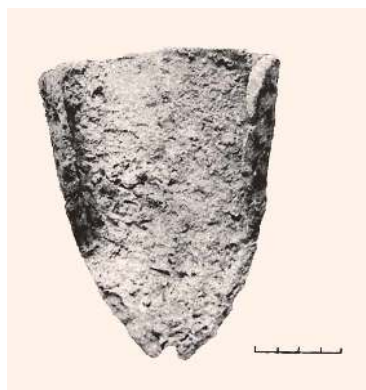

Рис. 7.2. Наральные из Городищенского селища X – начала XI в.

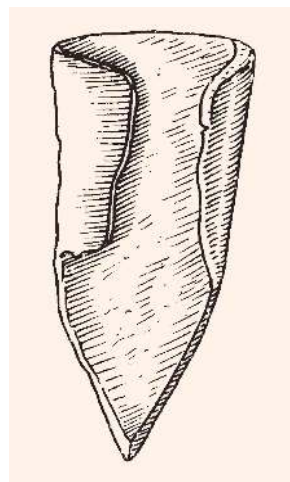

Рис. 7.3. Сошник

наконечника приводило к утяжелению рала, утрате его маневренности и требовало больше усилий для преодоления сопротивления почвы.

В результате появляются двузубые и многозубые сохи, близко поставленные зубья которых должны были быть оснащены более узкими, чем у рал, железными наконечниками. Дальнейшее усовершенствование сохи шло по пути удлинения сошников и придания им асимметричной формы.

В Гродно был найден клад, относящийся к XI–XII вв., в котором имелось четыре сошника и три серпа. Сошники, как можно предположить, составляли две пары для двух сох. В каждой паре один сошник был вложен в другой. Два сошника имели длину около 19,5 см, два других – приблизительно 17,0 см.

Пара вложенных один в другой одинаковых сошников найдена также в Лукомле в яме вместе с мотыгой и обгоревшим зерном. К сожалению, как это можно заметить, пахотные землеобрабатывающие орудия в археологических материалах представлены почти исключительно металлическими наконечниками. Единственная пока находка, которую предположительно можно связать с землеобрабатывающим орудием типа бесподошвенного рала, происходит из Бреста. Оно найдено в слое XII в., изготовлено из дубового ствола длиной 155 см, от которого под углом 28° отходил сук длиной 42,5 см. В стволе имелось три отверстия: одно, возможно, для рукоятки, второе – для дополнительного усиления рабочей части, третье использовалось для упряжи. По конструкции это орудие отдаленно напоминает известную в этнографии соху полесского типа, которую считают наиболее архаичным пашенным орудием. Есть мнение, что брестская находка могла использоваться при вспашке целинных или залежных земель.

Несомненно, что в рассматриваемый период был сделан заметный шаг в технике земледелия, который позволил значительно повысить производительность труда в этой ведущей отрасли хозяйства. Соха в полной мере отвечала уровню развития сельскохозяйственной деятельности и почвенно-географическим условиям этого региона Руси. Особенно эффективной она была на легких почвах и старопашотных землях.

Для обработки земли использовались также мотыги и деревянные лопаты с металлической оковкой на рабочей части, но их эффективность в полевом земледелии была небольшая. При освоении новых лесных угодий основным орудием по-прежнему оставался железный топор. В системе славянского земледелия определенную роль неизменно играла подсека, но ее нельзя считать ведущей формой. К ней в основном обращались для расширения площади пахотных земель.

Находки в раскопках как сельских, так и городских поселений зерен и плодов дают представление о составе и удельном весе возделывавшихся культур.

Основной зерновой культурой на Руси была рожь как более устойчивая к капризам природы, дающая более надежный урожай. К X–XI вв. она занимает уже господствующее положение.

Рожь была найдена при раскопках селища X–XI вв. у д. Городище под Минском. В одной пробе она составила 55 %, в другой – 63 % по отношению ко всему найденному зерну. В Гродно в слоях XI–XII вв. – 64 %, а в слоях XII–XIII вв. – 98 % всех найденных зерен. Преобладала рожь и в зерновом материале раскопок Минска и Полоцка.

Вторая по значению зерновая культура – пшеница. В зерновом материале Городищенского селища она составила в одном случае 15 %, в другом – 44 %.

В раскопках Полоцка, Гродно и Минска были найдены зерна ячменя. О ячмене говорит витебская берестяная грамота XIII–XIV вв.

Зерна проса были найдены при раскопках селища около д. Городище на р. Менке, в Минске, Гродно и Полоцке. Однако это растение, как полагают, было более характерно для южных районов Руси.

Большой интерес представляет находка в Гродно зерен гречихи, которую считали культурой довольно поздней, завезенной в Европу арабами не ранее XV в.

При раскопках селища у д. Городище, а также в Гродно и Полоцке был найден овес. В одной пробе из Городищенского селища он составил 21 %. В Гродно в слоях XI–XII вв. овес насчитывает 35 % всего зернового материала.

Из других культур, найденных на территории Беларуси во время археологических раскопок, можно отметить горох (Гродно, Полоцк), бобы (Минск, Гродно, Полоцк), лен, коноплю и др.

В зерновом материале, полученном во время раскопок раннефеодального селища у д. Городище под Минском, в Гродно и Полоцке, имеется костер ржаной, являющийся типичным сорняком озимой ржи и имеющий одинаковый с ней цикл развития. Это указывает на то, что рожь тогда была озимой культурой и произрастала на старопахотных, давно окультуренных почвах. Предшественником поля с озимой рожью, как полагают специалисты, может быть только паровое поле. Таким образом, в рассматриваемое время был распространен типичный двухпольный севооборот. Можно предполагать также существование трехполья и некоторых переходных форм паровой системы.

Основное орудие уборки зерновых на Руси — серп (рис. 7.4).

Для белорусских серпов, происходящих из памятников раннефеодального времени, можно отметить характерный сдвиг вершины дуги лезвия в сторону рукоятки. Такая форма не допускала чрезмерного увеличения углов резания в разных точках клинка, что делало его более удобным в работе. Некоторые серпы близки к так называемому ярославскому варианту новгородского типа серпов, являвшегося одним из лучших древнерусских серпов вообще. Большая часть серпов имеет насеченное лезвие. Изготавливались они из железа и стали.

Косьба производилась с помощью кос-горбуш, закреплявшихся на короткой рукоятке (см. рис. 7.4). Их находки часты при раскопках поселений.

Зерно хранилось в амбарах и хлебных ямах, что были обнаружены на упомянутом селище около д. Городище.

Ручные жернова, состоявших из двух каменных дисков с отверстием в центре, — обычная находка как при раскопках селищ, так и городов (рис. 7.5). Находки металлических порхлиц говорят о возможности регулировать зазор между камнями для получения муки различного помола.

В минских раскопках был найден деревянный боковой подшипник верхнего жернова. В нем укреплялся один конец ручки, за которую вращают жернов.

Обдирка зерна на крупу производилась в деревянных ступах. При раскопках Минска были найдены две совершенно уникальные ножные ступы, одна из них — почти в собранном виде (рис. 7.6). Ступа состояла из трех основных частей: основания, рычага и песта. Основание сделано из толстой сосновой плахи длиной 1,3 м и шириной 0,5 м. Верх основания представляет собой плоскую площадку с невысоким бортиком. В центре площадки выдолблена круглая

Рис. 7.4. Орудия уборки урожая: 1 — серпы; 2 — косы

Рис. 7.5. Каменные жернова

конусообразная чаша глубиной 22 см с начальным диаметром входного отверстия 19 см. На другом конце основания сделан продольный сквозной выруб длиной 60 см и шириной 25 см, через который проходил дубовый рычаг прямоугольного сечения, поставленный на толстую планку-ось, укрепленную в боковых крыльях основания. В месте насадки на ось рычаг имел выруб. На другом конце основания, точно против чаши, в рычаге было прорублено сквозное прямоугольное отверстие, куда с помощью клина крепился деревянный пест.

Быт деревни отмечен типичным натуральным укладом, при котором большая часть необходимых бытовых вещей производилась самими крестьянами.

Ткань в деревне была домотканой. В раскопках памятников, где культурный слой сохраняет органические вещества, найдены деревянные трепала. Ими отряхивали костру и грубые частицы волокна. Обнаружены также деревянные гребни для чесания волокон, веретена и пряслица для получения нитей. Длина веретен — 18–25 см. Находки костяных юрков для снования свидетельствуют о наличии горизонтального ткацкого станка. В минских раскопках были найдены части от ткацкого станка — боковые планшетки от набилок.

Большое место в хозяйственной жизни деревни занимало животноводство. К домашним животным относилась подавляющая часть костных остатков из селища возле д. Городище Минской области. По количеству особей здесь на первом месте стоит мелкий рогатый скот и бык, затем следуют свинья и лошадь. При раскопках селища у д. Городиловка Гродненской области были найдены кости свиньи, козы, лошади, быка.

Аналогичная картина наблюдается и при изучении остеологических материалов из раскопок древних белорусских городов (исключая Гродно).

Известную роль в хозяйстве древней деревни играли охота, рыболовство, собирательство и бортничество. Значение последнего вида хозяйственной деятельности определяется тем, что на Руси тогда не было сахара. Из меда приготавливали медовку (медовуху) — изюбленный хмельной напиток. В бортничестве использовались специальные ножи — медорезки. Такой нож был найден в одном из курганов в Южной Беларуси.

В деревне проживало значительное число ремесленников, удовлетворявших большую часть потребностей сельского населения в ремесленных изделиях. Занятие ремеслом для большинства деревенских мастеров было делом подсобным.

Важнейшей отраслью деревенского ремесла являлось кузнечное дело, причем деревенские кузнецы были главными добытчиками и поставщиками кричного железа городским кузнецам. Подсчитано, что одна деревенская кузница обслуживала район радиусом 12–16 км, т. е. несколько окрестных поселков.

Деревенские кузнецы изготавливали, по существу, все необходимые в хозяйстве и быту железные изделия. Однако по техническому уровню и технологии деревенское кузнечное ремесло значительно уступало городскому. Деревенские кузнецы почти не изготавливали качественных стальных орудий.

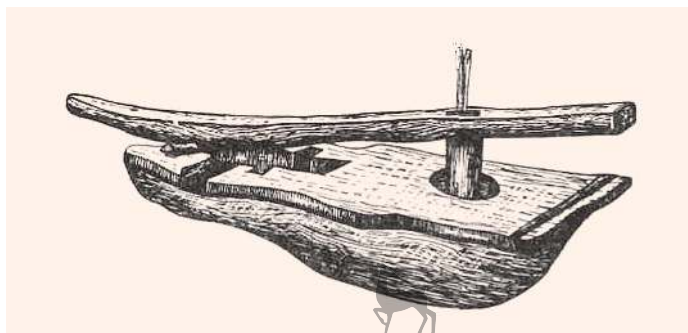

Рис. 7.6. Ножная ступа (Минск)

Особую группу деревенских ремесленников составляли ювелиры, которые почти полностью удовлетворяли потребности сельских женщин в предметах украшения (рис. 7.7). Их изделия представлены всевозможными головными украшениями, нагрудными прищипками, бронзовыми браслетами, перстнями, фибулами, пряжками и т. д. В женском наборе украшений почти всегда присутствуют всевозможные амулеты и обереги, якобы оберегавшие от бед и болезней.

Метод картографирования вещей, отлитых в одной литейной форме, позволил установить, что централизованного изготовления деревенских украшений не было. Так, изучение семилучевых височных колец, отлитых в двух разных формах, показало, что расстояние между пунктами, в которых встречаются отливки с одних форм, не превышает 40 км. Подвески так называемого петлистого типа, отлитые в одной форме, были найдены в курганах около деревень Влазовичи и Казаричи, расстояние между которыми равнялось 7 км. Другой «гроздовой» тип подвески с одной формы найден в курганах из Хизово и Торович, находящихся друг от друга на расстоянии 17 км. Отсюда можно сделать вывод, что деревенские ювелиры-литейщики обслуживали ограниченный район радиусом в 10–15 км. Можно представить, сколько нужно было литейных мастерских, чтобы обеспечить потребность селян в недорогих украшениях даже на территории западных земель Руси.

Самой многочисленной категорией находок в сельских поселениях является керамика (рис. 7.8). Широкая сырьевая база и сравнительно несложная технология, основы которой были выработаны в глубокой древности, сделали гончарное производство одним из самых распространенных на Руси. Густая сеть деревенских гончарных мастерских покрывала и территорию Западной Руси.

Рис. 7.7. Продукция деревенских ювелиров

Рис. 7.8. Гончарная посуда

В X–XI вв. здесь распространяется гончарный круг. Изготовление гончарных изделий на круге повлекло за собой замену домашнего изготовления посуды, находившегося ранее в руках женщины, производством мужчины-ремесленника. Этнографические материалы позволяют составить представление об устройстве ранних гончарных кругов. В Беларуси до недавнего времени был известен примитивный гончарный круг, восходящий по своей конструкции, по-видимому, к X–XI вв. Его основой являлась низкая скамья, в которой укреплялась ось с насаженным на нее массивным деревянным кругом толщиной в 2–3 см и диаметром 15–20 см. При работе гончар сидел верхом на скамье, левой рукой вращал круг, а правой формовал глину. Для того чтобы глина легко отделялась от круга, его поверхность посыпалась песком. Небольшая инерция, обусловленная малой скоростью вращения и сравнительной легкостью деревянного круга, не позволяла вытягивать сосуд непосредственно из комка глины. Гончару приходилось проводить специальную подготовительную работу в виде лепки сосуда из раскатанных глиняных валиков-лент. Вращая круг, гончар сглаживал неровности лент правой рукой.

Самый распространенный древнерусский тип горшка имеет устойчивые черты: конусообразное тулово, в достаточной степени выраженные плечики, широкое горло и отогнутый венчик. Излюбленными орнаментами были линейный и волнистый либо линейно-волнистый. По форме венчика, степени его отгиба, крутизне плечика и некоторым другим признакам удастся наметить хронологическую классификацию древнерусской керамики. При раскопках и особенно разведках сельских поселений керамика часто является единственным материалом, позволяющим установить дату.

В деревне, несомненно, были развиты и другие ремесла, связанные с обработкой дерева, кости, камня. Однако вследствие недостаточной изученности сельских памятников Беларуси нельзя пока воспроизвести цельной картины их состояния и установить степень значимости этих видов деятельности деревенских мастеров.

22. Древние города Северной Беларуси

Древние города Беларуси прошли тот же путь развития, что и остальные города Руси. Следует однако заметить, что появились они только после прихода славян. В дославянском периоде их здесь еще не было. Именно поэтому нужно с осторожностью

воспринимать сообщение летописи о призвании варягов в 862 г. и начале их строительства. Варяги же городов не создавали. Самое раннее появление городов, кроме славянской области в припятском Полесье, не могло быть датировано временем более ранним, чем конец X в. Тем не менее если непременным признаком города является развитие в нем ремесла и торговли, то потребуется еще немало времени, чтобы конкретный населенный пункт приобрел черты города.

В летописи названо около 40 городов на территории западных земель Руси, но далеко не все они были городами. Например, упомянуты Бельчицы, но это был мужской Борисоглебский монастырь. Археологам еще предстоит скорректировать список древних городов на территории Западной Руси. Надо сказать, что в этом плане уже много сделано. В той или иной степени археологическим исследованиям подверглось более 20 городов. На некоторых были проведены крупные многолетние раскопки, предоставившие великолепный материал. Как и везде, многие города свидетельствуют о том, что они были центрами ремесла и торговли определенных областей, выполняли административные и культурные функции. Об отдельных и будет идти речь.

Полоцк. Древнейшим городом Беларуси традиционно считается Полоцк. Первое упоминание о нем имеется в «Повести временных лет» под 862 г. в рассказе о приглашении на Русь варягов. В числе построенных Рюриком первых городов был назван и Полоцк. В 980 г. там сидел «пришедший из-за моря» Рогволод, туда же киевский князь Владимир отправил на княжение своего старшего сына от Рогнеды Изяслава. Этот город стал столицей одной из 15 крупнейших древнерусских земель.

Полоцк богат историческими памятниками и представляет большой археологический интерес.

Уже в древности он достиг больших размеров и имел сложную городскую структуру, заметную даже в наши дни.

Благодаря той роли, которую ему суждено было сыграть в истории Руси, Полоцк быстро развился в крупный город с многотысячным населением.

Средневековые письменные источники, дошедшие до нас планы и зарисовки города обозначают в нем отдельные крупные районы, возникшие, как показали археологические исследования, уже в древнерусское время (рис. 7.9). Это так называемый Верхний замок при впадении в Западную Двину небольшой речки Полоты, от которой город получил свое название (в летописи — Полотеск), примыкающий к нему с востока Нижний замок и расположенное западнее Верхнего замка на правом берегу Полоты Заполотье («Старый город»). С древней историей города связаны также небольшое городище на Полоте и монастырь в Бельчице на противоположном берегу Двины, вошедшей теперь в черту города.

Рис. 7.9. Расположение древних районов Полоцка

Первые археологические раскопки в Полоцке начались в 1928 г., но из-за недостатка средств ограничились шурфами. Крупномасштабные раскопки проводились в течение многих лет в послевоенное время. Они затронули все древние районы города, но учитывая большую территорию древнего города, до сих пор остались нерешенными многие вопросы, связанные с последовательным развитием его структуры, городских укреплений, древней планировки. По-разному решаются исследователями и вопросы о времени возникновения Полоцка, истории формирования его территории.

В свете результатов археологического изучения Беларуси в целом весьма спорной оказалась дата основания города. Как мы отметили раньше, возникновение городов на территории Беларуси связано с расселением на ее территории славян, а оно в центральных и северных областях имело место в середине – второй половине X в. Следовательно, в 862 г. славянского города Полоцка не могло быть, потому что в дославянский период городов здесь еще не было. Можно было бы допустить, что на месте будущего города Рюрик устроил пункт для сбора дани с местных балтов, но доказательств этому нет. Более того, установлено, что задолго до Рюрика в пределах современного Полоцка существовало балтское родовое поселение – городище на Полоте. С него мы и начнем знакомство с древностями города.

Городище располагалось вверх по Полоте на расстоянии около одного километра от впадения ее в Западную Двину. Археологические раскопки выявили на нем три горизонта культурных отложений. Самый нижний горизонт связан с днепро-двинской культурой раннего железного века, средний – с культурой длинных курганов, просуществовавшей до X в. Третий, верхний и самый значительный культурный слой отложился в древнерусское время.

Вероятно, потому, что культура длинных курганов долгое время ошибочно рассматривалась как славянская, археологи сразу же соотнесли городище на Полоте с начальным Полоцком и более того – его детинцем. По-разному только определяли время переноса детинца с городища на Верхний замок: одни считали, что это произошло в XI в., другие – в XII в., третьи – даже в XIV в.

Рассмотрим эту проблему подробнее. Еще академик М. Н. Тихомиров высказал сомнение в правильности такой схемы территориального развития Полоцка, заметив, что во всех древнерусских городах главный кафедральный собор возводился в кремле («детинце»), рядом с княжеским дворцом. В Полоцке такой кафедральный собор (Софийская церковь) находится не на городище, а на территории Верхнего замка. Там же были обнаружены и следы княжеского двора. Все это достаточно далеко от городища.

По своей конфигурации, размерам и содержанию ранних культурных слоев это – ординарное городище железного века, ничем не выделяющееся среди подобных поселений того времени. Его слабые укрепления совсем не похожи на городские. Состав находок из древнерусского культурного слоя никак не свидетельствует о накоплениях на поселении каких бы то ни было богатств.

Вещевой состав, полученный в раскопках городища, обычен для городской культуры и во многом проигрывает материалам из раскопок княжеских дворов в городах, намного уступавших Полоцку, таких, например, как Волковыск, и даже отдельных укрепленных владельческих усадеб.

Невозможно представить городище на Полоте кремлем одного из крупнейших городов Руси хотя бы из-за его ничтожно малых размеров и неоправданного удаления от главной коммуникационной и торговой магистрали города – Западной Двины. Помимо крайне ограниченных размеров, городище было весьма неудобно для

застройки. Его поверхность не была плоской, а имела два уровня. Верхний представлял собственно городище в форме, близкой к равнобедренному треугольнику размером 75×40 м. Вторая, его восточная часть находится на 4,5 м ниже верхней. Ее форма не очень определена и, возможно, изменилась в связи с использованием ее под кладбище. На плане города 1707 г. она почти квадратная и неизвестно, какой была первоначально.

Верхняя часть городища имела площадь около 0,2 га, а за вычетом площади, занятой под вал, пригодная для застройки территория была и того меньше. Учитывая размеры городских дворов, известные нам по раскопкам, на территории этого городища могло разместиться 6–10 дворов, а число проживавших в этом «детинце» людей, включая детей, могло составлять от 40 до 50 человек, из коих воины, княжеская охрана и слуги, способные охранять кремль и князя, могли насчитывать всего несколько человек. Здесь нет места ни для княжеского двора, ни для храма.

Все эти факты и соображения заставляют считать неверным отождествление городища с детинцем древнего Полоцка. К тому же оно возникло и существовало задолго до Рюрика, и если он что-то и основывал, то во всяком случае не поселение на Полоте. Историю Полоцка как города следует начинать с прихода сюда славян, т. е. не ранее X в.

Конечно, по всем соображениям наиболее удобным местом для основания города был мыс, образованный при впадении Полоты в Западную Двину, где и расположился Верхний замок.

Уже дореволюционные историки Полоцка, не будучи археологами и не располагая вещественными материалами, не сомневались в том, что древнейшей его частью был Верхний замок. Основанием для такого представления являлось само расположение на судовой реке и, естественно, исторические документы, древние планы и сохранившиеся рисунки Полоцка. Здесь располагался и главный собор города – знаменитая София. Из Полоцкой ревизии 1552 г. известно, что именно в Верхнем замке в начале XVI в. находился господский двор и двор владыки и т. д. Всего этого вполне достаточно, чтобы не сомневаться в месте расположения древнейшей и главной части Полоцка.

Новые аргументы и факты для научных выводов по начальной истории Полоцка были получены в результате раскопок.

Раскопки велись в разных частях замка и составили в совокупности приблизительно 2 тыс. м². На Верхнем замке был выявлен многометровый культурный слой древнерусского времени, насыщенный остатками деревянных сооружений и вещевыми находками. В предматериковом гумусе была найдена медная монета византийского императора Романа I (919–944 гг.), которая наряду с другими находками позволяет датировать начало заселения славянами территории Верхнего замка X в. Монета была отчеканена как раз тем императором, при котором или сразу же после смерти которого «Русь» во главе с Игорем ходила на Византию и заключила с ней знаменитый договор 944 г. В походе принимали участие дружинники из разных частей Руси, и состав воинов был интернациональным. Не была ли эта монета трофеем или сувениром, вывезенным из этого похода?

Верхний замок имел сложный рельеф, что в значительной степени сказалось на формировании на нем культурного слоя. Его центральная часть значительно возвышалась над остальной и была выбрана для сооружения на ней собора, названного, подобно главным церквям Царьграда (Константинополя), Киева и Новгорода, Софийским. Перед собором и в непосредственной близости от него должно было быть значительное пространство, лишенное рядовой застройки, – присоборная площадь, где могли разместиться люди во время церковных праздников и вече.

Плотно застраивалась низменная северо-восточная часть детинца. Именно здесь особенно интенсивно рос культурный слой, достигший 5,5 м в толщину, в то время как в центре он составлял несколько десятков сантиметров.

Судя по раскопкам, на северо-восточной окраине замка возникла деревянная застройка, появились различные ремесла. Среди жителей Верхнего замка мы видим кузнецов, ювелиров, кожевников, косторезов. Полоцк приобретает черты древнего феодального города. Даже в пределах укрепленной части сформировались основные признаки, характеризующие это поселение как настоящий город.

Археологические исследования, проведенные около Софийского собора, показали, что до момента его строительства, т. е. до середины XI в., на этой территории уже успел вырасти культурный слой, свидетельствующий о достаточно длительном времени обитания людей. Более того, были обнаружены следы пожара, который, очевидно, уничтожил прежнюю застройку.

Вполне вероятно, что когда в конце 80-х – начале 90-х гг. X в. город был передан в управление Изяславу Владимировичу (рис. 7.10), в Верхнем замке была построена одна из первых (если не самая первая) деревянная церковь, также сгоревшая. Известно, что одна из главных задач посаженных в различные города сыновей киевского князя – утверждение в стране христианства. Летопись сообщает, что молодых князей сопровождали христианские священнослужители. Все это произошло сразу же после крещения Руси, вскоре после освоения славянами новых территорий, в том числе Западной Руси.

Полученные при раскопках данные, связанные с храмовым строительством, следует рассматривать как косвенное свидетельство того факта, что именно территория Верхнего замка была историческим центром древнерусского Полоцка. Выбранное для города место было достаточно по размерам (свыше 9 га), удобно для сообщений и естественно укреплено двумя реками, что значительно облегчало создание надежной оборонительной системы. Именно здесь могли свободно разместиться и княжеский дворец, и христианские храмы, и дворы дружинников, и мастерские ремесленников.

Уже в X в., вскоре после крещения Руси, в Полоцке утверждается епископия.

Следовательно, этот район по всем параметрам представлял собой главную, если не единственную тогда часть основанного славянами нового города.

Превращение города в столицу и духовный центр крупнейшего феодального княжества Западной Руси должно рассматриваться в тесной связи с процессом перерастания его в мощный центр ремесла и торговли, чему в немалой степени способствовало исключительно выгодное географическое положение города на древней речной магистрали, связывавшей Западную и Северо-Восточную Русь с Прибалтикой и Западной Европой.

Археологические раскопки дают представление о рядовой застройке города. Основным типом построек был наземный деревянный сруб размером от 12 до 25 м². Жилые постройки имели деревянные полы и глинобитные печи. Несколько из них составляли городской двор. Пространство между домами обычно вымощивалось деревом. В одном месте обнаружена, по-видимому, уличная мостовая. Хотя вскрытая раскопками площадь ничтожна по сравнению с остальной территорией Верхнего замка, картина характера рядовой застройки города в целом представляется отчетливой. За долгий период жизни постройки разрушались, и на их месте возводились новые. Хорошая сохранность древесины позволила проследить эти этапы сплошных или частичных перестроек, наметить своеобразные строительные периоды. Поскольку каждому периоду соответствует определенный комплекс найденных вещей, представляется возможность рассматривать материальную культуру города в четкой хронологической последовательности. Хронология отдельных строительных периодов может устанавливаться не только на основании вещей, дата которых уже известна, но и, используя дендрохронологический метод, по самим деревянным постройкам и мостовым.

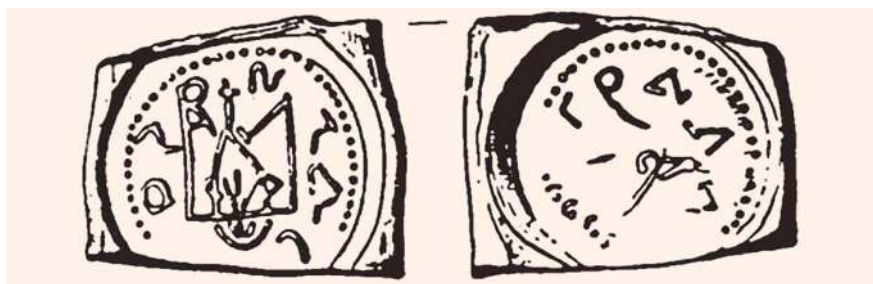

Рис. 7.10. Печать Изяслава (увеличено)

Раскопки показали, что даже в привилегированной части города жили и занимались своим делом ремесленники. В полученных материалах нашли отражение различные стороны хозяйственной и культурной жизни города. Находки убедительно свидетельствуют о высоком развитии железообработки, ювелирного ремесла, деревообработки, кожевенного дела. На исследованном раскопками участке проживали ювелиры. В слоях XI–XIV вв. найдено свыше двух десятков литейных форм различных конструкций, а также ювелирные клещи. Добыто довольно много отходов кожевенного производства. Давая оценку полученным материалам, следует, однако, иметь в виду, что раскопки коснулись очень небольшого участка городского детинца, вследствие чего может создаться несколько одностороннее представление о его культурном облике в целом. Несомненно, основная ремесленно-торговая деятельность была сосредоточена на посаде. Им стала территория будущего Нижнего замка и Заполотья, где также были проведены значительные раскопки.

Следует особо отметить один интересный факт. Как известно, излюбленным украшением городских женщин были стеклянные браслеты. На Руси существовало несколько больших центров их производства, крупнейший из которых находился в Киеве. Киевские мастера по стеклу обеспечивали потребность в стеклянных украшениях большей части русских городов. Изделия киевского производства найдены и в Полоцке. Однако спектральное изучение полоцких браслетов позволило прийти к выводу о существовании в Полоцке местного производства браслетов. В местном стекле содержится примесь титана, позволяющая отличать полоцкие изделия от привозных. В середине XIII в. киевские мастерские были разгромлены монголами и производство стекла там прекратилось. В Полоцке оно существовало вплоть до XIV в.

Однако многое еще осталось неизученным. Мы мало или почти ничего не знаем о фортификации города, его крепостных сооружениях, башнях и городских воротах.

Имеются основания предполагать, что Верхний замок был окружен валом с деревянной стеной. Наличие древнего вала было обнаружено в раскопе на северной окраине детинца. При этом похоже, что вал насыпался вскоре после заселения этой части города. К сожалению, за многие годы раскопок оборонительные сооружения Полоцка так и не стали предметом специального исследования. Не было обращено внимания на то, что поздние средневековые источники – планы и рисунки – фиксируют систему оборонительных сооружений Верхнего замка, что создает исключительно благоприятные возможности для поиска и изучения древней фортификации. Так, из документов XVI в. известно, что Верхний замок был обнесен крепостной стеной, которая имела семь башен. Самой крупной была восточная каменная башня, известная как Красная или Королевская. Она была обращена к Нижнему замку. Документы XVII в. называют еще восемь башен: Проезжую, Гуську, Рождественскую, Башню-фортку, Новую, Воеводскую, Мош-

ну, Боярскую. Можно предполагать, что некоторые из них являются древними или возведенными на месте древних. Красная башня была въездной и очень вероятно, что именно здесь, на ее месте, находились крепостные ворота детинца и подходы к ним главных улиц. Раскопки в этом месте помогли бы выявить и изучить внутреннюю планировку и застройку полоцкого детинца, систему его улиц. Ждут своего изучения княжеские и боярские дворы, а также княжеские захоронения.

Большая площадь Верхнего замка позволяет предполагать, что и до выхода города за его пределы в нем могли сформироваться четко очерченные районы, различающиеся между собой по социальному признаку, в частности дворцовый комплекс или особая часть города, выполнявшая какое-то время функцию детинца. Несомненно, культурная, торговая, ремесленная жизнь города была богаче того, что удалось о ней узнать в результате проведенных археологических исследований. Можно сказать, что мы находимся в начале долгого изучения полоцких древностей. Главное – сохранить для будущих археологов полоцкий культурный слой от разрушения.

Рассмотрим подробнее отдельные памятники, связанные с древней историей Полоцка.

Показателем высокого развития духовной и материальной культуры являются его знаменитые памятники монументального зодчества.

Дело в том, что Полоцк был одним из выдающихся архитектурных центров Древней Руси. Между 1044 и 1066 гг. в нем вслед за Киевом и Новгородом на высоком плато Верхнего замка был воздвигнут величественный собор Святой Софии. Теперь же от него сохранилась лишь незначительная часть, вошедшая в состав ныне существующего барочного собора, построенного в 1750 г. Нижняя часть древней Софии оказалась в его подполье. Из списка XIV в. известно, что храм был увенчан пятью главами. Некоторые имеющиеся материалы позволяют говорить, что собор построен в манере, характерной для русского зодчества XI в. (рис. 7.11). Ее отличают подчеркнутая монументальность, гармоничная связь с окружающим рельефом, сложность и красочность интерьера, богатство внутренней отделки.

В эпоху феодальной раздробленности в русской архитектуре складывается и быстро распространяется новый стиль, характеризующийся меньшими размерами культовых зданий, большей простотой и расчлененностью их внутреннего пространства. Храмы приобретают «кубические» черты.

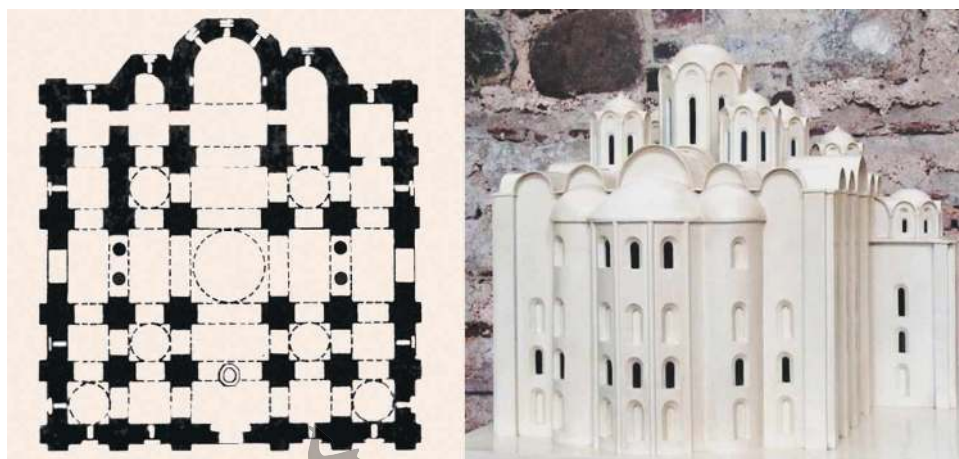

Рис. 7.11. План и макет-реконструкция собора Святой Софии

При сохранении единства унаследованных традиций киевской архитектурной школы в различных областях Руси получают развитие самостоятельные архитектурные течения с особыми художественными и техническими чертами. Значительный вклад в историю древнерусской архитектуры внесли зодчие северо-западных областей Руси.

История сохранила до наших дней 4–5 монументальных построек древнерусского времени, которые за долгие годы значительно изменили свой первоначальный облик в связи с различными перестройками и обновлениями. Археология смогла довести число сокровищ древнерусского зодчества до 20, показав необыкновенно высокий уровень культуры на наших землях в прошлом.

Наиболее выразительным воплощением и оригинальным решением нового типа культового здания явились полоцкие храмы XII в. Среди них особое место занимает Спасо-Преображенская церковь в Спасо-Евфросиньевском монастыре, построенная между 1132 и 1144/1146 гг. полоцким зодчим Иоанном. Хотя внешний облик церкви претерпел серьезные изменения в результате реставрационных работ XIX в., исследованиями историков архитектуры удалось воспроизвести ее первоначальный вид. Основное конструктивное решение храма было подчинено идее преодоления статичности прежних архитектурных схем. Зодчий Иоанн блестяще разрешил эту задачу, подняв центральную часть здания и увенчав ее стройным башнеобразным барабаном. Ярусная композиция верха придала храму изящную форму, строгое величие и динамичность. Оригинально был оформлен и интерьер здания.

Спасо-Преображенский храм оказался уникальным своей фресковой живописью. Реставраторам удалось расчистить первоначальные фрески, скрытые местами под восемь слоев последующих записей, в том числе масляными красками. Выяснилось, что оригинальными фресками была расписана вся площадь храма, включая столбы и своды. Доминантой было грандиозное, высотой в 4,2 м изображение Богородицы, занимающее почти весь алтарь. Рисунок как бы повторяет подобный в киевской Софии, но из-за небольшого размера самой церкви производит еще большее впечатление.

По заключению исследователей, храм расписывала смешанная бригада, состоящая из византийских и русских художников. В изображениях персонажей ощущается индивидуальность исполнителей. Художники широко использовали палитру различных красок: синих, зеленых, красных, желтых, коричневых, белых и черных. Умелое смешение красок позволило получать широкий спектр цветов и оттенков. Изображения отличались подчеркнутой контрастностью.

По своему содержанию и сюжетам фреска в целом соответствует каноническим традициям и иллюстрирует все основные эпизоды из жизни Христа, но композиция и манера подачи материала отличаются заметным своеобразием. Святые нижнего ряда фресок стоят на уровне пола, чем создается эффект присутствия. У основных фигур несколько нарушенные пропорции: сознательно увеличены размеры голов, и они как бы приближены к молящимся.

На южной стене обнаружены две женские фигуры в полный рост. Голова одной расчищена полностью. Лицо женщины написано темно-желтой охрой. Черты правильные, с несколько суженными глазами, изогнутыми бровями и небольшим ртом. Под глазами тени.

Реставрация фресок продолжается, и храм, несомненно, станет великолепным музеем древнерусской живописи.

Самобытность и оригинальность Спасской церкви ставит ее в один ряд с выдающимися произведениями не только древнерусской, но и мировой архитектуры (рис. 7.12). Она предвосхитила конструктивные формы храмового строительства конца XII — начала XIII в. Заложенные в ней основы стали предметом дальнейшей разработки в архитектуре нескольких последующих столетий.

Спасский собор, в наибольшей степени воплотивший своеобразие полоцкой архитектурной школы, явился образцом для подражания. В Смоленске, политическом центре соседнего княжества, в XII в. были построены два храма — Михаила Архангела и Борисоглебский, отмеченные сильным влиянием полоцкой архитектурной школы.

Недалеко от Спасской церкви были обнаружены и раскопаны остатки еще одного большого храма. С трех сторон к нему примыкали большие притворы-усыпальницы, выстланные майоликовыми плитками и мозаикой. Стены притворов были украшены фресками (рис. 7.13).

Замечательные храмы были воздвигнуты в XII в. недалеко от древнего Полоцка: в Бельчице. Их было не менее четырех. Один из них — храм Бориса и Глеба — являлся прообразом Спасо-Преображенской церкви и был построен тем же зодчим Иоанном.

Небольшая бельчицкая Пятницкая церковь отмечена явными следами влияния народного деревянного зодчества. Есть мнение, что бельчицкие храмы могли быть местом погребения полоцких князей.

Непосредственно к полоцким древностям относится замечательный памятник ювелирного искусства Руси — так называемый крест Евфросинии Полоцкой, изготовленный в 1161 г. мастером-ювелиром Лазарем Богшей. Его заказчицей была настоятельница монастыря Святого Спаса Евфросиния, внучка знаменитого князя Всеслава Брючиславича.

В изделии нашли отражение высшие достижения ювелирного мастерства. Крест имел модную в то время шестиконечную форму. Длина его 51 см, верхнего перекрестия — 14 см, нижнего — 21 см.

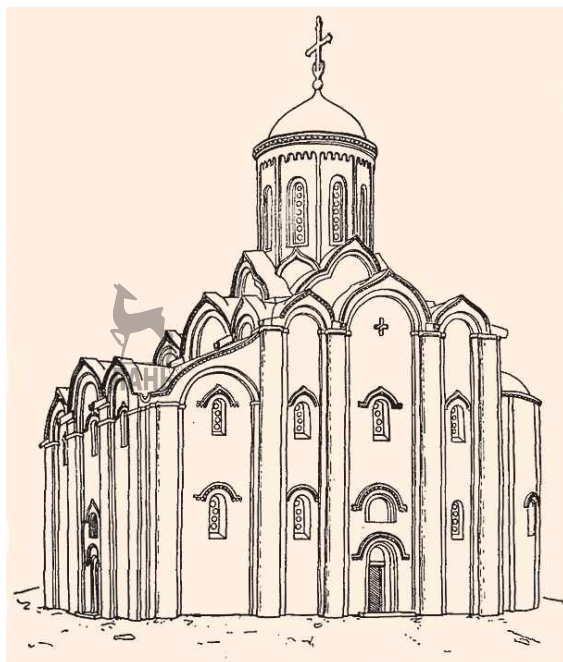

Рис. 7.12. Спасский храм. Реконструкция

Рис. 7.13. Фреска Спасской церкви

Сделан он был из дерева (по некоторым сведениям кипарисового), обито с лицевой и задней стороны золотыми пластинами, а по бокам — пластинами из позолоченного серебра. Техником тончайшей перегородчатой эмали на пластинах изображены Христос, Богоматерь, четыре евангелиста, Иоанн Креститель, архангелы Михаил и Гавриил, Евфросиния Александрийская, Георгий, София, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, Петр, Павел, Стефан, Дмитрий и Пантелеймон. Великолепные орнаменты из перегородчатой эмали и вставки драгоценных камней составили богатый, насыщенный красками декор креста. Орнаменты группируются в 17 разнообразных фигур, каждая из которых заполнена самостоятельными орнаментами, включающими 15 различных элементов. Все орнаментальные мотивы находят себе аналогии в памятниках ювелирного искусства Древней Руси. В эмалях преобладают синие, белые, красные и зеленые тона. В отличие от ряда известных из-

делий, где использовались эмали, снятые с других вещей, эмали полоцкого креста были сделаны непосредственно на его пластинах, т. е. специально для креста (рис. 7.14).

На обратной стороне креста были устроены четыре прямоугольных приемника для хранения мошей. Почти на всех пластинах имеются четко выполненные надписи. На одной из них помещено имя мастера в обычной для того времени формулировке: «Господи помози рабу своему Лазарю, нареченному Богъши, съделавъшему крестъ сии цркви святаго Спаса и Офросиньи».

Самая замечательная надпись, состоящая из двух рядов, сделана вокруг креста на его боковых сторонах.

«В лето 6669 (1161) покладаетъ Офросинья чьстьный крестъ въ монастыри своемъ въ церкви святаго Спаса. Чьстьное древо бесценно есть, акованье его злато и серебро и камень и женчугъ зъ 100 гривнъ а... 40 гривнъ. Да не изнесеться из монастыря никогда же яко ни прода-ти ни отдати аще се кто преслоушаетъ изнесеть и от мана-стыря да не буди емоу помощникъ чьстьный крестъ ни въ съ векъ, ни в боуд...щий и да боудтъ проклять святою животворящею троицею и святыми отци 300 и 50 семию съборъ святыхъ отецъ и боуди емоу часть съ Июдою иже преда Христа. Кто же дръзнетъ сътворити с... вла оуменья или инъ который любо человекъ а боуди емоу клятва си.

Офросинья же раба Христова сътяжавъши крестъ сии, приметь вечную жизнь съ всь(м)и с(вятыми)...»

Б. А. Рыбаковым высказано предположение, что 40 гривнами определена цена работы мастера. Если это так, то Богша представляется очень высокооплачиваемым ремесленником, выполнявшим заказы полоцких феодалов.

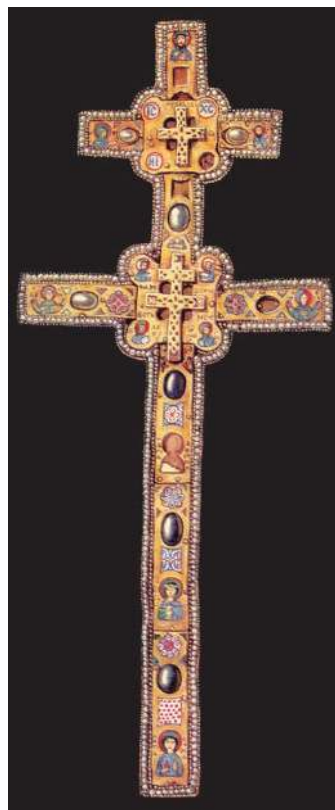

Рис. 7.14. Крест Лазаря Богши

До Великой Отечественной войны крест хранился в Могилевском музее. В 1941 г. он бесследно исчез.

Своеобразный и ставший теперь уже уникальным памятник лежал в реке напротив города недалеко от левого берега Западной Двины. Это большой камень-валун, на плоской поверхности которого высечен пятиконечный крест и надпись «ХС. Ника. ГИ (Господи) помози рабу своему Борису» (рис. 7.15).

Рис. 7.15. Борисов камень. Прорись

Сейчас камень перенесен на Верхний замок. Таких камней на территории Беларуси известно около десяти. Их называют Борисовыми камнями и связывают с именами полочких князей Бориса Всеславича (умер в 1128 г.) и его сына Рогволода.

Объясняется назначение камней по-разному. Некоторые считают, что князья таким способом пытались увековечить свои имена или призвать Божью помощь. Связывают их появление и с очисткой рек от камней. Есть основания предполагать, что эти камни появились в связи с тяжелым и, возможно, длительным заболеванием князя Бориса Всеславича, которое явилось причиной его смерти в 1128 г. Борис оставил добрую память в летописи. Он не вмешивался в междоусобные распри, поощрял храмовое строительство. При нем была сделана большая пристройка к Софийскому собору, в которой, вероятно, он и был похоронен. Подписанные камни были обращением за помощью к Богу.

Один большой камень с пространной надписью находился в д. Коханово недалеко от Орши. Имевшаяся на нем надпись гласит: «В лето 6679 (1171 г.) месяца мая в 7 день доспен (иссечен) крест сии; Господи помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду, сыну Борису» (рис. 7.16).

Князья, как известно, имели тогда по два имени: русское и церковное греческое. Надпись, по-видимому, сделана по заказу Рогволода, князя полоцкого, затем друцкого. Интересно, что в летописи Рогволод Борисович, живший в неспокойное время княжеских междоусобиц и сам неоднократно страдавший от этого, упомянут в последний раз под 1161 г.

Надписи на камнях — одно из свидетельств широкого распространения грамотности.

В связи с этим любопытна находка небольшой каменной известковой плитки 4,5×4, 3×2 см, которая была обнаружена во время раскопок на Верхнем замке. На одной из ее сторон русскими буквами в шесть строк написан перечень татарских числительных от одного до десяти: «бир, иаки, оучь, терть, беше, алти... ти, сокизь, токузь, уоан» (рис. 7.17). По палеографическим признакам эта кириллическая надпись может быть датирована XIV—XV вв.

Рис. 7.16. Рогволодов камень

Рис. 7.17. Камень с татарскими числительными

Два исследователя, один — археолог, другой — лингвист, оба незнавшие татарского, прочли этот текст по-своему: «бери аки отец твой рать и будь с нею на совете». К их счастью, подготовленная ими статья, в которой они изложили свою версию, не успела быть напечатанной, иначе бы список исторических курьезов пополнился бы и этим.

Витебск. Как археологический памятник Витебск очень похож на Полоцк: оба расположены на Западной Двине, схожа топография и структура городов, в обоих имеются городища железного века, городские районы с названиями Верхний и Нижний замок, одинаково освещалась история их возникновения и дальнейшего развития. Несомненно одно — исключительную роль в их истории сыграло расположение на важном в древности торговом пути из Восточной Европы в Прибалтику и Западную Европу.

По аналогии с Полоцком исследователи считают, что Витебск развился из племенного центра кривичей, каковым было городище, позже называвшееся Замковой горой.

Следует, однако, заметить, что никто не привел никаких аргументов, которые доказывали бы, что это городище чем-то отличается от многих других городищ железного века, и что в отличие от других оно было племенным центром. Вообще говоря, никто так и не определил это понятие и не выделил признаки, по которым можно было бы отличать племенные центры от обычных укрепленных поселений родовых общины.

Витебск археологически изучался в течение длительного времени и по размерам исследованной площади вышел на первое место среди древних городов Беларуси. Археологическое изучение города началось в 1928 г., но ограничилось разведочными шурфами.

Раскопками на древнем городище (Замковая гора), находившемся в восточной части Верхнего замка и имевшем форму усеченной пирамиды площадью 0,7 га и высотой 15 м, обнаружена керамика днепро-двинской культуры раннего железного века, банцевская, а также обломки гончарной посуды X—XIII вв.

При впадении р. Витьбы в Западную Двину тогда же были выявлены следы еще одного поселения XII—XIII вв. Как полагали, оба поселения слились и составили расширенный детинец Витебска. Конечно, все эти выводы делались на ничтожно малых материалах шурфов.

Раннее городище почти полностью было уничтожено в конце XIX в. застройкой города.

Только после Великой Отечественной войны город начал изучаться археологами. С 1963 г. исследования приобрели масштабный характер, общая площадь стационарных раскопок к 2008 г. составила более 15 тыс. м². Это значительно больше, чем в каком-либо другом из белорусских городов. Раскопки велись во всех частях города.

Культурный слой в разных местах составлял от 5,5 до 11 м. Такие различия требуют объяснения. Всего вероятнее, что древний рельеф этой территории был сложным, с большими перепадами дневной поверхности. В обычных условиях культурный слой в пределах ограниченной территории растет с одинаковой скоростью. Так, очевидно, обстояло дело и в древнем Витебске, но в связи с обширными перепланировочными работами, проведенными в последующее время, поверхность Верхнего замка была сnivelирована. В результате в пониженных местах за счет перемещенного грунта напластования оказались искусственно завышенными. Древний домонгольский культурный слой имел толщину приблизительно 3 м. Сложный древний рельеф выявлен раскопками в Нижнем замке.

Культурный слой Витебска хорошо сохраняет органические вещества. В раскопках были обнаружены замощенные деревом улицы шириной от 2 до 5 м, жилые и хозяйственные сооружения, оборонительный вал.

Раскопками на Нижнем замке исследовано более 5 тыс. м². Как и на территории Верхнего замка, толщина напластований по той же причине колебалась от 2,6 до 8 м. В разных местах Нижнего замка в предматериковом слое найдена дославянская керамика третьей четверти 1 тыс. н. э. Выявлены также материалы VIII–X вв., вероятно, принадлежавшие культуре длинных курганов. Можно говорить о том, что Витебску как городу предшествовало несколько балтских, а потом и славянских поселений.

Однако только после расселения в Подвинье славян здесь мог возникнуть город. Дата появления укрепленного города еще ожидает своего определения, но она не может быть более ранней, чем X в.

В свете решения этой проблемы большой интерес представляет установление точного, обоснованного фактами времени появления в этом регионе славянских курганов с трупосожжением и обнаружение керамики роменско-борщевского типа в самых ранних культурных напластованиях Витебска.

В возникновении города важную роль сыграло выгодное географическое положение на древних торговых путях. Торговля была наиболее надежным и устойчивым фактором развития города. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что в древности от Витебска шел волок на юг к смоленскому течению Днепра, а на север через Усвят и р. Ловать – в Новгородскую землю. Витебск, таким образом, стал перевалочным пунктом и был втянут в интенсивную торговлю (в том числе международную) со странами Балтийского моря. Более поздним свидетельством высокой роли в этой торговле Витебска можно рассматривать торговые договоры «с Ригой и готским берегом», заключенные сначала витебскими, а позже смоленскими и витебскими князьями. Вот этот фактор может рассматриваться как один из решающих, определивших превращение поселения на Витьбе в настоящий город, фактор, который был привлекательным и для выбора его в качестве центра княжеского удела.

К сожалению, даже после крупномасштабных раскопок города в вопросе о его происхождении приходится довольствоваться в значительной мере научными предположениями. Так, вполне возможно, что на территории современного Витебска появились несколько близко расположенных друг к другу славянских поселений, которые при определенных условиях слились в один город.

Косвенные данные свидетельствуют, что развитие города протекало быстро и его территория была значительно расширена в XI в. К числу таких свидетельств, несомненно, относится возведение в начале XII, если не в конце XI в., Благовещенской церкви на Нижнем замке, который, возможно, стал окольным городом или частью расширившегося детинца.

Восстановить древний план города и этапы его развития пока невозможно. Можно лишь высказать некоторые предположения. В частности, представляется наиболее вероятным, что одним из важнейших участков, определявших дальнейшую структуру разви-

---

вавшегося города было место при впадении Витьбы в Западную Двину. Город очень быстро развивался и включал в свой состав разрозненные до этого уже обжитые участки. Возможно, что в городе на территории Верхнего замка была построена еще одна, и может быть более древняя, каменная церковь. Замковая гора благодаря своим топографическим особенностям независимо от того, размещалось ли на ней дославянское городище или нет, могла стать местом княжеского или боярского двора, но вещественными доказательствами для этого мы не располагаем, поскольку городище было почти полностью уничтожено.

Пока не удалось также доказать, что средневековые планы Витебска, на которых фиксируются Верхний и Нижний замки, в полной мере соответствуют плану древнерусского города. Сомнения в их тождестве вызывают выявленные в раскопках сложный рельеф, на котором развивался город, и признаки больших нивелировочных работ, проведенных на этой территории в последующее время, которые сопровождались значительными перемещениями грунта.

Одним из важнейших археологических признаков города рассматривается появление городских укреплений. На мысу, недалеко от впадения Витьбы в Западную Двину, были обнаружены и исследованы остатки мощнейшего вала (свыше 20 м в сечении у его основания) с внутренней деревянной субструкцией. Дендрохронологический анализ бревен субструкции позволил датировать рубку леса на вал и, следовательно, начало его сооружения 1136–1140 гг. Под валом, однако, имелся значительной толщины культурный слой, в котором найдена керамика XI в., возможно даже X в. Большая мощность культурного слоя под валом указывает на то, что до возведения на этом месте укреплений поселение могло функционировать более чем сто лет. Однако относительно позднее возведение здесь вала не дает оснований для вывода, что начало существования Витебска как укрепленного города следует вести только с 1136–1140 гг. Эта часть города была достаточно хорошо укреплена двумя реками с высокими берегами. Поэтому первоначально искусственные оборонительные сооружения могли быть возведены только с напольной стороны. Остатки такого же мощного вала с аналогичной субструкцией были обнаружены в южной части древнего города и около современного здания универмага. К сожалению, вал не был пройден до основания, и поэтому невозможно сказать точно, насыпан ли он на материке или культурном слое. По конструктивным особенностям субструкции он ничем не отличался от вала, обнаруженного в северной части Верхнего замка. Если это один и тот же вал, возведенный в 1136–1140 гг., то превращение более раннего поселения на территории современного Витебска в город следовало бы датировать этим временем. Однако такая относительно поздняя дата едва ли может быть принята, поскольку Витебск как город упомянут в летописи уже под 1021 г., и в нем выявлен достаточно значительный культурный слой XI в. Очевидно, дальнейшие исследования именно этого вала помогут установить время возникновения Витебска как города. Учитывая сложности в организации больших раскопок в городах с регулярной застройкой и разнообразными подземными коммуникациями, проблему определения местонахождения и трассы древних укреплений Витебска можно было бы решить и с помощью известных поисковых методов без раскопок, например бурением.

Таким образом, несмотря на высказанные мнения о пути и времени возникновения Витебска, они пока остаются предположениями, одни вероятными, другие — ошибочными.

Во всяком случае едва ли следует сомневаться, что в 1021 г. Витебск уже представлял собой город, иначе он не попал бы на страницы летописи. То обстоятельство, что в Витебск был посажен князем Святослав Всеславич, самый младший из сыновей полоцкого князя Всеслава, позволяет предполагать, что на том этапе город уступал другим городам Полоцкой земли, где сидели старшие братья Святослава. Тем не менее Витебск стал быстро развиваться и приобрел значительную экономическую мощь, о чем, в частности,

свидетельствует постройка в нем дорогого каменного храма — Благовещенской церкви — и, возможно, еще двух храмов (святого Михаила и Параскевы Пятницы). Город приобретает свойственную развитым городам структуру. Он имеет детинец, быть может, укрепленный «окольный город» и, возможно, формировавшийся за их пределами посад. Распространение древнерусского культурного слоя на большой территории может свидетельствовать о быстром росте Витебска. Именно благодаря развитию торговли он скоро стал опережать другие города, возникшие внутри страны вдали от важнейших торговых путей того времени, и стал одним из крупнейших ремесленно-торговых поселений Западной Руси.

В Витебске была найдена первая на территории Беларуси берестяная грамота (рис. 7.18). Обнаружена она случайно при земляных работах на площади Свободы в 1959 г. на глубине около 3–4 м. Грамота содержит полный текст письма из шести строк, написанного буквами, характерными по начертанию для рубежа XIII и XIV вв. Вот ее содержание: «От Степана къ Нежилови. Оже-еси продалъ порты, а купи ми жита за 6 гривень. А ли цего еси не продалъ, а поели ми лицемъ. А ли еси продалъ, а добро сътвори у купи ми жита».

Словом «жито» называли ячмень. Личность Степана может быть истолкована двояко: либо он крестьянин, пострадавший от недорода, либо ремесленник, изготавливающий одежду на рынок. Любопытно, что в то время за 6 гривен можно было купить 300 овчин или 12 свиней, или двух кобыл, или трех коров, или нанять двух батрачек на 12 лет. По своим языковым особенностям грамота может быть местной, поскольку в ней отчетливо отразилось цокающее произношение, характерное для северо-западных областей Руси.

Витебская грамота — важное свидетельство широкого распространения грамотности в Древней Руси.

На рубеже XI–XII вв. на территории витебского Нижнего замка был воздвигнут действительно уникальный храм — Благовещенская церковь (рис. 7.19). К сожалению, она смогла выстоять только до 60-х гг. XX в. В годы Великой Отечественной войны снаряды пробивали ее стены, но не разрушили. Это сделали градостроители, которым показалось, что древняя церковь мешает обозревать здание городского театра, построенного, кстати, на значительном удалении от нее. Вместе с церковью навсегда погибла и великолепная фресковая роспись, которую не успели изучить искусствоведы.

Рис. 7.18. Витебская берестяная грамота

Храм был одноапсидным, имел вытянутую прямоугольную форму размером 11,2×18,2 м, а с апсидой – 21 м. Шесть внутренних столбов делили внутреннее пространство на три нефа. Средний широкий неф столбы разбивали на равные квадраты.

Центральный подкупольный квадрат оказался несколько смещенным к востоку, что придавало храму асимметричный вид.

Апсида собора была полукруглая, широкая, соответствующая ширине среднего нефа. Боковые нефы заканчивались жертвенником и диаконником, скрытыми в толще восточной стены храма.

Столбы имели строго квадратное сечение со слегка выбранными углами и вверху переходили в своды.

Лестница для выхода на хоры находилась в толще западной стены.

Наружные и внутренние стены членились плоскими лопатками.

Благовещенская церковь отличалась от других известных нам культовых построек Древней Руси характером кладки стен. В ней использовалась комбинация плинф и правильно точеных блоков (квадры) из местного желтого песчаника. При этом слой камня чередовался с двумя-тремя рядами плинфы, уложенными заподлицо с наружной плоскостью каменных блоков. Такая техника кладки не была характерна для древнерусских построек.

Церковь имела богатую фресковую роспись, но в отличие от фресок других церквей была положена на сухую штукатурку.

Ученые единодушны в том, что витебскую церковь возводила греческая артель, но не та, что строила полоцкую Софию: различия в композиции, строительной технике и даже манере росписи – слишком очевидны.

Следует особо подчеркнуть, что витебская церковь не имеет себе подобных среди памятников древней Руси. Она уникальна, что создает известные трудности в установлении даты сооружения.

Истоки необычных для древнерусских памятников черт, представленных в витебской Благовещенской церкви, некоторые исследователи предлагают искать в кавказских, сирийских, балканских, в частности сербских, памятниках.

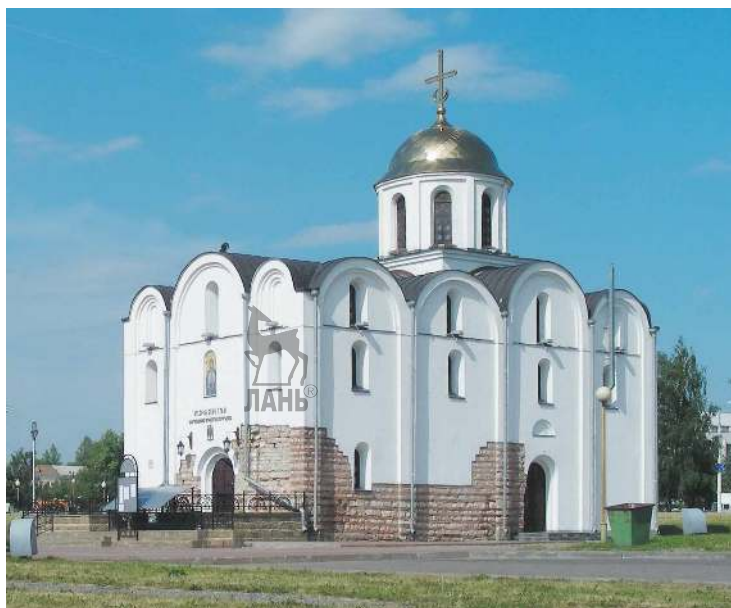

Рис. 7.19. Благовещенская церковь. Реставрация

Значительные расхождения имеются в датировании храма. Большинство склоняется к тому, чтобы датировать его XII в.: одни – началом, другие – серединой, третьи – второй половиной этого столетия.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что при расчистке остатков церкви было найдено несколько плинф с редким рельефным клеймом. Такие клейма распространены в древнейший период истории древнерусской строительной техники. Так что витебская Благовещенская церковь может оказаться второй по возрасту после полоцкой Софии монументальной постройкой Западной Руси.

Сейчас Благовещенская церковь заново восстановлена и снова украшает Витебск, напоминая о его древней истории и высокой культуре западных земель Руси.

23. Древние города Южной и Западной Беларуси

Яркие и порой неповторимые материалы были получены в результате археологических исследований городов белорусского Пономанья. Крупные и многолетние раскопки были проведены в Гродно, Волковыске и Новогрудке, результаты которых достойны специального рассмотрения.

Гродно. На пограничье Руси и Польши в землях, некогда заселенных воинственным племенем ятвягов, в XII в. возник город Гродно. Русские летописи упоминают о нем двенадцать раз, но их сведения настолько отрывочны и разрозненны, что породили спор о местонахождении города. Многим казалось немыслимым отождествлять летописное Городно, история которого связана с волынской княжеской линией, с неманским Гродно. Делались попытки связать Гродно русских летописей с Давид-Городком, расположенным в низовьях Горыни. В качестве доказательства указывали, что отца первого известного гродненского князя звали Давидом Игоревичем. К тому же в местечке имеется древнее городище, но проведенные на нем польскими археологами раскопки не подтвердили одного летописного свидетельства. В записи 1183 г. сказано следующее: «Того же лета Городен по-горе весь и церкви каменная от блистания молнии и шибения грома». В Давид-Городке никаких каменных церквей не оказалось. Он был застроен деревом. Между тем в неманском Гродно до сих пор сохраняются руины каменного храма Бориса и Глеба XII в. Чтобы разрешить этот спор, нужно было провести раскопки и в Гродно.

В пределах современного Гродно имеется несколько мест, с которыми может быть связана его древнейшая история. На высоком правом берегу Немана речкой Городничанкой образован треугольный мыс, известный и теперь под названием Старого замка или Замоквой горы. Через овраг от него расположено высокое плато Нового замка. На противоположном берегу сохранились останки церкви XII в. (рис. 7.20).

Выходы древнего культурного слоя зафиксированы в радиусе до 500–600 м от Замоквой горы. Приблизительно в 650 м к юго-востоку от нее, судя по старым описям города, имелась Курганная улица, которая, по-видимому, указывает на существование здесь курганного могильника, уничтоженного позже городской застройкой (рис. 7.21).

Археологические раскопки велись на территории Старого замка, который являлся ядром древнего Гродно. Культурный слой достигал здесь местами десятиметровой толщины. Нижние пласты толщиной от 1,5 до 5 м содержали остатки древнерусского Гродно XI–XIII вв. Особенности почвы благоприятствовали хорошей сохранности органических веществ.

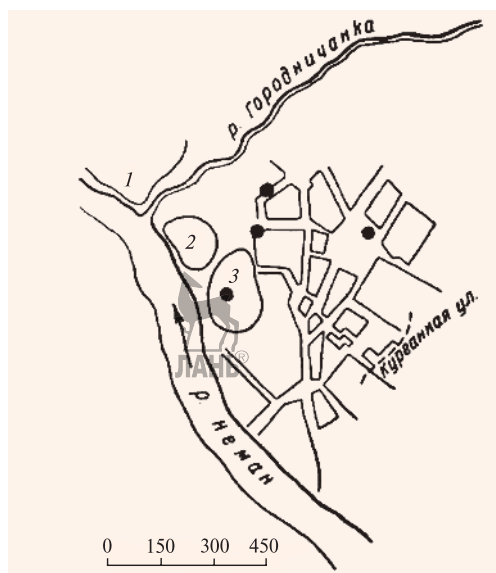

Рис. 7.20. Схема топографии древнего Гродно: 1 – Коложа; 2 – Замковая гора; 3 – Новый замок (Борисоглебская церковь) (кружками отмечены выходы до монгольских слоев)

Как показали раскопки, город ведет свое происхождение от крепости, возникшей на Замковой горе во второй половине или конце XI в. Первоначально она имела военное назначение. В составе населения заметная роль принадлежала вооруженному люду, конным дружинникам. В раскопках найдены пять различного типа шпор, обломок клинка кинжала или копья, железные втульчатые наконечники сулиц, железные и костяные четырехгранные стрелы. О состоятельности жителей крепости свидетельствует обилие замков и ключей от дверей, сундуков и ларцов. Крепость была застроена деревянными срубам. Один из них имел подполье и, возможно, слюдяные окна. Сохранились остатки деревянных мостовых. Совершенно неожиданным оказался результат изучения костных остатков. Половина костей принадлежала диким животным, прежде всего оленю, зубру, кабану. Охотничья добыча была важной статьёй хозяйства. Возможно, дичь представляла разновидность феодальных повинностей с крестьян, однако следует учитывать и то обстоятельство, что охота на крупных животных всегда была излюбленным «спортом» привилегированных слоев, к которым, несомненно, относились дружинники крепости. К слову, лесные пущи Понеманья тогда изобиловали дичью.

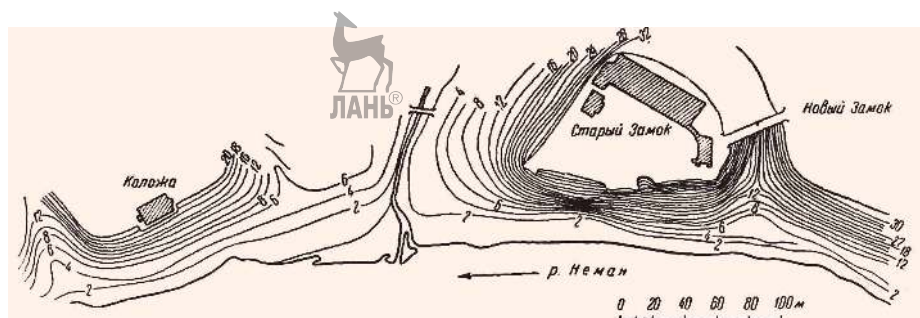

Рис. 7.21. План детинца древнего Гродно (Старый замок)

Ремесла представлены еще слабо. Помимо продукции гончаров, найдены предметы, связанные с ювелирным литьем: обломки тигельков и литейные формочки. В одной из них отливались щитки для перстней-печатей. Можно говорить о существовании в крепости косторезного и деревообрабатывающего ремесла. Почти все вещи имеют типичный общерусский облик. Крепость была тесно связана с Русью. В культурных напластованиях древнейшего периода найдены стеклянные браслеты, шиферные пряслица, бусы, киевские писанки, амфоры, обломки стеклянной посуды. Вместе с тем в керамике можно уловить и местные особенности, выражающиеся в украшении посуды своеобразным штампованным орнаментом или наклепными орнаментированными валиками.

В начале XII в. крепость сгорела. Ее дальнейшая история представляет собой процесс постепенного превращения военного поселения в княжескую резиденцию и столицу княжества. Планировочные работы сравнивали с землей остатки пожарища, сгоревшие строения засыпали привозным грунтом, выравнивали площадку. В центре крепости соорудили кирпичный храм, а несколько позже – кирпичные башни на берегу Немана. В восточной части крепости, вероятно, отстраивается княжеский двор. Позже там был дворец Витовта, а затем Стефана Батория. Застраивается деревянными домами территория вокруг церкви. Со временем застройка становится все более плотной. Ориентировка церкви определяет ориентировку деревянных построек. С севера на юг мимо западной стены храма через крепость прошла улица, мощенная деревом. Другая соединила западную окраину крепости с городскими воротами на восточном краю.

Культурные отложения XII – середины XIII в. составили толщу от 1,6 до 2 м. За это время сооружения на вскрытом участке перестраивались пять раз. Облик застройки и характер строительных приемов типичны для древнерусских городов лесной полосы. Жилые постройки имели размеры от 3,40 × 3,40 м до 4 × 4 м. Рубились они преимущественно из сосны, углы связывались в обло. Под некоторыми постройками прослежены «стулья» из вертикальных бревен или камней. Одна изба имела завалину. Внутри настлались дощатые полы.

В углу помещалась глинобитная с включением камня печь на деревянной платформе. Хозяйственные постройки отличались лишь меньшими размерами. Внутренние дворы мостились деревом. Некоторые, возможно, имели навесы на столбах.

Хотя ни княжеский дворцовый комплекс, ни постройки дружинников не попали на исследованную площадь, довольно многочисленные и разнообразные предметы вооружения по-прежнему указывают на аристократический характер района и, несомненно, большую роль дружинного элемента в составе населения крепости. В слоях XII – середины XIII в. найдена целая серия шпор, наконечники стрел и копий, бронзовая булава. Одна шпора была богато украшена бронзовой инкрустацией, напоминающей когти хищной птицы с роговыми чешуйками. Стрелы различные по типу: ромбовидные, треугольные с шипами, граненые, специально предназначенные для пробивания кольчуги. Выявлена также бронзовая булава с четырьмя выступающими пирамидальными шипами очень маленького размера, что насаживалась на тонкую рукоять. Для борьбы с неприятельской кавалерией применялся так называемый чеснок с зазубренными остриями.

В материалах, относящихся к данному этапу жизни города, значительно полнее представлена хозяйственная жизнь населения. В связи с началом княжеского и храмового строительства в Гродно появляются кирпичные сараи и печи для обжига, где изготовлялись плоский и фасонный кирпичи и специальные поливные плитки. Плитки эти различны по размерам и форме, покрыты желтой, зеленой и коричневой глазурью. Из них можно было составлять красивые замысловатые узоры.

Хорошо представлено сапожное ремесло в Гродно. Часть сапожников жили и работали в самой крепости. Обувь обычная для Руси: поршни и мягкие туфли. Особо следует отметить находку кожаного крепления лыж.

Очень много изделий из дерева: посуда, черпаки, клепки от ведер и бочек, гребни, лопаты, весла, разнообразные колотушки, детали ткацкого станка и т. д. Некоторые отрас-

ли деревообработки, видимо, выделились в особые ремесла. Найдены детские игрушки из дерева: лодочка из сосновой коры, стрелы и мечи. Интересна находка деревянного колка струнного музыкального инструмента. Форма его такая же, как и современных.

О развитии ювелирного дела свидетельствуют найденные льячки-тигельки (рис. 7.22), одиннадцать литейных форм, в которых отливались лунницы, круглая подвеска с изображением креста, крестообразная подвеска, звездчатая семилучевая ложнозерненная подвеска, ложнозерненная бу-са, трехбусинные ложнозерненные серьги, пластинчатый перстень. Некоторые формы составлялись из нескольких створок. На одной форме процарапан знак Рюриковичей. Интересно, что в раскопках не встречено ни одной вещи, отлитой в найденных формах. Значит, продукция гродненских ювелиров быстро находила своего потребителя.

В крепости найдены отходы косторезного производства и полуфабрикаты. Достаточно много готовых изделий из кости: рукоятки ножей, гребни, застежки и т. д. Многие изделия сделаны на токарном станке и нарядно орнаментированы.

Уникальной по своей художественной ценности и реалистичности изображения является каменная скульптурка ладьи на подставке (рис. 7.23). Ее размеры 55 × 5 мм. Оба ее носа — острые, что характерно для боевой ладьи с двусторонним ходом. По бокам — круглые отверстия для весел и по три с каждой стороны миндалевидных щита, типичных для XII—XIII вв. На палубе помещены четыре человеческие фигурки: одна на корме, одна на носу, две посередине. Скульптура является поразительно точной иллюстрацией следующего летописного текста 1151 г.: «...бе бо исхитрил лодье дивно: беша бо в них гребьци гребуть невидимо, токмо весла видети, а человек бяше не видети, бяхуть бо лодье покрыты досками, бяхуть бо борци стояще горе и стреляюще, а кормника два беста, один на корме, а другой на носе...»

Ладья, несомненно, исполненная русским мастером по образцу и подобию реальных судов XII в., представляет собой одну из фигур высокохудожественного набора шахмат, в котором «ладья» заменяет «колесницу», характерную для шахматных наборов других стран.

Рис. 7.22. Льячки

Рис. 7.23. Шахматная фигура ладьи

Из импортных вещей следует отметить хранившийся в Коложской церкви бронзовый водолей, представляющий собой фигуру рыцаря верхом на коне. Водолей отлит в мастерской Гильдесгейма (Нижняя Саксония) в XIII в.

Картина жизни Гродненской крепости будет неполной, если не отметить находки, связанные с земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством. Население Гродненской крепости, как и в других городах, еще не порвало с сельским хозяйством. Об этом говорят находки железного сошника от сохи, обломка косы-горбуши, железных серпов. Злаки представлены рожью, пшеницей, ячменем, овсом, просом, гречихой.

Интересно отметить, что удельный вес охотничьей добычи в XII–XIII вв. не только не уменьшился по сравнению с начальным периодом, но и несколько увеличился: кости домашних животных составили 32,4 %, диких – 67,6 %.

О занятиях рыболовством свидетельствуют находки остроги, рыболовных крючков, грузил.

Неспокойными для Гродно были XIII–XIV вв. Сначала борьба между литовскими и русскими князьями за обладание этой областью, а затем борьба с Тевтонским орденом не способствовали развитию города. Гродно и его окрестности не раз подвергались опустошению.

Вещевой материал, происходящий из слоев XIII–XIV вв., исключительно бедный и однообразный, воссоздает картину некоторого упадка культуры.

Особого рассмотрения требует гродненская монументальная архитектура, по праву считающаяся ярким проявлением культуры Гродно XII в. Самым ранним архитектурным памятником является так называемая Нижняя церковь, открытая раскопками в центре крепости. Она отмечена печатью архитектурного своеобразия, получившего развитие и воплощение в последующих каменных постройках Гродно и некоторых других городов. Нижняя церковь, рухнувшая во время пожара 1183 г., сохранила свои стены на высоту до 3,5 м. Сложены они из тонкого плитчатого кирпича размером $26 \times 15 \times 2,5$ – $3,5$ см обычной для XII в. техникой порядовой кладки на толстых швах связующего раствора. Фундамент сделан из камней, пересыпанных землей. Необычны план и общая композиция храма. Храм имеет всего одну плоскую абсиду. Две другие скрыты в толще угловых стен. Столбов шесть. Причем четыре западных столба мощнее восточной пары, что указывает на смещение купола храма к западу. Это придавало церкви необычную асимметричную композицию. Столбы имели восьмигранную форму. Для улучшения акустических условий в кладку стен были уложены многочисленные глиняные кувшины-голосники, выделявшиеся своими темными отверстиями на розовато-белом фоне кирпича и извести. Пол храма был богато выстлан цветными майоликовыми плитками желтого, зеленого и коричневого тонов. Под куполом здания плитки различной формы и окраски составили сложный нарядный узор. Однако еще более необычно было наружное оформление храма. В нижнюю часть стен были вставлены огромные цветные валуны с шлифованной поверхностью, а выше – на плоских лопатках, членивших наружный фасад здания, и на срезанных углах были размещены различные геометрические фигуры из майоликовых плиток. Такое красочное убранство Нижней церкви выделяет ее среди строгих храмовых построек юга Руси.

После гибели Нижней церкви была построена Борисоглебская церковь на Коложе.

Борисоглебская церковь еще в большей степени выразила новые художественные принципы гродненских зодчих. Интерьер этого шестистолпного трехапсидного храма поражает своим исключительным своеобразием и эффектностью. Стройные круглые столбы, легкие балконы вдоль боковых стен, обилие света, проникавшего через многочисленные окна стен и барабана, делали его похожим на просторный, роскош-

ный зал. Стены были обильно заполнены голосниками. Более богатым и продуманным был и внешний облик церкви. Убранство фасадов камнем и майоликой стало особенно красочным. Здесь для украшения использовались сравнительно небольшие и мелкие камни. Были учтены инженерные просчеты, допущенные при строительстве Нижней церкви, крупные валунные камни которой сильно ослабили прочность стен. Каменные вставки с большим художественным вкусом сочетались с фигурами крестов из цветных майоликовых плиток, а также с отдельными квадратами плиток. Подсчитано, что на внутреннее и внешнее оформление церкви использовано не менее 16 различных форм майолики (рис. 7.24).

Роскошная многокрасочность убранства гродненских памятников позволяет говорить о сложившейся здесь особой архитектурной школе XII в. Очевидно, удаленность Гродно от главных центров религиозной жизни с ее канонизацией традиционных архитектурных форм и отсутствие контроля над церковным строительством создали здесь благоприятные условия для воплощения в монументальных постройках народных эстетических представлений.

Очень интересны оборонительные сооружения древнего Гродно. В западной и южной части Верхнего замка были обнаружены остатки двух каменных башен, сложенных из кирпича несколько более крупного, чем кирпич Нижней церкви. Южная башня, по-видимому, была квадратная в плане 10×10 м, первоначальные размеры другой установить не удалось.

Фасады южной башни, как и Нижней церкви, украшены вставками из необработанного камня светло-розового, темно-коричневого и серого цвета. Можно предполагать, что башни соединялись между собой валами.

Гродненские постройки были хорошо известны зодчим других русских областей. В некоторых постройках XII в. явно ощущается подражание гродненским приемам убранства фасадов.

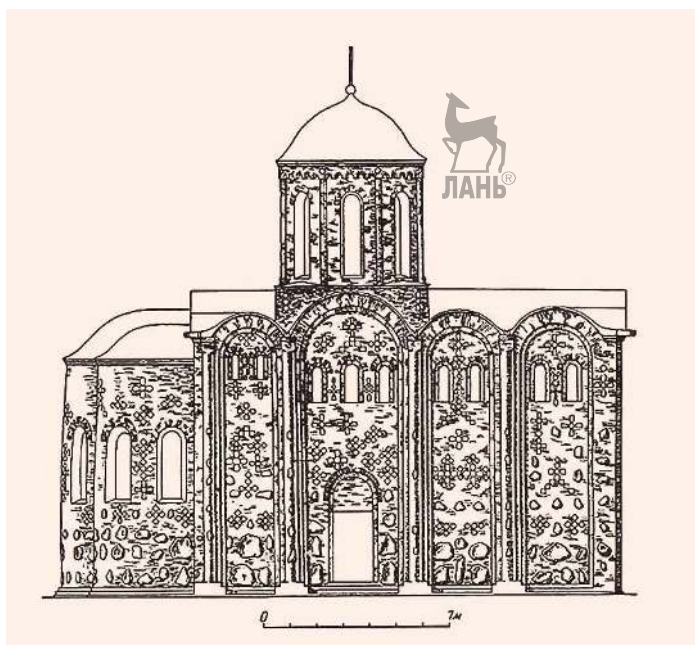

Рис. 7.24. Коложская церковь. Реконструкция

Волковыск. Недалеко от Гродно находится небольшой городок Волковыск, впервые упомянутый в русских летописях в середине XIII в. В древности он располагался на высокой моренной гряде в 0,5 км к юго-востоку от современного города. Самая высокая часть гряды называется Шведской горой. Существует легенда, что ее насыпали шапками шведы во время Русско-шведской войны. В действительности она никакого отношения к шведам не имеет. Высота горы от подошвы — 18 м. Площадка в плане почти круглая, по периметру окружена валом, сохранившимся местами на высоту до 7 м. С запада к Шведской горе примыкает другая, значительно большая по площади возвышенность — Замчище. От Шведской горы Замчище отделено рвом. В 0,5 км к востоку от этого комплекса среди низменной, частично заболоченной местности имеется еще одно городище — «Муравельник», устроенное на одиночном холме. Площадка городища почти по всему периметру окружена валом. Однако почти полное отсутствие культурного слоя на большей части площадки дает основание видеть в нем обычное для тех времен городище-убежище.

Шведская гора сразу же была укреплена земляным валом по краю площадки. Его прорезка показала отсутствие под ним культурного слоя. Незначительная площадь, мощь укреплений и характер найденных при раскопках артефактов указывают на то, что это поселение возникло как княжеский замок.

У подножья замка и на соседней возвышенности раскинулось неукрепленное поселение. В конце XI или начале XII в. поселение на Замчище было укреплено с напольной стороны валом, имевшим ширину у основания 12 м. К этому времени здесь уже вырос культурный слой толщиной 0,5 м. Возведение укреплений на Замчище, по-видимому, знаменовало собой его превращение в городской детинец. Почти одновременно с этим проводятся работы по строительству кирпичного храма (рис. 7.25).

Раскопки производились как на Шведской горе, так и на Замчище. Мощность культурного слоя на Шведской горе составляет от 1,75 до 3,8 м, на Замчище — от 0,5 в центре до 2,1 м на краю площадки возле вала. К сожалению, в культурном слое Волковыска плохо сохраняются предметы из органических материалов. По этой причине и не удалось выявить и изучить застройку города.

Полученный раскопками вещевой материал убедительно свидетельствует о развитии в городе различных ремесел и оживленных внешних связях.

У подножья Шведской горы были открыты остатки сырודутного горна, большое количество железных шлаков и несколько обломков глиняных сопел. Готовые изделия из железа многочисленны и разнообразны.

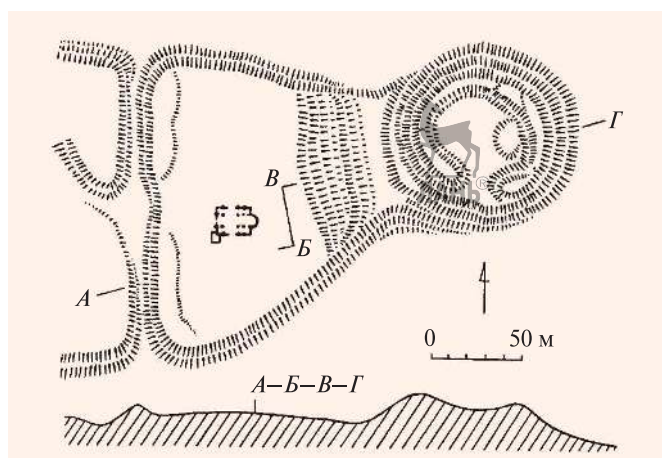

Рис. 7.25. План городища в Волковыске

Только на Шведской горе найдено более 40 категорий различных железных предметов. Среди них орудия труда, бытовые вещи, предметы вооружения и военного быта. Последних особенно много: наконечники копий и стрел, обломок боевого топора, наконечник от ножен меча, стремяна, шпоры и т. д. Достаточно много украшений: перстни, бронзовые и стеклянные браслеты. Находки литейных формочек, тигельков, кусков серебра, меди и свинца говорят, что даже на Шведской горе занимались ювелирным делом. Найдено много кусков необработанного янтаря, служившего, вероятно, сырьем для местных мастеров. Существовали также гончарное и косторезное ремесла. Керамика имеет типичные для древнерусской посуды формы и орнаментацию. Правда, в самых ранних слоях обнаружена керамика, отмеченная явно местными чертами: ниже венчика часто имелся налепной валик, покрытый косою насечкой, стенки сосудов украшались нарезным орнаментом в елочку, кружковым орнаментом.

Часть посуды поступала в Волковыск путем обмена. Это керамика, покрытая глазурью, а также амфоры, находки которых обильны.

Некоторые изделия выделяются искусным художественным исполнением. На Шведской горе в слое XII в. была найдена костяная фигурка ладьи на ножке с прямоугольным основанием. Она поразительно схожа с гродненской шахматной ладьей: почти одинаковые размеры, тот же тип судна с двусторонним ходом, те же фигурки воинов и миндалевидные щиты на бортах. Воины изображены без усов и бород, с длинными прямыми волосами до плеч, в небольших плоских шапочках. Вполне возможно, что волковысская и гродненская фигурки изготовлены одним и тем же искусным мастером. В том же слое, где была найдена ладья, обнаружена и костяная фигурка воина-барабанщика высотой 2,5 см, тоже в шапочке, покрывающей зачесанные назад прямые волосы, в подпоясанной рубахе до колен и с барабаном, подвешенным на широкой ленте (рис. 7.26). В правой руке у этого приземистого, некрасивого человека «вошага», которой он ударяет по барабану. Фигурка эта, как и ладья, принадлежала, по-видимому, к одному богатому высокохудожественному набору шахмат.

Привозной из Южной Германии оказалась очень тонко исполненная костяная головка льва с человеком в раскрытой пасти (рис. 7.27). Такими фигурами украшали перекладины легких сидений. Можно отметить также резной медальон, на котором имеется нагрудное изображение воина со щитом в шлеме и кольчуге. Возле головы надпись: «Димитри» (рис. 7.28).

Рис. 7.26. Шахматная фигура-пешка

Рис. 7.27. Голова льва от кресла. Кость

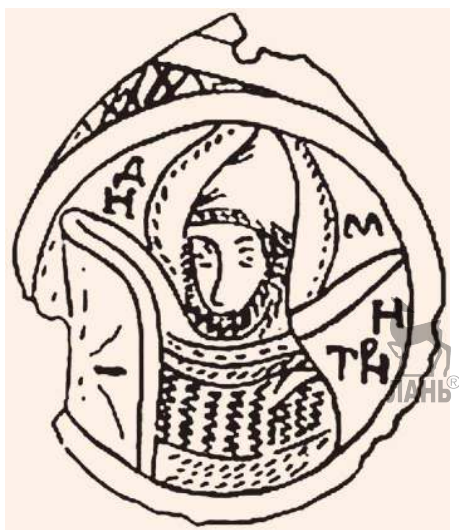

Рис. 7.28. Изображение святого Димитрия на медальоне

Найденная на Шведской горе каменная иконка с надписью «Гавриил», видимо, была привезена из Киева. Вообще по составу находок Шведская гора заметно отличается от Замчища. Здесь не только больше искусно исполненных ценных изделий, но и даже таких предметов, как амфоры и стеклянные браслеты. В этом следует видеть отражение социальной топографии Волковыска. Шведская гора была, несомненно, местопребыванием крупного феодала, где, по всей видимости, и размещался двор волковысского князя.

Очень интересным открытием было обнаружение на Замчище остатков строительства каменного храма. Сохранился фундамент, состоящий из мелких и средних валунных камней, уложенных непосредственно на материковый грунт. Камни пересыпаны песком и не связаны между собой раствором. Рядом с фундаментом лежали кирпичи-плинфы. В некоторых местах

они были специально уложены на ребро рядами в определенном порядке. Следов раствора на плинфах нет. Следовательно, они еще не были в употреблении. Строительство, как видно, остановилось на стадии закладки фундамента, но о художественных замыслах строителей можно судить уже по тому, что было сделано. Храм должен был иметь размеры примерно 16×20 м, одну апсиду и шесть столбов. Причем расстояние между западной и центральной парами столбов в два раза больше, чем между центральной и восточной. Следовательно, церковь должна была получить асимметричную композицию со смещенным к западу куполом. Интересной особенностью волковысской церкви было наличие башни у ее юго-западного угла. Остальные углы были скошены.

Среди множества плинф, большую часть которых составляли обычные прямоугольные плитчатые кирпичи, имелись и лекальные в форме трапеций, а также со срезанным или скругленным углом и полукруглой стороной. Некоторые кирпичи помечены различными знаками, в том числе княжескими знаками Рюриковичей. Весьма примечательно, что вокруг фундамента были найдены крупные гранитные камни различных оттенков с отшлифованными поверхностями. Они, несомненно, предназначались для украшения фасада церкви. Легко заметить, что волковысская церковь и гродненские храмы имеют много общего. Это выразилось в асимметрии плана, скошенности углов, характере декора и даже в способе закладки фундамента. Все это дает основания относить волковысскую церковь к кругу памятников Гродненской архитектурной школы. Стратиграфическая дата волковысской церкви – рубеж XI–XII вв. или самое начало XII в.

Новогрудок. Важным форпостом Руси на границе с Литвой был Новогрудок (в летописи – Новогородок). О его существовании и связанных с ним политических событиях становится известно из письменных источников только с 30-х гг. XIII в. Археологические исследования, начавшиеся в 50-х гг. прошлого века, смогли удревить историю Новогрудка на три столетия. Самые ранние находки позволяют датировать его появление рубежом X–XI вв.

Новогрудок представляет собой сложный археологический комплекс. Еще летопись в записи под 1274 г. отмечала наличие в городе детинца и окольного града. Эти две части древнего Новогрудка легко заметны и теперь. К ним можно еще прибавить примыкающий к окольному городу холм, где находится церковь Бориса и Глеба. Раскопки в детин-

це, на котором еще и теперь сохраняются каменные руины средневекового замка, обнаружили там строительство кирпичного храма (рис. 7.29).

В XII в. характер поселения резко меняется. Сооружается вал, город застраивается большими наземными домами. Некоторые из них углублены в землю. В одном месте в слоях, относящихся к XII — середине XIII в., были вскрыты три жилые постройки, возведенные одна над другой. Самая верхняя, прекратившая свое существование в середине XIII в., была сооружена из глины с примесью кирпича и белого пористого камня. Под ней был деревянный срубный дом $8,8 \times 6,6$ м, разделенный перегородкой на две неравные части. В одной из них находилась печь, сделанная из кирпичей и камня. Пол был замощен тесом. Вблизи углов найдены оконные стекла. Дом сгорел. Этим в значительной степени объясняется обилие в нем находок: посуды, ножей, наконечников стрел, ключей, замков, множества стеклянных браслетов. Найдены золотые вещи: круглые и грушевидные бусы, цепочка и часть медальона с перегородчатой эмалью. Особо следует отметить обломки роскошной привозной посуды: бутылки и чашки из белого матового стекла, расписанные красной и золотой красками, а также иранской фаянсовой посуды с люстровой росписью (рис. 7.30). В слое, одновременном жилищу, найден толстостенный стеклянный бокал, на котором вырезан сложный орнамент, изображающий льва, крылатого грифона и пальметку (рис. 7.31). В постройке обнаружен набор инструментов ювелира, состоящий из клещей, усеченно-пирамидальной наковальни, двух молоточков, двух круглых в сечении напильников с прямой однорядной насечкой. Здесь же лежали и обрезки бронзы, бронзовые пластинки, незавершенные изделия.

Под этой второй постройкой находились остатки громадного глинобитного дома, квадратного в плане, площадью в 76 м^2 . В одном из углов располагалась глинобитная печь с кирпичным подом. Стены дома были расписаны полихромной фреской. Преобладают геометрический и растительный орнаменты, выполненные красной, белой, зеленой и другими красками, но есть и изображения людей. Пол был деревянный, окна — стеклянные. Эта необычная постройка, несомненно, принадлежала знатному горожанину, о чем свидетельствует и состав находок. На полу дома и в слое, одновременном ему, найдены золотой перстень с камнем, обломок иранского фаянсового блюда, обломки стеклянной привозной посуды, фигурка собачки из черного и белого стекла, большие глиняные амфоры, костяная ухвертка, в верхней части которой изображен музыкант, играющий на струнном инструменте. Сооружение датируется первой половиной XII в.

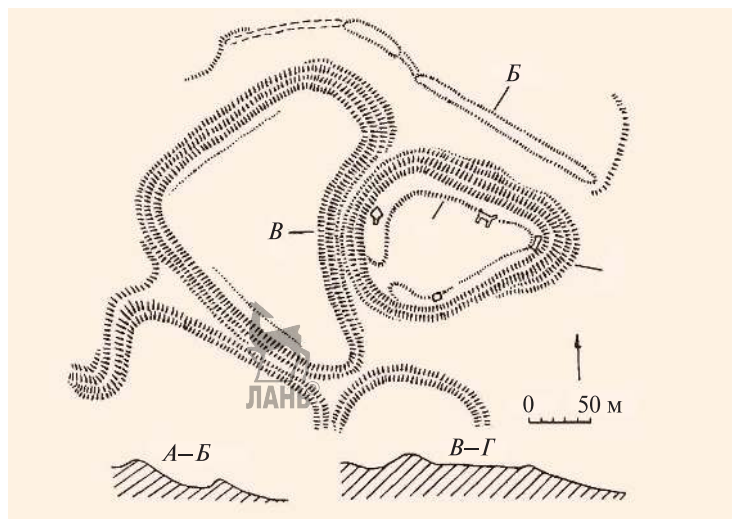

Рис. 7.29. Топография древних частей Новогрудка

К мастерской ювелира можно также отнести раскопанную там же постройку, в которой найдено пять тиглей, ювелирные (?) ножницы, литейная формочка, каменный брусок для заточки игл и др. (рис. 7.32), а также много исходного материала (бронзовые пластины, проволока).

Рис. 7.30. Привозные стеклянные сосуды

В одной постройке найдены железные щипцы для нанесения на изделия клейма в виде буквы X, а также плоскодонный тигель, бронзовые пластины, куски оплавленной бронзы и др. (рис. 7.33), что позволяет и эту постройку считать мастерской ювелира. Итак, постройки окольного города разнотипны. Наличие деревянно-глинобитных домов и срубов, углубленных в землю, свидетельствует о каких-то южных традициях в домостроительстве. Многие дома имели стеклянные окна. Найденные стекла имеют округлую форму до 20 см в диаметре.

Рис. 7.31. Резной кубок

На одной из возвышенностей города возник посад. Там под ныне существующей Борисоглебской церковью были обнаружены остатки храма древнерусского времени. Несмотря на их фрагментарность, удалось составить план-реконструкцию древней церкви.

Храм был небольших размеров, трехапсидный, четырехстолпный, квадратный в плане. Позже к нему была пристроена галерея.

Стены были сложены из крупных тесанных квадратов пористого известняка с отдельными прослойками плинфы.

На примыкающих к апсиде стенах сохранились по две лопатки с мощными, слегка уплощенными полуколоннами.

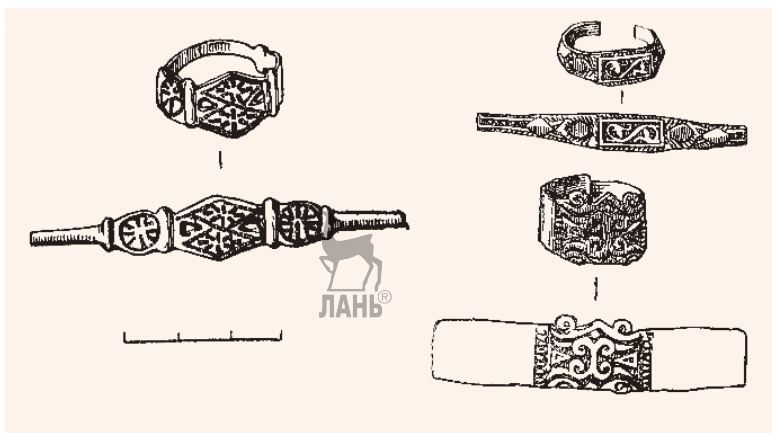

Рис. 7.32. Ювелирные изделия из Новогрудка

Внутри, в среднем нефе, была обнаружена часть древнего майоликового пола. В восточной части южного притвора собрано много кусков обвалившейся штукатурки с фрагментами граффити.

Пристроенные несколько позже к основному зданию притворы были сложены из плинф в технике «с утопленным рядом». На их стенах с обеих сторон кое-где сохранились остатки лопаток с полуколоннами такого же профиля, как и на стенах основного здания.

По технике и способу кладки стен с применением известковых блоков открытая церковь, несомненно, близка витебской Благовещенской церкви. Это дает основание исследователям предполагать, что обе были построены одной и той же греческой строительной артелью. Вопрос состоит в том, какая из церквей была построена раньше. От этого зависит определение даты возведения новогрудского храма. Те, кто считает, что новогрудский храм построен позже витебского, предлагают датировать его XII в. Однако можно предположить и другую очередность их строительства.

При сравнении этих двух построек новогрудская церковь с ее традиционными тремя апсидами выглядит более древней, чем явно модернизированная одноапсидная витебская Благовещенская церковь.

Рис. 7.33. Медная чаша

К тому же нельзя не учитывать того обстоятельства, что понеманские земли Руси традиционно имели тесные политические и культурные связи прежде всего с Южной Русью и особенно с Волынью. Известные нам от XII и XIII вв. князья, владевшие понеманскими городами, принадлежали к волынской династии Рюриковичей, а не к полоцким Изяславичам. Это могло сказаться и на архитектуре понеманских княжеств. Кстати, именно на Волыни в Берестове имеется храм Святого Спаса XI в., который типологически родственен новгородской и витебской церквям и считается построенным той же греческой артелью. Поэтому можно представить следующий порядок строительства: Спасский в Берестове, Борисоглебский в Новогрудке, Благовещенский в Витебске. В таком случае новгородский храм можно датировать XI в.

К сожалению, в поисках даты строительства церкви не были использованы в достаточной мере методы археологического датирования, не прослежена связь остатков строительства с культурным слоем.

Естественный рельеф облегчал защиту города. Тем не менее уже в древнерусское время в нем были возведены искусственные оборонительные сооружения. Земляной вал дещинца имел высоту около 6 м и с наружной стороны был облицован камнями.

На Замковой горе под поздней кирпичной башней «Щитовка» были обнаружены остатки более древней башни, построенной, по-видимому, в 60–70-х гг. XIII в. Это была башня нового типа.

В плане она имела квадратную форму 12×12 м и была построена из больших тесаных камней на известковом растворе.

Ее фундамент имел высоту 3,5 м. Башня входила в систему земляного вала и, располагаясь недалеко от въезда в замок, обеспечивала дополнительную защиту крепостных ворот.

При сооружении новгородской башни использовался кирпич и камень.

Хозяйственную жизнь города XII–XIII вв. археологический материал отражает слабо. Анализ найденных костей показал, что охота имела большое значение для жителей околного города. Около одной трети всех костей принадлежало диким животным: благородному оленю, лосю, косуле, зубру, кабану, медведю.

Ремесло хорошо представлено ювелирным и косторезным делом, т. е. теми отраслями производства, что рассчитаны на удовлетворение потребности в предметах роскоши и быта. Тем же целям служили и импортные вещи.

В околном городе существовало не менее двух кузниц: одна – в северной части, другая – в южной.

Найдено много тиглей для плавки металла. Только в околном городе их 25 штук. Большая часть тиглей рассчитана на изготовление мелких изделий и потому имеет очень малую емкость, всего 4–8 см³. Однако это нельзя считать особенностью понеманского ювелирного дела. Большинство находок этого рода относится к обнаруженной в этом месте мастерской ювелира. Льячки круглодонные, с маленькими плоскими рукоятками сбоку. Интересно отметить, что состав металла, сохранившегося на стенках тиглей, и некоторых новгородских изделий одинаковый, что свидетельствует об изготовлении их местными ювелирами.

Судя по найденным формам, местные ювелиры изготавливали самые разнообразные металлические изделия. Отливались круглые рифленые бляшки. В одной глиняной формочке отливали пуговицы. В четырехсторонней формочке из глинистого сланца можно было сразу отлить два креста-тельника, полусферической формы бляху и полусферическую пуговку.

Оттиски некоторых изделий или отдельных элементов сложных и дорогих украшений делались на специальных металлических матрицах.

Начиная с XII в. обработка цветных и благородных металлов становится преобладающей отраслью ремесла.

Удалось установиться любопытный факт: наследственный характер ювелирного ремесла на протяжении 250 лет.

Через Новоградок проходил путь из Прибалтики в Киев, что способствовало экономическому развитию города. С торговлей связаны найденные в раскопках гири от коромисловых весов.

Выявленные в раскопках привозные изделия свидетельствуют о широких внешних связях Новоградка с Польшей, Прибалтикой, Западной Европой, Причерноморьем, странами Средиземноморья, Киевской Русью. Очень много стеклянных браслетов, поливной посуды и амфор. Некоторые амфоры помечены знаками и буквами, на одной амфоре процарапано имя «ОЛЪКЪСН».

В результате крестовых походов в Западной и Центральной Европе появились награбленные на Востоке вещи, среди которых стеклянные кубки с рельефной резьбой, так называемые бокалы Ядвиги. Каким-то образом то ли в результате торговых отношений, то ли в качестве подарков они оказались и в Новоградке. Обломки такой посуды были обнаружены во время раскопок города.

Учитывая специфический характер находок и, несомненно, аристократические черты в домостроительстве, можно говорить, что окольный город XII – середины XIII в. был заселен городской знатью.

Туrow. Судя по летописи, Туrow был ровесником Полоцка и тесно связан с Киевом. Некоторые киевские князья, прежде чем получить киевский стол, какое-то время правили в Туrowе.

Долгое время сохранялась традиция передавать туrowский княжеский престол третьему по возрасту сыну великого киевского князя. Нередко новым киевским князем становился князь, сидевший до этого в Туrowе. Туrowский княжеский стол был почетным и престижным.

Став в 1054 г. киевским князем после смерти Ярослава Мудрого, Изяслав Ярославич сохранил за собой и Туrow. Начиная с этого времени город почти всегда составлял как бы отдельную и важную для великого князя область Руси, на которую распространялась власть непосредственно киевского князя.

В Туrowе имеется древнее городище, что выполняло роль городского детинца. Оно расположено на мысу при впадении р. Язды в Струмень. Установлено, что рядом с ним развился ремесленно-торговый посад. В Туrowе не сохранились древние укрепления. Имевшийся вал был снивелирован. Есть основания предполагать существование в Туrowе кирпичных оборонительных башен.

Культурный слой не сохранял органических веществ, поэтому мы не можем проследить его планировку и застройку.

Археологические раскопки показали, что Туrow возник на рубеже X–XI вв., причем как поселение городского или замкового типа. В самых ранних слоях были обнаружены обломки амфор, что исключает возможность возникновения его не только на основе более раннего поселения дофеодалного периода, но и поселка сельского типа.

Туrow сразу же становится городом, игравшим значительную политическую и культурную роль. Его появление совпадает с началом славянского расселения в этой области Руси.

Полученные раскопками многочисленные и разнообразные материалы не подтвердили высказывавшегося ранее предположения, что Туrow был племенным центром дреговичей.

Археологический материал из слоев X–XI вв. представлен слишком скудным и ординарным ассортиментом, не дающим никаких оснований для выводов о сколько-нибудь значительном развитии в раннем поселении ремесла. Признаки ремесленной деятельности населения становятся хорошо заметными только в материалах XII–XIII вв.

По названию Туров может быть отнесен к типу владельческих поселений, и поэтому связь его с каким-то Туром заслуживает внимания.

Следует иметь в виду, что существование государства предполагает наличие укрепленных поселений как центров княжеской администрации. При благоприятных обстоятельствах некоторые из таких поселений могли развиваться в города. Не исключено, что именно такой путь прошел в своем развитии и Туров.

До распространения славян на территории севернее Припяти там жили три группы балтских племен. Это расселение хронологически совпадает с принятием восточными славянами христианства и фактически с образованием Туровской епархии. Очевидно, выбор места для новой епархии не был случайным. Туровская епархия стала оплотом христианизации не только славянского, но и балтского населения Средней Беларуси. Славянский миграционный поток в эту область и далее на север шел со стороны Восточного Полесья, о чем свидетельствуют не только археологические, но и антропологические данные. Можно предполагать, что славянская колонизация Средней Беларуси находилась под контролем туровских князей и туровского епископа. Этим, наверное, и следует объяснить тот факт, что Туров оставался небольшим городом.

Раскопки в пределах детинца не могут в полной мере отражать экономическую природу города. Тем не менее даже в детинце выявлены признаки занятий ювелирным делом. В раскопках найдены тигельки, льячки и литейные формы.

В Турове проживал великий проповедник, «русский Златоуст» Кирилл, ставший туровским епископом. С монастырями Туровской епархии связывают первое на Руси «Туровское Евангелие», относимое к XI в.

В начале 50-х гг. XX в. на северном крае туровского окольного града находили обломки древнего кирпича, а вскоре обнаружили и остатки кладки из плинфы. Были раскопаны руины древнего кирпичного храма, неизвестного ни по летописи, ни по каким-либо другим источникам. Как показали раскопки, его северо-западный угол из-за близости откоса оказался разрушенным.

Тем не менее благодаря проведенным раскопкам памятника стало возможным получить представление о нем как еще об одном из несохранившихся монументальных сооружений Древней Руси.

Это был трехапсидный трехнефный шестистолпный храм, входивший в число самых крупных построек Западной Руси и уступавший по площади только Софийским соборам Киева и Новгорода. В плане он имел вытянутую форму по линии запад – восток. Размеры основного здания без апсид – 28,2 × 16,5 м.

Все три апсиды – полуциркульные. Центральная апсида крупнее боковых и местами сохранилась на высоту до 2 м.

К оригинальным особенностям конструкции следует отнести наличие в северо-западном углу здания башни с винтовой лестницей, которая вела на хоры.

Стены храма были сложены из плинфы на растворе извести с примесью толченого кирпича. Наружные и внутренние плоскости стен имели лопатки двухступенчатого профиля со скругленными уступами на наружной стороне стен и плоские – на внутренней. Никаких следов штукатурки ни на наружной, ни на внутренней стене выявлено не было.

Фундамент выполнен из валунного камня, заполнившего насухо траншею глубиной до 1,2 м.

Раскопками выявлены следы майоликового пола. В западной части храма были обнаружены три каменных саркофага.

Несмотря на свои большие размеры, что было характерно для ранних памятников Руси, туровский храм входит в группу более простых и скромных культовых построек, распространившихся на Руси, как полагают, в 20–30-х гг. XII в. Впрочем, можно предполагать и более раннюю дату постройки туровского храма.

Храм разрушился в глубокой древности из-за допущенных строителями просчетов.

Пинск. В середине XII в. одним из крупнейших политических и экономических центров Туровской земли становится Пинск. Летописные сведения о нем еще более скудны, чем о Турове. Первый раз он упомянут рядом с Туровом под 1097 г. как город, принадлежавший великому киевскому князю.

Кроме детинца, древний Пинск имел околный город, защищенный высоким валом и широким рвом.

В Пинске культурный слой прекрасно сохранил остатки древней деревянной застройки. В полученных раскопках материалах хорошо представлена ремесленно-торговая и культурная жизнь города, который очень интенсивно развивался и увеличивался территориально.

Из многочисленных находок необходимо упомянуть обломок амфоры с надписью «Ярополче вино» (рис. 7.34). Предполагается, что сосуд с заморским вином был прислан на свадьбу князя Ярополка, которая состоялась в Пинске.

Не меньший интерес представляет находка пряслица с процарапанной на нем надписью «настасин праслен» (рис. 7.35), что лишний раз свидетельствует о проникновении грамотности в среду простого люда.

В 1893г. в Пинске во время строительных работ на территории бывшего детинца были выявлены три полукруглые апсиды на восточной стороне крупного кирпичного храма. В 1955 и 1957 гг. во время проведения археологических раскопок на детинце древнего города были получены интересные материалы, свидетельствующие о существовании в нем каменной постройки древнерусского времени. Это находки большого количества керамических плиток, разнообразных по форме и цветной поливке. Они могли применяться для украшения пола и, возможно, стен. На немногих из них сохранились следы раствора. Значит, это не просто заготовки декоративного материала, а плитки, уже бывшие в употреблении.

Брест. Брест был третьим городом на территории Беларуси после Полоцка и Турова, попавшим на страницы русской летописи. Он упомянут под 1019 г., но этот год, как и для других городов, не означал даты его возникновения. Город упомянут в связи с борьбой за киевский стол и бегством туда Святополка.

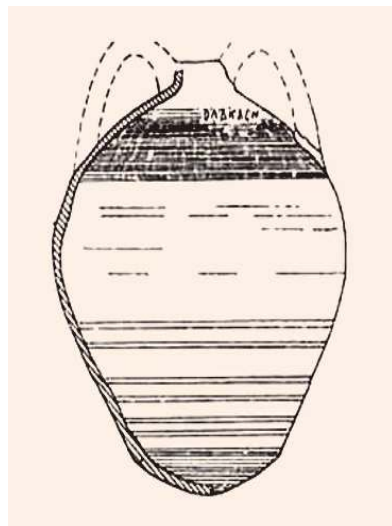

Рис. 7.34. Обломок амфоры с надписью (Пинск)

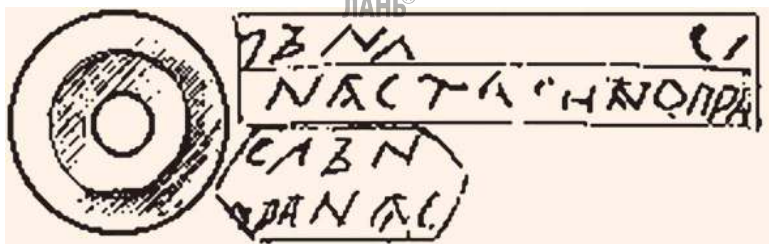

Рис. 7.35. Пряслице из Пинска с надписью

До 60-х гг. прошлого столетия о его древности ничего не было известно. По сделанным в XVIII–XIX вв. историческим планам и сохранившимся рисункам предполагалось, что первоначально он мог находиться на Буге при впадении в него Буховца. На планах отмечено какое-то большое здание, возможно, оборонительная башня, построенная в XIII в., о которой говорится в летописи. Однако во время строительства Брестской крепости в XIX в. тот район был полностью сnivelирован и, как выяснилось позже, были скрыты остатки древнего вала.

Проведенными шурфовками удалось нащупать место древнего города. Обнаружен многометровый культурный слой с прекрасной сохранностью дерева. Начались многолетние раскопки, увенчавшиеся созданием великолепного музея Берестья, как он назывался раньше. Раскопанные остатки построек впервые в практике археологических исследований были пропитаны специально разработанным средством и законсервированы на историческом плане города (рис. 7.36).

После завершения раскопок остатки домов и доски уличных и дворовых настилов поставили на прежние места, и теперь можно увидеть фрагмент древнерусского города с его очень плотной застройкой и узкими улочками. Очень хорошо видно, как на остатках предыдущего дома, от которого сохранилось 2–4 венца, был поставлен новый сруб, полностью повторивший план и размеры предыдущего. И таких «этажей» могло быть несколько – наглядный пример исключительно устойчивой, продолжавшейся веками планировки города (рис. 7.37).

На некоторых бревнах сохранились насечки, которыми они были пронумерованы. Такое делалось и в последующие времена. Сруб первоначально сооружался на стороне, а спустя какое-то время переносился на новое постоянное место. Чтобы не перепутать бревна, их помечали зарубками.

Несколько удивляют небольшие размеры дворов и самих построек, имевших площадь от 12 до 16 м². Очевидно, в крепости было мало места. Однако скоро за пределами крепости стал формироваться посад, где для городских усадеб было намного больше места.

Большое количество строительных остатков и, соответственно, культурные напластования позволили разделить их на несколько горизонтов и надежно датировать, а также одновременные им находки.

Рис. 7.36. Остатки деревянных сооружений Бреста на историческом плане города

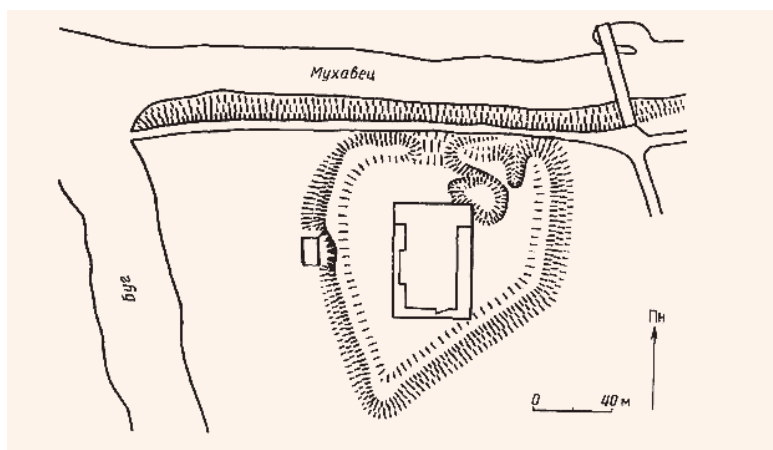

Рис. 7.37. Детинец древнего Берестья

Повышенное внимание город уделял системе укреплений, поскольку являлся одним из важных форпостов на западных рубежах Руси. Частично изучен городской вал, поверх которого шел дубовый частокол. Найденная у подножья вала керамика датирует его XI в. С напольной стороны у детинца удалось обнаружить остатки каменной полукруглой в плане оборонительной башни, прикрывавшей подступы к городским воротам. Состав находок — типичный древнерусский. Найденны уникальные артефакты: почти целая деревянная соха или какое-то другое рыхлящее орудие.

Даже в небольшом городе были представлены основные ремесла. В нем жили кузнецы, с деятельностью которых связаны найденные в раскопках молот, наковальня, кузнечные клещи, зубило, бородок. О проживании в городе ювелиров говорят находки литейных формочек, льячки и пинцета. С деревообработкой связаны топоры и долота. Много типичных находок указывает на занятия горожан сельским хозяйством. Найденны сошники, наральник, жомы для получения растительного масла.

Показателем интеллектуальной жизни, а заодно и зарубежных связей является находка прекрасно выполненной шахматной фигуры короля или ферзя (рис. 7.38).

Рис. 7.38. Шахматная фигура из Бреста

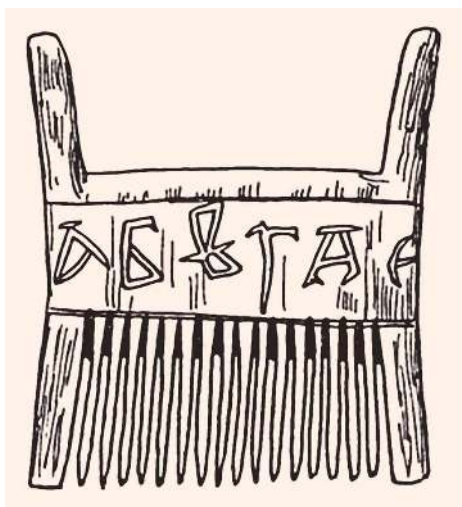

Рис. 7.39. Гребень с начальными буквами алфавита из Бреста

В раскопках также найден гребень, на котором вырезаны буквы алфавита (от А до Е) — еще одно прекрасное подтверждение широкого распространения на Руси грамотности (рис. 7.39).

Есть основания предполагать, что в брестской земле ждут своего открытия остатки монументального каменного храма Святого Петра, который, согласно сообщению Ипатьевской летописи, был построен в детинце Берестья в XIII в. владими́ро-волы́нским князем Владимиром Васильковичем.

Крупные археологические исследования были проведены и в ряде других городов: Гомеле, Друцке, Заславле, Слуцке, Орше, Мстиславле. Они показали единство древнерусской культуры и высокий уровень ее развития. Древнерусские городские напластования были обнаружены и в Могилеве, впервые упомянутом

в письменных источниках только в XIV в.

В Гомеле в течение многих лет исследовался городской посад, что в значительной степени компенсирует недостаток наших знаний о городских ремесленно-торговых районах городов. В яме одной из построек обнаружено большое скопление обломков стеклянных браслетов, среди которых были также деформированные вследствие воздействия высокой температуры. Пока не ясно, с какой целью хозяин гомельской усадьбы собирал это стекло, но нельзя исключать предположения, что оно могло быть им использовано в качестве материала в производстве.

В Мстиславле найден обрывок берестяной грамоты, на котором сохранилась часть молитвы.

Несомненно, нас ожидают еще большие открытия, поскольку суммарная площадь раскопок городов ничтожно мала в сравнении с неизученной еще территорией всех без исключения городов.

24. Минск

Минск заслуживает особого рассмотрения не только потому, что ему было суждено стать столицей нашей страны, но и потому, что в нем были проведены самые крупные раскопки, принесшие славу белорусской археологии.

Впервые о существовании Минска стало известно из летописной записи под 1067 г. в связи с драматическими событиями конца 1066 — начала 1067 гг., когда полоцкий князь Вселав Брючиславич неожиданно появился с войском в Новгороде, снял колокола с Софийского собора и поджег город. Узнав об этом, киевский князь Изяслав Ярославич, что одновременно был и новгородским князем, вместе со своими братьями черниговским князем Всеволодом и переяславльским Святославом немедленно выступили против Всеслава и, подступив к Минску (Меньску), взяли город. Они перебили мужчин и увели в плен женщин и детей. Затем 3 марта 1067 г. в сражении около какой-то Немизы разбили

подошедшее войско Всеслава. Из первого упоминания в летописи Минск предстает перед нами как город Полоцкой земли, ставший первой жертвой междоусобицы (рис. 7.40).

Несмотря на постигшую город трагедию, он оправдился и вскоре снова попал на страницы летописи. В 1085 г. минская округа была разорена Владимиром Мономахом, сыном нового киевского князя Всеволода Ярославича, не оставившего в ней, по его словам, «ни челядина, ни скотины».

В самом начале XII в. Минск является уже княжеским, хорошо укрепленным городом, где правит сын Всеслава Глеб. Тот факт, что в Минске был посажен второй по старшинству сын Всеслава, может свидетельствовать о высоком положении Минска в системе городов Полоцкой земли.

В 1105 г. город подвергся осаде объединенного киевского и северского войска, к которому почему-то примкнул один из братьев Глеба Давыд. Однако город устоял. По словам летописца, противники Глеба ничего не достигли и вернулись ни с чем.

В 1116 г. в ответ на сожжение Глебом Слуцка Владимир Мономах в течение двух месяцев осаждал Минск, а в 1118 г. в результате нового похода взял город и пленил Глеба. Минск был выведен из состава Полоцкой земли и присоединен к Туровскому княжеству.

К середине XII в. Минск был возвращен Полоцку и в нем утвердились сыновья Глеба: сначала Ростислав, потом Володарь.

Эта краткая историческая справка свидетельствует о том, что, начиная со своего первого упоминания под 1067 г., несмотря ни на что Минск продолжал свое непрерывное существование и развитие.

Между тем в 20–30-х гг. XX в. возникла версия, что первоначально Минск находился в другом месте, и эта легенда периодически повторяется и в наши дни. Ее источником послужило по-своему прокомментированное первое летописное известие о Минске на фоне почти полного отсутствия в то время археологических данных о древностях города. Начнем рассказ об археологии Минска с этой проблемы.

По словам летописца, взяв Минск, южнорусские князья «пошли к Немизе», где и произошла знаменитая битва, горьким эхом отзывавшаяся в сердцах русских людей. Возник вопрос, о какой Немизе идет речь: то ли это небольшой ручей, который когда-то был в Минске и который не показан даже на исторических планах города XVIII в., то ли это город, упомянутый в составе Великого княжества Литовского в одном из летописных списков XIV века.

Рис. 7.40. Взятие Минска в 1067 г. Миниатюра Радзивилловской летописи

Так куда направились южнорусские князья: к р. Немизе или к городу с таким названием, о котором теперь мы ничего не знаем? Если это минская Немига, то князьям вроде бы и незачем было куда-то идти. Возникла идея, что Минск тогда находился в другом месте. Такую гипотезу, которую уже тогда поддержали археологи, в конце 20-х — начале 30-х гг. сформулировал белорусский историк А. Н. Ясинский. Есть ее приверженцы и теперь. Конечно, чем строить догадки о переносе Минска, проще было бы объяснить этот сюжет следующим образом. При подходе Всеслава войско южнорусских князей вышло из города, чтобы дать бой на открытом пространстве, возможно, около р. Немиги, поскольку вести сражение на узких улочках в городе конница не могла. Однако все это только один из альтернативных вариантов объяснения данного эпизода.

В пользу своей идеи А. Н. Ясинский предложил еще один аргумент. Он считал, и это верно, что Минск (по летописи — Меньск) получил свое название от реки, на которой он стоял. В названии реки должен быть корень «мен» или «мень». Такая небольшая речка Менка, впадающая в Птичь, имеется в 15 км западнее Минска, а на ее берегу расположено величественное городище с высоким и широким валом (рис. 7.41). На это городище как место первоначального Минска и указал А. Н. Ясинский. Не знал он, однако, что небольшая река с названием Мень была когда-то и в самом Минске, что получило отражение в старой городской топонимике. Район, примыкающий к Минскому замчищу, назывался Верхменем, что означает «место в верховьях Мени».

Совершенно очевидно, что одних догадок, пусть и остроумных, недостаточно для решения вопроса о том, где, когда и как возник Минск. Нельзя не учитывать и того важного факта, что Минск надолго после событий 1067 г. практически не сходил со страниц русской летописи. И в ней нет никаких намеков на перенос города. В дискуссии о местонахождении Минска в 1067 г. решающее слово предстояло сказать археологии.

Концепция о двух Минсках была сформулирована тогда, когда ни современный Минск, ни городище на Менке не подвергались археологическим раскопкам, хотя было известно, что и там и там имеются древние городища. Раскопки начались только после Великой Отечественной войны сначала в Минске, потом — на Менке.

Однако начнем с городища на Менке. В исторической литературе поселение на Менке известно как Строчицкое городище. В течение нескольких лет на нем проводились крупные раскопки. Было установлено, что первоначально здесь имелось небольшое городище раннего железного века культуры штрихованной керамики, которое можно отнести к рубежу нашей эры.

Рис. 7.41. Вид на позднесредневековый вал поселения на Менке

Рис. 7.42. Инвентарь из раскопок поселения на Менке

Затем в X – начале XI в. на нем и примыкающем плато основала свое поселение большая восточнославянская община. В раскопках открыты остатки деревянных жилых и хозяйственных построек: сгоревший амбар с зерном, большие ямы-хранилища, в которых найдены глиняные сосуды. Интересны железные наконечники рал X – начала XI вв., мотыга. Орудия уборки урожая представлены обломками серпов. Найдены скромные женские украшения – металлические пряжки. Из оружия обнаружено несколько наконечников стрел. В целом материал древнерусского времени носит сельский характер и укладывается в узкие хронологические рамки X – начала XI вв. (рис. 7.42). По меньшей мере дважды поселение горело и было оставлено, возможно перенесено за ручей Менку.

Неожиданные результаты были получены при изучении оборонительных сооружений (рис. 7.43). Оказалось, что мощные земляные валы были насыпаны поздно, спустя несколько столетий после того, как селище было оставлено его жителями. На его месте был сооружен типичный позднесредневековый замок, имевший в плане почти четырехугольную форму. При этом его значительная часть была вынесена за пределы плато: в пойму Менки. Там были сооружены кирпичные ворота, остатки которых сохранялись до начала 60-х гг. XX в. На самом плато вокруг замкового вала был вырыт широкий ров. Культурный слой древнерусского времени, который имелся на месте будущего рва, пошел на насыпь вала. По этой причине внутри вала прослеживались включения этого слоя и были найдены керамика, кости животных, железные предметы, среди которых калачевидное кресало с язычком X – начала XI в. Все найденные предметы, связанные с самим замком (посуда, изразцы, кирпич, железная лопата, наконечник от ножен сабли), датируются, как и сам вал, XV–XVII вв.

Предшествовавшее замку селище X – начала XI в. не имело укреплений, и слова летописца, что «меняне затворишася в граде», не имеют никакого отношения к поселению на Менке. Никаких укреплений здесь тогда не было, как не было и самого поселка. Приблизительно 50 лет до этого он сгорел и был покинут.

О том, что имевшееся на Менке древнерусское поселение не было городом, свидетельствует и состав находок.

Рис. 7.43. План Городищенского замка

При многолетних и масштабных раскопках поселения на Менке не было найдено предметов, относящихся к городской культуре. Уже в XI в. в городах распространяются стеклянные браслеты, которые стали самой массовой городской находкой. Здесь же не найдено ни одного стеклянного браслета.

Древнерусский город представлял собой коллективный замок феодалов. Здесь же жизнь феодалов совсем не представлена. Нет дорогих изделий и предметов военного снаряжения феодала, не найдено ни одной шпоры — символа рыцарского достоинства, которых всегда много в материалах раскопок древнерусских городов. Здесь не найдено амфор, в которых привозилось вино и пряности и без которых невозможно представить быт феодалов. Наконец, отсутствует городская планировка поселка. Никакого Минска здесь не было.

Вместе с тем в самом Минске сохранились остатки летописного города. Это — городище на правом берегу Свислочи, известное как Минское замчище, а в исторических документах и на городских планах XVIII—XIX вв. — как «Минский замок» или «Старый замок». До XVI в. это место оставалось историческим центром города. При археологических раскопках на нем были выявлены многометровые культурные напластования, значительная часть которых относится к древнерусскому периоду XI—XIII вв.

Двадцатилетние раскопки Минского замчища показали, что в те годы, на которые приходятся первые упоминания о Минске в летописи, город на Свислочи уже существовал. В ранних слоях достаточно хорошо представлен вещевой материал, типичный для XI в.

Развернувшиеся в послевоенные годы крупнейшие по масштабам раскопки в Минске выявили мощные — до 5–6 м — культурные наслоения, охватывающие весь летописный период минской истории.

Начало становления и развития Минска связано с местом на правом берегу Свислочи, недалеко от улицы Немиги. До послевоенной перепланировки этого района в 60-х гг. XX в. здесь имелась Замковая улица, упиравшаяся на западном конце в улочки Подзамковая и Завальная, сами названия которых указывают на то, что здесь когда-то располагался укрепленный район города — замок. Примыкающая к Свислочи его восточная часть возвышалась над поймой реки до 8 м и до недавнего времени называлась Замковой горой или Замчищем. Именно с этим местом устная традиция связывала начальную историю Минска.

Рис. 7.44. Раскопки Минского замчища

Как выяснилось, Замковая гора в Минске была горой искусственного происхождения. Археологическими исследованиями (рис. 7.44) было установлено, что в середине XI в. вдоль маленькой, ныне исчезнувшей речушки Мень при впадении ее в Свислочь был заложен небольшой, но хорошо укрепленный княжеский город Меньск, названный по реке. Вдоль нее к западу от Свислочи был возведен мощный деревоземляной вал высотой до 6 м.

Остатки древнего вала долго оставались заметными и были зафиксированы на исторических планах города XVIII–XIX вв. (рис. 7.45). В результате археологических исследований они были обнаружены в различных пунктах и везде совпали с валом, зарегистрированным на исторических планах. Вал везде оказался древним. На основании этого наблюдения стало возможно точно установить территорию раннефеодального Минска.

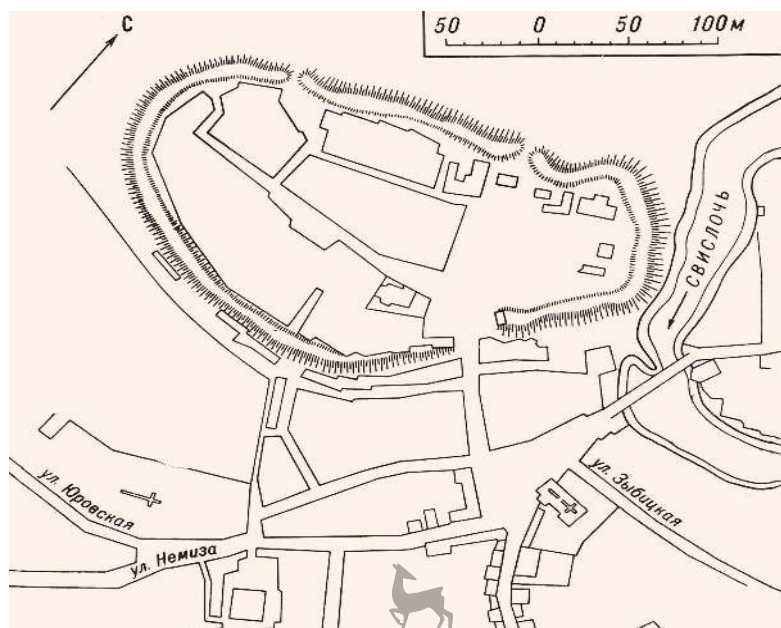

Рис. 7.45. Остатки вала древнего Минска на плане города XVIII в.

На современной местности древний город распространялся на запад от Свислочи приблизительно на 270–300 м, пересекая проспект Победителей, и на 150 м с севера на юг от исчезнувшей Мени до входа в метро станции Немига. Его площадь составляла 3,3 га.

Древнее поселение развивалось внутри этой искусственно созданной чаши, заполняя ее быстро нараставшим культурным слоем. К XX в. внутреннее пространство замка полностью оказалось под культурным слоем, образовав настоящую гору. Отсюда и ее название «Замковая гора», или «Минское замчище». В этих пределах Минск пребывал в течение всего древнерусского периода и до XVI в. оставался политическим центром города.

Раскопками были открыты и изучены остатки крепостных укреплений, уличная планировка и плотная застройка города, элементы городского благоустройства и типичная для Руси XI–XIII вв. городская культура.

Древняя минская крепость отвечала всем требованиям фортификации того времени. В плане она имела полукруглую форму и занимала сравнительно плоскую местность. Хотя заболоченность прилегающих территорий значительно облегчала оборону города, основу его военной мощи составлял искусственный перевоземляной вал, обеспечивавший возможность фронтальной стрельбы с городских стен по всему периметру.

Изучение оборонительных сооружений показало, что первоначально вал имел ширину у основания 14 м, но приблизительно через 50–60 лет он был расширен до 22–25 м.

На юго-восточном участке крепости, около реки, внутри новой подсыпки вала была выявлена мощная деревянная субструкция. Она состояла из девяти последовательных деревянных накатов из длинных сосновых бревен, уложенных поперек вала. Между накатами располагались бревна, следовавшие вдоль трассы вала.

Въездные ворота находились в юго-восточной части крепости. На их место указывали все исторические планы города. Проведенные в этом месте раскопки обнаружили остатки мощного дубового сруба, который, по-видимому, являлся нижней частью одной из воротных башен. Рядом с ним находилась выходящая из города мостовая, сохранившая до 15 деревянных настилов. Есть основания предполагать, что въезд в город на начальном этапе представлял проход между двумя воротными деревянными башнями.

В связи с расширением вала и сооружением субструкции ворота были перемещены на несколько метров к югу, к субструкции. Была изменена их конструкция. Теперь вход в город осуществлялся через одну деревянную воротную башню с двойными проездными стенами из горизонтально уложенных бревен. Верхняя часть самой башни не сохранилась.

Сооружение большого земляного вала с деревянной субструкцией потребовало громадного объема работ (рис. 7.46). Только на рубку деревьев для субструкции вала ушло, как показал дендроанализ, не менее четырех лет. По самым скромным подсчетам, чтобы выложить субструкцию, даже если и не по всему периметру, который составлял 900 м, нужно было срубить несколько десятков тысяч деревьев. К тому же неизвестно сколько потребовалось для возведения на валу крепостной стены и мощной въездной башни.

Исследование показало, что Минск возник незадолго до первого упоминания о нем в летописи сразу же как мощный укрепленный пункт. Очень может быть, что его основателем был Всеслав Брючиславич. Анализ разрезов вала, а также тщательная расчистка земли под ним на большой площади не обнаружили следов поселения, которое предшествовало бы крепости.

Проведенные раскопки на примыкающей к крепости территории показали, что город в течение всего древнерусского времени оставался в пределах крепости. Отдельные заселенные участки были обнаружены вдали от нее на возвышенной части недалеко от площади Свободы. По-видимому, минские князья не разрешали селиться в непосредственной близости от крепости. По заведенной традиции у городских ворот устраивали торги. В последующие годы здесь возник постоянно действовавший рынок.

Рис. 7.46. Обнаруженная субструкция минского вала в раскопе

На основании сопоставления общей площади древнего Минска с установленной раскопками плотностью и характером застройки города (рис. 7.47), численность населения Минска в XII–XIII вв. можно определять в пределах одной тысячи человек.

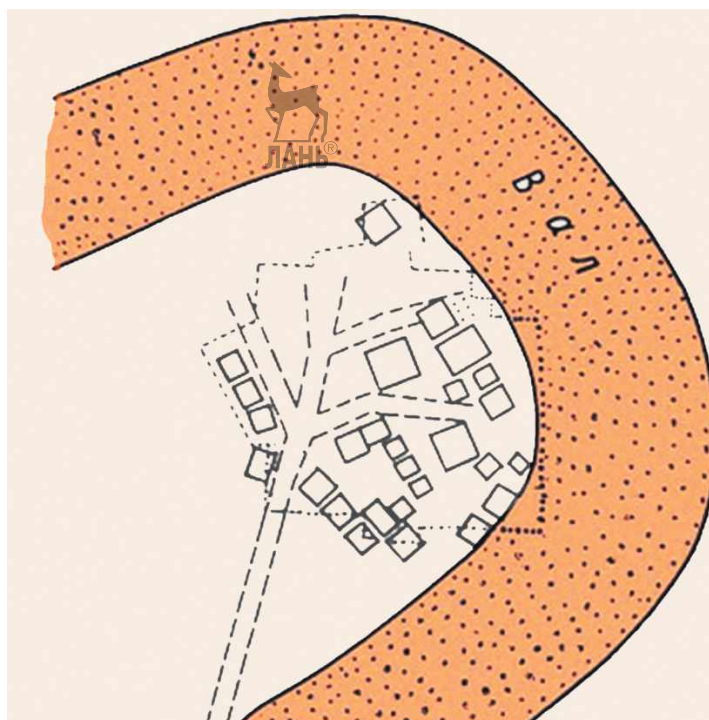

Рис. 7.47. План-реконструкция застройки Минска в XII в.

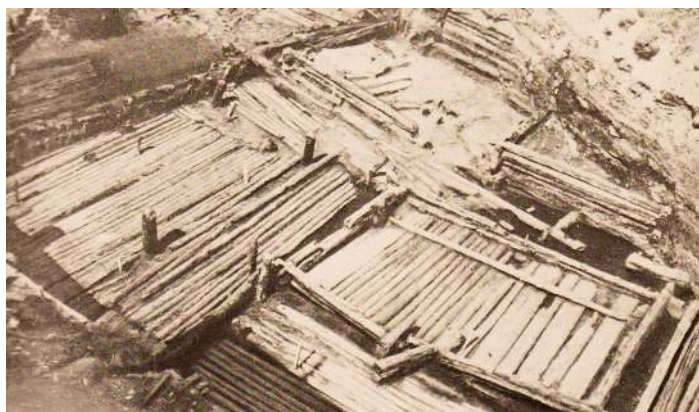
Минск принадлежит к числу тех редких археологических памятников, культурный слой которых сохраняет органические вещества. Благодаря этому удалось отчетливо представить внешний облик города, детально изучить планировку и застройку целиком раскопанной восточной части Минска.

Уже в первые годы существования города в нем сложилась уличная планировка. Раскопками обнаружено несколько улиц, замощенных деревянными настилами (рис. 7.48). Бросается в глаза удивительная стабильность городской планировки во времени. Одна из главных улиц детинца пересекла его восточную часть с севера на юг и подошла к городским воротам. Ее ширина была немногим более 4 м. Вскрытая на протяжении 40 м, она сохранила 13 бревенчатых настилов. В стороны от нее отходили еще более узкие улочки.

На территории города возникли отдельные усадьбы, представлявшие собой замкнутые дворы, застроенные по краям жилыми и хозяйственными сооружениями (рис. 7.49). Частично или полностью раскопками вскрыто пять таких усадеб. Некоторые городские дворы имели одну или две жилые избы и четыре-пять хозяйственных построек. Для отдельных усадеб, как и для города в целом, отмечается долгая устойчивость плана. Новые постройки сооружались на месте старых и обычно в точности повторяли их план и размеры.

Рис. 7.48. Деревянный настил улицы

Рис. 7.49. Остатки хозяйственных построек одной из усадеб

Раскопками на Минском замчище открыто около 150 построек, относящихся к XI–XIV вв. От них сохранились фундаменты, стены на несколько венцов, полы, дверные проемы, двери, крылечные лестницы, детали перекрытий, печи. Господствующим типом минской постройки был наземный деревянный сруб на одно помещение площадью 16–25 м². Срубы составили более 80 % всех построек. Почти все постройки были одноэтажными. Деревянный пол настилался, как правило, между вторым и третьим или третьим и четвертым венцами. Вход в постройки – со стороны двора (рис. 7.50). Находки верхних деталей построек дают представление о способах устройства перекрытий и указывают на близость древних минских построек белорусским этнографическим жилым и хозяйственным сооружениям.

Рис. 7.50. Минский двор XII в. Реконструкция

Постройки со столбовой техникой сооружения стен составляли менее 20 %. Почти все они имели хозяйственное назначение. В слое XIII в. была открыта плетеная хозяйственная постройка.

Во всех жилых постройках печи располагались в углу, справа или слева от входа. Все они сооружались на невысоком опечке. Печи сбивались из глины на каркасе из прутьев или кольев. Часто в основании стен укладывались крупные камни. Топились печи по-черному (рис. 7.51).

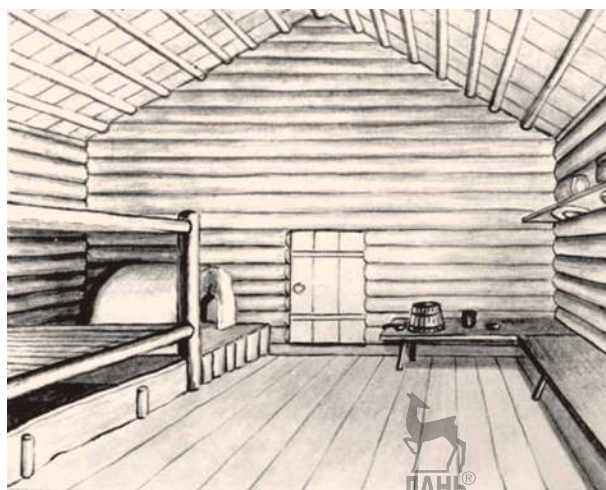

Рис. 7.51. Интерьер жилой постройки. Реконструкция

В самых ранних слоях Минского замчища недалеко от берега Свислочи был открыт фундамент небольшой каменной церкви 12×16 м с тремя абсидами. Строго в центре сохранились основания четырех столбов, против которых на внутренних сторонах северной и южной стен имелись прямоугольные пилястры (рис. 7.52). Фундамент и стены были сложены из камней. На двух внутренних стенах сохранились участки с облицовкой кирпичеобразными известняковыми блоками (рис. 7.53). Как показали раскопки, храм не был достроен, однако его техническое своеобразие и композиционная идея представляют интерес. В древнерусской архитектуре минский храм не имеет точных аналогий. В середине XII в. внутреннее пространство недостроенной церкви было использовано под захоронения. Раскопками обнаружено в нем 21 погребение в деревянных гробах. В первой половине XIII в. нараставший культурный слой достиг краев остатков храма и поверх него была проложена покрытая деревом мостовая.

Обширный археологический материал (инструменты, заготовки, полуфабрикаты, сырье) доказывает развитость в городе различных видов домашних производств. Хорошо представлена железообработка. Из предметов, связанных с хозяйственной деятельностью, найдены кузнечные клещи, бородок, топоры, тесла, скобели, долота, сверла, гвоздомеры, ножи, ножницы, шилья, иглы, сошники, серпы, косы, оковки лопат; рыболовные крючки, гарпуны и т. д. Многочисленны находки предметов домашнего обихода и утвари, вооружения.

Достаточно много изделий ювелиров. Имеются неопровержимые данные о существовании в городе местного ювелирного ремесла. Открыта небольшая ювелирная мастерская.

Украшения представлены главным образом недорогими рядовыми изделиями, распространенными по всей Руси. Вне всякого сомнения, часть их была изготовлена местными мастерами, но выделить их из общей массы находок пока не удастся. Из отдельных уникальных находок следует отметить золотой браслет весом в 72 г. Он свит из нескольких золотых дротов, а концы — в виде стилизованных конских голов (рис. 7.54).

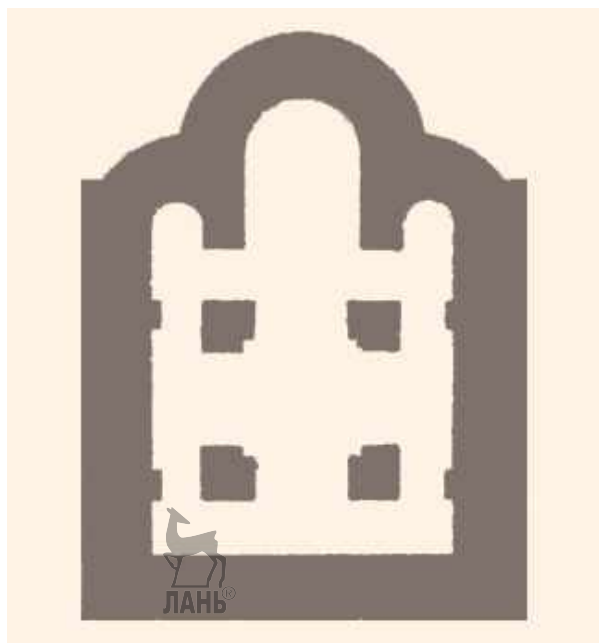

Рис. 7.52. План минского храма

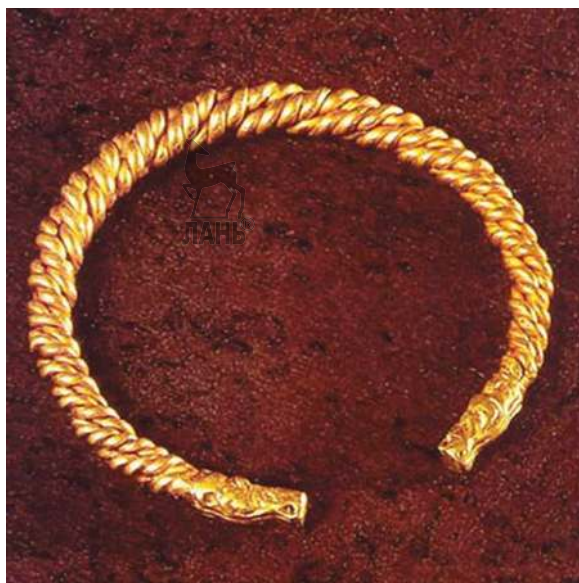

Рис. 7.53. Облицовка внутренней стены храма

Большое место в хозяйственной жизни Минска занимала деревообработка. В раскопках найдена значительная часть из известного тогда деревообрабатывающего инструмента. Материалы свидетельствуют о существовании в Минске токарного станка по дереву и кости. Дерево было основным строительным материалом. Из него изготовлялась домашняя утварь, посуда, бочки, корыта, лопаты, вилы, льнотрепалки, ступы, детали к различным механизмам и т. д.

Самой многочисленной категорией находок является керамика, изготовленная на гончарном круге.

О развитии в Минске косторезного дела говорят обильные находки сырья со следами первичной обработки, инструмент, готовые изделия, многие из которых сделаны с большим искусством, украшены гравировкой и резьбой. Очень широко в археологических материалах представлено и кожевенное дело. Значительную группу находок составляют изделия из стекла: браслеты, перстни, бусы, обломки сосудов. Тем не менее следов местного стеклодельного производства не обнаружено. Стекло было привозным. Основным поставщиком был Киев.

Рис. 7.54. Золотой браслет

Рис. 7.55. Наконечники копий (1–2) и дротик (3)

Большой интерес представляет группа находок, связанных с военным бытом, – детали мечей, наконечники копий и стрел (рис. 7.55), фрагменты защитного оружия, шпоры (рис. 7.56), стремена, удила. Некоторые изделия отличаются богатой отделкой.

Весьма примечательно, что основная масса предметов, связанных с военным бытом, приходится на ранние культурные слои, относящиеся к концу XI – первой половине XII в. Это свидетельствует о большой доле военного элемента в составе городского населения на раннем этапе истории Минска.

Большая роль в хозяйственной жизни города принадлежала земледелию, скотоводству, рыболовству, собирательству. В некоторых постройках были обнаружены внушительные запасы обгоревшего зерна. Среди злаков обильней всего представлена рожь, за ней следуют пшеница, ячмень, просо.

Изучение остеологического материала показало, что подавляющее большинство найденных в культурном слое костей (92,9%) принадлежало домашним видам животных. Охота не имела особого промыслового значения. К слову, охотились на зубра, лося, кабана.

Некоторые материалы из раскопок Минска проливают свет на торговые связи города с другими об-

ластями Руси и непосредственно с соседними странами.

Рис. 7.56. Шпоры

Рис. 7.57. Иконка «Богоматерь»

Всего заметнее они с Киевом, являвшимся основным поставщиком стеклянных изделий, некоторых украшений и предметов культа. Очевидно, из Киева были привезены две великолепные резные каменные иконки. Одна имеет портретные изображения на обеих сторонах. На одной стороне изображен лик Богоматери, а на обратной – апостол Петр (рис. 7.57). Его имя четко процарапано наверху иконки.

На другой показаны Никола и Стефан и имеются соответствующие надписи (рис. 7.58). На Руси Никола и Стефан считались защитниками и покровителями путешественников. Отправляясь в дальнюю дорогу, люди брали с собой такую иконку.

Рис. 7.58. Иконка «Никола и Стефан»

Среди множества найденных гребней некоторые были сделаны из самшита (рис. 7.59). Ближайшее место произрастания самшита – Северный Кавказ. Предметом импорта из Византии были амфоры с вином или пряностями. На одном обломке амфоры сохранились две буквы – *BO*, возможно, от имени (Борис) владельца сосуда. Из Франции в Минск попала костяная ложечка для причастия.

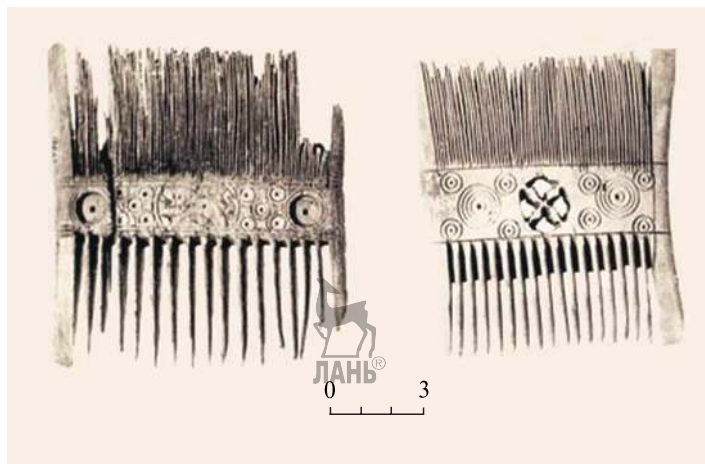

Рис. 7.59. Гребни из самшита

О культуре города свидетельствуют находки металлических «писал», своего рода авторучек (рис. 7.60).

Минчане играли в шахматы. В слое XII в. найдены три шахматные фигуры, вырезанные из дерева (рис. 7.61).

При сравнении материальной культуры Минска с тем, что было получено при исследовании поселения на Менке, нетрудно заметить, что по всем параметрам это два совсем разных поселения, между которыми отсутствует всякая преемственность. Поселок на Менке – типичная деревня, Минск – очень развитый во всех отношениях княжеский город (рис. 7.62). Интересно отметить, что даже бытовая посуда у них разная. Ни о каком переносе Минска не может быть и речи.

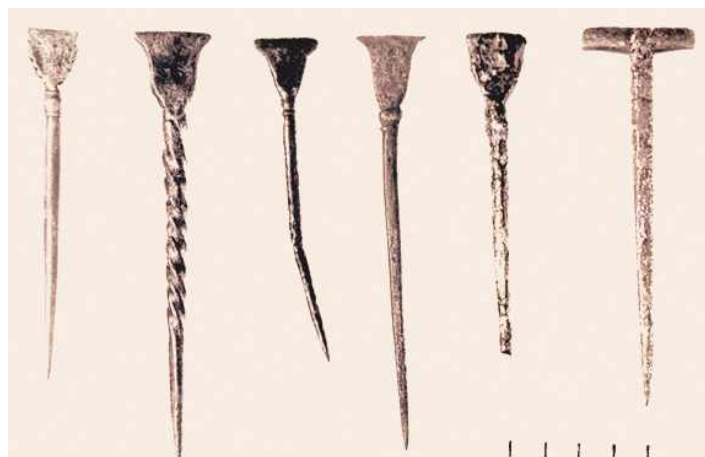
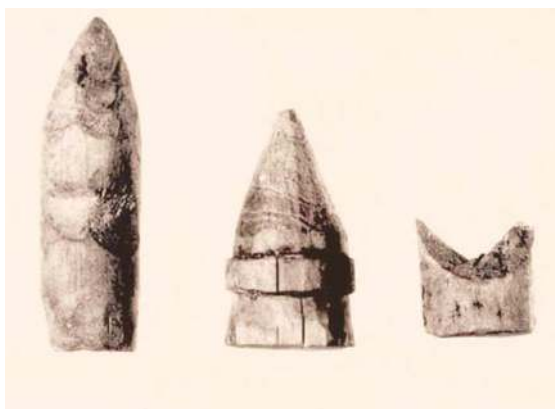

Рис. 7.60. Писала

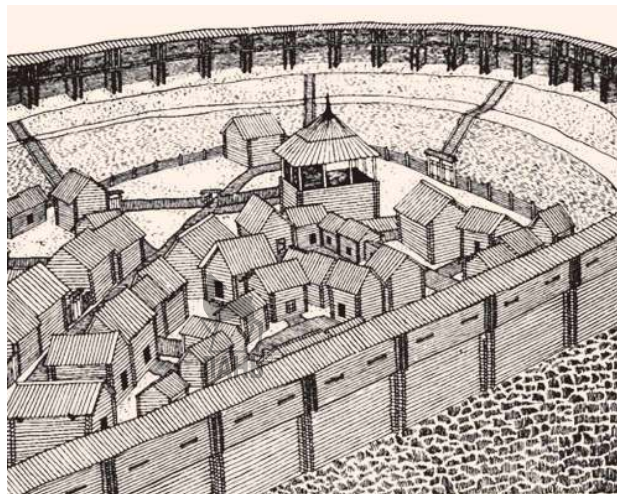
Рис. 7.61. Шахматные фигуры

Большие размеры укрепленной части города, характер самих укреплений, отсутствие следов поселения под валом, значительная доля предметов, связанных с военным бытом в ранних культурных слоях, позволяют прийти к выводу о том, что Минск возник как военное поселение, как южная порубежная крепость Полоцкой земли.

По мере расширения территории города и формирования ремесленно-торгового района – посада – древнейшая часть города (его крепость) еще долгое время продолжала оставаться историческим и политико-административным центром Минска и стала называться замком.

После вхождения территории Средней Беларуси в состав Великого княжества Литовского, а позже Речи Посполитой, и исчезновения собственной княжеской линии потомков Глеба (рис. 7.63) замок стал считаться королевской собственностью. В нем проживал назначаемый королем наместник и размещался военный гарнизон.

Из документов начала XVI в. известно, что минский замок по-прежнему представлял мощную крепость. В 1505 г. сын перекопского хана Махмет Гирей «сотворил невыразимое кровопролитие в земле Литовской, и в Полоцке, и в Витебске, и в Друцке, пожег и попленил чуть ли не всю землю», «стал кошем каля Минскага замка, спустошиу усе наваколле, але замка узяць не мог».

Рис. 7.62. Реконструкция Минска, XII в.

Рис. 7.63. Печать минского князя Глеба

Готовясь к войне с Московским государством, литовская рада в 1507 г. потребовала от минского наместника привести в замке к присяге «княжат и панят, бояр тамошних и мешан, людей простых».

Этот перечень лиц дает некоторое представление о составе населения города.

Размещавшийся в замке гарнизон должен был следить за состоянием укреплений. Ремонтные и строительные работы по ним осуществляли жители Минска и окрестных поселков (например, Койданова, теперь – Дзержинска). Население обязано было поставлять дерево и глину. Был введен специальный налог – «калодзины» («глиняны пенязь»).

По сведениям материалов середины XVI в., на территории замка размещалась церковь Рождества Богородицы, возможно, одна из древнейших церквей Минска, а также Николаевская церковь. В замке имелся магазин (провиантный). В бюджет замка шли доходы от мельницы, которая стояла напротив замка на левом берегу Свислочи. Документ 1499 г. говорит, что в соответствии с давним обычаем жители Минска были обязаны следить за исправностью мельницы, а также «граблю сыпать». Источником значительных доходов замка были судебные пошлины.

О самих замковых укреплениях того времени мы знаем мало. Их основу составлял земляной вал.

На одном из польских планов 70-х гг. XVIII в. показан только один въезд в крепость на южной стороне. К северу от замка простиралась заболоченная местность. На плане прямо помечено: «Здесь всегда болото». Позже появился еще один проход на северной стороне крепости.

К этому времени центр Минска переместился в Верхний город.

25. Владельческие замки Западной Руси

В эпоху Киевской Руси на территории ее западных земель появляются новые типы поселений – феодальные замки. Они полностью соответствуют тем признакам, которые его характеризуют: небольшие размеры укрепленной территории, городской тип материальной культуры, наличие в вещевом составе предметов вооружения и снаряжения конного воина, предметы импорта, слабое развитие в них ремесла, отсутствие уличной планировки и, как правило, каменных храмов.

Далеко не все они изучены в достаточной мере. Довоенными археологами проделаны в основном разведочные работы, предоставившие очень скромные материалы, позволившие только выделить их среди других памятников. Но и в послевоенное время крупные раскопки были проведены лишь небольшого количества феодальных замков.

Среди почти сорока западнорусских населенных пунктов, названных в письменных источниках городами, большая их часть представлена незначительными по своим раз-

мерам укрепленными владельческими княжескими замками или боярскими дворами-усадебными сельского типа.

Они могли сильно отличаться друг от друга, поскольку сословие бояр было далеко не однородно по своему политическому весу и состоятельности. Некоторые из таких поселений можно было бы условно назвать городами замкового типа. В литературе их иногда относят к малым городам. Некоторые из них упомянуты как место постоянного или временного пребывания в них князя.

Полученный во время раскопок вещевой материал из этих поселений по многим показателям не отличается от городского, поскольку их обитатели были тесно связаны с городом.

Поселения этого типа объединяет ряд общих признаков: основываясь на данных археологических исследований и раскопок, к городам замкового типа можно было бы причислить упомянутые в письменных источниках как «города» Браслав, Давид-Городок, Клецк, Копысь, Мстиславль, Рогачев, Речицу, Свислочь, Стрешин, Пропойск (Славгород), Чечерск и др. Легко заметить, что сами имена некоторых из них указывают на владельческий характер этих поселений.

Возникнув как замки, некоторые из них могли со временем развиваться в города, стать их детинцами или местом пребывания князя. В начальном периоде своей истории княжескими замками могли быть Волковыск, Брест, Заславль, Лукомль и некоторые другие известные по летописи пункты, которые позже стали городами.

Города замкового типа могли выполнять военно-административные функции, быть летними резиденциями князей, местами охотничьих развлечений, деловых встреч и переговоров с другими князьями.

Группа небольших городищ, подпадающих под категорию владельческих замков, была выделена археологами и исследована в Северо-Восточной Беларуси. Это — Германы, Черкасовское, Шавнево, Устье, Стражево, Старо-Борисов. Опишем результаты их археологического изучения (рис. 7.64).

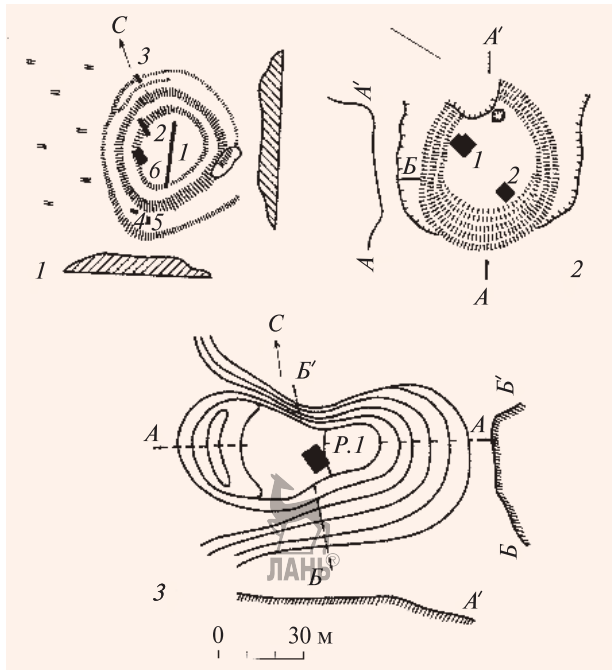

Рис. 7.64. Планы поселений замкового типа Северной Беларуси: 1 — Черкасовское; 2 — Устье; 3 — Стражево

На Германовском городище (Дубровинский район Витебской области) даже при незначительном объеме раскопочных работ были найдены предметы вооружения, обломки стеклянных браслетов, ключи и замки древнерусского времени.

По-видимому, такими же небольшими замками сельского типа были укрепленные поселения Стражево и Устье. На небольшом мысового типа городище Стражево (Бешенковичский район) небольшие разведочные раскопки дали вещевой материал, схожий с материалом из Германовского городища.

Городище у д. Устье расположено на высоком мысу коренного берега р. Днепр. Его размеры — 50×40 м. С напольной стороны городище укреплено искусственным валом дугообразной формы. Естественными укреплениями были глубокие (до 20 м) овраги. На городище вскрыто 200 м^2 .

Древнерусским напластованиям предшествует культурный слой раннего железного века. Замок же возник здесь в XI в. В древнерусском материале много стеклянных браслетов. Некоторые изделия из железа имеют покрытие медью. Из предметов, связанных с хозяйственной деятельностью, отметим мотыгу и блесну. Особую ценность представляют находки, характеризующие поселение как феодальный замок. Это предметы вооружения и оснащения конного воина и боевого коня: навершие рукоятки меча, шпора и инкрустированное цветным металлом стремя, псалий и удила. Найдены изделия из цветного металла: чаша, пластинчатый перстень, подковообразные фибулы.

К владельческим замкам следует отнести и городище у д. Шавнево, на котором в конце XIX в. был найден клад, содержащий серебряные украшения древнерусского времени. Часть вещей из клада попала в Исторический музей в Москве. В нем имелись серьги, пряжки, браслеты и гривны. Поскольку археологические раскопки выявили на городище наличие культурного слоя домонгольского времени и материалы явно городского типа, наиболее вероятным представляется, что вещи из клада принадлежали лицу, проживавшему на этом поселении. Небольшие размеры городища позволяют отождествить его с остатками владельческого боярского двора-замка.

Поселение было устроено на мысу левого берега р. Каменки. В плане оно имело форму, близкую к треугольнику, что характерно для мысовых городищ. Площадка размерами 45×40 м с напольной стороны была окружена невысоким валом. На городище вскрыто 170 м^2 , раскопана часть жилой постройки. Кроме предметов хозяйственного назначения в раскопках было найдено оружие, украшения из цветных металлов и стекла. На днищах некоторых горшков имелись отпечатки знака Рюриковичей. Возникновение замка датируется XII в. Городище у д. Черкасово расположено на р. Почалица (приток р. Оршицы). Поселение здесь возникло еще в третьей четверти I тыс. н. э. и было обнесено кольцевым валом. В древнерусское время площадка городища была использована под замок. Городище было расширено и обнесено по краю новым дугообразным валом.

Новое поселение не выросло из предыдущего. По типу и составу находок оно может быть идентифицировано с владельческим феодальным замком. В раскопках были найдены свинцовая пломба, амфорка киевского типа, пластинчатый браслет, литой рубчатый перстень, накладки, железная булавка с кольцом скандинавского типа. находка привозных амфор на небольших укрепленных поселениях древнерусской поры традиционно считается показателем принадлежности поселения к феодальным замкам.

Типичным замком с оригинальной системой укреплений было древнерусское поселение Индура в Гродненском районе (рис. 7.65). Оно было устроено на высоком холме в 500 м от реки. Его площадка в плане близка к кругу диаметром около 18 м. Она защищена валом и рвом. На некотором расстоянии от него имелось еще два кольца валов (средний вал сохранился частично). Культурный слой имел мощность $0,7\text{--}0,8$ м и был достаточ-

но насыщен находками. Помимо древнерусской керамики на городище найдены серпы, жернова, зерно, много костей домашних животных. Все это обычные находки, без которых невозможно представить ни одно поселение. Однако о его замковом характере, помимо системы укреплений, свидетельствуют предметы вооружения: наконечники стрел (в том числе арбалетные) и, что особенно важно, обязательный атрибут всадника — шпоры. Украшения и детали костюма представлены браслетами, фибулами, пряжками.

Следует, однако, отметить одну странную деталь: в материалах отсутствуют стеклянные браслеты и шиферные пряслица. Последние здесь представлены глиняными биконическими пряслицами. Если бы не типичная древнерусская керамика, поселение можно было бы отнести к послемонгольскому периоду, когда уже вышли из употребления и стеклянные браслеты, и шиферные пряслица. Наводит на мысль о более позднем времени его возникновения и система укреплений. Никаких остатков стен в раскопках не было выявлено; сами валы насыпались из песка и гравия и, очевидно, должны были воспрепятствовать установке камнететельных орудий.

К богатым частновладельческим поселениям замкового типа позволяют отнести материалы раскопок городища в Свислочи Осиповичского района. Хотя впервые Свислочь упомянута только в письменных источниках, относящихся к XIV в., раскопки показали, что замок был возведен здесь на рубеже XI—XII вв. и с самого начала отмечен типичной городской культурой. Он был построен в важном со стратегической точки зрения месте: на высоком (до 10 м от основания) мысу при впадении р. Свислочи в Березину — и контролировал водные пути вверх по этим рекам, прикрывая путь по Свислочи к княжеским городам Минску и Заславлю, а по Березине — к Борисову. Место это было настолько привлекательно, что уже в железном веке на нем возникло городище культуры штрихованной керамики. Однако в древнерусское время форма городища была подвергнута значительной реконструкции: несколько расширена площадка, придана большая крутизна склонам, с напольной стороны насыпан мощный земляной вал и вырыт ров, ширина которого достигала 22 м, а глубина — 6 м. Естественная конфигурация мыса определила форму городища, близкую к треугольнику. Общая площадь замка составила приблизительно 700 м², но за вычетом той части, которая была занята под вал, реальная жилая территория была значительно меньше. Раскопками было исследовано больше 2/3 жилой площади замка. Земляной вал опоясывал поселение с северной напольной стороны. На внутреннем склоне прослеживались обгоревшие бревна, возможно от сгоревшей навальной стены.

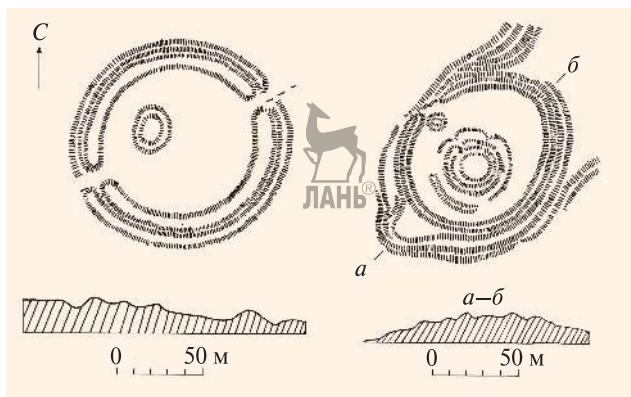

Рис. 7.65. Планы городищ Замечек и Индура

К сожалению, несмотря на значительный и насыщенный находками культурный слой, сохранность в нем органических веществ практически нулевая. Весьма сильной коррозии подверглись изделия из железа, очень окислились и разрушились предметы из цветного металла.

Остатки деревянных построек представлены отдельными подгоревшими плахами, участками обугленных дощатых полов и глинобитными печами, в основании стен которых использовался крупный камень. Некоторые печи, похоже, были сооружены за пределами построек. Плохая сохранность дерева построек не дает возможности детально реконструировать планировку и застройку замка, оставляя лишь самые общие впечатления на этот счет. Одно можно сказать: застройка осуществлялась исключительно наземными сооружениями из дерева. Зато обильный вещевой материал не оставляет никаких сомнений в принадлежности поселения знатному и весьма состоятельному феодалу.

Как и при раскопках любого населенного пункта, найдены предметы, характеризующие хозяйственную деятельность и быт обитателей замка. С сельскохозяйственными занятиями связаны находки обломков сошников, мотыги, серпов, косы-горбуши, жерновов, порхлица. Железные изделия представлены также топорами, долотом, ножами, ножницами, иглами и проколками, кресалами. С рыболовством связаны рыболовные крючки, гарпуны, грузила. Очень много шиферных пряслиц.

Вместе с тем местная ремесленная деятельность в материалах раскопок практически не представлена. Однако, помимо предметов, связанных с хозяйственной деятельностью и бытом, в раскопках найдены вещи, хорошо характеризующие социальную специфику поселения. Это прежде всего оружие и снаряжение воина: наконечники копий и стрел, боевой топор, половинка головки булавы с пирамидальными шипами, кистени, пластина от доспеха, шпоры. Найдены предметы оснащения верхового коня (удила с псалиями). Большую группу составляют привозные изделия из стекла: браслеты, перстни, бусы, обломки посуды. Найден стеклянный флакон (рис. 7.66). Хорошо представлены изделия из бронзы: посуда, украшения (браслеты), предметы христианского культа, среди которых следует назвать энколпион. Далеко не рядовой находкой является костяная шахматная фигура ладьи.

Рис. 7.66. Стеклянный флакон из Свислочи

О состоятельности обитателей замка свидетельствуют многочисленные находки замков и ключей. Отсутствие письменных свидетельств не позволяет точно определить Свислочь как княжеский замок, хотя его стратегическое положение вполне допускает такую мысль. Смущают, однако, небольшие размеры поселения, которые, впрочем, были обусловлены естественным рельефом местности.

К северу от Свислочи на р. Березине расположен Борисов, основанный, по некоторым сведениям, в 1102 г. полоцким князем Борисом Всеславичем.

Остатки древнерусского поселения были открыты и изучены в местечке Старо-Борисов, недалеко от современного Борисова. Позднейшая застройка скрыла его первоначальные черты, что затрудняет его интерпретацию, но

по ряду признаков представляется возможным отнести его к феодальным замкам. С этим памятником связывают первоначальный Борисов.

Старо-Борисов расположен на левом берегу Березины. В нем недалеко от озера, рядом со старицей вытекающего из него ручья имеются остатки древнего городища овальной формы. Его размеры – 150×80 м. Площадка городища возвышается над заболоченной поймой на 8–10 м. Древний вал на поверхности не просматривается. За пределами городища заметен искусственный ров. Возможно, городище было устроено на конце мыса (рис. 7.67). Мощность культурного слоя составляет 0,8 м. Несмотря на плохую сохранность органических веществ, удалось проследить остатки двух небольших построек.

Основной комплекс замковых построек пока открыть не удалось, зато вещевой материал не оставляет сомнений, что в нем проживал феодал и это была владельческая усадьба. Об этом свидетельствуют не предметы, связанные с хозяйственной деятельностью (топор, два серпа, коса-горбуша, острога с одним зубом, шиферные пряслица), которые обычны для любого древнерусского поселения, а предметы личного пользования владельца замка. Среди находок нужно особо выделить золотое трехбусинное височное кольцо весом 4,5 г, украшенное сканью (рис. 7.68). Украшения и детали костюма также представлены полой зооморфной шумящей подвеской XII–XIII вв. из серебра или биллона, тремя подковообразными бронзовыми фибулами, костяными гребнями. В раскопках найдены стеклянные браслеты, дно стеклянного сосуда типа ритона, несколько обломков красноглиняных амфор. Предметов вооружения немного, но они типичны для феодального замка: кистень, наконечники стрел, шпоры.

К сожалению, пока практически не исследована система укреплений замка.

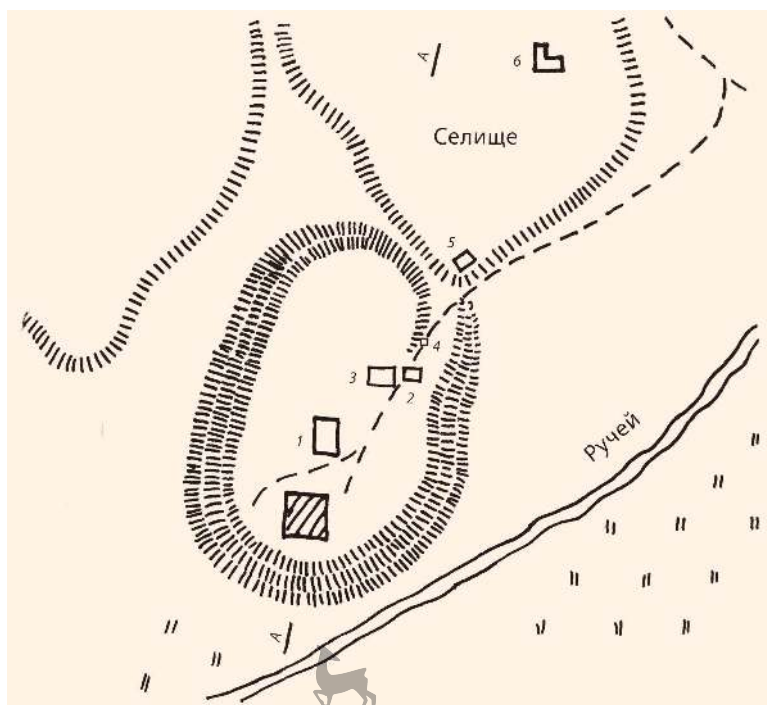

Рис. 7.67. План городища Старо-Борисов

Рис. 7.68. Золотая серьга из Старо-Борисова

известное в литературе под названием «Замэчек», находящееся недалеко от Заславля, около д. Гуры. В плане оно имеет почти циркульную круглую форму диаметром около 100 м, что окружена высоким валом, достигающим 5 м. Народная легенда безосновательно связывает городище с могилой Рогнеды.

В раскопках была найдена только керамика первой половины XI в. Точно такая же имеется в поле за пределами вала. Напрашивается вывод, что укрепления были насыпаны на месте существовавшего до этого селища, но сам «замок» по неизвестной причине не использовался, и в нем не отложился культурный слой, присущий культуре феодального замка.

Культурный слой с материалом, тождественным по своему характеру с замковым, продолжается и за пределами городища. В небольших по масштабу раскопках были найдены стеклянные браслеты, две бусины, дно стеклянного сосуда, бубенец с линейной прорезью, крупная бронзовая пустотелая зерновая бусина, смальтовый кубик синего цвета и ручка амфоры с процарапанной на ней буквой *B*. Это очень похоже на городской посад. Если это так, то Старо-Борисовское городище следует исключить из боярских укрепленных усадеб сельского типа.

Хрестоматийным по плану и оборонительному валу «замком», на который давно обратили внимание исследователи, было городище,

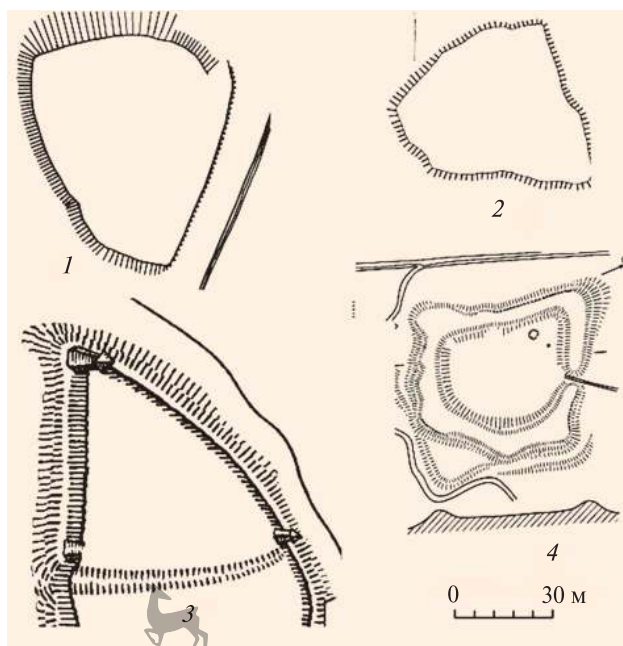

Рис. 7.69. Планы верхнеднепровских замков: 1 – Рогачев; 2 – Свислочь; 3 – Копысь; 4 – Орша

На великом водном пути «из варяг в греки» расположено несколько летописных городов: Орша, Копысь, Стрешин, Рогачев (рис. 7.69), — а между ними несколько не упомянутых в письменных источниках типичных замков, в том числе раскопанные археологами Зборов и Вишин. Как ни странно, все они, даже летописные города, в древнерусское время были очень небольшими поселениями и не успели тогда развиться в настоящие города с ремесленно-торговыми посадами. Тем не менее все они дали типичный городской и очень сходный по составу вещевой материал. Отметим, что сохранившиеся в Копысе мощные земляные укрепления с бастionsами, вероятно, были насыпаны позднее и видоизменили систему первоначальных укреплений. В Копысе в слое XII в. найдена оригинальная бронзовая подвесная иконка в виде фигур святых Бориса и Глеба (рис. 7.70).

Наиболее интересные результаты в изучении поселений замкового типа были получены в раскопках Зборовского и Вишинского городищ.

Городище около д. Зборов в Рогачевском районе стало первым памятником боярских замков сельского типа, раскопанным большой площадью (рис. 7.71).

Городище Зборов расположено на правом коренном берегу Днепра, возвышающемся над поймой на 17–18 м. Площадка имеет полукруглую форму (50 × 58 м) и отделена от плато земляным валом высотой до 4 м и шириной у основания 15 м, а также рвом глубиной 2,5–3 м. Исследованная площадь составила 473 м². Мощность культурного слоя неодинаковая. Около вала она достигает 1,6 м, в центре городища — приблизительно 0,5 м. Замок был сооружен на городище милоградской культуры. Несмотря на плохую сохранность органических веществ, удалось обнаружить остатки двух небольших деревянных построек. В одной из них выявлен развал глинобитной печи. Вещевой материал — явно городского типа, в частности, найдены стеклянные браслеты, обломки бронзовых браслетов, привозной стеклянной посуды. Особого внимания заслуживают находки бронзового энколпиона и обломок бронзовой чаши с выгравированным на ней изображением женщины и надписью на латинском языке, что свидетельствует о западноевропейском происхождении изделия. Представляет интерес обломок литейной формы. Занятие ювелирным делом кажется несколько странным для обитателей феодальной усадьбы, но, как свидетельствуют раскопки других подобных поселений, они имели место и в других замках. Предполагается, что замок мог быть резиденцией рогачевских князей, но доказать это невозможно, как невозможно говорить и о наличии в Рогачеве в этот период своих князей. Вещевой материал хорошо датирует замок XII–XIII вв.

Однако крупнейшие раскопки феодальных замков Западной Руси, материалы которых наиболее ярко раскрыли сущность этого

Рис. 7.70. Иконка святых Бориса и Глеба (Копысь)

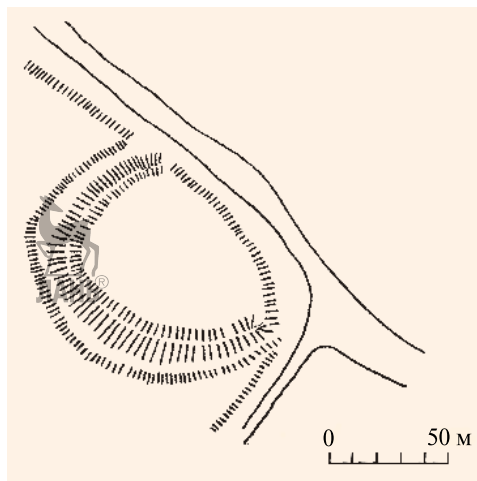

Рис. 7.71. План городища Зборов

вида владельческого поселения, были проведены в 1976–1985 гг. около д. Вишин в Рогачевском районе. Городище прекрасно сохранило свои внешние признаки. Площадка размером 0,63 га была отделена от плато правого высокого берега Днепра тремя кольцами земляных валов высотой в 2,5–3 м и глубокими рвами между ними.

Городище приобрело форму, близкую к полукругу. В дополнение к искусственным земляным укреплениям его защита была усилена глубоким оврагом, выходящим к пойме реки с южной стороны (рис. 7.72).

Толщина культурного слоя колеблется от 0,4 (в центре площадки) до 1,5 м (по краям). Хотя в раскопках попадался мелкий кремь, в том числе со следами обработки, а также каменные полированные топорики, этот ранний слой стратиграфически не выделяется, и вся толща культурных наслоений от материка до поверхности практически связана с раннефеодальным периодом. Как показали раскопки, в середине XIII в. замок был разрушен, сожжен и прекратил свое существование. Культурный слой древнерусского времени почти не осложнен никакими более поздними наслоениями и выходит к самой поверхности. Древнерусские находки содержатся прямо в дерновом слое. Создается необыкновенное ощущение, что обитатели замка только-только покинули его.

Раскопками было исследовано больше половины всей площади замка (2820 м²). Однако если учесть, что почти половину общей площади замка занимали укрепления, то основная жилая часть оказалась исследованной почти на 2/3 ее площади (см. рис. 7.72). Чернобыльская трагедия помешала раскопать памятник до конца.

Как выяснилось, замок в период междоусобиц подвергся разрушению и разграблению. Археологам досталось лишь то, что не было найдено и унесено захватчиками. Кроме того, городище долгое время распахивалось, что привело к значительному перемещению культурного слоя и разрушению большей части остатков сторевших сооружений замка.

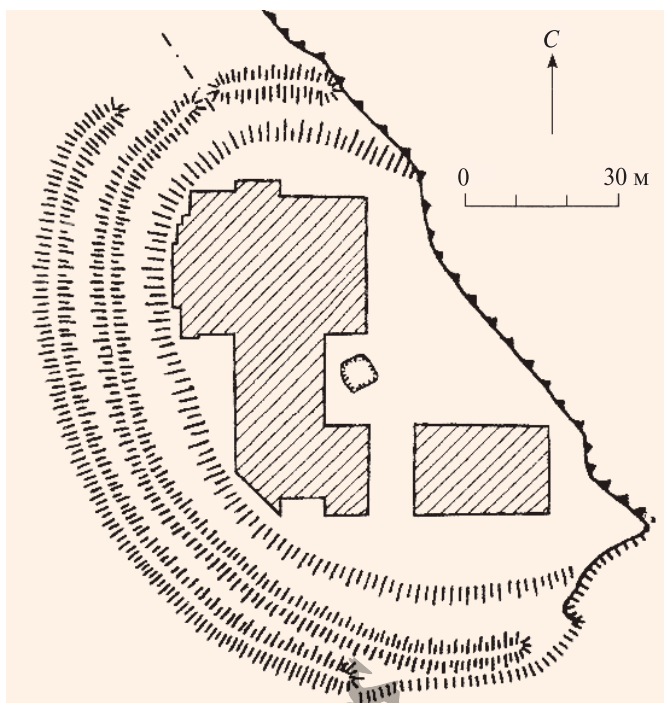

Рис. 7.72. План городища Вишин с показом раскопанной на нем площади

На гребне невысокого внутреннего вала (рис. 7.73), шедшего по краю площадки, были выявлены и исследованы на протяжении 30 м остатки сгоревшей оборонительной стены. Она представляла собой линию бревенчатых трехсменных срубов длиной 5–5,5 м с очень короткими боковыми стенами (приблизительно 1,2 м). Толщина бревен – 18–23 см. В местах сочленения в верхней стороне бревен вырубались чашки. При помощи небольших плах боковые стены одного сруба скреплялись с боковыми стенами двух соседних срубов, образуя достаточно прочную и устойчивую конструкцию. Стена была поставлена поверх земляного вала и не имела нижних подземных частей. В некоторых местах от стены сохранились 3–4 бревна. С внешней стороны нижние бревна были присыпаны плотной глиной, из которой насыпался внутренний вал. С тыльной стороны на валу около стены встречались скопления крупных камней, а также глиняной обмазки с отпечатками плоского дерева. В одном месте глина с обмазкой распространялась сплошной полосой 1 × 3 м параллельно стене на расстоянии около 1 м от нее.

Возможно, вдоль стены шел деревянный помост. Есть основания предполагать, что стена могла состоять из двух ярусов.

Два внешних вала не имели деревянных стен. Очевидно, их задача состояла в том, чтобы не позволить осаждавшим установить камнеметные орудия в пределах досягаемости снарядов или тараны для разрушения замковых стен. Существует мнение, что городища, укрепленные тремя параллельными линиями валов и рвов, распространились на Руси в связи с изобретением камнеметных машин не ранее первой половины XIII в., когда произошли изменения в тактике захвата укрепленных поселений. Поскольку Вишинский замок, как показали раскопки, возник на рубеже XI–XII вв., можно предположить, что в XIII в. замковые укрепления по этой причине были подвергнуты модернизации и именно тогда появились внешние валы, которые, однако, не спасли его. В раскопках были выявлены следы сгоревших деревянных однокамерных срубных построек, почти все из них располагались вдоль вала. В некоторых храмились остатки дощатого пола и развалы печей, что позволяет отнести их к жилым постройкам.

Рис. 7.73. Вид на один из наружных валов Вишинского городища

Среди материалов раскопок особо выделяется серия предметов, связанных с военным бытом (рис. 7.74). Они как нельзя лучше указывают на замковый характер поселения. Это бронзовое перекрестье меча, булава с пирамидальными шипами, шаровидный кистень, обрывки железных кольчуг, пластины от панцирного доспеха, наконечники стрел и копий. Тяжеловооруженным всадникам принадлежала серия шпор. Найдено несколько целых стремян, которыми оснащался верховой конь тяжеловооруженных рыцарей (рис. 7.75).

Очень хорошо в материалах раскопок представлена хозяйственная жизнь обитателей замка: три целые мотыги, обломки сошников, кос и серпов, деревообрабатывающий инструментарий и др.

Рис. 7.74. Фигурка всадника (Вишин)

Совсем неожиданным оказались материалы, которые свидетельствуют о пребывании в замке высококвалифицированного ювелира. Ему, очевидно, и принадлежали найденные в раскопках льячка, заполненная бронзой, матрица для изготовления подвесок, имеющих форму лилии, небольшая матрица для оттиска бляшек рясны и две массивные матрицы, на которых изготовляли пластины для колтов (рис. 7.76). На них изображен барс. Частыми находками были свинцовые пластины, которые могли использоваться для изготовления эмалей.

Рис. 7.75. Оружие из Вишинского замка

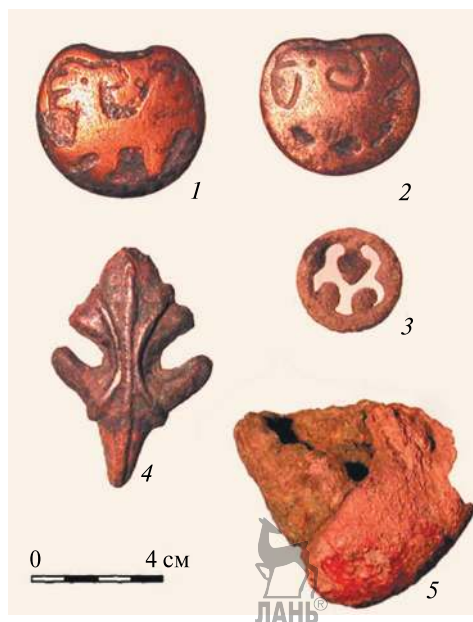

Рис. 7.76. Матрицы и льячка из Вищина:
1–4 – матрицы; 5 – льячка

Уникальным открытием стал клад дорогих украшений и денежных серебряных слитков, спрятанный в неглубокой ямке между камней около городской стены (рис. 7.77). В его состав входили два колта с двусторонним изображением птиц, выполненным техникой перегородчатой эмали, звездчатый шестиконечный колт, колт с ажурной каймой и изображением двух птиц и крина, две рясны, состоящие из конической верхушки со свисающими цепочками, к которым прикреплены бляшки, массивный серебряный браслет, крученный из трех жгутов со щитковыми концами в виде стилизованных головок, широкий серебряный, позолоченный двусторчатый пластинчатый браслет с выгравированными изображениями и орнаментом, четыре клиновидные птицы. В состав клада входили также серебряные слитки – гривны (рис. 7.78), выполнявшие функцию денег. Три из них относятся к новгородскому типу гривен, девять – к литовскому и шесть гривен – к киевскому.

Рис. 7.77. Вещи из вишинского клада

Рис. 7.78. Денежные слитки (гривны) из вишинского клада

Столь же уникальными были находки на городище двух свинцовых вислых печатей-пломб (рис. 7.79), принадлежавших одному из Мономаховичей, смоленскому князю Мстиславу Ростиславичу Храброму, что может свидетельствовать о тесной связи хозяина Вишинского замка со смоленскими князьями, возможно о его вассальной зависимости от них.

Раскопки Вишинского замка обнаруживают значительную имущественную дифференциацию среди его обитателей. Это, в частности, хорошо просматривается по находкам украшений.

С одной стороны, вещи из клада могли принадлежать только очень состоятельной женщине, а предметы вооружения, несомненно, указывают на рыцарский сан их владельца. С другой стороны, некоторые найденные украшения (например, височные кольца из простой медной проволоки) могли носить обычные сельские женщины. Наряду с феодалом и членами его семьи в замке проживали его телохранители и оруженосцы, слуги и холопы. Но не приходится сомневаться, что значительная часть обслуживавших замок людей жила не столько в самом замке, сколько за его пределами, в селе. В замке же проживали грамотные люди, умевшие писать и читать. Было найдено два писала: типичного инструмента для обучения письму на дощечках, покрытых воском, и для письма на бересте. Процарапанные буквы и знаки имелись на пряслицах, которыми пользовались только женщины. На одном из них процарапаны буквы *И А Б В Г Д*. За исключением буквы *И*, знаки расположены в правильном алфавитном порядке.

Таким образом, в материалах вишинских раскопок прекрасно представлены все категории вещей, присущих феодальному замку. Следует, однако, заметить, что при столь широком разнообразии находок, включающих и различный инструментарий, в них отсутствуют несомненные доказательства осуществления в самом замке ремесленной деятельности.

Остается без ответа и еще один вопрос: для чего владельцу феодального замка нужна была эта великолепная серия матриц, поскольку ни одного изделия, законченного или бракованного, изготовленного на этих матрицах, в обширном вещевом материале замка не имеется. Правда, как уже отмечалось, свидетельством каких-то работ, связанных с ювелирным делом, можно было бы считать найденную в раскопках льячку (хотя литейных форм не выявлено) и немалое количество свинцовых пластин. Так что использование этих предметов как бы подтверждает возможность занятия на поселении ювелирным делом. Но этого еще недостаточно для ответа на поставленный вопрос. Не принадлежал ли этот набор матриц какому-то приглашенному профессионалу-ювелиру, выполнявшему работу на дому у заказчика, но не успевшему по какой-то непонятной нам причине осуществить ее? Следует заметить, что некоторые обнаруженные в кладе вещи были отремонтированы. Другие нуждались в большем ремонте. Если бы владелец замка сам занимался ювелирным делом или имел собственного мастера, драгоценности не находились бы в таком плачевном состоянии.

Рис. 7.79. Свинцовая печать (Вишин)

По совокупности найденных артефактов время возникновения замка можно определить рубежом XI–XII или началом XII в., а время прекращения его функционирования – серединой XIII в., когда он был сожжен и разграблен. Погиб, наверное, защищая замок, и его владелец, не вернувшийся за спрятанным кладом. В Новгородской летописи под 1258 г. есть примечательная запись: «Пришла литва с полочанами к Смоленску и взяли Воищину на щит». Не только сходство названий и время разрушения, но и несомненная связь Вишинского замка со смоленским князем, о чем мы говорили, позволяют предположить, что замок и был той самой Воищиной, о которой рассказала летопись под 1258 г.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин, Д. А.* Полевая археология СССР : учеб. пособие / Д. А. Авдусин. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1980.
- Авдусин, Д. А.* Основы археологии : учебник / Д. А. Авдусин. М., 1989.
- Алексеев, Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.) / Л. В. Алексеев. М., 1966.
- Алексеев, Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. М., 2006.
- Артеменко, И. И.* Среднеднепровская культура / И. И. Артеменко // Совет. археология. 1963. Т. 2. С. 12–37.
- Археалогія Беларусі : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск, 1997–2001.
- Археология : учебник / под ред. В. Л. Янина. М., 2006.
- Арциховский, А. В.* Археологическое изучение Новгорода / А. В. Арциховский. М., 1956. С. 7–43. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 55).
- Богомольников, В. В.* Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / В. В. Богомольников. Гомель, 2004.
- Вяргей, В. С.* Археалагічная навука у Беларускай ССР. 1919–1941 / В. С. Вяргей. Мінск, 1992.
- Вяргей, В. С.* Сучасны стан і праблемы даследавання пражскай культуры ў Беларусі / В. С. Вяргей // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя : в 2 кн. / О. Н. Левко [и др.] ; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Беллец ; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск, 2019. Кн. 2. С. 14–61.
- Воронин, Н. Н.* Древнее Гродно: по материалам археологических раскопок (1932–1949 гг.) / Н. Н. Воронин. М., 1954. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 41).
- Гуревич, Ф. Д.* Древности Белорусского Поманья / Ф. Д. Гуревич. М. ; Л., 1962.
- Гуревич, Ф. Д.* Древний Новогрудок. Посад – окольный город / Ф. Д. Гуревич. Л., 1981.
- Гурина, Н. Н.* Древние кремнеобрабатывающие шахты на территории СССР / Н. Н. Гурина. Л., 1976.
- Даркевич, В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) / В. П. Даркевич. М., 1966. (Археология СССР. Свод археол. источников ; вып. Е1-57).
- Довженок, В. И.* Землеробство Древньої Русі. До середини XIII ст. / В. И. Довженок. Київ, 1961.
- Дук, Д. У.* Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.) / Д. У. Дук. Наваполацк, 2014.
- Дучыц, Л. У.* Браслаўскае Паазер’е ў IX–XIV стст.: гісторыка-археалагічны нарыс / Л. У. Дучыц. Мінск, 1991.
- Егорейченко, А. А.* Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. Минск, 2006.
- Загорульский, Э. М.* Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.) / Э. М. Загорульский. Минск, 1977.
- Загорульский, Э. М.* Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. Минск, 1982.
- Загарульскі, Э. М.* Заходняя Русь: IX–XIII стст. / Э. М. Загарульскі. Мінск, 1998.
- Загорульский, Э. М.* Вишинский замок XII–XIII вв. / Э. М. Загорульский. Минск, 2004.
- Загорульский, Э. М.* Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси / Э. М. Загорульский. Минск, 2012.

Загорульский, Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века / Э. М. Загорульский. Минск, 2013.

Загорульский, Э. М. Место носителей культуры длинных курганов в славянском этногенезе / Э. М. Загорульский // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 9 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 15–27.

Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. Минск, 1995.

Зверуго, Я. Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.) / Я. Г. Зверуго. Минск, 1975.

Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я. Г. Зверуго ; под ред. П. Ф. Лысенко. Минск, 1989.

Исаенко, В. Ф. Неолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко. Минск, 1976.

Калядзінскі, Л. У. Уводзіны ў археалогію : дапаможнік / Л. У. Калядзінскі. Гродна, 2013.

Калечиц, Е. Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии / Е. Г. Калечиц. Минск, 1984.

Калечиц, Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. Минск, 1987.

Калечиц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечиц. Минск, 2003.

Каргер, М. К. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города : в 2 т. / М. К. Каргер. М. ; Л., 1958–1961. Т. 1. 1958.

Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие : в 3 вып. / А. Н. Кирпичников. М. ; Л., 1966–1971. Вып. 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М., 1966 ; вып. 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М., 1971. (Археология СССР. Свод археол. источников ; вып. Е1-36).

Кирпичников, А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. М., 1973. (Археология СССР. Свод археол. источников ; вып. Е1-36).

Кларк, Дж. Г. Д. Доисторическая Европа. Экономический очерк / Дж. Г. Д. Кларк. М., 1953.

Клейн, Л. С. Археологические источники : учеб. пособие / Л. С. Клейн. Л., 1978.

Колчин, Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) / Б. А. Колчин. М., 1953. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 32).

Колчин, Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа / Б. А. Колчин. М., 1956. С. 44–137. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 65).

Колчин, Б. А. Дендрохронология Новгорода / Б. А. Колчин. М., 1963. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 117).

Коробушкина, Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. / Т. Н. Коробушкина. Минск, 1979.

Краснов, Ю. А. К проблеме эволюции рала (об одном широко распространенном заблуждении) / Ю. А. Краснов. М., 1970. С. 137–141. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 176).

Кухаренко, Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель. (Предварительное сообщение) / Ю. В. Кухаренко // Крат. сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та истории матер. культуры / Акад. наук СССР. М., 1957. Вып. 68. С. 90–97.

Кухаренко, Ю. В. Средневековые памятники Полесья / Ю. В. Кухаренко. М., 1961.

Кухаренко, Ю. В. Археология Польши / Ю. В. Кухаренко. М., 1969.

Левко, О. Н. Практическая археология : учеб. пособие / О. Н. Левко. Могилев, 2006.

Левко, О. Н. Витебск / О. Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск, 2010. (Древнейшие города Беларуси).

Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко ; науч. ред. В. В. Седов. Минск, 1974.

Лысенко, П. Ф. Берестье / П. Ф. Лысенко. Минск, 1985.

Лысенко, П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П. Ф. Лысенко. Минск, 1999.

Ляпушкин, И. И. Городище Новотроицкое / И. И. Ляпушкин. М. ; Л., 1958. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 74).

Ляўданскі, А. Н. Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі па даных археалогіі / А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарпавіч // Сав. краіна. 1932. № 5(19). С. 55–84.

Макарова, Т. И. Перегородчатые эмалы Древней Руси / Т. И. Макарова. М., 1975.

Макушников, О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. Социально-экономическое и этнокультурное развитие / О. А. Макушников. Гомель, 2009.

- Медведев, А. Ф.* Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев. М., 1966. (Археология СССР. Свод археол. источников ; вып. Е1-36).
- Мерперт, Н. Я.* Древности нашей земли / Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов. М., 1961.
- Мерперт, Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья / Н. Я. Мерперт. М., 1974.
- Митрофанов, А. Г.* Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.) / А. Г. Митрофанов. Минск, 1978.
- Монгайт, А. Л.* Рязанская земля / А. Л. Монгайт. М., 1961.
- Монгайт, А. Л.* Археология Западной Европы : в 2 т. / А. Л. Монгайт. М., 1973–1974.
- Поболь, Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. (Ранний этап зарубинецкой культуры) / Л. Д. Поболь. Минск, 1971.
- Поболь, Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. (Могильники раннего этапа зарубинецкой культуры) / Л. Д. Поболь. Минск, 1973.
- Поболь, Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. (Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.) / Л. Д. Поболь. Минск, 1974.
- Раппопорт, П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / П. А. Раппопорт. М. ; Л., 1956. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 52).
- Раппопорт, П. А.* Древнерусская архитектура / П. А. Раппопорт. СПб., 1993.
- Русанова, И. П.* Славянские древности VI–VII вв. / И. П. Русанова. М., 1976.
- Рыбаков, Б. А.* Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. М., 1948.
- Рыбаков, Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. М., 1982.
- Сарабьянов, В. Д.* Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески / В. Д. Сарабьянов. М., 2007.
- Седов, В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) / В. В. Седов. М., 1960.
- Седов, В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / В. В. Седов. М., 1970. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 163).
- Седов, В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. М., 1982. (Археология СССР с древнейших времен до Средневековья).
- Седов, В. В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование / В. В. Седов. М., 1999.
- Седов, В. В.* Славяне. Историко-археологическое исследование / В. В. Седов. М., 2002.
- Седова, М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. М., 1981.
- Сымонович, Э. А.* Городище Колочин I на Гомельщине / Э. А. Сымонович. М., 1963. С. 97–137. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 108).
- Тарасаў, С. В.* Полацк IX–XVII ст. Гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. Мінск, 1998.
- Тарасенко, В. Р.* Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) / В. Р. Тарасенко // Материалы по археологии БССР : сб. ст. / Акад. наук БССР, Ин-т истории ; ред. Е. И. Корнейчик, К. М. Поликарпович. Минск, 1957. С. 182–257.
- Ткачоў, М. А.* Замкі Беларусі (XIII–XVII ст.) / М. А. Ткачоў. Минск, 1977.
- Толочко, П. П.* Древний Киев / П. П. Толочко. Киев, 1983.
- Толочко, П. П.* До проблеми етнічної історії Київської Русі / П. П. Толочко // Український історичний журнал. 2001. № 3 (438).
- Толочко, П. П.* Киев и Новгород в X–XIII вв. Исторические очерки / П. П. Толочко. Киев, 2018.
- Третьяков, П. Н.* Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1953.
- Третьяков, П. Н.* Древние городища Смоленщины / П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. М. ; Л., 1963.
- Третьяков, П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. Н. Третьяков. М. ; Л., 1966.
- Третьяков, П. Н.* У истоков древнерусской народности / П. Н. Третьяков. Л., 1970. (Материалы и исслед. по археологии СССР ; № 179).

Формозов, А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке / А. А. Формозов. М., 1959.

Чарняўскі, М. М. Неаліт Беларускага Панямоння / М. М. Чарняўскі. Мінск, 1979.

Черных, Н. Б. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы / Н. Б. Черных // Проблемы абсолютного датирования в археологии : сб. ст. / под общ. ред. Б. А. Колчина ; Акад. наук СССР, Ин-т археологии. М., 1972. С. 33–112.

Шадыро, В. И. Ранний железный век северной Белоруссии / В. И. Шадыро ; под ред. А. Г. Митрофанова. Минск, 1985.

Шадыра, В. І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.) / В. І. Шадыра. Мінск, 2006.

Шмидт, Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III – VII вв. н. э. Тушемлинская культура / Е. А. Шмидт. Смоленск, 2003.

Шмидт, Е. А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков / Е. А. Шмидт. Смоленск, 2008.

Штыхов, Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. Минск, 1975.

Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. Минск, 1978.

Янин, В. Л. Я послал тебе бересту / В. Л. Янин. М., 1975.

Янин, В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование) / В. Л. Янин. М., 1981.

Янин, В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В. Л. Янин. Изд. 2-е. М., 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Часть 1. ОБЩАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Раздел I. ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ	6
1. Предмет археологии. Виды археологических памятников	6
2. Археологические разведки	17
3. Археологические раскопки	26
4. Кабинетные методы в археологии	35
Раздел II. КАМЕННЫЙ ВЕК	48
5. Ранний и средний палеолит	48
6. Поздний палеолит	59
7. Мезолит	70
8. Неолит	78
Раздел III. ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА	88
9. Бронзовый век	88
10. Ранний железный век	112
11. Раннее славянское Средневековье. Выход славян за пределы прародины	139
Раздел IV. РУСЬ	147
12. Возникновение Киевской Руси	147
13. Древнерусская деревня	159
14. Древнерусский город	167
15. Владельческие замки	186

Часть 2. АРХЕОЛОГИЯ БЕЛАРУСИ

Раздел V. НАЧАЛО ЗАСЕЛЕНИЯ	196
16. Палеолит и мезолит	196
17. Неолит	209
Раздел VI. ЭПОХА МЕТАЛЛА	224
18. Бронзовый век	224
19. Железный век	233
20. Раннее Средневековье	252
Раздел VII. ЭПОХА ДРЕВНЕЙ РУСИ	264
21. Расселение славян севернее Припяти. Археология деревни	264
22. Древние города Северной Беларуси	274
23. Древние города Южной и Западной Беларуси	290
24. Минск	308
25. Владельческие замки Западной Руси	324
СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	338

Учебное издание

Загорульский Эдуард Михайлович

АРХЕОЛОГИЯ

Пособие

Редактор *Д. В. Мацур*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Л. В. Жаборова*
Компьютерная верстка *К. В. Ждановой*
Корректоры *Д. В. Мацур, Е. И. Бондаренко*

Подписано в печать 31.01.2020. Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,73. Уч.-изд. л. 31,18.
Тираж 70 экз. Заказ 42.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.